

Александр *Малиновский*

собрание сочинений
том II

собрание
сочинений

II

Встречный ветер
Противостояние

Александр Малиновский

**Собрание
сочинений
в 7-ми томах**

Том второй

Российский писатель

2019

Малиновский А.С.

М19 Собрание сочинений. В 7-ми т. Т. 2. — М.: Издательский дом «Российский писатель», 2019. — 640 с.

ISBN 978-5-91642-194-1

ISBN 978-5-91642-196-5 (2 том)

Настоящее собрание сочинений является наиболее полным изданием замечательного русского писателя, известного учёного, крупного производственного руководителя Александра Станиславовича Малиновского.

Александр Станиславович Малиновский родился в 1944 году в с. Утёвка Нефтегорского района Куйбышевской области. Окончил Куйбышевский политехнический институт по специальности «Инженер химик-технолог» и прошёл путь от рабочего до генерального директора крупных нефтехимических заводов.

Доктор технических наук. Заслуженный изобретатель России. Член Союза писателей России. Автор более тридцати книг прозы и поэзии.

Награждён медалями Русской Православной Церкви преподобного Сергия Радонежского и преподобного Серафима Саровского. Лауреат всероссийских литературных премий «Русская повесть», имени А. Толстого, имени П. Ершова, имени И. Шмелёва, имени Э. Володина. Лауреат Губернской премии в области культуры и искусства. Награждён Почётным знаком «За труд во благо земли Самарской».

ISBN 978-5-91642-194-1

ISBN 978-5-91642-196-5 (2 том)

© Малиновская Л.П., 2019.

ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

История одной жизни

Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания – почка, из которой разовьётся их счастье...

А. И. Герцен

Спутали нас учёные люди.

Григорий Мелехов
(М. Шолохов. «Тихий Дон»)

Книга четвёртая

**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**

*Ручей среди сухих песков...
Куда спешит и убегает?
Зачем меж скудных берегов
Так стойко путь свой пролагает?*

И. Бунин

I

Молодость хороша ощущением пути. К этой мысли Александр Ковальский будет неоднократно возвращаться через три с лишком десятка лет. А пока ему двадцать четыре. Он сидит в светлом просторном кабинете главного инженера большого нефтехимического завода. Главный и его заместитель Самарин решают, в какой цех направить молодого специалиста.

«А насколько важно, в какой попаду? — успеваешь подумать Ковальский. — Много ли зависит только от этого?»

— Мы, кажется, прошлый раз говорили о втором? — произнёс главный.

— Да, но там уже есть два молодых специалиста. В этом году неплохой парень закончил вечернее отделение. И остался на рабочей должности. Ещё вот его, Ковальского, однокашник с месяц назад пришёл. Некий перебор, — ответил Самарин.

— Ничего. Перейти в другой цех никогда не поздно. А здесь он скорее почувствует пульс всего завода. — Главный цепко взглянул на Александра. — Какая тема диплома?

Ковальский назвал и добавил:

— Это ближе к четвёртому цеху... Где газоразделение...

— И во втором есть похожий процесс, — то ли возразил, то ли уточнил главный и посмотрел на заместителя, словно заставляя подтвердить сказанное.

Ковальский понял, что в этом кабинете, похоже, бывает прав только его хозяин и невольно чуть улыбнулся.

Самарин уловил улыбку и понимающе слегка кивнул.

— Оформляйтесь во второй, — сказал главный. И к Самарину: — Дайте команду отделу кадров.

— Хорошо, — отозвался тот.

Когда они вдвоём вышли из кабинета, Самарин обронил:

— В какой-то степени он прав: цех по набору процессов один из самых насыщенных. Многое там узнаешь. Может, как раз для тебя... Иди в кадры. Я позвоню.

* * *

Прошло четыре года, как Ковальский, уехав учиться на дневном отделении института, выселился из заводского общежития, а мало что в нём изменилось. В подвале — тот же теннисный стол. И вахтёры остались прежние, и комендант Нина Георгиевна.

Когда Ковальский сидел в её кабинете, дожидаясь, в какую комнату она его определит, раскрылась дверь и деловитой походкой, слегка подбоченясь, вошёл парень.

— Ковальский, ты ли?

Парень дружески обнял его за плечи и тут же всплеснул несколько раз над головой руками, будто тихо поаплодировал.

— А я, понимаешь, услышал, что будешь оформляться сегодня к нам, думаю: дай-ка перехвачу. Нина Георгиевна, можно я его к себе возьму, а? Мы с ним начинали вместе учиться. Хороший парень!

Только после этой фразы Александру стало понятно, кто перед ним.

— Свино... — пытался он вспомнить, — Николай?

— Так точно: Николай Васильевич Свинарёв. Мы были на одном потоке, только вы — совмещённые, а я на дневном начинал.

Говоря это, Свинарёв важно и осанисто двигался по кабинету. Карие глаза его смотрели на Александра упрямо и немигающе.

— Пойдёшь к нему? — комендант внимательно взглянула на Ковальского и чему-то улыбнулась.

— Ну, раз так, что ж выбирать... свои...

— Вот-вот, свои, — обрадовался Николай. — Давай в восемьдесят седьмую. Я буду в комнате!

Когда они остались одни, Нина Георгиевна почему-то переспросила:

— Пойдёшь?

Александр кивнул головой.

Сосед удивил Ковальского в первый же день.

— Как ты вылетел из института? — поинтересовался Александр мимоходом, разбирая свои вещи.

— Высшая математика подвела.

— Каким образом?

— Да, понимаешь, — доверительно пояснял Свинарёв, — в математике я ни бум-бум. Переверни дроби ногами вверх — уже не понимаю, что дальше и как? В этом деле сообразилька нужна.

— В высшей математике, вроде бы, дроби не самое главное...

— Я вообще говорю. Она вся с неожиданностями. Раз — и непонятно. Короче, из-за неё пострадал.

Вечером состоялся ещё один своеобразный разговор.

— У тебя вся тумбочка вузовскими учебниками за третий курс забита. Учишься в вечернем? Или заочном? — поинтересовался Ковальский.

— Как бы тебе это объяснить... — замялся Свинарёв.

— Готовишься восстановиться? У тебя академический?

— В том-то и дело, что отпуск два года назад, в шестьдесят шестом кончился.

— И что же?

Николай вздохнул и поглядел на собеседника так пристально и значительно, что Александру стало не по себе.

— Книги для авторитету!

— Какого?

— Ну, какого?! Я — общественник. Член комитета комсомола завода, член горкома. Мне лучше быть с дипломом. Рабочий класс — хорошо. Гегемон! Но теперь это уже не то.

— Что-то не понимаю, — Александр остановился около окна. — Ты учишься или нет?

— Нет. Но пусть думают, что учусь, понял? У меня всё спланировано. И тебе помогу по партийной линии сделать своё будущее — самое верное дело! Давай друг дружке доверять и помогать. У тебя и фамилия хорошая для этого. Не то что моя — Свинарёв. Ты знаешь, учёные говорят: имя и фамилия влияют на успехи в жизни. А мне от роду не повезло, и не моя она — отчима. Мать так состряпала. По отцу я — Давыдов!

«Опять врёт», — подумал Ковальский, но промолчал.

— Я тут для авторитета кое-что делаю. Понимаешь, слова собираю для лексику. Люди уважают того, кто слова мудрёные говорит. И я говорю, когда надо.

— Ну и какие же слова насобирал, — поинтересовался Ковальский.

— Какие? Например: адекватно, эйфория, инфантильность. И это... как уж... — прецедент. — Николай махнул горестно рукой: — каждый раз «нэ» буква втискивается! Мне говорили несколько раз об этом.

«Прохвост, очевидно, а мне жалко его почему-то, — думал, слушая соседа, Александр, — шелухой оброс».

II

Ковальский не торопился с экзаменом на допуск к работе начальником технологической смены. Изучал рабочие места аппаратчиков, машинистов, насосчиков, желая знать всё то, что потом пригодится. И поочерёдно сдавал экзамены, позволявшие самостоятельно действовать на разных участках цеха в качестве рабочего.

Это, в общем-то, обычная практика, но Ковальский после очередной сдачи некоторое время обязательно трудился на соответствующем месте. То же и у однокашника по институту Николая Гарина — Хризантемы, так его звали в группе. Только тот отставал от Ковальского на пару экзаменов.

Через полгода они получили допуск к работе начальниками смен, но мест свободных не было. Ковальский стал работать старшим, а Хризантема — рядовым аппаратчиком.

Принимал экзамены у них начальник цеха Чухвичёв, который пришёл в цех одновременно с ними. Задёрганный ежедневными заботами, он изучил производство хуже, чем они. Заместитель по технологии второй месяц болел. Забот прибавилось и новый начальник явно не успевал за всем.

Порой экзаменатор проявлял такое явное незнание технологии, что Ковальскому становилось за него неловко.

Приученный в цехе по производству полиэтилена, где работал до перехода на дневное отделение института, составлять развёрнутые материальные балансы, он и здесь, освоив все ра-

бочие места, легко это делал, что приводило Чухвичёва в замешательство.

— Всё! Довольно с меня! Выйдет заместитель, освобожусь немного, засяду за учёбу. Кое-что мне растолкуете, хорошо?

— Хорошо, — согласился Ковальский.

Чухвичёв до этого работал на соседнем заводе начальником вспомогательного цеха. А здесь громадное производство. Многое надо было осваивать заново.

Они и не предполагали, что через пять лет Чухвичёву придётся сдавать цех новому начальнику — Ковальскому. Но это когда ещё будет!

* * *

Нелегко работать в смену. Особенно четыре ночных подряд. Установки цеха, перерабатывая углеводородное сырьё, поступающее по железной дороге, подземным и наземным трубопроводам, выдавали его в технологические цепочки целого ряда производств завода. Цех определял ритм всего предприятия.

В одну из ночных вахт Ковальский поднялся на верхнюю площадку самой высокой установки. Он и раньше, когда проходил стажировку, бывал здесь. Но теперь на нём лежала ответственность начальника смены. А это совсем иное.

...Внизу светилось яркими огнями бытовое помещение, за ним — операторная. Через дорогу направо высилась тёмная громадина здания производства полиэтилена, слева — ярко освещённые помещения цехов газоразделения. Завод, состоящий из колонного, компрессорного, реакторного оборудования, из разной величины зданий, соединённых трубопроводными эстакадами, раскинулся окрест на четыреста гектаров. Огромные языки двух факелов в незначительном удалении от заводской ограды, полыхая, шумели, сливаясь с общим утробным гулом огромного заводского живого организма.

Вся эта громадина, с множеством зданий и сооружений, хитросплетениями эстакад, железнодорожных путей, продуктопроводов и полыхающими факелами завораживала и тревожила одновременно.

Александрю показалось, что он, как в детстве, находится на излюбленном месте — Бариновой горе. Такая перспектива внизу и вдаль! Широта и необъятность! Только летом там,

на Бариновой горе, внизу была светлая, в изумрудной зелени лента реки, а здесь другие краски: тёмные и жёлтые. А вместо сверкающего серебристого купола церкви буйствовал красно-рыжий плотоядный гудящий язык заводского факела. Будто жалил потускневшее небо.

Нет, это совсем другое. Здесь не было места ни деду Ивану, ни его раздумчивым словам. Здесь, на заводе, и люди другие. И говорят они по-другому. И об ином.

Он почувствовал, что похожее уже где-то видел. И вспомнил: ещё более пугающая картина стояла перед глазами, когда читал в тёмной книжице стихотворение поэта Михаила Герасимова. Её название было жутковатым — «Железные цветы». Поразившие его стихи он отметил карандашом и отложил книгу на тумбочку. Несколько раз потом, в комнате, проходя мимо, заглядывал на страничку с будоражащими, ошарашивающими строчками:

*Завод вонзил два рога
В седое брюхо туч.
От раненого бога
Сочится красный луч.
Он с облачной перины,
Пронзённый, без ребра,
Спустил свой лик старинный
В окладах серебра.*

«Ведь он безоговорочно признаёт существование Бога и так говорит о нём? И — с маленькой буквы! Что это? Жутко! Разве можно? — Эти мысли обжигали сознание. — Он предупреждает нас, всех живущих: недобровать всем гостям на Земле, если так будем вести себя по отношению к Богу? Или он сам так относится к Богу? Не понять...»

Александр долго не мог успокоиться, зная, что в его комнате есть эта книжка. С такими стихами... Лежит на тумбочке. А ведь написана так давно. И так давно обращена к людям. А кто услышал?

Теперь здесь, на тридцатиметровой высоте, глядя на ночной завод и ночное небо, Александр с содроганием понимал: да, человек вонзил рога в небо. Он и Землю вспорол тем же рогом или рогами. Человек переходит грань допустимого. Не о том ли

говорил лысоватый профессор Засекин, когда предвидел гибель цивилизации во всё разрастающемся техническом прогрессе?

И тут Ковальский спохватился: «Я смотрю на завод глазами своего деда. Но я — молодой специалист, нефтехимик. Ведь и в нефтехимию-то пошёл только потому, что она, и этот вот завод, создана для того, чтобы было всё целесообразно. Завод призван спасти природу, — нашёл Ковальский довод в пользу пыхтящего и свистящего огромного существа. — Назначение его — утилизация газов, образующихся после нефтедобычи. Претерпев переработку, они превращаются в фенол, ацетон и синтетический спирт, идущий, в конечном счёте, на получение каучука и резины. Логический, замкнутый цикл. Опять забываю, что платим недёшево, но за благо!.. Сколько сейчас факелов в Сибири! Нефтедобычу развернули, а газопереработки рядом нет. И трубопроводов, по которым можно было бы доставить газ на заводы, — нет. По железной дороге всё не увезёшь...».

— Верно ли мыслю? — проговорил вслух Ковальский. И сам же ответил: — Конечно, верно!

...Он успокоился и стал было спускаться, но остановился, вспомнив недавний случай.

Ему хотелось как можно больше узнать о заводе. Прослышав, что намечено включение отремонтированной факельной установки, напросился посмотреть.

— Факельное хозяйство у нас — целая система жизнеобеспечения. На каждом заводе, как правило, не менее двух факельных стволов: один — действующий, другой — в резерве. В обычном режиме на дежурную запальную свечу в час подаётся около полутонны лёгкого газа. Он обеспечивает постоянное горение. Это необходимо для того, чтобы в аварийной ситуации моментально сбросить газообразные продукты на сжигание, оберегая и оборудование, и людей, — основательно говорил оператор Андрей, с которым Ковальский отправился на факельную установку.

...Все операции по переключению они проделали успешно. Ковальскому даже доверили выстрелом из ракетницы в струю газа на тридцатиметровой высоте зажечь факел.

Когда ехали в автобусе назад, притихший Андрей попросил притормозить. Потом вышел и остановился у каких-то зарослей.

Присмотревшись, Ковальский увидел кладбищенские ограду и кресты. Вернувшись, Андрей сказал, будто извиняясь:

— Дед мой и бабка лежат, а там, подалее — шабры с нашей улицы.

— Как они сюда попали?

— Это деревенское кладбище. Тут наша деревня когда-то была. А теперь — очистные сооружения завода. Отхожее место, одним словом.

Голос его дрогнул.

— А где жильё?

— Когда завод строили, деревушку снесли...

Ковальскому стало не по себе.

— Там, — будничным тоном, уже в автобусе, махнул рукой Андрей, — за оградой, метров через двести — наш сад был. Вишни и сейчас стоят, почерневшие...

Автобус снова затрясло на ухабистой дороге.

«Сколько всего строится в стране, — невольно подумал Александр, — покупаем целые заводы за рубежом. Девиз: решительным рывком преодолеть техническое отставание от Запада. Здорово! Вот и контракт с концерном «Фиат» на постройку автомобильного завода, судя по газетам, всю реализуется. Через два года, в семидесятом, должен появиться в Тольятти наконец-то свой массовый отечественный легковой автомобиль. Но при таких масштабах наверняка сколько будет всего понаковеркано? Почему-то по-другому не умеем...»

* * *

...Ковальский постоял ещё немного на лестничной площадке, глядя на хищный огненный язык факела, от которого ветер доносил запах сероводорода, схожий с запахом тухлых яиц, и пошёл вниз. В голове крутилось: «Этот факел, как Змей Горыныч из детской сказки». Он и принимал, и отвергал такое сравнение. До конца осмыслению оно не поддавалось.

...Александр долго отсутствовал, надо было поторопиться. Вспомнив недавнее совещание, на которое был приглашён как председатель совета молодых специалистов, подумал: «В докладе начальник объединения говорил, что в текущем году на строительство очистных сооружений будет потрачено около девяти миллионов рублей. Но как восполнить уничтожение це-

лой деревни? На месте кладбища — заводские отстойники нечистот! Так ли должно быть? Начали строить «трикотажку», обнаружили братскую могилу красноармейцев, погибших в бою с белочехами, пришлось срочно перезахоронить...».

...Когда вошёл в операторную, там было всего трое рабочих.

— Где остальные?

— Кто где, но большинство чревоугодничают, — ответил старший аппаратчик Митясов. У него была такая манера: обязательно сказать необычно.

Ковальский посмотрел на часы: два часа ночи. Как правило, в это время либо в буфете соседнего цеха, либо здесь, у себя, все поочерёдно подкреплялись. Недавно придумали, как жарить картошку и коптить колбасу. Завернув в бумагу, кладут кульки с провизией в сумку из кирзы, сумку — на пышущий жаром паропровод.

Положенное во вредном цехе молоко как раз в кон! С картошечкой! Но картошечку можно и с салцом! И с такой вот колбасой — тоже неплохо.

Как-то Ковальский заметил, что перекусившие возвращаются подозрительно порозовевшими и притихшими, стараясь не привлекать к себе внимания. Всё открылось, когда вместе с одним из таких «перекусивших» перекрывал большую задвижку на эстакаде. От напарника пахло спиртным.

Тогда, спустившись на землю, Ковальский крепко отчитал провинившегося и попросил от его имени предупредить остальных, что выпивки не допустит. Пусть прекратят по-доброму. Без выяснения отношений.

...Сейчас догадывался, что где-то явно идёт «перекус». Но где? «Искать не буду, не ищайка же я? Но что-то надо делать», — соображал он.

...Дальняя дверь в операторную со стороны раздевалки открылась и вошёл один из сменных котельщиков — разбитной, но безобидный и безотказный в общем-то мальчик.

— Станиславич, пойдёте со мной?.. — проговорил он, испытываясь глядя на Ковальского.

— Куда?

Александр уже всё понял: «Кажется, провокация», — пронеслось в голове.

Парень, как мог, ответил:

— В бытовке, мы, это, ну, они, в общем... меня послали вас пригласить...

— Не в женской бытовке-то хотя бы, а? — произнёс Ковальский и отметил про себя: «Завожусь, кажется... Но не тютей же сейчас быть? Слопают».

Они вошли в бытовку. У стола, выдвинутого на просторное место меж шкафов, шесть человек. Так хорошо пахло свежеспечённой картошкой и горячей колбасой! Идиллия, да и только!

«Вот, черти, и машинисты здесь, и насосчики. Все рабочие места ослаблены, по одному человеку осталось. Рисковые ребята, однако! Случись неполадка, оперативности в переключениях не будет. Недалеко до беды!»

— Товарищ начальник, — от стола выдвинулся кареглазый, с широким плоским лицом Фёдор Абдулатипов. — По маленькой перед картошечкой, уважьте и не судите строго!

Фёдор говорил вкрадчиво, тихо. Смотрел цепкими глазами нагло и выжидательно.

«Только дай коготку увязнуть — по локоть оторвут. Выпей раз, второй уже не откажешься, либо не сможешь запретить. Проверяют, черти», — пронеслось в голове. Спросил:

— Что это? — и указал на бутылку из-под молока в центре стола.

Он угадал ответ.

— Спиртяшка заводской, но не думайте, что так себе. Пере-троенный — три раза перегоняли, по Менделееву. И очищенный — есть умельцы.

— Есть, есть, — подтвердили остальные чуть ли не хором.

Ковальский увидел, что форточка напротив открыта. «Только бы попасть — тогда будет эффект, а если в оконный переплёт или в стекло — конфуз».

Фёдор, перехватив его взгляд, враз понял: разливать не придётся. Потянулся за бутылкой, но Ковальский опередил, ухватив цепко пальцами за самую макушку, вырвал её из окружения душистой закуски.

— Хорошие мои! На природе, после работы с вами с удовольствием, а сейчас...

— Не попадёте! — упредил его Фёдор.

Все разом усталились на форточку.

— Какой натюрморт пропадёт, — дурашливо простонал парень, который звал Ковальского в бытовку.

Стол шириной в метр и от него до стены больше двух. Ковальский, приняв бутылку из левой руки в правую за доньшко, пообещал:

— Фёдор, беги, если с той стороны поймаешь — твоя. Возражений нет?

— Нет, начальник, не побегу — бутылка здесь грохнется.

— Посмотрим! — лицо у Ковальского хищно дёрнулось.

— Посмотрим, — как эхом, отозвался Абдулатипов.

Казалось, о выпивке забыли. Бытовка превратилась в маленькую спортивную арену с болельщиками. Хитрец Фёдор, поняв, что Ковальский всё равно пить не будет, увёл всех от общего поражения на одном поле, чтобы взять реванш на другом.

— Давайте! Чё медлите?!

Он ждал обструкции молодого начальника. Ковальский, не размахиваясь, как ядро, от плеча, толкнул бутылку в форточку. В мёртвой тишине прозвучало:

— Это последнее толкание ядра, второго раза не будет. Понятно?

Фёдор нашёлся первым — действительно, шельма! Захлопал в ладони. Его нестройно поддержали остальные.

Ковальский вышел.

Никогда «перекуса» больше в своей смене он не замечал.

* * *

Вскоре в одну из дневных смен диспетчер завода сообщил Ковальскому, что Самарин приглашает его после работы к себе.

...Александр вошёл в приёмную директора. Там была ещё одна дверь, чуть поменьше, нужная Александру. Не успел заговорить, как секретарь приветливо пояснила:

— Валентин Сафронович предупредил о вас. Как освободится — доложу. Садитесь. У него сейчас гость из Москвы.

Ковальский сел, огляделся. После приёма на работу и разговора у директора больше в этом светлом официальном помещении он не был. Но секретарь его запомнила. Это Александр отметил.

«Росточком ей, наверное, директор до плеча не достанет», — только успел расслабиться Ковальский, как дверь открылась и вышли два высоких, статных, улыбающихся человека. Самарин, прижимая ладонью рассыпавшуюся рыжую шевелюру, энергично говорил:

— ...отчёт по результатам испытаний пришлю с оказией недели через две...

— Хорошо, тогда мы всё успеем, — отвечал ладный, в светлом костюме собеседник, похожий на артиста Ланового. И белозубо улыбнулся. — Главный у себя? — спросил он секретаря.

— Да.

— Я гляну, — подавая руку Самарину, сказал «Лановой» и через мгновение пружинистой походкой вышел из приёмной.

— Ковальский, заходи, — пригласил Самарин.

Предложив сесть, он выдержал паузу и спросил:

— Как работается? Наверное, не ожидал: есть много и рутинного, и зряшного.

— Нормально.

— Все рабочие места освоил?

— Все.

— Это хорошо. — Он сел за стол, заваленный бумагами. — Понимаешь, нарациваются мощности. У вас в цехе перед твоим приходом вынужденно построили восьмую печь пиролиза. Тягой она более-менее обеспечена, смонтировали дополнительный дымосос. А вот, если девятую соорудить, хватит ли тяги без дополнительных дымососов и трубы? Печь должна быть производительностью не менее семи тонн по сырью. Недостаёт этилена, а строительство нового, более мощного производства затягивается. Посмотри методики расчёта у проектировщиков в отделе, в библиотеке...

— Я считал на кафедре в институте такие вещи. Мне знакомо.

— Тогда готов?

— Да! — подтвердил Ковальский. — Когда нужно?

— Как сделаешь — ко мне...

Александр действительно уже делал подобные расчёты. «Но почему это поручено мне? Есть же проектно-конструкторский отдел? Здесь что-то не то».

Он решил всё посмотреть внимательно. Со старшим аппаратчиком обследовал горелки на всех печах, осмотрел «бо-

ров» — большой, выложенный огнеупорным кирпичом и накрытый сверху железобетонными плитами канал в земле. По нему удалялись дымовые газы из печей.

И уже через две недели, сидя за знакомым столом, докладывал Самарину:

— По моим прикидкам, — Александр говорил намеренно без пафоса, решив, что так будет правильнее, — семитонную печь ставить можно.

— Где нашли дополнительную тягу?

— Сила тяги зависит от разницы температур после печи и на выходе из трубы, верно? — немножко смутившись, проговорил Ковальский.

— Допустим.

— Или от разницы давлений в тех же точках, коль давление есть производная температуры...

Самарин согласно молчал.

— Мы нашли у металлической трубы, которая когда-то была проложена вместо кирпичного подземного «борова», метров в пятнадцать неизолированный участок. Там — потеря тяги. Этот участок не виден, проходит между зданием и аппаратами. Его надо хорошо заизолировать — и все дела. Диаметр большой — тысяча миллиметров. На пять тонн нагрузки тяга есть.

— А на остальные? Где нашёл?

— Больше можно набрать, — не торопясь, ответил Ковальский, — недожог топлива в печах — потеря мощностей. Надо заниматься режимом горения. Потом многочисленные неплотности в печах и в самом «борове» тянут лишний воздух в систему... Если серьёзно поработать — и больше найдётся.

— Расчёты оставить можешь?

— Да, я подготовил пояснительную записку. Вот, тут и расчёты, и перечень мер.

...Прощаясь, Самарин встал из-за стола и проводил его до двери. «Как того «Ланового» из Москвы», — отметил про себя Ковальский.

Вернувшись к столу, Самарин потянулся к телефону. Через десяток секунд веско громыхнул в трубку:

— Дмитрий Михайлович, что же твои технологи-расчётчики, не выходя из кабинетов, не видя цеха, считают? Они у тебя привязаны к стульям? Чиновники!

— Не понял? — прозвучало на том конце провода.

— Заходи прямо сейчас, поймёшь...

...Через два дня, в дневную смену, начальник цеха Чухвичёв попридержал проходившего мимо Ковальского.

— Александр, как же это ты? Расчёты делаешь, резервы вскрываешь? И через голову руководства цеха действуешь, а? Не очень-то...

— Я не думал об этом. Поручили — сделал, — искренне ответил Ковальский.

— Ну-ну, — непонятно отреагировал Чухвичёв. — Не думал он... — И добавил уже более внятное: — Непохоже, что не думал...

III

Позвонила Влада Чарушина. Это — неожиданность для Ковальского.

— Вахтёр знала, что ты после ночной смены спишь, — пояснил посыльный, — но твоя знакомая упрямо требовала разбудить. Настойчивая. Говорит, вместе учились.

Спускаясь на первый этаж, Ковальский чувствовал, что будто идёт на встречу с уже, казалось бы, невозвратным прошлым. Взяв трубку, услышал бодрый и сочный голос:

— Ну, бирючина! Ты таким, вроде, не был. Спит, говорят! Прячешься, поди, от тутошних женщин. Уже запутался?

...Договорились встретиться. Она, оказывается, хорошо знала город. У неё здесь жила тётка, к ней изредка и наезжала.

«Что сделать, чтобы избежать разговора, подобного тому, который был в последний раз в общежитии, не дать повода к возобновлению прежних отношений?» — уныло думал Ковальский. Ему интересно было увидеть Владу, в этом он признался себе. Соскучился по однокашникам, по студенческому времени. А Влада оттуда, частица той жизни. Уже полтора года прошло, и ни разу никто не появился. Она — первая.

...— Ты знаешь, хочется выпить немножко за встречу, — произнесла Влада.

Ресторанный столик у окна, и Чарушина изредка поглядывала на улицу, словно кого-то ожидала.

— Давай, но только мне нельзя.

- Что так?
- Сегодня ночная смена.
- Скучно как...

Она так естественно огорчилась, что Ковальский вздрогнул: «Неужели думала, что приглашу к себе в общежитие?».

Александр непроизвольно для себя отметил, что перед ним красивая, очень эффектная женщина, которая осознаёт это и верит в себя. И пусть хоть десятки Ковальских будут равнодушны к ней — их дело. Она себе цену знает.

— Тогда и я не стану, — Влада потянулась за меню. — Тем более, я и не очень хотела, так...

Вырез светлой кофточки на её шее вытянулся, с левой стороны обнаружили узорчатая бретелька и край белоснежной сорочки. Будто несколько раз искусно отрепетировано. Так всё элегантно. И клинышек сорочки, и румянец на светлом лице, и влажные глубокие глаза могли в один миг привлечь мужской взгляд и заставить волноваться.

Ковальский отметил это спокойно.

Когда, приняв заказ, официант ушёл, Влада, как бы для порядка, спросила:

- Рассказывай, как тут развернулся...
- Работаю. Живу...
- Чувствую: скучно живёшь. А на личном фронте?

Он решил всё обозначить одним махом и сказал то, о чём промолчал тогда, в последнюю их встречу.

— У меня сын есть.

— Сын?! То-то я вижу, серый такой. Влип?! — На лице её обозначилось искреннее удивление: — Это когда же успел? Значит угадала, когда по телефону говорила, что прячешься. Развернулся в этом городишке пошире, чем в областном! — Она непринуждённо засмеялась. — Наконец-то тебя посадили на якорь. Нашлась одна. Я ей завидую — не промахнулась! Такой муженёк будет! Уж ребёнка-то не бросишь — женишься, как миленький. По-другому не сможешь. Ты в общем-то — потенциально положительный семьянин. Я поняла тебя. А донжуанство твоё возрастное, это пройдёт. Такие потом, перебившись, бывают очень смиренными. Надоела своим разговором, сидишь, позёвываешь?

— Просто я после ночной. И снова сегодня...

- Ты работаешь по сменам?
- Да, начальником смены в цехе.
- И надолго?

«Наверняка у неё кто-то есть, чувствуется. Уверена. Спокойна. Даже не стала уточнять про сына. Хорошо! Мне проще», — подумал он, не успев ответить на вопрос.

— Долго так собираешься работать? — переспросила она.

— Я не тороплюсь вверх. Хочется всё самому потрогать руками. Знаешь, нам по основному процессу, пиролизу, всего две лекции читали. А тут целая технология производства олефинов! От одного моего цеха зависит весь завод! Я забегаю в заводскую библиотеку: десятка два уже первоисточников посмотрел. Нам мало давали в институте. Общие принципы и навыки работы самостоятельно.

— Это и важно. Таким, как ты, упёртым, что ещё? Сам докопаешься. Ты — трудяга!

...Они беседовали не спеша. Многие вспомнили. Чаще — с улыбкой. Оказывается, она трудится в областном комитете по охране природных ресурсов. Но ей не нравится.

— Скоро уеду. Куда, пока не могу сказать... А наш Инок — в Казани со своим шефом. И уже в этом году будет защищать диссертацию. Каково? Вот нарезает обороты!

— Мы из неторопливых.

Она всё-таки выпила рюмку водки. И он оценил это как знак: «Прощается со мной».

На автобусной остановке Влада сверкнула глазами:

— Нарочно придумал, что тебе надо в ночь, чтобы от меня отделаться?

Александр опешил. Не мог понять, шутит или ей это действительно важно?

— Ладно, ладно — отпускаю. Всё! Теперь уже навсегда!

Когда подошёл автобус, Влада у всех на виду поцеловала его в губы, притянув энергично за ворот куртки. И вскочила на подножку. Красивая и чужая.

— Ну, вот и всё, — неопределённо произнёс Ковальский.

Весь остаток вечера он хандрил, но, когда приехал на завод и принял смену, открылось второе дыхание. Вернувшись утром и проспав полдня, удивился: встреча с Владой была будто и не с ним. А если и была, то как во сне. Или как уви-

денный в кино кусок чужой жизни... в их невольном исполнении... Кто-то, против его воли, сотворил эту встречу. Поди угадай, для чего...

IV

Через два дня после свидания с Владой, едва войдя в общежитие, Ковальский услышал незнакомый завораживающий голос. Этот голос доносился из красного уголка, дверь которого открыта. Ковальский быстро приблизился и заглянул: зал полон. Мужчина лет сорока, рослый и смуглый, читал стихи.

Поражал его необычно высокий лоб и уверенная, покоряющая интонация. Когда он закончил, все громко зааплодировали. Послышались возгласы: «Ещё!».

— Хорошо, — сказал человек с высоким лбом, — прочту.

И снова зазвучал выразительный голос:

*Многообразно зло природы!
Среди коричневых ночей,
Как тонкостенные триоды,
Мерцают головы врачей.*

*Он тоже вздрагивает,
Скальпель,
Он тоже, собственно, не бог!..
Перчатки содраны, как скальпы,
С усталых рук,
И левый бок*

*Щемит и жжёт —
Там бродит сердце,
Как непутёвая вдова.
Врачи, мои единоверцы,
Роняют горькие слова*

*О том, что снова опоздали.
В глаза не хочется смотреть...
И я смотрю в такие дали,
Что вижу собственную смерть...*

— Кто это? — негромко спросил Александр подошедшего вахтёра.

— Владимир Шостко, наш. А этих, которые за столом сидят, писателей не знаю. Кажется, Павлов и Вятский. Так в объявлении значится.

Ковальский потихоньку прошёл в конец зала и сел.

*...А где-то трещали фрегаты, фелюги
И вылезала наверх матросня
Крепить паруса,
Задраивать люки
И отпевать хриповато меня.*

Теперь-то он признал Шостко. Два его сборника у Ковальского были. Стихи поражали непохожестью на те, что обычно попадались на глаза. Но в своём общежитии увидеть поэта не ожидал, хотя и знал, что живут в одном городе и работает он врачом на «скорой помощи». Ему и в голову раньше не приходило попытаться встретиться.

Когда вечер закончился, Ковальский решил, что надо обязательно подойти к Шостко. Нельзя, чтобы так просто он ушёл. Живой поэт!

И подошёл.

— Владимир Владимирович, я — Ковальский Александр, инженер. Живу в этом общежитии, если не возражаете, можем подняться ко мне.

— Зачем? — бодро откликнулся поэт.

Ковальский сам удивился своему ответу:

— Поговорим. Есть водка и сало! Извините!..

Шостко непринуждённо расхохотался.

— И потом, я пробую писать стихи. Их накопилась целая тетрадка, — словно продолжая извиняться за грубую приземлённость сказанного, выдохнул Александр.

— Да? — Поэт посмотрел внимательно сверху вниз. — Тогда пойдём!

...«Не начинать же сразу со стихов», — думал Ковальский уже в комнате, доставая сало и водку.

Они выпили за знакомство и Александр подметил: «Пьёт, как нормальный мужик, и крикнул хорошо, по-русски».

— Владимир Владимирович, вы сейчас очень хорошие стихи читали, мне понравились. Но вот в сборнике вашем есть стихотворение, по-моему, называется «Монолог железа»...

— Есть такое! И вы помните?

— Я, может, что-то не понял, но вы говорите, что железо спасёт людей, мир?.. Это сомнительно. Есенин уже сказал, что, скорее, будет наоборот. И сам погиб от железного мира...

Шостко вскинул брови:

— Вы так прочли?

— Ну, да, а как иначе?

— Но там не мой монолог, а монолог железа...

*И дело моё прекрасно —
Сделать их неприступней,
Чтоб не дразнила убийцу
Незащищённость спин, —*

продекламировал поэт.

— А всё-таки?

— Доживём до... там у меня обозначен 3007 год — увидим.

Вышили ещё по одной и ещё...

— Сало хорошее. Откуда?

— Из деревни. Отец солил.

— Вы — деревенский?

— Да.

— Странно, по внешнему виду не скажешь...

— У вас тоже вид не соответствующий, — проговорил Ковальский. — Похожи на технического специалиста, заводского интеллигента.

Александр, спохватившись, ожидал, что гость воспримет его слова как дерзость и приготовился к этому. Но получилось наоборот.

— Молодчина, угадал мой комплекс. Я сам недоумеваю, куда меня занесло?..

«Он, кажется, несколько захмелел...» — про себя отметил Ковальский.

— Брат окончил авиационный и делает самолёты. У него, как у людей, нормальная жизнь... А я — поэт! — Он замолчал. Потом разлил по последней. Но пить не стал. — Сейчас прочту. Подожди водку трескать. Вот:

*Поэтами становятся не вдруг,
Вначале это как-то даже весело:
Две тыщи строк!*

*На ветер!
Для подруг!
И лишь одна — та самая. Поэзия!*

*А вот ещё одна! Ещё! Ещё!
Так вот они какие, муки творчества!
Лишь у подруги впадинами щёк
Стоят скупые слёзы одиночества.*

Вышли по последней и гость загорелся:

— Пойдём ко мне, у тебя больше нет — а у меня есть. Мне нравится с тобой разговаривать. Ты не поддакиваешь...

Ковальский попробовал отговориться, но Шостко настаивал. Вышли на улицу. Моросил мелкий дождь. Путь недалёкий. Поэт жил на площади около угрюмого кинотеатра имени XX партсъезда. Там цвели на газоне удивительные беленькие цветочки, медовый запах которых очень нравился Ковальскому.

Они шли по мокрому блестящему асфальту:

— Прочти своё, — почти приказал поэт.

Ковальский порылся в памяти и, не сразу решившись, прочитал:

*Я тополёк за пазухой принёс.
Я отогрел его в своей рубахе.
И вот теперь меня он перерос
И превзошёл и в силе, и в размахе.

И я в густой тени его сижу,
Перебирая жёлтый лист опавший.
Стоп: я на него сейчас гляжу,
Как на меня смотрел отец уставший.*

— Что за «стоп»? Александр! Вы же не на дрезине едете и не в машинном зале у компрессора стоите на вахте!

Было уже полночь и на пустынной улице голос гремел раскатисто:

— Нет в поэзии такого слова «стоп»!

Ковальский посрамлённо молчал, досадуя, что прочитал именно это стихотворение.

— Если мои не нравятся, слушай те, которые лучше моих, — объявил Шостко и звучно начал:

*Я уйду в заливные луга,
Там братан рыжих тёлоч пасёт,
И над тёплой землёю дуга
Семь цветов моей жизни несёт!*

— Иван Никульшин! Как и ты — деревенский! Каково, а?

— Хорошо, — убито отозвался Ковальский.

— У Ивана первая книжка выходит. И я — её редактор!

Когда ввалились в квартиру и включили свет, из приоткрытой спальни донеслось:

— Володя, ну сколько можно, ей-богу, второй час ночи!..

Они в одних носках быстренько проскочили на кухню и Шостко пояснил:

— Мы на днях у Иванова-Паймена хорошо одно событие отметили. Вот она и это самое...

Скворчала на сковородке колбаса. Хозяин достал рюмки. Ковальский думал, как же завтра пойдёт на работу, спать оставалось совсем ничего. «Пока вернусь...»

— Владимир Владимирович, а как вы относитесь к Михаилу Герасимову, воспевавшему железные цветы? — спросил, сидя за столом, Александр.

— Как я отношусь? Его ценили Валерий Брюсов и Владислав Ходасевич. Он был одним из основателей литературной группы «Кузница». Председательствовал во всероссийском Союзе писателей. Это много значит. В поэзии он — мастер!

— Но разве «мастер» — это не сомнительная характеристика для поэта, — не возразил, а скорее, подумал вслух Ковальский.

— Может быть. Но цветы, выращенные Герасимовым, цвели вызывающе и ярко!.. Там, где сталкиваются природа и индустрия, находится искусство. И я это понял!

Последняя фраза резанула. «И он говорит о пользе такого столкновения для искусства? Надо Герасимова перечитать... Но я ведь больше и не о Герасимове спрашиваю, мне важно знать: такое «железо» — смерть для человека будущего или спасение? Шостко не готов продолжить этот разговор или он ему кажется не главным?.. Если Герасимов находился именно там, где искусство: на столкновении природы и индустрии, — то почему его стихи почти никто не помнит? А есенинские, в которых боль и печаль по утрачиваемой гармонии с природой, стали народными песнями?...» — вопросы не давали успокоить-

ся, но Ковальский не сказал об этом новому знакомому. Есть ответы, которые надо искать самому, — это он давно уяснил.

...Расставаясь, договорились, что Александр принесёт свою тетрадку со стихами на станцию «Скорой помощи», когда будет дежурить Владимир Владимирович.

— А как вам туда звонить?

— Ну, как? Обычно — «ноль три».

V

Сосед продолжал «выдавать». Оказывается, за пристальный, долгий и многозначительный взгляд на собеседника Свинарёв носил прозвище «глубокий глаз». Постоянно державший в некоем напряжении, помимо его воли, синдром не столько собственной ценности, сколько личной значимости присутствовал у Николая во всём.

— Мне бы институт какой, пусть заваливающий, кончить. Либо, хотя бы, техникум. Диплом нужен! Я бы тогда пробился наверх. Так-то у меня язык в порядке. Подвешен неплохо.

Николай гладил брюки на столе около окна, шумно брызгая изо рта на пожелтевшую марлевою тряпку, которая покрывала и без того гладкую, вычищенную штанину. Аккуратист!

— Всё должно быть без пылинки и без соринки, — заявил он наставительно Ковальскому ещё при его новосельи.

И теперь он продолжал в том же духе:

— Каждый человек должен быть с будущим, а делать его надо каждый день.

Александр не возражал, хотя его интересовали куда более конкретные вещи. Шифоньер, например, стоял на трёх ножках, четвёртая была подвёрнута и оттого большой ящик наверху, называемый солидно антресолю, вполне мог рухнуть с высоты на любую умную и не очень голову. И не в каком-то отдалённом будущем, а прямо-таки сейчас. И не было ни одной свободной вешалки для одежды.

— Помоги мне.

— С брюками? — не понял Александр.

— С учёбой!

— А что я должен делать?

— Ну, контрольные эти разные, задачи... если поступлю в техникум...

— Тебе же некогда учёбой заниматься — одна общественная работа... И женщины. Как я понял, они у тебя не на последнем месте... Это дело вообще на регулярную основу поставлено, при мне уже нескольких приводил...

— Ну, не лигулярно, а так... — обнажив мелкие ровные зубы, довольно рассмеялся Николай.

— О чём ты с ними говоришь? — сказал Ковальский и подумал, что Николай страшно обидится. Но тот и вида не подал.

— Не о математике, конечно, — утробно засмеялся Свинорёв. — В постели они о многом разговаривают. Ты только слушай да на ус наматывай. Ключик надо иметь к ним. Ага. Это — искусство. Им ведь много-то не надо. Изучил я эту породу... Умение слушать они уважают...

«Профессор», — подумал Ковальский.

— Силёнки-то где берёшь, одни мослы...

— Не скажи. Ты, вот, не думая, берёшь в столовой еду. А я обязательно возьму, если есть, капусту, яйца, куриное мясо, свинину — они стимулируют это дело.

— Откуда такие познания?

— Друг — врач, советует, я думаю, прав он... Послушай, позавчера приходила... ну, Марина, помнишь? Ты в ночную уходил...

— Помню.

— Хочешь уступлю? Она тебя приметила... Спрашивала, кто да что...

— Иди к черту!

— Надоела она мне, понимаешь? Хочу по тихому отойти в сторонку, а никак! Разные способы уже применял. В этот, последний раз, лежим с ней, я и говорю: «Марина, как же так? Вот ты — секретарь большой парторганизации. Мы оба строим коммунизм, а ты в это время от муженька своєю ко мне? Не вяжется как-то! Политически не того...». Это я её потихоньку так проверяю, подходы делаю. — Он засмеялся, ткнул пальцем в уют — обжёгся и, слюнявя его меж тонких бледных губ, продолжал: — А она спокойно отвечает и гладит меня в одном, догадываешься где, месте: «Одно другому не мешает». Понимаешь? «Мне, — говорит, — с тобой в постели хорошо, как ни с кем!» Она — пробивная баба, вот в чём дело! Точно будет в

горкоме. А мне это надо! Вот и стараюсь изо всех сил. Она из меня всё выжимает. Выносливая, как конь! Лопочет, что запах у меня из-под мышек её возбуждает, и ничего с собой сделать не может. — Он посмотрел «глубоко» карими глазами на Александра и добавил: — Таких у меня ещё не было...

Вошёл рослый парень Суслов, работавший уже полгода диспетчером завода. Он слышал последние слова. Протягивая руку Ковальскому, прокомментировал:

— Всю водку не выпьешь, всех баб не... обслужишь. Отчего не женишься на этой светленькой из технического отдела? — Он осторожно опустил своё огромное тело на кровать.

— Понимаешь, тут закавыка одна есть, — лицо Свинарёва сделалось сверхсерьёзным.

— Какая?

— В фамилиях. Я хочу свою сменить. Не просто так, а при женитьбе. Эдак солиднее.

— Ну, меняй! В чём дело?

— Так у неё фамилия — Заплаткина. Не могу. Я — общественный человек. Помню об этом всегда.

— Послушай, — воскликнул Суслов с пафосом. — Это же поправимо — сделай двойную фамилию.

— Какую?

— Ну, — невозмутимо пояснил тот, — её и свою объедини. Будет, как у солидных людей в прошлом веке: Николай Свинарёв — тире — Заплаткин. Весомо!

Николай, похоже, не знал, что ответить, моргал странно: левый глаз его застыл, а правый продолжал дёргаться. Сказал:

— Тебе хорошо! У тебя и рост, и фамилия — будь здоров!

Суслов, прижавшись лицом к стене, начал ржать. Тонкая светлая кожа на его лице порозовела и, казалось, вот-вот лопнет. Когда смех прошёл, потирая лицо руками, предложил:

— Ну, раз две фамилии не хочешь брать — возьми две трети её фамилии и — баста!

— Не понял сходу. Повтори! — заинтересованно откликнулся Николай.

— Повтори, — попросил и Александр. — А то с дробями у него не того, а ты — две трети...

Лицо Суслова сделалось из розового красным, он пояснил, еле сдерживаясь:

— Ну, полная, если возьмём: Заплаткин. А если треть первую отбросить, то будет — Латкин! Это уже звучит, правда?

— А так можно? — в раздумьи спросил Николай. Лицо его было более чем серьёзно.

— Консультироваться надо, дело юридическое, — обронил Суслов и, сделав глубокий вдох-выдох, кажется, освободился от напряжения рвавшегося из него смеха.

Разговор показался Ковальскому дикостью и он вышел на кухню.

Пока его не было, диалог в комнате приобрёл новую окраску.

— А фамилия по линии отцовской у меня могла быть Давыдов. Отец-то умерший — Давыдов, — проговорил внушительно Николай. — Рассказывают, что поэт-рубака Денис Давыдов после войны с Наполеоном поселился под Сызранью в своём имении и частенько наезжал в наше село. Там и появились мои корни. У него было пять сыновей. Понимаешь, любовь — не любовь, а жила у него, говорят, зазноба там...

— Чё городишь-то, кто говорит? Годков-то сколько прошло?! Разумеешь? — пытался серьёзно возразить Суслов, но, не сдержавшись, захохотал: — Ври, но меру знай!

— А я знаю, — не обидевшись, ответил Свинарёв. — Приезжай в наше село — увидишь: цельный конец села с фамилией Давыдовых.

— И что, все — потомки поэта?

— Ну, как сказать. Лихой был человек!

Он хотел обидеться на Сусллова и сказать что-нибудь такое, чтобы прозвучало веско, но не нашёл нужные слова. Николай твёрдо знал от односельчан, что Давыдов наведывался в его село. «А раз бывал, то в чём вопрос? Значит могло и быть что-то! А если нет, то всё равно фамилия известная! Зря Суслов смеётся. Ему не понять».

— Послушай, а Баратынский не заезжал в ваше село? — очень серьёзно поинтересовался Суслов.

Николай слышал такую фамилию, но не мог припомнить, где. Ответил не спеша:

— Многие приезжали... Жизнь была. — Он по-учительски покачал головой: — Историю своей страны надо знать, а как же! — При этом лицо его являло саму железобетонную уверенность в правоте сказанного.

И всё же, чувствуя скрытую насмешку в словах Суслова, решился добавить:

— Антиресоваться историей и международным положением страны опять же всегда пользительно. Вот, скажи мне: война с Китаем будет аль нет?

— Что ты сразу так? — опешил Суслов.

Свинарёв поднял обожжённый палец кверху:

— Не сразу! Это государственный вопрос! На Даманском инцидент. Это непростое событие. Китайцы подружатся с Америкой. И что дальше?

— Не будет этого, — высказался твёрдо Владимир. — Иначе — мировой пожар. Скорее, у нас с США отношения потеплеют, если мы не дураки. К этому надо стремиться. Пойдёт сближение, китайцы поостынут.

Свинарёву ответ понравился. Вопросов он больше не задавал.

...Когда Николай ушёл, Суслов спросил вернувшегося Ковальского:

— Послушай, как ты с ним можешь жить в одной комнате? Он же мистификатор какой-то! Центропурист!

— Да мы в разных сменах. Почти не общаемся. Привык.

— Весело тут у тебя. Кино, а не жизнь!

— Весело, — без энтузиазма согласился Александр.

— Я кое-что предприму, чтобы ты мог переселиться ко мне. Согласен?

Ковальский неуверенно кивнул головой.

VI

Наконец-то Александр решился позвонить Шостко.

— На вызове, скоро приедет, — ответил женский голос.

Ковальский, взяв свою заветную тетрадь с наиболее удачными, как казалось ему, стихами, пошёл на станцию «Скорой помощи».

...Женщина у телефона указала на дверь в соседнюю комнату:

— Владимир Владимирович там. У него на вызове умерла молодая больная.

Ковальский замер: «Идти или нет?».

— Идите, пока нет следующего вызова, — прозвучало за спиной.

Накануне Александр перечитывал стихи Шостко. Теперь выплыли отчётливо четыре строки:

*Я делаю всё то, что надо делать...
Но сколько раз в клинической тиши
Я видел, как сгорало чьё-то тело
На ледяном безмолвии души!*

«Ну, какие рыжие тёлки и братаны? — Вспомнил Александр стихотворение Никульшина. — Разве можно сравнивать...»

Ковальский открыл дверь. Поэт и врач сидел одиноко за небольшим столом. В одной руке — кусок колбасы, в другой — хлеб. Он механически жевал. Серое землистое лицо с огромным, вполовину лица, матовым лбом угрюмо.

— А-а, стихи принёс, — сказал вяло, не здороваясь.

Ковальский смешался. Уйти поздно. А вести разговор, которого так ждал, казалось, было не к месту.

— Может, я пойду... — вырвалось у Александра.

— Иди, — глухо ответил Шостко. — Тетрадь и листочки оставь, посмотрю. Потом позвонишь...

Ковальский вышел и остановился у зелёной ограды.

Кругом сновали машины, шли люди. Перед зданием за оградой стояли парни. Там, оказывается, был роддом. Окна его светились радостно и жизнеутверждающе. Долговязый детина весело демонстрировал зелёную красивую коляску.

— Она двойная, смотри! Раскладывается!

Худенькая женщина в окошке счастливо улыбалась.

Ковальский шёл в общежитие между жёлтых коробок домов и сквозь шуршание шин автомобилей звучали в его ушах строчки незнакомого поэта:

*Я уйду в заливные луга,
Там братан рыжих тёлок пасёт...*

Жизнь продолжалась... О своих стихах Александр сейчас не думал. Хотелось простора и весеннего майского неба. Какое бывает над заливными лугами...

За приговором Ковальский пришёл недели через полторы. Они условились встретиться в парке со старинными дубами за кинотеатром имени XX Партсъезда.

— Я отдал в редакцию «Волжского комсомольца» несколько стихотворений. Там обещали напечатать, — сказал Шостко, протягивая тетрадь Ковальскому.

В его словах ни восторга, ни удивления. Только исполнение обещанного.

— Отдельные строки просто хороши, вне всякого. Но порой гуляют интонации Пушкина, Есенина...

Ковальский вздрогнул. Ему показалось, что сейчас его собеседник скажет нечто такое, что взбодрит его: такие имена названы!

— Вы показывали ещё кому-нибудь свои стихи?

— Нет, только вам.

— Покажите. Я могу ошибаться. Поэзия — такая штука... Но мой совет: читайте классиков. Хотя бы для того, чтобы не повторяться. В областном центре есть литературное объединение «Молодая Волга», сорок минут на автобусе. Попробуйте поехать, хуже не будет. Помните всегда об образе. Душа отзывается на образ. Чем художественней, то есть образней, текст, тем больше он работает. КПД воздействия текста бывает больше единицы. Ибо читатель воспринимает образы душой. И образы по-своему многократно усиливаются. У каждого по-разному. Это азы, понимаешь?

«Недавно ругал меня за техницизмы, за «стоп», а сейчас это его «КПД» — как понять? — думал Александр. — Хотя тут устная речь поэта, а не стихи...»

— Образ во главе всего! Техническое образование, вернее, мышление — хорошо. Но для поэзии нужно нечто иное... — продолжал поэт.

Они шли по аллее парка, мимо высоких кряжистых дубов. Было пустынно и холодно.

*Я видел, как сгорало чьё-то тело
На медленном безмолвии души! —*

крутились в голове Ковальского строчки поэта.

«Смогу ли подняться на такую высоту? — волной захлестывала мысль, — поэзия должна мучиться над вопросами, на ко-

торые нет ответа, — так он сказал. Но, ведь, это намеренный бег по кругу?»

— Вы верите в существование души? — спросил Ковальский, когда они остановились около мощного дуба и Шостко, запрокинув лицо в холодное пасмурное небо, смотрел на шелестевшие жёлтые, пожухлые листья на кривой макушке дерева.

— Чудной вопрос, существование души очевидно...

— Но ведь столько людей не верит?..

— Это их дело! Труднее всего доказывать, что белое есть белое. Доводов нет, понимаешь?

— Пока не очень, — признался Александр.

— Ещё полсотни лет пройдёт и учёные ткнутя в необходимость признать существование души, а пока они, учёные эти, вовсе и не учёные... Странно, что это говорит врач? Я, отпетый циник, говорю, а они — молчат.. — Он погрозил кому-то меж деревьев пальцем: — Погодите! Поплатитесь! Вернее, поплачтитемся...

Это был тот поэт, с которым они шли совсем недавно ночной улицей. И — не тот. Часть — наружи, а самая мощь — чудовищно огромная, невидимая — только угадывалась.

«Какое сомнительное дело — литература. Как всё зыбко и неопределённо в ней, — думал Ковальский. — Надо всего себя принести в жертву — тогда ещё можно на что-то надеяться, а делить себя на половинки — пустое дело...»

Они расстались без намёка на следующую встречу.

* * *

— На столе листок с женскими именами. Святцы какие, что ли? — спросил Ковальский, перекладывая стопки книг.

Свинарёв внушительно пояснил:

— Это список тех, с кем спал. Больше двух десятков за четыре года.

У Ковальского дёрнулось лицо. Николай заметил и добавил:

— Сам понимаешь, город молодёжный, бурлит всё... Но я осторожным стал. Окромя одной — ни с кем. Ну, иногда с Мариной... Она в горькоме уже. Я теперь член городского комитета народного контроля. Ага! А как ты хотел? Все торгаши у нас в кулаке. С которой встречаюсь, не с Мариной, — продолжал

он доверительно, — всё нормально. Понимаешь: сплю с ней, фамилия у неё, что надо, а замуж идти не хочет. Нерешительная какая-то. — Свинарёв помолчал немного и, прицелившись своим знаменитым взглядом, спросил: — А ты — монах, что ли? Такой красавец! Хоть с одной встречался по-серьёзному? Аль нет?

Ковальский слушал, смотрел на него и видел только глубоко посаженные, мерцающие тёмной глубиной карие глаза и мелкие острые плотоядные зубы. Становилось не по себе.

«Тошно, надо всё-таки куда-то переселяться».

...Переселился он вскоре.

Вернувшись из поездки к сыну, Ковальский обнаружил пропажу осеннего пальто, выходного костюма, рубашек и даже перчаток... Не было и красивого малинового толстой вязки джемпера, который он ещё ни разу не успел надеть.

Ребята на этаже говорили, что дверь комнаты была открыта, Свинарёв валялся на кровати пьяный.

Это не походило на Николая. Но косвенное доказательство возможного запоя было: Свинарёв постоянно держал в шифоньере графин со спиртом заводского производства, прозывавшегося «шадымом». Настаивали этот самый «шадым» на дефицитных лимонных корках. Теперь графин пуст и лишь сухие потемневшие корочки, как некие кораллы, покоились на дне скучного сосуда.

Его хозяин всё отрицал, а Ковальский, заявивший, было, о пропаже в милицию, вскоре махнул рукой на всё, убедившись при общении со следователем в явной бесперспективности поиска.

Через неделю после этих событий он переселился в другое крыло этажа, к Суслову.

VII

В один из майских дней, сразу после многоголосых праздников, Ковальского пригласили к главному инженеру.

— Заходите! — сказала секретарь. — Вас уже ждут.

— Ничего себе «ждут»! — искренне удивился Ковальский. — Я не опоздал. Прийти раньше не значит прийти вовремя.

Секретарь мягко улыбнулась.

В кабинете, кроме хозяина и Самарина, незнакомый кряжистый человек лет сорока пяти.

Когда Ковальский после приглашения сел, главный инженер начал с места в карьер:

— В шестом цехе, вот, познакомьтесь — его начальник Ганин Василий Анатольевич, — кивнул он на кряжистого, — увольняется заместитель. Цех тяжёлый, не скрываем. Причём опасный. Без зама долго не может.

Главный испытующе посмотрел на Ковальского. Тот сидел, не шелохнувшись.

— Не удивляет, что предлагаем тебе такую серьёзную должность?

— Нет. Только почему именно в этот цех?

Начальник цеха то ли крякнул, то ли поперхнулся при таком ответе.

«С чего бы это он? — недоумевал мысленно Александр. — Так тяжело ему там работается?»

— Не будем торопиться, — произнёс Самарин. — Сходи, посмотри, через день-два скажешь, что надумал.

— Хорошо. Конечно, схожу. Через два дня буду готов для ответа.

— Но у нас условие, — произнёс главный инженер. Он посмотрел на начальника цеха. — Оставляем условие?

— Конечно, конечно, — торопливо ответил тот.

— Сначала поработаешь начальником смены после сдачи экзаменов. Надо знать всё досконально, а потом уж — и в заместители...

— Сколько продлится работа начальником смены? — Александр задал вопрос, думая про себя: «А кто же в это время будет исполнять обязанности заместителя? Там, наверное, есть претенденты».

Главный легко угадал его мысли.

— У нас есть начальник отделения — практик без высшего образования. Он поработает заместителем столько, сколько надо.

— Понятно, — ответил Ковальский, а про себя добавил: «Опыты ставят надо мной, осторожничают...».

...Новый цех поразил.

Если тот, в котором он работал, возглавлял технологическую цепочку и давал сырьё всем производствам предприятия, то этот, замыкая её, вырабатывал конечную продукцию.

Жёсткие параметры процесса: температура — до пятисот градусов, давление — около ста атмосфер — говорили сами за себя.

Александр походил по рабочим местам. Почитал инструкции, приехав для этого в «бешеный выходной» — последний день после ночных смен.

В цехе во всём просматривались дисциплина и слаженность. «Немудрено, — заключил Ковальский про себя, — этого требуют его особенности». Он насчитал несколько ситуаций в инструкции, которые, если не принять в несколько минут оперативных мер, могли привести к взрыву.

...Когда Александр вошёл в кабинет, пухлое розовощёкое лицо увольняющегося зама было неприветливо. Ковальский представился и сказал, что хотел бы поговорить.

— Слышал твою фамилию, — отозвался тот как бы нехотя. Потом, не отрывая взгляда от стола, произнёс: — И зачем ты сюда идёшь? — Голос у него тонкий и дребезжащий.

— Работать!

— Здесь нельзя нормально работать, понимаешь?

— Пока нет.

— Сейчас поймёшь! Иди смотри!

Он взялся за ручку и выдвинул левой рукой ящик стола.

— Иди, иди! Смотри!

Идти и смотреть было неудобно. Надо обойти восседавшего за столом хозяина кабинета, но его стул прижат к стене.

— А-а! — спохватился тот. Встал, задвинув стул в нишу стола, и отошёл в сторону. — Смотри!

Ковальский недоумевал: к чему эти манёвры?

В ящике оказались конфеты в ярких обёртках.

— Видел?

— Но... не понял, — ответил Ковальский. Ему начинала надоедать эта морока.

Розовощёкий пояснил, словно школьнику.

— Это «взлётные»! Дошло? Здесь каждую минуту находишься, будто на взлётной полосе. Момент — и ты взлетел. Такая технология.

— И ничего нельзя сделать?

— В Союзе семь таких цехов. Я посчитал: каждый второй год где-нибудь да грохнет. У нас последний раз было в шестьдесят четвёртом году. Такой же цех, только на первой очереди производства — под ноль. И пять смертей. Так что сосём «взлётные»... Ты обратил внимание, что цех на окраине завода? Неспроста: в случае взрыва меньше потерь.

Ковальский намеренно не отреагировал на услышанное. Спросил:

— И куда уходите?

— В Комсомольск-на-Амуре, заместителем главного по технике безопасности.

— Далековато!

«Так вот она какая, моя взлётная полоса, о которой говорил с двоюродным братом Пудовкиным».

— Беги, пока не поздно! — посоветовал розовощёкий.

«Чего он такой раскрасневшийся, словно только что по морозной лыжне бежал? — удивился Ковальский. — Разволновался...»

К проходной Ковальский шёл неторопливо. Пытался всё проанализировать. Советоваться не с кем.

За проходной встретил Сашку Караваева, с которым работал до перехода на дневное обучение.

— Голова, здорово! Я тебя пару раз издали видел. К нам на завод после института вернулся? Зря, думаю. Тут не прорвёшься, всё везде схвачено! И не мечтай в заводоуправление попасть. Не по уму берут... Свои везде.

— Да ладно, Сашк...

— Нечего ладить. Я третий год, как институт кончил. Пашу в рабочих, а у меня ещё и военное училище есть... Вон наш Сергейчев, замначальника цеха, смекнул давно, какие манёвры делать надо. Он может так, а я — нет.

— Ну и какие?

— Навострил лыжи в партком. Говорит, надо немного побыть секретарём, потом инструктором горкома партии. Зачем в борозде-то пыхтеть? Можно и около. Партийная должность —

это такая добротная подкладка. Его слова. Из инструкторов горкома на должность ниже заместителя директора не прыгают! Смекаешь?

— Все помешались, что ли, на должностях?! Все трамплины ищут! А кто дело-то будет делать?

— Ладно, Ковальский, поработаешь теперь, поболее увидишь. Кое-что смекать начнёшь... Наивный пока — молодой специалист... А такие, как Сергейчев... Они страну крепко отяжелить могут... балласт.

...Через день Ковальский согласился на переход в шестой цех.

«И Хризантеме легче, — вспомнил он о своём однокурснике. — Место освободится, кому, как не ему...»

...А Хризантема, закончив институт, привычек своих не менял. Всё как-то сам по себе. Вскоре женился и выписался из рабочего общежития.

Прошло ещё полгода, Хризантему не торопились назначать начальником смены. Стало известно, что выпивает в рабочее время с друзьями. Руководство занесло его в «чёрный список».

Многих сгубила спиртовая река, протекавшая в цехе на окраине завода. Ручейки от неё растекались по всему заводу. И не только...

«У реки — и не напиться!» — провозглашали даже уже начавшие тонуть. Их хватало лет на пять-семь. «Горели синим пламенем» и дым улетучивался в никуда... Приходили другие...

* * *

Два стихотворения Ковальского напечатали через неделю после последнего разговора с Шостко. Такой оперативности Александр не ожидал.

Свои стихи в областной газете он обнаружил случайно, просматривая подшивки в красном уголке общежития. Номер был прошлого дня.

Ковальский быстро оделся и выскочил на улицу. «У ресторана, в котором мы сидели с Владой, есть газетный киоск, ещё один стоит около кинотеатра! Где ещё? У нас на заводе на автобусной остановке. Где-нибудь да остался хотя бы один экземпляр», — соображал Ковальский, шагая наискосок через двор к киоску «Союзпечать» в начале главной улицы города.

Нужной газеты в киоске не было. Он скорым шагом направился на площадь. И там не оказалось. Около кинотеатра ему повезло.

— Вот три газеты остались, — сказала полная чернявая девица и равнодушно зевнула.

— А ещё, посмотрите, нет?

— Куда ещё-то, солить, что ли?

Ковальский взял и, не удержавшись, в сторонке развернул одну из них.

«Раз газета опубликовала, то, может быть, стихи стоят того? То, что Шостко передал их, — это не по благу же? Не по протекции? Это совсем другое! Или и здесь: ты — мне, я — тебе? Так в искусстве не должно быть! Нет в этом опыта. Трудно разобратся».

* * *

Ковальский всё-таки решил побывать на заседании литературного объединения.

Непростое это дело — выкраивать время для поездок в областной центр при суматошной работе в три смены.

На четвёртом занятии дошла очередь до него.

— Знаете, в ваших стихах, как бы это сказать... — руководитель объединения пожевал губами, выдержал паузу и договорил внушительно: — не чувствуется знания жизни, не виден жизненный опыт. Всё слишком общее. Нет конкретики, без которой жизнь бедна, тем более — искусство.

— А какая конкретика нужна? — упавшим голосом спросил Александр.

Мэтр не спеша пояснил:

— Ну, вот, идёте по улице и у вас развязался шнурок на ботинке. Деталь?

Ковальский молчал, не понимая: надо ли отвечать и что отвечать?

— Деталь! — ответил сам себе наставник поэтической молодёжи. — Вот об этом и пишите!

— А что же тут писать? О чём? — удивился Александр.

— Ну, как? Об этом самом и пишите! Кстати, не пробовали писать прозу? — Завитушки дыма у курившего и одновременно говорившего человека, казалось, смешались в одно с его

словами и получалось нечто искусственное и похожее на шаманство... — Попробуйте, у вас может получиться...

О шнурках Ковальскому писать не хотелось. Он решил, что такие занятия в литобъединении ему ни к чему.

Спустившись вниз, в холле второго этажа увидел известного поэта, у которого вышло уже несколько книг. Его имя в области на слуху.

«А-а, была не была», — решился Ковальский.

Поэт был не один. Рядом — холёная женщина с ленивыми грациозными движениями.

«Конечно, я, как с парашюта, сейчас на них прыгну. Не очень-то. Но куда мне деваться? Когда я ещё со своими рабочими сменами могу его встретить?»

Он не помнил отчества поэта, а по имени обращаться неудобно.

— Скажите, вы не могли бы посмотреть мои стихи?

«Боже мой, я, как Есенин в валенках перед Зинаидой Гиппиус. Сейчас спросят: что это у вас за гетры?»

Женщина томно и вяло взглянула на Ковальского и стала смотреть в окно.

Поэт с расстановкой, негромко выговаривая каждое слово, сказал доверительно:

— Молодой человек, я в своих стихах запутался. Никак не разберусь, а в чужих — и подавно... Извините...

«Барчук хренов, я ещё по стихам твоим тебя понял», — подумал Ковальский и двинулся к выходу.

Уже на улице, окинув взглядом огромное здание, из которого вышел, произнёс:

— Сюда я больше не ездук!

VIII

...Два раза вспыхивали, было, огоньки в личной жизни Ковальского, когда казалось, что он влюбился. Но быстро гасли. Становилось скучно. Не было того очарования, которое дарила Анна.

«Две женщины: Анна и Влада, каждая по-своему, выбили меня из колеи надолго, если не навсегда», — так Ковальский подумал однажды и вынужден был согласиться с этим. Он утратил желание с кем-либо встречаться.

«Не женюсь лет до тридцати — это точно, — спокойно подытожил он размышления. — Ведь это я себе ещё в школе определил. Забыл?»

А мать потихоньку, когда он приезжал, вздыхала:

— Больно уж раньше прыткий был, а теперь сидишь, как старичок... Долго ли так? Жены нет, сын живёт у родителей Анны. Ладно бы, Аня жива была, а то ведь нету её... И женой она тебе не была...

...Ковальский, хотя и определил себе холостяцкий срок до тридцати, но совсем не уверен: жениться ли вообще? Иногда на него находила хандра.

Он начинал подозревать, что по-настоящему счастлив не будет. Ему словно кто-то нашёптывал это. Часто не мог от этого голоса отделаться. Хотел быть счастливым, пусть не сейчас, пусть намного позже... Хотел и боялся счастья. Инстинкт подсказывал, что счастье недолго, потом может последовать крах. Так уже с ним было. Александр не хотел повтора. И себе не признавался, что начинает бояться такого счастья. Казалось, что сейчас уравновешенная жизнь важнее всего. Важно согласие, лад в душе.

«Хуже, чем старичок, — невесело усмехался он, помня слова матери. — Как она может так угадывать? Ей дано от природы? Она это говорила не только в связи с моим холостяцким образом жизни, её беспокоит моё неверие в жизнь. Я порой так остро чувствую каждый день, уходящий в никуда, в бездну, безвозвратно. И от этого мне не только грустно. Тоскливо. Жалею уже те дни, которые не наступили, которые ещё не прожил. И только моё дело, работа захватывает. Если работа навязывает властно свой ритм, тогда, на время, забываю о зыбкости жизни. И, может, это самые лучшие моменты моего существования? Да ещё встречи с сыном».

Приняв, что счастье быстротечно и обманчиво, и необходимо, видимо, какие-то особые свойства характера, чтобы быть готовым к этому обману, он не постигнул того, чего же ему не хватает. Перестав верить в возможность счастья, пытался холодно понять: это его прорыв в некую суть бытия? И это положительно? Или — ущербность натуры, и от этого многое теряется? Эта захватывающая душу размагниченность порой лишала воли к активной жизни. Но Александр знал: периоды

грусти и тоски чаще всего предшествуют взрывам неодолимого стремления действовать, не жалея себя, чтобы потом радоваться зримым результатам! Таким тогда он себе нравился. Ему не нужны были похвала и одобрение окружающих.

* * *

В этот раз он приехал в село поздно. Уже смеркалось. Так хотелось увидеть сына!

— Мам, я — к Бочаровым.

— Подожди, отца проводим в клуб на дежурство и сходим вдвоём.

...Когда они вошли, Бочаровы чаёвничали в передней. Саша тут же выскочил из-за стола, чуть было не наступив на большого белого кота Колчака, растянувшегося около тёплой голландки. Повис на шее отца.

— Во-во! — сказал Бочаров-старший, — восемь лет уже, а как маленький.

— Не маленький. Я соскучился, — отвечал внук, помогая отцу снять куртку.

Потом с курткой юркнул в прихожку к вешалке.

— Как юла, — радостно проговорила Екатерина Ивановна.

— Говорит: не маленький, — продолжал Бочаров, — а дал ему вчера «тулку» стрельнуть в сороку, он курок не осилил нажать. Нашёлся мне большой...

— А зато я, — заторопился вернувшийся Саша, — в классе на линейке стою третий по росту. Нормально?

— Ну-ну, — неопределённо отреагировал Бочаров, одновременно освобождаясь от рук внука. Тот, балуясь, вынырнул сзади, прикрыл деду ладошками глаза.

— Саша! — строго посмотрела на него Дарья Ильинична. — Разве так можно?.. Садись...

Внук сел за стол. Начал дуть на чай.

— Да он уж десять раз остыл, — сказал дед.

— Мне интересно, как волны в чашке делаются!..

— Ну, какой он большой? — улыбаясь, обронил Бочаров.

— На вот! — протянул Ковальский свёрток.

— Что это?

— Смотри!

— Рубаха! — обрадовался сын. — Белая!

Они пили чай, потом резались с сыном в шашки на «щелбану». После четвёртой партии сквитались, получив каждый по два щелчка в лоб. Дед Бочаров в игру не вмешивался. Читал газету. А женщины вполголоса разговаривали на кухне, изредка поглядывая в сторону расположившихся на диване игроков.

...Когда шли обратно, Екатерина Ивановна вздохнула:

— Рубаха — это хорошо, конечно...

— Мам, я немного денег оставил, каждый раз привожу...

— Без матери растёт, без материнской ласки...

— Мам, они его заласкали, по-моему, балуют.

— И это верно, — согласилась она. — Но всё равно...

— Ты — за старое, — засмеялся сын. — Меня непременно женить хочешь?

— Хочу, Саш... А то скоро уже твоего сына женить надо будет...

— Вот найду такую, чтоб матерью сыну стала — женюсь.

— Найдёшь ли такую? — покачала головой Екатерина. — Надо, чтобы любила тебя и добрая была...

Некоторое время шли молча.

Мысли Екатерины Ивановны перескочили на другое.

«Когда мне старик-то гадал на бобах, в войну ещё, то сказал, что без вести пропавший Станислав объявится, когда мне это уже не надо будет. Мне. А он на сына и внука посмотрел бы! Что старик имел в виду? Мне не надо будет — это значит, вернётся, когда я умру? Или при жизни ещё? А мне бы сейчас хоть одним глазком увидеть. И всё! И чтобы Василий не знал...»

— Мам, — вывел её из задумчивости сын, — мне так хочется, чтобы Саша фамилию «Ковальский» носил. Ты-то вот, в своё время, настояла и мне фамилию отца записали, хотя вы и не зарегистрированы в браке были.

— Кто же нас зарегистрировал бы: он — иностранец и война шла...

— Саша даже не Бочаров, мне эта фамилия нравится. Он — Колесников, по мужу Анны.

— А как по-другому могло быть? — она пытливо посмотрела на него.

Сын стушевался и ничего не ответил.

— Саша, а ты об отце-то, Станиславе, ничего так и не узнал?

Александр ждал этого вопроса. Не сегодня, так в другой свой приезд.

...Он, как мог, занимался поисками отца, но результаты неутешительны.

Когда пришли, спать легли не сразу. Сидели за столом в передней. Был и чайник на столе. Говорили о Саше — сыне Ковальского и его деде — Станиславе, так внезапно пропавшем при освобождении своего родного города Варшавы.

В областном архиве Ковальскому сообщили, что за 1943-1945 годы никаких сведений о Станиславе Ковальском нет.

А до этого он перерыл в сельсовете кипы бумаг, пока не наткнулся на запись в похозяйственной книге за 1943-1945 годы:

«Ковальский Александр Михайлович г. рожд. 1919

Ковальская Екатерина Ивановна г. рожд. 1918

Ковальский Александр Станиславович, сын, 1944 г.»

— Как же так, ведь известно же, что отца звали не Александр, а Станислав.

Ему пояснили:

— Это ж похозяйственная книга, записи в неё вносились при обходе дворов. Ходили чаще всего школьники. Их приглашал сельсовет. Они спрашивали. Что слышали, то и записывали. Бабулька какая-нибудь сказала, вот и всё... И всех на одну фамилию записали, хотя не были зарегистрированы...

— Ничего себе, — удивлялся Александр, — человек был, как песчинка. Затерялся и следа не осталось?

— Время военное. Что взять? А кто из нас, сейчас живущих, думает о том, что будет через тридцать-пятьдесят лет? Кто кого искать будет? Мы все на глазах живём. Всё, вроде, знаем. Раз он иностранец, наверное, о нём в других местах сведения искать надо, а не тута, — деловито говорила седовласая женщина. — Старшая моя сестра хорошо его помнит. Симпатичный такой, говорит, был.

Ковальский долго не выпускал книгу из рук. В ней был след людей, которые, возможно, не видели отца, но жили с ним в одно и то же время.

— А можно найти тех, которые сделали эту запись?

— Ну, где же их искать-то? Их было много таких... Да и что скажут нового? Ничего...

В марте он узнал, что в профкоме завода есть туристические путёвки в Польшу. Александр загорелся съездить.

«Пускай у меня нет никаких достоверных сведений об отце, но я знаю, что поляки регистрируют родившихся в костёлах. Варшава сильно разрушена во время войны, но бывает же чудо! Один шанс из тысячи, а в данном случае, один костёл из тысячи, может, уцелел. В нём-то вдруг и окажется запись об отце! Надо постараться объездить все сохранившиеся старинные костёлы и проверить документы за 1918-1919 годы. Вот и вся стратегия поиска», — так он думал, сознавая, что его намерения наивны. Но другого пути не видел.

Ковальский подал все необходимые бумаги в профком завода. Ему говорили, что всё в порядке. Но в самый последний момент, когда сделать было уже ничего невозможно, оказалось, что каким-то образом пропала часть его документов. Уклончиво пояснили: теперь уже не успеть, пустые хлопоты... Александр понял, что кто-то просто не хочет брать ответственность на себя, узнав, что у него за границей могут быть родственники. Ватную стену прошибить казалось невозможным...

— Не верю я, что Станислав мог что-нибудь сделать художом. Добрый был, да и молоденький совсем ещё... — успокаивала после этого Катерина сына. — Всё равно объявится, я верю всё больше и больше...

IX

...И началась у Ковальского в цехе, куда он пришёл, такая же стажировка, как и полтора года назад.

Сразу попросил, чтобы его направили в смену.

Исполняющий обязанности заместителя начальника Новиков оказался хорошим практиком — знал цех превосходно. Начинал слесарем, закончил нефтехимический техникум. Теперь — на третьем курсе вечернего института. Запасной вариант, если не потянет Ковальский. «Знание и умение должны работать, тогда они полезны, иначе легко превратиться в резонёра и завалить дело», — вспомнил он напутствие Самарина.

Через полгода Ковальский уже работал самостоятельно начальником смены.

...Всё бы ничего, да любил начальник цеха Ганин пошуметь. Это в кабинете главного инженера он был тихий, а в цехе его голос держал всех в напряжении. Если вызывал к себе в кабинет, то оттуда частенько приглашённый выходил красный, как варёный рак. А если это были женщины, то порой — в слезах.

Ковальский понял, что стычки не избежать и ему.

* * *

Шло самое обычное сменное собрание. Ганин вошёл в красный уголок и сел в первом ряду.

Ковальский уже заканчивал, когда оттуда громыхнуло:

— Нет! У вас всё спокойно так! А во вторую смену захожу в операторную, смотрю: нет обоих старших аппаратчиков одновременно. А вдруг что случится?

Наступила пауза. Ковальский посчитал, что надо ответить.

— Но я пояснил тогда, что Алексей ушёл в буфет, а Ирина Владимировна отлучилась в бытовку, предупредив меня, — напомнил Ковальский, совсем не ожидая дальнейшего бурного развития разговора.

— А зачем мне ваши пояснения, пусть сами скажут.

— Но я веду собрание. Я — начальник смены, — спокойно возразил Ковальский. — Знаю ситуацию.

— Ситуацию он знает! — почти закричал Ганин. — Много слишком знаете! В следующий раз накажу и вас, и их!

Ковальский оторопел. В зале двадцать человек подчинённых и на глазах у всех на него кричат.

— Вам бы лучше не защищать, а спрашивать с персонала!

— А вы бы троекуровщину не разводили, а в суть вникали: Ирине просто плохо стало. В бытовке задержалась. Мы потом «скорую» вызывали, — ответил Ковальский и удивился своему спокойствию и тому, что попало на язык это слово «троекуровщина». Можно было и без него.

Ганин вскочил:

— После собрания — ко мне в кабинет! — и порывисто вышел.

«Разве ему к лицу так горячиться, он же первый руководитель в цехе», — невесело думал Ковальский.

Когда рабочие расходились, старший аппаратчик Николай Румянцев, с которым он быстро подружился и уже несколько раз съездил на рыбалку, приблизившись, вполголоса под шумок обронил:

— Не горячись. Начальника не выбирают. Пойдёшь к нему — больше слушай. Он — отходчивый.

— Но к чему всё это?

— Я тоже думаю, что, если бы криком можно было что-нибудь сделать, осёл каждый день строил бы по семь домов! Народная мудрость.

Ковальский не ожидал такого от Румянцева.

Они взглянули друг на друга и рассмеялись.

* * *

«Действительно, отходчивый, — думал Ковальский, сидя у начальника цеха. — Но странная какая-то отходчивость».

А хозяин кабинета, не глядя на приглашённого на ковёр, тусклым голосом монотонно поучал:

— Все итээровцы цеха должны проводить политику своего начальника, в противном случае, дисциплины не будет... и бучу на людях устраивать ни к чему...

Ковальский попытался уточнить:

— Василий Анатольевич, но я не устраиваю. Вы в такой форме...

— Опять за своё? — Он повернул, наконец, к нему лицо и вскинул брови.

Наступила пауза.

Ковальский решил: «Если сейчас начнёт орать, уйду из цеха. Чего он хочет от меня?».

Но начальник не закричал, а неожиданно спокойно сказал:

— Иди-иди и думай... Ты — самостоятельный...

Александр встал и уже открыл дверь, когда Ганин произнёс:

— Ты и инструкции, которые я подписал и утвердил у главного инженера, критикуешь на своих собраниях...

Ковальский хотел, было, задержаться и пояснить, как и почему он... Но, перехватив холодный взгляд начальства, передумал: «Прямого разговора не получится, тут то ли интрига какая, то ли дурь просто... вожжа под хвост попала...».

...Вскоре пришёл приказ о назначении Новикова заместителем начальника цеха, а его, Ковальского — начальником отделения.

«Не оправдал доверия, — усмехнулся Александр, стоя у цеховой доски объявлений. — Но чьё доверие? И почему со мной не поговорили?»

Он решил ни с кем из руководства назначение своё не обсуждать и ничего не выяснять.

Назначение всё-таки с Румянцевым отметили: уехали на его самодельной лодке, недавно оборудованной новеньким мотором «Вихрь-25», под Крутец — любимое место Николая на Волге. Отвели душу рыбалкой.

...Кто же под уху не выпьет? Только тот, кто весьма подозрителен. Они пили мало. Николай — философ. Любил ясную голову.

Ковальский порой уставал от него. Больно уж темы глобальные брал Николай. Ковальский даже пообещал ему, что, как только появятся деньги, купит себе лодку, чтобы рыбачили вместе, но каждый в своей.

* * *

Самарин и Ковальский случайно встретились около заводоуправления. Заместитель главного инженера издали увидел Александра и задержал.

— Послушай, всё хотел поговорить о твоём назначении. — И после небольшой паузы: — Не переживай. Ганин груб, я знаю, он из диспетчеров завода и в технологии слабоват. Но — начальник цеха. Он попросил сделать такую расстановку.

Ковальский чувствовал себя неловко. Молча кивал согласно головой. Когда разошлись, почувствовал облегчение.

Х

Теперь рабочее место Ковальского в кабинете, на втором этаже административного здания.

Они сидят с Новиковым в одной комнате друг против друга. В этом большое преимущество. Постоянно общаясь и находясь в курсе главных событий, они вскоре превратили кабинет в центр разрешения многих цеховых вопросов.

Новиков оказался деятельным работником. И аккуратистом. Инструкции, схемы, тексты распоряжений готовились тщательно и продуманно.

Поскольку должность Ковальского напрямую связана с остановками и пусками цеха и целых систем аппаратов, то он жёстко определил в этом порядок. Допустив к самостоятельной работе ремонтников, он сам отправлялся смотреть выполнение мер безопасности. Хотя это и входило в обязанности начальника смены.

Однажды он подошёл к бригаде слесарей, разбирающих фланцевое соединение аппарата. Слесари усердно работали ключами. За их спиной манометр с чуть подрагивающей стрелкой показывал рабочее давление взрывоопасного газа.

— Вы что делаете?! — закричал Ковальский. — Смотрите! — и указал на манометр. Восемьдесят атмосфер!

Ремонтников как ветром сдуло. Послышался звон обронённых на бетонный пол ключей.

Не помня себя, кругами заходили около аппарата. Бригадир, схватив ключи, начал затягивать гайки.

Когда с бледным лицом спустился с аппарата, произнёс:

— Всего две успели отвернуть. Что это с нами случилось? Не понимаю... В соседнем, таком же, цехе вот так в шестьдесят четвёртом году на действующем аппарате фланцы разболтили, цех под корень взлетел. Не верил, что такое может быть. Пять человек погибли, знаете?

— Знаю, — холодно ответил Ковальский.

Бригадир молча скрестил руки на груди.

— Ещё раз обтяните болты и через час ко мне. Всё! — Ковальский еле сдерживался, чтобы не накричать.

...Этот случай заставил его заново продумать режим работы в цехе.

Договорились с Новиковым одновременно из цеха не отлучаться. Ходить в столовую по одному. Всё, связанное с вскрытием аппаратов, трубопроводов, компрессоров, начинать только в присутствии Ковальского.

Чтобы не путать схожие, как близнецы, системы аппаратов, Ковальский организовал бригаду маляров и они нанесли красные разграничительные линии шириной в десять сантиметров на всех шести этажах цеха. На каждом аппарате дополнитель-

но поставили крупно его номер и номер системы. Казалось бы, просто, но слесари оценили это по достоинству.

Попадал со своим рвением Ковальский в разные ситуации.

...Пускали одно из основных отделений цеха. Предстояло принять с соседней теплоэлектростанции пар с давлением 100 атмосфер и температурой около 500-550°C. Чтобы достичь таких параметров в цехе, необходимо заранее часа четыре прогревать трубопровод, сбрасывая пар либо в закрытую систему, либо в атмосферу.

Рёв при этом неимоверный. Персонал в наушниках. Не работать же так и заводууправлению? Поэтому к 8.00 сброс необходимо закрыть.

Работники ТЭЦ затагнули с началом подачи пара и к восьми часам режимных параметров в цехе не достигли. Поскольку существовала угроза конденсации пара, гидроударов и разрыва трубопроводов, сброс его в атмосферу продолжался.

Ковальский находился в аппаратной, когда позвонил старший диспетчер завода. Было уже девять часов.

— Директор требует прекратить, оглушили всех.

— Как — прекратить? — переспросил Александр.

— Так... — неуверенно ответил диспетчер.

— Мы ж взорвёмся! Пусть директор читает инструкцию, ты сам-то думаешь, что говоришь?

На другом конце провода наступила подозрительная гробовая тишина. Потом положили трубку. А через несколько минут Ковальского вновь потребовали к диспетчерскому телефону.

Александр подошёл и услышал приглушённый голос заместителя главного инженера по производству интеллигентного Кострова:

— Ковальский, ты понимаешь, что говоришь? У диспетчера была включена громкая связь. Директор всё слышал.

— Значит уяснил, что не шуметь нельзя? — Ковальскому некуда отступать.

— Понял-понял! Не нарывайся! Скажи, когда прекратишь? Он велел доложить, злой...

— Часа через два.

— Смотри! Не подведи!

— Чиновники хреновы, — уже положив трубку, сорвался Ковальский.

И опять влип. Не заметил, пока разговаривал, как подошла сзади и притихла с каким-то вопросом цеховая табельщица красавица Леночка. Хотя и шумно, но голос Ковальского прозвучал внятно. И она, резко отпрянув, повернулась лицом к окошку.

Ковальский видел, что Леночка улыбалась...

* * *

Проходя мимо красного уголка на обед, Александр услышал стук теннисного мяча. «Откуда у нас теннисный стол?» — удивился он и, заглянув, враз оказался в центре внимания. Три студентки, расположившиеся за столом, покрытым красным сукном, перестали шелестеть бумажками и уставились на него. Игравшие остановились. Мешали и открытая дверь, и он, возникший в торце стола.

Ковальский прикрыл дверь и прошёл к стене, чтобы не мешать.

Игра возобновилась, но вскоре шустрая девица с задорной тёмной чёлкой, отфыркиваясь, взмолилась:

— Фу... ты меня загоняла... Девочки, кто вместо меня?

Сидевшие за столом переглянулись и не ответили.

— Вот! — Девица протянула ракетку Ковальскому. — Будете? Чего так-то просто стоять? Да ещё молчать.

Александр посмотрел на часы. Оставалось тридцать минут перерыва. Он решил на обед не ходить.

— Она вас быстро под орех, — упредила та, которая с челкой. — Руфина, покажи класс!

Александр неуверенно потянулся к ракетке. «Руфина — имя какое необычное...» Тем, что за столом, он помогал собирать для дипломной работы материал. Руководил проектом у них Новиков. Эту, с чёлкой, и Руфину видел впервые. Очевидно, из соседнего цеха.

Руфина играла со стороны окна. Ладная и крепкая фигура в гипюровой кофточке и юбке чуть ниже колен чётко вырисовывалась на фоне залитых солнечным светом окон.

Слегка, как ему показалось, полноватая, несколько отяжелявшая фигуру грудь притягивала взгляд. Не давала сосредоточиться.

Ясное лицо её, с лёгким светом изнутри и едва намеченными ямочками на щеках, чуть розовело.

«Белоликая! — удивился про себя Ковальский. — Не бледнолицая, а — белоликая! Графиничка с ракеткой! Может быть такое? И вообще, мог ли представить, что увижу у себя в цехе такую царственную волоокую женщину? Наваждение какое-то!»

Солнечные лучи просвечивали лёгкие завитушки у мочек её ушей. Они золотились от этого.

Несколько раз их взгляды встречались и тогда она быстро отводила свой. Будто боялась, что он успеет за короткие мгновения понять что-то такое, чего она не желает...

...Александр проиграл. И внезапно для себя пояснил:

— Больше года не брал в руки ракетки...

Она засмеялась неожиданно весело и открыто. Почти по-детски:

— Я тоже давно не играла... только вот.. два дня здесь...

И быстро, не дав ему опомниться, приоткрыв дверь, выскользнула из красного уголка.

«Как будто торопится от меня избавиться».

Быстро вышел. В коридоре её уже не было.

«Очевидно, спустилась на первый этаж», — подумал Александр и безотчётно направился вниз.

...Они чуть не столкнулись у бытовой комнаты. Воронёные брови Руфины взметнулись около его лица.

— Боялся, что исчезнете, — вырвалось у Ковальского.

— У меня же там одежда, — сказала она грудным голосом и отступила на шаг назад.

Руфина ростом вровень с Александром. Глаза у неё оказались светло-серыми. Каштановые волосы пахли разнеженным летним разнотравьем. Во взгляде, движениях, манере говорить небольшими фразами он ощутил сдерживаемую, горячую лаву. Почувствовал, что начинает волноваться:

«Кажется, себя больше, чем меня, боится. Хотя и улыбается белозубо», — мелькнуло у него.

— Провожу наверх? — произнёс он и задал уже себе мысленно вопрос: «Сам лезу в капкан?».

— Как хотите, — ответила она.

А сама подумала: «Странно, как он смотрит на меня. Откровенно так! Чувствую его взгляд всем телом... И будто мы когда-то уже говорили о многом. И обо мне. Он меня понимает.

Но ведь я не хочу, чтобы меня понимали... я сама... боже, рас-
терялась... у него взгляд такой...».

Лицо её порозовело ещё сильнее. Он заметил и улыбнулся.

У неё металась пойманной птичкой мысль: «Не смогу от него
убежать просто так... если начнёт что-либо говорить или пред-
лагать».

Пока поднимались на второй этаж, Александр успел узнать,
что она — аспирантка московского института, с которым за-
вод заключил хоздоговор по обследованию нескольких цехов.
Приехала на неделю.

Когда шли мимо кабинетов цехового руководства, он впол-
голоса (чтобы не услышали) спросил:

— Кинотеатр «Восход» знаете?

— Да, — отозвалась Руфина. — Видела.

До двери оставалось три-четыре шага, Ковальский спохва-
тился: «Понимает ли, что надо успеть, там народ, а в коридоре
стоять и говорить нехорошо...».

— Буду у входа сегодня в семь вечера, придёте?

— Да, — внятно сказала она. И испугалась: «Очень уж спе-
шу... Но ведь иначе не успеть... кругом люди».

Они начали думать одинаково уже с первой встречи...

* * *

Ему не хотелось встречаться в ресторане и вообще в этом
городе. Хотелось куда-то увезти её от глаз знакомых и друзей...
Далеко-далеко... Такая осветлённая красота!

Он предложил поехать в Куйбышев. «Если успеем в драм-
театр на спектакль — хорошо! Нет — погуляем по набережной
Волги!»

Она согласилась.

XI

Вскоре случилось событие, заставившее вспомнить и не-
сколько по-другому оценить гневливость Ганина по поводу от-
сутствия на своих местах аппаратчиков.

У Ковальского строго заведено: уходя на обед ровно в две-
надцать часов, обязательно заглянуть в операторную. Сегодня
понедельник — у Новикова выходной день. Он работал в суб-

боту. Таков порядок для всех заместителей начальников цехов на заводе.

...Ковальский не спеша спустился со второго этажа в операторную. Знал: на вахте его «родная» смена «Б». То, что увидел, поразило: все вместе со старшим аппаратчиком Румянцевым метались у щитов управления.

— Что случилось?! — громко выкрикнул Ковальский.

— Давление пара на входе в цех упало от 95 атмосфер до 60. Продолжает снижаться, — отозвался Румянцев.

«Но ведь сейчас из тройников, где смешиваются этилен и пар, газ пойдёт в паропровод. Давление пара станет ниже, чем этилена, и...»

— Почему нет пара?! — прокричал в диспетчерскую трубку Александр.

— Саш, не могу от диспетчера ТЭЦ ничего добиться, — ответил стоявший на дежурстве Суслов.

— Тогда остановлю цех. Расход пара снизился наполовину!

— Подожди...

— Некогда. А вы почему не начали останов? — бросил он Румянцеву. — Можем опоздать!

— Начальник смены вышел на установку. По инструкции положено после того, как скажет «добро» старший диспетчер, а он тянет!

— Я даю «добро»! Бежим отключать реакторы! Будьте в операторной! — громко крикнул Ковальский жавшимся к щитам женщинам. — Их не стоит брать — тут целее будут, — выкрикнул он Николаю.

Надо было закрыть у пяти работающих на шестом этаже реакторов по одной задвижке, чтобы предотвратить попадание в пар этилена. После на втором этаже — открыть пять задвижек для сброса этилена в атмосферу.

«Если мы и добежим до шестого, то всё равно прекратить подачу пара — один шанс из десяти», — эта догадка обожгла Александра на четвёртом этаже. Но остановиться не мог. Рослый Румянцев мчался впереди. «Понимает ли, что мы почти обречены?»

Они сделали на шестом этаже всё, что нужно. Под резкий рёв пара бросились назад, на второй.

«Почему не взлетели? — мелькала мысль. — Ведь, когда открыли сброс пара в атмосферу, пахло этиленом, в трубе

уже был газ». Ковальский не понимал до конца, что происходит.

Когда открыли на втором этаже три задвижки, метрах в двадцати от них взорвалась ёмкость конденсата водяного пара.

— Ничего не соображаю! — закричал Румянцев. — Вода взрывается!

— Крути давай!

Следующая задвижка подалась легко, а последняя... Ржавый шток не давал штурвалу оборотов.

Всего на две нитки резьбы подался он в руках Румянцева, когда начал взрываться паропровод, идущий с теплоэлектроцентрали, угрюмый силуэт которой с высоченными трубами маячил в двух километрах от цеха. На эстакаде последовательно поднялись облака сизого, словно в военных кинофильмах, дыма.

Не сговариваясь, оба посмотрели на тридцатиметровой высоты краснокирпичную махину цеха. Глянули в глаза друг другу. Ковальский понял: пока не даст команду, Румянцева от штурвала не оторвать. За ним, за Ковальским, последнее слово.

Он бросил взгляд на злополучную задвижку — шток торчал уже на четверть.

— В операторную!

С невероятной лёгкостью они пересекли по диагонали площадку этажерки.

С противоположной стороны в операторную вбежал начальник цеха Ганин. Громыхнул:

— Что ты наделал, Ковальский?! Остановил цех!

— Остановил, — трогая ушибленное правое плечо, устало согласился Ковальский. — Выбора не было.

— Но весь завод встал!

...На другой день Ковальский сидел в кабинете главного инженера. Оказалось, что на ТЭЦ аварийно упал уровень воды в котлах. Это привело к прекращению подачи пара. Персонал ТЭЦ не мог оперативно отреагировать. А цех, остановленный Ковальским, уцелел ещё и потому, что у обратного клапана на паропроводе не сработала пружина. Весь этилен, попадая в теплообменную аппаратуру и трубопровод, давая локальные взрывы, вылетал на тепловую станцию. Там даже щит управления в котельной загорелся.

Главный констатировал:

— Вначале упустили время для останова и взрыв был неминуем. Но неполадка клапана и ваши, Ковальский, действия спасли и цех, и оборудование энергетиков. Хотя вы действовали не по инструкции.

— В таких случаях необходимо быстро останавливать цех, а уж потом с диспетчером судачить. Он далеко — ему труднее оценить обстановку. Я об этом ещё раньше думал. Поступал по ситуации!

— Мы посмотрели всё. Послушали магнитопись в диспетчерской ТЭЦ — действовали верно, — вступил в разговор Самарин, — мужественно. И вам повезло. И людей спасли. Можете с напарником отмечать второй день рождения!

...Так, вместе с триумфальным шествием нефтехимии по стране и области, проходили и непростые её будни.

А впереди они окажутся и серьёзнее, и страшнее. И у Ковальского с Румянцевым. У всего завода...

* * *

Следующие дни Самарин и Ковальский занимались внесением поправок в инструкцию по аварийному останова цеха. Новиков руководил его пуском.

Получалось, что диспетчер Суслов, хотя и поступил «по закону», оказался не на высоте. А нарушитель порядка Ковальский — прав.

— В диспетчерской судачат: директору указываешь на инструкции, а сам нарушаешь, — говорил Суслов, почёсывая затылок.

Он сильно переживал и намеревался писать заявление об уходе.

Александр отнёсся к этому вполне определённо:

— Не дури! У нас с тобой были разные условия. Твоя добровольная отставка — чушь!

— Видишь ли, виновата инструкция, которую многие составляли и визировали. Но почему крайний — я? Мне одному расхлёбывать, как бы... — Суслов помолчал. — Не сумел я сделать, как наш мудрейший профессор.

— Что за профессор?

— Трапезников. Большой оригинал. Иногда вредничал, пе-

регибал. Мы на пятом курсе решили над ним позабавиться. В день шестидесятилетия прямо на лекции преподнесли подарок: огромные три коробки, как матрёшки, вставленные друг в друга. Большой алый бант сверху! В последней был ночной горшок с пивом и плавали две вареные сосиски. Мы знали: любил профессор пиво и пропагандировал его! И вот ему такой подарок! Не растерялся мудрейший! Недолго думая, отпил глоток, надкусил сосиску и пустил горшок по кругу: «За моё здоровье, не откажите, дорогие мои! Уважьте старика! Перед экзаменами». А у меня вот не получилось организовать общую трапезу. Весь горшок пришлось пить одному. Надо бы по кругу... Не я инструкции писал, согласовывал и утверждал.

— Больно с хитрой резьбой твоя притча! Усложняешь. Выкинь из головы, — убеждал Ковальский приятеля.

* * *

...Прошло несколько дней и настроение Сулова, кажется, несколько выправилось...

Они с Румянцевым взяли его на рыбалку.

На Волге, около нравившегося Ковальскому Винновского затона, на песчаной косе из жёлтенького песочка, глядя на вечерние огни проходящего с шумной музыкой теплохода, Николай Румянцев предложил Ковальскому:

— Знаешь, давай породнимся! После такого...

Ковальский молчал. Не нашёлся сразу, что ответить.

— Жена забеременела. Если будет сын, а у тебя когда-нибудь дочь, поженим их!

— Я ещё не женат, а ты наших детей женить собрался.

— Но ведь женишься! Мы подождём.

— Ничего себе, если у тебя родится дочь, то мой будущий сын намного младше её будет.

— Рожайте дочь, а мы — сына, во втором заходе. Всё равно что-нибудь да сконструируем. Вот бы свадьбу лет через двадцать сварганить!

— Конструктор нашёлся! — улыбнулся Ковальский.

Но согласился. Куда деваться? Такой парень — замечательная родня!

— Ну, ребята, с вами не соскучишься, деловые такие! — удивился Сулов.

— Жить торопимся, имеем право, — поучительно толковал Румянцев, делая весьма серьёзный вид.

Когда собирались домой, складывая вещички и палатку, Ковальский неожиданно для самого себя сказал Румянцеву:

— Знаешь, облегчу я задачку с вариантами.

— Какими?

— Ну, со свадьбой!

— А-а... Говори, как?

— Девку рожай — и точка!

— Почему так определённо?

— Сын у меня есть. Ему восьмой год... Как раз будет..

— Постой! — удивился Румянцев. — Когда успел? И где он?

— У родителей.

— Ну, ты, Ковальский... везде впереди паровоза! А мать?

— Долгий разговор... В следующий раз... Н-на, лови рюкзак!..

Николай и Владимир были на заводе первыми, кому Ковальский сказал о сыне.

С того дня они ещё сильнее привязались друг к другу, и Румянцев теперь донимал Александра просьбой показать Ковальского-младшего.

ХII

— Может, нам податься в Отрадный или Нефтегорск — на твою родину? Мы, кажется, зависли. Два года на должностях без движения, — лёжа на кровати с кроссвордом, раздумывал вслух Суслов.

— Куда конкретно?

— В Отрадный, на комбинат полимерных стройматериалов. Из отходов газового сырья там скоро будут выпускать линолеум, пенополистирол. Или на Нефтегорский газоперегонный. Совсем новое производство — газовый бензин для нефтехимиков. Идёт он и к нам на пиролиз по подземному трубопроводу, как и бутан.

— А кто отпустит? Мы же не отработали положенных трёх лет. Кроме того, меня завод перераспределил из Саратова. Мне и дёргаться нельзя, совестно.

— Да уж. Попал. Сначала пригласили, а потом загнали в тупик, как паровоз. Я-то ладно... по распределению.

— Я решил готовиться в аспирантуру планового института по специальности «Организация и планирование народного хозяйства». Осталось три месяца до приёма, — заявил Ковальский.

— Так вдруг?

— Не вдруг. Работать на заводе, зная профессионально и производство, и экономику — это здорово!

— Ты хочешь защититься и вернуться на завод?

— Думаю так.

— Ничего себе: уйдёшь в аспирантуру, а мне одному трубить здесь в диспетчерах?

* * *

...Три месяца пролетели быстро. Пришла пора отправляться на собеседование. По неопытности и из-за нехватки времени на кафедру Ковальский предварительно ни разу не съездил. Готовился самостоятельно. Полагал, что главное — знания. Когда приехал, понял своё упущение. Странно на него поглядывали сотрудники кафедры.

— В газете было объявление о наборе аспирантов с датами собеседований. Я, кажется, вовремя, — пояснил он своё появление человеку низенького роста с внушительной лысой головой.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — мрачновато сказал человек. — Я — профессор Кудрявцев, а вы? — Он сел в торце стола.

«Ничего себе «Кудрявцев», — чуть было не рассмеялся Ковальский. — При такой-то лысине». Повеселев, сказал:

— Ковальский Александр.

— Работаете?

— Конечно.

— Где? — глаза профессора моргали без остановки.

— Начальник технологической установки нефтехимического завода.

Глаза профессора округлились и перестали моргать.

— Так вы — инженер?

— Инженер-технолог, — уточнил Александр. — Окончил политехнический.

— Ну, батенька, вы прямо из варяг в греки!

Ковальский не понял и хотел уточнить. Кудрявцев опередил:

— Вы нам не подходите.

— Как? — вырвалось у Александра.

— Молодых людей с техническим образованием на нашу кафедру в аспирантуру не принимаем.

— Что же мне делать? Я хочу учиться в вашей аспирантуре!

Глаза профессора, потеряв округлость, вновь начали ритмично моргать. Очевидно, это было их обычное состояние. Он, улыбнувшись, «подсказал» Ковальскому:

— Поступайте в наш институт. Окончите, а потом уж...

— Почему только так?

— А потому, молодой человек, что у вас, технарей, мышление не то. Не соответствует нашим требованиям.

Ковальский оторопел, но быстро собрался с духом.

— Откуда вы знаете, какое у меня мышление? Я, во-первых, готовился в аспирантуру! Во-вторых, в институте занимался философией. — Он помолчал и, боясь показать себя нескромным, добавил: — За одну из философских работ получил диплом первой степени на Всесоюзном конкурсе. Были и другие.

— Ну и что? — спокойно обронил Кудрявцев. — Вот и поступайте в своем институте, какие вопросы? Философия и экономика — разные вещи.

«Он, как и Шостко, уверен, что мой ум испорчен техническим образованием. А мне-то кажется, что наоборот: техническое образование дисциплинирует. Наделяет конструктивным началом! Но как это доказать высоколобым!?»

Профессор поднялся из-за стола.

— Вы поговорите со мной предметно, тогда решите, какое у меня мышление, — заторопился Александр.

— Нет необходимости. Я уже пояснил...

Ковальский вышел из кабинета.

«Кажется, расхотелось учиться у этого ортодокса. Куда я лезу?» — уныло думал он.

На улице он оглянулся на институтское здание. Оно виделось ему таким же, как и то, в котором засели поэты со своим литобъединением, — неприступным бастионом. Но вся внушительная неприступность эта держалась, казалось, на какой-то весьма сомнительной опоре. Стукни с некой особой умелостью — и грохнется весь бастион разом. Только вот неясно пока, как и с какой умелостью стукнуть...

...Когда ехал в автобусе домой, понуро глядел в окно. И ясно ощутил, что уже прирос к заводу! Ему нравились чёткий размеренный ритм производства, стройная иерархия подчинённости, энергичные инженеры.

...«А если завод, нефтехимия, как мне внушала Анна, моя планида и есть? Куда гоню лошадей? Заводская наука — это тоже наука! И с каким потенциалом! Может, зря бегаю и на полштыка рою по округности? Копать глубже, на полный штык, надо там, где стоишь. А что? Есть резон».

С этого дня он словно получил мощный энергетический заряд. Неуёмное стремление к результативности стало выделять его. Вся энергия сфокусировалась на работе в цехе.

Александра избрали зачем-то в совет общежития и через полгода, несмотря на его протесты — в комитет комсомола завода.

Но, активный в цехе, Ковальский оставался равнодушным к общественной деятельности. Он был слишком конкретен. По его твёрдому убеждению выходило, что человек должен заниматься только тем, что по душе. Всё чаще находил признаки того, что его место на производстве. И, вероятно, думал так не без оснований.

...Стихи писать не перестал. Но дал себе слово ни при каких условиях их не печатать. И от этого обрёл душевное равновесие, особую уверенность в себе... будто самодельные стихи, так он их называл, были тайными родничками, подпитывавшими его...

...Часто думал и о Руфине. Хотел понять её. И не мог. Остро чувствовал моменты, когда она словно опускала занавес и он оказывался как бы ни при чём. Сидел в пустом зале, а она уходила, как когда-то Верочка Рогожинская в его детстве, куда-то далеко-далеко, а Александр оставался с ненужным букетом цветов.

...Прошло уже полгода их близости, а он всё никак не мог привыкнуть к новому своему состоянию. Был в городе на площади Менделеева один дом, где филиал московского института имел квартиру-гостиницу. Там и прошли золотые минуты и часы их первых радостных бурных встреч.

Она приезжала не реже двух раз в месяц. То были их праздники.

Если можно, он вывешивал бы в эти дни по всему городу огромные флаги. Но так, чтобы о причине ликования знали только двое: он и Руфина.

* * *

— Совсем не беспокоись о том, что надо предохраняться, — шептал он ей горячими губами. — Решилась?

— На что решилась? — переспрашивала Руфина, не зная, как отвечать.

— Ну, что поженимся! И сразу начнём рожать! Пока шестерых не будет — не остановимся. Хорошо?

— Саш, ну что ты? В который уже раз?!

— Но я хочу от тебя минимум шестерых ковальчат!

— А что делать с моей аспирантурой?

— Продолжать учиться!

— А с наукой? Ты не поедешь в Москву, я не решусь перебраться сюда. — Она говорила эти слова, а на уме были другие...

— Значит, ещё не собралась за меня замуж, Дездемона?! Умри же!

И они начинали, дурачась, бороться в постели. Она сильная, это Ковальскому нравилось.

...Руфине с трудом удавалось оставаться весёлой с Ковальским, когда он начинал говорить об их совместном будущем. Как только уходил, начинала плакать. Были причины.

Она давно хотела рассказать о своей беде, но он так уверенно настроен на их совместное счастье. Очень хотел детей в «нормальной семье», как он говорил. И непременно много детей...

XIII

В конце ноября 1970 года за большие заслуги в выполнении заданий пятилетнего плана, и особенно химической и нефтяной отрасли, Куйбышевскую область наградили орденом Ленина.

На базе нефтедобычи бурно развивались нефтеперерабатывающая, химическая и нефтехимическая промышленность. За восьмью пятилетку объём продукции удвоился. На десятках химических заводов теперь выпускалось более ста её видов. Восьмая пятилетка завершалась настоящим триумфом.

Гигант нефтехимии — завод синтетического каучука в Тольятти, на который после выпуска уехали около двух десятков институтских однокашников Ковальского, — стал одним из ведущих в стране. За пять лет там произвели сверх плана тысячи тонн различных марок каучуков. Производительность труда возросла более чем в два раза.

За пятилетку в области заработало около четырёхсот новых предприятий, производств, цехов, установок. Среди них Новокуйбышевский нефтехимкомбинат, третья очередь завода синтетического каучука, азотно-туковый завод.

Социалистическое соревнование в честь столетия со дня рождения Ленина рождало всё новых и новых победителей. Мелькали знакомые и не известные ранее фамилии награждённых орденами и медалями.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1971 года за заслуги в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности награждены только по Куйбышевской области орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта» и медалью «За трудовую доблесть» более трёхсот человек.

Орден Ленина получили Александр Алексеевич Устинов — директор Куйбышевского завода синтетического спирта, директор Куйбышевского завода синтетического каучука Николай Вартанович Абрамов и директор Новокуйбышевского нефтеперерабатывающего комбината Павел Никитич Узункоян.

* * *

Сплотившиеся вокруг Самарина инженеры-новаторы разработали схему выпуска этилбензола для производства синтетического каучука и пластмасс. Побочный продукт, имевший ранее малую цену, стал одним из основных среди фенола, ацетона, альфаметилстирола и полиэтилена.

Плодотворная идея использования отходов дала толчок пошину по всему заводу.

А вскоре другая инициативная группа, проведя реконструкцию, из сжигаемых на свалке отходов производства выделила воск — низкополимерный полиэтилен, нашедший применение в строительстве.

Горком партии на своём бюро поставил вопрос масштабнее: необходимо комплексно использовать сырьё и отходы. И обязал привлечь к этому делу научно-исследовательские и проектные организации. А далее уже дело дошло до кооперации между предприятиями города и области.

Так ценное начинание, зародившееся в одном цехе, объединяло общей целью: работать без отходов. Всё должно идти в дело!

Более того, полезная инициатива вышла за пределы области: министерство рекомендовало распространить её на всю отрасль, а работников завода премировать.

Таков был нехитрый, но действенный приём, заставлявший огромные коллективы трудиться в нужном направлении.

Немало партийных чиновников оказывалось около рабочего человека, будь то простой исполнитель либо главный специалист. Они тоже получали премии и награды. Дела-то вершились большие! И масштабы, и успехи покрывали эту некую неувязку, свободно позволявшую иному партийному деятелю искренне считать себя незаменимым. Попробуй докажи кому обратное... Успехи налицо! Многие партийцы действительно сжигали здоровье и жизнь, выполняя поставленные сверхзадачи.

Всё бы ничего, но и партийное руководство, и газеты подавали первоначальную инициативу — как предложение вовсе не специалистов-инженеров, а рабочих. И это принималось как должное. Никто не роптал. «Это должно обижать инженеров, оно не соответствует действительности», — рассуждал Ковальский.

— Ты не понимаешь кое-чего, — объяснял ему заместитель начальника цеха Новиков. — Текущий момент каков? — Он многозначительно посмотрел на Александра.

— Каков? — переспросил Ковальский.

— Здрасьте, «каков»? Идёт не просто химизация, а «...плюс химизация» — то есть строим коммунизм, наше поколение должно жить в нём. Так определено!

— И что?

— Волну энергии масс надо поднять, понимаешь? А ты о своих правах каких-то заявляешь... Надо, чтобы каждый человек, начиная с самого низа, понял — он перводвигатель событий! Он может очень многое! Каждый — участник переустройства мира! Ведь мы первая держава в мире, где будет коммунизм! «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» или вот — «Руки

рабочих! Вы даёте движенье планете!»! Разве просто так говорится, поётся? Нет! Всё работает на сознание, помогает вершить! Это как горячее! Разве непонятно?

Новиков говорил уверенно и веско. И считал, что на это у него есть право. Он прошёл школу комсомольских активистов ещё до армии. И в армии был активным комсомольцем. Теперь он — член парткома завода.

Глядя в потускневшее лицо Ковальского, добавил:

— Ты — парень башковитый, давай выруливай на столбовую чёткую дорогу. Мы уже советовались в парткоме. Ты должен готовиться к вступлению в партию. Рекомендации будут.

— Я об этом ещё не думал, — отозвался Ковальский.

— Думай, голова! Столько сереньких личностей в общей массе, поняв главное, шагают в ногу, не ломая строя, и делают огромное дело, — уверенно произнёс Новиков и поднял трубку заверещавшего телефона.

— Новиков слушает! — голос у него чёткий и энергичный. И сам весь, как сгусток энергии, данной для каких-то выверенных и несомненно сверхполезных решений.

«Когда он говорил про шагающих в одну ногу — имел в виду и таких, как Свинарёв?» — подумал в это время Александр.

Ковальский хотел, было, затеять разговор ещё об одном. Он недоумевал: зачем надо давать так много наград за обычный труд? Только по области — сотни! Если труд — естественная человеческая потребность, то отличный труд — сам по себе уже награда. И, если хорошо за это платить, то зачем всё остальное? «Тут игра какая-то, должно быть». Так он думал, глядя, как вышестоящий начальник энергично говорит в трубку. И спохватился: «Растолкует сходу, а я всё равно, бестолочь, не пойму. Не буду спрашивать...».

Потом опять пришла неудобная мысль: «А если бы мне дали орден, я ведь не отказался бы? Скорее всего, нет. Так в чём же дело? Думай, голова», — повторил он слова Новикова и неопределённо усмехнулся.

Новиков положил телефонную трубку и сказал, будто они и не прерывали разговора:

— Нужна сплочённость и общность усилий, понимаешь?

— Обратно нет, — намеренно отозвался Ковальский фразой, которую часто говаривал Свинарёв, и улыбнулся.

Новиков невозмутимо продолжил, полагая, что нужны пояснения:

— Наш командир полка говорил, что людей можно разделить условно на два типа: «яйцо в скорлупе» и «яйцо без скорлупы». Вот японцы — «яйца без скорлупы». Они не каждый в отдельности, а легко взаимодействуют друг с другом. Дружны, а потому и сильны. Много делают, потому что одинаково мыслят и действуют, понимаешь?

Ковальский не отвечал.

«А ведь Новиков не так уж и прост, как кажется. У него своя выверенная обкатанная идеология. Он даже и не философ. Он — заряженный на дальний свой прицел практичный человек. Его умение кропотливо находить идейную опору для своих действий, очевидно, важно».

Не дожидаясь ответа, Новиков встал, прихватив со стола авторучку и записную книжку:

— Пройдусь по цеху перед обеденным перерывом. Давай, вместе.

Уже на ходу, закрывая дверь, вполголоса, хотя никого в коридоре не было, но не желая, чтобы в соседнем кабинете механика цеха его услышали, он проговорил:

— Не уединяйся в себя сильно. Будь, как все. Пойдёт тебе на пользу. В коллективе нельзя быть индивидуалистом. Не поймут. Думай, как все. Поступай, как все.

«Ничего не понял», — уныло отозвался про себя Ковальский.

— Пиши заявление в партию, это тебя мобилизует, по себе знаю. Твоё место среди активных людей, иначе не реализуешь себя...

...В цеховую операторную вошли вместе. Оба подтянутые, энергичные. И единомышленные. Так казалось со стороны.

* * *

...На установке ректификации их встретил Анатолий Вихарев. Развёл с досады руками:

— Помогите, я один. Не успеваю.

— Как — один? А где Мария? — спросил Новиков.

— Ей плохо, пошла в медпункт, а там её проводили домой. На больничном будет.

— А что же молчишь?

— Не успел позвонить, забегался. Температура верха головной колонны не держится. Был бы третий по штату аппаратчик, как раньше, а то — неважно. Нельзя тут щёкинский метод применять. Верните хоть на пуск.

— Где же взять-то его? — отреагировал Новиков. — В остальных сменах тоже по двое теперь. — Он бросил взгляд на Ковальского. — Александр, ему же ещё, — посмотрел на часы, — ещё пять часов вкалывать. Поработай в смене с ним. Попробую что-нибудь придумать до завтра, если не получится, сам выйду. Хорошо?

— Хорошо, — согласился Ковальский. — Только давайте сбегаю в буфет — перехвачу чего-нибудь по-быстрому...

— Договорились!

* * *

...В отрасли активно внедряли опыт Щёкинского химкомбината. У щёкинцев нашлось много последователей. В стране к началу 1971 года по этому методу работало около сотни предприятий, в том числе семь — в Куйбышевской области. Успехи вдохновляли.

Щёкинский эксперимент заключался в сокращении персонала за счёт совершенствования организации труда и управления. Это — как бы первый этап. На втором — рост производительности труда должен был определяться прежде всего повышением технического уровня.

В центральной операторной на столе начальника смены лежит газета «Волжская коммуна» со статьёй «Год по щёкинскому методу». Читают по очереди. Анализ и факты заставляют подтягиваться и равняться на передовых.

Передовики в области теперь — объединение «Куйбышев-нефтехимзаводы» и завод «Тольяттинский синтезкаучук».

С 1 июля 1969 года по 1 июля 1970 в объединении высвободили более 1900 человек.

Если в первом полугодии 1969 года, то есть до сокращения, производительность труда возросла по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 0,1%, то во втором, с переходом на новый метод, рост составил 9,4%. А уже в первом полугодии 1970 года она поднялась на 16,5%, а прибыль — на 32,9%.

И так достигались нужные показатели.

Обычно газеты на рабочем месте в этом цехе не читали. Специфика технологии особая. Требовала большой внимательности и частых оперативных вмешательств. Но эта статья о насущном. Поэтому ей привилегия.

* * *

В этот раз Суслов и Ковальский приехали с завода в одном автобусе, отработав вместе ночную смену.

— Послушай, твоя москвичка — замужня?

Лицо Суслова непроницаемо. Что у него на уме?

Они только что вошли в свою комнату.

— Откуда знаешь её?

— Видел два раза вас около дома, в котором гостиница. Москвичку твою весь город уже приметил...

— Ты знаешь, где гостиница?

— Хе, я там неоднократно бывал. И раньше приезжали... Они, москвички, у нас тут не теряются... Но такую, как твоя, впервые вижу. Не пройдёшь мимо, не оглянувшись!

— Иди к лешему! Ей двадцать семь и она холостая. Замужем не была. У меня серьёзные намерения, понял?

— Фи... — вытянул дудочкой губы Суслов. — Неужели так голову заморочила, что ты веришь?

— Володь, отстань...

— Мне-то что? Вот тебе... Я отстану... Только не верю: такая и не попадала в переплёт, к двадцати-то семи годам...

Он посмотрел поверх головы Ковальского и сказал, будто сам себе:

— Красота — штука непростая, гипнотизирует... Не ты первый...

Ковальский не нашёл с ответом и сказал первое, что на ум пришло, чтобы только закончить ненужный, как он считал, разговор:

— Знаешь, однажды проверял себя на гипноз, некоторые до дури доходят, а я — ничего...

— Саша, а ты можешь ответить, кто ты? — Суслову что-то надо было уяснить.

— Не понял? — ответил Ковальский, открывая скрипучую дверцу шифоньера.

— Не могу привыкнуть... Ты, ну, прямо, не наш, не современный человек...

— Поясни, пожалуйста. Так сказать, транскрибируй!

Суслов помолчал демонстративно, затем растолковал:

— Очень просто: живём с тобой в одной комнате, а я ни разу не слышал от тебя мата... и вообще...

— И всё?!

— Нет.

— Ты ни разу не напился! Подозрительно! Это, ну, никак не укладывается в рамки нормального нашего социалистического общежития. Неуютно как-то. Если бы был из интеллигенции, сказал бы: ты какой-то рафинированный.

— Кончай обзывать.

— Слушай, а возьми меня с собой в деревню свою как-нибудь, а?

— Зачем тебе?

— Ну... — не сразу ответил Суслов. — Посмотреть, все у вас там самодостаточные такие, или как?

— Возьму как-нибудь, — пообещал Ковальский, а про себя заметил: «Поедем — покалякает с Проняем либо с Синегубым, они ему мозги поправят...».

...Когда Суслов вышел, Александр, сидя на койке, призадумался: «Что я знаю о Руфине? Всё... и ничего... Она не рассказывает, я не спрашиваю. Кто был до меня?.. Какое мне дело?.. Ясно, что она не избалована... Наедине неопытна и даже застенчива... Не вижу фальши. Зачем ей морочить мне голову, если говорит, что у нас ненадолго? Она не верит в моё постоянство, а не я... Вот как получается?..».

Странно, — продолжал размышлять Ковальский, — я уж думал, что счастье меня обошло. Но жизнь непредсказуема! Какими путями, какими тропиночками нам по отдельности надо было идти, чтобы встретиться? Непостижимо!».

* * *

Он тихо встал, чтобы не потревожить Руфину. Четыре утра. Ночник мягким светом освещал волнующую фигуру, по плечи укрытую простынёю. «Похожа на уснувшую богиню», — подумал Александр, прислушиваясь к её мерному дыханию.

По-детски чистое лицо спокойно. Верхняя губа, чуть припухшая, изредка вздрагивала. Казалось, она сейчас, не открывая глаз, что-то скажет и, как это иногда бывало, тихо улыбнётся: «Не подглядывай, я сплю...».

Он тихо пересел в кресло.

«Странно. Когда смотрю на неё обнажённую, хочется одеть в шикарное старинное розового цвета платье с глубоким декольте и войти с ней в светлую залу, где стоит фортепиано. И она непременно должна запеть старинный классический романс. Она из той, далёкой жизни!.. Как получилось, что Руфина в этом загазованном, отравленном городе со мной среди заводских пыхтящих, свистящих цехов? Научный работник? Но её ли это дело? Когда привозит из Москвы пачки масла, лимоны, колбасу — мне всегда стыдно. Стыдно, как мы тут живём. Самое необходимое — дефицит. Нас оскорбляют. Мы же неплохо работаем! Гремят фанфары! А нормальный быт только в столицах. Ясно, я не поеду жить в Москву. Но как её удержать около себя, здесь? Не имею права. Мне совестно! Что же делать? Совестно мне за жизнь, которая окружает здесь, слышишь, спящая ты моя красавица!»

Руфина пошевелилась. Ковальский мистически вздрогнул, думая, что она услышала его мысли, и затаился. Она же высвободила длинную белую руку и, медленно выпрямив её, протянула вдоль туловища, успокоив кисть ниже высокого бедра.

«Руки милой — пара лебедей». Как поэт так мог проникновенно сказать?

Александр не лёг спать. Было не до сна. Так волновало её присутствие. И то, что с ним происходит...

В комнате с провалившимся шатким креслом, скрипучей кроватью и убогим шифоньером с двумя потемневшими деревянными вешалками находилось сокровище. Это он понимал...

...Иногда ему казалось: он скоро начнёт выть от того, что нельзя ничего сделать, чтобы всё вокруг было достойно её присутствия.

Александр не находил себе места. А Руфина будто не замечала, что с ним творится...

Она не была избалована.

XIV

Третий день, как закончился капитальный ремонт. Пусковые операции велись с опозданием. Головная установка не в режиме и конечный продукт идёт низкого качества. Работа установок в технологической цепочке до цеха Ковальского сдерживается. Он, словно пробка, заткнул горловину.

Утром после планёрки у директора приехал главный инженер Ренат Агнасевич.

Он посмотрел показания контрольно-измерительных приборов, перекинулся несколькими фразами с аппаратчиком, который вёл процесс, и пошёл к столу начальника смены. На ходу взмахом руки властно пригласил Новикова и Ковальского к себе.

Ковальскому показалось, что враз всё в операторной с приходом главного стало другим. Его внушительная крупная фигура, уверенные жесты преобразили её.

— Принесите бумагу. Ну, хотя бы большой кусок диаграммной ленты, — произнёс он в сторону начальника смены, глядя не на него, а мимо, на щит управления.

«Чего туда смотреть, приборы-то отключены? Эта система в резерве», — не понял Ковальский.

Когда принесли бумагу, главный кивнул Новикову:

— Чертите полную технологическую схему установки.

— Зачем время терять, вон же схема висит на стене в раме, — невольно вырвалось у Александра.

Присевший, было, к столу Новиков вопросительно глянул на главного инженера.

— Чертите, чертите!

И Ковальскому:

— Командовать здесь буду я.

«Зачем ему это?» — недоумевал Ковальский, наблюдая, как Новиков покорно водит ручкой по бумаге. Припомнил: многие поговаривали, что главный скор на расправу.

«Он же не там ищет! Хочет обвинить технолога цеха в незнании схемы? Абсурд! Любой из присутствующих процупал её руками, без этого нельзя! Помощи не будет, скорее, наказание», — определил молча Александр.

— Ну и где сидит зверь? — спросил главный, когда Новиков провёл последнюю линию в весьма запутанном чертеже.

— Если б я знал, — не теряясь, ответил Новиков.

«Молодец», — мысленно похвалил Ковальский.

— Дело в том, что я много раз пускал эту установку успешно, но такого не было, — проговорил Новиков. — Не выводятся колонны по температуре на устойчивый режим. И не держатся уровни. Хотя внешне всё исправно.

— Чудес не бывает, — веско сказал главный, прямо глядя перед собой.

— Понимаем: причина где-то внутри. Дайте ещё сутки.

— Ковальский, есть что добавить? — взгляд главного требователен, почти суров.

«Надо стоять за Новикова», — мелькнула мысль. Вслух Александр сказал:

— Нужны ещё сутки!

Главный ядрёно крикнул, будто после выпивки. Видимо, ему понравилось, что вокруг народ не из пугливых, можно положиться.

— Хорошо, сутки — не более...

И они пошли в кабинет к начальнику цеха.

...Быстро встав из-за стола, Ганин сходу попал под обстрел. Рукопожатие при встрече было дружеским, но тяжёлые вопросы высокого гостя заставляли втягивать голову в плечи. Это Ковальского до определённого момента забавляло, пока не возникло острое желание воспротивиться манере главного превращать окружающих в виновных школяров.

— У вас самый высокий среди родственных предприятий расходный коэффициент по пару, что-нибудь думаете делать?

Ренат Агнасович уже сидел за столом начальника цеха и так же требовательно, как и в операторной, смотрел перед собой. Только там у него перед глазами были отключённые приборы, а здесь — пустая серая стена.

«Очевидно, привычка такая — не глядеть на собеседника, так проще», — догадался Ковальский.

— Думаем... — начал, было, Ганин.

— Долго думаете. И единичная производительность реакторов у вас ниже!

— А есть ли смысл наращивать мощности, — не сдержался Ковальский, — если нет утилизации тепла, не ставим котлы-

утилизаторы. Высок расход энергоресурсов оттого, что, увеличивая мощности, не оптимизируем процессы.

Главный удивлённо перевёл взгляд на Александра. И тот, ожидая вопроса, замолчал.

— Продолжайте.

Ковальский решил:

— Проектную мощность цеха перекрыли на тридцать процентов. Меняем насосы на более производительные, а продуктопроводы — нет. Предохранительные клапана на большие размеры не меняем. Это ведёт к повышению опасности. Всё на пределе. Кому-то внятно надо сказать: хватит! Лимит давно исчерпан. Может грохнуть, — Александр давно думал о том, что сейчас говорил, и был уверен, что проблему нужно обсуждать.

— Завидный пафос! — усмехнулся Ренат Агнасович.

Ковальского царапнула эта фраза. «Серьёзно не хочет говорить? Была не была». Набывчившись, произнёс:

— В конце концов, это неграмотно. А щёкинский метод усугубляет. Персонала всё меньше в обслуживании. Техника стареет. Работаем, как правило, без резерва! С оборудования, технологии надо бы начинать, а не с сокращения людей...

Главный, мотнув головой, бросил в сердцах на дальний край стола ондатровую шапку. Сказал то, чего Ковальский не ожидал:

— Ну, ты достал меня! Пойди и докажи, кому следует, только что сказанное тобой! Против течения хочешь плыть? Я уже пробовал, чуть шею не сломали.

Ганин и Новиков переглянулись.

«Эти промолчат, — подумал Ковальский. — Они осторожные мужи... Да и время ли сейчас? Цех-то не можем пустить...»

— Зато мы гремим по области как инициаторы встречных планов... И все инициативы подхватываем и... перехватываем, — Александр уже чувствовал, что пора остановиться, но что-то мешало этому.

— Я бы с тобой не стал разговаривать, если бы не твои дипломы.

— Не понял? — сказал Ковальский.

— Ты награждён дипломом второй степени по министерству за экономию энергоресурсов, а там ещё на подходе диплом по объединению. Рацпредложение по перекрёстному охлаждению потоков водноспиртового конденсата твоё?

— Моё.

— Ну, так вот, поздравляю! Экономия за первый год его использования внушительная!

— Ренат Агнасевич, а то, что я предлагаю с котлами-утилизаторами — на порядок больше даст экономию, чем то, за которое диплом этот..

— Ну, ты и язва! — Главный посмотрел на остальных присутствующих, будто ища подтверждения. — Где твои предложения?

— В техническом отделе. С отрицательным заключением вашего зама.

— Забери и неси мне! Будем разбираться. — Он энергично взял со стола шапку. — А пока, Василий Анатольевич, — он обратился к Ганину, — пока не наладите режим и не начнёте давать качественную продукцию, буду считать, что в цехе с кадрами итээр плоховато. И надо смотреть этот вопрос...

«Как же так, — удивился молча Ковальский, — он с нами вместе всё смотрел? Причину сразу трудно определить. Сам это понимает. Ситуация каверзная и требует каких-то необычных решений. Сам не предлагает, но требует. Так разве можно?»

...Когда главный пригласил его к себе, Ковальский воодушевился. Ему понравился такой подход: «приходи — разберёмся». Ну, а потом, здесь?.. И в операторной?..

Главный ушёл, не позволив начальнику цеха проводить его. Ганин сказал, словно между провёл между Ковальским и собой.

— Ну и завариваешь ты кашу на нашу голову.

— Какую кашу?

— Такую! Ты пытался на равных при нас говорить с главным инженером.

— А как надо? Полагаю, когда говорят специалисты — начальства нет. Все равны, — спокойно возразил Ковальский.

Ему досадно, что и начальник цеха, и его заместитель смолчали. Хотя совсем недавно, каких-то две недели назад, все его предложения одобрили.

— И потом: я ведь прав.

— Голубчик, чтобы нравиться людям, а значит, и начальникам, надо ни в коем случае не давать им намёка, что кто-то может быть разумней, чем они, — наставлял начальник цеха.

«Они, кажется, с Новиковым «японцы — яйца без скорлупы», — подумал Ковальский.

— Но мы не на улице и не на девичнике: «нравится-не нравится»? На производстве — это общее дело! — попытался он поразмыслить вслух.

Ганин терпеливо продолжал:

— Как сказать?.. Общее... Да. Но важно, где сказано и когда? Ты уж поверь мне! Совет, который дают в присутствии других, воспринимается как упрёк. А тут похуже того. Ты втолковывал ему, что лучше понимаешь ситуацию. А сам вместе с нами не можешь вывести установку на режим. Пятый день не даём нормальный готовый продукт. Главного инженера обычно в таких случаях вызывают «на ковёр» в Москву объясняться. Понял, какое настроение у него? Целая отрасль скоро начнёт задыхаться. Каждый отвечает за своё. Вся страна связана в нефтехимии в единую технологическую цепочку. Готовый продукт одних — сырьё для других. Планы, встречные планы, социалистические обязательства многотысячных коллективов связаны друг с другом. Рапорта, митинги, знамёна...

— Это разные вещи, — возразил Александр.

— Разные? Вот съездит в Москву и схлопочет там выговорёшник. Думаешь, кого вспомнит в первую очередь? Тебя, милок, да меня... Мы получим из-за твоей строптивости поболее, чем могли бы... А с учётом желчного темперамента нашего главного... Надо бы смотреть на этот его брык как на природное явление.

— Но ведь это похоже на угодничество! Где-то так можно! Наверное, на стороне, где спокойнее, а здесь? Непростое производство... — не соглашался Александр.

— Я тебе — одно, а ты — другое... И у заместителя его ты теперь будешь, как бельмо...

«В споре нельзя победить, — вспомнил Ковальский давнишние слова Анны. — Всегда противник может сказать, что ты не прав. А я и не собираюсь спорить, пусть Ганин говорит. Мне надо знать, как он мыслит. Он в чём-то прав, только я пока концы не свяжу», — вёл он молча диалог с Анной. Её лицо светило издали, из глубины памяти.

А начальник цеха думал о другом: «Птицу по полёту видно. Нароботаемся ещё, возможно, под началом Ковальского. Замах не то что у нас — поболее. Оттого ли, что мы вечерний институт кончали, привыкли с рабочих в подчинении, или потому, что семейные и это заставляет быть покладистыми... Не

затыркали бы... Аппетит у него на работу крепок... И вот эта его способность независимо мыслить...».

Если бы Ковальский знал, о чём сейчас думает Ганин! Пожалел бы, что сгоряча сравнил своего начальника с Троекуровым. А может, и нет. Александр понял уже, что Ганин вовсе не злой человек и его несдержанность идёт часто от желания сделать дело лучше. Но столько разных препятствий... Он уже начинал понимать, что одно дело — инженерная работа в технологии, другое — руководить людьми. Не смог же родной дядька работать на стройке прорабом. Когда бригадир, не выполнив норму, настаивал на закрытии липовых объёмов, с досады ударил его по спине подвернувшимся рулоном рубероида и уволился.

«Не такая ли участь ждёт и меня? Я, очевидно, больше специалист, нежели руководитель. Часто всё делаю грамотнее и быстрее, чем многие. Если бы имел профессию, которая связана только с собственной умелостью и работоспособностью! Больше бы успевал! Есть ли такие профессии? Есть! Часовые мастера, зубные врачи... Кто ещё? — думал он. — Вообще врачи. Но ведь это не моё. Очевидно, писательство! Но этот род деятельности непостижим для меня. Здесь всё решает особый литературный дар. Талант!»

* * *

...Они с Новиковым всё-таки вывели цех на режим. Всю ночь были на ногах. Возились с наладкой контрольно-измерительных приборов. Дважды останавливали работу колонн.

В кабинет вошли около шести утра. Там Ковальский протянул Новикову аккуратный лист бумаги.

Тот деловито принял и прочёл с расстановкой:

— «Прошу принять меня в члены Коммунистической партии, так как хочу быть в активных рядах строителей светлого будущего нашего народа».

— Ну, вот и замечательно! Это — программа на всю жизнь. Она не даст ни хандрить, ни расслабляться... — заключил Новиков.

«Почему он проявляет такой повышенный интерес ко мне? Чувствует, очевидно, вину передо мной. Назначен на обещанную мне должность, а сам ещё только учится на четвёртом курсе. Мужик-то работающий и совестливый...»

Через неделю на техническом совете у главного инженера в присутствии Ковальского согласно его предложению решили по утверждённому графику установить дополнительные котлы-утилизаторы.

А через год новшество появилось уже на всех родственных предприятиях отрасли. Министерство стимулировало внедрение передовой технологии и техники. В ежеквартальных отчетах предприятий, копии которых оно рассылало, это отмечалось особо.

XV

...Когда Ковальский вошёл в приёмную, секретарь Светлана приветливо улыбнулась:

— Заходите, Александр, Валентин Сафронович говорил о вас.

В кабинете двое: Самарин и тот «Лановой», которого Александр видел здесь раньше.

Выйдя из-за стола и протягивая руку, Самарин сказал:

— А это наш молодой, но очень перспективный инженер Ковальский.

Александр кивнул сдержанно головой.

— Виталий Викторович, — представился гость. Руки он не подал и не встал.

Ковальский присел к столу.

Самарин, продолжая, очевидно, начатый до него разговор, произнёс:

— ...такие объёмы, такие масштабы — архиважны! Но эти же масштабы и умножают воздействие на среду обитания. Так обстоят сейчас дела в Чапаевске. Я родом оттуда. При выпуске отравляющих веществ столько заболеваний и отравлений было во время войны! И сейчас хлорорганика делает своё... И наша нефтехимия...

— Ты хочешь сказать, надо сокращать производства?

«Кто позволит?» — спросил мысленно Ковальский.

— Нет, я не за это, — чётко ответил Самарин. — Не за сокращение. А за создание малоотходных технологий. За то, чтобы сам процесс, как таковой, был безопасным для окру-

жающих. Науке надо крепко над этим поработать. И отраслевой, и вузовской. Вот увидишь: партия за это дело скоро серьёзно спросит. Инженеров надо со студенческой скамьи учить беречь природу. А вы, проектировщики, совместно с исследовательскими институтами должны создать общую концепцию...

— Да... да... Возможно, ты прав... Вы тут, в глубинке, надышались отравой. Острее чувствуете... Давай заканчивать — парень мается, — гость посмотрел на Александра.

Едва они остались вдвоём, Самарин быстро переключил внимание на Ковальского.

— Александр, я понимаю, тебе тесновато в рамках твоей должности, но так получилось. Сейчас открылась возможность заняться заводской наукой. Освобождается должность начальника лаборатории фенола-ацетона. Я предлагаю её тебе. Исследований — непочатый край. Давай решай. Там можно и диссертацией заняться.

Предложение было неожиданным.

— Я не думал о лаборатории, — начал Александр. — В цехе столько можно сделать...

«Наверное, не то говорю», — засомневался Ковальский и замолчал.

— Решай, — повторил Самарин. — Пока есть возможность. Определишься — приходи, не затягивай...

...Выйдя из кабинета, Ковальский спросил Светлану:

— А кто этот Виталий Викторович? Ну, у Самарина который был?

— Главный инженер проектного института, из Москвы. Он часто бывает, особенно после того, как Валентин Сафронович защитил кандидатскую.

Когда Ковальский был уже на первом этаже, его окликнул Костров — заместитель главного по производству.

— Что невесел?

— Получил предложение перейти в лабораторию фенола-ацетона.

— Кто предложил?

— Самарин.

— Странно... Ну-ка, пойдём ко мне.

Когда они расположились в кабинете, Костров произнёс:

— Буду рассуждать просто. Не хочу тебя захваливать, но сейчас ты на стремнине, на бурном потоке. Ты можешь стать, ну, хоть министром! Понимаешь? А уйдёшь в лабораторию — осядешь в тихой заводи. И все про тебя забудут. — Костров встал и прошёлся: — Это хорошо, что Самарин предлагает. Но говорят же, что корабль может затонуть и в порыве попутного ветра... Примерь на себя. Не такой ли случай?... А встречный ветер несёт большую силу. Ты на взлётной полосе сейчас... Выбор за тобой и от него многое зависит.

...Через два дня Ковальский отказался от предложения. А через месяц Самарин уволился с завода и принял кафедру общей химической технологии и охраны окружающей среды в политехническом институте.

Ковальский эту весть воспринял с грустью. Калашников, Засекин, Самарин — таких людей, высвечивавших истинное в жизни, он очень ценил.

«Из близких, подобных этим, кроме родных, у меня только Проняй да Синегубый, — невесело подумал он. — Мои наставники... профессора...»

* * *

В следующую встречу с Руфиной Александр ночевал у неё в гостинице и рассказал ей об Анне и сыне.

Они долго не засыпали.

— Хорошо бы подарить ему сестрёнку, когда поженимся, понимаешь? — говорил он, целуя её в мочку уха.

Её это возбуждало. Она вся подрагивала. Длинные ослепительные ноги мелко вибрировали. Волнение быстро передавалось ему. Он знал, что такие моменты она ждала сама, и помогал ей.

Но сейчас с ней что-то случилось.

— Ты так быстро устала? — спросил он, трогая губами завитушки волос около уха.

— Саша, это же так серьёзно — взрослый сын!

— Ну, какой он взрослый, пацан восьмилетний.

— Ничего себе, — произнесла она, переворачиваясь на живот и пряча лицо в подушку.

Александр потрогал рукой молчаливо притаившуюся голову Руфины и сказал, вставая:

— Не волнуйся, поедем в село, увидишь Сашу и всё уладится. Поедешь со мной? — спросил он.

— Да, — откликнулась Руфина.

* * *

Руфина неплохо пела. Закончила музыкальную школу, была даже дипломанткой каких-то фестивалей.

Вскоре в гостиничном номере она спела и «Калитку», и «Ночь светла». Александр знал эти романсы и слегка подпевал.

— Хочется спеть не вполголоса, а по-настоящему, — сказала она однажды. — И с сопровождением. Но где?

Александр повёл её во Дворец культуры. И там, в репетиционной комнате, аккомпанируя себе на фортепиано, Руфина пела под аплодисменты собравшихся работников Дворца.

Ковальский был счастлив.

Когда закончила петь, Александр, волнуясь, неожиданно для себя спросил:

— А можешь сыграть полонез Огинского?

— Могу, — легко ответила она. И не успел он в смятении что-либо сказать, как в комнате разлилась знакомая удивительная музыка, наполняя сердце щемящей радостью и благодарностью ко всему, что есть и что будет.

Небольшая репетиционная комната в затуманенных глазах Ковальского утратила свои границы. Превратилась в просторную летнюю душистую лесную поляну, посреди которой, как нарядные бабочки, порхали светлые одноклассницы Шурки Ковальского. А меж ними — самая лёгкая и самая загадочная — Верочка Рогожинская. Собрала букетик летних цветов и издали то ли хотела дать его Ковальскому, то ли призывала вместе порадоваться цветам — протягивала ему, не замечая лукавых глаз подружек.

«Как это давно было и как много всякого потом случилось. Узнала бы меня Верочка, если бы встретила? И какой она стала во взрослой жизни? Я знал её совсем маленькой. Хрупкой и воздушной...»

— Сашенька, что с тобой? Так нельзя... Ты настолько восприимчив к музыке?

Он услышал сквозь смех одноклассниц, шумевших на солнечной поляне, голос Руфины и очнулся.

Окончив играть, Руфина подошла и провела рукой по его лицу.

— Саша!

— Всё, всё, всё... — смутившись, выдохнул он.

Руфина мягко улыбнулась.

Она была похожа сейчас на молодую жизнерадостную учительницу, а он — на подростка-школьника.

* * *

Во всей процедуре вступления в партию особенно «досталось» Ковальскому на парткомиссии в горкоме.

Комиссия удивила своим составом. Все довольно пожилые люди. А одна старушка, про которую говорили в приёмной, что она видела живого Ленина, еле передвигалась. Старая большевичка имела весьма решительное, даже суровое выражение лица.

...Ковальский сел к краю стола и ему начали задавать нехитрые вопросы. На первые два ответил односложно. Третий задала «видевшая Ленина».

— Знаете ли вы, что в нашем небольшом городе есть улица Чернышевского?

— Да, — подтвердил Ковальский. — Знаю. Я живу на ней. Такой ответ не смутил её.

— А кто такой Чернышевский? — строго прозвучал вопрос.

Ковальский не сразу ответил. «Ну, что она, в самом деле? Один спрашивает, читаю ли я газеты, эта... Может, забыла, поэтому и спрашивает?»

— Что же вы молчите? — старушка отодвинула от себя на середину стола лист бумаги и в упор взглянула на Ковальского. Удивлённо так смотрела и долго.

Ковальский хотел, было, уже ответить, но старая партийка опередила:

— И вы не знаете, что он написал? Какой роман?

— Если иметь в виду «Что делать?», то мы могли бы все не знать о нём, если б Некрасову не вернули потерянную им рукопись этого произведения.

— О чём вы? — строго проговорила старушка. — Не понимаю. По существу вопроса можете отвечать?

Так получилось, что всего месяц назад совершенно случайно Ковальскому в заводской библиотеке на глаза попался роман «Что делать?». Пробежав предисловие, поразился тому, что в школе этот знаменитый роман, «глубоко перепавший» Ленина, его оставил равнодушным. Перечитав в общежитии книгу под ироничным взглядом Суслова, Александр узнал для себя много любопытного.

Пауза затягивалась. Ковальский почувствовал: надо отвечать «по существу», иначе будет поздно.

«Бухнуть, что ли, им всё сразу... или по частям?» — вертелось в голове.

— Работу над романом Чернышевский начал на пятом месяце заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где содержались наиболее опасные, с точки зрения правительства, преступники. Это было в декабре 1862 года.

Лица членов комиссии повернулись к говорившему. Ковальский решил продолжать:

— Кто такой Чернышевский, крепостники понимали уже тогда. Они знали, куда звал Чернышевский передовую интеллигенцию и народ своими статьями. В их глазах он был «коноводом юношей», «вредным агитатором». Они видели, что Чернышевский и его единомышленники готовят взрыв революции. После опубликования в журнале «Современник» в 1863 году цензура роман запретила. Его переиздали лишь в 1905 году.

Председатель комиссии, грузный, седой Рябинин хотел, было, прервать говорившего, но в последний момент не осмелился. Его рука, поднятая над столом, замерла и он не торопился ею пошевелить. «Занятный молодой человек! Про Плеханова не начнёт ли кто спрашивать? — усмехнулся про себя. — Не уморил бы».

Голос Ковальского, спокойный и уверенный, всем пришёлся по душе.

... — Могучей фигурой «особенного человека» — Рахметова автор ответил на вопрос «что делать?» для освобождения России от самодержавно-крепостнического ига. И у Рахметова, и у Веры Павловны были свои прототипы. Об этом говорил сам Чернышевский. — Ковальский сделал паузу. Все молчали. «Им интересно, они всё перезабыли? Напомним». — В образе Веры Павловны отразились черты характера жены Чер-

нышевского Ольги Сократовны, но основной прототип — её сестра Мария, — продолжал он. — Они дожили до Великой Октябрьской революции, Мария умерла в 1929 году, Ольга — раньше.

— Вот вам, Мария Степановна, и ответ! Говорите, молодежь мало интересуется историей? Ещё как! — Рябинин поверх очков посмотрел на Ковальского и предложил: — Может, не будем больше спрашивать Александра, а? Молчание — знак согласия. — Он добродушно улыбнулся, будто не замечал колючего взгляда старой заслуженной большевички.

XVI

Есть за селом Домашка совсем недалеко, чуть в стороне от большака, небольшая деревенька Бариновка. Как только её чуть минуешь и поднимешься через небольшой мост на взгорье, тут тебе и откроется справа — неоглядная степь, слева внизу — огромная луговина. А там, вдали за ней — притулившиеся к реке Самаре село Утёвка.

Здесь Руфина и попросила остановить машину. Румянцев остался возиться у старенького отцовского «Москвича», а Сулов, Руфина и Ковальский направились к луговине.

— Сашенька, — Руфина показала рукой в сторону раскинувшегося села. — Что-то на фоне облаков поблёскивает и сливается с ними?..

— Это Троицкий храм, церковь, — откликнулся Александр.

Она подошла и прижалась сзади, обняв ласково за плечи.

«И назвала меня так — «Сашенька», впервые при посторонних обняла... Что это? Степь так действует?»

— Очень люблю эти первоосенние дни. Природа грустит так светло. Притихла. Перво-осень. Как красиво звучит, — произнесла Руфина.

— Она в раздумьи: и с летом жалко расставаться, и осени не миновать. Бабье лето... И твоё!

Глаза у Руфины повлажнели, слегка потемнев, но Александр этого видеть не мог. Только острее почувствовал её дыхание.

В осенней вышине, в светлом прогретом воздухе, словно в летнюю пору, на удивление зазвенели жаворонки. Ласка бабьего лета ввела их в заблуждение!

Остановившийся неподалёку Суслов прислонил ладонь к берёзке, вспыхнувшей костром под напором калёных солнечных стрел.

— Саша, а что такое изумрудное внизу... там... — Он показал далеко вниз, на то место, где когда-то, в детстве Ковальского, было озеро, а теперь образовалась ровная долина.

— Это отава украсила луг. Сентябрь встретился с июнем. Теплынь. Вот и откликается всё так, будто начало лета... Но это ненадолго. Скоро 14 сентября — межа. День-летопроведец. Мы попали в самую хорошую пору. Скоро по утрам будет попахивать морозцем.

— Ты крещёный? — спросила Руфина. Она спустилась ниже Ковальского по обрыву и смотрела теперь на него снизу вверх лучистыми, ставшими светло-голубыми, глазами.

— Да, с детства. Мама крестила меня не в нашей церкви, а в соседнем селе. Наша церковь не действует.

— Саш, а вот смотри, — проговорил Суслов. — Попробуй убери купол храма или храм из этой панорамы и всё потускнеет, верно? Слово он притягивает свет небесный. Всё вокруг светлеет..

Ковальский невольно ещё раз оглядел окружающее. Сколько раз сиживал он в детстве у этого ильменька на зорьке. Как часто гонял здесь стремительных чирков. Наблюдал, как учились летать, готовясь к дальним странствиям, молодые медлительные выпи.

...Теплынь толкнула лёт тенетника. То здесь, то там мелькали в округе молодые паучки. У них своё кочевье. Ищут новое пристанище.

— Саша, а вот это же не паутина? — удивилась Руфина, показывая на рукав своей куртки.

Ковальский подошёл, снял белесую нить и пояснил:

— Это семена степного ковыля, смотри... Просушенные летним солнцем ости легко подхватываются ветром и летят неведомо куда, пока где-то не опустятся. Трава мешает семенам добраться до земли. И лишь когда в росистую ночь ость отсыреет, ввинчивает острое семечко в почву. Утром солнце начинает подсушивать её. Ость скручивается и отрывается, уносимая ветром. Семечко остаётся. Из него появляется потом пушистый красавец — ковыльный веер...

Руфина смотрела на Ковальского изумлёнными глазами. Ноздри её мелко и чувственно подрагивали. Она приблизилась и, обняв Александра, поцеловала в губы. Когда их дыхание возобновилось, прошептала:

— Ты рассказывал, как поэт! — И вновь приблизила свои губы...

— Мне завидно! — отреагировал негодный Суслов.

Смутившись, Руфина легонько оттолкнулась от Ковальского.

— Хотите, стихи почитаю, — предложил подошедший Румянцев.

— Хотим! — ответила за всех Руфина.

Николай легко провёл рукой у своего лица, отведя в сторону паутинку, и начал:

*— Цветы мне говорят: «Прощай!» —
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Её лицо и отчий край.*

*Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую приемлю...*

Голос чтеца оказался на удивление чист и мягок. Он на мгновение затих и, видя, что все внимательно слушают, продолжил:

*— И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо,
Я говорю на каждый миг,
Что всё на свете повторимо.*

*Не всё ль равно — придёт другой,
Печаль ушедшего не сложит,
Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.*

*И песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом.*

Едва Николай закончил, Руфина захлопала в ладоши.

— Замечательно, Есенин в степи!

— Не ожидал! — удивился Ковальский. — На рыбалке ты не читал стихов. Да так проникновенно!

— Там кругом вода, а здесь — степь! Не удержался!

— И Руфины не было, — добавил Суслов, засмеявшись.

После небольшой паузы Николай произнёс:

— Странно, что у Есенина о реке нет ни одного стихотворения. А вырос на Оке.

— Неужто так? — отозвался Суслов.

— Да, — продолжал Румянцев. — Есть такие строчки: «На кукане реки тихо песню поют рыбаки...». Но вот штука какая... — сказал так и замолчал.

— Ну, говори, — не терпелось Руфине.

Николай ответил:

— Я — рыбак, знаю, что такое кукан. Это приспособление из лески, верёвочки или проволоки. На него надевают через жабры пойманную рыбу, понимаете?

— А-га, — сказал Суслов. — И что же?

— Когда сажаеть рыбу на кукан, жабры рвутся, руки в крови, рыба — тоже...

— И что же? — снова спросил Суслов.

— «Что же»? Вот посади тебя на кукан? Какую песню запоёшь?

Лицо Сулова превратилось в сплошную гримасу.

— Ну, ты, начальник, даёшь, — сказал он. — Так можно испортить, что угодно, не только стихи.

— Вот и я говорю, — невозмутимо продолжал Николай. — Какая на кукане песня?

Руфина заступилась за поэта так энергично, будто тот из их компании, только отлучился куда-то.

— Ну, что вы, ребята, Есенин — гений. Поверим ему! Это же поэзия! Её нельзя иными законами выверять. Только поэтическими. — И добавил задорно: — Какие вы все молодцы! Мне так хорошо с вами!

* * *

Добравшись до села, они пересекли его, не останавливаясь, и оказались на шоссе, ведущем к озеру Бобровое и далее к селу Покровка.

Постояли на высоком берегу озера, наблюдая, как на илистой косе со стороны села пошумливает огромная стая куликов.

Ковальский вспомнил, что на другом конце озера обычно много ежевики. Захотел порадовать спутников.

Когда подъезжали к заветному овражку с ежевикой, наткнулись на Николая Яндаева. Он, как всегда, скакал трусцой на своём меринке. Стадо растянулось в ложбинке между озерами Бобровое и Латинское.

«Примета хорошая, — подумал Ковальский. — Попробую на удачу загадать. Если узнает меня, то у нас с Руфиной всё будет хорошо, нет — не судьба».

Когда приблизились, Александр поприветствовал Яндаева и спросил:

— Сашка-то, брат, в Ташкенте так и живёт?

— А ты кто такой, не припомню?

«Ну, вот.. — упало сердце у Ковальского. — Не судьба».

— Вместе учились, я Ивана Головачёва внук, Ковальский.

— А что ж я тебя сразу не признал? Сильно изменился.

— А ты — нет.

— Ну, я что? Мне зачем меняться, остаться бы, как есть...

...Заросли ежевики удивили.

Едва поднимешь плеть, крупные ягоды, одна другой краше, будто подмигивая, манят к себе.

— Царство агатовых глазок, — удивилась Руфина. — Какое у тебя должно быть интересное детство!.. Такие облака, небо, озёра — тебе повезло очень...

«Сколько ел ежевику, никогда не думал, что так можно красиво сказать: «агатовые глазки!» — порадовался в свою очередь Александр.

...Дома у Любаевых — никого. Вместо замка — дверная цепь заброшена на кольцо.

Александр прошёл в огород. Ни матери, ни отца там нет.

— Поехали к сыну, — вернувшись во двор, предположил Александр.

— А как же... — начала, было, Руфина.

— Записочку оставлю...

Посреди широкого двора Бочаровых, куда гости вошли цепочкой, стояли Григорий Никитич и Проняй Плужников.

— Ах, Боже, какие гости! — выходя из мазанки, всплеснула руками Дарья Ильинична. Подошла и погладили Александра по плечу: — Давно приехали-то?

— Да только что. А Саша где?

— Наверное, у Гришаевых, сейчас сбегаю...

Мужики поздоровались.

— Как, дед, жизнь? — спросил, обращаясь к Проняю, Ковальский.

— Да как? Арбуз растёт, — он похлопал по животу, — а вешка, извиняюсь, сохнет..

Суслов хохотнул.

— Ну, дед, — обронил Александр и поёжился от ответа. Ему неудобно, что такое может услышать Руфина, но она о чём-то говорила в сторонке с Румянцевым и, кажется, не слышала Проняя.

— Ты, старый, полегче, — проговорил Бочаров, — а то, понимаешь...

Всё понимал Проняй. Озорно прибавил голосу громкости и возразил:

— Ну, какой же я старый? — Пошевелил губами, закусив край усов. Хитро прищурился. — Старость, вернее, её первые приметы, знаешь, когда начинаются? — Почти серьёзно посмотрел почему-то на Ковальского и, не дождавшись ответа, продолжал: — Она приходит, когда любая молоденькая, извиняюсь, бабёнка, начинает казаться красавицей, смекаешь?.. А я пока ещё бесперспективный в этом роде... Мне моя супружница всех видней до сих пор. А она на год старше меня, вот ведь как! Такая любовь!

— Красавица, видать? — подыграл Суслов.

— Красоту в щипки не положишь, — коротко отозвался дед.

— Дед, а что такое любовь, ты понял? — Суслов весело смотрел на Проняя.

— А ты знаешь?

— Знаю, — ответил Суслов.

— Ну, скажи, я антиресуюсь этим делом давно.

— Любовь — это чувство, возникающее у людей, недостаточно знающих друг друга.

— Да, — неопределённо проговорил дед. — Учёный ты, видать, парень. Запиши мне потом на бумажке — к старости сгодится!

Все засмеялись.

Проняй краем глаза подметил, что и «красивая дамочка» засмеялась, и остался доволен собой.

Пришли сразу Дарья Ильинична, Саша и Екатерина Ивановна. Во дворе стало пёстро и шумно.

— А я очки-то еле нашла, прочитала и прямо спотыкошки бегом сюда. Вас тут столько! Как хорошо-то! — радовалась Екатерина Ивановна.

Начали знакомиться.

* * *

...Когда поели-попили на большой летней открытой веранде, все женщины дружно ещё малость похлопотали, убирая посуду. Потом, забрав Ковальского-младшего, пошли в сад, который, в отличие от огорода, не прямо у дома, а через дорогу. Так почти у всех, кто живёт на Дачной улице.

Мужики остались одни во дворе на брёвнышках.

Проняя так и не отпустили домой (а он и не хотел уходить, а только «для блезиру» собирался). Куда торопиться? Публика такая интересная. Дед и Суслов курили.

Первый заговорил Проняй:

— Счастливый ты, Григорий, около тебя внук. Как ни суди — радость великая! А мои не доверяют нам. Сноха не доверяет. Она, конечно... Ни одна не оставили, чтоб без них. А с ними — это всего на день-два. Пока они, родители, тута... Ну, ладно, это вам не интересно. Меня вот какие мысли жалят, как осенние мухи. — Дед помолчал, то ли собираясь с духом, то ли на «испыток», как он говорил, брал: коли будут слушать, не перебьют, согласен говорить. Все молчали. И он начал не спеша:

— Недавно имел беседу с директором школы. Кое о чём толковали. Так он говорит, что мои рассуждения направлены на подрыв устоев общества. Ты, говорит, зловредные мысли гонишь. А чего я гоню? Они сами висят в воздухе, только от них

все отмахиваются, а я — нет. Я присматриваюсь и понять хочу. Вот ты, например, Ковальский... мысли мои...

Бочаров добродушно засмеялся:

— Он, Саша, тебе сейчас морочить голову начнёт. По-другому не может.

— Да не я морочить собираюсь. Помогите, чтобы голова моя из заморочки вышла.

— А что за мысль-то? — Ковальский улыбнулся.

— Да я всё своё поджидал сына, а ему неколи. План по самолётам делает — главный анжинер на заводе. Редко приезжает. Некого спросить... Шишку я родил, понимаешь... Начальника.

— Бывает и такое! — озорно согласился Суслов.

— Бывает, — легко усмехнулся Проняй, — что у невесты жених умирает, а у вдовы муж живёт!

— Что спросить-то хотел? Забыл? — добродушно заметил Ковальский.

Но дед знал, на какие лады нажимать, когда разговоры разговаривал. Пауза важна.

Он ещё чуток пожевал губами. Обнажив беззубый рот, позевнул.

— Струмент весь, что ли, износился? — улыбнулся Григорий Никитич.

Ковальский не понял, о чём он. Проняй ответил:

— Почти. Да и на кой он таперича? Цыловатца поздно, да и остальное уж неинтересно становится. А как совсем почти слепой Синегубый стал, дружок мой верный, всю жизнь набекренилась. Грустный очень. И я с ним. — Он замолчал. Но не надолго. — Да, вот, Сашок, скажи мне: вы у себя на заводе по плану работаете?

— Конечно, как без плана можно?

— А по какому плану? — поинтересовался дед.

— Ну, по заводскому, цеховому, — уточнил Ковальский.

— Хорошо, — произнёс Проняй. — Значит наверняка и встречный план приняли. Об этих встречных планах и в газетах, и по радио строчат. Приняли?

— Так точно, приняли.

— А зачем вам встречный, скажи?

— Ну, как — зачем? Чтоб производительность росла, продукции больше для страны давали...

— Вот твой отец, Сашок, Василий Фёдорович, к примеру, делает севодни две седелки для совхоза. Приезжает за ними эта шельма Белохвостиков. А Василий ему вместо двух — четыре: я, мол, встречный план взял, а через недельку ещё две сверх плана. А их и не надо столько, седелок-то. Как это? Лошадей-то столько нет!

— Ну, они договорятся меж собой и решат: когда и сколько, — уверенно пояснил Ковальский и взглянул на Проняя.

Лицо у Проняя строгое и задумчивое. Ему всё равно «кое-что» непонятно.

— А сразу нельзя, что ли? Нормальный план брать? И не морочить голову. Без социалистических повышенных обязательств? А то ведь каждый раз переделка плана по всему государству надобится. Зачем заново столько людей тратят силы? Столько бумаги марает зазря? Есть власть. Сразу бы! Раз — и отрезали: вот вам план! И за работу, товарищи!

Ковальский смотрел на Проняя и не знал, что сказать. Не торопясь, начал:

— Нужна инициатива людей, чтобы они с азартом работали. Поэтому принимают повышенные планы и это поощряется...

— Э-э, дружок, инициатива? Ты плати хорошо — вот и будет инициатива, а не медали давай... Как жить-то в городе, если у тебя четверо или пятеро детей, к примеру, как у соседа моего сына. Я видел...

— У нас что самое важное в производстве? — произнёс Сулов и сам же, чтобы Проняя не увёл в сторону, ответил: — Производительность труда. Верно? Верно. — Проняя, он это видел, не торопился соглашаться. — Значит, чем больше продукта даёт одно и то же количество людей, производительность больше, — сформулировал Владимир.

— Ну, дайте норму повыше, и всё тут! — воскликнул по молодому Проняя. — Что, не можете сами дать? Верно, не можете? Ведь, если не выполняют норму, надо увольнять. Сколько народу по стране будет безработного. Что с ними делать? Всё разъяхнуться может. Уж пусть работают на маленьких планах и берут встречные... забавляются...

— Какие — маленькие планы? — спросил Владимир.

— Заниженные, — поправился Проняя. — Я так думаю: если постоянно берут встречные планы и социалистические

обязательства, значит, спервачка они занижены. — Он, было, замолчал, но тут же встрепенулся, как задремавший кочет: — А знаешь, кто их занижает?

— Кто?

— Начальники! Начальник участка, цеха, что там у вас ещё?.. Ну, конечно, директор и даже министры. Все хитрят. Каждый суслик в поле — агроном, известно... Всем надо, чтобы план утвердили поменьше. Чтобы потом, за выполнение-перевыполнение, получать премии, награды... Я так вижу, дело то идёт, хотя ни разу директора не видел, тем более, министра... А партия не даёт им такого послабления. Партии нужно больше и больше. Она вовлекает массы против вас — начальников. Вот я и думаю: кто верх возьмёт? Ведь так долго нельзя.

— Дед, ты — стратег! Издалека всё видишь? — вступил долго молчавший Румянцев.

— А это нетрудно. Газеты почитай! Меж строк проглядывает... Кто в газете пишет, чай, сам не верит тому...

Суслов покачал головой:

— Не ожидал такого. Мы там в рабочей горячке не всегда задумываемся...

— Известное дело, со стороны виднее... — обронил Проняй, — и вы мои мысли не опрокинули. Думал, что могу быть не прав, и порадовался бы этому. А тут гляжу: не пришла ещё к вам на заводах задумчивость. И мой сын Аркадий такой же, как вы... Молодняк! Вот я и стал на думках, как на вилах.

Ковальский хотел возразить, но Проняй продолжил невелико:

— Не в силах пока власть заставить так машину крутиться, чтобы на все обороты работала. Либо нет у власти силы такой, либо с машиной чтой-то... А так энтузиазму кругом полно... — Зорко оглядел всех и задал ещё один мучавший его вопрос: — Вот город затащил нас на свою сторону, оторвал от земли, а не подведёт ли? А ну оборвётся где? Внатяг больно... Помнишь, Александр Батькович, сад-то наш яблоневый, который в степи вместе сажали? Хиреть начал... К городу прикрепили, оторвали от села, как вас, и в упадке он... Не зря все эти бултыханья ещё при Хрущёве были: то с целиной, то с кукурузой... Страну надо кормить, народ. С голодным народом власти тяжело справиться будет... Вот выход и ищут... Из одной стороны...

Проняй посмотрел на Ковальского внушительно. Ожидал, очевидно, от него продолжения разговора о судьбе их общего любимца — сада, но Александру стало не до того...

* * *

Во двор вернулись шумной ватагой женщины и младший Ковальский. Руфина и Саша шли, держась за руки, и улыбались.

— И смех, и грех, — говорила Катерина. — Руфина стала смотреть в колодец, споткнулась и чуть не упала в него, а Сашок схватил её так, что она больше не от испуга закричала, а от того, как крепко вцепился.

— Утонула бы, что папе тогда делать? Он её привёз, — серьёзно сказал Саша. — Мы долго ждали...

— Вот и я говорю, — подыгрывала Дарья Ильинична, — ждали-ждали, когда привезёт. Привёз, а она — бултых в колодец и опять мы одни? Нет уж! Саша нас сразу всех спас!

Ковальский и Руфина несколько раз встретились взглядами и она с тихой радостной улыбкой кивнула ему. «Мне хорошо тут, так хорошо, что я не ожидала», — говорили её глаза.

Увидела, что он понял, высвободила руку и прижала к себе Сашину головку с такими же лёгкими завитушками, как у Ковальского. И Саша не отстранился и не застеснялся. От опытных Дарьи Ильиничны и Екатерины Ивановны этот разговор глазами не ускользнул. Они улыбались.

Александр светился: «Её появление везде вызывает радость. Редкий дар!..».

Ковальский-младший тоже не терялся, у него свой интерес. И он выбрал момент:

— Дед, а ты теперь, когда папа приехал, разрешишь на Гнедом покататься?

Ковальский вопросительно посмотрел на Григория Никитича.

— У Трохиных Фёдор-то конюхом сейчас, его сынишка гоняет на лошадях и нашего заманивает.

— Ну и что? Пускай...

— Да ну, ты когда начал скакать?

— Классе в пятом, по-моему...

— Вот. И наш пусть годика два подождёт. Мал ещё.

- Ну, деда? — младший Ковальский не сдавался.
А старший, поразмыслив, согласился, но с условием:
— Исполнится десять лет — попробуем!

XVII

— Дарья, я тебе тут карасиков свежих принесла. Миколай с утра наловил. Возьми, а то кошки растащат! Мне некуда их, больна много.

Никто и не заметил, как во двор вошла Степанида — соседка Бочаровых.

Она говорила с улыбкой, нараспев, ставя большую эмалированную чашку с карасями на лавку у погребницы. Её широкое розовощёкое лицо добродушно. Она и не скрывала, что ей интересно посмотреть на гостей из города. А караси — только предлог. Всем ясно...

— Я через плетень гляжу потихоньку и никак не пойму, где это, милый ты мой, — она весело подмигнула старшему Ковальскому, — таких красоток находишь. Мой-то старший уже двух городских привозил показывать. Мы тут чуть не брыкнулись. Тощие такие и гордые. А твоя-то! Крепенькая какая! И говорунья! Я слышу.

Щёки у Руфины зарделись, она рассмеялась, чем ещё больше понравилась Степаниде.

— Частушки петь можешь? — неожиданно спросила она Руфину и упёрла кулаки в бока, будто готовясь плясать подгорную.

Руфина молчала. Она весело смотрела на соседку Бочаровых.

— Можешь или нет?

— Руфина романсы поёт, — вступился Александр.

Степанида отвела свои полные руки от того места, где должна быть талия:

— Я романсы не знаю, а вот в этой — души не чаю!

И она мягко и раскованно запела:

*Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветёт...*

Лица у всех в который раз озаарились улыбками. Было видно, что местным соседка по душе. И они ей. А приезжие? И приезжим понравилась.

*Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придёт!*

От ясного чистого голоса ёкало сердечко.

Будто и нет певунье её сорока пяти лет. Да и что они, эти сорок пять, если почти половина из них — ночки и денёчки вдовьей жизни.

И не успела певунья перевести дух, чтобы тронуть следующее слово, как вступил Румянцев, словно в некое соревнование:

*Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило,
Я вспомнил время золотое
И сердцу стало так тепло...*

Ладно Степанида, но от Румянцева Александр не ожидал.

А Николай, оттолкнувшись от тёмной сохи, подпиравшей угол крыши погребницы, вышел чуть ли не на середину двора, как на сцену, успокоил руки на груди и уверенно продолжал:

*Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенётся в нас.*

Румянцев замолк и не успел Ковальский вслух удивиться, как все захлопали в ладоши. А Степанида, когда аплодисменты утихли, требовательным голосом спросила:

— Это — романс?

— Ага, — смячив «г», почти шёпотом согласился Румянцев.

— И такую красоту держишь в себе?

— А что делать? — отозвался певец.

— Вечером чтоб все были у меня в гостях, — заявила Степанида. — За один романс пять частушек даю! У меня их, как семечек в арбузе. И это: не надо с собой ничего. У меня своя особая есть наливочка... Главное, чтоб романсы были.

Она замолчала. И тут в тишине прорезался негромкий, но уверенный, притягивающий к себе хрипловатый голос.

*Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Всё отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна.*

Это пел Проняй.

— Всё-всё! Поняла! Согласная я! Дед, приходи на особую и ты. Я от тебя не отмежёвываюсь.

— То-то, ядрёна балалайка, — Проняй остался доволен собой: — У всякой пташки свои замашки. Нет молочка, так сливок дай!

Всем стало смешно.

Ковальский-младший, закашлявшись от смеха, как молодой телёночек, боднул ненароком Руфину в бедро и сконфузился. Она поймала бережно его беспокойную головушку обеими руками, притянула к себе. Оба дружно рассмеялись.

А тут ещё Владимир Суслов шагнул поближе к Степаниде и попал в центр внимания. Показался около плотненькой соседки Бочаровых ещё выше ростом. Она игриво из-под козырька ладошки посмотрела на него, как на каланчу. Прищурилась и то ли спросила, то ли предложила:

— Спляшем, что ли?

— И споём, — ответил с верхотуры Суслов.

Она, пританцовывая, пошла по кругу и только хотела запеть, но Владимир опередил.

Стоя на одной левой ноге, правой, как клюшкой, начал выделывать такие кренделя, что его сорок четвёртого размера жёлтый ботинок стал, как живой. Он взъерошил свой обычно аккуратный чубчик и получился разбитной, забубённый гуляка-парень.

— Нате вам наше, — сказал тихо, вроде бы, но все услышали. Пропел уже громко:

*Сидит заяц на заборе
В алюминиевых штанах,
И кому какое дело,
Ломом подпоясанный...*

И тут опять выдал Проняй. Хрипловато, но от души весело пропел:

*У Тараса на плечи
Разыгрались три виш!*

Вложив пальцы в рот, засвистел по-разбойничьи.

Ковальский-младший вновь стал смеяться, мотая головой из стороны в сторону. А Ковальский-старший невольно поду-

мал: «Там, на заводе, мы — и Николай, и Суслов, и я — какие-то все одинаковые, усреднённые. Разговариваем на казённом языке, точном, но тусклом. Здесь... Не узнать».

Проняй, повернув вытянувшееся лицо, как мог, серьёзно попросил Сулова:

— Спиши слова твоей частушки шабрихе... и мне! Сразу такую красоту не запомнить... Шедевра, а не частушка. У нас таких не могло быть, у тебя в ней индустрия: металл во всём... Да... Не сотрёшь сразу грани-то. Город — он и есть город!.. Не деревня... И про красоту запиши слова, и эти... Я уж и свои-то старые частушки забывать стал. Склероз, — пожаловался Проняй, взглянув на Сулова.

Тот решил пожалеть старика:

— Склероз — хорошая болезнь.

— Разве болезнь бывает хорошей, что городишь?

Владимир пояснил:

— А разве нет? При склерозе ничего плохого не помнишь и каждый раз узнаёшь что-нибудь новенькое...

Старик Проняй после таких слов крякнул и признался:

— Ты мне неяглым сначала показался, а теперь мерекаю: ошибся...

* * *

...Гости уехали только на второй день вечером.

— Ну, как думаешь, Ивановна, получится у Саши с Руфиной, а? — спросила Дарья Ильинична у Екатерины.

Они стоят посреди опустевшего двора.

— У старшего?

— У него.

— Да у них-то, по всему видно, всё уже сладилось. Вот как с младшим? — раздумчиво произнесла Екатерина.

— Тоже вроде ничего и с Сашенькой. Он многое уже понимает... — Взглянула внимательно на Катерину. — Наш Саша нашёл себе не простую женщину. Руфина — дива. С ней нелегко будет... Одно утешает — она, кажется, добрая...

...У младшего Ковальского тоже были вопросы, и не из легких: «Эта красивая добрая тётя Руфина, когда задал ей вопрос, тоже, как все, ничего не ответила. Она назвала меня «младшим Ковальским». Поправил, что я и не Ковальский, и

не Бочаров, в школе в журнале записан — Колесников. И сестра, которую никогда не видел, — тоже Колесникова, так бабуля говорит. Всё обещают переделать фамилию и пока никак. Когда папа приедет один, обязательно спрошу его про фамилию... А то Ковальский, Ковальский... а Ковальский среди нас только папа мой...».

У Проня с Бочаровым свой разговор.

— Всё вот хотел потолковать ещё по одному вопросу при гостях, при москвичке-то, да не решился. Тебя не хотел конфузить, — сокрушался Проня.

— Да ты на все свои вопросы давно ответы знаешь, говори кому-нибудь, только не мне... Тебе скажи — ты всё перетолмачишь по-своему.

— Всё может быть, — согласился Проня. — Но я ведь давно не в счёт. Они сейчас сила — от них многое зависит, от молодых.

— От таких, как твой сын — главный инженер, по-моему, больше зависит.

— Да-да, — пробурчал Проня. — Верно. Но ему рассуждать, как я вижу, по моим вопросам не с руки. А эти ещё непуганые.

— О чём толкуешь, не уразумею?

— Да всё о том я! Вот смотри, сейчас в городских магазинах шаром покати. Внуки мои любят пирог «лимонник». Так вот, только из Москвы Аркадий привозит им лимон. А здесь застрелись — не купишь. И колбасу копчёную привозит из Москвы... Разве это порядок? Я уж не говорю про деревню. Разве так можно? Работают везде! И по встречным планам — тоже! А селедки негде купить. Но в столице всё есть. Что ж, там белые люди живут, а мы — негры?

— Ну, какой Проня из тебя негр?! — резонно возразил, усмехнувшись, Григорий Никитич.

— Верно, хреновый, — согласился покорно Проня. — Но вот гости приехали и забегала твоя Дарья по магазинам, как савраска. Ухватить хоть бы чего! А там — шиш! Рожки да макароны. И печенье. Так разве должно быть-то? На великом нашем пути к коммунизму? Хрущёв выкрикнул, что будет он к восемьдесят первому году, осталось-то с гулькин нос сроку... Сомневаюсь я шибко что-то. Вот сейчас за зарплату работаем, а никак на всех продуктов не хватает. А потом как жить будем?

Всем по потребностям, а совесть-то у кого околела, а у кого и не завелась вовсе. Куда идём-то все?.. Мой разум в тупике.

— Мастер ты неподъёмные вопросы задавать.

— Тебе сколько, Гриша, годов-то?

— Зачем знать?

— Ну, всё ж-таки?

— За семьдесят.

— А мне куда поболее. Я хочу знать, чем всё это кончится. Боюсь, не доживу...

— Что всё-то?

— Всё, что вокруг нас. Столько уложили голов в гражданскую, в коллективизацию и так... кроме этого, а результат будет? Знать хочется.

— И ты хочешь, чтобы тебе эти ребята ответили? Дед, ты наивный, как пионер.

— Не наивный, некуда деваться. Цельные, я знаю, институты есть по этим вопросам. Вот с кем-нибудь оттуда столкнуться бы, а? Часок хоть поговорить бы... Ведь они учёные люди! Многие, поди, додумались и помалкивают. Знают и молчат. Хуже врагов народа. Ждут, когда посмеяться над нами...

— Проняй, прекрати эти разговоры! С меня хватило уже... С тебя, как с юродивого, какой спрос? А мне... не набуркался...

— Ладно. Ты тифтик ещё тот. Эти вопросы надо, конечно, решать в других инстат.. инстц... Никак на нужную букву не попаду, — пожаловался он, кажется, вполне всерьёз. — Вот — инстанциях, фу-у — я это слово никогда с первого раза не покоряю... в верхах...

Проняй в тот день ещё приходил. Вроде бы, по делу. И опять разговорился с Бочаровым. Не мог Григорий Никитич по складу своего мягкого характера шугануть старого. Чтоб не баламутил... Обозвал только дедом Щукарём.

Проняй не обиделся:

— Разве я так просто балагурю: глубину вопросов никто не постигает, вот беда какая... В метриках всем понаписали при рождении, когда и где кто родился. Они и успокоились на всю жизнь. Но ведь не написали никому: для чего родился, зачем? А надо понять, зачем родился. И зачем, для чего вершится всё. А так, ядрёная балалайка, пробренчишь попусту всю жизнь...

XVIII

— Никак не привыкну: ты такой впечатлительный, как ребёнок. Сдерживаешь часто себя, я вижу. Иногда в тебе чувствую такую бездну, что никогда до конца, боюсь, к тебе и не приближусь... Как ты работаешь с людьми? Тебе труднее многих. Ты так тонко реагируешь на запах, цвет, выражение лица человека. В тебе постоянно идёт невидимая работа. Можешь быстро износиться, Саша... Словно взвалил на себя груз, который должны нести несколько человек. А трудишься один...

Руфина и Александр сидят на том самом заветном берегу Самарки, недалеко от осинок, где когда-то он ночевал с Анной в скошенной траве.

День ведренный, а нет того уюта в природе, который был всего недели три назад, когда весёлой компанией приезжали в село на «Москвиче». На широкой, окаймлённой с трёх сторон ветельником поляне не видно, как раньше, паутин...

На правом берегу Самары поднимающийся ярусами чуткий осинник шумит уже не так, как летом. Ни пряных запахов, ни птичьей щебетни...

Ковальский и не понял, как оказался с Руфиной на этом памятном для него месте.

«Как она похожа на мою детскую любовь — Верочку Рогожинскую! — В который раз вновь думал Александр. Мысли вились легко и безоблачно: — Будто это выросшая она, которую видел и помню только маленькой. В последних классах казалось, что наша «химичка» Валентина Васильевна на неё очень похожа. Теперь — Руфина. Да-да, конечно, Руфина — Руфина больше похожа».

Александр нащупал рукой сбоку от себя на старом теле ветлы, на которой они уселись, большой шершавый кусок коры и задумчиво бросил в воду.

«В детстве из такого куска обязательно вырезал бы корабль».

— Саша-а, ты где-е-е? — Руфина потянула его за рукав ветровки.

— Мой генерал! — Он поднёс ладонь к виску. — Я здесь, жду приказаний!

В глазах Руфины вспыхнул озорной огонёк.

— Я приказываю поцеловать меня.

Он поцеловал её в губы.

— Вот так быстро? И всего разочек? Какие же у меня безынициативные подчинённые, а?

Руфина взяла его лицо в свои ладони и стала, как маленького, еле прикасаясь горячими губами, целовать везде, кроме губ, оставляя возможность говорить нежности.

Александр, поймав её губы, неудержимо потянулся рукой к груди. Она зашептала горячо, не отстраняясь, подрагивая:

— Сашенька, день. Светло! И нас кто-нибудь наверняка увидит. И птички эти! Подождём до дома, миленький.

Когда он успокоился, предложила:

— Саша, давай обсудим кое-что!

— А что обсуждать? Вернёмся в город и подадим заявление в загс. Товарищ аспирантка Руфина Смирнова, вы расписываться умеете? Или только целоваться горазды?

— Ах, ты так! — Она повалила его. Ковальский стал сопротивляться, лёжа на бревне. Они скоро оказались на траве и покатались к обрыву.

— До обрыва метров пять, а там — река, если не успеешь согласиться — нам конец!

— Сашенька, когда я в твоих объятиях, мне ничего не страшно. Но я не умею плавать. И мне больно шею, — пожаловалась Руфина. — Шея моя...

Александр разомкнул руки и попросил показать, где болит. Руфина пальчиком ткнула за ухом и он поцеловал там. Потом хитрый её мизинчик скользнул в другое место — и там поцеловал. Потом... получилось, что болела вся шея... И не только она, бедненькая...

Когда возвращались, Александр почти мистически думал: «Хорошо ли, что мы с Руфиной целовались там, где когда-то был с Анной? Что бы она подумала? Но она всегда хотела мне самого доброго... Я нашёл себе женщину, а Саше, кажется — мать. Теперь, когда Анны нет, — это благо для всех. Если души бессмертны, то Анна смотрит сейчас на нас и светло улыбается».

От этих суеверных мыслей отвлекла Руфина:

— Сашенька, ты уверен — сын должен в селе расти?

— А где же ещё? — ответил Ковальский. — Я вначале питал некоторые иллюзии: хотел забрать в город, снять квартиру... Но ведь в школу надо его провожать, днём кормить... Как это организовать?

— Саша, а давай сделаем эксперимент?

— Какой?

— Как только защитишься, заберу его к себе в Москву, а? Мы с тобой вместе постараемся все бытовые дела устроить.

— Руфина, ты сейчас, как и я после окончания института, в эйфории. Но защитишься — дальше хлопот ещё больше будет. Не до Саши. У меня другой эксперимент.

— Какой?

— Не придумал пока точного названия. Суть — в патриархально-индустриальном воспитании сына.

— Сашенька, непонятно, поясни.

— Издалека?

— Как удобнее.

— Я считаю, что первые лет двенадцать человек должен жить в селе. В селе всё как на ладони. И отношения людей, и жизнь животных. Это многому учит. Стоит только одно сенокосное лето провести в артели... Здесь, в селе, я давно знаю, кто чего стоит. И если один умеет только балагурить, а работать не научился, к нему и соответствующее отношение. А если, как мой дед Иван Головачёв, — молчалив, но в любом деле профессор, так это все знают. Уж не говорю об отце Василии Фёдоровиче... И вот думаю: а ведь в городе такого нет. Ребятишки своих родителей в работе не видят. Два раза в месяц взрослые с завода приносят получку — и всё. А какие они в деле, детям не видно. Получается большой разрыв. Сосед по площадке непонятен. Бегает на службу. Какой он вне семьи? Возникнет ли у сына в городе своё понимание, как можно и нужно трудиться?

— А почему патриархально-индустриальное?

— А вот подрастёт Саша и я периодически его начну возить в город. То под ногами асфальт, а то сельская дорога с коровьими лепёшками. Пусть чувствует и ритм города, и знает, как появляются на свет ягнята. Надо уметь запрягать лошадь, подшить валенки.

— Ну, это крайности — валенки подшивать! Он же будущий горожанин. Зачем ему это?

— Получилось так, что он вроде меня — будущий интеллигент в первом поколении. Пусть соответствует. Это поколение из деятельных людей.

— Саша, теперь поняла, почему ты хочешь, чтобы у тебя в семье было не менее шести детей! Ты задумал спасти общество! Заселить его Ковальскими?

Она засмеялась, и он, поймав её за руку, потянул к себе.

...Он целовал, а у неё текли по белым щекам слёзы.

— Руфина, когда ты так плачешь, я теряюсь. У тебя всё нормально? Что у тебя там, в Москве? Ты не рассказываешь...

— Сашенька, потом, попозже... Я не готова... Ты у меня сейчас — единственное чудо! Не хочу ни о чём думать и говорить...

...Когда уже подходили к селу, спросила, заглядывая пытливо ему в глаза:

— Саша, а крепенькая женщина, загорелая такая — Аксюта, когда мы были у Любаевых, ну, которая пришла и быстро ушла, на тебя смотрела по-особенному... Она к тебе равнодушна. Я это почувствовала. И на меня смотрела настороженно как-то...

— Я тут на глазах вырос, поэтому равнодушных вокруг нет.

— Увиливаешь, конспиратор самодельный, да? Саша, а ещё вопрос можно? — и, не дождавшись ответа, произнесла: — Твой отчим и ты? Вы очень похожи. Знаю, что говорю нелепость, но внешне вы как отец и сын. Эта мысль у меня не выходит из головы весь день, с утра, как его увидела. Что это такое?

— Не знаю, не ты одна так думаешь...

Он смотрел на неё внимательно. А Руфина, увидев яркожёлтую бабочку, плавными и красивыми движениями на цыпочках попыталась подкрасться к ней. Во всём её теле, в стройных и крепких ногах, театрально вытянутой к бабочке изящной руке, красиво посаженной голове, чувствовалась случайно попавшая на эту поляну представительница какой-то особой, нездешней породы людей. Она сама походила на бабочку! Но такую, каких Ковальский никогда прежде не видел.

— Как прекрасно, что землю населяют не только люди, да! — сказала Руфина, наблюдая за порхающей нарядной бабочкой.

Эта фраза удивила его.

Она положила руку ему на плечо и зашагала рядом. Заглядывая в глаза, спросила:

— Почему ты иногда так грустно смотришь на своего сына?

— Не на Сашу я смотрю грустно. На родителей своих, скорее, и на всё это, — он кивнул в сторону речки, огромных вётел за спиной.

— А почему, Сашенька?

Ковальский не торопился ответить. Они подошли к мосту через небольшую речку около села. Рядом, чуть левее внизу и вверх, мелькали стрижи. Он попробовал последить взглядом за одним из них. Но скоро потерял из виду.

— Понимаешь, мы с Сашей оба, как кукушата...

— Кто? — переспросила Руфина.

Александр, усмехнувшись, пояснил:

— Мы с моим сыном, оба... кукушкины дети...

— Это отчего же?

— А оттого, что мы словно были подброшены сюда на время. Я выучился в школе и шагнул в сторону, в город. Он вырастет, будет то же самое. Сначала мои родители лишились меня, теперь Бочаровы скоро останутся одни. Уедет Саша, какая разница, в Куйбышев или Москву. Жизнь пойдёт порознь. Как ни крути.

— Подожди, о чём ты? Разве другие не уезжают?

— Уезжают, — согласился Александр.

— А оставшись, пропали бы здесь, — уверенно произнесла Руфина.

— Не знаю. Посмотри, какая иногда печаль на лицах моих родителей, на лицах Бочаровых. Знают, что здесь нету точки приложения сил. И понимают, что это ненормально. Всё, что они делают тут, на земле, знают — никому не нужно. Потом будет никому не нужно. Наше поколение тихо, с их же согласия, предаёт. Ради лучшей жизни. Но предательство — всегда плохо. Прощлый приезд мы с отцом пошли в сад. Там «московская грушёвка» вымерзла. Стоит яблонька сухая. Я говорю: «Осенью надо посадить другую». А он посмотрел почти виновато, не осуждая никого, и ответил: «А зачем? Для кого? Все вы разлетитесь, а нам с Катериной много ли надо? Пока она вырастет...». Он и в мыслях не держал, я знаю наверняка, а всё равно подтолкнул меня: кукушата мы...

— Я — горожанка... По-моему, всё это, — она запрокинула голову, — этот купол неба, как сказал Суслов, и есть крыша дома. Дом там, где ты всего нужнее, где могут раскрыться силы и талант.

— Чувствую одно, — не возразил, а продолжал думать вслух Александр, — человеку предначертано полностью раскрыться только, где он родился. Силы его там, где произошло таинство рождения. Сейчас, видимо, такой период, когда люди идут не туда. Им пока позволено так поступать. Но время придёт, и многое станет очевидным... Иначе отчего постоянное чувство вины?.. В этом что-то таинственное...

Руфина не стала отвечать. Только подумала, что непоколебимое стремление понять то, о чём в её столичном окружении вообще не думают, часто размагничивает Ковальского, делает слишком мягким. Он начинает терять себя.

«В нём порою открывается такое, что мне, бедненькой, страшно неуютно становится. А хочется просто жить, порой подурачиться. Он так, кажется, не может, — уже не в первый раз думала она. — Ему когда-то крепко досталось... Может, крепче, чем мне?.. Седая прядь в густой шевелюре на самом виду, над левым виском — как отметина...»

* * *

Приехав в Москву, Руфина не находила себе места. Маялась неотступными мыслями о Ковальском. Плохо спала ночами. Скверно работалось днём. После того, что рассказал Александр о себе и Анне, узнав про сына и увидев его, она окончательно поняла, что не сможет стать женой Ковальского.

«Ну, какая я жена? Он так хочет иметь много детей. Такой цельный и ранимый. Если обману: выйду за него и не рожу? Для него будет такой удар, второй после Анны... Это для нас обоих будет тупик. Возненавидит меня. А я — себя, за то, что лишила его нормальной семейной жизни. Бросить меня он не сможет... Какие красивые у нас могли бы быть дети! Я же вижу: когда вдвоем идём по улице, нам вослед оборачиваются прохожие... Взять ребёнка из детского дома? Но это же не то, что ему нужно... Нет... Лучше в самом начале остановиться...»

Терзания выбивали из колеи. Под глазами появились тёмные круги.

...Она не могла иметь детей.

Это случилось три года назад. Руфина и Борис едва познакомились и успели всего несколько раз встретиться, когда об-

наружилось, что ей предстоит серьёзная операция на почках. Борис уверял, что будет вечно любить, какой бы она из больницы ни вышла. Переговорил со всеми врачами, к которым смог пробиться. Не хотел и слушать, что операция может быть неудачной, и она как-то успокоилась. Пришла в себя от внезапно обрушившегося удара. Мать жила в далёком Барнауле. Она решила ей ничего не сообщать. Всё действительно прошло успешно. После операции Борис и его сестра поочередно дежурили около Руфины. Из палаты Борис вынес Руфину на руках и увёз домой, где жил с родителями.

Она была бесконечно благодарна Борису, но особых чувств к нему так и не успела испытать.

Руфина еле ходила, когда Борис отправился с геологоразведочной партией в Сибирь.

Уезжая, настойчиво просил ждать. Заявил, что непременно, как только вернётся, они поженятся.

Руфина кивала согласно головой, не понимая, как быть: ведь это не любовь. Он её любит, но она... Она обязана, может быть, ему жизнью, но это другое!

Прошло полгода. Оказалось, что Борису необходимо задержаться ещё на два месяца.

Она окончательно выздоровела и вновь вернулась к занятиям.

Аспирантка Руфина Смирнова всегда на виду. Её трудно не заметить.

И появился Игорь. И так же, как Борис, стал неистово ухаживать за ней. Руфине он сразу понравился. Решила, что судьба ей улыбнулась.

И уж, было, готовилась перебраться в общежитие, как неожиданно нагрянул Борис.

Весёлый, бородатый... Он страшно напугал Руфину в первый же вечер своими крепкими объятиями. Родителям радостно объявил, что они идут подавать заявление в загс.

А назавтра, когда остались вдвоём в квартире, произошло то, самое страшное, что распахало её жизнь на две половины: до этого дня — и после...

...Она терпеливо ускользала от его объятий. Он же, принимая вначале это за сдержанность, пытался терпеливо добиться своего.

...Настал момент, когда Руфина стала откровенно защищаться. Борис, распалившись, уже не мог остановиться...

Взял её силой, грубо, почти не помня себя...

Так она стала женщиной.

Изнасилованная, рыдала, лёжа на противном рыжем диване...

В этот же день Руфина ушла в общежитие.

...Она ждала встреч с Игорем и боялась их. Не знала, как быть. Что говорить. Верила в любовь Игоря. Во имя будущего решилась, перемучавшись, сделать аборт.

...Когда стало ясно, что не сможет иметь детей, стала думать, как уйти из жизни.

Теперь она жила опалённая сознанием того, что лишена самого главного, предопределённого женщине природой: рожать, иметь семью.

«Будто выскоблили не только плод, но и большую часть меня. Оставили без будущего...». Она металась, не зная, что делать. Подолгу лежала, стараясь забыться. Уйти от самой себя, хотя бы на время...

...Когда Игорь разыскал её, она была равнодушна к жизни. Дни текли, как в бреду.

Он стал выводить её на улицу, в парк, на прогулки около тихой водицы. И она рассказала о случившемся. Игорь заверил, что не оставит в беде...

Руфина, казалось, приходила в себя. И тут обрушился следующий удар.

Игорь оказался женат...

Его жена выследила их, когда они сидели на лавочке. Приставила к ним детей: девочек-двойняшек.

— Вот, Игорёк, чтоб вам совсем уж не скучно было... Не тебе одному развлекаться, имею право и я... — Сказала так и быстро зашагала к автобусной остановке.

...Игорь клялся Руфине, что давно решил на развод. Мучительно, но он пойдёт на этот шаг.

Она еле слышала его и только тихо покачивала головой. Не было ни слов, ни сил вообще что-либо говорить. Встала и побрела к своему общежитию.

Больше Игорь не появлялся.

Она приняла это с благодарностью.

...Те минуты, когда на озере за посёлком «Сокол», ещё до возвращения Бориса, Игорь подплыл к ней и объяснился в любви, она теперь не хотела помнить. Хотя то были лучшие мгновения её жизни. Объяснения Руфина тогда ждала сильно, недоумевая, почему он медлит...

...Осталась жить только оттого, что сначала не смогла решиться на крайность, а потом... вялая текучка потихоньку затянула. Отстранённо, будто со стороны, наблюдала за собой и недоумевала: «Зачем всё-таки тебе такой жить?».

Руфина пришла к мысли, что наука может дать опору. Заменить всё! «Стану учёной стервой, — однажды усмехнулась она невесело. — Глядишь, что-нибудь сделаю настоящее. Ведь я же так мечтала в школе о больших открытиях. Хоть какая-то польза от меня будет...»

Так прошло два года. Всё вроде бы выправилось.

Не подпускала к себе никого, всячески избегая ухаживаний... Случился, правда, один эпизод, но она не понимала, что это было...

* * *

«Почему Саша прямо не спросит, что было до него? Так иногда смотрит, будто что-то знает. Если бы спросил, мне бы легче стало, но он деликатный: «У тебя всё нормально? Что за жизнь у тебя в Москве?» — и всё! И какую часть моей беды рассказывать, решить не могу... Боже мой, как я хочу теперь с ним быть... Будто он один — мужчина, остальные — так...».

Добираться поездом до Москвы около шестнадцати часов. Есть время помаяться бессонницей. Много передумала Руфина под стук колёс, а говорить Ковальскому о своей беде не решалась...

* * *

Этой осенью Александр и Руфина ещё раз побывали в селе. ...Саша пока не вернулся из школы и они решили сходить на Самарку.

— Я так соскучилась по реке. Как маленькая, — призналась Руфина.

Едва вышли за околицу, она разулась и, довольная, шла босиком, временами пускаясь вприпрыжку. Лёгонькое светлое платьице так к лицу ей.

За озером Лопушным на Лушкиной поляне остановились.

— Сашенька, если бы не ты, никогда б такой красоты не увидела!

...Конец бабьего лета. Вновь стоят светлые дни. На Лушкиной поляне, окружённой со всех сторон высоким лесом, зеленеет отава. Ни единой вкрапинки жёлтого или серого цвета. Всё изумрудно-зелёное. Всё разомлело и разнежилось в пропаренном, окружённом старым ветельником, ольхой и липой пространстве.

Не однажды Ковальский косил здесь с отцом траву — это всегда были особые дни. Помнил ещё и то времечко, когда сенокосничали здесь артелью. Были и дед Головачёв, и часто улыбающийся лукавый Остроухов. Теперь это всё вспоминалось как нечто древнее, былинное.

И вдруг он спохватился: а где же жаворонки? Эти неутомимые, неудержимые песенники!

Только так подумал, как в густой чаще подавала голос невидимая глазу птаха. Вначале робко, но потом отчётливо зазвучал её голос. И её сбила с толку теплынь.

Руфина оглянулась на Ковальского:

— Сашенька, такая истома во всём...

Александр взял её за руку. Она приложила палец к губам.

— Я так хочу послушать, — и сама же, не в силах противиться, пошла навстречу его рукам.

— На этой поляне всегда пели жаворонки, — шёпотом горячо заговорил Александр. — Может, сейчас нам повезёт!

— От всего этого голова кругом, — ответила она тоже шёпотом и стала его целовать, приговаривая: — Какая сказка, неужели это не сон! Если рассказать кому-нибудь, не поверят, что я... целовалась под соловьиное пение осенью. Это может быть только раз в жизни!

— Это не соловей, — улыбаясь, тихо ответил Александр.

Он слушал, а сам всё смотрел в небесную голубень. И свершилось! Там, в необозримых небесах, над их головами, над Лушкиной поляной проклюнулся звук, вначале короткий, а потом враз полился окрест малиновый широкий перезвон крохотных бубенцов.

Мельтешащая точка в небеси — крохотная птаха — словно нота, прыгающая по невидимым стрункам, издавала чудные звуки.

Руфина, закинув голову, искала глазами певца и не находила его.

Александр стал показывать пальцем на порхающую точку в синеве. Руфина крутила головой, завиток её волос около уха щекотал ему нос и от этого ноздри его возбуждённо подрагивали.

Жаворонок на миг замер и вдруг камнем устремился вниз...

Упал в шелковистую траву и исчез. Только неизвестная птаха продолжала солировать.

Руфина высвободилась из рук Александра и нескладно, как маленькая девочка, в пузырящемся своём платице побежала туда, где должен быть чудесный певец.

— Он разбился, бедненький, разбился, — доносился её лепет. Александр стоял, молча улыбаясь.

Через некоторое время донёлся жалобный голосок:

— Сашенька, его нет! Неужели так быстро утащили хищники? Идём искать вместе! Какая несправедливость!

Ковальский подошёл и нагнулся. Их глаза оказались на одном уровне. У неё по щекам текли слёзы. Она не пыталась их смахнуть.

— Саша, было счастье и нет его?! Так жестока жизнь!

— Руфина, ну что ты? Он же просто хитрец, этот жаворонок.

— Как?

— Когда приземляется, сразу убегает далеко в сторону, туда, где у него гнездо. Или где кормится.

— Он нас так безжалостно обманывает? — вполне серьёзно удивилась Руфина.

— Да. Я сколько раз это наблюдал.

Слёз на её щеках не стало меньше.

— Сашенька, эта история про нас с тобой.

— Почему?

— Была красивая песня и в один миг — нет её.

Она заплакала навзрыд. Его это обескуражило....

— Миленькая, почему ты примериваешь на нас с тобой? У нас же всё хорошо! Я тебя люблю! А ты — самая красивая женщина, которую когда-либо видел! Живу, как во сне, — у меня есть ты! Не придумывай ничего.

— Да-да, — соглашалась она. И продолжала плакать.

Не сразу Руфина овладела собой. Чуть, было, не вырвалось наружу всё то, что разрывало изнутри последнее время. И она испугалась этой минутной слабости. Ещё не была готова к тому, чтобы рассказать Ковальскому о своей беде.

...Вечером шепнула украдкой, что хочет ночевать в беседке под яблоней в саду.

Ковальский согласился, радуясь, что у неё прошёл непонятный ему нервный срыв...

XIX

«А что, если врачи всё-таки ошибаются и у нас с Сашей всё получится?!» — это спасительное предположение периодически возникало у Руфины.

Мысль гипнотизировала, и она не могла избавиться от неё. Внезапное и непреодолимое чувство к Ковальскому, многократно усиленное желанием быть полноценной женщиной, питало надежду. И она, охваченная этими взаимоусиливающимися чувствами, ждала от близости с Ковальским чуда. Хотела ребёнка!

Но чуда не произошло.

После того, как Руфина поняла свою обречённость, вновь, как в первые недели после аборта, занемогла душевно и физически.

А когда Ковальский начал снится ей маленьким ребёнком, которого, как своего младенца, кормит грудью, испугалась, что сходит с ума...

...Оставался всего месяц до защиты диссертации. Научный руководитель, сорокалетний преуспевающий доктор наук, последнее время задумчиво смотрел на неё. Она это замечала и старалась, как могла, держать форму.

— Ничего, ничего, Руфиночка, не падай духом. Всё будет нормально. Всё пройдёт и уляжется. Крепись, — так участливо сказал он сегодня утром. А уходя из аудитории, взял её правую руку в свои и, крепко сжав, произнес: — Я с тобой, что бы ни было...

Раньше он её не касался. И не называл так...

«Что он имел в виду, когда говорил «всё будет нормально и всё пройдёт»? Очевидно, только и видит мою диссертацию. Думает, волнуясь перед защитой. Но ведь это несравнимо с тем,

что со мной на самом деле происходит. Рушатся две судьбы! Рушатся? — переспросила себя Руфина. — Наоборот, Сашина жизнь и моя от разрыва только выиграют. Обе! Найдёт себе пару. Его выберут — мимо него трудно пройти. А я стану солидной учёной дамой! Всё! Всё! Решено. — Пальцы рук, цепко ухватившие спинку стула, почувствовали боль. Опомнившись, она ослабила их. — Всё! Всё! Теперь я его сделаю, свой выбор».

* * *

Светлый солнечный день. Руфина была в лаборатории, когда вошёл бледный Олежка.

Она совсем не обрадовалась этому светловолосому высокому парню. И тому, что с букетом ромашек, тоже не обрадовалась.

— Олежка, опять ты нехстати...

— Но почему же? Не виделись ровно семь месяцев и десять дней! Я тебя никак не застаю, — мямлил он. Лицо его было усталым.

— Уходи, слышишь! — проговорила Руфина, невесело усмехнувшись, просяще глядя мимо него.

— Руфь, я так... вот цветы...

— Поставь в колбу и уходи, прошу тебя, потом...

— Потом?! — бледное лицо блондина покрылось румянцем.

— Потом, — лишь бы только исчез, подтвердила она.

Оставив цветы, он тихо вышел.

...Олежка со своей любовью свалился на неё задолго до первой встречи с Ковальским, когда она уже оправилась после аборта, пропал Игорь и на радость себе осталась одна.

Ей казалось, что всё налаживается. И тут этот второкурсник со своими назойливыми ухаживаниями, подарками. Олег так краснел при встречах с ней. Ходил на все её лекции. Садился на первом ряду.

Он жил с родителями. Отец — профессор-искусствовед, мать — художница. Ухоженный и благовоспитанный.

Руфина долго не подпускала Олега к себе. Пугала разница в годах. Но он умел находить ласковые слова! И был так трогателен. После каждой лекции пытался её проводить.

И Руфина сдалась. Поверила, что перестаёт комплексовать. Ведь совсем ещё недавно и представить не могла, что позволит кому-либо дотронуться до себя.

...В первый раз в постели Олежка оказался неумелым и растерянным. У них ничего не получилось.

Она долго потом отказывалась от приглашений зайти «на чай» к нему домой. Он, как школьник, слал ей записки, твердил, что жить без неё не может. И Руфина сдалась. И опять, когда остались наедине, в нужный момент Олег «потерялся».

После этого стал избегать интимной близости, хотя повторял, что боготворит и не может представить свою жизнь без неё. Называл богиней.

...Она устала. Не понимала, что с ним? Нормальный ли? Твёрдо отказалась встречаться при любых обстоятельствах.

Руфина начала догадываться, что всему виной её красота. «Олежка никак не мог в постели побороть в себе высокое чувство ко мне. Боже мой, что же тогда такое — красота? На каких противоположных полюсах стоят изуродовавший меня Борис и бедняжка Олег? Если красота так губит человека, нужна ли она вообще?.. И что тогда у нас с Ковальским? Коль он так умел, горяч и напорист?.. Неужели это разврат? Какая я ещё дурёха неопытная... Ковальский — спасение? Да! Если бы не моя ущербность...»

* * *

Руфина уже несколько дней лихорадочно проговаривала текст и всё не решалась перенести его на бумагу.

Она одна в пустой комнате.

Белый лист бумаги слепит до рези глаза. Ей становится не по себе. Правая рука начинает мелко дрожать, она придерживает её левой.

«Саша, — вывела она неустойчивым почерком, — я перед тобой очень виновата. Это письмо принесёт тебе столько боли, я знаю тебя. Но так надо. Пока не поздно. Иначе потом будет ещё больней. Дело в том, что я не могу рожать детей. Ни женой, ни нормальной матерью мне не быть. Вот и всё. В этом моя судьба. Я смирилась с этим, но встретилась с тобой и не устояла. Теперь рву сердце и тебе, и себе. Это плата за то, что вела себя так. Дотаилась, дальше некуда.

Мы должны расстаться. Ты создашь нормальную хорошую семью. Дай Бог тебе желанных детей. Но... Сашенька, мы должны оставаться друзьями. Хочу, чтобы твой сын Саша, ког-

да подрастёт немного, переехал ко мне в Москву. Ты говоришь, что он до двенадцати лет должен жить в деревне. Пусть так. А вот с двенадцати я его заберу в столицу. Он многое здесь получит. Давай об этом думать вместе. Не дал же он мне тогда упасть в колодец. Теперь я обязана ему... Твоя патриархально-индустриальная метода воспитания будет действовать. И — ещё как!

Я попросила руководство и теперь долго, очень долго не приеду на завод...»

Руфина перестала писать. Вспомнились слова Шопенгауэра о том, что если обозреть жизнь каждого человека в целом, то увидишь перед собой трагедию... Тщетные стремления, разбитые надежды, роковые ошибки и в конце — смерть...

— Нет, нет и нет! — проговорила она вслух. — Начало плохое, но я сделаю дальнейшую судьбу сама.

Слова в пустом помещении прозвучали странно. Она не слышала их. Все мысли, всё сознание сконцентрировались на главном: «Я буду учёным и буду этим нужна. А ещё сделаю так, что Ковальский-младший будет моим сыном, а я — его матерью. Никакая другая женщина не сделает для него столько, сколько я».

Такую Руфина выработала генеральную линию. Права она или нет, приняв такое решение? Кто может ответить однозначно? Позавидуем ей: у неё хватило сил на поиск опоры в жизни! И, кажется, найти...

Часто ли встречаются такие женщины?

Когда закончила письмо, уже не чувствовала прежней разбитости в теле. Голова стала работать чётче. Словно освободилась от отягощающей сознание вины и поняла, наконец, что может быть полезной для доброго дела, вполне конкретного.

А в комнате через стенку сидел другой, внешне благополучный, но такой же, по сути, как и Руфина, загнанный судьбой человек и тихо казнил себя.

Руфина не поверила бы сейчас, что это её руководитель, всегда предупредительный, интеллигентный Альберт Исаевич.

«Как я всё-таки непростительно опоздал. Надо было раньше всё связать. Но кто знал, что случится этот её производственный роман? Я думал, она надолго остыла ко всему... Дооткладывался!...»

Доктор технических наук Бахрах и раньше был неравнодушен к Руфине, но сдерживался. Не давал проявляться своим чувствам. Более того, боялся за свою больную жену... «Если даже и ничего серьёзного, люди всё равно додумают, переиначат. Она может не вынести. Что тогда?» Бахрах смирился. Ушёл весь в работу. Был цепок в делах и результативен. Вскоре о нём заговорили. Бахрах становился звездой на нефтехимическом небосклоне.

«...Но теперь, — продолжал раздумывать он, сидя за пустым столом, — теперь, когда уже полтора года, как умерла жена, а у Руфины — Рубикон, ей нужна поддержка. Именно сейчас, сейчас... И потом, — продолжал он искать доводы «за», — ей надо стать доктором наук. Нужны условия для дальнейшей работы... Где будет жить? Так в общежитии и сидеть?.. После того, что случилось у неё с Борисом (он полагал, что знает достаточно о её беде), она долго не выйдет, не решится выйти замуж. Мы с ней идеальная, — на слове «идеальная» он покачал головой, — пара. Мы нужны друг другу. Находка? Да! Мы друг для друга — находка! У меня есть оболтус Вадим. Ему уже шестнадцатый год. Хватит и одного ребёнка. Что остаётся? Она да я. И наша наука! Немало. Если смогу спокойно и последовательно обо всём сказать ей, должна решиться на брак. Она — умная женщина. Даже не на брак. Можно устроить что-то вроде испытательного срока: не расписываться, но жить. А потом, через годик, пусть решит, как дальше...

Нет! Так не пойдет! — опомнился он. — Нас же загрызут, сплетни пойдут. Надо сразу: в загс — и всё! Один раз!.. Навсегда».

Поразмыслив немного, решил, что разговор с Руфиной должен состояться после защиты. А до того — ни слова...

XX

Письмо от Руфины Александр получит только через три недели. Она не сразу решилась его отправить. А он пока в командировке на Грозненском химическом заводе, куда прибыла целая делегация для подведения итогов соревнования между двумя нефтехимическими предприятиями.

Грозненский завод — флагман подотрасли. Ковальский постарался все четыре дня пробыть в цехах. Впервые увидел цех,

похожий на тот, в котором теперь работал, построенный по схожему проекту.

Поразило одно обстоятельство. Здание полностью раскрыто. Нет кирпичных стен. Построили его когда-то по проекту, предусматривающему кирпичную кладку. Впоследствии заводские специалисты выбрали, где надо, кирпич, укрепив каркас металлическими балками. Разумеется, предварительно всё согласовав с проектным институтом. При наличии в аппаратах и трубопроводах огромного количества лёгкого взрывоопасного газа под давлением до восьмидесяти атмосфер — это существенно.

Он посмотрел чертежи на раскрытие, состояние оборудования. В ветреную и дождливую погоду на этажерках неуютно. Но и меньше опасности. Конечно, морозные и снежные зимы в Поволжье всё усложняли в разы, но можно кое-что предпринять.

Он знал, как часто возникают аварийные ситуации, способные уничтожить весь цех. А если нет стен — можно при взрыве лишиться только части оборудования и избежать человеческих жертв.

* * *

...На заводскую планёрку, которую вёл главный инженер, пригласили и делегацию, побывавшую в Грозном. Делились впечатлениями. Ковальский доложил об увиденном и закончил вполне конкретным предложением:

— Как работник, знающий опасность цеха изнутри, предлагаю, несмотря на наши климатические условия, в ближайший капитальный ремонт раскрыть цех. Не принимать мер нельзя...

— А мы принимаем. И вы — первый их активный исполнитель. Я имею в виду отсечную японскую арматуру, позволяющую нажатием одной кнопки за пятнадцать секунд остановить систему и затем вытравить газ в атмосферу, — уверенно проговорил главный.

— Да, — согласился Ковальский. — Но это не спасёт, если аппарат или трубопровод разорвутся в помещении...

— Ну, все страхи сразу в одну кучу. Довольно. Вот если будете тянуть с установкой арматуры, мы с вас спросим. Цех смонтирован по проекту согласно действующим нормам. Надо будет — раскроем. Садитесь. Спасибо.

«Деловито утопил серьёзнейшее предложение. Сам-то понимает, что делает?!» — возмутился про себя Александр.

Вернувшись в цех, Ковальский составил отчёт о командировке, где особо подчеркнул преимущества раскрытого цеха.

Подумав, тут же написал и служебную записку на имя директора завода.

«Немного строптиво выглядит, но мы с Румянцевым уже были в роли несостоявшихся по чистой случайности жертв взрыва. Иное мое поведение просто нелогично».

...Прошёл месяц. Он дважды, минуя главного инженера, пытался попасть к директору. Не смог. Что оставалось делать, как не поспешить с установкой отсечной пневматической арматуры?

И Николай Румянцев был ему в этом первый помощник. Ковальский вывел его работать днём и они вместе с контрольно-измерительной службой трудились с утра до вечера.

* * *

Как Альберт Исаевич наметил разговор, так и повёл его.

...Руфина расположилась за столом (он намеренно её посадил, зная, что будет непросто). Стоя у окна и глядя невидящими глазами на улицу, изложил всё по пунктам, методично и с расстановкой.

Он дал себе слово — только сухой, рациональный слог. Но под конец всё же не сдержался:

— Очень жалею, что, когда мы встретились, я был уже женат..

Лишь при этих словах повернулся к ней лицом и увидел слёзы.

Он не решился подойти. Не знал, какие это слёзы. Что значат?

И Руфина не подошла к нему. Только встала из-за стола и молчала. Его предложение оказалось полной неожиданностью.

Он молча прошёл мимо неё и тихо прикрыл за собой дверь. На другой день в той же комнате они, сидя за столом, тихо разговаривали.

* * *

После недельного отсутствия она появилась на кафедре и ответила Бахраху согласием.

Словно боясь, что уступит Ковальскому, сжигала за собой все мосты...

Запоздало получив от Руфины страшное письмо, Ковальский бросился на переговорный пункт. Не дозвонившись, рванулся в Москву.

...Александр нашёл её в институте. Встреча произошла на следующий день после того, как она дала согласие Бахраху на брак.

Говорили мало. Оба плакали. Руфина навзрыд. Он молча, давясь слезами и стыдясь своей слабости. Не было ни обвинений, ни упрёков. Была общая беда...

...Вернулся он из Москвы с потемневшим лицом. Суслов не на шутку перепугался: не заболел ли?

От Александра крепко пахло спиртным...

«Не пил же он всю дорогу так, чтоб его было не узнать?» — качал головой Суслов.

Выпив стакан водки, Ковальский лёг в постель.

— Где красота и безоглядная любовь, там хаос. Что и требовалось доказать, — изрёк Суслов, отходя от кровати.

— Иди к лешему, философ нашёлся...

Ковальского мутило!

Проспал он ночь и половину следующего дня. Из общежития не выходил двое суток. Спас Ковальского от прогулов Суслов. Своей рукой написал от его имени заявление на недельный отпуск. Жалко приятеля. Он искренне полагал, что так нельзя: «Мужичку тридцать, а убивается, как первокурсник».

XXI

Теперь спасение Ковальского было, кажется, только в работе и в занятиях, которыми себя нагрузил. Вечером мчался в областной центр на курсы английского языка.

Александр решил подготовиться к сдаче кандидатского минимума. С языком было проще, можно посещать курсы ещё и по субботам. Занятия по философии проходили только в будние дни. Он решил готовиться самостоятельно.

Когда собрал всю необходимую литературу, на столе образовалась стопа не менее, чем из двух десятков книг. Философия когда-то была увлечением, теперь становилась, хотя и временной, но крайней необходимостью.

Понимая, что наскоком всё не одолеть, призадумался над системой подготовки. Её Александр себе определил, как понимал, нелёгкую, но надёжную. Решил на все вопросы написать ответы. Каждый объёмом не более двух-трёх страниц с цитатами из первоисточников и ссылками на издания, из которых взят материал. Чтобы облегчить усвоение, решил обращаться только к тем публикациям, в которых, как ему казалось, наиболее доступно излагался материал. И только так, «начерно» пройдясь по всей программе, разобравшись в азах, засесть за основательное изучение по этому выверенному путеводителю.

Он выполнил первую часть своего плана за полгода. На столе лежала пухлая общая тетрадь, вся исписанная мелким почерком. Он настолько освоился с первоисточниками и учебниками, что они уже не повергали его в трепет. Теперь, задумавшись, ставил стакан с чаем на солидный том выдающегося классика философской мысли Гегеля и уже не считал это фамильярностью. Гегель стал предметом его особого внимания. Ковальский изменил бы себе, если бы и в изучении философии не проявил дотошность. Казалось, он забыл, что готовится всего лишь к сдаче кандидатского минимума. Поражало то, что Гегеля никто до сих пор как следует не оценил.

— Вот слушай, — говорил он Суслову, который при этом не мог не зевать. — Удивляюсь тому, как человечество неслыханно жестоко обошлось с великим мыслителем. Он в одиночку впервые на планете проделал ещё в начале девятнадцатого века громаднейшую работу: разобрал все арсеналы мыслительных определений, используемых человеческим разумом. И выстроил их в порядке логической преемственности смысла. Он впервые рискнул навести порядок в содержании самого нашего разума. И тем самым заложил основы принципиально новой науки — грамматики разума.

— Зачем тебе это? Ну, не задумал бы одолеть минимум свой, и без Гегеля прожил бы, — недоумевал Суслов.

— Может быть, и так, но я натолкнулся на то, что нельзя теперь не замечать.

— Ты — химик, Александр! И хороший практик. О тебе по заводу легенды ходят, а ты решил теперь податься в философы? Зачем тебе это? Хаос в голове — это плохо.

— Нет, голова садовая! Как раз в этом смысле его «Энциклопедия философских наук» похожа на периодическую систему Менделеева. Она даёт всему порядок, понимаешь?

— Стоп! — сказал, приподнявшись с койки, Владимир. — Могу я на тебя ведёрко воды холодной вылить?

— Валяй, — пожал плечами Ковальский.

— Без обиды?

— Давай-валяй, — вновь пожал недоумённо плечами Ковальский.

— Оставь ты эту философию! Вот сдашь экзамены и — брось, выбрось из головы...

— Но почему?

— Эта философия — такая же дама, как твоя Руфина, заведёт в дебри. Ты — увлекающийся. В результате будет только беда.

— Но при чём здесь Руфина? — спросив, Александр побледнел.

— А при том! Я могу предположить: вначале — лёгкий флирт с философией. Но потом, я тебя знаю, будешь копать и копать и убежишь либо в аспирантуру на кафедру философии, либо ещё что крутанёшь и — нет Ковальского-производственника! Есть сморщенный скучный кандидат философских наук, преподающий бедным студентам эту бесполезную мешанину понятий и набор тем, от которых большинство просто мутит. Меня лично мутило здорово.

— Но отторжение у студентов от того, что преподаватели философии вязнут в вольном мелкотемье. Надо по Гегелю переходить к системной науке, которой является истинная философия.

Суслов, как всегда, когда у него кончалось терпение, покраснел. Лицо стало от этого даже привлекательнее, живее и энергичнее.

— Я тебе говорю: сорвёшься в философию — в итоге буду вытаскивать тебя из очередного кризиса.

— Да иди ты! Какого кризиса! Ты — химик! Так вот, подобно тому, как таблица Менделеева нужна не только для химии, но и для многих остальных наук, точно так же грамматика разума необходима сегодня всем частным наукам, которые она соединяет между собой воедино. Понимаешь?

— Понимаю, но что теперь конкретно делать? — попытался свернуть разговор Владимир и в последний миг опасливо поёжился: «Сейчас заведётся ещё на полчаса».

— Общество в конце концов придёт к созданию искусственного интеллекта. А раз так, философию надо преподавать будущим инженерам как системную науку, как грамматику разума.

— Понятно, — неторопливо согласился Суслов. Про себя добавил: «...что дело тёмное».

* * *

Первую декаду мая в нагромождении праздничных дней Ковальский просидел над учебниками, штудировал английский и философию. В начале июня сдал философию — на «отлично», а язык — на «хорошо». И не жалел, понимая, что знает его не очень.

* * *

В один из приездов Александра домой Екатерина Ивановна спросила:

— Саша, почему ты с Руфиной не приезжаешь? Али больше не вместе? Всю зиму один.

— Не вместе, мам.

— Что ж так-то, какая бабёнка хорошая?!

Он думал, что на этом разговор закончится, но мать продолжала:

— Разборчивый ты больно. Так нельзя... Она ладненькая такая...

— Мам, — решил Александр, — мы разошлись от того, что у неё не может быть детей.

— Ой, батюшки! — всплеснула мать руками. — Новая беда! Я вижу, ты какой-то смурной. И как это получился такой невезучий, обязательно найдёшь, где горевать? Головушка ты моя садовая... Вон недавно Тамара Заречная приезжала со своими двумя, такие крепенькие... Мальчик и девочка. Про тебя не спросила, когда встретились. Но видела я: очень хотелось узнать. И что же вы теперь, поодиночке опять?

— Да, решили, что у нас останется дружба...

— Дружба? Какая же одна только дружба промеж мужика и бабы? Придумал тоже... Найди себе бабёнку, чтоб любила тебя, и женись, а то пропадёшь...

...Они о многом поговорили, хотя материнские её простые советы иногда забавляли. Но он не возражал. Боялся обидеть.

И Александру стало легче на душе. Умела Катерина засветить светлый лучик...

* * *

...Ковальский и Суслов, оживлённо о чём-то беседуя, идут по главной улице города.

— Братцы-кролики, не узнаёте? — От газетного киоска к ним важно шагнул Свинарёв. Подмышкой — голубенькая папка.

— А, Колюнчик! — быстро отозвался Суслов. — Где пропадаешь? Не видно-не слышно.

— Я сейчас в городском комитете народного контроля. Жена в роддоме. Дел невпроворот, — солидно пояснил Свинарёв.

— Женился? — вполне натурально удивился Суслов.

— Вот ты даёшь! Жена уже дочь родила. Полгорода знает.

— Поздравляем! — протянул руку Ковальский. — Нормально всё в семье?

— Было хорошо, но сегодня мне сюрприз преподнесла...

— Какой?

— Говорит, когда выпишусь и приду домой, тебя чтоб там не было. Видали, что делает? Я у них с мамашей живу, в их квартире. Вот и фасонит.

— А чего она так тебя? — поинтересовался Суслов.

— Не сложилось, а так, вроде, ничего... Только разок сказала: «С тобой, жеребцом, жить тошно». Чего так?.. Я, правда, не удержался, с одной лаборанточкой кобельнул, пока жена в роддоме. Но она никак не должна была узнать.

— Значит, снова в общежитие?

— Может, и так. Она — настойчивая.

Когда уже расходились, Суслов вспомнил:

— А фамилию-то сменил?

— Конечно! Как же! У меня слово с делом не расходится.

— И как ты теперь прозываешься?

— Фамилия-то?

— Ну, да!

— Красивая — «Старчевский»!

Суслов громко хохотнул.

Когда же новоявленный Старчевский выдержанной солидной походкой, мелькая в толпе голубенькой папкой, зашагал своей дорогой, Владимир не удержался:

— Он там про жеребца какого-то говорил? Мне припомнилось:

*Я бы мог сказать, что глуп он, словно мерин,
Но лошадь обижать я не намерен!*

Владимир любил классиков. А Ковальский — ещё и лошадей. Они дружно рассмеялись.

— Владимир, ты два раза подряд не ночевал в общежитии, где пропадаешь? У Леночки?

— Нет, не у Леночки, — нехотя отозвался Владимир.

— А где?

— У Татьяны. Помнишь, мы с тобой как-то заходили в музыкальное училище? Я тебя знакомил.

Александр вспомнил крупную уверенную брюнетку.

— Она, кажется, замужем?

— Была. Года два назад мужа, строителя, убило плитой.

— Дети есть?

— Сыну четыре года. У неё с матерью — трёхкомнатная квартира, дача. Татьяна — директор музыкального училища, — угрюмо глядя перед собой, перечислил Суслов.

— И одним махом всё устроил себе? — не выдержал Александр.

Владимир молчал, но недолго:

*— Каждый выбирает по себе
Женщину, религию, дорогу.
Каждый выбирает по себе
Дьяволу служить или пророку.*

Стихи прозвучали неожиданно. Лицо Владимира было непроницаемо.

«Что это с ним? — содрогнулся Ковальский. — За этим кроется что-то серьёзное?»

Для многих на заводе Суслов — «свой» парень, добродушный и непритязательный. Но Ковальский-то знал ему цену.

Суслов переживал, что продвижение по службе у него не столь удачно, как у Ковальского. Часто беды у человека бывают оттого, что не знает он, где его место и какова цель. Суслов понимал, чего хотел. Он признался однажды Ковальскому:

— Я знаю свой потолок, за тобой не угнаться. Но главным инженером когда-нибудь могу стать.

«В чём же теперь дело? Перестал верить в себя?» — недоумевал Александр.

Ковальский решил поговорить с Владимиром чуть позже, в более подходящей обстановке, не на улице...

Они шли молча. Каждый думал о своём.

Когда уже подходили к общежитию, Владимир обронил:

— Только не ровняй меня со Свинарёвым, я немножко другой. Ковальский не нашёлся, что ответить.

XXII

Сразу после ноябрьских праздников Ковальского назначили заместителем начальника цеха.

Ушёл с предприятия главный инженер. Вместо него «дирижировать», так на совещании выразился директор, поставлен бывший теперь секретарь парткома Белецкий. Партийный комитет завода возглавил Новиков.

Для многих это было неожиданно. Но не для Ковальского. Сам Новиков, сидя в одном кабинете с Александром, потрянув головой, несколько раз произнёс: «Судьба играет человеком...».

Но Ковальскому казалось, что Новиков-то как раз по характеру более партийный работник, чем цеховой технолог. Вся его сознательная жизнь связана либо с комсомолом, либо с партийной и общественной работой. Сам Александр при любой возможности «жался», как он говорил, к «заводской трубе», сделав это нормой поведения. На заводской площадке, в цехе ему всегда интересней.

Место Ковальского занял бывший начальник смены такого же цеха, только другой очереди завода, Дмитриев, который чудом уцелел при взрыве в 1964 году.

Тогда, шесть лет назад, его обнаружили через сутки на лестничной площадке в главном корпусе. Ему повезло: когда рухнули перекрытия, потолочная железобетонная плита накрыла

Ивана в углу, зацепив лишь левую руку. Спасатели решали: заниматься плитой или ампутировать руку? И хирург, и газорезчик стояли рядом, каждый готовый приступить к своему делу. Решили всё-таки дробить плиту и резать стальную арматуру. Всё прошло удачно. Только голова тридцатилетнего Дмитриева стала седой да рука потихоньку теперь сохла... Могло быть и хуже.

* * *

— Хочешь, познакомлю с одной дамой? — большое, с ровным матовым оттенком лицо Суслова — само благодущие.

— Нет, — вяло ответил Ковальский.

— Но почему?

— Не знаю... Скучно всё это...

— Э-э, брат, так не пойдёт! Руфина уже около года замужем. За это время ты ни за одну не зацепился. Ненормально. Тем более для такого, как ты... Она во всех отношениях классная дивчина. Но с одной странностью.

Ковальский молчал. Его не интересовали ни странности знакомой Суслова, ни сам этот разговор. Но Суслов решил не отступать.

— Она влюблена в тебя. Уже третий год — такая беда. И ждёт!

— В наше-то время? — усмехнулся Александр.

— Она увидела тебя, когда ты никого не замечал — роман с Руфиной был в разгаре. Переживала в тени.

— Ты — сводня? Или фантазёр? — усмехнулся Александр. — Сам устроился под широким крылом Татьяны. Моя настала очередь?

— Может быть. Отчего хорошему другу не помочь. Имею опыт, — отозвался Владимир, лицо его при этом сделалось серым.

— И что же она? Одинокая?

— Тебя ждёт. И верит... Давно решила для себя: если не выйдет за тебя, то ни за кого!

— Страсти-мордасти... — безразлично проговорил Александр.

— С Леночкой работает в лаборатории. Лена — невольный свидетель того, как она мается.

— Леночкина подружка! — вяло удивился Ковальский. — Кажется, её зовут Настей, такая лёгкая, как козочка? Имя особенное.

— Ну, вот! Я, как всегда, тебя недооцениваю. Верно говоришь: она. Всё-таки ты её подметил!

Они поговорили и, кажется, всё забылось. Впереди был Новый год.

* * *

...Александр увидел Настю после этого разговора во Дворце культуры на балу. В бальном платье. И поразился её грациозности. Когда шёл домой, невольно думал о ней.

«Стоп, Ковальский! Ты же не мальчик! На балу, давно известно, все красавицы! Какой она приходит вечером с работы, ты видел?»

...Где-то через неделю позвонил Суслов.

— Послушай, у Татьяны день рождения, заскакивай вечером, а то ведь ни разу не был у нас.

Он назвал адрес.

...Когда Ковальский вошёл в непривычно большой коридор Татьяниной квартиры, сразу издалека заметил в гостиной среди незнакомых нарядных дам Настю. Она была в голубой водолазке и тёмных брюках. Они встретились взглядами и оба... смутились. Александр поспешил повернуться лицом к вешалке.

А в это время из кухни в коридор, потеснив Сулова к стенке, выплыла пышнотелая дама в лёгком розовом платье. Дама несла солидную эмалированную чашку с винегретом. В центре сочной массы, как мачта, стояла большая деревянная ложка. При виде Ковальского губы у дамы вместе с чёрными редкими усиками диковато шевельнулись:

— Здрасьте!

При её приближении Александр вмиг оказался в незримом облаке, состоящем из запахов духов, помады и неистребимо пробивающегося через всё это пота.

Он, как мог приветливо, ответил в тон:

— Здрасьте!

Дама уверенно, как самоходная баржа, повернув налево, почти удачно вошла в явно узковатую для неё дверь. Всего лишь чуть-чуть задела косяк «кормой».

«Держись, казак, нас, кажется, обкладывают по полной программе», — с этой мыслью он и вошёл в гостиную, в которой огромный Суслов, раздвигая табуретки, как ледокол на реке,

пробирался в дальний угол комнаты. Там из проигрывателя рвался неуправляемый голос Муслима Магомаева.

* * *

Александр проводил в тот вечер Настю до общежития.

А куда деваться? Всё выстроили так, что, едва весёлая компания оказалась на улице, подружкам понадобилось ехать в разные места, но только не туда, где она жила.

Они остались одни. Пустынные улицы. Одинокое прохожие и звёзды — свидетели их первой совместной прогулки.

...Через три дня ему стало неловко за своё молчание. Улучив момент, когда был у телефона один, позвонил ей из цеха. Договорились встретиться.

«Попробую вести себя так, чтобы наш, если это «роман», оказался вялотекущим. — Такое он придумал заранее определение. — Отдаю все права ей. Долго ли выдержит? Больно уж срочно все хотят меня женить. Суслов заодно с мамой».

Он вспомнил, как мать, провожая его недавно, в который раз грустно качала головой:

— Саша, тормозишь ты и брата Петра, и сестёр. Им уже пора семьи заводить, а ты, старший, холостой ходишь. Ждём не дождёмся...

Был ли это лукавый ход, чтобы подтолкнуть к женитьбе вообще, или на самом деле он «тормозил»? Родители по-своему хотели, как лучше. А лучше, когда сын женат.

* * *

Возвращаясь из кинотеатра, они подошли к её общежитию.

— Гулять негде да и мёрзнуть не хочется. Пойдём ко мне, я сегодня одна.

«Как она просто и доверчиво перешагивает преграды», — сидя на диванчике в уютной комнате женского общежития, думал Александр. И понимал: того, что может сейчас случиться у них, ему мало. Ему необходимо значительно больше. Надо то, что давало бы надежду на настоящее. А оно, это настоящее, так зависит от множества очень хрупких вещей...

«Мы сейчас словно держим в руках крохотное деревце или росток, из которого может вырасти огромное дерево: и любовь,

и будущие дети... Могут быть дети детей. И будет у них своя жизнь. Особая и неповторимая... А может ничего и не быть. Так просто всё?! Один шаг всё решает. И могут быть другие варианты жизней, отдельные друг от друга. И чужие?!.. Ну, и занудой я теперь стал».

— Саша, я быстренько. У меня есть домашние пирожки. Поставлю чайник.

«Домашние пирожки...» — повторил он про себя. И подивился тому, чем она озабочена.

Но тут же подумал: «За пирожки прячется, как и за многое другое. Всё понимает. Я это чувствую».

Когда оказались на столе пахнущие детством пирожки с картошкой, разговор налачился.

Скованность появилась, едва Александр засобирился домой. Стояли в коридоре. Настя, поправляя ему шарф, прижалась сама легонько к нему. Чуть коснулась своими губами его щеки. Это был их первый поцелуй.

Он не знал, что делать. Она мягко улыбнулась и от этой улыбки Александр оробел. Молчал и не шевелился около вешалки.

— Два года ждать... Будто в армии был. Ждала, когда демобилизуешься и мы начнём встречаться, — сказала она ещё там, за столом.

Он и за столом не нашёлся, что ответить... Боялся нарушить установившуюся искренность.

И теперь, взявшись за ручку двери, спросил:

— Я пойду?

— Да, — согласилась она.

«Если понимает, что со мной творится, то в этой её готовности — уверенность в себе: «никуда он не денется?!» А если заморочена моим поведением и готова скорее проводить — другое?».

Александр открыл дверь и вышел.

* * *

Когда шёл в общежитие, вспоминал: «Как там, в кино, писал в сочинении пацан? «Счастье — это когда тебя понимают»? Подрастёт и ему станет ясно: нужно ещё очень многое в жизни. Понимание необходимо, но недостаточно! Понимание — как корка хлеба для нищего. И всё. Это с нами уже

было... Настя! Она явно меня понимает. А что дальше? А я? Мне кажется, и я её понимаю. Очень даже. Ладно, на сегодня хватит», — решил он.

— Доживём до понедельника, — будто нырнув, как в детстве, под одеяло, произнёс он, отгородившись от всего названием фильма, который они смотрели с Настей. — Доживём, а там что будет!

...До понедельника Александр не выдержал. Уже через два дня, в пятницу, позвонил Насте Рассединой из общежития.

* * *

Жажда жизни и крепнущее доверие к миру вершили своё. Вялотекущего романа у них не получилось. Они, кажется, и не торопили события. Всё шло как бы само собой. Но вскоре Александр уже не мог представить, что кто-то другой, а не он, мог быть около Насти.

...Дело шло к свадьбе. Он был уверен, что женится с «холодной» головой.

Руфина откуда-то узнала о развивающихся событиях, скорее всего, от Сулова, и прислала поздравительную телеграмму. В ней три раза повторялись, как заклинание, слова: «Будь счастлив!».

А до этого Ковальский-младший гостил у неё в Москве. Жил в доме у Бахраха и возвратился радостный от увиденного. Руфина и он так сдружились, что писали теперь друг другу длинные послания.

Ковальский вначале чувствовал себя неуютно от деятельного участия Руфины в жизни сына. Потом свыкся. За развитием их отношений уже не успевал. А когда узнал, что она, оказавшись в Куйбышеве по служебным делам, успела заскочить к Бочаровым без него, совсем сдался.

...От Руфины шёл свет, похожий на берёзовый. Тихий и ясный...

* * *

— Ты на меня так смотришь... О чём думаешь?
Настя и Ковальский одни в комнате общежития.

— Хочу угадать, что скажет мама, когда привезу тебя показывать.

— Ты — маменькин сыночек? Всё зависит от неё?

— Забавно, как это будет выглядеть.

— Я ведь не деревенская, не городская. Вполне могу понравиться. Всякое бывает, — Настя весело смотрела на Александра, — что тогда? Обратного хода уже не будет.

— Ты такая миниатюрная, а она наказала, чтобы нашёл себе «бабёнку крепенькую». Ждёт-не дождётся.

— А я крепенькая. Я крепко тебя люблю. Вот и всё тут! Ты у меня один! И на всю жизнь! Я — твоя крепь! Это она пойдёт и без тебя, такого неторопливого. А потом, готова нарожать шестерых, как ты хочешь. Куда деваться-то? За маму не спрячешься! — И она, чуть коснувшись, поцеловала его сзади в шею.

Он временами замечал в ней частичку то Влады, то Анны. Лишь Руфина теперь в его сознании была сама по себе. Не похожая ни на кого. И Александр не мог себе определённо сказать: хорошо это или нет. Будто от этого что-то зависело. Словно виноват перед Руфиной.

Он не предполагал, что Настенька, как звал её Ковальский, очень скоро потеснит в нём многое. И в его буднях, и праздниках, весельи и ненастии будет из женщин только она. И в работе, которую Настя примет как часть его самого, как часть настоящего крепкого мужика, который должен уметь делать своё дело в жизни, иначе он и не мужчина вовсе — часть энергии будет её.

— Нам надо было лет десять назад встретиться, — сказал Насте однажды Ковальский.

— Нет уж. Ты меня бы не признал своей, — возразила она. — Я была, во-первых, как спичка, одни глаза. А ты? — Помолчала, глядя на него. — У тебя наверняка голова кружилась, столько было вокруг всяких... Ты тогда ещё был не ты.

— А кто? — улыбнулся он.

— Тот, кто не знал, что есть я.

— И эти годы, что мы встречались с Руфиной, ждала с такой своей верой?

— Да!

— Неввероятно! Тогда ты — судьба моя.

— А я об этом и говорю. Меня только Суслов поддерживал. Знал всё наперёд. — Настя уже чувствовала, что могла говорить так.

— Ты — инженер аналитической лаборатории. Анализ — твой конёк! — шутил Александр.

Ему было легко с ней. Они встречались всего три месяца, а могли говорить обо всём. И молчать могли вместе. И это тоже было разговором...

* * *

...В мае подали заявление в загс. Свадьбу решили устроить в селе. Так захотел Александр. А Настя и не возражала. Только улыбалась, наблюдая за его придумками.

Он составил телеграмму родителям всего из шести слов: «Еду невестой встречайте нас готовьте квас». Прочитав, она спросила весело:

— «Квас» — это самогон, что ли?

— Нет! Обижает!

— А что же?

— Да так, для рифмы! И всеобщей мобилизации родственников!

— Теперь понятно, — смеялась она. — Я не ожидала, что ты и почудачить любишь!

Два дня шумел любяевский двор, где под широченным брезентовым навесом стояли свадебные столы.

Первые недели после свадьбы молодые прожили порознь. Александр искал квартиру и наконец-то нашёл совсем неожиданно по соседству с её общежитием.

У хозяйки, ещё нестарой женщины, внезапно умер муж-пенсионер, бывший капитан дальнего плавания. Только-только приехали из Мурманска в среднюю полосу России — как им давно хотелось. Беда осиротила в чужом городе и она обрадовалась постояльцам.

Через полгода профком завода выделил в коммуналке на трёх соседей шестнадцатиметровую комнату. Ковальские были безмерно счастливы.

Один сосед оказался заядлым рыбаком. Постоянно мыл в ванной рыбу, раков, либо сапоги. Другой, причудливо разместив аппаратуру частью на стене кухни, частью на газовой

плите, гнал ночами самогон. Всё это Ковальские воспринимали не более как мелкие недоразумения.

* * *

...Теперь, когда Настя вошла в его жизнь так прочно, Александру иногда казалось, что живёт он очень и очень давно. Похоже, что ему суждено прожить не одну жизнь.

Эти жизни обособлены друг от друга. Первая — когда был мучительно сладко и нервно связан с Анной. Вторая, ломаная и прихотливая, — с Владой и Руфиной. И вот третья — может быть, самая светлая и самая настоящая — Анастасия.

Эти женщины — как точки отсчёта его внутренних взлётов и падений.

Ему верилось теперь, что только Анастасия даст то, чего он ждал от встречи со «своей» женщиной. Ведь он всегда знал, что такая встреча будет. С детства знал!

Анастасия! Как Ковальский сразу не признал её!? Она буд-то пришла от мамы из детства, принеся ощущения домашнего тепла и надёжности. Такого у него даже с Анной не было.

...Он уже не в первый раз думал об этом: «Мир женщин многообразен и неисчерпаем, как Вселенная. Но всё-таки, почему не разглядел Анастасию раньше? Ведь мы и до встречи с Руфиной бывали в общих компаниях. Не видел её только потому, что был другим? При Руфине не мог видеть никого, кроме неё, — это было озарение. Видел только этот её свет. Он слепил меня. Я летел на него. Всё прекрасно! И всё трагично! Трагическое озаряет всё по-своему, мир становится иным? Нет, остаётся прежним: человек становится иным... Через трагическое мир воспринимается прекрасней? Но это, если хватит душевных сил одолеть боль! А если нет... Не знаю, что удержало. Мог, к примеру, запить. Мог или нет? После Руфины мог охладеть к работе. Этого не случилось... Разве таким я нужен был бы самому себе? Нет, не нужен. — Ответил он и тут же спохватился: — Саша и Анна! Они постоянно смотрели на меня. Они, и мама, и все, кто мне дорог! Все ждут от меня только хорошего! Верят в меня!».

«А Влада? — возник вопрос, заданный чьим-то голосом, непохожим на его. — Влада — тоже не желала вреда! Разве ты не хотел, чтобы у тебя с Владой было всё красиво и прочно?»

«Хотел, — подтвердил Александр. — Но что-то мешало. Сам не знаю, что? В ней ли, во мне ли сидел неутомимый вредный червячок, подрезавший росточек нашего общего будущего. С каким чувством сейчас живёт Влада? Мы о чём-то говорили с ней, сидя тогда, последний раз, в ресторане, но ведь о главном — ни слова. Не получалось у нас прямодушно вести себя друг с другом. Как она теперь оценивает всё наше?»

От того, что Александр наконец-то обрёл душевный покой с Анастасией, ему казалось, что это не совсем справедливо.

«В глазах Влады я жестокий человек? Для чего-то же она захотела встретиться, когда была в нашем городе?»

Рассуждая так, он начинал путаться. Чувствовал, что такое часто случается, когда хочет быть искренним до конца. Разбираясь в себе, попадал словно в паутину...

Александр начинал думать, что неспособен когда-либо изменить Насте. Предаст, если это случится, не только Настю, но и себя. А иногда ему начинало вериться, что Анастасия объединила всех его женщин в себе. И её глазами они смотрят теперь на него. И она от этого стала ещё нужнее. Он часто ловил себя на этой мысли. И находил странным, что Настя не заслоняет собой ни кого из них. И не старается этого делать.

«Бывает ли такое у других?.. И что будет у нас дальше?»

...Глядя на Настю, изумлялся порой. И доходил иногда до рассуждений, которые называл «младенческими»:

«Природа хитроумна. Существует великое многообразие человеческих лиц, характеров, судеб. И это сознательно кем-то создано! Как залог того, что две похожие человеческие половинки найдут себя, — и не раз найдут, и потянутся друг к другу. Многократно. Ибо в судьбах и характерах столько своеобразия, удивительно порой совпадающего с ожиданиями другого... Половинки обязательно найдут друг друга, чтобы дать продолжение рода. И будут этого добиваться. Словно именно на них, на эти конкретные половинки, и возложена как бы персональная ответственность за сохранение человеческой жизни на Земле. Об этом подавляющее большинство и не думают вовсе... Варианты половинок неисчерпаемы?.. — От таких мыслей становилось неуютно. — Неужели есть ещё кто-то? Другая такая же Настенька? И, может быть, не одна. Которая когда-то может завладеть мной?! Как же тогда однолюбы? Они, потеряв свои

половинки, уже больше и не ищут другую свою «законную». А она, получается, где-то есть? Приготовлена? Выходит, некий сбой... Теряя одно и обретая другое — это предательство? Или самое то, разумное, оправданное, что не даёт человечеству резко оскудеть?.. Я либо крепко поглупел, либо не о том думаю. Жена на шесть лет моложе... Положено соответствовать. С непричёсанными мыслями надо что-то делать...»

...Пройдёт совсем немного времени, и Ковальскому станет не до подобных мыслей. Жить и постоянно размышлять о жизни — это всё-таки разные вещи. Настенька сначала одна, а потом и вдвоём с родившейся дочкой Соней, уже, кажется, не оставят времени на это...

XXIII

Вскоре Ковальский возглавил большой технологический цех, вырабатывающий сырьё, необходимое для получения пластических масс, синтетических смол, каучуков, других важных продуктов нефтехимии.

Назначению предшествовали бурные и трагические события в его цехе. Авария разрушила до фундамента основной корпус. Оборудование почти полностью стало непригодным.

Причины взрыва имели механический характер.

Усердие Ковальского и Румянцева не помогло. Отсекающие задвижки, которые они устанавливали и отлаживали, не понадобились. Сильный взрыв этилена произошёл внутри огромного кирпичного здания, нашпигованного химической аппаратурой и трубопроводами. Разорвало газопровод по сварному шву, «непровар» которого был около семидесяти процентов. И уникальная защита оказалась неэффективной. Между разрывом трубопровода и образованием огромного газового облака оказалось слишком мало времени.

Этот участок трубопровода, смонтированный более десяти лет назад, специальная комиссия извлекла из груды металла.

Стало очевидно, что если б цех не имел сплошных кирпичных стен, такого не произошло бы. О восстановлении помещения в прежнем виде не могло быть и речи. Тогда-то заводские специалисты и вспомнили про опыт грозненских коллег по раскрытию цеха.

Проектировщики спешно приступили к разработке проекта цеха уже без кирпичных и металлических стен.

Казалось, можно было порадоваться. Но какой ценой всё далось!

Погибли три человека. Один из них — Николай Румянцев. Двое — работники соседних цехов.

Румянцева нашли только на четвёртые сутки под грудой кирпича. Ковальский, руководивший поисками все три ночи, уехал домой. Его друга нашли без него, днём.

Электричка, на которой обычно добирался до завода Николай Румянцев, опоздала на двадцать минут. Беда нагрянула как раз в тот момент, когда все, кроме Николая Румянцева, уже приняли свои рабочие места и находились в операторной, поодаль от главного корпуса. Румянцева взрыв застал на полдороге.

В день взрыва цеха Настя родила дочь Соню.

Работа комиссии, расчистка завалов требовали оперативности и собранности. Было не до переживаний.

Уже потом, после похорон Румянцева, когда уехали три замминистра и заместитель начальника главка Литвинов, занимавшие просторный красный уголок и рабочий кабинет Ковальского, Александру стало не по себе.

Жене Николая, оставшейся одной с маленькой дочкой, быстро дали однокомнатную квартиру, единовременное денежное пособие. Нельзя было сказать, что «отряд не заметил потери бойца...»

...И всё-то стоял неотрывно у Ковальского перед глазами розовощёкий белокурый парень в степи около Бариновки, каким он его видел, когда ездили вместе к Ковальскому-младшему. Слышался его завораживающий голос. И стихи, которые он читал. Теперь они воспринимались по-другому:

*Тот, кто видел хоть однажды
Эту ширь и эту гладь,
Тот почти берёзке каждой
Ножку рад поцеловать...*

Он понимал тогда, что Румянцев немножко влюбился в Руфину и не ревновал. Как можно оставаться равнодушным около неё?

В первые же дни после аварии у Александра вновь ворохнулся вопрос: что же это такое — индустрия? Прогресс? Вспомнились «железные стихи» поэта Герасимова. Что же такое завод? Деду и бабке Румянцева, тем, кто лежит рядом с ними, завод не даёт покоя и на кладбище. А теперь Николая, человека из другого поколения — убил. И жене ведь, и дочери его уготовил судьбы иные, отличные от тех, которые могли сложиться. Какая всему цена? Своими руками создали чудовище?

Мать Ковальского, когда приезжала в гости, первым делом закрывала форточку в комнате:

— Химией твоей несёт. Ну её к шутам!

И стал в те чёрные дни после взрыва Николай для Ковальского такой же драгоценной частью его «малой родины», как Головачёвы, Любаевы, Проняй, Бочаровы и многие другие, кто окружал его с детства.

...Комиссии вскоре исчезли.

Виновных нашли. Директора от должности отстранили. Поговаривали, что избежал более серьёзного наказания только потому, что писал в своё время «наверх» служебную записку о необходимости раскрыть цех по примеру грозненцев. На этой бумаге стояла подпись и главного инженера. На реконструкцию требовались месяцы. Вышестоящее руководство посчитало тогда, что потери, связанные с недовыработкой продукции, недопустимы. В условиях подъёма волны социалистического соревнования и встречных планов — как можно?!

* * *

Возглавить соседний цех Александру предложили сразу же после восстановления взорвавшегося.

— Цех — сложный, трудный. — Произнося эти слова, только что назначенный директором Белецкий внимательно смотрел на Ковальского большими серо-зелёными завораживающими глазами. — Конечно, рискуем, посылая тебя, ты — молод. В тридцать лет начальниками цехов у нас редко кто был. Единицы.

— Я начинал в нём. Знаю его изнутри.

Директор поморщился и сказал еле слышно:

— Ты думаешь, это главное, что нужно?

«Опять ставят опыты на мне, — подумалось Ковальскому. — Не получится — заменят, мол, молодой, что ему? Всё ещё впереди — успеет. Вынуждены — я вижу. Скорее, дело будет не во мне, а в том, что цех сверхтрудный. Человека нет, который мог бы возглавить. Ни главный инженер, ни его заместители не решаются взяться. Боятся проиграть. Уступают мне. Но будут ли помогать? Немногие на заводе рвутся заниматься технологией. Быть чиновником проще...»

— Из шести начальников, которые там работали, троих последних, включая Чухвичёва, снимали как несправившихся. Но в них ли дело? — Сказав это, Ковальский замолчал. Он ещё в приёмной твёрдо решил быть немногословным. «Ещё есть технология, коллектив... и есть главные специалисты, курирующие цех. Что-то здесь, в этой цепочке, не получается...» — добавил Ковальский мысленно.

— Не только в них, — быстро ответил Белецкий. — Но они не нашли способов, которые позволили бы наладить работу. Люди все неплохие, но... — директор едко усмехнулся, — хороший парень — это не профессия... Тебе там многому на ходу придётся научиться, чему они не смогли...

«Почему говорит обо всём туманно? Не верит в меня? Пока не верит. И оттого не хочет говорить конкретно... Или сам не понимает, какие болты да винтики в большой машине заржавели? Значит мне одному там придётся разбираться...»

— Три дня назад, когда говорили о назначении, я просил высказать просьбы, они есть? — спросил Белецкий.

«Ждёт, что начну просить квартиру, обычное дело. Не буду. Сами дадут. Это же абсурд, если, став начальником цеха, буду жить в шестнадцатиметровой комнате в коммуналке на трёх хозяев...»

Вслух сказал:

— Дайте возможность, если понадобится, самому поменять кадры в цехе. Я имею в виду инженерно-технических работников. Нужны надёжные заместители, механик, мастера. Нужны специалисты... И второе: за месяц постараюсь подготовить перечень мероприятий — посмотрите и помогите.

— С первым не торопись, это всегда непросто. А программу? Хорошо, готовь!

По иронии судьбы Ковальский унаследовал цех от Чухвичёва. Того самого, с которым когда-то одновременно пришли туда, Чухвичёв — начальником, Ковальский — инженером-стажёром. Чухвичёв принимал у Ковальского первый экзамен на допуск к самостоятельной работе.

...Теперь Чухвичёв, водя пальцем по пухлой ведомости, отмечал наличие либо отсутствие передаваемого.

— Вот газораспределительная станция — здесь почти всё... Только, понимаешь, одна неувязка. Ну, ты как-нибудь уладишь. Подпишись о приёме.

— А в чём неувязка-то?

— Понимаешь, для контроля за состоянием сырьевых трубопроводов — у нас их два и каждый более ста километров — были лошади. На них объездчики ездили.

— И что же?

— Сдохла одна. Вот числится на мне.

— Так актом бы всё и оформили.

— Как-то вовремя не получилось. Потом народ сменился. Одной обходились... Теперь по ведомости... Если начать разбираться, меня тормознут. А надо устраиваться на работу...

Рука Чухвичёва спотыкалась ещё на нескольких строчках ведомости. И он начинал каждый раз путанно объяснять...

Ковальский подписал ведомость, не понимая, как будет выпутываться. Где брать лошадь? Недоумевал и по поводу вскрывающихся недоразумений с оборудованием, с документацией.

Когда же, позже, отправился в поле, желая посмотреть «лошадиное» хозяйство, обнаружил в загоне не одну лошадь, а целых три.

— Откуда лошадки-то, чужие, что ли?

— Как — чужие? Наши!

— Но ведь одна должна быть. Вторая сдохла.

— Дак это ещё когда было! — удивился крепкий розовощёкий парень, похожий больше на скотника, чем на оператора газовой станции. — Ещё наплодились. Тут рядом совхозные.

— А когда здесь был в последний раз ваш бывший начальник? — поинтересовался Ковальский.

— Я его здесь не видел. Вот когда на собрание в цех приглашают — там он. Вы первый такой дотошный. Приехали сразу.

— А давно здесь?

— Третий год... С семьдесят второго...

После этого Ковальского уже трудно было чем-либо удивить в цехе.

«Хороший парень — это ещё не профессия», — вспоминал не раз он директорские слова.

* * *

Ковальскому хотелось поскорее понять своих новых подчинённых. Александр подталкивал их к разговорам.

— В заводууправлении главные специалисты сплошь чиновники. Мы с Борисом среди них, когда вопрос касается нашего цеха, как Гулливеры, а я почти — гений! Ну, честное слово! Они не бывают в цехах. А если и заглядывают, то несут главному и директору ложную информацию. Есть среди них умельцы, которые плетут свою ниточку, потом сматывают в клубочек. Кончик хитроумно прячут. И только они знают, где та ниточка, чтобы вовремя, когда надо, дёрнуть. Другие, попростодушнее, остаются в дураках. Посмотрите: из них мало кто задерживается после работы в своём кабинете, а уж в цехе и подавно.

Говорил это и сравнивал себя с Гулливером низкорослый, большоголовой человек — начальник пиролизной установки Николай Долгов. Он ходил по кабинету, от стола до двери — и назад, прихрамывая. Ступня его левой ноги была сильно вывернута наружу. Ковальский и мастер цеха Мошков, сидя на диване, молча слушали.

— Ну, скажите, разве можно нормально работать, если идут разноречивые распоряжения то главного инженера, то начальника производственного отдела? А переводы с одного сырья на другое? При теперешнем состоянии оборудования — это почти каждый раз смертельный номер. Печь «летит» через час-два. Либо — сразу. Шесть больших печей в работе на весь завод, не считая мелких в параллельном цехе. Выход одной десяти-тонной ощутим крепко. Вся цепочка нарушается. Начальника цеха — на ковёр! А он, бедный, замордованный, ему бы пальцем показать, кто рушит дело, а он малодушничает. Не может!

— Николай Алексеевич, ты немножко неправ. Печи, а значит, весь цех, губят и щёлочь в сырье, и вода, и никудышные горелки на печах. А отсутствие резервных ёмкостей для отстоя сырья? Многое губит! Хорошо, ты — гений у нас. Но это никого не интересует. Бед в цехе много, — вступил в разговор мастер Мошков. Говорил он спокойно, поглаживая ладонью левой руки выбеленный ранней сединой большой волнистый чуб.

Долгов, однако, твёрд:

— Я знаю, как выправить дела. И давно знаю! Но всё так поставлено, что не докричаться! На нас крест поставили. А начальник наш и заместитель его никак власть между собой не поделят. Не договорятся между собой. Как кошка с собакой. Какая тут работа?

Долго они говорили втроём в тот вечер. И многое из того, что услышал новый начальник цеха Ковальский, подтверждало его наблюдения...

* * *

Была в цехе и такая беда — заместитель начальника Борис Борисович Бузулукский. Как понял Александр, его поведение парализовало прежнего начальника цеха.

...Ковальский взял за правило каждый вечер в 17.00 проводить совещание инженерно-технических работников — для подведения итогов прошедшего дня и обсуждения задач на ближайшие сутки. И тут-то подтвердилось нежелание, скорее, неумение Бузулукского работать в коллективе. Любой «разбор полётов» выливался в обвинения с его стороны в адрес кого угодно, только не самого себя. Умение уходить от конкретных решений и необъективные выводы заместителя ставили Ковальского в тупик. Он сам недавно работал в подобной должности. Знал её. И его порой брала оторопь от происходящего.

«Не начальника надо было снимать в первую очередь, — сделал для себя Ковальский вывод, — а вот этого мастера разговорного жанра. Как главный и директор не поняли? Они просто не знают положения дел. Кто же на заводе занимается цехом? Заместитель главного обходит его стороной. Вот и Николай Горин — Хризантема, начальник смены, поспешил уволиться... Очевидно, не верит в улучшение...»

Режим работы Александра установился порой однообразным до уныния. Ещё утром из дома около шести часов он звонил в цех. Если всю ночь и утро пиролизные печи проработали успешно, можно спокойно заниматься своими прямыми обязанностями. Если выходили из строя, весь день шёл кувырком, начиная с утреннего селекторного совещания, на котором директор на всё предприятие по внутренней связи задавал неудобные вопросы, и до того момента, пока не будет пущена аналогичная пиролизная печь. А её, как правило, подготовить вовремя не успевали.

Все уже привыкли к такой лихорадке. Но ведь его-то, Ковальского, как раз и направили в цех, чтобы уйти от этого. Он знал: многие выжидают, что будет. Что с ним будет? Некоторые сочувственно, другие с усмешкой рассуждали: «Это ж такой цех! Зачем, чудака, согласился? Получил звания «Лучший инженер завода», «Лучший инженер объединения». Ну и не высовывался бы... Отличился после взрыва на восстановлении цеха, попался на глаза».

Ковальский и сам не понимал до конца, зачем согласился. Завораживало ощущение пути. И то, что в цехе такой набор процессов, будто иллюстрация к вузовской программе.

Однажды встретившийся на улице Скворцов — одноклассник по институту, успевший уже защитить кандидатскую, спросил:

— Ты сам перешёл, зачем?

Александр ответил неуверенно:

— Понимаешь, кандидатский минимум сдал. Может, тему найду в цехе, диссертацией займусь.

— Да ты что! В пиролизе? На производстве олефинов? Там всё истоптано давно. Всё высосано. Безнадёга. Зря не посоветовался.

Ковальский пожал плечами.

— Куда вляпаешься, в том твоя и судьба, — глубококомысленно произнес «остепеневшийся» приятель.

Он ушёл, Ковальский так и остался под мелким морозящим дождичком.

«Странно, я, по сути, оказался один на один с серьёзной проблемой, но не чувствую себя беспомощным, хотя ничего ещё не

сделал. Пусть снимают за плохой характер, за неуступчивость. Но не за развал цеха. Опыты так опыты!»

...Прибыв на другой день в цех, отыскал крепенькую папку для бумаг и жирно надписал: «В защиту печей пиролиза».

А вечером, когда закончилось совещание, долго анализировал старые рабочие журналы, которые ещё днём попросил принести технолога цеха.

Получалось, что средний межремонтный пробег печей за последние два года был где-то около пятисот часов, то есть значительно меньше месяца...

Невеселые кружились мысли. Всё сошлось клином на этом цехе. И конструкция печей самая старая, давно уже новое поколение их работает на заводах, и самый короткий межремонтный пробег. И щёлочь в сырье при высоких температурах вызывает межкристалльную коррозию. Отсутствие резервных ёмкостей в парке вынуждает часто переключаться с одного вида сырья на другой. Деформируя трубы, эти переключения выводят из строя печи. При температурах около 500-800 градусов трубы быстро закоксовываются.

Рабочие опытни и исполнительны, а технология?.. С неё надо начинать! Но ведь в цехе эти причины известны. Но устранить их в нынешнем общем обвале непросто.

В тот вечер он вложил первый листок в свою ставшую позже знаменитой папку. Запись на нём была лаконичной:

«Межремонтный пробег печей в цехе за год увеличить в два раза, для чего:

- 1) сократить до минимума их внеплановые внезапные переводы с одного вида сырья на другой;
- 2) исключить попадание с сырьём щёлочи;
- 3) путём внедрения ряда мероприятий уменьшить отложения кокса в змеевиках;
- 4) модернизировать систему горения;
- 5) повысить общую культуру обслуживания технологии и оборудования».

«Только бы у меня было время на всё это. Не поторопились бы убрать. Год нужен!» — выходя с этой мыслью из кабинета, Ковальский усмехнулся. Он начал уже отчётливо понимать, какую глыбу взвалил на себя, приняв цех.

Ему не терпелось действовать.

XXIV

— Чтобы решались твои проблемы, надо сделать их достоинством всех! Ты намерен всё взвалить на себя? Не вытянешь. Пока ты — начинающий начальник, выворачивай всё наизнанку, потом поздно будет... Руководство завода должно знать все сложности. Вот послушай: был случай в жизни моего двоюродного брата. Он мне его однажды красочно рассказал... У них командир полка был большой матерщинник. И на плацу обычно гонял всех матом. Побаивались его, не связывались. Вёл себя надменно. Всем доставалось. «Что стоишь, как корова на сельхозвыставке? Соедини ноги!» Прапорщик отвечает: «Они у меня кривые, товарищ полковник». «Какой покойник? Я — полковник. И заметьте, действующий! И живой!»

Однажды на плацу он давал обычный разгон перед строем. А тут женщина шла мимо. К родне приезжала. Военный городок, всё рядом. Услышав отборную матерщину, она вначале оторопела. Но, на свою голову, «очнулась» и попыталась вмешаться: «Товарищ полковник, разве так можно? Сплошной мат...» «А как можно? — выпучил глаза ухарь-командир. — Ты как на плацу оказалась?». Женщина молчала. «Пошла вон! Корова!».

Потом она говорила капитану Седову, двоюродному моему старшему брату: «Ты... ты понимаешь, он перед всем строем назвал меня коровой! Разве это офицер?».

И вот идёт партийное собрание дивизии. Повестка дня: повышение боевой готовности. Собрание ведёт начальник политотдела дивизии. В зале около пятисот офицеров и прапорщиков. Когда начались прения, выступил и Седов. Рассказал всему залу с трибуны о случившемся и выдал: «Если командир не извинится перед женщиной, напишу о случившемся начальнику политуправления армии, в газету «Красная звезда» и в комиссию партийного контроля, товарищу Пельше. Моё слово твёрдое!».

Комдив — отец родной, не стал заставлять полковника извиняться. Только сказал внятно после собрания: «Полковник, если он напишет, мне не быть командиром дивизии, вам — командиром полка!». Полковник, набычившись, молчал. «А если напишет в газету — позор на всю армию». «И на все прилегающие к армии окрестности», — донёсся из окружения задорный голос.

Полковник извинился в присутствии капитана Седова...

Мораль в том, что надо проблему обнародовать, сделать достоянием окружающих. Тогда её так или иначе надо будет решать не тебе одному. И тебя не попытаются потихоньку придушить.

— Мудрый твой брат. Ты не в него ли?

— Не от мудрости мой брат так поступил, а от безысходности. Тогда, после случая на плацу, он подошёл и потребовал от полковника извиниться перед женщиной. Тот и его послал куда подальше и пригрозил, что ему выше капитана не быть...

— Ну и как? Стал майором твой брат?

— Он — полковник.

— Знаешь, в чём мораль твоего рассказа? — задумчиво произнёс Ковальский.

— Я же сказал.

Ковальский будто не слышал его, ответил не спеша:

— Мораль в том, что можно оставаться самим собой, не смотря на грязь вокруг тебя и унижение. В любых обстоятельствах. Может, это трудно. Порой даже губительно. Но только так складывается значительная судьба!

Суслов долго молчал, потом раздумчиво произнёс:

— Ковальский, ты мне непонятен: то ты мечтатель, поэт. Весь в стихах либо в философии. То такой твёрдый и рациональный! Ты кто вообще-то? Тебе мораль читать мне не под силу!

— Ты у нас поэтом становишься, — парировал Ковальский.

— Как это?

— Последняя фраза, которую произнёс, вполне сойдёт за стихотворную строку. Ритмично очень.

— Да? — неопределённо произнёс Владимир. — Надо же, я стал говорить стихами. Это к хорошему не приведёт...

...Рассказ Суслова запомнился Александру и вскоре пригодился.

* * *

— Послушай, Борис, — обратился утром следующего дня Ковальский к мастеру Мошкову, — Николай Алексеевич Долгов работал в цехе заместителем начальника. Как получилось, что сейчас на этой должности Бузулукский?

— Очень просто. Бузулукский был начальником цеха в соседнем производстве. Там два цеха объединили в один. Он остался без должности. Тогда Долгова понизили, а его дали нам.

— Долгова переместили безо всяких причин?

— Чухвичёв упрекал Николая Алексеевича в мягкости и увлечении всякими экспериментами. Приструнить персонал некому. Приходится, мол, начальнику дисциплиной заниматься. Зато от Бузулукского одни накачки, но ни единой мысли. И дисциплины нет особой. Если что не клеится, все бегут к Долгову. Он все тонкости технологии знает. Ему беспрекословно и подчиняются. Это начальников, естественно, злило. Они как технологи слабы. Поэтому он обоим был помехой. Но и между собой начальник и заместитель не дружили. Разные очень. Одинаковы в одном: сами первыми решения не принимали.

— Почему его не трогают?

— Загадка. Бузулукскому всё сходит с рук. Правда, он ничего не нарушает: раньше времени с работы на рыбалку либо на охоту не срывается. Даже не курит и не пьёт. Аккуратист такой. Он это... — Борис запнулся, — ...и жён чужих не трогает.. ага... Такой положительный...

— И не работает! — добавил Ковальский.

— Точно — и не работает, как надо! Трудно зацепить его. На лицо безнаказанность бездействия. Ярмо для цеха этот Бузулукский.

Ковальский стал внимательнее присматриваться к своему заместителю и вскоре совершенно искренне удивлялся: «А зачем такой вообще нужен?». Все оперативные и рутинные дела вершились начальниками отделений. Перспективой, кроме Долгова, никто не занимается вообще. Ковальский стал легонько подталкивать Бузулукского, желая, чтобы тот вплотную занялся технологией. Делал это осторожно, щадя самолюбие своего зама. И почувствовал молчаливое, но упорное сопротивление. А вскоре всё прорвалось:

— Почему всё время меня учите, подсовываете мне работу? Я, в конце концов, на пятнадцать лет старше вас и уже был начальником цеха. А вы только начинаете!

Ковальский был ошарашен.

— Но ведь я говорю о ваших обязанностях: вот шестая печь постоянно коксуетя раньше всех. Мы её уже замордовали с остановами. Разве системный анализ и поиск решения не ваши задачи?

— Там есть профессор Долгов!

— Он тоже обязан. Но пока не может чётко всё разложить. А вы в стороне.

— Я не должен подстраховывать каждого инженера в цехе!

— Это не подстраховка, суть в другом. Надо цех вывести из прорыва. Это можно сделать только всем вместе и под нашим руководством.

— Был тут до вас один руководитель — Чухвичёв, теперь вот вы. Я не мешаю — держайте!

«Какая дичь, — ужаснулся Ковальский. — Либо это вызов, либо не понимает, что делает. Переговорить его нельзя. То ли гипертрофированное чувство личного превосходства, то ли уверенность в безнаказанности. Но, в любом случае, он не намерен тащить цех из ямы ни лично, ни со всеми вместе... Чирикает, будто воробьёв наглотался...»

Так началась между ними, как её назвал Ковальский, «локальная дурильня». Он понимал, что противостояние обещает быть долгим и нудным. Видел, что может в цехе справиться вообще-то и без заместителя. Но он был. И часто его, Ковальского, распоряжения, начинания, проходившие через заместителя к персоналу, искажались так, что это корёжило Александра. Мириться с этим он не мог.

— Я это, тогда... — мялся Мошков, — не сказал до конца... Он, Бузулукский, не раз заявлял, что в начальниках Чухвичёву осталось ходить недолго и начальником цеха будет он. А тут вы, понимаете? Я и сейчас вижу у него такие намерения...

— Тараканы, — досадливо махнул рукой Ковальский.

— Не понял, кто и что? А-а... — стеснительный Борис мотнул головой, — я не хотел лезть в это дело!

* * *

— Начальник, вот презент принёс, можно? — У Долгова под мышкой два солидных куска трубы от змеевика печи.

— Что это?

— Так называемые «калачи» — переходы от одной трубы к другой.

— Но к чему это?..

— Возьми и посмотри на свет.

Ковальский взял один из кусков легированной жаропрочной трубы, подошёл к окну. Внутри эллипсной поверхности её,

на металле и на отложениях кокса, ясно виднелись небольшие жёлтые полосы.

— Щёлочь?

— Да, межкристаллитная коррозия. Выщелачивание легирующих добавок хрома и никеля. Труба становится как бы уже не жаропрочной. Добавки уносятся и появляется прогар. Печь выходит из строя.

— Откуда всё-таки берётся щёлочь? Я просмотрел все анализы сырья за последний год. Ни разу её не было. Анализы делаем раз в сутки. Проскакивает между отборами проб?

— Отчасти так, — Долгов завис над столом, наклонив голову и жестикулируя над ней правой рукой — такова его обычная манера говорить. Продолжил: — Думаю, щёлочь проскакивает часто, поскольку поставщики отмывают ей сернистые примеси. Потом удаляют щёлочь водой.

— Как зафиксировать? Нам надо быть доказательными! Дело серьёзное, — Ковальский вновь потрогал тяжёлые «калачи».

— Её в рабочем сырьевом потоке мало, скорости велики, а отстойников на пути движения нет. Вот и не улавливаем до печей. Если бы установить большую ёмкость! Но для этого надо ждать останова на капитальный ремонт всего цеха.

— А почему раньше не поставили ёмкость?

— Два раза говорил об этом с бывшим начальником, но он меня за чудака держал, отмахивался...

— А заместитель?

— Самодур. С ним вообще нет желания о серьёзных вещах говорить.

— Опять тараканы! — вспомнив разговор с Борисом, произнёс Ковальский. — В одной банке.

— Мало-мала, моя совсем не понимала... — ковыряя перочинным ножом в трубе кокс, отозвался Долгов. — Поясните?

— Да ну вас! Это мои дела... придёт время... Надо то, что наковыряли, в лабораторию отдать. Пусть скажут, есть ли хром, никель и щёлочь. Тогда поговорим.

— Если и не подтвердят, всё равно виновата щёлочь.

— Так уверен?

— Уверен. Почти во всех печах, которые выходили аварийно, были такие вот жёлтые разводы. У меня всё записано по датам.

...Когда Долгов ушёл, Ковальский вернулся к столу, сел в кресло.

«Что сделать, чтобы объединить Мошкова, Долгова, Бузулукского и молчальника, механика цеха Поспелова, который постоянно в тени? Если не будет слаженности, ничего не получится. Каждый сам по себе. И у каждого застарелые обиды друг на друга и на всех. Нужна общая цель! Она есть! Поднять цех! Но это не работает. Необходима конкретизация. «Поднять цех» — это сразу не осилить. Нужны локальные задачи. Они, как раздражители или, скорее, возбудители, должны заразить, разбудить интерес. Личный интерес — великий двигатель. Унылое ежедневное топтание на месте изнурительно».

Он решил дважды в неделю заходить в заводскую библиотеку, в бюро технической информации и просматривать всё, хотя бы косвенно касающееся мировой практики производства этилена и пропилена.

«Надо искать и внедрять новое», — определил он себе стратегию.

* * *

— Сколько печей аварийно остановлено за последние две недели? — голос директора суров. Зелёные его глаза блестят, голова с тёмно-русыми, слегка вьющимися волосами похожа на рысью.

Идёт общезаводская директорская планёрка. На ней, в присутствии более полусотни начальников цехов и отделов, вопросы, накопившиеся в цехе, с маху не решить. Но всё равно обидно: Белецкий каждому вначале даёт некоторое время на короткий доклад, а Ковальского поднимает вопросом. Что означает эта нарочитая суровость? Она должна мобилизовать всех в помощь злосчастному цеху? Или это принародное признание: в улучшение дел с приходом нового начальника верить пока не приходится?

— Две печи, Вадим Петрович, — поднявшись, отвечает Ковальский. — Две...

— Как — две? Я помню, что четыре. Вы должны в лицо каждую печь знать!

— Не договорил, извините. Две вышли из строя по вине цеха и две — по вине производственного отдела.

— Как так? За всё, что творится в цехе, отвечает его руководство, а вы киваете на заводоуправление! — Лица в зале оживились. — Захарычев! — директор обратился к начальнику производственного отдела. — Сколько печей сожгли и кто виноват?

— Ну, зачем наводить тень на плетень, Ковальский? У вас все печи аварийные. То, что мы даём распоряжение о переводе, не значит, что мы виноваты! Сами переключение делаете? Вы и отвечайте!

— Надо иметь либо достаточный сырьевой парк, либо стабильную бесперебойную подачу сырья. Тогда печи будут целы. Никто этим не занимается. Всё свалилось на цех. Цех загнали! Обвинить проще, чем обеспечить стабильность подачи сырья.

— Григорий Андреевич, — обратился директор к Захарычеву, с невозмутимым видом вальяжно стоявшему у первого ряда кресел, — ответьте ещё раз: сколько изуродовали печей по вине цеха?

— Всем очевидно — четыре.

— Садитесь оба. Ковальский, вы не готовы сегодня отвечать за цех. Вам негоже будет выглядеть так в следующий раз. Многословны...

— У меня назрели вопросы, я готов...

— Вопросы задавать буду я. Вы обещали дать мне предложения, где они?

— Предложения есть.

— Тогда в чём дело? Подходите. А сейчас садитесь.

В зале захихикали. Не злорадно. Молодого начальника объезжали. Все в своё время прошли через это.

«Хорохорься-не хорохорься, а знай своё место. У начальника цеха всегда уйма неполадок и проблем. Его легче других посадить на крючок, — прошептал ему на ухо матерый Солдатенков, начальник отдела технического контроля завода. — Будь гибче, а то сломают».

После планёрки Ковальский зашёл к начальнику производственного отдела.

— Григорий Андреевич, вы же прекрасно понимаете: частые переводы с одного вида сырья на другой — смертельны. Сейчас практически все печи требуют срочного ремонта. Все!

— Садись, — предложил Захарычев. Ковальский послушно сел, лишь бы скорее начать разговор. — Видишь ли, поставщиков трудно одолеть. Годами привыкли работать в рваном ритме. А чтобы увеличить объём парка, нам надо иметь площади, а их нет. Есть склады твёрдых материалов. Их можно убрать, но ведь какие затраты!

— А на ремонт печей разве тратится меньше? По-моему, никто не хочет в заводоуправлении поднапрячься — оттого все и страдают.

— А ты попробуй скажи это директору!

— И скажу.

— Давай, говори!.. Посмотрим, что из этого выйдет..

— Раз понимаете, что вина не только наша, почему соврали, что печи угробили мы? — Ковальский уже не мог остановиться.

— Чудак! — хохотнул Захарычев. — Неужели при народе буду доказывать, что директор не прав? Ты что?

«Да этот такой же, как Бузулукский. Его не переговоришь. И совести ни на грош... Они и обедают в столовке часто вместе... Два сапога — пара...» — Ковальский в упор смотрел на собеседника.

Решение пришло неожиданно:

— Ну, вот что, ни одну печь теперь не смейте трогать без ведома начальника цеха, то есть без меня. И все переводы только днём, до 18.00 часов. В выходные запрещаю все переключения. Будем учиться работать наново.

— Круто как! Ты понимаешь хотя бы, что говоришь?

— Знаю, — уже спокойнее произнёс Александр. — Технологией должны заниматься специалисты, а не ловкачи...

— Голова садовая, ты хоть знаешь, кто такие специалисты? Вот Кузьма Прутков считал, что специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя.

— Всех балагуров в заводоуправлении не переговоришь! Вас тут сорок сороков — Ковальский резко закрыл за собой дверь.

— Ковальский, ты — чудак! Не понимаешь, что говоришь и делаешь! — громыхало за тонкой дверью.

...Вернувшись в цех, Александр написал соответствующее распоряжение начальникам смен, предупредив, что неисполнение его карается отстранением от занимаемой должности незамедлительно.

После вечерней планерки Долгов спросил:

— Александр, ты видел, как довольно ухмылялся Бузулукский?

— Да, он необычный сегодня какой-то был...

— Вот-вот... Понял, что ты подписал себе приговор. Не сегодня-завтра надо будет переключать печь — возникнет большой шум. Тебе не устоять — сомнут. Это — тупик! Неужели Бузулукский будет нашим начальником? Дурдом!

Ковальский промолчал. Долго после его ухода сидел в кабинете. В тиши после официального окончания рабочего дня думалось продуктивнее.

Заверещал телефон. Звонила аппаратчица Ксения Леонидовна Глушицкая. Манерная, она даже в рабочей одежде была похожа на невесту как попавшую в цех барыньку.

— Мы очень хотим, чтобы вы нас поняли и пошли на встречу.

— В чём дело? — произнёс, потирая висок, Ковальский. — Говорите.

— Не готовы так вот сразу...

— Вы о чём?

— Мы с Наташей Белозёровой не можем исполнить ваше распоряжение...

— Какое? — недоумевал Ковальский.

— О переводе из смены «А» в смену «В». Мы не можем...

— Что значит — не можете? Все же могут?

— А мы — нет.

— Почему?

— Мы завтра работаем, придём к вам в кабинет, там скажем.

— Приходите в девять утра.

— Хоро...

Ковальский положил трубку.

* * *

«Одни заморочки! Хочешь жить — умей вертеться! Вот именно — «вертеться». И в этом верчении уходит главное», — уныло размышлял Александр.

— Ковальский, будь похитрее. В сущности, ты ведь не защищён, ибо не хитроумен. Это при такой-то должности! Тебя

легко взять живым и схрумкать, — так говорил Суслов при их последней встрече.

— Почему же до сих пор цел? — не без иронии спросил тогда Александр.

— Всех обескураживает твоя работоспособность. И, как бы это сказать, прямолинейная самоотверженность — вот! Пожалуй, это! Рука не поднимается на такое. Но, если кто-то крепко тебя скушать возжелает, — будет сделано. Ты партизанишь, многое не согласовываешь, своевольничаешь. Прощается, пока не сделал ошибки! Понимаешь?

— Да уж куда мне?

— В сущности, ты, Ковальский, — ископаемое.

— Что?

— Ископаемое. Самородное. Мощное, но вымирающее.

— Не понял.

— Чего же не понимать-то. Ты и в этом весь, как на ладони. Кто сегодня герой нашего времени, а?

— Ты о чём?

— О том. Кто больше лялякает, тот и герой. Демагог становится героем, понятно? А ты — молчун. Притом, упёртый такой.

— Да, я заметил: общественную активность развивает чаще всего посредственность. А что ей остаётся делать? Ей тоже хочется места под солнцем...

— Ты хочешь расти по должности дальше? — не обращая внимания на сказанное приятелем, спросил Владимир.

— Пока в цехе дел по горло. Но, чтобы иметь оперативный простор для полноценной инженерной работы, пожалуй, в будущем хотел бы...

— Так вот, тебе всегда палку в колёса можно сунуть, поосторожней на поворотах... Поддерживают тебя, пока нужен...

— Что ты городишь?

— Вот Свинарёв, он не прост! Надо будет — срежет тебя. Он уже член парткома завода.

— Свинарёв? Что он может?

— Может! Уже заканчивает заочно нефтехимический техникум. Карабкается наверх, чтоб оттуда плевать кой-кому на головы... Он знает от какой-то твоей землячки, что у тебя сын незаконный, а ты скрыл, когда в партию вступал... И с отцом у

тебя непонятно что... — Наступила пауза. — Если тебя съедят, сломают, буду считать это громадной личной потерей. Ты — активен. Начитан. И — самое главное: думающий. Это дорогого стоит. Но и мешает. Разве не замечаешь? Думающие — в тягость. Вокруг тебя, вроде, и много народа. И хотели бы быть ближе к тебе, а это непросто. Тебя нельзя кантовать.

— Намудрил, дай мне подумать над всем этим, а?

— Думай, голова, возражений нет.

На этом разговор и закончился.

* * *

«Каждый мнит себя стратегом, наблюдая бой со стороны», — вспомнил Ковальский Шота Руставели. — Пожалуй, к месту». Этой фразой он как бы чуть отгораживался от Владимира. Чтобы сохранить самостоятельность собственной мысли. Но понимал, что Суслов в чём-то прав.

«Хорошо тебе, Володя, в тихом отделе. Вот, вяжись в суматоху, которую сотворили у меня в цехе разные умельцы, тогда видно будет, кто чего стоит...» — он невесело оглядел пустынный кабинет.

...Слова Суслова о прямолинейности и отсутствии хитрости задевали за живое.

«Не хитрость будет пусть, это скучно, а изобретательность. Вот, пожалуй, то, что мне надо. И занять побольше единомышленников».

Вспомнился Паскаль: «Опирается можно на то, что оказывает сопротивление».

— И это надо помнить! — согласился он вслух.

«Надо покопаться в библиотеке. Вузы не дают научных навыков управления. Есть ли хорошие первоисточники?» Он произнёс мысленно это слово — «первоисточники» и невольно усмехнулся: «Реальную жизнь захотел разложить наукообразно по полочкам. Не чужак ли?».

Зазвонил телефон. Подняв трубку, Александр услышал голос Насти:

— Начальник, ты же голодный! Домой собираешься?

— У меня тут бутылка молока была и ватрушка.

— Сам ты ватрушка и хулиган! — прозвучало в трубке. — Марш домой! А то получишь!

— Вот они, реалии жизни! — произнёс Ковальский. Его лицо осветила улыбка.

— Что?

— Ставь чайник через полчаса. Если с автобусом повезёт, как раз буду.

XXV

Наутро, как условлено, в девять часов в дверях появились аппаратчицы Глушицкая и Белозёрова. Они жалались друг к другу и были не похожи на себя.

— Что такие скукоженные? — как можно бодрее спросил Ковальский. Он уже решил про себя, что распоряжение менять не будет. Мало ли, кто и что не может. Блажь. Всего-то перевод из одной смены в другую. — Садитесь.

Женщины сели. Начальник цеха молод. Они — ещё моложе...

— Слушаю.

— Мы, конечно, понимаем, но мы не можем...

— Да объясните толком! — не выдержал Ковальский.

Глушицкая решила:

— В смену «В» не пойдём, в любую другую — согласны.

— В другие нельзя, есть причины.

— Мы не пойдём!

Наступила тишина. Начальник молчал. Молчали и женщины. Не выдержала Белозёрова.

— Там начальник смены пристаёт...

— Что? — не понял Ковальский.

— Ну, пристаёт. Подкараулит ночью меж аппаратов и давай лапать, зажмёт... Не отстанет...

— О чём вы говорите? Как такое может быть? Придумали?! — В памяти его всплыл худенький низкорослый начальник смены «В».

— Если бы... — вступила Глушицкая. — Ниночка Белова перевелась в другой цех, измучилась...

Зазвонил телефон. Ковальский поднял трубку. Все услышали голос начальника смены Плешакова:

— ...диспетчер завода, ссылаясь на Захарычева, требует перевести две печи с газового сырья на жидкое. Конец месяца, они просчитались с заявкой на сырьё, теперь выворачивают руки.

«Началось! — с азартом отметил Ковальский. — Не соскучимся...»

Он поднял глаза на женщин, не понимая, зачем они здесь, потом, вспомнив, произнёс:

— Что же будем делать?

После звонка они ступевались ещё больше, понимая, в какой ситуации сейчас их начальник.

— Не сдавайтесь, — сказала Глушицкая.

— Не сдамся, всё рассчитал... Вот с вами что?.. Петрович, подожди секунду, — бросил он в трубку.

— Миленький наш, — жалобно и распевно произнесла Глушицкая, — защитите нас, мы вас так все полюбили. — Лицо её заливала краска.

— Она правду говорит, — подхватила Белозёрова. — Все за вас переживают. Особенно теперь. Это распоряжение...

— Ладно, — махнул расслабленно рукой Александр. — Идите, что-нибудь придумаем. — У Плешакова в трубку жёстко спросил: — Моё распоряжение читали? Если подчинитесь кому-то со стороны, завтра же переведу в рабочие. Точка! Ссылайтесь на меня и стойте насмерть. Вы видели, в каком состоянии печи?

— Да. Трогать нельзя.

— И я так думаю, — отозвался Ковальский и положил трубку.

Минут через десять позвонил Захарычев.

— Послушай, чего добиваешься? Всё равно заставим выполнить распоряжение!

— А я и не возражаю. Переключусь, но только по письменному распоряжению главного инженера. И так будет всегда.

— Ты что, думаешь, не докажу главному необходимость переключения? Так наивен?

— Не тяни время, начальник, — твёрдо закончил Ковальский.

«Этот Захарычев сам лезет в петлю. Печи сегодня же выйдут из строя. Резервных нет. Начнут разбираться — упрутся в большие проблемы не только нашего цеха. Это-то нам и надо! Говорят, нет помощников в заводууправлении. Вот они! Завтра набегут. Наверняка комиссию создадут. Тот случай, когда чем хуже, тем лучше».

Вновь позвонил начальник смены Плешаков.

— Диспетчер передал телефонограмму за подписью главного инженера о переводе печей.

— Распишись и валяй, исполняй. Только остороженько. Всё — по инструкции, никаких отклонений. Сам проконтролируй! Отвечаешь лично!

— Понял, — по-военному бодро откликнулся Плешаков.

* * *

...Печи аварийно остановили как раз к директорской утренней планёрке.

Когда очередь дошла до Ковальского, на хмурое «докладывайте» Александр ровным голосом отозвался:

— Согласно распоряжению главного инженера вечером из-за нехватки сырья произвели переключения на двух печах. Обе под утро вышли из строя.

— Сколько нагрузки потеряли? — спросил Белецкий начальника производственного отдела.

— Одну треть от общей, — глуховато ответил Захарычев...

В тот день Ковальского никто никуда не приглашал. И на следующий день — тоже.

Позже пришёл приказ о создании комиссии по расследованию, которая работала в цехе целую неделю.

Печи без согласования с начальником цеха больше уже никто переключать не решался...

— Крепко ты проучил их. Я не ожидал, — сверкнув глазами, проговорил директор, когда Ковальский попался ему в коридоре.

— Если бы ещё щёлочь убрать из сырья! — успел вернуть Александр.

— Вы все там помешались на щёлочи. Начальник лаборатории доложил, что в тех экскрементах, что вы им передали, щёлочи нет.

— А хрома с никелем?

— У них нет пока методики для таких анализов.

— Пусть разрабатывают.

— Вот когда щёлочь найдёте и принесёте мне, тогда и поговорим серьёзно. Ты скоро всех моих специалистов перессоришь меж собою.

И хотя директор говорил сурово, Ковальский чувствовал в его взгляде скрытое одобрение.

В руках Ковальского информационный листок с незнакомой ему конструкцией горелки. И хотя предназначается она для сжигания не газового, а жидкого топлива, он загорелся:

— Вы понимаете: горелка вечная, хотя из простой стали. Объёмы засасываемого в печь воздуха так велики, что она надёжно охлаждается и не стораёт со временем. А настил пламени на выходе так велик и равномерен, что можно наши сто двадцать восемь грелок заменить четырьмя либо шестью. Но надо её переделать под газообразное топливо.

— Если выложить из огнеупорного кирпича ровную стену, можно обойтись двумя горелками: по одной на стороне, — загорелся Долгов.

— Нет, так не пойдёт, — возразил тут же Мошков. — А если поломка? Надо пару на сторону. Одна — в ремонте, другая остаётся в работе.

Глаза у обоих блестят. Уж больно заманчиво освободить целых две бригады, постоянно занятые изготовлением быстро выходящих из строя горелок.

«Кажется, попал в цель, — думает Ковальский. — Загорятся, дружнее будет коллектив. Если даже не получится с горелкой под наше топливо, всё равно польза от совместной дружной работы несомненна».

— Тут токарные работы нужны, а в ремонтно-механический цех не набегаешь. Оформление заказов замучает, — с досадой проговорил механик цеха Поспелов.

— У нас токарное помещение есть. И фундамент под станок цел, где сам станок?

Поспелов, глядя в стол, ответил:

— Прежний начальник цеха настоял отдать ремонтникам.

— Зачем?

— Считал, мороки меньше. Сделал заказ — и всё.

— И много раз вовремя ваши заказы выполняли?

— Через раз, не чаще...

— Так зачем передали тогда?

— Команда была.

* * *

— Борис Борисович, — обратился Ковальский к своему заместителю, — я приглашал без вас Долгова, Мошкова, Поспелова. Договорились попробовать сконструировать новую горелку. Таковую, каких ещё не было! Вас не нашли.

Они стояли в операторной у стола начальника смены. Тот что-то помечал в журнале.

— Во-первых, задержался в лаборатории. И не по своей вине. Начальнику лаборатории неясно, чего там наковырял «профессор» Долгов из труб и принёс к ним...

— Я не возражаю, но и после обеда вас не было в цехе...

— А во-вторых: изобрести свою горелку? Вы знаете, что этим занимаются целые институты? И только в одном из них — киевском — под руководством Гориславца, которого лично знаю, создана более или менее надёжная горелка. А до этого десятилетиями работали бахшияновские. Всё!

— Ничего не всё! Надо заняться! Я прошу вас подключиться.

— Это механические дела — оборудование. Не моё. Я — технолог.

— Как? — опешил Ковальский. — Ведь система горения на печах — это технология! И от неё зависит очень многое.

— Не своим делом заниматься не буду.

Под пристальными взглядами рабочих начальник цеха вынужден был разговор прекратить.

* * *

Наконец-то Ковальский прорвался к директору. Едва Белецкий, приехав из города, вошёл в приёмную, Александр напросился на приём.

— Проходи, раз не терпится, — буркнул тот.

...Ковальский, повинувшись жесту директора, сел к столу. Белецкий скрылся в комнате в торце кабинета. Быстро вернулся, уже без пальто и шапки.

Он был в синем с едва уловимыми мерцающими блёстками костюме и белоснежной рубашке. Нарядный тёмно-красный галстук придавал ладной фигуре в сочетании с сине-белым неуместную, как показалось, парадность.

Ковальский невольно отметил: «Они тут с главным, как артисты, разодеты». Посмотрел мельком на свою спецовочную куртку и пожалел, что не переоделся. Там, в цехе, у него и костюм, и пара рубашек, и галстук. Но пользовался он ими редко.

«Интересно, они с главным хотя бы раз в печь при ремонте заглядывали? Я в спецовке оттуда чумазый весь выбираюсь. Надо затащить их обоих. Коли бытие определяет сознание, вдруг, поможет?»

— Давай быка за рога. Сейчас гости наедут. Двадцать минут в запасе. — Усевшись в кресло, Белецкий начал деловито причёсывать свои густые жёсткие волосы. Потом вдруг показал пальцем в грудь Ковальскому: — Убери!

— Что? — не понял Александр.

— Убери авторучку из нагрудного кармана. Так, как у тебя, носят только колхозники. А ты — начальник цеха. Заводская интеллигенция. Соответствуй!

«Дурит? Или всерьёз?» — пытался понять Александр, пряча авторучку.

— Давай вопросы.

«То, что торопит и ссылается на гостей, — тоже игра? Не хочет обстоятельно говорить?» — думал Ковальский. Сказал как можно спокойнее:

— В цехе хаос. И в технологии, и в дисциплине.

— Знаю, — быстро согласился директор. — Не успели руки дойти. Всего год проработал главным. Потом этот взрыв... Доберусь...

Наступила пауза. Ковальский решал, что лучше: бухнуть сейчас всё, что думает, либо дождаться, когда сидящий напротив совсем непростой и непредсказуемый для него человек «доберётся»?

— Слишком торопишься, — прервал паузу директор.

— Это оттого, что те, кому вы передали мои предложения по улучшению работы цеха и кому надо решать, слишком медлительны.

Директорское лицо побагровело.

— Вот угол опережения и беру, — продолжил Ковальский. Где-то на втором плане сверлила мысль: «Пришёл для конкретного разговора, а идут ужимки с обеих сторон».

— Угол опережения, — повторил раздумчиво Белецкий и стал смотреть мимо Ковальского в окно. — Смотри, не напорись на этот свой угол. «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал» — это и твой девиз?

«Я его не понимаю, ведь о деле пришёл говорить. Чего шаманить? Так ничего не изменишь... Совсем не доверяет, не принимает всерьёз?»

— У меня есть один кадровый вопрос, — начал Ковальский. Левая директорская бровь чуть надломилась в серединке. Ковальский продолжал:

— Мне некогда и не хочется терять время, чтобы заставлять своего заместителя Бузулукского нормально работать. Он мне не помощник.

После продолжительной паузы, которую Александр расценил как намеренную, Белецкий спросил бесцветным голосом, показавшимся ему неестественным:

— А остальные инженеры в цехе?

— Устраивают. Соскучились по нормальным отношениям.

Дверь в кабинет открылась и секретарь, извинившись, чуть ли не прошептала:

— Московские гости выехали с химкомбината...

— Ну, вот, видишь, — директор встал из-за стола и вышел на середину кабинета. Широко развёл руками. Ковальскому он сейчас показался похожим на циркового фокусника Кио. Белозубо улыбнувшись, директор сказал: — Давай чуть позже... Не сейчас.

Когда Белецкий остался один, на лице его появилась улыбка. Он был не из тех, кто позволял себя понять. Редко кому удавалось такое.

«Вот кого надо бы ставить главным инженером. Но больно молод. Начальником цеха всего ничего работает. Уберечь бы его от наших. Подставят — некуда будет деваться, придётся снимать. Однако посмотрим ещё...

За стеной в коридоре послышались голоса. «Теперь ещё разной хренью с министерскими заниматься надо. Нянчиться. Поить, возить на Волгу манерных бабёнок. А куда деваться? Иначе понапишут такое в свои протоколы проверок, с год чихать будешь... — Когда гости зашумели уже в приёмной, подумал: — Главный постоянно в стороне от проблем, с которыми воюет

Ковальский. Он и Ковальский явно несовместимы. Масштаб характера у Ковальского другой. — Усмехнулся кисло: — Главный — рохля. Но я сам хотел тихого, чтоб не мешал... Теперь глотаю пилюли... Надо что-то делать... Эта болячка, Бузулукский, на мою голову. Со стороны думают: директор всесилен, а тут повязан со всех сторон...»

* * *

... На лестничной площадке Ковальский наткнулся на секретаря парткома Новикова.

Обменялись рукопожатием. Секретарь спросил:

— Почему не заходишь? По старой дружбе мог бы...

— Вот по старой-то дружбе и неловко.

— Да ладно. Шесть лет проработали вместе. Пойдём ко мне!..

В парткоме Ковальский решил заговорить о Бузулукском.

— Был у директора. У меня куча проблем, которые надо обсудить, а не получается.

— На заводе ситуация сложная. И директор новый, и главный. Более того, Белецкий главным совсем мало работал. Но вот захотелось в директора... Кипучая натура! А для Ветрова, хотя он и главный инженер, твой цех тяжёл. Вот и не суётся. Разумник... Не отчаивайся. Уже все заметили, что ты многое сделал. Твой академизм сказывается. Я в тебя верю, как в никого.

При слове «академизм» Ковальский усмехнулся, невольно вспомнив своих аппаратчиц — Белозёрову и Глушицкую.

— Там крепкая метла нужна. Завалы во всём. Когда работали вместе, и не подозревал, что есть на заводе такие запущенные цеха. Как заводь у быстрой реки.

— Держись, не перегибай палку. Делай так, чтобы никто и не заметил, что свершил революцию. Через колено не ломай... — советовал секретарь.

Чувствуя, что разговор уходит от конкретного, Ковальский попытался удержать нужный крен:

— Мне надо, чтоб в цехе не было Бузулукского.

— Неисправим? — быстро спросил Новиков.

— Но я не в качестве Макаренко шёл в цех, — ответил Александр. — Человеку сорок пять, разве перевоспитаешь? Либо надо убирать, либо перевести в заводоуправление.

Здесь чудаков таких... Одним больше, одним меньше... Всё равно мотовило будет крутиться. А в цехе каждый инженер на счету.

— Ты так и директору говорил?

— Почти.

Новиков покачал головой, помолчал, потом медленно, с расстановкой проговорил:

— Видишь ли, скажу тебе только оттого, что доверяю по старой памяти: Бузулукский — общая головная боль. Мы знаем, что он не работник.

— Не понял?! — удивился Александр. — Выгнать! И все дела! Я не могу, у меня прав нет. Но вы-то — сила!

— Сила-то сила, но не всегда.

— Как так? — недоумевал Ковальский.

— Подождать надо, понимаешь, рановато ещё...

— Почему рановато? Кто определил?

— Александр, не горячись. Всею своё время. Больше пока ничего не скажу...

...Выйдя из заводоуправления и попав под лучи вечернего солнца, Ковальский, зло щурясь, произнёс:

— Тря-си-на!

Если б кто это услышал, ничего бы, разумеется, не понял. Да и сам Александр признавался себе, что часто отказывается понимать то, к чему давно уже многие привыкли.

...Пытаясь выяснить причину неприкосновенности Бузулукского, Александр через неделю узнал, что его заместитель и секретарь горкома партии женаты на сёстрах. Стало ясно — кроме него, Ковальского, никто Бузулукского пока пальцем не тронет. Он решил действовать самостоятельно.

* * *

После ужина Настя протянула Александру лист бумаги.

— Вот, смотри!

— Что это?

— Стихи Киплинга.

Александр прочёл вслух:

*Умей поставить в радостной надежде
На карту всё, что накопил с трудом,*

*Всё проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том,
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно всё пусто, всё сгорело,
И только воля говорит: «Иди!».*

— Отличные стихи! Откуда они у тебя?

— Уехали Саша с бабой Катей и забыли. Он мне говорил, что это Руфина ему прислала.

— Замечательно! Киплинг!

— Но, Саша, парню всего двенадцать лет. Он и так серьёзный очень. Серьёзней тебя. Смеяться громко не умеет.

— Ну и что?

— Не засушит она его? Сделает из него буку. — Посмотрев на мужа своими зелёными раскосыми глазами, под взглядом которых он становился мягче, продолжала: — У семи нянек один. Никто ведь его воспитанием серьёзно не занимается.

— Занимается!

— Кто?

— Среда, быт, в котором живёт. Так и я воспитывался. И — ничего.

— Хочешь сказать, что этого достаточно? Не пора ли его забрать к нам в город?

— Пусть как можно больше возьмёт от сельской жизни. Ему скоро жить и учиться в Москве.

— Вот поэтому ему надо быть поинтеллигентнее.

— А разве запрячь лошадь или проскакать галопом на Буланом, уметь косить сено, стрелять из ружья — мешают интеллигентности? Он — не Маугли.

— Саша, я не об этом.

— Тогда о чём?

— Сама толком не знаю, о чём. Сын растёт без отца и без матери. Без театра, хорошей библиотеки! Это ведь не очень нормально, правда?

— Настенька, у нас не хватит сил и на него, и на Соню. Мне тебя жалко. На твоих плечах и так немало. И потом, я верю в Бочаровых и Любаевых. Около них он вырастет и будет лучше, чем при нас. Мы задрэганы. Ты работу бросать не хочешь.

Говорил так, а сам радовался разговору... Настя с Соней и Ковальским-младшим успела уже съездить и в Сызрань к своим родителям. Пожили неделю и приехали посвежевшие. И у Любаевых побывала, и у Бочаровых.

— Признаться, я эту «Заповедь» Киплинга впервые сейчас увидел, а он в двенадцать лет уже прочёл. Молодец, Руфина! Надо вовремя подсказать, что человеку уготована с рождения не физиологическая, а духовная стезя... Важно уметь терпеть поражения... В этом — залог побед!..

На этом разговор закончился. У Александра он не сразу выпал из памяти. Когда сказал «молодец, Руфина!», в лице Насти что-то еле заметно дрогнуло. Он подумал, что Настя обиделась. Ревностное чувство в ней всё же потихоньку живёт. Поразмыслив, решил не обращать на это особого внимания: живой человек, все сойдёт на нет... Настя — умница!

* * *

...На второй день после полного останова цеха на капитальный ремонт Ковальский обратился к Мошкову:

— Давай обязательно вместе спустимся и обследуем боров печей.

...В тот день, когда боров был вскрыт, подписывая ремонтникам наряды-допуски к работе, Ковальский задержался в операторной. Мошков дважды подходил, напоминая, что всё готово к осмотру, но Ковальский просил подождать.

В третий раз Мошков появился в операторной сам не свой.

— Станиславич, в борове — скелет..

— Какой ещё скелет?

— Человеческий... Я не утерпел и спустился один... Он там... лежит себе...

Ковальский отложил в сторону бумаги и они отправились в боров — длинный подземный туннель, через который отводятся дымовые газы от печей.

Боров местами завалило обрушившейся кладкой и сечения его явно не хватало, чтобы обеспечить полную нагрузку печей. Вот он — резерв!

— Когда в последний раз проводили ревизию?

Мошков неопределённо пожал плечами.

— При мне не было, а я уже пять лет в цехе.

— Тогда неудивительно. То у нас лошадь лишняя оказывается, то человек...

— Какая лошадь?! — обернувшись, спросил Мошков.

— Буланый мерин трёхлеток, — сверкнув насмешливо глазами, пояснил Ковальский, — с белым чулком на передней левой...

— Не понял, — растерянно ответил Мошков.

...Поднявшись наверх по металлической лестнице, приставленной к кирпичной стене и перегораживающей дымоход перед самым входом в дымовую трубу, Александр увидел в полутьме у стены на ровном и голом полу камеры скелет.

...Когда выбрались наружу, Ковальский тут же о злополучной находке доложил по телефону Белецкому. Через час появились работники уголовного розыска.

...Около скелета нашли связку ключей, по ней и определили хозяина квартиры, бесследно пропавшего лет десять назад. Бедняга страдал манией преследования. Но как и когда он мог незаметно забраться в трубу, если она одиннадцать месяцев в году работает и температура в ней триста градусов, не менее?

Никто не мог вразумительно пояснить, почему так захламлены дымоходы.

...На следующий день в цеховой курилке обычно сдержанный Мошков рассказывал:

— Это, конечно, ещё та находка. Но со мной вот такая история случилась. Только закончив техникум, приехал в Уфу. Смонтировали мы такой же вот боров и решили с мастером, здоровенный такой у нас был Иван Фадеич, напоследок проверить кладку. Спустились и пошли. Метров шестьдесят стены осмотрели с фонарём и вернулись назад, а там ремонтники лаз закрыли огромными плитами. Попробуй сдвинь. Автокраном укладывали. Мы оказались в клетке. Ни подкопа нельзя сделать, кругом железобетон и огнеупорный кирпич, ни вылезти через трубу — не за что изнутри держаться. Сначала кричали. Но дымоход далеко и от пешеходной дорожки, и от операторной. Охрипли и перестали надрываться. Решили поберечь голоса до обеда. Начнётся движение наверху, вновь закричим. Ремонтники обедали в цеховых столовых и ходили недалеко от дымохода. Шансов мало, но мы надеялись. Обеденный перерыв прошёл. Нас никто

не услышал. Фадеич сел на пол дымохода и порадовал: «Завтра начнут перед пуском просушку, зажгут печи часов в десять утра. Если до этого времени не докричимся — сгорим. Температура дымовых газов будет выше трёхсот градусов».

— Что же, когда спускались, не оставили дежурного у лаза? — проговорил один из рабочих. — Мастер должен понимать.

— Никто не собирался закрывать в тот день дымоход-то: планировали на следующий. Но у ремонтников забирали автокран после обеда. Они поторопились.

— Ну, и как же не задохнулись? На шашлык не попали? — спросил тот же кудрявый смуглый парень.

— Как? А так. Фадеич выдохся, ему уже под шестьдесят было. Я стал обследовать по всей длине кладку и плиты перекрытия. Несколько раз возвращался к нему усталый ни с чем.

«Брось, — говорит он мне, — не суетись. Мы в склепе. Посиди. Жизнь подытожь. Хотя... тебе сколько лет-то?» — «Восемнадцать», — отвечаю. Покачал он головой: «Я-то, — говорит, — пожил хоть немного, а ты — нет. У тебя девчонка-то была?» — «Нет, — отвечаю, — не было». — «Так ты ни разу и не того?..» — «Чего?» — спрашиваю. «Самого главного в жизни и не попробовал?.. Жалко мне тебя... У меня-то трое внуков». Я пытался его заставить что-нибудь делать, он махал рукой: брось, зря. И продолжал сидеть, прислонившись к неприступной каменной стене. «Помолись, легче будет», — советовал. Потом уже я не мог говорить — так надорвал голос, пока кричал. И сдался: стал молиться. Не грехи замаливал, а просил помощи. И так я сильно просил, что у меня заболела голова. Упал и даже не пытался подняться. Лежал в полусознательном состоянии. Фадеич меня отыскал в темноте и растормошил. Фонарь у нас разрядился. В этот ужасный канал-склеп едва-едва через отверстие между плитами сверху проникал лучик с того света. С этого света, вернее. Я ещё немножко полежал. Потом поднялся и стал ходить, пытаюсь просовывать руку в щели. Надеюсь, сам не зная, на что. Кричать не могли оба. Ждал какого-то чуда, вдруг обнаружится отверстие. Худенький был. Мог, как ящерица, залезть в любую щель.

— Вылез всё-таки? — нетерпеливо спросил парень, сидевший рядом с кудрявым.

— Нет, — ответил Мошков. — Помогли! Рабочий день закончился. Наш цеховой электрик возвращался с проходной, где его не пропустили, — забыл пропуск. — И увидел между плитами мой указательный палец. Я совал руку, где только мог, вот и пролезла она, вернее, палец. Этот электрик Рахимов и не должен был там проходить. Он торопился и пошёл напрямую. Шум поднял, нашли технику. Нас с Фадеичем спасли.

— Спас обоих ты, — проговорил наставительно из дальнего угла кудрявый.

— А помогал тебе твой ангел, — добавил сосед кудрявого. — Услышал он тебя тогда... Обоих... И Фадеича услышал... раз и он молился...

— Не знаю, кто нас спас. Вот, — Мошков тронул свои густые седые волосы, — белявым стал после того случая. Никогда больше в дымоход по своей воле не спускался. Вчера был второй раз — и опять с приключениями.

Тихо вошедший в курилку Ковальский слышал последние слова Мошкова.

— А всё-таки инструкцию надо выполнять, как следует... Там записано: осмотр дымохода должен производиться не реже одного раза в два года, верно? — обратился он к Мошкову. — И с особыми мерами безопасности, так?

— Так точно, — с готовностью согласился тот.

...После находки, о которой вскоре узнал весь завод, Ковальского за глаза стали называть «дотошный». Он только усмехался. И держалось это прозвище долго, пока не стали называть самого молодого на заводе начальника цеха с легкой руки того же Мошкова — «Станиславич». Открыто выражали и доверие, и невольное уважение. Обычно так, по одному отчету, называют рабочие многоопытных мастеров.

...Дефектную ведомость на ремонт дымохода они составили добросовестно. Одна треть огнеупорной кладки была заменена. Причём большая часть — на «скорлупы» из железобетона, которые сконструировали сами.

Ещё одно «узкое» место в цехе было «расшито», и в папке Ковальского появилась запись: «Как и следовало, прочистили дымоход. Всего-то. Но производительность цеха возросла на 15-20 процентов. Неплохо!».

XXVI

Последний разговор в кабинете директора имел последний смысл. Да ещё какие!

Белецкий загорелся установить на заводе вместо обычной теплообменной аппаратуры на оборотной воде современную, в которой охлаждающим элементом является воздух. Вода приносит много хлопот. Загрязняясь, выводит из строя существующие трубчатые холодильники. Директор решил начать с цеха Ковальского. Это могло значительно улучшить работу установок и увеличить мощность.

Белецкий любил масштабные дела. Его помощники за ним не поспевали. Он только что закончил кампанию по ремонту дорог. И оттого, что все магистральные и межцеховые дороги были теперь значительно приподняты, заново забетонированы и обустроены сливными лотками, на заводе стало намного меньше грязи. Территория в четыреста гектаров преобразалась на глазах.

...Теперь не реже, чем через день, директор приезжал к Ковальскому. И всегда до восьми утра, когда мог располагать своим временем.

Хлопот прибавилось. Старые теплообменники трогать нельзя. Они должны работать до капитального ремонта цеха. Требовалось найти другое свободное место, размерами не менее трёх волейбольных площадок, где можно заранее установить новые холодильники.

Где взять такое поле? Ковальскому пришла мысль использовать в качестве фундаментов давно уже не действующие старые заброшенные железобетонные смолоотстойники. Но вот беда — мешали остатки пиролизной смолы. Огромные железобетонные ёмкости с люками сверху надо освободить от вязкой горючей смоляной массы. Но как? Ударят морозы, что делать?

...Семена за неутомимым директором по замазученной площадке, рослый главный инженер Ветров пытался доказать, что, кроме как экскаватором, который необходимо поднять на крышу огромного железобетонного ящика, ничем продукт не убрать.

Интеллигентный опытный технолог, начальник конструкторского отдела Дейнеко рисовал тут же, на полу, предлагаемую схему освобождения, согласно которой следовало установить насос, обвязать его трубопроводами, залить бензином

смолоотстойники и наладить циркуляцию до полного растворения массы. Содержимое потом перекачивать, добавляя порциями в готовую товарную смолу.

Ковальский понимал неприемлемость предлагаемых вариантов, но своего нащупать не мог. Интуитивно чувствовал, что он есть! Но какой?..

Выручила, как ни странно, жена. Случился такой курьёз. После этого Ковальский понял, что иногда можно найти простое решение, глядя на ситуацию со стороны незашоренными глазами. Частенько потом, упираясь во что-то, будет он как бы отходить в сторону, словно заново вникая в суть. В автобусе, дома, на улицах, в гостях — где угодно решение выскакивало. И часто — самое верное.

— Она замерзает, эта ваша смола? — спросила Настя, когда Ковальский за ужином рассказал ей о директорской затее.

— В том-то и дело, что да.

— Ну так ноябрь на носу, подождите, а потом, когда замёрзнет, выгрузите снизу — и все дела!

— Так днище-то монолитное, — по инерции ещё возразил Александр, но в следующий момент, смекнув, закивал согласно головой.

А жена продолжала:

— Пробейте отбойными молотками люки. И — в тракторные тележки, раз ты говоришь, что ваши смолоотстойники подняты высоко над землёй...

— Как ты так быстро додумалась? — удивлялся Ковальский.

— Не знаю. Просто же всё... Вас заклинило сроками. Хочется быстрее, подождите морозов — только выиграете...

Подготовка оказалась нелёгкой. Но с наступлением холодов всё сделали. И можно было монтировать закупленное оборудование.

Удивляли Ковальского терпение и энергия директора. Первое время, взбираясь по лестнице вверх без сопровождения, он нередко попадал рукой либо ногой в вязкую смолу. Но его ничто не останавливало. Белецкий был азартен. Это подкупало.

Директор понимал, что Ковальский загружен. Отвлекать его тем, что могут выполнить другие специалисты, неразумно. Но почему он делал многое сам?

...Зная о занятости Ковальского, директор не ведал об интенсивной разработке новой горелки.

В обновлённой токарке установили станок. Его Ковальский выпросил у главного механика завода.

Мошков оказался умельцем. находка, а не мастер: когда-то начинал на заводе токарем.

Многое делалось методом «тыка». Но бесконечные переделки не смущали.

Вскоре они оборудовали одну из печей четырьмя в муках родившимися горелками. Сто двадцать восемь прежних отключили. И свершилось! Печь тянула прежнюю нагрузку свободно. Местные перегревы труб исчезли.

Решили результаты пока не объявлять. Во-первых: «пробег» хотя и больше, чем у печей со старыми горелками, но единственный. Во-вторых: всё сделано без соответствующего разрешения главного инженера. Когда его зам, не веря в перспективность изобретения, активно запротестовал против согласования необходимой документации, Ковальский к главному не пошёл. Если не подпишет, тогда всё похоронят навечно. Решили рискнуть. А там... Победителей не судят!

Новые горелки сильно шумели. Надо было срочно что-то делать. Заводоуправление — метрах в трёхстах от цеха, могли услышать и обнаружить «контрабанду».

Где-то через месяц после первого запуска новой системы горения в кабинете Ковальского объявился неожиданный посетитель.

— Косяков Виталий Викторович, — представился он. — Кандидат наук, старший научный сотрудник института.

Ковальский пожал протянутую руку и предложил сесть.

— Буду говорить без обиняков, — продолжил гость. — У вас действует горелка новой конструкции.

— Откуда узнали? — удивился Ковальский.

— Ну, это секрет, если можно... Прослышал... — Поправив на переносице всей пятернёй очки, произнёс: — Я предлагаю сотрудничество!

— Но горелка уже на ходу!

— Эх!.. Её ещё надо защитить авторским свидетельством! Сколько документации понадобится для его оформления. А потом, когда горелка пойдёт по отрасли, тоже дел будет по горло. Вы верите в её будущее?

— Если то, что мы имеем сейчас, подтвердят длительные пробеги, десятки заводов с руками оторвут, — ответил Ковальский.

— Вот видите! Одинаково мыслим. Давайте объединяться. Техническая часть — ваша, исследовательскую ведём мы. Следует всё научно доказать. Считаю, надо организовать стенд и на нём, а не на печи, испытывать разные модели горелок. Согласны?

— При одном условии.

— Каком?

— Руководство завода сейчас не в курсе. Всё пока должно оставаться в цехе.

— Согласен, — поспешил заверить Косяков.

Они ещё раз обменялись рукопожатием.

Так начался непростой совместный труд заводчан и учёных. Впоследствии, не имевшая мировых аналогов, газовая горелка будет внедрена более чем на ста пятидесяти установках страны, а авторы получают премию Совета Министров СССР.

Кроме того, изобретение позволит изменить конструкцию печей!

Но это будет ещё не скоро...

* * *

Работа Ковальского и его ближайших помощников Долгова, Мошкова и Поспелова приобрела, похоже, запойный характер. Он часто теперь просто выгонял их домой из цеха.

— Вы нужны мне завтра с утра свежие, в форме. Сейчас восемь вечера. Пока доберётесь домой, пока то да сё... Я вас отстраняю. Хотите, берите чертежи и горелку с собой.

А сам в душе радовался: «Эксперимент-то удался, совсем неожиданно... Не разольёшь водой!».

...Вернулись они и к давней идее о предотвращении отложения кокса в печах. Сырьё, переразлагаясь при высоких температурах до кокса, забивает трубы. Необходимо снижать нагрузки. В конце концов разница линейного расширения металла труб и кокса

делает своё дело: трубы лопаются. Уменьшение скорости образования кокса открывало поразительные перспективы. С учётом новых горелок печь могла действовать значительно дольше, обеспечивая, к тому же, высокие нагрузки. Всё одно к одному!

После многократных срывов они усовершенствовали схему подачи найденной когда-то эффективной добавки — водного раствора поташа. Теперь осторожно нащупывали оптимальный вариант подачи смеси в работающий змеевик.

На этом этапе когда-то и закончились первые испытания, ибо начались массовые разрывы труб. Из-за этого застопорилось дело и на родственном заводе в Грозном.

Долгов созвонился с ведущим специалистом головного института Генрихом Львовичем Битманом, который занимался этой проблемой. Тот одобрил планы.

Ковальский под свою ответственность разрешил ввод добавки. Долгов, начав с одной печи, вскоре подключил уже четыре. Ковальский чувствовал себя неудобно, сознавая, что самовольно продолжает запрещенное когда-то заводским техническим руководством испытание. Но печи заработали лучше, и он успокоился.

А вскоре на одной из селекторных планёрок в отсутствие Ковальского его заместитель мимоходом проговорился, что испытания возобновлены. И — никакой реакции. Всё как бы встало на свои места.

Выпроваживая из цеха вечерами подчинённых, Ковальский и сам попадался на крючок своему «домашнему» начальству.

...Однажды он, не остыв ещё от цеховой горячки, задумавшись, нажал на кнопку звонка. Когда жена открыла дверь, машинально вынул из кармана заводской пропуск и, выставив на уровень её лица, предъявил его. Спыхватился, когда увидел округлившиеся глаза жены.

Он вошёл в собственную квартиру, Настя проговорила:

— На кухне в задумчивости весь угол у полки лбом поотшибал... Теперь меня в заводские вахтёры записал? Хорошенькое дело. — Она улыбалась, но не так уж и весело... — Ещё такой годочек, Саша, и сторишь, как твоя ненаглядная печка...

— Не сторим! — снимая обувь, ответил Александр. — Мы такую штуковину испытываем! Ахнут все!..

Чтобы как-то заставить своего заместителя тянуть общую лямку, Ковальский на вечерних совещаниях решил и ему давать конкретные задания с ежедневными докладами о сделанном.

И сразу же обнаружилась неготовность Бузулукского к такой выверенной работе. Заместитель не успевал за стремительным ходом событий. Долгая спячка привела к потере формы. Если она, конечно, была...

Поначалу Бузулукский в своей манере пытался просто переговорить оппонентов. Но всё чаще среди присутствующих раздавался сперва несмелый, а затем откровенный смех — столь нелепо выглядели отговорки. Вальяжность его пропала и вся энергия уходила в туземную озлобленность. Так длилось больше месяца.

...Выдерживая одинаковую для всех требовательность, Ковальский после неоднократных напоминаний о невыполнении порученного, письменно в цеховом журнале распоряжений объявил своему заместителю выговор.

Это был вызов. Ковальский понимал, что делал. Знал: подобного ещё не было. Журнал читал весь персонал цеха, передавая из рук в руки.

Бузулукский написал заявление об увольнении. Такой неожиданной и скорой развязки Ковальский не ожидал...

И особой победы за собой не чувствовал. Проще, если бы заместитель работал, как положено.

Кандидатуры на замену не просматривалось. Вернее, она была — Долгов. Но Ковальский понимал, что этот вариант мёртвый.

Стараясь хоть как-то повысить престиж своих цеховых инженеров, Александр уже три раза подавал документы на поощрение начальника отделения Николая Алексеевича Долгова. Всё равно, как отметят: занесение на Доску почёта, благодарность ли... Важен сам факт.

Но прошёл год... К праздникам и юбилеям в приказах появлялись фамилии многих работников завода. Но только не из цеха Ковальского. Словно на них был поставлен крест. А тут ещё и Пospelов «порадовал»: пришёл с заявлением об увольнении.

Посапывая и вздыхая, теребя уголок лежавшего перед ним заявления, которое Ковальский демонстративно не принял, механик оправдывался:

— Так, как с вами, никогда не работали. Интересно очень, заряжаете нас всех! Но не выдерживаю. Сердечко сдаёт. Не поспеваю за вами. Рад бы — и не могу! Понимаете? Не хочу увольнения за несоответствие вашим запросам. Очень уважаю вас. Если на заводе узнают, что вы меня уволили, будет обидно. Если б вы годков десять назад к нам начальником пришли... Я был тогда здоров.

«Да уж, — глядя в широкое лицо механика, думал Ковальский, — не повезло мне».

Поспелов продолжал тихо переживать над своей бумагой. Посапывал, как школьник. Временами странно вздрагивал, будто на голое тело садилась оса, и тогда стул под его тучным телом жалобно поскрипывал.

Договорились, что полгода механик ещё поработает, а там видно будет.

XXVII

...Бахрах не умел спать в поездах, поэтому брал с собой в дорогу то, что не успевал прочесть дома. Такие поездки он даже ждал. И сейчас на нижней полке фирменного поезда «Жигули» ворошил свои рабочие тетради.

Двое его спутников спали. Лежавший на нижней полке напротив, периодически вскрикивая, невнятно кому-то грозил. Потом умолкал на время... Этот парень пришёл в купе из ресторана после Рязани в одном ботинке. Не раздеваясь, упал на лежащего мирно Бахраха и попытался молча отвоевать себе место. Бахрах отложил тетрадь. Легонько подталкивая, дал ему нужное направление. Вскоре тот засопел на противоположной полке, ткнувшись носом в подушку.

Лежавший на верхней полке Генрих Львович Битман, продавая заспанные глаза, запоздало решил вмешаться.

— Сейчас спущусь и дам ему пару флотских!

— Спит же, никого не трогает..

— Но он вякает что-то. Того и гляди бросится, я чувствую...

— Не трогайте его.

— Со своими катализаторами маетесь? — спросил Битман, всё-таки спускаясь вниз.

— Самые на сегодня перспективные — это металлокомплексы. У нас пока таких нет. Французский институт нефти уже приступил к их освоению на заводских установках. Я был у них. Мы бы могли не отстать. Я в институте установку в стекле делаю. Но что это? Надо начинать сразу в металле и с реактором, объёмом не менее пяти литров. Уверен: мы могли бы года через два получить промышленный катализатор мирового уровня.

Выпуклые глаза Битмана с фиолетовыми белками уставились на собеседника.

— Нужен человек, который бы двинул это в производство?

— Да, но не так, как обычно делается. Вечные согласования, утверждения, боязнь за срывы и... это постоянное желание производственников свалить всё на институтских. Будет столько разных казусов. Начнём с нуля. Мы будем в Союзе первыми!

— Я дам вам такого человека, — диковато вращая белками, уверенно заявил Битман.

Эта уверенность насторожила Бахраха, а Битман продолжал:

— Брось этот химкомбинат. Поехали сразу со мной. Я как раз еду к нему. Пока его не сняли с должности начальника цеха! — Сказав это, он громко хохотнул.

Заведующего институтской лабораторией Битмана его подчинённые старались не допускать к стеклянным установкам. Боялись, что разобьёт. Не мог он спокойно вести опыты. Темперамент мешал ему лично заниматься экспериментами. Но он умел другое. Давал идеи, которые, часто фонтанируя из него, первоначально имели настолько неожиданный вид, что брала оторопь. Потом, отсеяв многое, все вдруг удивлялись, почему опять он, а не кто-либо другой, додумался до такого?! Над воплощением идей Битмана работала вся лаборатория. А он царствовал в ней. Но иногда его надо было сдерживать. Порой так рисковал, что многих покачивало... В этом учёном столько дерзости, что хватило бы на десятерых.

— А почему его должны снять? — поёживаясь, спросил Бахрах.

— Да потому, что такой же, как я! Но я — в институте и меня терпят. А он — на заводе. Там ответственность во сто крат больше. Он — рисковый! Но удивительно: ни разу серьёзно не про-

махнулся! На Грозненском химкомбинате мы «ловили блох» с вводом ингибитора около года. А он месяца за полтора схему отладил. Печи в два раза дольше работать стали. Сейчас нигде такого в Союзе нет!

— Как фамилия? — раздумчиво спросил Бахрах.

— Ковальский, — произнёс Битман. И тут же осёкся: «Ё-моё, я про Руфину совсем забыл, ведь она между ними! Ранний склероз!».

И тут же словно волной окатила мысль: «Как это Ковальский уступил такую женщину этому Бахраху — хорошему учёному и человеку, но скучному, рациональному и при том почти уже лысому?». Последнее он особенно выделил. Ему нравился Ковальский.

Бахрах хотел что-то сказать, но Битман опередил:

— Двинет твой катализатор. Хочешь этого — забудь всё остальное. А то догонять его будешь...

— Да мне, собственно, нечего забывать, я...

Он не договорил. Проснувшийся попутчик на нижней полке громко и бессвязно заговорил. Толкнув Битмана, встал и выбежал в коридор. Там, в дальнем конце, послышались угрозы и отборный мат. Вскоре его привела проводница.

— Заберите своего товарища. У него белая горячка, что ли? Угрожает, сквернословит. Успокойте, иначе сдам милиции... Никогда не думала, что научные работники бывают такими! Он с вами?

— Милиции?.. Ах, вы... вы тут... на колёсах, а я пузом... успел своё хлебнуть, пока вы... — парень ткнулся в свою постель.

— Отнюдь! Не с нами, — с задоринкой отреагировал на вопрос проводницы Битман.

— Дорогой товарищ, видите ли... — Бахрах сделал попытку начать диалог.

«Дорогой товарищ» не дал попытке увещевания увенчаться успехом. Вывернув лицо набок, изрёк:

— Тамбовский волк тебе товарищ, — он невидящими глазами уставился на говорившего.

В следующий миг, расталкивая всех, бросился в коридор. Парень был явно не в себе. Слышно было, как упал. Чем бы всё это кончилось, неизвестно, но оказалось, что на станции «На-лейка» ему выходить.

Когда они остались в купе вдвоём, Битман спросил:

— Ну, что, сразу со мной на завод к Ковальскому?

— Давай первый день побуду на комбинате, а уж потом...

— Хорошо, — отозвался Битман. — Хозяин — барин.

Он шагнул в коридор. Вагон крепко качнуло, рукой он непроизвольно ухватился за оконную занавеску и непрочная конструкция скользнула на пол.

— Нет, вы всё-таки одна команда. Вас тоже надо бы сдать или высадить, — проводница недовольно посмотрела на Генриха Львовича и шагнула к окну. Тот вошёл в купе.

— А мне жалко этого парня, — произнёс Битман. Он посмотрел на спутника, будто только сейчас понял самое важное. — Его чем-то раздавило?

Бахрах не ответил. Он сосредоточенно читал. Наконец-то ему не мешали...

...Утром, когда уже подъезжали к Сызрани, Битман вновь заговорил о Ковальском:

— Если бы не его рвение, мне для диссертации материала не хватило бы. Они там башковиты и в исследовании. Есть в цехе Долгов такой — у него неуёмная фантазия. Они с Ковальским, дополняя друг друга, могут делать то, что целому институту не под силу. Не вру! Представляете, процесс, который мы совместно с заводом довели и теперь почти полностью внедрили у Ковальского в цехе, при нормальном режиме практически исключает образование кокса. Когда американцы узнали, в годовом отчете своей фирмы заявили, что этого не может быть в принципе. Обалденное дело! Теперь, увидев наши материалы на ВДНХ, просят на завод. Прислали письмо в министерство. У нас так: чтобы сделать что-нибудь выдающееся, надо сначала развалить до основания, а затем... Цех-то у Ковальского старый, планировался к закрытию. Новая установка, которая идёт на смену, превратилась в долгострой. И на старье теперь внедряется то, чему нет аналогов в мировой практике. По основным технологическим показателям цех вырвался вперед. А самые современные теперь отстают... Наш институт получил задание подготовить техническую документацию для внедрения этого процесса на новых заводах.

Бахрах сдержанно слушал Битмана. Не перебивал и не спрашивал.

«Странный человек, — глядя на Альберта Исаевича, думал Битман. — Сухарь. Ковальский тоже выдержан, но в нём азарт прорывается наперекор всему. Заводной! А этот?..»

* * *

— Владимир, пойдём ко мне заместителем, — Ковальский слегка тронул плечо друга.

— Я догадывался, что предложишь.

— Идёшь! — обрадовался Ковальский.

— Нет, — ответил Суслов.

— Почему?

— Сейчас мы друзья. Стану твоим замом, этого не будет.

— Почему?

— Потому, что ты так нетерпелив, так переживаешь, когда делают не по-твоему. Мы долго не выдержим друг друга.

— Тогда предложи кого-нибудь.

— А Долгов?..

— Рано. Не пропустят. Да и срывать не хочется — утонет в цеховой документации. Ему надо живое дело.

— Верни Хризантему, своего однокашника.

— Но он в Тольятти!

— Ну и что?

— И пьёт, зараза.

— Это не критерий. У нас — как человек-труженик, да ещё незаменимый — так страдает от этого.

— Нет, такой вариант не подходит.

— У тебя Мошков-то тоже пьёт. Опыт есть.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Он не пьёт. Уходит в запои.

— Это ещё хуже...

...Поведение Мошкова для Ковальского — головная боль. За то время, которое Ковальский поработал с ним, тот уже три раза срывался. Отсутствовал каждый раз недели по две. Являлся помятый и тихий, но работал не просто безотказно: тоже — запойно.

Первые дни после отлучки старался Ковальскому на глаза не попадаться. Александру было больно смотреть на него. Мошков каждый раз сбивчиво извинялся и раскаивался. Готов

был уйти из цеха, если начальник того захочет. Но Ковальский понимал: без Мошкова многое просто рухнет.

Видел, что ему стыдно. И не верил, что это в последний раз. Так и шло... Начальник цеха искал выход и пока не находил...

В случае огласки прогулов пострадали бы и цех, и Мошков. Ковальский с этим не спешил, хотя понимал, что, если всё вскрыется, свою правоту отстаивать будет нелегко...

...Заместителя Ковальскому привёл сам Белецкий. Светловосый высокий парень решительностью, видимо, не отличался.

— Мне бы ещё недельку подумать, Вадим Петрович...

— Уже неделя прошла. Ты, Фёдоров — тугодум? А ещё однофамилец нашего министра, ай-яй-яй...

— Но ведь столько нового...

— Ковальский, сколько даёте ему на изучение?

— Пусть сам скажет.

— Вот видишь, у тебя начальник покладистый — завтра выходи в этот цех. Приказ будет.

— А если бы...

— Какие «если»? Всё ясно...

* * *

Прошло полгода после встречи Ковальского и Косякова. Печь с новыми горелками работала успешно. Дольше обычного межремонтного пробега. Вместо старых возведены из огнеупорного кирпича новые стены, эффективно излучавшие тепловую энергию от новых горелок. Это — маленькая техническая революция. Но подпольная. Сотрудничество с институтом оказалось плодотворным.

Спокойные испытания закончились в один день. Ковальского срочно пригласил директор.

— Почему в цехе ведётся своевольная реконструкция печей?

Для Ковальского этот вопрос не был неожиданным. Он понимал, что когда-нибудь всё вскрыется. Но хотелось сделать несколько пробегов, получить положительное решение по заявке на изобретение. И тогда уж солидно и доложить. Зачем спешка?! Печь-то действует...

Белецкий повторил вопрос, но несколько иначе:

— Почему руководство завода узнаёт, что творится в цехе, от Косякова? Постороннего на заводе человека?

— Уверен, что это не грозит цеху ничем, кроме хорошего, вот и делаю... Я отвечаю за это... Устал тратить время на согласования и убеждения.

— А кто утверждал задание на проектирование? Кто подписывал чертежи? Главный не в курсе! — напирал Белецкий.

— Его зам по производству.

— Не имел права!

— Других не уговоришь, — пожал плечами Ковальский. — Он выручил.

— Косяков считает, что его участие должно оплачиваться по договору. Ты намеренно тормозишь?

— Я тоже считаю, что договор с институтом надо подписать. Но чуть позже, когда масштабы работ будут значительней...

...Через день состоялся технический совет. Вёл его директор. Обычно это делал главный инженер.

Члены совета услышали о новой горелке впервые. Сидели, опустив головы.

Белецкий сообщил об успешных испытаниях и предложил внести в план организационно-технических мероприятий переоборудование пяти печей из восьми существующих.

Все молчали.

Слово попросил Ковальский:

— Вадим Петрович, прошу оставить всё, как есть. Или, по крайней мере, планировать пока реконструкцию только двух печей.

— Не верите в свои горелки?

— Верю, но надо ещё доработать кое-что...

— Вам помогут заводские специалисты. Или они хуже вашего Долгова?

«Вот уж этого не надо, заставь Богу молиться... — Александр аж поёжился. — Куда он всё торопится, энергии прорва? Намеренно, что ли, Долгова высветил? Чтоб присутствующим — по самолюбию... Вдохновляет успех с воздушными холодильниками? Хорошо! Но гонка тут ни к чему. Хоть бы кто-нибудь из присутствующих поинтересовался: что за горелки? Боятся. Стыдно, что ничего не знают».

Выручил главный инженер.

— Вадим Петрович, давайте оставим три печи.

— Хорошо, — сверкнув глазами, быстро согласился Белецкий.

Все облегчённо вздохнули, довольные, что кончилось без разгона.

...В операторной цеха Ковальского ждал Долгов.

— Вот, смотри, какая чепуховина в отчёте грозненцев.

Ковальский взял сборник отчётов головного института и сразу нашёл глазами нужное: «...экспериментально проверено, ввод добавок в десятую, одиннадцатую, двенадцатую трубы приводит к их разрушению и выходу змеевика из строя. Испытания прекратить».

— Но ведь Битман заверил, что оптимальная точка вывода — одиннадцатая труба.

— Ну, да! И всё у нас нормально. Пробеги увеличились, кокс хотя и откладывается, но намного меньше. Критерий истины — практика!

— Почему же Генрих подписал? И отчёт утверждён главным инженером Грозненского химкомбината?

— Буду сейчас искать Битмана — срочно выяснять.

— Николай Алексеевич, — Ковальский внимательно посмотрел на Долгова, — кто ещё читал отчёт?

— Главный инженер наш, его заместители — они там расписались.

— Представляешь, что будет, если печи начнут выходить из строя?

— А почему такое должно случиться?

— По закону подлости — может! Нельзя работать, будучи подвешенными на такой крючок! Сейчас директор дал «добро» на установку наших горелок ещё на две печи. Если печи выйдут из строя, запретят всё. Пока очистимся, уйдёт время.

С Битманом Ковальский разговаривал сам.

— Да ортодоксы они там! Причина совсем в другом! Просто не разобрались: записали в отчёте, что виновата одиннадцатая труба. Работайте! — кричал на другом конце телефонного провода Генрих.

— Но зачем эту чепуху подписал и ты? Нам не сказал?

— Надоело доказывать. Отчёт надо было сдавать — деньги нужны на зарплату моим сотрудникам! Полагал, что потом выправим. Всё станет очевидным даже таким, как они... Всё же работает. Не волнуйся. Я гарантирую.

— Наши, если что случится, набросятся стаей на меня с Долговым. На техническом совете получили оплеухи от Белецкого. Им нужна компенсация... Приедешь на завод — побьём! — Ковальский резко положил телефонную трубку и досадливо поморщился.

* * *

...Беда случилась, как нарочно, в субботний день. Недели через две после разговора с Битманом.

Дежуривший в цехе Долгов доложил Ковальскому о ней первым. Потом последовали звонки от начальника смены, диспетчера завода.

Одна за другой аварийно остановили четыре печи. Большая половина нагрузки цеха и завода потеряны. Дальнейшее грозило полным остановом нескольких цехов завода. Это в январские-то морозы!

Ковальский в цех прибыл одновременно с Белецким.

Директор был возбуждён сверх меры:

— Если меня вздумают в министерстве снимать, многих на заводе посшибаю...

— Может, не так всё страшно? Посмотрим, какой нужен ремонт. Попробуем за три-четыре дня запустить, — попытался смягчить ситуацию Александр.

— Ты недооцениваешь случившееся! Может так всё раскрыться, что я тебе не помощник! Ты это понимаешь?! Немедленно все свои заморочки, испытания прекратите! Потом разберёмся...

С Ковальским директор разговаривал ещё относительно сдержанно. Когда попался Долгов, Белецкий не выдержал. Долгов на него подействовал своей невозмутимостью, как красный лоскут на боевого быка.

— Доэкспериментировались?! Мать вашу...

— Не в том причина, — бесстрастным голосом, удивившим Александра, ответил Долгов.

— А в чём?! — рывкнул Белецкий.

Ковальскому стало неловко.

На лице Долгова мелькнуло нечто похожее на улыбку ребёнка, знающего, что он не виноват, но наказание неотвратимо. Он произнёс, не пряча этой детской улыбки:

— Щёлочь виновата.

Они вошли в кабинет Долгова.

— Вы мне с этой щёлочью всю плешь проели. — Белецкий уронил себя на старенький стул. — Лаборатория подтвердила, что щёлочь гробит трубы, но где она? Годами талдычили, а её нет в сырье! Удобно ссылаться? Покажите мне её хотя бы раз!

Долгов неспешно, подволакивая левую ногу, подошёл к окну. С подоконника из-за головы директора достал колбу с расслоившейся жидкостью.

— Вот, мутно-коричневый слой — это и есть щёлочь.

Ковальский внутренне ужаснулся: «Неужели решил на подлог? Ведь это же откроется! Долгову несдобровать...».

Белецкий держал двумя пальцами колбу, смотрел на свет.

— Откуда?

— Вспомнил, что за заводом в овраге наши сырьевые трубопроводы проходят не в земле, а на эстакадах. Там трубопровод с бензином сначала опускается вниз, а потом — резкий подъём. Получается как бы отстойник. Как я не догадался раньше? — ровным голосом отвечал Долгов.

— Когда отобрали пробу? — резко спросил Белецкий.

— В пятницу вечером, перед уходом домой. Догадывался, что щёлочь есть. Вопрос — сколько?

— Почему никому не доложили?

— Решил в выходные народ не мутить. Надо, чтобы проба отстоялась, потом сдать на анализ. Всего одна печка грузилась с этой трубы.

Ковальский продолжил за него:

— Позже с сырьём возник острый дефицит. Ещё три печи по согласованию с главным инженером диспетчер просил перевести на этот бензин. Я вначале не соглашался, но сдался. Печи в хорошем состоянии. Долгов о переводе не знал. А я — об этой пробе. Ясно — залповый заброс щёлочи.

В кабинет вошли грузный главный инженер и худощавые, быстрые в движениях главный механик и начальник ремонтно-механического цеха.

— Я вызвал руководителей почти всех служб. Сидят, ждут команды, — поторопился доложить главный инженер. — В цехах нагрузки сбалансировали. Я был в диспетчерской завода. — Он замолчал, придав лицу похоронный вид.

— Доработались, орлы, — глухо произнёс Белецкий.

Главный инженер, не слышавший предыдущего разговора, понял по-своему эту короткую жёсткую фразу. Полез рукой в карман пальто. Александр сразу узнал в его руках знакомый сборник отчётов головного института.

Ковальский взглянул на Долгова. Тот, слегка усмехнувшись, едва кивнул головой в ответ.

Полистав страницы, главный нашёл нужное место и сам себе порадовался:

— Вот! — Он прочёл злосчастную фразу из отчёта и добавил от себя, повернув лицо к директору: — Ну, вот же! Чёрным по белому написано: в одиннадцатую трубу подавать ингибитор нельзя. Преступники! Даже отчётов не читают. Запороли цех.

— Дайте сюда! — директор властно протянул руку.

Ковальский, взглянув на главного, подумал: «Он, что, следит за нами, за каждым шагом? Делать нечего?..».

Белецкий прочёл страницу и обратился к Ковальскому:

— Вы читали?

— Да.

— А почему не расписались?

— Это дураки писали, зачем расписываться? — вступил Долгов.

«Сейчас начнётся, — пронеслось в голове Ковальского. — Лезет на рожон».

— Вот видите, — словно продолжая только их с директором разговор, сказал главный. — А вы говорите, теснее с ними работать надо. С ними вообще нельзя иметь дело.

Ковальский мельком посмотрел на всех. Лица сосредоточены. На лице Долгова опять заиграла неопределённая, совсем неуместная улыбка. Он не прятал её от остальных. Слегка кивнув в сторону главного, Долгов произнес так, чтобы слышал, вроде бы, только Ковальский:

— Другой промолчал бы и сошёл за умного, а этот..

Ковальскому показалось, что директор услышал сказанное, чего и хотел Долгов. «Куда он прёт? С кем я останусь работать...»

Директор быстрым взглядом посмотрел на Долгова и сказал неожиданное:

— Товарищу главному инженеру не терпится избавиться от щёлочи в сырье или от Долгова? Разберитесь в ситуации и до-

ложите своё мнение сначала мне лично, — багровое его лицо теперь было повернуто к главному.

Тот, очевидно, не знал, как реагировать, потому ответил привычным «есть!».

— Подачу бензина в цех перекрыли? — спросил директор Ковальского.

— Только уменьшили приём. На этом сырьё теперь работает всего одна печь.

— Но она тоже прогорит, раз в щёлочи дело! — громыхнул Белецкий.

— Если совсем прекратим приём бензина, трубопровод замёрзнет, на улице — минус двадцать. Сырья, поступающего в железнодорожных цистернах, не хватит, — пояснил Долгов.

— Идите и немедленно отключите печи от этого бензина, а вы, — он обратился к главному (тот послушно встал с потёртого дивана), — найдите Захарычева — вместе с ним обеспечьте завод сырьём.

— Труба без движения продукта замёрзнет и лопнет: где щёлочь, там и вода... — начал, было, снова Долгов.

— Николай Алексеевич, вы получили команду? Ну и выполняйте! — суматошно произнёс главный инженер и потянулся к телефону.

Перехватив взглядом его намерение, Белецкий распорядился и тут:

— Захарычеву скажите, чтобы дал телефонограммы о полном прекращении приёма сырья от поставщиков. И пусть директора либо главные инженеры придут на завод в 10.00 в понедельник. Будем разбираться на месте.

— Есть! — опять по-военному ответил главный инженер.

* * *

Печи отремонтировали за неделю. Белецкий умел организовать людей. Под его пронзительным взглядом все вертелись волчком.

Но трубопровод с бензином на протяжении почти пяти километров, начиная от соседнего химического комбината, тоже «сидевшего» на этой трубе, замёрз напрочь.

Разумеется, производственный отдел дополнительного сырья не нашёл. Цех был остановлен совсем, а вместе с ним — и пол-завода.

За дни и ночи, которые провели на эстакадах в поле, отогревая с бригадами рабочих трубопровод, Ковальский и Долгов осунулись так, что на них было больно смотреть.

* * *

В один из перерывов Ковальский, Долгов и Мошков грелись в цеховой бытовке чаем.

— Наш цех, как маленькая часть трюма большого корабля, название которому «Нефтехимия». Снаружи — красивый мощный теплоход, а внутри, где мы корячимся, — гниль! Так нельзя! Победы кругом, одни победы... Разверните газеты: и наш завод не в последних ходит. Но когда-нибудь треснет всё это! Не до побед будет... Надеемся на строительство нового производства. Оно должно заменить и наш цех. Но когда это будет? Лет десять ещё... Не ждать новый цех, а в этом надо вести модернизацию.

Ковальский и Мошков слушали молча. Сил на то, чтобы сейчас ещё и рассуждать, не оставалось. За Долговым они не попевали...

А тот продолжал своё.

Этот доморощенный «хромой пророк» Долгов окажется прав. А говорил-то в сиюминутной досаде...

...Пройдёт чуть больше десятка лет, и «треснет» не только нефтехимия. Надломится вся отечественная индустрия... И если бы только одна она... Главный, общий корабль, на котором находились все, разломится на части. И откроется такая бездна...

Гигантская неохватная воронка поглотит многое. Стольких не станет...

И капитан, который последним должен сойти с тонущего корабля Отечества, покинет его первым!..

...Долгов будет доживать в бесславные годы на нищенскую пенсию... как и большинство из его поколения...

...Но пока — конец семидесятых.

И рассуждения Долгова не воспринимались всерьёз...

...Государственная аттестационная комиссия Министерства присвоила трём маркам полиэтилена государственный «Знак качества», потом «Знак качества» получил синтетический этиловый спирт.

Объединение успешно выполнило пятилетний план. На слуху были Указы Президиума Верховного Совета Советского Союза о награждении орденами и медалями многих нефтяников.

«Работать надо! Цех вытаскивать из ямы. Мы завязли в застарелых проблемах. В этом отчасти виноваты и Долгов, и Мошков. Они здесь по десятку лет. И я? Если года два протопчемся на месте, тоже буду виновником...» — так думал Александр.

Возражать Долгову не стал. «Пусть поворчит, отведёт душу. Цех восстанавливать всё равно нам. Он сам об этом говорит», — Ковальскому хотелось верить в лучшее. Во весь размах строилась Байкало-Амурская магистраль. В Сибири, на Енисее, возводились огромнейшие электростанции.

...Такая, казалось, силища подпирала всё. А неувязки и досадные сбои на продуманном триумфальном пути воспринимались всего лишь случайностями...

Столько поставлено задач! И столько работы!

«Трудовые будни — праздники для нас!», — пели в колоннах демонстрантов на праздниках.

Кто бы мог думать тогда, что эти годы назовут застойными?..

* * *

Сырьевые трубопроводы за две недели отогрели и цех вышел на полную нагрузку. Дела, кажется, поправились.

Оттого, что поставщики не гарантировали подачу бензина без щёлочи, министерство изыскало возможность, и заводу выделили другое сырьё, свободное от примеси. Цех заработал стабильнее.

Белецкому трудно отказать в умении на всю катушку использовать открывающиеся порой возможности, проявить себя. У него на это обострённый нюх. «Маленький Бонапарт» — так однажды Бузулукский в разговоре с Ковальским отозвался о директоре.

Через три месяца в праздничном приказе к 1 Мая впервые появилась долгожданная для Ковальского строка. Долгову Николаю Алексеевичу объявили благодарность. Первую за последние десять лет. Для начальника цеха Ковальского это было важно. Его инженерно-технических работников в заводоуправлении стали воспринимать всерьёз!

Встреча Бахраха и Ковальского оказалась удачей для обоих. Через полгода после первого обсуждения они приступили к монтажу опытно-промышленной установки. Позади остались лабораторные опыты, разработка регламента на проектирование и само проектирование. В этих работах активно участвовал сотрудник лаборатории Бахраха Лев Ихилевич Гутман, давно занимавшийся катализаторами.

Они решили пройти все стадии создания необычного катализатора и новой технологической установки. Это давало возможность после положительных испытаний сразу развернуть крупномасштабное внедрение.

Бахрах внутренне ликовал. Такой оперативности он не ожидал. А Ковальского радовала системность в сотрудничестве с Бахрахом и Гутманом. Это была большая наука. Та, к которой он всегда тянулся. Обязывало и то, что уже утверждена тема его диссертационной работы. Не зря Александр сдал в своё время кандидатский минимум. Получалось, что в заурядном цехе успешно разворачивались серьёзные исследования совместно с двумя столичными и одним местным институтами. И первым помощником Ковальского в делах, по сути превративших цех в небольшой опытный завод, а вернее, в своеобразный испытательный полигон, являлся Долгов.

Как некий критерий, в ходу у занимавшихся этими работами утвердилось выражение: «А что сказал Долгов?».

А Долгов не опускался до житейской дипломатии и собеседника, как правило, не жалел:

— Видел дураков! — Он поднимал узенькие ладошки над головой и выходило это довольно забавно, что, может быть, и смягчало ситуацию: — Сам дурак! — восклицал он с, казалось, неподдельным изумлением. — Но таких! — И Николай Алексеевич качал безысходно головой. — Таких — не видал! Это просто кошмар! С этим надо что-то делать!

Колких его фраз побаивались, но не обижались. Привыкли.

XXVIII

Бахрах сразу оценил самоотверженность в деле и полезность независимых суждений Долгова. Вскоре они горячо обсуждали проблемы создания нового катализатора на равных.

— Под зонтиком своеобразного долговского обаяния, — утверждал Бахрах, — можно вершить очень многое.

Услышав о «зонтике обаяния», Долгов тут же у себя в кабинете, где обычно обсуждались текущие вопросы, спросил:

— Альберт Исаевич, вы, случайно, стихов не пишете?

Его желание быть независимым прорвалось и здесь.

— Нет, не пишу, — кратко ответил Бахрах.

— И правильно делаете! — нарочито пафосно одобрил Долгов, выставив ладонь правой руки вперёд.

— А почему правильно? — спросил Бахрах. Долгов не успел ответить. — Скажете, что каждый должен заниматься своим делом? Но это сомнительно. Есть примеры: два химика-выпускника МГУ стали известными поэтами — Бахыт Кенжеев и Владимир Костров.

— Ну, да, — согласился Долгов. — Вот Бородин: он и химик, и композитор, — сказал так и, казалось, подвёл некую черту. — Общеизвестно же...

Бахрах доброжелательным тоном, совсем не боясь выглядеть занудой, дополнил:

— Многие ли знают, что его именем названа реакция декарбоксилирования? А вот писатель Василий Семёнович Гроссман окончил химическое отделение физико-математического факультета МГУ, заведовал аналитической лабораторией в Москве. Он автор повести «Народ бессмертен», романа «За правое дело». Писатель-эмигрант Марк Алданов, его настоящая фамилия Ландау — тоже химик. Закончил Киевский университет. Австрийский химик Элиас Канетти учился в Вене. В 1928 году получил степень доктора наук, но известен более как драматург, романист и эссеист. А знаменитый писатель-фантаст Айзек Азимов? Окончил химический факультет Колумбийского университета в Нью-Йорке, был профессором биохимии медицинского факультета Бостонского университета.

— Они все — мужики, — подал голос Долгов. — А вот наш бывший министр культуры Фурцева — тоже химик?

— Да, — согласился Бахрах, приветливо глядя на собеседников.

Его слушали внимательно. Такого ещё не было, чтобы в цехе живой доктор наук так просто говорил со всеми. И сколько знает!

Любую тему Бахрах мог развить и дополнить фактами. В его голове, казалось, помещалось книгохранилище.

— Тогда уж надо и ещё одну известную женщину упомянуть. Агата Кристи — мастер детективного жанра, в молодости лаборант-фармацевт, готовила лекарства в аптеке. Там и начала писать свои детективы, — заключил Альберт Исаевич.

— Если уж баба в аптеке среди склянок да таблеток умудрялась такое закручивать, то нам в цехе, где столько наворочено, сам Бог велел написать хотя бы один роман на всех, — сказал молчаливый заместитель начальника Виктор Фёдоров.

— Слабо, не напишете, — подытожил Битман. — Вы так увязли в своих делах, что даже на рыбалку вас оторвать невозможно. А человек, — он кивнул на Бахраха, — ни разу не видел, как ловят раков, представляете?

Все посмотрели на доктора наук, который ни разу не видел, как ловят раков. И который так много всего знает. Мошков успокоил:

— Ничего, покажем...

А Бахрах произнёс тихо, как бы самому себе:

— «Кто ничего не понимает, кроме химии, тот и её понимает недостаточно», — это сказал ещё Лихтенберг.

— Такое, конечно, возможно, — согласился за всех Мошков.

* * *

Сколько лет уже Ковальский и Бахрах знакомы, а сдружила их совместная работа на заводе. И рыбалка помогла. Всё-таки вырвались половить раков.

У Мошкова оказался вполне приличный бредень. Он знал и места, где можно «отвести душу».

Остроту рыбацкому их «действию» придавала опасность напороться на рыбнадзор. Это подогревало азарт. Ни рыбы, ни раков много им не требовалось. Было бы с чем посидеть у костра. Когда Ковальский отправлялся на рыбалку, Настя обыч-

но давала один наказ: «Только рыбу домой не привози». Когда же всё-таки возвращался с уловом, требовалось соображать, кому по пути сбавить рыбу.

...Лодку «Прогресс» оставили в укромном месте в камышах. Через поляну пошли к ильменьку...

...Карасей на уху наловили быстро. А вот раков — всего с полведра. Борис заявил, что стоит только преодолеть вплавь небольшую, метров в пятьдесят, протоку, как они окажутся у озера. Там раков, «как тараканов в коммуналке». Все согласились двинуться через протоку.

Бредень упаковали в большой рюкзак. Взвалив его на плечи, Ковальский первым вошёл в воду. Ближе к середине Мошков начал, шумно отфыркиваясь, смеяться. И было над чем! Ковальский обернулся и увидел плывущего за ним Бахраха. Академическая курчавая бородака его элегантно разрезала волну. Аккуратно повязанный тёмно-вишнёвый галстук плыл рядом с ней. Сорочка учёного мужа поражала глаз белизной. Казалось, будто из-под профессора вода вымыла кафедру, и он, бедолага, оказавшись без опоры, стоически пытается перед огромной аудиторией удержаться на плаву.

— Альберт Исаич, если вас заснять и обнародовать фотоснимки на кафедре!? Да ещё на фоне бредня, а? Вы же браконьер-уникум! — Битман был доволен. Он любил рыбацкие приключения.

Ковальский почувствовал, что намокший рюкзак и бредень неимоверно потяжелели. И вес катастрофически увеличивается. Уже трудно становилось держаться на поверхности. Он попытался, оставаясь на плаву, снять рюкзак. Не смог.

После того, как два раза оказался в воде с головой, сдержанно выкрикнул:

— Мужики, тону, помогите!

Спутники, приняв в общем веселье его призыв за шутку, ответили хохотом.

Решение пришло неожиданно. Ковальский вдохнул как можно больше воздуха и подчинился свинцовой тяжести. «На дне быстрее освобожусь от груза».

Сдрать куртку вместе с рюкзаком помог Бахрах. Оказывается, он — пловец-спортсмен. Мастер спорта! Профессор первым сообразил, что случилось с Александром. Пришёл на помощь, настигнув его уже на дне.

Потом, отдышавшись на берегу, ныряли, пытаюсь найти рюкзак с бреднем. Безуспешно. Трёхметровая глубина скрыла от них снасть.

...Вскоре, вернувшись к лодке, они хлебали ушницу. Бахрах, как ребёнок, наблюдал за вознёй раков в ведре. Ему многое было внове.

— Ребята, я только у Пришвина в детстве читал, что раки как-то перешёптываются. А так ни разу сам не слышал, — подетски дивился он, наклонившись над ведром. И когда, не разгибаясь, смотрел снизу вверх через толстые линзы очков, похож был на начитанного чистюлю-школьника.

Но Мошков уже оценил Бахраха.

— Я его принял вначале за одного известного чудака, — говорил он негромко Ковальскому. — Тот мог на десяти языках назвать лошадь, крепко учёный, однако, был. А послали на базар кобылу купить под седло — привёл корову. Этот не таков!

— Видать, корова тому чудачу больно хорошая попалась, — отозвался Александр.

Долгов слышал разговор и после слов Ковальского засмеялся. Не удержался и Александр.

Бахрах и Битман переглянулись, не понимая причины смеха.

А Долгову, видимо, стало так хорошо, что потянуло на байки. Привалившись к массивному пеньку, он, не спеша, начал:

— У нас в посёлке был Ванька Ржавый, взрослый бедолага. У пацанов всегда с ним конфликты случались...

— «Ржавый» — это такая фамилия? — решил уточнить учёный Бахрах.

— Ну, да, — быстро ответил Долгов. — Ржавый гвоздь... э-э-э... уличная фамилия такая, — поправился он. — А правдашняя — Загвоздкин.

Он разломил надвое рака. Переднюю часть положил на пень, шейку стал чистить.

— Так вот, надоедал он нам всем, зануда. Мы ему разные козни строили. Разок сидим на рыбалке втроём: я, Довесок и Витютень — был у нас один пацан такой, заика. А Ржавый идёт по круче, поддатенький, с удочкой. Такой весёлый. И говорит: «Рыбачить вы всё равно не можете, сколько ни сидите. Я вот на днях тут на опарыша смотрите каких насандалил». И достаёт из сумки хорошего такого копчёного подлецника. «Вче-

рась коптил. Вкуснятина». Мы-то знаем, что Ржавый ничего путного никогда не ловил. Но откуда же копчёный подлецник? В магазине не продают, гостей у него не было. Он всегда такие непонятные закорючки подсовывал — мы головы ломали.

Уселся он недалеко от нас. А солнце уже высоко. Распарило, он и уснул. Подошли к нему — храпит, как паровоз. Довесок шаст в сумку и достаёт копчёную рыбину. Потом потихоньку подходит, вынимает удочку и на крючок сажает копчёненького. Для гарантии, чтобы не сорвался, леску пропускает через жабры. Бултых его в воду — и на кручу! Мы за ним. Надоело ждать, когда Ржавый проснётся. Довесок как закричит: «Павел Петрович, Павел Петрович!» — это он для солидности, а так-то, кроме Ржавого, тот ещё Пашей-дурачком звался, — усмехнулся Долгов.

— Что-то у вас там все какие-то кручёные? — удивился Битман.

— Не любо — не слушай, а врать не мешай, — негромко произнёс Мошков.

Долгов продолжал:

— Значит, вскочил, а леска-то натянута. Он изо всей силушки как рванёт. Медный слиток к ногам и вылетел. Сообразил: хват сумку, а там — пусто. Ржавый верно вычислил зачинщика: устремился за Довеском. Мы в стороне бежим, а он — за ним.

— Догнал? — поинтересовался Битман.

— Довесок — он и есть Довесок, разве его ухватишь. Жиденький и лёгкий. Загнал Ржавый нас всех на пилораму, а там мужики стеной за нас. Как узнали про улов — хохот!

* * *

Будто по сценарию, подсказанному кем-то, дважды совсем при разных обстоятельствах сухой и академичный Бахрах пришёл на помощь Руфине Смирновой и Ковальскому. В первый раз — когда в институтской лаборатории предложил заглавной обстоятельством Руфине стать его женой. Будто кинул спасательный круг. А во второй — в тот момент, когда помог обессилевшему Ковальскому сорвать тяжёлый рюкзак со спины и подняться со дна безымянной протоки.

Что это было? В жизни иногда случаются странные совпадения...

— Сашенька, ты очень много работаешь, так нельзя. Надо себя, если не любить, то хотя бы жалеть... — Настя и Александр на кухне собираются ужинать. — Почему тебе больше всех надо?

— Я не мерил, сколько мне надо. Живу и работаю.

— Но не так же? Везде ты...

Александр, отложив ложку в сторону, посмотрел на усталое Настино лицо.

«Кажется, сердится, что сегодня, в выходной, пришёл домой под самый вечер».

— Настя, мы же недавно договорились... установили, что нельзя себя... ну... про меня если, нельзя мне себя программировать на нежелание тащить, как положено, свою ношу. Это придавит когда-нибудь к земле сильнее перегрузок. Не поднимешься в полный рост. Мы с тобой решили: человек не знает предела своих возможностей. Ломается от того, что сам подсознательно устанавливает себе планку пониже. Говорили так?

— Говорили, Сашенька, тогда... А сейчас мне тебя жалко стало. — Она подошла к столу и села напротив. — Нельзя держаться на одной только силе воли. Может плохо кончиться.

— Ну, какая сила воли? У меня её с гулькин нос осталось. Со всем, что говоришь, соглашаюсь. Ты меня подавила. Я — безвольный совсем. Теперь точно знаю, из личного опыта: в семье, которую можно сравнить с кораблём, командует помощник капитана...

— Саш, я ведь серьёзно... сегодня все отдохали, а мы с Сонькой одни. Не как все...

— От желающих быть, как все, вреда больше, чем от тех, кто помнит о своей индивидуальности! — почти продекламировал Александр.

— Получишь у меня... Прячешься за свои вечные лозунги. Знаем мы вас! — она уже почти весело смотрела на мужа. — Если так, то скажи это где-нибудь с трибуны. Слабо? Тоже, индивидуалист!

— А мне этого и не надо.

— Вот-вот! На кухне перед женой только и можешь... Несчастный!

— Нет, я счастливый. — Он взял её руку. — Мне некогда изводить себя по поводу неписанности в жизнь. Я в водовороте. Мой азарт — в работе.

— Но я вижу, что порой грустишь, особенно после поездок в село к Саше. К родителям. Тебя что-то расстраивает.

— Если дашь поесть, скажу... Известно же: любовь питается не только чувствами, но и котлетами... — Он рассмеялся.

— Ой! — спохватилась Настя.

— У нас всё нормально, — произнёс Александр, двигая тарелку. — Дело в другом. — Он помолчал. — Ты права, когда говоришь, что я человек слишком технический. Как это ты вчера говорила?

— Хомотехникус, — подсказала Настя.

— Молодец! Такой я сейчас и есть. И что мне делать? Не успеваю многое. Системно читаю только техническую литературу. В театре почти не бываем. Круг общения интересный, но крайне ограниченный, замкнутый.

— Ничего себе — замкнутый! Вы со своими опытами — возмутители спокойствия на всю отрасль!

* * *

«Да-да, — раздумывал чуть позже Ковальский. — Я не хочу быть только «технарём», хотя и преуспевающим. Мне этого мало...»

Настя, конечно, была не права. Ковальский думал о себе. По-своему.

«Многих берёт оторопь от моей напористой деятельности. Желают, чтобы у них тоже так было. Но не могут. А я могу. И не знаю, что мной движет, — признавался себе Александр. — Когда увлекался в школе, а затем в институте штангой и имел успехи в тяжёлой атлетике, что толкало меня тогда? Вера, что подниму больше, чем кто либо? Конечно! Желание достичь большего? Конечно! И как же мама сокрушалась: «Зачем тебе это? Другие поумнее. Не трогай эти железяки!». Но я и слушать не хотел. Вернее, слушал, а делал по-своему. Сейчас ни на что иное времени нет. Завод — дом — завод. Не до себя? Но это всё-таки другой случай. Это то, без чего сейчас в своей профессии не могу...»

Он вспомнил недавний разговор на рыбалке с Бахрахом.

... — Открывали земли, другие континенты, совершали великие переходы и делали обычное, но необходимое такие люди, как у вас в цехе. Не те, которые ковыряются в себе, превращая самопознание в самоцель.

— А те, кто ковыряются? Они ни при чём? — спросил Александр.

Бахрах, не обращая внимания, продолжал:

— Если говорить глобально, то посмотрите, как складывается жизнь философов, мудрецов, разных мыслителей. Они, выделяясь из общей человеческой массы, тут же попадают под истребление. Стремящаяся к равновесию природа берёт своё. Не пускает туда, куда не положено... Человек не может познать самого себя до конца объективно. Самопознание ни к чему путному не приводит. Это утверждал ещё Гёте. Я с ним согласен. Более того, я к этому пришёл самостоятельно.

Уверенный и мерный голос Бахраха завораживал. Ковальский подумал: «Ему проще, он многое понял».

Бахрах продолжал:

— Неудержимый страстный интерес к человеческим началам искажает наблюдаемую картину. И миражи, и несуществующие обнаруживаемые мыслителями пороки заслоняют очень многое, если не всё. Описание человеческой природы тогда идёт в чёрных красках. Марк Твен, Чаадаев, Сенека и многие другие не раз говорили, что человек зол, нетерпим, несправедлив. Это не совсем верно!

— Почему? — спросил Ковальский.

— Потому что их взгляд искажён чрезмерной пристальностью. Помните, у Лермонтова: «Я был готов любить весь мир — меня никто не понял. И я выучился ненавидеть».

— Заикливались, так бывает, — произнёс Ковальский.

Мельком взглянув на Ковальского, Долгов успел вставить:

— Вот поэтому, если бы мы со школы воспитывались не на Лермонтове, а на Тютчеве, были бы другими...

— Они нарушили своеобразное «табу». Не почувствовали, что природа незримо запретила многое, чтобы сохранить самого человека.

Ковальский слушал тогда Бахраха и не торопился соглашаться или возражать. Многое казалось в этих словах то хрупким, то непомерно тяжеловесным.

— Познание человека, его суждения о себе подобных приобретают оттенок демонический, чаще всего искажённый, ибо не дано человеческому существу знать до конца, что же он есть на самом деле. Для чего он?.. Не дано — и всё!.. Человек, если и велик, то всё равно при всей своей великости — лишь микрочастица того несравнимого, огромного и неохватного, что породило его. Не дав понятия, кто он, вложило в него жажду деятельности. Не потому ли деятельность многих приносит столько вреда?

«Но ведь и я считаю, что, если буду, как все, то кто же будет, как я? Получается, тоже проповедую крайний индивидуализм, а значит, гордыню? Так или нет? — думал Александр. — Столько лет прошло, как кончил школу, — тогда барахтался в подобных вопросах и сейчас. Ещё три раза пройдёт постольку, а я так и буду барахтаться? Но ведь не каждый из нас такой... Бахрах не барахтается. Но это только потому, что остановился у черты и далее не идёт? Остановился у черты... у самой воды на берегу. И ходит посуху... Вот и вся его мудрость. И начитанность. Так значит, надо вовремя остановиться? Универсальный приём?! Кажется, и Суслов мне об этом толкует...»

Не так уж и просты были их рыбацкие вылазки, вернее, беседы, которые обычно инициировал на природе Долгов. Сам же чаще всего с улыбкой слушал.

Битмана и Мошкова эти «разговоры ни о чём» не интересовали.

— Саш, ты цехом руководишь или в институте на кафедре философии доцентом пристроился?.. Для чего тебе это? Занудство какое-то! — протестовал Генрих Львович.

Ковальский и сам не знал: для чего? Но на Битмана не обижался. «Что движет мной? — спрашивал себя Ковальский. И не находил ответа. — Но то, что движет, даёт такие силы, без которых цех не поднять. Без этого туда незачем просто соваться. Я точно знаю: посади в цехе сейчас трёх-четырёх профессоров, дай неограниченные полномочия — они ничего не сделают. Пусть будут хорошими людьми, неплохими специалистами. Но цех-то — это оркестр, и каждая звучащая нота в нём слышна мне. И в том, что я её слышу и понимаю, когда и где она должна звучать, — моя сила. Это даёт право на единоначалие, без которого нельзя. Мошков удивляется тому, что я всегда лучше

всех в цехе знаю оперативную обстановку. Но это же просто! Приезжаю на полтора часа раньше, обхожу все рабочие места и всё ясно без помощников. И ни один умник своим докладом не уведёт меня в сторону. Надо работать! Не семь пядей во лбу иметь, а быть двужильным. Надолго ли хватит?.. Посмотрим... А сейчас я и впрямь, скорее всего, homotehnicus, как говорит Настя. Надо оправдывать хотя бы это определение».

XXIX

Августовское солнце светит ещё ярко. В синеющей волжской дали в ослепительном блеске играет волна. Речной простор захватывает дух. Синева воды и неба притягивает и не отпускает взгляд. Последние денёчки лета!

Ковальский у воды не спеша занимается лодочным мотором.

— Я прошлый год на этой турбазе был, — говорит подошедший Генрих. — Вон, остров напротив, видишь?

— Да, вижу.

— Махнём, а? Около него всегда окунь на мелководье гоняет, а бывает и жерех. Видишь, чайки кружатся!

— Обед скоро!

— Да, ладно, нам часа хватит. Я новенький спиннинг опробую. Зря, что ли, тащил с собой...

— Из Москвы?

— У вас тут купил. Мотор исправен?

— Вроде, да.

— Ну, тогда я сейчас, в домик сгоняю за спиннингом и махнём? А то одубеешь без дела. Ты обратил внимание, какое особое название турбазы — «Дубки». Соответствует...

— Не понял.

— Крепкой породы народец подобрался. Шахматы, преферанс. Надоело.

Оставшись один, Ковальский опробовал мотор. Лодку «Прогресс-4» и мотор «Вихрь» он приобрёл в прошлом году в один день, обескуражив этим Настю. Долгов и Мошков — заядлые лодочники. Александр вначале не решался. Но — жить на Волге и не иметь лодки! Моторка даёт столько возможностей!

Огромные пространства, затопленные водохранилищем, множество соединённых между собой протоками озёр, заливные луга — всё становилось доступным.

Генрих вернулся к лодке с Настей и Татьяной.

— А где же Суслов? — разворачивая лодку боком к берегу, спросил Ковальский.

— Так с ним в лодке не повернёшься, здоровенный, — пояснила Татьяна.

— А с тобой просторно, ага, — отозвался Битман и хохотнул, окинув взглядом её крупную фигуру.

В карих глазах Татьяны заиграли откровенные огоньки.

— Хорошего человека должно быть много! Резон мосламито греметь?..

— Драчливый петух не бывает жирным, — отреагировал поджарый Генрих.

«Чего это они? — удивился Александр. — Перегрелись?»

— Сащ, дай порулить! Я на «Прогрессе» не пробовал, — попросил Битман.

— А сможешь?

— Спрашиваешь. Я на самоделке деревянной прошлым летом неделю отгонял. Жили на острове... А эта — дюралевая.

— Ну, давай.

Ковальский завёл мотор и уступил управление Генриху.

Тот пояснил, энергично указывая рукой:

— Вон, видите, коряжина около острова, к ней надо...

Лодка шла ходко, высоко задрав нос. Ковальский попросил:

— Сбавляй ход.

— Сейчас, я прямо в развилку коряжины.

— Сбавляй, говорю! — почувствовав неладное, выкрикнул Александр. — Не успеешь...

Генрих сбросил газ, но лодка продолжала стремительно идти на бревно. Толстый длинный сук, как дышло, целил в лобовое стекло напротив Насти.

Всё случилось в одно мгновение. Увидев побледневшее, растерянное лицо Насти, Александр выскочил на нос лодки и, схватившись за крепкое выбеленное солнцем дерево, попробовал направить лодку в сторону. Она накренилась и пошла мимо «дышла». По инерции Ковальского развернуло слева на-

право по ходу и толкнуло между лодкой и коряжиной. Он сорвался с палубы.

Кнехт при большом крене, как крюк, поймал левую ногу Александра чуть ниже бедра. Семидесятикилограммовое тело повисло на левом борту. Его развернуло, и, сорвавшись с крюка, он упал в воду вниз головой. Боли не почувствовал, ощутил холод в левой ноге. Александр не понял в этот миг, где у него рана.

«Только бы не живот, иначе — всё», — обожгла мысль, когда вынырнул из воды.

Площадка на носу лодки, куда он взобрался, быстро покрылась кровью. Рваная рана кровоточила, но нога действовала. Сухожилия, вроде бы, целы.

— Генрих, гони на турбазу! — Видя перепуганные глаза женщин, Ковальский пытался улыбаться: — Ну, ты и ездок! Тебе на кобыле гонять!..

Мотор наконец завёлся и, прибавляя газ, Генрих, прокричал:

— Такая лёгкость! Газ сбросил, а она несётся! На самоделке по-другому. Та сразу носом в воду и, как утюг.

— Утюг сегодня ты! — не сдержался Ковальский.

На турбазе медсестра прямо в лодке перевязала ногу, сделала укол против столбняка. Генрих повёз Ковальского и Настю в город. Когда они приплыли, у причала уже ждала «скорая».

— Рация на турбазе заработала, — выкрикнул возбуждённо Битман, — раньше нас приехали!

Ковальский его еле слышал. Потеря крови и полуденная жара делали своё. Он терял сознание...

* * *

— Потерпите чуток, — говорил в травмпункте, осмотрев Ковальского, флегматичный сутулый человек с тонкими бледными пальцами. — Вот сначала им, — он кивнул на лежавшего на кушетке человека в тёмном костюме, — займусь, а потом зашьём и вам. А пока, сестричка...

— Что у того, который в спортивном костюме? — спросил Александр медсестру, когда стало полегче.

— С яблони упал. И прямо пятой точкой угодил на кол, разворотил ягодицу.

— Ничего себе!

...Во время операции стало неважно от боли. Чтобы сдержаться, Александр крепко сжал зубы. Видел, как в операционную, приоткрыв дверь, заглянула Настя и не хотел, чтобы она слышала стон.

Александр сжимал челюсти и ему казалось, что они треснут.

— Чего скрипишь зубами? — обронил сутулый человек. — Больно, что ли?

— Конечно, и очень!..

— А что же молчишь? Добавим укольчик — и всё. Наркоз ослаб...

Сделали укол, боль ушла.

...Через две недели Ковальский договорился, чтобы отпустили домой. Пообещал являться на перевязку, пока не закроется рана. Ещё через две недели отставил костыль и вышел на работу.

...Три месяца назад он был назначен начальником производства. Ему не терпелось. В его ведении теперь шесть цехов и около восьмисот человек.

* * *

...Рана не заживала. Подвернулась «горячая» путёвка в пансионат «Бургас» на Чёрном море.

— Солёная морская вода, южное солнце — рана затянется быстро, — убеждали в профкоме. — Это ж Сочи!

Соню отвезли к родителям Насти в Сызрань и, ещё не веря в свалившееся чудо — две недели отпуска, взяли билеты на поезд «Новосибирск-Адлер».

XXX

Мир прекрасен! Но ещё прекраснее он, когда под боком «самое синее в мире Чёрное море моё»! Когда можно, прихватив пива, винограда, спрятавшись за пирс, где потише, блаженствовать! Ничего, что наступил октябрь и пляжи немногочисленны. Александр и Настя ехали к Морю. Им нужно Море! И оно около их ног. Большое и завораживающее.

На третий день он купил ей длинное, до пят, тёмно-коричневое платье. Облачился в светлый костюм, белую рубашку и, нацепив тёмно-вишнёвую бабочку, торжественно и галантно

пригласил вечером в ресторан. Так хотелось, чтобы всё было красиво!

...Увы, в залах ресторана свободных мест не было. Звучала громкая музыка, нарядная публика веселилась.

Ковальские, потолкавшись у открытого входа в кучке таких же невезучих, намеревались уйти. Из-за столика поднялся седовласый мужчина и, приблизившись, обратился к ним:

— Извините, молодые люди, можно вас на минуту?

— Да, пожалуйста, — сухо вато ответил Александр.

— Пойдёмте в зал, у нас есть два места.

— Но где? Я не вижу.

— Есть, — уверенно подтвердил незнакомец. — Вы такая красивая пара! Мы ещё вчера с приятелем вас приметили.

Ковальский засомневался: идти ли? «Чёрт-те знает, что за красавчик объявился», — подумал так и взглянул на Анастасию.

Она непринуждённо улыбнулась. Было видно, что её не смущает такая ситуация. Ей становилось весело и хотелось в ресторан.

— Я вас приглашаю! — галантно обратился седовласый к Анастасии. — Ваш спутник согласен! — И, улыбнувшись Александру, добавил: — От чистого сердца.

Они подошли к столику, за которым сидели двое мужчин и женщина. Седой смуглый человек весело взглянул на Ковальского, поднялся и пригласил Настю и его за столик. Не успели Ковальские что-либо сказать, как все они пропали в толпе танцующих. Непонятно, растворились в пёстрой массе или покинули ресторан. Осталась только фраза, обронённая смуглым:

— Были когда-то и мы рысаками...

«Чудят старики, — подумал Ковальский. — Красиво бросили спасательный круг. Мужское братство — не фунт изюма! Приняли нас за любовников. Если б знали, что муж и жена, так бы не расшаркивались».

Настя улыбалась:

— Как красиво. И очень хочется танцевать!

Сделав заказ, поднялись. И только потом, после танца, сев за столик, Ковальский вспомнил: один из тех, кто уступил место, смуглый, со смеющимися глазами — начальник цеха с Грозненского химзавода. «Ещё обещал тогда, при встрече, наведаться. В день отъезда угощал всех черемшой, носился с

трёхлитровой банкой. Чесночный такой запах... Наверное, объявится ещё. Забавно».

...Настоящие забавы начались на следующий день. Так получилось, что Настю и Александра поселили в разных номерах.

— Будем ходить друг к другу в гости, — нашлась Настя. — Не надоедим и не соскучимся.

Это странное обстоятельство они пережили, особо не удручаясь. У Александра соседи оказались приветливыми, уравновешенными людьми. «Мужики как мужики», — оценил Ковальский.

Настины соседки, артистки из Ленинграда, «гастроли» свои начали с первого дня, вернее, с ночи. Быстро нашли поклонников среди местных. Поклонники покинули номер только на рассвете. Следующие две ночи ленинградки отсутствовали.

Явились утром вчетвером. Но ненадолго. Один из горячих поклонников в крепком подпитии вывалился из окна номера на втором этаже. И прямо на кухонную работницу, шедшую по двору с огромным арбузом. Обоих увезла «скорая» с переломами рук. Арбуз уцелел.

В тот же день «артисток», одна из которых, как оказалась, была при театре парикмахершей, а другая — портнихой, выселили.

— Сашенька, я так больше не могу. Надо что-то делать! Вдруг и новые такие же «артистки» будут..

Но дальнейшие события закрутились по иному сценарию.

Возвращаясь на пятый день с пляжа, Александр обнаружил в холле на своё имя сразу три телеграммы. Главный инженер Ветров срочно просил прибыть на завод. В цехе, где совсем недавно начальником был Ковальский, произошёл взрыв.

Дозвониться до главного Ковальский смог только поздно ночью. Информация скудная: ползавода стоит, есть пострадавшие — три человека. Работает комиссия..

Билетов ни на самолет, ни на поезд в кассах нет. Ковальский метнулся в Сочинский горком партии. Была суббота. Вялый дежурный, равнодушно выслушав Ковальского, враз отгородился от его забот:

— Мы не занимаемся билетами.

— Вот! — Александр выложил на стол телеграммы. — Неужели и этому не верите?

Дежурный не стал их смотреть. Обронил, кисло улыбнувшись:

— Это дело нехитрое. Можно и десяток таких организовать.

Ковальского вначале огорошило поведение дежурного, но потом смекнул, что партийный чиновник самостоятельно так бы не решился действовать, не будь установки руководства. В курортном городе часто проблемы с билетами, и это заставляет многих ловчить. В число таких, получается, попал и он.

...Удалось достать билет до Ульяновска. От Ульяновска через Димитровград вполне благополучно добрались до Куйбышева. Если не считать небольшую заминку, когда на полном ходу их большой автобус внезапно затормозил. Огромная машина, подавшись резко вправо, замерла на кромке высокой насыпи.

Пустив замысловатые рулады мата, шофёр выскочил из кабины. Ковальский и ещё несколько мужчин поспешили к выходу. То, что увидели, было, как в кино: сзади автобуса, метрах в десяти, вверх колёсами лежал рыженький «Запорожец». Колёса по инерции крутились. Машина мерно вращалась против часовой стрелки. В ней были люди.

Когда рыжую «юлу» остановили и перевернули, оказалось, что в салоне четверо. Все — без единой царапины. У белокурой женщины средних лет, сидевшей рядом с водителем, поблескивали на лице целёхонькие элегантные очки. Она их поправила, бессмысленно глядя перед собой.

Как потом выяснилось, шофёр «Запорожца», решив обогнать автобус, выехал левой стороной с асфальта на смоченный ночным дождём грунт, машину занесло и она перевернулась.

— Повезло тебе, «божья коровка»! — миролюбиво и подчёркнуто громко, на весь салон, проговорил водитель, садясь за руль. Похоже, что он так извинился за ненормативную лексику.

Ковальским не терпелось. Спешили от одной аварии к другой.

* * *

— Штаб по восстановлению возглавил заместитель главного инженера, — сумрачно проговорил Белецкий. — Но это не то. Мы его освободим. Вас поставим во главе цеха и оставим начальником производства. Для необходимой полноты полномочий. Лучше вас цех никто на заводе не знает.

- Моего знания мало, — произнёс Ковальский.
- Что надо? — глядя исподлобья, спросил директор.
- Единоначалие.
- Допустившего взрыв начальника цеха Дёгтева уберём.

Под суд пойдёт.

- Я не об этом.
- О чём?
- Мимо меня не должны проходить команды из заводоуправления. Всё должно быть в моих руках.
- Главный говорил о сроках? — будто не слыша сказанного, спросил директор.
- Нет.
- Два месяца! В срок не уложимся — запахнет Сибирью. И тебе непоздоровится. Цех-то чей? Ты — начальник производства.

- Тем более нужна полная самостоятельность!
- Ладно, согласен. Оговорим в приказе. Что ещё?
- Надо оставить Дёгтева.
- Зачем? Сами были против его назначения...
- Да, был. Не тянет на первого руководителя. Но неплохой инженер. Теперь весь выложится на восстановлении. Это — его интерес. И — мой. В срок пустим — ему зачтётся. Прямой вины начальника цеха нет. Ошибка допущена ремонтным персоналом.

— Кто в цехе отвечает за технологическую дисциплину? — раздельно, по словам, произнёс директор.

«За технологическую — заместитель начальника Фёдоров, но здесь другое», — хотел возразить Ковальский, однако смолчал. Отметил только, для себя, что директор так и не определил своё отношение к нему: то — «вы», то — «ты».

«Говорить или нет, что у меня рана на ноге не закрылась? Он знает, что я поехал подлечиться. И не спрашивает об этом. Намеренно? Если скажу, получится, как на фронте — самострельщик, бегу с передовой. А не скажу? Вдруг будет осложнение и придётся лечь в больницу? Подведу. Тот же самострельщик. Только чуть позже проявившийся. Не спросит — не скажу», — решил Александр.

В затянувшейся паузе вновь прозвучал голос директора:

- Есть ещё вопросы?

— Да.

— Говорите.

— Надо отобрать в цехах завода парней — человек десять с высшим образованием, не ниже начальников смен.

— Зачем?

— Ремонтников и строителей будет не менее трёхсот-четырёхсот. Нужны толковые оперативные ребята. С их помощью мог бы действовать эффективнее. Цеховых итээр недостаточно.

«Нужны мужикастые и мордастые, хлюпки не в счёт», — хотел добавить Александр, но не сказал.

— Завтра утром дадите список людей, которые лично вас устраивают?

— Да, — с готовностью ответил Александр. Он ещё накануне прикинул, кого бы стоило привлечь.

* * *

И закрутился жёсткий маховик восстановительных работ. Выдержать его могли только молодые и энергичные. Директор не забыл своего обещания. Всё решалось на месте, в цехе. Сам он каждый день являлся туда раньше заводоуправленцев. Руководил властно, как того и требовала обстановка.

Сразу после аварии прибыл заместитель начальника главного управления министерства Михаил Петрович Литвинов.

— Знаю я о твоих победах. Американцам дали по носу новыми грелками и ингибированием. Да и нашим кой-кому — тоже, — говорил он, — утёрли нос.

Литвинов поднимался по лестнице на площадку к ремонтникам. Ковальский шёл сзади. При последних словах высокого начальства на его лице не возникло довольной улыбки.

Рана не закрывалась. Продолжала сочиться светло-розовая жидкость. В ботинке при ходьбе хлюпало. Это ещё ничего бы. Но бинт порой спадал и вываливался из штанины.

...На следующий день, явившись на перевязку, Александр потребовал, чтобы рану посмотрел оперировавший его врач. После некоторых пререканий сестра сердито удалилась из перевязочной.

— Кто тут бастует? В чём причина? — нудно прозвучало у двери, когда Ковальский, утомившись ждать, уже хотел уйти.

— А, это вы?

— Доктор, я ж не хиляк какой. Вполне здоровый, но почему рана больше месяца не заживает?

— Как — больше месяца? Ну-ка, ну-ка!

Александр невольно следил за действиями его рук.

— Что же это, а? Ну... ребята!..

На глазах у Ковальского доктор извлёк из раны нечто рыжеватое, с мизинец длиной.

— Вы же оставили дренаж в ране, — он вскинулся на медсестру. — Два вынули, а третий забыли!..

— Пётр Петрович, это не в мою смену. Я в отпуске была, когда его выписывали...

— Вот смотрите! — Он поднёс кусочек резинового шланга к лицу Ковальского. — Видите, что ваш организм сделал! Почти пережевал резинку. Вся в дырочках.

— Я виноват в этом? — холодно спросил Александр, чувствуя, что вот-вот сорвётся.

— Можете судиться с нами! Ваше право! — сдавленным голосом отвечал человек в белом.

— Только этого мне сейчас не хватало, — с досадой, уже не чувствуя гнева, проговорил Ковальский.

...Через три дня выделения прекратились. Рана затянулась.

* * *

Цех пускали в середине декабря, когда уже крепчали морозы. После успешного пуска на парткоме завода ряду работников объявили выговоры. Не миновал «строгача» и Ковальский.

Он, было, поднялся, протестуя. Но успел спросить только:

— За что?..

Его быстро и умело осадили старшие партийные товарищи.

...Когда заседание закончилось, в узком кругу пояснили, что иначе нельзя... И не стоит горячиться... Лучше так, а то может быть и серьёзнее, если в другой инстанции...

XXXI

Опытно-промышленная установка с новым катализатором, на который уже получили авторское свидетельство, действовала успешно. И всё равно всю зиму и лето не прекращалась отладка технологии. Забот хватало. Но и результат каков! Почти

год пробега! Катализатор можно рекомендовать к использованию! Бахрах был доволен больше всех.

...Подошёл срок защиты диссертационной работы Ковальского.

Она прошла успешно. Без каких-либо курьёзов и срывов. Были, правда, обстоятельства, которые позднее бывший соискатель вспоминал с улыбкой.

Приехав в Москву, Александр поселился в гостинице. Оставалась неделя до защиты и он был рад, что оказался в двухместном номере один. Занимался каждый день до полуночи. Вставал ровно в восемь. Всё шло по расписанию.

Однажды в его номер постучали. Едва подошёл к двери, она распахнулась и вошёл человек в кожаном чёрном пальто, со спортивной сумкой.

— Борис, — представился он и протянул руку ладонью вниз. Как будто её должны были тотчас поцеловать.

— Александр, — отрекомендовался Ковальский и, усмехнувшись, пожал руку. «Такой же Борис, как я — Иосиф».

— Кем работаешь? — безо всяких предисловий спросил Борис, проходя к свободной койке.

— Да на заводе, — наблюдая необычные манеры, уклончиво произнёс Ковальский.

На этом диалог закончился. Ковальский обрадовался, когда Борис, оставив на койке сумку, молча куда-то быстро удалился. Невзирая на сентябрьскую теплынь, пальто он так и не снял.

...Борис пришёл поздно. Александр сидел за столом уже с настольной лампой. Сосед убрал под кровать сумку и, не разбирая постель, лёг, укрывшись своим модным пальто.

— Свет не мешает? — спросил Александр.

— Нет, делай своё дело, — ответил тот, укрывшись с головой.

Ковальский лёг спать во втором часу. Когда проснулся, соседа не было.

...Появился он вечером. Перед сном переоделся в спортивный костюм, надел толстые шерстяные носки.

Что-то не давало ему уснуть. Уже часов в двенадцать, повернувшись на спину и глядя в потолок, спросил:

— Всё же, кем ты, Александр, работаешь?

— Инженером.

Борис, скосив глаза на стопку книг, поинтересовался:

- А сколько зарплат получаешь?
- Одну, — подивившись вопросу, отвечал будущий кандидат наук.
- Это неправильно. Ты так много, до самой ночи, работаешь, а зарплата одна?! Зачем так много работаешь?
- Готовлюсь к защите диссертации.
- Что такое диссертация?
- Ну, это как бы моё личное дело. Хочу быть более квалифицированным. Я и отпуск взял за свой счёт.
- Это не только личное дело, если будешь ещё лучше работать. Ты должен получать три зарплаты.
- Какие три зарплаты? — недоумевал Александр.
- Вот ты инженер, да? — произнёс Борис.
- Да, — подтвердил Ковальский. — Я говорил.
- Значит у тебя есть кабинет?
- Есть.
- А кто его убирает? — поинтересовался Борис.
- Ну, кто? Уборщица. Кто же ещё?
- Правильно, — наставительно продолжал, сев на кровати, Борис. — Пусть убирает, а зарплату должна получать твоя сестра. У тебя есть сестра?
- Есть, — признался Ковальский.
- Вот и оформи сестру на работу. Пусть получает для тебя зарплату.
- Но... — попытался что-то уточнить Александр.
- Какие «но»? Ты инженер или нет?..
- Ковальский молчал.
- Брат есть?
- Есть.
- Проведи его сторожем на заводе, а сторожит пусть тот, кто сейчас это делает.. Понял?
- Кажется, да... — отвечал Ковальский.
- Вот тебе и третья зарплата.

* * *

В следующий раз Борис пришёл так же поздно, как и накануне. О разговоре не забыл.

— У нас многие так делают, — сидя на кровати, произнёс Борис, будто беседа их не прекращалась. — Я вот здесь торгую

арбузами, а дома у себя числюсь на работе. Приеду, отдам за это своему начальнику деньги. У него четыре зарплаты. Я его уважаю. — Он, видимо, посчитал, что доходчиво объяснил, как зарабатывать деньги. И перешёл к другому вопросу: — Раз ты инженер, сделаешь мне в вашем городе квартиру? Я буду приезжать к вам торговать арбузами.

— Борис, это не получится. У нас очередь на жильё под контролем профкома. Всё в его руках.

— Если есть очередь, значит, и жильё есть. Всё можно сделать. Я заплачу.

— Нет, Борис, так нельзя.

Собеседник Александра сделал другой заход:

— А машины на заводе бывают? Устрой мне «Волгу»!

— Как? — искренне удивился Ковальский. — У нас «Волга» по разнарядке в три года раз приходит.

— Просто! Если захочешь! Человек может всё. Человек — это звучит гордо! А?!

— Нет, я не могу.

— Да-а-а... — протянул Борис. — Не умеешь жить.

Искренне подивившись, спросил:

— Скажи, раз ничего не можешь, как оказался в гостинице? Мест нет. Внизу у окошка очередь!

— Я взял направление в хозуправлении министерства. А ты?

— Очень просто, — буднично пояснил Борис. — Вложил в паспорт двадцать пять рублей и протянул в окошечко администратору. Она выписала.

— Значит и я могу, если так просто, — вырвалось у Ковальского.

— Э-э-э, нет! Посмотри на себя и на меня. Кто ты, непонятно: на лице не написано. Она побоится взять. Вдруг ты из органов? А я? Вот он, весь тут! Видно — кто! — Он щёлкнул языком и его смуглое лицо осветила довольная улыбка. — Меня бояться не надо, на мне заработать можно...

— Да... — произнёс Александр. — Психология.

Ковальский чувствовал, что не способен вызвать симпатию у соседа. А тот не терял надежду:

— Если не можешь квартиру организовать, давай обменяемся домашними адресами. Я приеду посмотреть город.

Ковальский, не смея отказать в просьбе, написал свой адрес на четвертушке листа и протянул Борису.

— Ну, вот и хорошо! Мы человека три-четыре приедем. Что да как, потом решим...

Чем-то всё же Ковальский понравился. Борис специально стал для него приносить каждый вечер по большому арбузу.

* * *

... — Сейчас в столице декада прибалтийской торговли, я двух эстонок закадрил! Красивые такие: белые и большие, — заявил он, уходя утром. — Вечером будь дома, приведу. Одну — тебе, одну — мне. Хватит киснуть!

— Борис, не надо! — опешил Ковальский. — Мне завтра защищаться с утра. Ты что?

— А что? Одно другому не мешает.

— Борис, я прошу!

— Да ладно... Ты должен меня выручить, понял? — сказал и закрыл за собой дверь.

...Вечером, около восьми часов, Борис привёл подружек: больших и белых.

— Это вот вам, — он вынул из сумки бутылку коньяка, указав полусогнутым указательным пальцем на Ковальского и даму в бордовом костюме. — А это — нам, — извлёк вторую бутылку. — Познакомитесь сами, — невинно улыбнувшись, распорядился он. И подтолкнул свою даму, в сиреновом, к двери в другую комнату, где был диван.

Дверь за ними закрылась и послышалось сдержанное хихиканье.

Сбивчивых и невнятных объяснений Ковальского дама в бордовом не поняла. Вернее, поняла по-своему: «Такой здоровяк и дефектный, что ли?».

Она попыталась проникнуть в соседнюю комнату. Дверь не открылась. За ней слышалась возня. Там заняты были друг другом. Она вышла из номера.

— Не только искусство, но и наука требует жертв, — невесело проговорил Ковальский.

«Всё-таки, — он покосился на дверь, за которой продолжалась возня, — попробуем уснуть». И укрылся с головой одеялом.

Засыпая, подумал: «Надо потом Настеньке позвонить, предупредить, что до моего приезда могут нагряться гости во главе с Борисом. Шустрые...».

XXXII

В конце января, спустя чуть больше года после аварии в цехе, на завод опять приехал заместитель начальника главка. Об этом Ковальский узнал от директора Белецкого.

— Подходи в одиннадцать, у него к тебе дело есть.

«Какое у него может быть ко мне дело? — думал, положив телефонную трубку Александр. — Видимо, на каком-нибудь заводе наши горелки подвели. Их внедряют повсюду, часто неумело... Прав Долгов, настаивая, чтобы пусконаладочные работы были за нами... Надо защищать эту позицию...»

Александр не спеша умылся, сменил рабочую одежду на костюм, светлую рубашку с галстуком...

В директорском кабинете двое: его хозяин и Литвинов.

— Садись, — Белецкий указал на небольшой столик, представленный торцом к директорскому. И необычно для него открыто улыбнулся.

Литвинов сидел за большим столом, предназначенным для совещаний. Приветливо кивнул Ковальскому. Наступила пауза. Нарушил молчание Литвинов. Он не любил предисловий. Покашливая, глуховатым голосом произнёс:

— Александр, давай в Сосновск на химический завод первым заместителем главного инженера.

— Так вдруг? — вырвалось у Ковальского.

— Не вдруг. Мы, министерские, посмотрели на тебя во время восстановления цехов. И как наукой на производстве занимаешься. Тебе нужен оперативный простор! Там, понимаешь, знакомое тебе производство полиэтилена, ЭП-300 будем строить. Мировой уровень! Перспектива и у завода, и у тебя — отличная.

— Мы здесь кое-что сделали. И сколько ещё можно! — произнёс Ковальский.

— Там будет интереснее. Наукой везде можно заниматься. В курсе, что готовятся документы на премию Совмина за внедрение мероприятий по оптимизации этиленовых установок и

охране окружающей среды? Ты и Долгов будете лауреатами. И по заслугам! Кроме оригинальных инженерных решений, ваши конструкции дают по отрасли огромное сокращение выбросов вредных для человека веществ. Это целое направление: значительно снижать вредность производства не в конце его цикла, а в начале!

— А кто занимается в министерстве документами? — поинтересовался Ковальский.

— Управление по науке вместе с головным институтом. Из-за бугра увидели ваши горелки. Их захотела купить американская фирма «Джон Зинг». Весной поедете в США продавать лицензию.

— А если буду в Сосновске?..

— Одно другому не мешает.

— Мы внедрили ингибирование на пиролизе. Это новшество такого же уровня, как и горелки, — произнёс Ковальский.

— И здесь головной институт работает. Готовимся к широкому использованию. Проблема-то отраслевая, — отметил высокий гость. — Пробеги печей с внедрением всех ваших разработок стабильно увеличились в пять-шесть раз. Такого никто не ожидал. — Он многозначительно побарабанил пальцем по столу.

«Вовсе и не отраслевая, а мировая», — уточнил про себя Александр.

— Между прочим, я тебя тамошнему директору уже сосватал. И твоего уговорил... уступает.. Грешно, говорит, мешать росту.

— Без меня женили?

— Нет! Поезжай, посмотришь... Потом решишь. Квартиру трёхкомнатную дадим по приезду на место, не мешкая.

«Молодец Литвинов, — отметил мысленно Ковальский. — Редко кто говорит «по приезду», всё чаще — «по приезду».

— У меня и здесь трёхкомнатная, — ответил Александр.

— Ну, брат.. — Лицо высокого начальства стало недовольным, но так, слегка. — Такого два раза не предлагают, ты понимаешь? Там на заводе пятитысячный коллектив. Одних инженерно-технических работников — четыреста... Конечно, и у вас здесь в области вершатся дела немалые. В десятой пятилетке годовой прирост химической продукции должен составить около 13%. Но, главным образом, за счёт минеральных

удобрений, аммиака и карбамида. А ты — этиленщик. Не с руки менять профиль.

«Широко шагает Литвинов, а сунут в какую-нибудь развалюху», — подумал Александр. Сказал, не торопясь:

— Дайте сутки на размышление. Надо с женой спокойно обсудить, всё-таки другой город, другая область...

— Вот и хорошо! Сутки так сутки. Но не более, слышишь? Пока я у вас на заводе.

...Ковальский вышел. Литвинов сидел, задумавшись. Он давно заметил Ковальского. И его энергичную работу.

«Если бы не страстное желание моей благоверной сделать из Олежки дипломата, дал бы давно дёру из столицы ближе к заводам. Да, вот, в МГИМО надо поступить сыну любимыми путями. Не будет этого — вроде бы, тогда я не отец, по определению моей дражайшей...»

* * *

...Через неделю после новогодних праздников Ковальский должен был ехать смотреть завод.

За два дня до поездки зашли с Суловым в кафе, недалеко от сумрачного здания кинотеатра.

— Если тебе там понравится, возьми меня к себе, — попросил Владимир.

— А Татьяна с детьми?

— Я от неё ушёл.

— Ты серьёзно? Так быстро?

Сулов мотнул головой:

— Не быстро, Дашке полтора года, я уже намаялся...

— Ты всегда, кажется, довольный был?

— Внешне. А так... Я с Татьяной больше не могу. Заберу Леночку и махну за тобой.

— Дашеньку заберёшь, — поправил Александр.

— Леночку! — усмехнулся Владимир. — Она до сих пор одна живёт. — И, увидев на лице Александра полное недоумение, опередил вопрос: — Да, я у неё бываю...

— Я тебя, Сулов, не понимаю, — не удержался Александр. — Ты такой разумный. Меня вот с Настенькой познакомил. Я у тебя на всю жизнь должник, а тут? Со мной в точку попал. А сам, свои дела...

— У меня — особые обстоятельства...

— Да, ладно, просто Татьяна — подходящая бабёнка, с трёхкомнатной квартирой, директор музыкальной школы... Всё устоявшееся, прочное... Правда, ребёнок чужой, но это не проблема. Так ведь было?

По левой щеке Суслова пробежал нервный тик. Он слегка дотронулся правой рукой до лица да там и оставил её. Как бы заслонился.

— У меня немножко другое...

— Говори!

Лицо Суслова побледнело. Продолжил глухо, глядя в стол:

— Я Леночку так пытался пожалеть, когда ушёл к Татьяне.

— Непонятно, — отозвался Александр.

— У меня были сильные боли. Тебе не говорил. Никому не говорил. Длилось года два. Боли в груди. У каких только врачей не был. И терапевты меня смотрели, и невропатологи, и ортопеды. Ничего вразумительного! Иногда боли сшивали грудь, как проволокой. К врачам бегал скрытно. Даже ты не замечал. В карточку просил ничего не записывать. Думал, как только руководство завода узнает о болезни, никакого продвижения по службе не видать. Верно ведь? Тупик. Вот окажется сейчас, что Ковальский болен! Как руководство поступит? Заменит — вот и всё.

Он поднял лицо и Ковальский увидел усталый, измученный взгляд.

— Леночка подталкивала к женитьбе. А я не мог. Недолговечен. Понимаешь? Несколько лет протяну, а там... Тупик. Так я думал.

Помолчав, продолжил тихо:

— Наступил момент, когда я лихорадочно начал искать выход. Хотелось, чтобы был сын. Но без меня Леночка не вытянет с ребёнком. Ни денег, ни квартиры. И я нашёл выход, когда заметил Татьяну. Думал: хотя бы в одном прорвусь из этого круга. Пусть не женюсь на Леночке. Пусть злословят сослуживцы. Но сойду с Татьяной и у нас, возможно, появится сын! У меня будет сын! Это было моё жгучее желание. После меня останется сын — Суслов! Так и сделал. Но сына не получилось. Дочка Даша. Адские боли уже год как прошли. Сам не верю! Попал я к одному терапевту. Воздушная такая, совсем молоденькая девчущка. «Вы такой здоровенный на вид! Спортом

занимались раньше?» — «Раньше чем только ни занимался, — отвечаю. — А сейчас — нет. Я, бывает, ведро с водой не могу нормально нести. Как только какой перекося в груди — боль адская». — «Дача есть?» — спрашивает. «Есть, — отвечаю, — у тещи». — «Вот возьмите на себя все работы с землёй. Повкалывайте сезона два и увидите, что будет. У вас грудной корешковый остеохондроз». Послушался я. Тёща не нарадуется: свой домашний бульдозер объявился. И копатель, и сажатель.

— Что за напасть? — спросил Ковальский.

— Ты имеешь в виду тещу или остеохондроз? — чуть повеселел Суслов.

— Конечно, не тещу. Известная болезнь.

Суслов пояснил:

— Нервные окончания от сидячей, малоподвижной работы заклинивает. Образуются на кончиках их солевые наросты, похожие на клубеньки. Они-то и дают сильную боль. Надо больше двигаться, тогда всё рассасывается.

— И ты здоров теперь?

— Кажется, да!

— Уверен?

— Болей нет. Чувствую себя хорошо. Недавно один врач посмотрел меня. Очень толковый старичок. В Китае когда-то был. всю мою историю болезни по-своему толкует. По его словам, у меня в желчном пузыре формировался камень. В процессе роста, пока был небольшим, передвигался. Это причиняло боль. Теперь камень вырос и спокойно лежит. Не движется — нет и боли.

— И что же теперь?

— Это и для меня вопрос. Говорит, надо наблюдаться у врачей. А там видно будет.. Я вполне нормальный.

— Выходит, зря дачу теще так усердно копал? — пошутил Ковальский.

— Шутки шутками, а ты всё-таки по утрам покрепче разминайся, да и в течение дня находи время руками помахать. Я начитался. Остеохондроз таких хватает, как мы, которые много сидят за столом. — Кивнув кому-то головой, спросил: — Ты его не узнал?

— Кого?

— Ну, Сергейчева, он нас приветствовал на выходе.

— Не видел.

— К нам на завод переходит из горкома.

— Это тот, который инструктором там?

— Ну, да. Он, конечно, прохиндей. А сын, видно, у него ничего парень, активный такой.

— Отличился где-то?

— Вот именно. Не прошло и недели, как наши вошли в Афганистан, а он уже подал заявление в военкомат. Хочет добровольцем воевать. Спортивный такой парень!

— Но там исламская революция. Это надолго. Родителям известно о его заявлении?

— Мать в шоке. Отец не знает, что делать. Всё его партийное окружение на работе в курсе. У сына нелады с отцом. Скорее, в этом причина.

— Дела-а... — протянул Ковальский. — А этот, старший, кем будет у нас?

— Заместителем директора по общим вопросам. Свинарёв чинуша, Сергейчев — партработник. Каждый сверлит свою дырочку. Дел понапортят...

— Эти двое? — усмехнулся Ковальский, вспомнив давний разговор у проходной с Сашкой Караваевым. — Кишка тонка.

Напористо предложил:

— Может, тебе Леночку не брать пока с собой?

— Нет, я твёрдо решил. Надо вырваться из этого круга.

— Какого круга? Всё налаживается. И дочь Даша, и Татьяна твоя цветёт.

— Цветёт, — угрюмовато согласился Владимир, — и пахнет. Я и раньше удивлялся её энергии и прагматичности. Когда оказались под одной крышей, понял, как с ней тяжело. Подавляет темпераментом. — Помолчав, набычившись, добавил: — Через полгода, как переехал к ней, она завела любовника.

— Сколько ей лет? — спросил поражённый Ковальский.

— Сорок два скоро.

— А тебе тридцать пять! Что это? Ты же нормальный мужик!

— Я — да! Она идёт с опережением. Сорок пять — баба ягодка опять. Не зря говорится. У неё всё обострилось так, что я оказался в «дурдоме». Не живёт, а скачет, как блоха. Связалась с Сергеем Луниным из заводской лаборатории. Что забавно, я сам его впервые к нам в дом пригласил.

— Этот хлипкий тип? — удивился Александр. — Он же намного моложе её и на мужика не смахивает? Она больше похожа...

— Вот эти противоположности и соединились. Я даже на него зла не имею. Она мне сама рассказала в подробностях, как его в постель чуть не силком затащила. Обезоружила меня, заявив, что так, как с ним, у неё ни с кем не было. Говорит, что он совсем наивный и неиспорченный. Этим, по её словам, и поражена...

— И ты всё это терпел? Я всегда считал тебя многоопытным.

— Дашка растёт.. Поначалу думал: перебесится. А тут появился ещё один — и опять сморчок какой-то...

— Новая связь?

— Да. Евгению этому — двадцать пять, понимаешь...

— В открытую так?

— Мы все обо всём знаем, — усмехнулся Суслов. — Сергей и Евгений конфликтуют. Каждый из этих щенков доказывает свои права на неё. А я как бы в стороне...

— Ни разу никому не врезал? — удивился Ковальский.

— А толку-то... Она иначе не может.. Другие найдутся... Сама найдёт..

— А дочь Дашка, ты уверен, твоя?

— Нет, не уверен, — дёрнувшись, произнёс Суслов. — И тут у меня — бездна. — Мотнул нервно головой. — Татьяна сама не знает, что делать: отдать предпочтение одному либо оставить, как есть? Видишь, как? Она не говорит лично о ком-то. Озабочена: один лучше всё-таки для неё или трое?

— Это же чёрт знает что! Вот уж действительно: жениться — не в баню сходить... И им дал бы по мордам, и ей.

— Но ведь и я не лучше...

— Не понял?

— У меня был практически голый расчёт. Думал: раз не жилец, так пусть хоть сын от меня останется и... выбрал Татьяну. Виноват перед ней... А у неё свой расчёт, бабий... Хочет того, что ей не хватает.. Это и не расчёт.. Она мечется..

Наступило молчание.

Ковальский проговорил:

— И всё же, может, не трогать Леночку пока?

— Нет, я решил, что уеду отсюда обязательно с ней...

— Так твёрдо? — испытующе посмотрел на друга Ковальский. Тот ответил лаконично:

— Она беременна.

Ковальский невольно мотнул головой.

— Да вы что?..

Суслов улыбнулся и добавил:

— И счастлива! Забери меня с собой, без тебя мне туго будет.

На лице Владимира выступили розовые пятна. Ковальский молчал. Он был придавлен услышанным. Суслов продолжал:

— Видишь ли, когда у тебя беда, ты уходишь в работу с головой и прорываешься. Дело для тебя главнее всего... А я так не могу. Стараюсь загрузить себя работой, но и она становится тошной. Только глядя на тебя... Ты иногда кажешься чистым математиком. Всё ровно, всё рассчитано.

— По-моему, преувеличиваешь. Ты знаешь о моих амплитудах.

— Это только эпизоды. Ты крепче меня, потому ровнее живёшь. Вначале, когда с Татьяной всё так случилось, я на грани балансировал... Думал: сопьюсь либо петля. Потом выбрал вариант с Леночкой... Опять, не сердцем, а разумом. С тебя пример беру...

— Ты порой такие дельные советы даёшь. Помнишь, рассказал о брате, который проучил своего командира-матерщинника? Нечто подобное, послушав тебя, сделал и я с Захарычевым.

— Конечно, помню. Но я всего лишь рассказал, на большее бы не отважился. Седовы от Сусловых отличались. Другая порода.

— Не ожидал такое услышать.

Суслов кисло улыбнулся:

— Я сам себя не понимаю: так много апатии и в то же время живо желание чего-то лучшего. На желании и держусь. С поступками сложнее.

...Шагая домой, Ковальский думал о Суслове. «Я, выходит, порой не вижу, с какими бурунами вершится вокруг жизнь?.. У Суслова свои навороты. Я занят был собой, а он в это время мучился: «Не жилец». Другие чувствуют, как и я. И сильнее

меня, у них проблем не меньше. А я рву удила! И себе, и другим. А как иначе! Работа есть работа. Так хочется иногда белогривой лошастью поваляться на луговом разнотравье. А воз кому тянуть?.. Едва отпустишь поводья и... всё наперекосяк... Моя личная жизнь идёт размеренно. Эта заслуга моей Настеньки. Она, как подарок Судьбы! Судьба так распорядилась через Сулова.

Вот почему он такие стихи мне читал, когда мы впервые говорили о Татьяне», — запоздало спохватился Александр.

*Каждый выбирает по себе
Женщину, религию, дорогу...*

Далее он не мог вспомнить, но стихи не уходили из головы:

Каждый выбирает по себе...

«А точна ли эта фраза? — оставаясь верным привычке всё выверять на себе, подумал Ковальский. — Ведь и нас выбирают. И моя Настенька...»

...Александр, верно, многого не замечал вокруг себя. Уверовав в жертвенность жены, не подозревал, как трепетно она всегда думала о нём. Как следила молча за его женским окружением. Настя знала цельность мужа и была уверена, что на простую интрижку Александр не способен. Но всегда помнила: может появиться такая женщина, которой он вдруг увлечётся всерьёз... И трудно будет противостоять... Да и будет ли противостоять, и как? Настя не чувствовала, что способна предъявлять на мужа какие-то права... Благодарила судьбу уже за то, что состоялось у них...

«Сонька растёт! Родить бы сына ещё, а там — что будет».

В своей любви и преданности она была уверена.

Ещё не ведал Ковальский сполна, какой силой духа обладает женщина, которую ему так нравится называть Настенькой. Да она и сама ещё не вполне себя знала...

* * *

Александр вернулся из Сосновска и начались сборы.

...Ковальские и Владимир Сулов с Леночкой покидали город, соединивший их судьбы. Особо не грустили. Подталкивали жажда активной жизни и ветер перемен, столь желанный в молодости.

Поговаривали, что городок, куда уезжали, невелик. Они соглашались: «Небольшой, но не глухомань! И воздух почище. Да и недалеко. В соседней области, всего-то несколько часов езды».

Откуда им было знать, что в городке-спутнике, где, кроме нефтепереработки и нефтехимии, казалось, ничего и нет, их настигнут оглушительные события. Прежней страны не будет. Советский Союз и Советская власть рухнут. Все окажется в новом неожиданном государстве, которое заживёт по другим законам, а порой и без них, не имея ни герба своего, ни гимна...

Мог ли кто предположить такое в конце семидесятых?

2003 г.

Книга пятая

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

*И мы с тобой,
И я, и ты —
Как выдох и
 как вдох.
Сошлись у края,
у черты
На стыке
 двух эпох...*

Ю. Левитанский

Часть первая

*Нам, русским, не надобен хлеб:
мы друг друга едим и от того
сыты бываем.*

А. П. Вольнский

I

Ковальский повернулся и посмотрел на табло электронных часов, стоявших на прикроватной тумбочке. Было семь с четвертью.

Субботнее утро. Ехать на завод директор не собирался. Хотел отоспаться. И, как часто случалось, когда есть редкая для этого возможность, не спалось.

...В последние дни, который уже раз, возвращался он в мыслях к неожиданному событию: под Новый год его пытались сдать в медвытрезвитель!

Борьба за трезвый образ жизни в самом разгаре.

Несколько руководителей в городе, застигнутые на месте «преступления» бдительными товарищами, уже лишились должностей.

Какие прекрасные возможности открылись для сведения личных счётов!

Отлаженный механизм начал работать, как гильотина, Ковальский этому свидетель.

Но не думал, что дойдёт и до него...

На кухне позвякивали посудой.

Поняв, что не заснуть, он взял с тумбочки похожую на заводской отчёт, довольно уже потёртую синенькую книжицу в самодельном переплёте. На первой странице: «А. Бек. «Новое назначение».

Повесть, если ничего не помешает, он намеревался прочесть за выходные.

Страдая постоянно от нехватки свободного времени, Ковальский тяготел к системности. Список книг, которые он намеревался обязательно прочесть, составил сам, ограничив его шестью пунктами:

Н. Рыбаков. «Дети Арбата».

А. Бек. «Новое назначение».

В. Дудинцев. «Белые одежды».

Д. Гранин. «Зубр».

Ю. Нагибин. «Иди и смотри».

А. Приставкин. «Ночевала тучка золотая».

«Дети Арбата» и «Белые одежды» он уже прочитал, вернее, проглотил.

Сейчас начал читать не сразу.

Не впервые подивился скорости, с которой развивались события. Общество менялось на глазах. В начале 86-го на XXVII съезде КПСС Горбачёв назвал время Брежнева «эпохой застоя». Прозвучал призыв к глубокой демократизации. Интеллигенция потребовала смягчения цензуры. Была как бы дана отмашка: теперь можно говорить то, о чём почти двадцать лет приходилось молчать. Возобновился разговор, прерванный после XXII съезда КПСС. А в самом конце того же 86-го года в Москву из Горького вернулся главный критик власти ссыльный академик Сахаров. Цензуру ослабили и в 87-м в «толстых» журналах стали печатать издававшееся раньше только на Западе. Тиражи достигали миллионов экземпляров. Народ заново переосмысливал свою историю...

— Истинное богатство человечества — личное свободное время. Великое завоевание пролетариата — восьмичасовой рабочий день. Без свободного времени, то есть без возможности развития личности и приобщения к культуре, не было бы ни революций, ни движения вперёд, — вспомнились ироничные слова знакомого психолога. — А вы, директора — каторжане. Ты, по общесоюзной статистике, работаешь двенадцать часов в сутки. Твой главный инженер — одиннадцать часов. Варвары! Добром ничего не читаете. Как живут ваши семьи? Кто воспитывает ваших детей? Детский сад? Но это уже поздно. Школа? Но она даёт одереvenевшее существо, которое, кстати, давно уже

нас с вами раскусило и видит нашу взрослую лицемерность. Вы бросаете ребёнка в школу — в зону задерживающего развития. И там он, изводящий домашних своими нетерпеливыми вопросами, сникает. Теряет своё лицо. Почему? Да потому, что в школе дают ответы на не интересующие его вопросы. Он начинает многого не хотеть. Человек самоценен и незавершим, а из него, ограничивая, делают посредственность. Мы все — жертвы односторонности обучения. Три поколения советских людей жили в состоянии интеллектуальной самоизоляции. Вы, технари — больше всех! Кто из вас хотя бы слышал о таких историках и культурологах, как Шпенглер, Блок, Кроче? И не хвалитесь преданностью своему делу. Вы просто не умеете работать.

— Всё? — спросил тогда Ковальский. — Кто трудится по двенадцать часов в сутки, все не умеют?

— Конечная цель войны — мир, труда — досуг! Это давно известно. Работать долго ещё не значит работать хорошо, — последовал ответ.

«Ловко, — усмехнулся Ковальский. — А попробовал бы ты между бесконечными заседаниями, совещаниями в нашей тучке-тянучке увязать сотни ниточек, пронизывающие весь заводской коллектив, главных специалистов, смежников, партнёров, потребителей, поставщиков, горком, горисполком, министерство. Увязать и держать в своих руках. Как следует держать! Да ещё в условиях гласности и демократизации! Когда диктат сверху враз сменился на таранную некомпетентность снизу... Эта горбачёвская фраза: «Вы их снизу, а мы их сверху!», — она не просто так сказана».

Директор не преувеличивал: разгильдяйство во всём и везде резко возросло. По традиции ещё боролись с бедами и недугами: проводились бесчисленные совещания, давались «принципиальные оценки фактам перебоев». Бесконечные ссылки на холода и снегопады... А результаты?..

Ковальскому вспомнилось, как совсем недавно праздновали семидесятую годовщину Октября, с торжественными, помпезными заседаниями. «Многопалубные» президиумы в кремлёвском Дворце съездов. Зарубежные делегации из десятков стран. Многословный доклад под аплодисменты. В нём утверждалось, что создание новой достойной жизни не прерывалось ни на один день.

Невольно — не у одного Ковальского — возникал вопрос: что же мы тогда перестраиваем?

«И эта возня вокруг пленума Московского комитета партии, обсудившего постановление Пленума ЦК о Ельцине. Он состоялся, оказывается, ещё 21 октября, а его материалы газеты опубликовали только в середине ноября. Ельцина костерят будь здоров, но его выступления нет нигде, — мысленно рассуждал Ковальский. — Генсек откровенно заигрывает с Москвой. Обещает выделить столицу из общих планов, сменить порядок ассигнований... Что это? Открытое противопоставление Москвы остальной державе?..

Всё пронизано двуличием. К чему это приведёт?»

* * *

...И из общего хора дошёл до Александра голос Владимира Сулова. Как он убеждённо говорил, когда ходили вдвоём по цехам:

— Зря тебя волнует эта «болтанка» на заводе. Вся страна сейчас разговорилась. Народ вырвался из тухлого времени. Это же трагедия: уничтожались личности не только от невысказанных слов, но и от нерождённых мыслей. Одно из главных достоинств нашей эпохи то, что в прочищенных мозгах рождаются новые, совсем неожиданные мысли и действия. Просвет наступил! Брежневские годы страшны своей обыденностью. Одни понимали, другие догадывались, что происходит.. Разве так могло долго продолжаться? Горбачёв прав: альтернативы перестройке нет! Не назад же на полной скорости к Брежневу, Сталину? Опять за углом анекдоты про Леню да блатные песни?

— Меня завод волнует. Дисциплина падает. Разговаривать стали больше, делать меньше...

И этот Совет трудового коллектива на заводе! Он превращает дело в болтологию. Самодетельность! Или театр абсурда — по другому не назовёшь.

— Ну, это временно — пар из котла... Утрясётся!

Ковальский тогда не стал возражать Владимиру. Ему и самому верилось в лучшее... Непроизвольно спросил:

— А заметил, что за перестройку кричат больше всех те, кто лет десять назад возвеличивал Брежнева?

* * *

...Поправив поудобнее подушку, Ковальский наконец-то начал читать. Но вскоре вновь задумался о заводских делах. Так случалось в последнее время часто. Порой, не слыша обращений к себе, сосредоточенно смотрел на жену или детей. В таких случаях, после его весьма значительного собственного «угу», раздавались слова дочери Сони:

— Мам, да не трогай его. Папка опять на заводе. Воюет...

* * *

Книга оставалась открытой на четвёртой странице. Перед глазами мелькали события последних недель. 28 декабря только что отлетевшего 1987 года Сосновскому химическому заводу, которым руководит Ковальский, исполнилось двадцать лет. Возраст для предприятия подобного профиля приличный, если учесть, что и городу, давшему название заводу, всего двадцать пять.

И хотя дата не юбилейная (не двадцать пять и не пятьдесят лет), тем не менее, это событие намеревались отметить широко.

Торжественное собрание, чтобы не сваливать всё в одно с новогодними делами, решили провести за две недели до Нового, 1988 года.

В эти дни не стало Битмана — инициатора многих технических преобразований на заводе. Не дожил до больших перемен. Нетрудно предположить, что могло быть с ним, если бы не смерть. Скорее всего, его деятельная натура не выдержала бы уготованного коллегам-учёным. Мог удариться в непредсказуемые авантюры.

...Так и смешались тогда эти события: печальная поездка в Москву на похороны и подготовка к юбилею.

...За три дня до торжеств, в день проведения большой научно-практической конференции, у Ковальского обострился остеохондроз. Боль, казалось, ушла, но теперь вновь с пятницы побаливала грудь.

В свои сорок три года, семнадцать из которых проработал на заводах, он ни разу серьёзно не болел. Природа не обделила здоровьем и силой. Когда-то баловался гирями. До третьего

курса института занимался в секции тяжёлой атлетики. Потом это ему стало неинтересно.

Внешне он, казалось, ничем не выделялся среди сокурсников. Была одна, не каждому заметная странность: уверенная его походка, порой сопровождалась помахиванием правой руки, при прижатой левой.

Как-то улице Ленинградской в Куйбышеве его остановил старичок. Аккуратненький и собранный, похожий на белогвардейского офицера из кино. Сказал шутливо:

— Молодой человек, смею заметить: у вас походка кавалерийского офицера.левой рукой вы придерживаете, очевидно, забытую дома саблю.

— У Колчака не служил, — первое, что пришло на ум, сказал Александр.

— Вы не обижайтесь, но эта походка свидетельствует о вашей скрытности. Не демонстрируйте её так откровенно.

Александр запомнились слова старика.

* * *

...Да, он стал директором солидного завода, до того защитил кандидатскую диссертацию. Но при этом продолжал чувствовать себя студентом, догоняющим повозку, на которой громоздится всё лучшее и прекрасное, что создано человечеством...

Он остро сознавал, что крепко сидит в нём всё тот же пылкий и легкоранимый Шурка Ковальский. И неуспокоенная память его всё чаще и чаще возвращалась в то время, когда подростком рос под открытым небом, сопричастным ко всему, что окружало, среди бесхитростных, совестливых людей, и теперь живущих простой и естественной, как сама деревня, жизнью...

Восемь лет, которые провели в Сосновске Ковальские и Сусловы, пролетели быстро. Главным в эти годы Ковальские считали рождение у них Серёжи, Ани, женитьбу Саши.

Александр значительно возмужал. Раздался в плечах. Седой пряди волос над левым виском, которая появилась ещё во время учёбы в институте, не стало. Образовались залысины. Его серо-зелёные, слегка раскосые глаза редко смотрят насмешливо, чаще — изучающе. Он походит теперь, скорее, на институтского преподавателя, чем на матёрого производствен-

ника. Кстати, он и преподаёт в местном вечернем отделении института.

И ещё Александр написал две толстых тетради стихов. Но, решив, что не поэт, дал себе слово не печататься.

— Не придаю своей персоне международного значения, — так он пояснил Суслову, уговаривавшему издать его стихотворения.

Ему интереснее окружающий мир, чем он сам.

У него по-прежнему закрытая артикуляция. В автобусе или в коридоре Ковальский не может говорить громко. С трибуны этому научился.

* * *

...Сейчас Александру невольно вспомнился флегматичный мастер Рыбин, с которым работал когда-то в одном цехе. Как тогда они с Долговым, по молодости, подтрунивали над ним, над его радикулитом. Теперь сам периодически страдал от остеохондроза, который, как он говорил, накаркал ему Суслов. Ещё там, в Новокуйбышевске.

Кажется, совсем недавно всё было. А сколько после этого свершилось!..

Сын Александр два года назад закончил Московский химико-технологический институт.

Несмотря на все попытки Руфины Смирновой, Бочаровы до окончания школы так и не отпустили его от себя. Никакие доводы не убедили. И Ковальскому не отдали: «У тебя своих трое, куда тебе? Благодарите Настину мать Татьяну Павловну. Соня, Аня, Сергей и вы двое — все на её плечах. Куда ещё?».

— Куда? — улыбался Александр. — У нас с Настей первоначальная установка не отменялась: шестеро должно быть!

— Погодили бы чуток, пусть Аня с Сергеем из детского сада дика выберутся да Сонька школу закончит..

* * *

Приехавший с Ковальским в Сосновск Владимир Суслов поработал начальником в двух цехах и вскоре стал толковым первым замом главного инженера. Николай Алексеевич Долгов, всего четвёртый год, как прибыл, а уже возглавил технологическую службу завода.

Ковальский гордился обоими. И тем, что способствовал их росту.

После защиты докторской Руфина стала заведовать в своём институте лабораторией.

Осталась верна себе. Всячески старалась помочь младшему Ковальскому.

Горячо желая, чтобы Саша поступил именно в московский институт, взяла над ним шефство. Установила такой порядок подготовки, что Бочаровы побаивались за здоровье внука, выдержит ли?

Два последних года его учёбы в школе она управляла подготовительным процессом телефонными звонками и письмами. Несколько раз, приезжая, устраивала контрольные проверки.

Александр удивлялся: сын сносил её диктат покорно. Более того, у него с Руфиной сложились свои, доверительные, на равных, отношения.

В начале мая 82-го Руфина позвонила Ковальскому-старшему и сообщила, что в Московском химико-технологическом институте проводятся вступительные экзамены по химии досрочно, до начала школьных. Если абитуриент получает «пятёрку» и заканчивает школу с золотой медалью, зачисляется в институт.

— А если «золота» не будет? — спросил Александр.

— Тогда экзамен по химии засчитывается. Но после надо досдавать по остальным предметам. На общих основаниях. — Руфине не терпелось: — Мы ничего не теряем, а шанс открывается!

— Можем потерять!

— Саша, я не понимаю?

— При такой спешке, галопом, вдруг провалит? Возникнет комплекс. Выпускные экзамены будет сдавать неуравновешенным, а там вновь институтские. Возникнет боязнь.

— Саша, о чём ты говоришь! Я звонила — он готов! Как пионер!

— Не понимает. От этого и лихость.

— Я была у Бочаровых в марте. По прошлогодней программе его гоняла два дня. Всё знает! Всё решает! Саша просто молодчина у нас! Дай его на день. Всего-то!

Ковальский поехал в село. Хотелось самому поговорить с сыном.

...Экзамен по химии Ковальский-младший выдержал на «пятёрку».

«Курьёзно сдавать экзамены, очевидно, у нас на роду написано», — думал Александр, слушая забавный рассказ сына:

— Как ты скомандовал, пап, я, когда письменно ответил на все десять вопросов, несколько раз всё проверил. Вроде бы нормально. Сижу. До окончания ещё два часа. Скучно. Но, помня твой наказ, ещё раз прошёлся. Нигде по-другому сделать ничего нельзя. Все сидят, пишут. Пошёл сдавать экзаменационные листы. Преподаватель взял, бегло посмотрел и положил в папку: «За результатом — в понедельник. Списки будут висеть в коридоре на доске объявлений». — «Через два дня? Я не могу». — «Что значит — не можете?» — «Сегодня пятница, у меня билет на поезд, на вечер...» — «Какой поезд?». — «Мне надо домой». Глаза у преподавателя округлились: «Вы не москвич?» — «Нет». — «А как попали на экзамен?» — «Пришёл... Вернее, приехал... А что ещё нужно?»

— Вот именно, что? — произнёс отец.

— А Руфина разве не говорила?

— Нет.

Белозубо улыбаясь, сын продолжил рассказывать о своём экзамене.

Оказалось, требовалось совсем «немного»: быть москвичом. Экзамены проводились для учащихся московских школ со специальной подготовкой по химии. Вели её по особой программе вузовские преподаватели. Когда составляли экзаменационные списки, никто прописку не проверил. Кому в голову могло прийти...

Преподаватель вертел молча в руках очки с толстыми линзами. Неожиданно весело объявил:

— Тогда вот что! Посидите, я соберу коллег и мы выставим оценку сейчас. Такой случай!..

Посоветовались они, пошушукались и поставили «пятёрку».

...Остальные экзамены пришлось всё же сдавать, с медалью в школе не получилось.

Студенческие годы сына пролетели для Ковальского стремительнее, чем собственные.

Неожиданно на пятом курсе Ковальский-младший объявил, что женится на студентке из его группы — Катрин, родители которой живут в Париже.

И всё закрутилось-завертелось вокруг этого.

Александр и Анастасия не были готовы к такому повороту.

Беспокоило, что родители Катрин, сославшись на хвори, в Москву на свадьбу ехать не собирались.

Ковальскому-старшему предстояла вскоре поездка во Францию по служебным делам. Мог бы до свадьбы посмотреть на своих будущих заграничных родственников, но молодые торопились...

Свадьба в студенческой столовой прошла задушевно, весело. Ковальские успокоились.

Жить молодожёны продолжали в общежитии.

II

В спальню заглянула жена.

— Не спишь?

— Нет. Уже десятый час, — ответил Ковальский.

— Тогда я кое-что здесь разберу.

Она подошла к гладильной доске в углу комнаты. Включила утюг. Спросила чуть нараспев:

— Саша, слышал что-нибудь об аппликаторах Кузнецова?

— Что за зверь такой?

— Этот зверь похож, скорее всего, на ежа. Гибкие такие пластиковые ремни, усеянные тысячами игл, вроде швейных. Эти штуки надо накладывать на больные места. Вид иглотерапии. Их вдавливают в тело до боли. По Кузнецову, больные остеохондрозом позвоночника выздоравливают через десять процедур. В нескольких газетах об этом было.

— Рекламирую, чтобы продать, — отреагировал Александр.

— Два дня назад звонила Сусловой Лене, её мать Маргарита Владимировна купила и очень довольна.

— Что за тётца у Сулова! — отозвался весело Ковальский. — Какую болезнь ни назови — она у неё есть! Не тётца, а полигон для медиков! У неё хобби — отыскивать у себя болезни? Твоя мама с Сергеем и Анькой, как клушка, возится, нам повезло.

— Родится кто ещё у Володи с Леной, и его тётца преобразится. Увидишь! Скучно ей. Ждёт.

Ковальский промолчал.

— Аппликаторы можно сделать на вашем заводе, — не унилась жена.

— Угу, можно, — согласился Александр. — Как говорит наш главный механик, на заводе можно сделать и самолёт. Вопрос в мелочи: взлетит ли?

Настя подошла и села на край кровати. Начала гладить его левую ногу от колена до ступни. У Ковальского привычка спать либо лежать в постели, обязательно высунув ноги из-под одеяла. Это унаследовала и дочь Соня. Ноги Ковальского беспокоили. Часто, как говаривала мать, «гудели». Иногда, возвращаясь домой с работы, чувствовал, что пятки будто горят.

Настя всегда помнила о боли у него в ногах и часто, как сейчас, поглаживала их. Боль утихала. Делала это с такой материнской лаской, что он, недоумевая, начинал себя чувствовать маленьким. Она и называла его в такие минуты «мой маленький ребёночек».

Александр не привык к жене. До сих пор не мог спокойно смотреть и слышать, как она раздевается перед сном.

Лицо жены, взошедшее однажды, вытеснило всех. Эту фразу и слово «взошедшее» он находил несколько высокопарными, но другого подобрать не мог. Александр однажды понял: жена так его любит, что он не в силах этот дар, внезапно доставшийся ему, выронить, выпустить из рук.

Настя помнила все привычки мужа. Порой казалось, что знает о нём больше, чем он сам, читает его мысли.

Года два назад Александр написал стихотворение, которое никому не показывал. Оно касалось только их двоих. Не показывал и Насте. Оно лежало в столе среди разных бумаг. Всего четыре строчки.

*Немало в голову идёт сравнений,
Но все сравнения напрасны.
В неуловимой смене выражений
Твоё лицо прекрасно.*

— Эй, ты где? — услышал он голос жены. — Очнись! Или вернись!

— Я дома, дома, — поспешил откликнуться Александр. — Просто думаю, зачем ты из меня хочешь сделать Рахметова.

— Какого Рахметова? А-а... Нет, просто ты нам здоровенький нужен!

Жена наклонилась и, как маленького, поцеловала в лоб. Он левой рукой обнял её за талию, подтолкнул на себя.

— Что ты делаешь? Мать и дети дома, тоже мне, больной, — зашептала она.

В прихожей зазвонил телефон.

— Ну, вот, начинается! — она легко отстранилась. Чуть щёлкнув его пальчиком по кончику носа, вышла в коридор.

Но трубку уже взял Серёжа.

— Папуля, тебя! — звонко крикнул он в приоткрытую дверь.

Ковальский осторожно поднялся. Затаившаяся боль поймала его. Саднило в позвоночнике между лопатками. Такое ощущение, будто там вбит гвоздь и на нём на тонких ниточках подвешены живые клеточки его крепкого мускулистого тела. Любое движение неминуемо тянуло свою ниточку или сразу несколько. И они, как струны, резали по живому.

Как был, в цветных трусах, босой, подошёл к телефону. Понимал, что особо серьёзного на заводе ничего не должно случиться, тогда зазвонил бы диспетчерский аппарат в спальне.

— Значит так, — прозвучал без приветствий и предисловий в трубке голос начальника планового отдела Кретова, — если не назначите меня своим заместителем по экономическим вопросам, то не будете работать директором. Можете передать тоже самое генеральному директору объединения. И до него доберусь!

— С вами всё в порядке, Дмитрий Андреевич? Что вы говорите?

— Очень даже в порядке, — последовал ответ.

— Тогда почему в такой форме? И по телефону?

— А потому, что устал отвечать на вопросы окружающих, почему я до сих пор не заместитель директора по экономике?

— Это не повод. Отчего такая спешка? Сегодня суббота, — говоря это, Ковальский пытался понять, трезв ли подчинённый.

Голос в трубке твёрд:

— Это не спешка. Просто вы такой человек.

— Какой? — искренне удивился Ковальский.

— Который всё может во имя карьеры!

Директор начал терять логику разговора. А в трубке звучало:

— Я звоню, чтобы за выходные переговорили с генеральным и определились. Но учтите, я всё продумал. Буду писать, куда надо.

— Что вы продумали?

— Всё.

— Похоже на шантаж.

— Понимайте, как хотите.

— У нас с вами странный разговор. На работе обсудим, — Ковальский положил трубку.

Прошёл мимо кровати, остановился у окна.

Там, за окном, бодрое январское солнце, ещё не попадая в спальню, щедро освещало просторный двор.

Опушённые за ночь снегом хоккейная площадка и скамейки около неё грустно пустовали.

Белизна и свежесть вокруг.

Ясное синее небо и безветрие обещали морозный день.

«Что за бзик?» — не переставая думать о телефонном разговоре и пожимая плечами, директор вернулся к постели.

Жена уже на кухне. Чуть приоткрыв дверь, спросила:

— Что-то серьёзное?

— Потом, — буркнул он.

«Что же всё-таки за звонок?» Александр уже понял, что и в выходные от заводских дел не отвлеётся.

У него была уловка. Когда чувствовал, что надо отдохнуть, получить разрядку — уезжал, как многие, на охоту или рыбалку. Но, если этого нельзя было сделать, всё, что необходимо обдумать, что сидело в голове, не давало отключиться, коротко заносил в записную книжку. Мозг, очевидно, получив некую гарантию, что продукт его деятельности закреплён и не пропадёт, расслаблялся.

Но сейчас он и не думал уйти от мыслей о несуразном диалоге по телефону. Было ощущение, что возникает какая-то новая ситуация на заводе. Это неспроста. И не ясно, как связаны между собой звонок и неудачная попытка сдать его в медвытрезвитель.

В голове вновь начали тесниться события закончившегося года.

* * *

Сосновский завод считался одним из передовых в отрасли.

Приказом министра в мае предыдущего года успешное предприятие перевели на самостоятельный баланс. В объединении, где пять заводов и восемнадцать тысяч работников, коллектив обрёл, казалось, желаемую финансовую независимость. Предприятие превратилось в юридически самостоятельную структуру. Хотя и осталось в прежней системе управления.

Оно рождалось заново. Вернее, становилось таким, каким было пять лет назад. Тогда по инициативе гендиректора Сосновского объединения теперешнего замминистра Туркина завод включили в состав этого, как многие его называли, «колосса на глиняных ногах». Превратили в бесправную производственную единицу. Туркину нужны были масштабы, особая значимость в аппарате министерства, куда он рвался.

Ещё ранее затеяли строительство огромного заводского производства этилена (ЭП-300). По сути, это был новый завод.

Стройка шла со скрипом. Но она давала и преимущества. В скрежете и движениях огромной машины не просматривались из центра многие огрехи, случавшиеся в объединении. Одно с лихвой покрывало другое. До определённого времени...

Многим уже стало ясно, что строительство — как гиря на шее завода. Требовалось предпринимать что-то решительное. Лукавая политика вокруг этого ЭП-300 в условиях самофинансирования только усиливала нарастающие проблемы. Министерство не торопилось закрывать строительство: кому охота идти в правительство и ЦК КПСС, доказывать свою оплошность? Оказалось, что в регионе нет того количества сырья, на которое рассчитывали при проектировании. А завоз изда- лека убыточен. Об этом следовало сказать вслух. Но кому это надо? Лучше вот так, потихоньку отделить весь завод вместе

со стройкой по финансам. Пускай сам барахтается. Зато самостоятельный. Только несколько человек понимали, что первоначально выигрышная стройка оказалась западнёй.

Но Ковальский не падал духом.

У завода появился свой расчётный счёт. Заказали и получили гербовую печать. Всё это заводчане восприняли с воодушевлением. Разрабатывали свой устав. Желаемая свобода, казалось, становится реальностью.

«Быть у истоков образования самостоятельного предприятия и интересно, и ответственно. Не послабления духовных и физических сил даёт оно, но, наоборот, требует активности, предприимчивости и многократно повышенной энергии», — так сказал директор Ковальский на заводском собрании. Редактор заводской многотиражки «Нефтехимик» и заводские художники широко растиражировали эту мысль.

В начале 1987 года завод попал в критическое финансовое положение из-за аварии на снабжавшей его паром теплоэлектроцентрали. Тогда ТЭЦ простояла больше недели.

Срочно разработали программу восполнения отставания. По одним производствам срок выполнения — три месяца, по другим — к январю.

Забот хватало. Шла напряжённая работа. В положительных результатах Ковальский не сомневался.

Озадачило и насторожило одно событие. Такое же вероломное, как и сегодняшний звонок Кретова.

* * *

...Всё в тот вечер настраивало на праздничный лад: и букеты цветов с бело-красными бутонами на сцене перед столом президиума, и бравурная музыка духового оркестра, и приподнятое настроение заводчан. Отмечали 20-летие завода.

Над сценой — красное полотнище: «Решения XXVII съезда КПСС — в жизнь!». В президиуме — руководители завода, города, ветераны и передовики производства, почётные гости. Собрание открыл секретарь парткома завода Стулин.

Ковальский сделал короткий праздничный доклад. Потом выступили первый секретарь городского комитета партии Нечаев, генеральный директор Варичев и другие. Затянувшийся вечер закончился концертом.

Всё бы ничего. Но и перед собранием в кабинете директора ДК, и после чувствовал Ковальский какую-то необычность в поведении Варичева, Стулина, своего зама Водолазова. Некая обеспокоенность и оживлённость их не ускользнули от Ковальского.

«Странно, — думал Ковальский, — с чего они такие вздрюченные? Особо высокого начальства нет. Даже Туркин, возглавлявший когда-то завод-именинник, и тот не прибыл, что вообще-то не в правилах. Завод — один из лучших. И 87-й год всё-таки заканчиваем вполне успешно, хотя, видимо, за четвёртый квартал призового места в соревновании по министерству на этот раз не получим».

Было запланировано после торжественного собрания отметить событие в заводском профилактории. Подальше от города: мало ли чего?

...Стулин в присутствии Водолазова убедительно успокаивал Ковальского:

— Я лично говорил с Нечаевым. Никто из органов носа не сунет в профилакторий. Нельзя же гостей со всех концов страны оставить трезвыми. Непорядок!..

— Сами-то будете? — спросил обоих директор.

— А как же! — ответил Стулин. — Без нас нет праздника.

— А Нечаев? — уточнил Ковальский.

— У него не получается, он должен вечером быть в обкоме.

— Ладно, — согласился Ковальский. — Но только поаккуратней. Проследите сами. Часа полтора посидим вместе, потом пускай расходятся по комнатам...

Но оказалось, что и Варичев не едет. У него свои какие-то очень важные на то причины.

А уже на улице перед посадкой в автобусы, пока собирался народ, у Стулина стало плохо с животом.

— Езжайте, — по-свойски обратился он к Ковальскому. — Свою штрафную не упущу, приеду следом. А пока сбегаю домой, приведу себя в порядок.

Это явилось для Ковальского, пожалуй, последней каплей. Подозрение перешло в уверенность: что-то неладное. «Либо они боятся запретного застолья, либо — западня. Вокруг всё оголилось, Водолазов один остался».

Ковальский отошёл с женой от автобуса.

— Настя, в профилакторий — нельзя... Ты заметила?..

Она сразу всё поняла.

— Не надо ехать.

— Но как отказаться?

Едва договорил, возник долговязый Водолазов:

— Ну, что, казаки? По коням, пока в памяти!

— Не терпится, — усмехнувшись, тихо сказал жене Ковальский.

И Настя опять поняла, о чём он... Кивнула головой. Водолазов сверлил из-под мохнатой ушанки обоих нетерпеливым взглядом.

— Поеду в своей машине, — сказал Ковальский.

— Зачем? С народом надо, вместе. И без кавалькады будет...

— У меня в багажнике кое-что припасено. Не будем же перегружать здесь. Езжайте, я следом.

— Хорошо! — бодро согласился зам. — Не отставайте.

Из двери автобуса уже нетерпеливо махала чья-то рука.

Когда миновали три городских квартала, Настя тихо произнесла:

— Ну, Саш?..

— Усыпляем бдительность, — деловито объяснил муж. И улыбнулся ей: — За нами следят!

Едва выскочили за город, скомандовал шофёру ехать назад, домой.

— Интересное кино ожидается, — произнёс он.

Настя засмеялась. Шофёр молчал. Трудно было догадаться, о чём тот думает.

— Любопытно, — проговорил Ковальский, — кто мне доложит о том, как развернутся события в профилактории, первым?

— Скорее всего, долговязый, — ответила Настя. — Режиссёр!

* * *

Настя оказалась права. Едва в понедельник утром Ковальский вошёл в свой рабочий кабинет, явился взволнованный Водолазов.

— Добрый день!

— Если добрый, — отозвался Ковальский.

— Уже знает? — лицо заместителя покрылось пятнами. — Два выходных прошли.

«Игра, кажется, даётся ему с трудом — плохо иметь бездарных помощников», — отметил про себя Ковальский.

— Что я могу знать? — ответил директор, хотя ему уже в субботу доложил о случившемся председатель профкома. Подумал: «Даже не спрашивает, почему не приехал. Уяснил, что всё понимаю? И не ломает дурочку? Или от растерянности, что столь важное задание провалил?».

— Едва расселись, явились заместитель начальника городского отдела милиции Чухонцев, начальник медвытрезвителя Суконин и Севастьянова — председатель общества борьбы за трезвый образ жизни. Милицейский «воронок» и «скорая» подкатили прямо к подъезду. Ворвались в зал, а у нас рюмки — пустые! Бутылки мы под стол успели убрать. Отбоярились.

— Не успели предупредить, что ли? — спросил спокойно директор.

— Не понял? — смешался Водолазов.

— Ну, наводчики? Оплошали, закрутили механизм, а я не приехал. Тормознуть уже не смогли — хреново работают... — Ковальский чувствовал, что может сорваться, не выдержав недомолвок. — Отговорились-то как?

— Ну, то да сё... Сумели... Не чужие...

«Какой лоб у него удобный для хорошего кулака», — стрельнула мысль. Вслух сказал:

— Напереживались вы там! А я один на кухне выпил спокойно в честь праздничка! — Он приходил в равновесие...

Лицо зама лишилось красно-белых пятен. Побледнело. Глубоко посаженные глаза смотрели по-мышинному.

В кабинет стали заходить главные специалисты. Ковальский посмотрел на часы: время общезаводской селекторной планёрки. Водолазов пересел на своё обычное место за длинным столом. Лицо его приобрело чинное официально-выдержанное выражение. По лицам входящих Ковальский видел: в приёмной попытка захвата обнаружена.

Председателя профкома Бурмистрова и секретаря парткома Стулина не было. Их отсутствие директор заметил сразу, не зная пока, как себе это объяснить.

«Водолазов похож на Свинарёва, — думал Ковальский, вспомнив своего соседа по комнате в рабочем общежитии. —

И глаза другие, и внешний форс есть, а нутро такое же просвечивает...»

Водолазов получил должность под нажимом Туркина ещё до Ковальского. Как только окончил заочное отделение юридического института.

Александр не сразу привык к косноязычию своего заместителя. Но вскоре, догадываясь, в чём дело, заставил написать его собственноручно служебную записку.

— О чём? — заморгал зам.

— Ну, обо всех наших делах с подшефным колхозом. И не давай перепечатывать. Не надо, чтобы лишние люди читали.

Когда получил водолазовский опус, всё стало окончательно ясно. Чуть ли не треть предложений — с ошибками. После того, как Александр внёс поправки, зарябило в глазах. В сравнении с тем, что директор увидел на терпеливой бумаге, водолазовское устное «константировать» казалось вполне терпимым.

* * *

...После Нового года, едва закончилось очередное совещание в городском комитете партии, нечаев задержал Ковальского.

Когда остались одни, первый секретарь спросил:

— На тебя устроили облаву, почему мне не сказал?

— Да... — пожал плечами Ковальский. — Не знаю...

Сам подумал: «Может, всё согласовали... Стулин утверждал, что Нечаев не возражал против застолья...».

— Я накрутил им хвоста, долго помнить будут, — подчёркнуто чётко произнёс первый.

Ковальский ждал, скажет ли он, кому «накрутил хвоста», или нет? Нечаев не назвал ни одного имени.

Александр не стал ничего уточнять. Спускаясь со второго этажа, размышлял: «Накрутить мог только своим, местным, исполнителям. А заказчики не у нас. Наши бы сами не решились. Это начало чего-то серьёзного. И Нечаев — слабая поддержка для меня. Но где она — настоящая опора? Надо искать!».

С доброй улыбкой вспоминалась теперь ему работа в Новокуйбышевске. Как ни тяжело порой случалось, но там были трудности производственного характера. Здесь, в Сосновске, всю бушевала мутная стремнина.

III

— Саша, я чувствую: у тебя что-то серьёзное... Давай одевайся. Развейся!

— Да уж теперь развеешься, — хмуро отозвался Ковальский.

— Что же всё-таки за звонок?

— Звонил Кретов. Требуется должность зама по экономике. Если не назначим, грозитя, что не буду директором. Чуть какая-то... на первый взгляд...

— Распрекрасно! Наконец-то, когда тебя снимут, заживём, как все люди. У меня будет муж! Ура! — Настя бросила стопку белья на постель и взмахнула руками.

— Настя, это серьёзно.

— И я серьёзно. Хватит с меня. Три года не был в отпуске. Кстати, я, твоя жена, не была уже два. Но какой нахал Кретов! Он же не генеральный твой! Не министр! Как снимать-то тебя?

— Не в этом соль. Мне дела надо делать, а он будет голову морочить.

— В чём он тебя может обвинить? Ведь ты не свершил ничего противозаконного, верно?

— Верно, но...

— Что — «но»?

— Кретов ничего просто так не делает. Он квалифицированный в своём деле специалист. Руководит планово-экономическим отделом почти с самого образования завода. Это тебе известно.

— Что же так долго сидит на одном месте?

— Непростой вопрос. Неуравновешенный, увлекающийся. Такие обычно не умеют ладить с начальством. Он чаще всего прав, но иногда в запале может наломать дров. Давно стал одиозной фигурой. Мне его жалко. Труженик. Готовит к изданию книгу по отходам производства. У нас в отрасли вообще нет систематизированного материала по этой проблеме. Он не технолог, а взял и проделал огромную работу. Как вызов! Нам теперь, после предоставления этой мнимой самостоятельности, положено по штату иметь заместителя директора по экономике. Но ни генеральный, ни министерские кандидатуру Крето-

ва не поддерживают. Наш бывший генеральный, замминистра Туркин, его только терпел, знаешь. Я разговаривал с первым секретарём горкома партии. Он — тоже против. Не устраивает, что Кретов не коммунист и разведён.

— Его последний шанс выдвинуться?

— Возможно. Но я никогда не полагал, что для него это так важно.

— Саша, у тебя опять всё шиворот-навыворот?

— Что? — не понял Ковальский.

— Свою любимую тельняшку надел не так. Пойдём на кухню договорим. Я сырники приготовила, остынут. Хватит!

— Как-то всё неприятно. Одно к одному. Ты иди. Я позвоню генеральному.

...Генерального дома не оказалось.

Александр набрал служебный номер и, услышав басовитое «да», поздоровался.

— Виктор Аркадьевич, необходимо сегодня поговорить по одному вопросу.

— Какому?

— Затрудняюсь в определении. Скорее всего, по кадровому. Касается нас обоих.

В трубке наступило вполне понятное для Александра молчание. Раз генеральный в рабочем кабинете, то знает, что на заводе у Ковальского всё нормально. Так в чём дело? Что за горящий вопрос в субботу, когда он (и Ковальский часто так поступал) специально приехал в управление, чтобы в кабинетной тиши ещё раз что-то обдумать, с кем-то переговорить...

— Приезжай, — громыхнуло на другом конце провода.

Ковальский попросил по «прямому» телефону диспетчера завода прислать дежурный «пазик» и стал одеваться.

Маршрут выверен. Если шофёр не замешкается, через двадцать минут автобус должен быть у подъезда.

* * *

Сидя в автобусе, Ковальский обдумывал схему предстоящего разговора: «Варичев начнёт шашкой махать, и забудешь все нюансы».

— «Броня крепка и танки наши быстры», — произнёс он вслух любимую фразу генерального.

С генеральным, как думали многие, он был в дружеских отношениях. Придя на три года позже Ковальского на завод, Варичев какое-то время, будучи начальником цеха, прямо подчинялся Ковальскому. Вместе рыбачили, иногда семьями шумно выезжали на природу.

...Виктора Аркадьевича в кабинете не оказалось. Ковальский заглянул в диспетчерскую. Генеральный просматривал документацию. Приподняв сивую чубатую голову, приветливо кивнул:

— Пару минут, и я у себя.

...Генеральный не спеша принёс из комнаты, расположенной в торце кабинета, две чашки — кофе для себя и чай Ковальскому, сел напротив:

— Давай, что у тебя.

Ковальский рассказал.

— Ну и..? С чего так всполошился?

«Не даст всё спокойно обсудить», — тоскливо подумал Александр. Торопливость генерального постоянно корбила Ковальского.

— Если так категорично заявляет, значит решил на серьёзное. Готов на всё. Таков характер.

— Что — всё? Ну, что — всё? Ты с завода что-нибудь унёс домой или положил в карман? Нет! Ты не положишь, я тебя знаю. Ты у нас интеллигент с академическими манерами. Не понимаю, кстати, хотя знаю тебя давно, как можешь сохранять постоянное спокойствие и невозмутимость при нашей сволочной работе.

— Какой я интеллигент? Это внешнее.

— Знаю-знаю. Слышал. Когда-то колодцы копал, печи клал, что там ещё... Всё это твой земляк из пэтэо рассказывал. А я вот чисто городской и ничего не могу такого делать. Автосручка и язык — мои инструменты. Что с меня взять? Говорят, к колодцу, вырытому тобой, до сих пор полсела ходит за водой. Неужели сам копал?

— С мамой, — сдержанно ответил Александр. «Сейчас уйдёт в дебри. Зачем ему это?»

— И сколько лет было?

— Двенадцать, — ответил Александр и постарался вернуть разговор в нужное русло: — Виктор Аркадьевич, кое-где тень

на плетень можно навести. Сам знаешь, документы на материальную помощь часто подписывал. На эти деньги встречали-проводжали министерское начальство. Вот в пятницу, допустим, сто тридцать букетов гвоздики для ветеранов купили на вроде бы выплаченную премию. Этот злосчастный нафтаган из солнечной Грузии привезли наконец для заводского профилактория. Тоже таким манером деньги оформляли. Там без наличных не отпускают.

— Ну и что? Ты в руках эти деньги держал?

— Нет, только подписывал бумаги. Всё остальное делают наши замы по быту. Ты же в курсе.

— Так чего же опасаться?

— Кретов всё это знает. Он своих подписей не ставил. Постоянно уклоняется. Грязи, думаю, надо опасаться. Выльет на голову, не отмоешься. Доказывай, что для завода делал. Не все поверят.

— Ерунда! — генеральный отодвинул чашку с кофе. — Кретову надо дать по зубам. Другого выхода нет. Он и меня, и моего зама по экономике однажды уже обещал посадить. Руки коротки, праведник нашёлся! Надо искать хорошего специалиста...

— Но пока подходящего на заводе нет. Кретов как раз из руководителей, создающих специально вокруг себя вакуум — ореол собственной незаменимости.

— Но ведь незаменим только тот, кто готовит себе замену, — так, по-моему, ты любишь говорить!? Что не ломаешь на свой лад? Не готовишь замену?

Ковальский допил чай. С ответом не спешил. Что отвечать? Он принял у Варичева завод и многое начал исподволь менять, чувствуя его яростный взгляд. В плановый отдел, где одни женщины предпенсионного возраста, ввёл, не принимая возражений Кретова, молодого специалиста. Но что это за мера? Надо года три-четыре этому парню поработать, чтобы как следует освоиться.

— Молчишь, — в голосе генерального прозвучали наставнические нотки. — Надо предвидеть ситуацию, бороться не со следствием, а с первопричиной. Так-то!

«Любит барином побыть мой начальник», — подумалось Ковальскому.

Не сомневаясь в своих инженерных способностях, к собственному административному опыту Ковальский относился весьма критически.

— При моей-то постоянной тяге к технологии, к конкретике — быть директором завода? Я просто измучаю себя, — заявил он Варичеву, когда тот предложил ему теперешнюю должность.

— Не будь эгоистом, думай не о себе, а о заводе, о людях, — парировал генеральный. — И потом, такие вещи по два раза не предлагают, запомни! — важно произнёс он дежурную фразу. — Как инженер ты на голову выше других. Остального наберёшься. Ставить некого. Понял?

— Понял, — ответил Александр. — Но, думаю, я — готовый главный инженер.

— Здрастье, а куда девать нынешнего? Всё. Кончай. Наговорились.

Голос генерального вернул Ковальского из прошлого:

— Давай, Саша, так. Судачить не о чем. Кретов — сукин кот. Ставить его нельзя.

— Нельзя ещё и потому, что выполнить его требование, значит, во-первых, признать за собой какие-то грехи. Во-вторых, это будет празднование труса, — невольно согласился Ковальский.

— О чём речь! Всё! Закончили. Тебе надо поставить в известность партком, завком. Посоветуйтесь по кандидатуре на должность зама по экономике и надо заполнять вакуум. Звони в понедельник в первой половине дня.

IV

В понедельник, приехав на завод, директор, как обычно, не спеша просмотрел в диспетчерской рабочие журналы. У него заведён порядок: утренняя планёрка с главными специалистами начинается с доклада дежурившего ночью диспетчера. После обсуждения он отпускает его. Включает селектор и слушает начальников цехов и производств. Возникающие проблемы, если возможно, решаются сразу либо подключаются заместители. Отработанная годами система дисциплинирует не только подчинённых, но и его самого. По-

этому он не позволяет ни на минуту задерживаться с началом планёрки.

Ковальский не любил торопливости. Считал, что, если человек поспешит, значит что-то сделает неправильно. Он постоянно смирял себя. В нём всё ещё боролись природная основательность и нетерпеливость.

На планёрку Кретов не явился.

«Сгоряча наговорил, опомнился и стало стыдно? Но что-то не припоминаю случая, чтобы он лично признался в сделанной ошибке. Такого не было», — мелькнула мысль.

Кретов и раньше иногда опаздывал. И каждый раз извинялся, приводил причины: то родственников провожал, то встречал, то анализы в больницу сдавал. В такие моменты директор, неловко себя чувствуя, махал рукой: «Да, ладно, брось мелочиться». Говоря так, всё же рассчитывал, что это последний случай: «Ведь никто так больше себя не ведёт. И должен он понять, что директору не пристало наказывать своих первых помощников».

...Планёрка заканчивалась. Выходные не привнесли в рабочий ритм завода серьёзных изменений. К тому же дни стояли малоснежные, тёплые. Железная дорога работала без заносов, энергоснабжение устойчивое.

Сложности доставляли партнёры. Особенно — потребители. Второй месяц завод не выполнял план по объёму реализованной продукции из-за их неплатёжеспособности. Отдел сбыта продолжал грузить готовую продукцию, не получая за неё денег. Напряжение нарастало.

Не лучше и со снабжением, которое часто ставило под угрозу выполнение плана поставок по договорам. Их срыв напрямую влиял на оплату труда.

Вот и теперь гонец, посланный на Рязанский нефтеперерабатывающий завод, наконец-то отыскал цистерну с растворителем для цеха полиэтилена в тупике железнодорожной станции, позабытой-позаброшенной. Обычно до завода из Рязани груз шёл не более пяти дней. Если её толкнуть со станции хотя бы в пятницу, то можно побороться за выполнение плановых заданий января. На бодрой ноте (хотя сам понимал, что всё висит на волоске) директор закончил планёрку.

Ковальский попросил остаться после планёрки секретаря парткома Стулина, председателя завкома Бурмистрова и заместителя по кадрам Водолазова.

— Где Кретов?

— С утра не видно, — отозвался Водолазов.

— Надо обсудить один вопрос, — с расстановкой начал директор. — Мы имеем вакантную должность заместителя по экономическим вопросам. Сейчас навалилась куча работы по переводу на новые тарифы и оклады. Много забот в отделе труда и заработной платы. Мы создали финансовый отдел, свою бухгалтерию. Этим всем хозяйством надо руководить. Мне не то чтобы тяжело самому. Но там нужен свой дирижёр. Думаю, надо смотреть прежде всего... среди своих.

Намеренно выделив короткой паузой и интонацией «среди своих», Ковальский тем самым хотел ещё раз проверить позиции собеседников.

— Если речь о своих, то Кретов никак не тянет, — начал Стулин. — Мы с вами уже говорили. Экономист неплохой, но на руководителя, который должен вести четыре отдела на таком заводе, как наш, не подходит. Невыдержан, агрессивен. Пил крепко, разведён, беспартийный. Куда ещё?

— Спасибо, — кивнул Стулину Ковальский. — Мне важно мнение каждого.

Сказав это, вопросительно посмотрел на Евгения Евгеньевича Водолазова.

— У меня ни единого довода за Кретова, — ответил тот.

— А как профсоюз?

— Я категорически против. С ним невыносимо уже сейчас. Удельный князёк в своём плановом отделе. Сделай его вашим заместителем, с ним невозможно будет даже разговаривать, — горячо, в своей обычной манере, высказался Бурмистров. — Причём становится демагогом и на экономических занятиях, которые мы ему бесконтрольно доверили вести. Кстати, полный хозрасчёт трактует вульгарно!

— То есть?

— Метод, инструмент превратил в цель!

— Поясните, пожалуйста, — попросил директор.

Председатель профкома попытался:

— Какова у нас сейчас с вами общая задача? — Спросил и сам же ответил: — Демократизация методов управления экономикой. Но как? Путём расширения демократии, культуры ведения дискуссии. А он на занятиях обрывает выступающих, щёлкает доводами о пользе хозрасчёта, как кнутом над головой слушателей. Возвёл хозрасчёт в фетиш. Рубли, рубли, рубли...

— Но ведь он экономист! — произнёс Ковальский.

— Надо знать, где ставить акценты! Представляете, что заявил на собрании в десятом цехе? Он сказал буквально следующее: «Всем на заводе надо перестраиваться, начиная с директора».

— Верно говорит, — рассмеялся Ковальский.

— Да, но затем заявил, что ему лично не надо перестраиваться, ибо он всегда жил и работал, как надо!

— Так и заявил?! — удивился секретарь парткома. — Если он из ряда вон, значит остаётся одно: он — гений?! То есть ненормальный.

— Вот-вот, я тоже ему сказал, что, если уже на сто процентов перестроился, то его надо в Кунсткамере за деньги показывать. И оставить потомкам.

— Давайте приглашу Кретова, — предложил Ковальский, — поговорим о хозрасчёте, потом видно будет.

Возражений не было.

«Если Кретов заявит, что никакого звонка не было, окажусь в глупом положении», — подумал он и уже в следующий момент через секретаря пригласил начальника планового отдела.

— Хотя и важный разговор, но мне к десяти часам — в горисполком, я отчаю? — Заместитель по кадрам и общим вопросам Евгений Евгеньевич приподнялся с кресла.

— Подождите, это и ваш вопрос. Там объяснитесь. Если надо, на меня сошлитесь, — попридержал Ковальский лукавого помощника.

Вошёл Кретов, невнятно пробормотав «здрасьте». Это была его обычная манера. Обычна и отёчность его, с тонкими когда-то чертами, лица. Тёмно-синий, хорошо отглаженный костюм и безукоризненно завязанный галстук будто с другого человека.

— Садитесь, — пригласил Ковальский.

Кретов расположился у середины стола.

— Вы можете сейчас — при всех — повторить то, что сказали мне в субботу по телефону, — как можно спокойнее проговорил Ковальский.

Присутствующие переглянулись.

Ответ последовал незамедлительно.

— Я заявил, что, если не назначите меня своим заместителем, то не будете работать директором завода. Я добьюсь, что вас переизберёт коллектив.

— А дальше что?

— То же будет и с генеральным, дойдут руки и до него.

— Вы понимаете, что это — оголтелый шантаж? — первым не выдержал Бурмистров. И смешно, по-детски, стал быстро водить ладонью по столу, словно вытирая что-то пролитое.

— Можете называть это шантажом! Но я устал всем объяснять, в том числе, и нашим гостям, которые приезжали на праздник завода, почему я до сих пор не заместитель директора.

— Но это не повод для таких поступков, — развёл руками Стулин.

— И повод, и довод, — запальчиво, срываясь на крик, ответил Кретов.

«Боже мой, он, по-моему, не переориентировался, что ли? Ведь ему нельзя так говорить при свидетелях. Видна вся абсурдность постановки вопроса. На что рассчитывает?» — искренне недоумевал директор.

— За все годы я не получил ни одной правительственной награды. Додумались надо мной посмеяться: на собрании в честь заводского юбилея дали грамоту горкома партии.

— Но ведь у нас не было награждений медалями и орденами, — вновь развёл руками секретарь парткома.

— Однако были знаки «Отличник нефтехимпрома»...

Стулин мотнул головой и посмотрел на говорившего как на ребёнка. А тот продолжал:

— Давайте сразу уточним, больших претензий я к парткому не имею. Но, разумеется, после того, как обращусь в ЦК КПСС и добьюсь работы комиссии и переизбрания директора, перестройка дала такое право, парткому сладко не будет. Тут уж не от меня зависит... Я обвиняю директора в карьеризме.

Ковальский досадливо поморщился.

— Я обвиняю, — продолжал Кретов, — директора в том, что он всё подчиняет своим целям. Принял на должность заместителя начальника производства Коростелина только потому, что у того брат — доктор наук, профессор, а наш директор намеревается писать докторскую. По этой же причине давал несколько раз заводской транспорт институту. Есть у меня большие претензии и к технической политике директора. Он всё делает по-своему. Главный инженер, не успевая, остаётся в стороне. У него разногласия с ним. Он не находит общего языка с рабочими. Пример тому: конфликт с Чехловым.

«Чушь какая-то, бред сивой кобылы, — подумалось Ковальскому. — Разногласия были и будут». Спокойно произнёс:

— Вы сегодня отсутствовали на утренней планёрке.

— Да, не был. Но приехал вовремя.

— Как так? — не выдержал Водолазов.

— У нас рабочий день в заводууправлении начинается с 8.30. Я приехал в 8.30, а вы собираете на планёрку в 8.10, поэтому не имеете права предъявлять претензии. Я специально сегодня так приехал, чтобы проверить вашу реакцию.

— Моя реакция такова, — директор говорил бесстрастно, — у вас как у начальника планового отдела ненормированный рабочий день. Вы обязаны подчиняться тому графику проведения совещаний и планёрок, который утверждён мною и согласован с профсоюзом. Этот график, кстати, висит в моей приёмной, есть у всех. Должен быть и у вас. За ненормированный рабочий день получаете дополнительный отпуск. Не так ли?

— А, мелочи! — обескураживающе уверенно и небрежно бросил Кретов.

— Что же не мелочи? — поинтересовался председатель профкома.

— То, что вы тех, кого награждать медалями и орденами, определяете за бутылкой. И вот то, что я заявил сегодня, — тоже не мелочь! Я напишу в центральную печать, если надо! В ЦК партии обращаюсь. Как беспартийный коммунист.

— Если мы вас не назначим заместителем, — успел вставить Ковальский, сдержанно улыбнувшись.

— Точно так! — последовал ответ.

— Ну, что ж, пока закончим, — директор встал из-за общего стола.

V

Ковальский допоздна засиделся на работе, разбирая деловые бумаги.

Вошёл главный инженер Верёвкин.

— Смотрю: свет в приёмной...

Он остановился посередине кабинета, длинный и худой, словно наглядное подтверждение своей фамилии.

— Ну и денёк сегодня...

— А что? Всё, вроде, нормально, — произнёс Ковальский.

— Ну, это... нервозность какая-то у всех. Водолазов на Кретьова бочку катит. В коридоре днём кричали друг на друга. По кабинетам народ шушукается.

— Ничего не знаю, — пристально глядя на главного инженера, отозвался директор. — Некогда слухи разбирать, смотрите, бумаг куча...

Верёвкин стушевался.

— Тогда я — домой. Так-то всё нормально...

Ковальский в ответ едва пожал плечами.

Главный инженер вышел. Перед глазами Ковальского запрыгали картинки событий трёхмесячной давности. Что-то похожее. Такие же витали в воздухе вирусы полунамёков и недомолвок.

Тогда, устав от беспомощности и нерасторопности главного инженера, Ковальский наконец-то в ноябре, после праздников, определился: «Надо дать крепкий толчок главному. Сколько можно? Пусть выбирает: либо активность, либо понижение».

Решил предложить Верёвкину должность главного технолога. Долгова переместить на год (а там видно будет) в одно из производств в качестве заместителя начальника. Окончательное решение полагал принять после предстоящего разговора с ним. Возможное перемещение главного он согласовал с Варичевым, который не возражал против замены его на Коростелина — начальника самого крупного химического производства.

Но Верёвкин воспротивился. Не желая вести конкретный разговор, заявил, что работой своей доволен и никуда добровольно не уйдёт.

— Одного того, что я участвовал в восстановлении взорвавшегося дивинильного цеха, когда был замом главного, достаточно, чтобы оценить мою работу, как должно, — горделиво заявил он.

— Но ведь причина взрыва и на вашей совести, — опрометчиво отреагировал Ковальский. — Не соблюдали технологию ремонта аппаратов. Они не выдержали нагрузок... Я тогда не работал на заводе, но об этом знаю. Не случайно, будучи главным инженером, Туркин приказал начальнику цеха уничтожить неудовлетворительные анализы металла этих аппаратов. Так мне сам начальник цеха говорил.

— Комиссия сделала однозначный вывод: причина всему — некачественное изготовление аппарата, который поступил на завод и установлен был ещё при строительстве цеха! — нервно шагнув в сторону, почти выкрикнул Верёвкин. И стал поправлять рядком стоявшие стулья вдоль стола. — Начальник цеха обнаружил дефекты, допущенные заводом-изготовителем по документации, когда аппарат после нашего ремонта уже работал. Мы не успели выключить оборудование. Наши дефекты наложились на те, которые уже были ранее. Старые явились определяющими. Только о них шла речь в акте расследования.

«Вполне возможно, он говорит правду», — подумал Ковальский.

Но тут же произнёс:

— Такое заключение устраивало многих. Сняли директора и начальника отдела технического надзора. Легко отделались! Туркин только выиграл, стал директором завода.

— Комиссию возглавлял Гордон. Величина: доктор наук, профессор! — Верёвкин продолжал выравнивать стулья вдоль стола.

Ковальский улыбнулся:

— А потом Гордону шикарно и бесплатно отремонтировали квартиру, построили дачный домик... К чему бы это?..

Ковальский не договорил. Он вдруг понял, что раскрылся и явно подставился. Да ещё так опрометчиво! Эта его осведомлённость крепко насторожит Туркина. Тогда погибли два человека, завод простоял около полугода.

Улыбка Ковальского и его слова подействовали сильно. Багровое лицо главного инженера исказила гримаса. Он, кажется, утратил контроль над собой:

— Я буду защищаться. Я этими делами лично не занимался, не я своротил цех!

На следующий день Ковальский сказал Варичеву о реакции главного, умолчав о разговоре про взрыв.

Генеральный был категоричен:

— У меня руки не доходили до этого барчука, когда с ним работал. Готовь служебную записку. Есть два приказа, в которых он получил выговоры. Приказ о снятии я подпишу. Мне лично и моим службам твой доблестный главный инженер тоже давно надоел.

«Скорее всего, генеральный не знает об истинных причинах взрыва. Не знает и того, что теперешний главный и Туркин тогда оказались невольно в одной связке, в сговоре. Пока Верёвкин молчит, Туркин спокоен. Но выскочил я... Паникуя, Верёвкин непременно доложит, что знаю истинные причины аварии. Мне будет непросто. Но заводу нужен настоящий главный инженер. Стоять надо крепко. От этого будет только лучше. Если не дадут переместить, может, он, хотя бы встряхнётся и заработает активнее.

* * *

...Через неделю на завод приехал Туркин и главный инженер главка Солодовников.

Развалившись в кресле Ковальского, заместитель министра скомандовал пригласить Верёвкина.

Мельком взглянув в лицо Солодовникова, Ковальский уловил его доброжелательный внимательный взгляд и невольно подумал: «Не понимает, в какой игре вынужден участвовать. Мужик умный, но околпаченный».

— Чего не можете поделить меж собой? — сурово произнёс Туркин, когда Верёвкин сел напротив Солодовникова.

— У меня нет вопросов, — зашепшил Верёвкин. — Я что...

— У меня есть.

Спокойный голос Ковальского заставил Туркина картинно поднять брови:

— Какие?

— Главный не успевает за заводскими событиями. Это очевидно для всех. Технические вопросы решаются либо вяло, либо требуют моего вмешательства. Теперь особенно важно, чтобы каждый руководитель «нёс свой чемоданчик».

Туркин словно не расслышал.

— Помиритесь. Вы же мужики! — сказал так и обронил в сторону Солодовникова: — Разные характеры. Надо бы уметь ладить.

— Я с Верёвкиным не ссорился. Мне нужен главный инженер. Настаиваю, что главному надо либо набирать обороты и работать всюю, либо... Варичев поддерживает меня.

— Мы всё учтём, — пообещал Туркин. — Кстати, мы говорили с Варичевым о вас обоих. Он откорректировал своё мнение. Умеет идти на компромиссы!

«Теперь понятно, почему не приехал вместе с ними, — отметил Ковальский. — Варичева они сломали, очередь за мной. Я для Туркина теперь — мина замедленного действия. Думает, что когда-нибудь воспользуюсь тем, что знаю. А мне зачем это?»

— Вам надо уметь договариваться, — Туркин тряхнул бульдозей, с жёсткими мелкими кудряшками, за которые многие на заводе его называли «Каракуль», головой, — через три месяца мы в министерстве решим по обоим. Нельзя, чтобы директор и главный работали несогласованно.

* * *

«Прошло три месяца, и обещание принять меры вылилось к Новому году в попытку сдать меня в медвытрезвитель, — размышлял директор. — Что же дальше? Этот наглый наскок Кретьова — продолжение интервенции? Непохоже...»

И вновь всплыл в памяти разговор, состоявшийся во время приезда московских гостей.

Туркину потребовалось в туалет. Он вышел с Верёвкиным.

— Пошли шущукаться, что ли? — заметил Ковальский вполголоса.

Солодовников неопределённо улыбнулся. Странно прозвучали его слова, пока были одни:

— Дружеский тебе совет, Александр. Веди себя осмотрительней. Сверхосторожно. Верёвкин не стоит того, чтобы из-за него тебе сломали голову. Не связывайся с Туркиным.

Гость больше ничего не сказал.

Солодовникова Ковальский уважал. Знакомы давно, вместе получали когда-то премию Совмина СССР за общую разработку. Но знал ли в полной мере Солодовников, о чём предупреждал?..

VI

Утром, как было условлено, Ковальский поехал к Варичеву. Выслушав, генеральный заключил:

— Если Кретов грозитя писать в ЦК КПСС, надо сказать об этом Нечаеву. Нам потом будет легче. В 13.30 подъезжай к первому в приёмную, у меня намечена встреча с ним. Да... и за-бери с собой заводского генсека Стулина.

Не очень-то хотелось Ковальскому ехать к первому секретарю горкома. Только-только их отношения, кажется, наладились, а тут снова заморочки. «Бульдозер», как за глаза звали Нечаева, любил всё решать с ходу, на эмоциях. И часто летели такие щепки...

Год назад Ковальский дал своему заму по производству трёхкомнатную квартиру. Без очереди. Было у него такое право, записанное в коллективном договоре.

Давая квартиру, Ковальский радовался не менее самого заместителя. У того трое детей, жил в двухкомнатной «хрущёвке» на самом дальнем краю города. Последнее обстоятельство имело серьёзное значение. В аварийных случаях главе оперативной производственной службы вовремя оказаться на заводе просто необходимо.

Через неделю после того, как счастливый Золотарёв переселился, Ковальского пригласил Нечаев.

— Зачем дал Золотарёву квартиру? — в карьер насел Нечаев.

Удивившись, Ковальский пояснил: не первый год завод строит жильё и он не первую квартиру даёт. Это установившаяся практика.

— Грамотно больно говоришь! Посмотрю, как будешь объясняться, когда прижмут к стенке...

— Ничего не понимаю, — признался Ковальский. — Кому меня надо прижимать? И за что?

— Понимаешь! И не надо юлить!

Была одна натяжка в выделении именно этой квартиры. Директор обязан был дать жильё в доме, построенном в текущем году. Но в этот раз там одни малосемейки. Правда, немало — пятьдесят. Он же выделил полнометражную квартиру, не стал ждать следующего года. Но зато не тронул малосемейки, по до-

говору с профсоюзом выделяемые в директорский фонд, перевёл их на распределение профкому.

«Если это имеет в виду, так бы и сказал», — недоумевал директор.

— Иди и выселяй своего зама! Срок тебе — три дня.

Ковальского взяла оторопь.

— Я так не могу.

— Сможешь. Либо положишь партийный билет, а значит, не будешь директором!

Ковальский в нерешительности топтался у стола, пытаясь выйти на разумный разговор.

— Иди, я сказал! — серое лицо Нечаева сделалось сверхвнушительным.

— Но ведь есть же...

— Иди выселяй! Через три дня доложишь.

Ни выселять, ни докладывать Нечаеву Ковальский не стал. Через неделю тот задержал его после очередного совещания.

— Выселил?

— Нет.

— Даю ещё три дня.

На землистого цвета щеках секретаря пробились розоватенькие пятна.

«Бесится. Ему что-то угрожает. Но что? Как я тут с этой квартирой оказался помехой?»

На обратном пути, уже около заводууправления, его осенило: «Он же боится, наверное, повторения недавнего инцидента с заселением элитного дома на Солнечной в областном центре».

История с домом на Солнечной улице действительно наделала переполох. Квартиры в нём на двух уровнях, с особой планировкой и отделкой. Областная номенклатура не устояла: заняла большую часть дома. Посыпались жалобы во все инстанции, в самые высокие. В том числе, и в Москву. Возник шумный скандал, который для местных журналистов оказался редкой находкой. Утих лишь после того, как посрамлённые партийные чиновники-новосёлы покинули квартиры. Перестройка вовсю демонстрировала гласность и демократию.

«Золотарёв — племянник заместителя председателя горисполкома, поэтому Нечаев опасается, как бы не обвинили городские власти и его лично, что я дал квартиру под их нажи-

мом. Как бы и у нас не возгорелась шумиха, подобная областной. Отвечать-то в первую очередь ему, а не мне... Если так, то дело упрощается, — рассуждал Ковальский. — Я беру на себя ответственность за всё! Но как деликатно сказать об этом Нечаеву? Так, чтобы не смог невзлюбить меня за то, что я понял: он боится. Как сказать, чтобы и не проиграть, и не нажить высокопоставленного недруга?»

Через три дня Нечаев вызвал Ковальского к себе в горком. Едва Ковальский вошёл, секретарь поманил его в «тёмную» комнату, дверь которой виднелась за массивным креслом. Когда оказались там, Нечаев мотнул рукой:

— Посмотри в зеркало! Думаешь, ты всех умнее? Молод ещё! Ковальский молчал.

— Что молчишь? — напирал «Бульдозер». — Посмотришь!

— Я не стану выселять.

— Дурья твоя голова, не за себя боюсь. Наш горком на всю область ославят!.. Ты понимаешь?..

«Выходит, я угадал», — подумал Ковальский. Спокойно ответил:

— Не ославят.

— Почему?

— Квартиру дал лично я, по собственной инициативе. Никто не давил. Я готов так заявить везде и любому.

— Накатят общественное мнение! Это ведь не раньше, на — дворе перестройка!

— Я лично отвечу.

Нечаев пристально, в упор, глядел на Ковальского.

— Так в себе уверен?

— Да.

— А-а, — досадливо махнул первый. — Иди, раз такой упрямый.

Ковальский уже взялся за ручку двери, когда услышал:

— Стой!

Он обернулся.

— Ты вправду сам дал квартиру, наши не заседали?

— Нет. Даже разговоров не было.

— А я их гонял здесь на ковре. Выходит, зря?

— Выходит.

— А-а, чёрт!

* * *

Когда в кабинете Нечаева Варичев коротко доложил о заявлении Кретова, тот пристально посмотрел на Ковальского.

— За тобой что-нибудь есть, что может повлечь какое-либо разбирательство? — И не успел Ковальский ответить, решил: — Конечно — нет. Ты парень пока не порченный. Это мы, старики, погрязли... Держись! Не назначайте его! — он мельком взглянул на Варичева. — Это первая перестроечная волна на руководителей, развязанная сверху на всю страну. У нас в городе Ковальский оказался крайним. Мог быть кто-то другой. Не поддавайтесь, я поддержу. — Он неожиданно закашлялся. Отдышавшись, поторопил: — Назначайте быстрее кого-нибудь. Нет подходящего специалиста?

— Есть! — быстро ответил Варичев, так энергично кивнув головой, что его огромный светлый чуб заколыхался.

Ковальский удивлённо посмотрел на него: у них не было разговора о кандидатуре.

— Любого, кого назначите, возражать не буду. Считайте, что со мной согласовали... Не таким рога обламывали, — бодро заключил секретарь.

После разговора у Нечаева поехали в объединение.

* * *

...— Знаете, когда вас зауважал Нечаев? — обратился к Ковальскому Стулин, усаживаясь в директорскую «Волгу».

— Нет, — ответил тот, — не интересовался.

— Как ни странно, после вашего «управленческого решения» по машинам для уборки картофеля.

— Кто сказал?

— Сам Нечаев.

— А откуда он узнал?

— Ну, я ему как-то, по случаю, рассказал. Он вначале не поверил, а потом смеялся и приклеил этот термин: «управленческое решение».

...Ковальский хорошо помнил ту неразбериху.

Всем предприятиям города, в том числе, и Сосновскому химическому заводу, дали разнарядку на отправку машин в колхозы для уборки картофеля. Шла очередная безалаберная

битва за второй хлеб. Количество выделяемых машин строго контролировалось снизу, от бригадира в селе до партийных чиновников в обкоме партии. За каждую недоданную машину можно было лишиться головы.

А на заводе шёл всю капитальный ремонт. Службы задохнулись от нехватки техники. В городском хозяйстве все машины тоже «эвакуированы» в село. Арендовать технику нигде. На заводе всего двенадцать грузовиков. И все они за-
требованы.

В самый разгар этой «бдительной кампании», не столько по уборке урожая, сколько по контролю за наличием техники на поле, приехал из села Водолазов. Он отвечал на заводе за поставку машин. Доложил, что из-за суматохи добрая их половина простаивает. Изредка использует в личных целях либо по мелким делам колхозное начальство.

— А почему эту дурь никто не остановит? Все требуют запланированное количество машин, — возмутился Ковальский.

— Да кто же осмелится доказывать, что они — лишние? А вдруг чего? Какой прорыв где? Да и выгодно под рукой иметь всегда... Разнарядка из обкома партии. Двое наших вчера дрова возили частникам. За водочку.

— Кто даёт первоначальную информацию по цепочке вверх о наличии машин? — спросил Ковальский.

— Ну, есть там Петрович один, бригадир местный, с красным носом.

— Можешь договориться, чтобы он нам продолжал отмечать наличие двенадцати машин, а пять мы вернём на завод?

— Но ведь...

— Можешь! Должен! Езжай и без машин не возвращайся!

— Я — партийный, могу оказаться без... — пытался поразмыслить Водолазов.

— Ответим, если что, вместе. Но ты договорись надёжно!.. Так лучше.

Водолазов договорился!

...Сидя теперь в «Волге» за спиной Ковальского, Стулин похахатывал:

— И вы это делали помимо меня, секретаря парткома завода!

— Не хитрите. Не могли не знать. Я не говорил, чтобы, в случае чего, не тронули...

— Да, знал, — размягчённо сказал секретарь. — Вы действовали решительно, я не мешал.

— Завод спасали. Без тех грузовиков пуск в срок не обеспечили бы, — проговорил Ковальский. — Не здесь, так в главке мог бы схлопотать. Такова директорская доля.

Он замолчал. «Зачем это говорю? Ему-то лишь бы прокукарекать, а там: взойдёт солнце или нет?..»

* * *

В кабинете генерального они долго не сидели. Тут же явились замы по кадрам Башлыков и Водолазов, которых Варичев пригласил по телефону ещё из приёмной Нечаева. Сходу одобрили предложение генерального назначить на должность заместителя по экономике Чекмарёва.

— Честолюбив, давно работает на заводе, аналитический склад ума. А что не экономист, а инженер-химик, начальник производства — так, может, и лучше. Не закомплексован, — солидно мыслил вслух генеральный.

— Убьём двух зайцев. Они дружны с Кретовым. Это клин в лагере противника — пусть погрызутся. Некогда будет гадить, — вторил Водолазов.

— Ты чего такой поникший? — обратился генеральный к Ковальскому.

— Торопливо всё очень... Топим Кретова окончательно...

— Мы его не трогаем, пусть работает, как работал, — парировал Варичев.

По своему обычаю, он упёрся большими кулаками в стол, окинул всех наигранно разудалым взглядом и воскликнул:

— Вопросы есть? — И сам же ответил: — Вопросов нет! Вот и ладненько!

Когда вышли, зам генерального по кадрам Башлыков спросил:

— Александр, знаешь, что тебе через три дня надо быть в Ленинградском технологическом институте на месячных курсах повышения квалификации?

— Откуда знать, если мне никто не говорил?

— Я сегодня согласовывал приказ, пошедший к генеральному на подпись.

Ковальский вернулся к Варичеву.

— Виктор Аркадьевич, мне нельзя оставлять завод в таком положении. Он, как развороченный муравейник.

— Ехать нельзя, но надо! Твоя фамилия в министерском плане забита. Если не поедешь, надо будет давать объяснения. А что, брат, объяснять? — генеральный демонстративно потрепал волнистый сивый чуб и надул щёки.

— Придумать можно. Например, по семейным обстоятельствам...

Светло-рыжие усы генерального чудно поехали в левую сторону лица.

— Начальник, ты же у нас внесён в список резерва на выдвижение. Ты в нём первый на должность генерального вместо меня. Бумага утверждена в обкоме. Лежит в кадрах министерства. Как не ехать? И потом: твой завод выполнил годовой план по всем показателям.

— Ты что, собираешься уходить? — спросил Ковальский.

— Не гони лошадей!..

— Вот именно, — произнёс Ковальский.

Усы генерального дёрнулись вновь. Он открыл солидную чёрную папку, достал лист бумаги.

— Я уже приказ подписал. Не усложняй, как это ты обычно делаешь. Всё утрясётся. Дадим, кому надо, по морде — успокоятся.

Ковальский с тяжёлым сердцем вышел из кабинета.

«Ещё одно объяснение того, почему устроили засаду в профилактории: стою в списке резерва на должность генерального. Этот список в обкоме партии. Просто так от меня не отделаться. Нужна кардинальная мера, вот и придумали захват за распитием спиртного», — запоздало пришла мысль.

* * *

...На следующее утро в середине заводской селекторной планёрки в кабинете Ковальского появился Варичев. Попросил прерваться и зачитал приказ о назначении Чекмарёва.

«Быстро они! И Чекмарёв хорош: не пришёл поговорить. И служебную о его назначении я не писал», — недоумевал Ковальский.

В кабинете стояла тишина. Лица присутствующих напряжены.

«Затевать препирательства с генеральным при всех сейчас бесполезно. Дурацкое положение...» — молча негодовал Ковальский.

А Варичев с напускной легкостью продолжал:

— Ваш директор завтра едет на месяц учиться в Ленинград, исполнять его обязанности будет Верёвкин Юрий Дмитриевич.

«Все сделано, будто нарочно: Верёвкин в силу своего характера не будет ни во что вмешиваться, Кретов в моё отсутствие так намотит воду на заводе! Когда приеду, всё будет захлавлено донельзя».

— Пусть едет! — зазвучал в тишине прерывистый голос Кретова. — Приедет — будет уже не директором. Месяц — срок большой...

— Вот, опять двадцать пять, лыко-мочало! Это мы уже слышали, — почти натурально рассмеялся Варичев. — Цели поставлены, задачи определены — за работу, товарищи! — Он энергично поднял своё грузное тело и, не попрощавшись, вышел из кабинета.

Продолжать планёрку Ковальский не стал. На душе, что называется, «кошки скребли».

VII

На курсах повышения квалификации в Ленинградском технологическом институте интересного немало. И особенно в том, что гладко говорил на лекциях психолог Николай Николаевич Накатиллов:

— ...Невозможно до бесконечности плодить бестолковые решения, вредные бесперспективностью действия, подчас продиктованные чьим-то стремлением к очередному выдвигению либо недобросовестностью. Сегодняшняя бюрократия изворачивается. Берёт на вооружение более тонкие приёмы, чем раньше, до перестройки. Управлять сегодня окриком, разгоном уже непопулярно.

— А мы, директора? Мы между двух огней — министерства, партийных органов и совета трудового коллектива. Куда нам деваться? — простодушно, не выдержав академизма лектора, воскликнул с места гривастый грузный директор шинного за-

вода из Сибири. — Где выход? Мы за перестройку, но нас так кособочит..

Менторским, совершенно спокойным уверенным тоном, будто всё, о чём говорится, очень даже привычное дело, Накатилов вещал:

— Выход, несомненно, в упорном воспитании нового мышления. И в воспитании делом, а не только словом! Человек должен сам убедиться, что система, калечившая, как вы говорите, кособочившая людей столько лет, уничтожается всерьёз: не верхний её слой, а корни! Виной ведь, любой неглупый человек понимает, чаще всего были не плохой характер или злой умысел, допустим, директора завода, а сама система. Слабых ломала, сильных, заражённых большим честолюбием, соблазняла возможностями, если не брезговать приёмами, взмыть вверх. Отсюда и приписки, и всякие интриги. И это всё в грандиозных размерах!

— Сколько судеб поломается! — громко выдохнул на всю аудиторию гривастый здоровяк.

— Но замах-то сделан абсолютно правильный! Надо, чтобы народ назвал сам своих лидеров: в институте, на заводе, в совхозе... — вещал психолог.

— Руководителей нельзя выбирать — это глупость. Изберут, кто удобен, а не работоспособного, — не согласился худощавый смуглый сосед сибиряка. — Я это знаю уже.

— Батенька вы мой, — ласково и, как к большому ребёнку, обратился лектор. — Нельзя руководителю думать, что он всё знает. Надо исходить из того, что он ничего не знает — это продуктивнее.

При этих словах худощавый и смуглый ошалело закрутил головой, явно ища в аудитории несогласных с таким постулатом.

А Накатилов продолжал:

— Приобретение опыта и воспитание чувств идут сейчас через уроки будней. Раньше как думали: разреши — и все ломанутся в демократизацию общества. Ан нет! Тот, кто слаб, посторонился. Кого-то понёс поток, и он не верит в свой успех, а кого-то завертело и он, сам не поняв, каким образом, встал поперёк пути... Всякое возможно!

Худощавому и смуглому такие формулировки не под силу.

— У меня во главе Совета трудового коллектива стоит окончивший всего два курса юридического института слесарь. У нас с ним абсолютно нет и не может быть общего языка. Ему дай волю — начнёт на заводе гражданскую войну. Что мне делать? Они теперь почти каждый подписанный мною приказ обсуждают, а я объясняю, что не верблюд. Развалим мы таким образом нашу промышленность. Каждому охота порулить. Большие пацаны...

— В каждом случае надо искать индивидуальные методы общения и понимания. Таково время, в которое живём. Ортодоксам сейчас тяжело.

И прежде, чем Накатилову успели возразить, он объявил, что лекция окончена.

Ковальский всё-таки в перерыве пробрался к лектору и коротко рассказал о трениях на заводе с начальником планового отдела. Фамилию не называл.

— Ему надо дать отпор. Видите ли, сейчас так много полезет на руководящие должности честолюбцев. Хорошо ещё, если он профессионал, а если нет? Как с ним работать?

— Тут исключительный случай, — мялся Ковальский. — Он сверхпрофессионал.

— Тогда почему не продвинули раньше?

— Пил.

— Вот видите, батенька, пил. Надёжный ли работник, если пьёт? Темперамент? Бросьте мне! У выпивох мозги не те. Гнать и гнать таких надо! Это — единственный путь. Какое тут повышение?

Ковальский не стал вступать в спор с лектором. И соглашаться с его категоричностью не торопился.

Этот Кретов — особый орешек. Став директором, Ковальский с первых дней запретил курить во всех кабинетах заводоуправления. Потихоньку все смирились, а вскоре и привыкли. А Кретов потихоньку покуривал. Ковальский делал вид, что не знает. В кабинет к нему старался не заходить. Но одно директор не мог не замечать и не реагировать: частенько, когда они были рядом, улавливал запах коньяка.

Наконец потребовал исключить эти «мизерные унции», как их назвал Кретов.

— Закон для всех един, — тривиально пояснил директор.

С тусклым лицом Кретов подчинился. На эту тему они больше не говорили.

Но стал замечать Ковальский, что рвения в работе у главного плановика поубавилось. Нет, он продолжал выполнять свои обязанности, но... блеск в глазах его пропал, угасла инициатива.

Прошло два месяца. Кретов ни разу не нарушил запрета, но Ковальскому пришлось отпустить вожжи: ему самому надоела вялая работа планового отдела. Выходило, что без этих «мизерных унций» организм Кретова порой походил на механизм без смазки.

«Посадить бы Накатилова на годик в кресло директора и уж потом слушать его лекции. Наверняка стали бы интересней, мужик-то неглупый. Приглашу-ка я его к себе на завод, пускай посмотрит на обстановку, будет, что обсудить...» — решил Ковальский.

* * *

...Дней через пять, позвонив в очередной раз жене, Александр узнал заводскую новость: Совет трудового коллектива постановил, что приказ о назначении Чекмарёва недействителен, ибо с ним, Советом, не согласован.

Заместитель начальника планового отдела Танеева организовала сначала обсуждение приказа, а затем поход делегатов в горком партии. У второго секретаря лежит петиция со ста подписями. Народ против Чекмарёва: не экономист, не любит людей. Назначить Кретова никто не требует.

— А как реагирует первый секретарь и почему они не пошли к Нечаеву? — допытывался Ковальский.

— Нечаев уехал на занятия в партийную школу в Саратов, а второй секретарь заявляет, что никто кандидатуру Чекмарёва с горкомом не согласовывал. Это вы сами, говорит, наколбасили.

— Лихо! — отреагировал Ковальский.

— Сашенька, — зазвучало издалека на конце провода, — ты только не волнуйся сильно, это ещё не всё. Из крупнокалиберной артиллерии бабахают.

— Говори, Настя, что там ещё?

— Вчера в «Социндустррии» — большая статья. Не видел? О нашем заводе. Там такое наворочали... Весь завод о ней говорит.

Чекмарёв написал заявление об отставке, а сегодня его «скорая» увезла. Лежит в больнице. Ему, оказывается, Варичев ещё до Нового года предлагал эту должность, тебе не говорил... Он теперь упразднил её и отменил приказ о назначении Чекмарёва.

...В читальном зале институтской библиотеки Ковальский нашёл газету.

«Руководители пренебрегли мнением людей и потерпели поражение», — строчки прыгали перед глазами. В статье подробно говорилось о событиях, связанных с Кретовым, о назначении Чекмарёва, упоминалось письмо заводчан в горком, рассматривалась позиция Совета трудового коллектива.

«Самое настоящее поражение потерпела администрация, действовавшая при подборе руководителя старыми авторитарными методами, упорно не желающая считаться с мнением людей. Все поставлено с ног на голову: сначала приказом назначили человека на руководящую должность, а потом попытались провести его кандидатуру через Совет — писала газета. — Непросто делиться властью тем, кто привык к командному стилю. В этом заключается суть конфликта: в столкновении прежних методов выдвижения кадров, когда кандидатов подбирает узкий круг «особо доверенных» лиц и всё это держится в глубокой тайне от коллектива, и новых, набирающих силу демократических форм, предусмотренных Законом о предприятии.

— Мы действовали в лучших старых традициях, — признался генеральный директор Варичев. — Хотя я уверен — вышел бы из Чекмарёва хороший главный экономист. Молод, инициативен, быстро схватывает новое, коммунист, в отличие от Кретова...»

Далее автор статьи подчёркивал:

«На заводе мне говорили: «Если бы Кретов не сделал такого нахального заявления директору, быть ему главным экономистом». В самом деле, звонок Кретова покажется странным, если не знать, что в известной мере он был «спровоцирован» закулисной вознёй администрации с кандидатами на открывшуюся должность».

«Так вот оно что, — запоздало досадовал Ковальский. — Права Настя: интервенция против меня и Кретова началась ещё до Нового года. Оба — и я, и Кретов — неуютны команде

Туркина. Кретов понял это и начал по-своему действовать, а я сидел бирюком и чуть не попал в западню».

Корреспондент был отчасти прав: Ковальский хотел, чтобы Кретов был его замом, но, зная, что поддержки у генерального не будет, выжидал подходящего момента. Успешное выполнение годового плана могло стать неплохим аргументом в разговоре с Варичевым. Ждал окончания года. Ему требовались крепкие доводы. А Кретов опередил.

«Однако, отбросив эмоции, посмотрим, насколько обоснованы претензии Кретова, — рассуждал журналист. — Ему только что исполнилось сорок пять. Все высоко оценивают его профессиональные качества: глубокое знание экономики предприятия, умение находить резервы производства. Не случайно объединение ходатайствовало перед министерством о присвоении ему звания «Заслуженный экономист РСФСР».

Я помню войну Кретова за то, чтобы завод получил статус предприятия в системе объединения, по ошибке отобранный у него. Самостоятельность завод получил. А Кретова обошли вниманием.

Какие ещё доводы, кроме злополучного звонка, выставлялись против Кретова? Руководители завода должны быть единомышленниками, а он частенько отстаивает своё мнение, не проявляет гибкости, не идёт на компромиссы.

Что ж, может быть, именно эти качества помешали назначить Кретова заместителем директора. Но ведь никто не отрицает и других его качеств — принципиальности и настойчивости».

«По поводу принципиальности можно было бы так громко не заявлять», — поморщился Ковальский.

Он не один раз прочёл статью. Наконец, отложив газету, устало подумал: «А прав всё-таки Накатилов: в невидимых массах «бескровных» гражданских битвах тем, кто стоит за истину, нужны особая выдержка и стойкость, порой намного большая, чем на открытом поле битвы. Накатилов приводил цитаты, кажется, из «Белых одежд», романа Дудинцева, до которого у меня руки так и не добрались. Как жаль... «Надо быть готовым, — говорил Николай Николаевич, — к непониманию и равнодушию окружающих. Действительные мотивы твоих действий будут искажаться, ты можешь стать объектом подо-

зрений, наветов и клеветы. Доказать истинное непросто. А если докажешь собственную правоту, то не жди награды. В лучшем случае встретишь ироничное отношение... Мы всегда радовались, что наше поколение не испытало войну. Но что-то там впереди маячит угрожающее. Огромный чиновничий аппарат — 18 миллионов, его же необходимо сломать, раз пошла перестройка? Но ведь они живут и здравствуют. И будет сопротивление. А когда ломаем теперешнего чиновника, разве новые будут лучше?.. Чиновник плох или хорош, но не поднимется выше того, что порождено временем». — Ковальский размышлял дальше: — И неизменным хозяином в аппаратных играх становится человек, для которого бумажная суэта и интрига — стихия. Вот тот же Кретов, он, как пламя костра. И вольно, и невольно раздувает бумажную войну. В неё уже втянулись многие: и СТК, и профком, и партком, и сотрудники его отдела. Теперь вот корреспондент газеты, который, может, искренне думает, что прав. А может, и вовсе не думает? Но воюет, не до конца сознавая, за что и против кого. И на это уходит энергия, время! Часть жизни! Это такая непростительная роскошь... расточительство собственных жизней...»

* * *

Новости из Сосновска шли одна тревожней другой. И уж не так, как могла бы, радовала возможность бывать в Эрмитаже, Русском музее, просто гулять по городу-музею.

Обеспокоенный Суслов прислал вырезки из заводской и городской газет. Со сложным чувством Александр читал интервью редактора заводской газеты с председателем Совета трудового коллектива завода под заголовком «Будни коллективного директора».

Особенно его поразил начальник цеха Андрей Борисович Кипнис.

«Откуда у него вдруг проснувшиеся жажда власти и честолюбие? — недоумевал Ковальский. — Огромный цех, куча нерешённых проблем, а он уже и не пытается их решать! Вместо этого, прикрываясь своей новой общественной должностью, позволяет просто курьёзные наскоки на главных специалистов, обвиняя их во всех грехах. Разве это демократизация производства и экономики? И подобное чуть ли не в каждом

цехе. Председатели советов трудовых коллективов в цехах, за редким исключением, норовят быть местными князьками...»

Перечитывая интервью, усмехнулся: «И городская газета поторопилась перепечатать. Разница в числах — два дня, выходит, что материал подготовлен в редакциях одновременно. Чья-то рука спешит... Неужели никого, кроме управленцев, не коробит само название интервью?».

Вновь, теперь уже вслух, прочёл рубрику, под которой она красовалось:

— На щите демократизации.

«А если бы мне предложили поставить свою рубрику, которую считаю здесь самой подходящей? Взять и бабахнуть: «На пути развала промышленности». Большими, чуть не плакатными буквами. Многие не понимают происходящего. И продолжают верить «верхам», хотя глаза округляются при виде того, что творится внизу».

Он продолжал читать:

«Рабочий день председателя Совета трудового коллектива СХЗ начальника цеха Андрея Борисовича Кипнис спрессован до предела. Но со всеми делами он управляется благодаря своей энергии, собранности, трудолюбию.»

Для нашего интервью нашлось маленькое «окно» между приёмом новичка на работу в цех и встречей с членом СТК Беловым, с которым обсуждались неотложные вопросы, связанные с выборами начальника производства.

— Ваше кредо, Андрей Борисович?

— *Считаю, что заводской Совет трудового коллектива представляет собой орган хозяйственного управления, принимающий окончательные решения, обязательные для всех, включая администрацию. Совет должен практически осуществлять «верховную» власть, реализовывать функции трудового коллектива как полноправного хозяина на предприятии, самостоятельно решающего все вопросы производства и социального развития.*

Наш Совет — своего рода коллективный директор. И чем шире круг людей, участвующих в управлении производством, тем лучше.

Совету принадлежит последнее слово в определении технической политики завода.

Скажу так: решений принималось уже немало. Теперь самое главное — держать их выполнение под контролем. Поэтому каждое заседание СТК (ежемесячно) будем начинать с заслушивания руководителей служб и производств. Что сделано? Вместе сейчас определяем «узкие места», думаем, как ликвидировать.

— Вы уверены в безошибочности решений СТК?

— Отчего же? Приходится заниматься самыми разными непростыми вопросами. Это и упорядочение в использовании городского транспорта, и утверждение смет, и согласование вопросов распределения жилья, и многое другое, что никак не предохраняет нас от ошибок.

— Понятно, что такому демократичному органу, как СТК, многое сегодня приходится делать впервые. Приведите, пожалуйста, пример.

— На очередном заседании СТК 8 сентября было принято решение о перечислении заводом десяти тысяч рублей в фонд молодёжной инициативы на благоустройство озёр в городе. Утверждена также премия директору заводу. За основные результаты хозяйственной деятельности ему будет выплачена не вся сумма, а только около пятнадцати процентов. Остальная часть зарезервирована до восполнения перерасхода средств заработной платы.

— Когда познакомишься с протоколами заседаний СТК, невольно приходит мысль: коллективный директор пытается соединить в себе профессионализм с широким демократизмом. Получается ли это? Видимо, всё зависит от работоспособности, инициативы членов совета?

— Несомненно. В выработке решений активно участвуют грамотные специалисты, умелые организаторы. Имеют свои твёрдые мнения и рядовые рабочие. Они горой стоят за коллективные интересы».

Ковальского жгли вопросы: «Понимают ли там, «наверху», что происходит? Эмоциональная торопливость, исходящая от Главноуговаривающего в Кремле, неужели она не настораживает его окружение? Ведь лишают прав руководить, а расхлёбывать кому?! Говорит, вроде, бы складно, логично, искренне... Но почему нет другого мнения? Есть только его суждения, тиражируемые на всю страну и на весь мир. Мы замахнулись про-

вести демократизацию? А знаем только его точку зрения. Но он не работал на производстве. Понимает ли, как непросто руководить коллективом, если нет достаточных на то полномочий? У него сейчас полновластие и он не задумывается над этим? Но почему только он один знает и видит наперёд? Где специалисты? Просто здравые, умные — они есть в окружении? Те, кто рядом с ним, где они? Где глава правительства Рыжков? Нам, мне, всему народу, вроде, надо просто поверить? Принять доводы, послушаться и тогда сразу будут результаты? Трудности отлетят?.. Его цитируют. Стараются говорить, как он... А он всё говорит и говорит... К добру ли, когда человек слышит только себя?..».

VIII

В кабинете двое: Водолазов и Стулин. Бесшумно ходят по мягкому ковру. Хозяин кабинета Водолазов размеренно и не спеша, Стулин — нервно. Глуховатый голос Водолазова спокоен:

— Когда уберём Ковальского, я буду директором, ты — замом по кадрам и быту.

Потоптавшись около массивного кресла, Стулин произносит:

— А потянем завод? Непростое дело.

Водолазов самодовольно улыбнулся:

— Сейчас всё нам на руку. Смотри, голова, — он, выставив правую руку, стал загибать пальцы: — Восемьдесят седьмой год закончили неплохо, и январский план поставок выполнили. Я за всем слежу. А прорыв по технологии? Построен и работает реактор, каких, они говорят, ещё не было. Ты же всё это знаешь!..

— Это пока... Ковальского не станет, и Долгов с Сусловым уйдут с завода. С Верёвкиным нахлебаешься.

— Будет день — будет и пицца, — последовал ответ. — Есть одна штука, которую мало кто оценил: как ни сработает завод, а последнее слово за Варичевым и Туркиным. Они определяют, сколько оставить заводу денежек. По этой причине Ковальский и рвётся к полной самостоятельности, к выходу из объединения.

— А новая стройка на заводе? — спохватился Стулин. — Она разорит. При таких штрафах за неустановленное оборудование прибыли не будет. На что жить?

— И здесь не до конца понимаешь, — самодовольно усмехнулся Водолазов. — Эта удавка не для завода, а для нынешнего директора. Всё в руках Туркина. Надо — отпустит её. Захочет — крепко затянет! Не сам, чужими руками. Шеф умеет просчитывать ходы, в этом деле он — гроссмейстер. — На скуластом лице Водолазова усмешка пропала. — Туркину необходима вертикальная структура от завода до министерства, включая и генерального. Ему нужна там своя команда — он поставил себе цель стать министром. Мы должны прийти туда с высоких заводских должностей.

— А Ковальский? Не подходит?

— Слишком чистюля. К тому же, знает про одно серьёзное дело. Для Туркина — ненужный человек. Ковальский пока этого не понимает. Да и остальные — тоже. Кретов прёт на Ковальского — и хорошо! Он ему руки связывает.

— И нам, парткому, голову заморочил, — посетовал секретарь.

— Вот-вот, — продолжил снисходительно Водолазов. — Он может нас всех вымазать. Надо выправить ситуацию. Всё слишком серьёзно. Туркин почти у цели, которую наметил. Всё должно быть чисто. Его биография — в первую очередь. Ему, с его мотором, нужна перспектива.

— Зачем тогда три года назад ставили Ковальского директором?

— А кого? Я был на пятом курсе заочного юридического, ты — механик, да и не работал никогда по специальности. А он — кандидат наук. Успешно прошёл все ступени заводского производства. И потом — общественное мнение. Престиж завода. Туркин всё учитывает. Всему своё время. Рокировка неизбежна! Она задумана не сегодня. Капканы расставлены. Не в этот, так в другой Ковальский попадётся. Главное — не дать ему увести завод из объединения. Тогда нашим планам — крышка.

— Моя роль в этом? — решился на вопрос Стулин.

Водолазов ответил бесстрастным голосом, как само собой разумеющееся.

— Ты должен быть в нашей команде.

— Должен-то должен, но Ковальский симпатичен Нечаеву.

— Ковальский — баба, что ли? Как Туркин решит, так и будет. У него и на Нечаева есть рычаг.

— Убрать Ковальского! Но как? — развёл руками Стулин. — Вы уже один раз «слепили горбатого». Опростоволосились. Даже я почувствовал неладное.

— А с помощью того же Кретова! Потом уберём и его самого. Он говорит, что написал письма в ЦК с жалобой. Скоро сам загремит у меня под фанфары.

— А Ковальского-то как? — повторил секретарь.

На лице Водолазова заиграла глумливая усмешка.

— Наш директор справедливость любит. Надо его авторитет на заводе крепко уронить. Перессорить, с кем надо. В неуправляемом коллективе обычно меняют руководителей. В наше время подогреть народ, что плюнуть. Ковальский самолюбив — сам уйдёт. Нас такой вариант устраивает. Известно же: хорошо рыбку ловит тот, кто хорошо умеет мутить воду!

Стулин попытался возразить:

— Ковальский умён настолько, что стоит выше интриг. Они для него не характерны. Придёт к своему успеху иным, своим путём. Вот увидишь: независимо от того, утопим его в этот раз или нет.

— Нет уж, выплыть не сможет, — уверенно произнёс Водолазов.

— Туркин в Москве, далеко. А мы тут одни? — продолжал Стулин.

— Не волнуйся, есть и здесь энергичные люди, — последовал ответ.

«Вот проходимцы, — с тоской подумал Стулин. — На чём же они Нечаева подловили? Не так же, как меня? Что-то похитрее сотворили».

* * *

Год назад на именинах Водолазова, с размахом справлявшихся в профилактории, Стулина в подпитии понесло. Он прямо в кабинете главного врача стал приставать к его хозяйке, смазливой пышнотелой Роциной. Знал, что спала с Водолазовым, это ещё сильнее толкало в омут. Каждый раз, приезжая в профилакторий, искал случая остаться наедине с ней.

Всё в тот раз произошло внезапно: раскрылась дверь кабинета. На пороге — шофёр Водолазова, мордастый и краснощёкий Саня Качалкин. Он нагло улыбался. С наигранной по-

спешностью Рощина стала поправлять вывернутый и болтающийся у пояса лифчик, не отворачиваясь и не стесняясь.

— Тут всё ясно и понятно! — словно для публики, произнёс Саня и плавно закрыл дверь.

— Что ясно? Что понятно? — пытался соотнести произошедшее с возможными последствиями Стулин. Враз протрезвев, понял: в любом случае это — успешно поставленный капкан, а он — болван, сразу и попался.

Догадка скоро подтвердилась. Уже на следующей неделе Евгений Евгеньевич показал заявление Рощиной на имя заместителя директора Водолазова о попытке секретаря парткома изнасиловать её на рабочем месте. В качестве свидетеля указала Саню Качалкина, чья роспись стояла внизу «гневной» жалобы.

— Ловко состряпали, — только и мог сказать секретарь.

— Не первый год замужем. Но не в этом дело. Вся инициатива исходит от Рощиной, что нам остаётся? Требуется разобраться. Все мы понемножечку скоты, — хохотнул Водолазов. Он всегда первым смеялся над своими остротами.

— Ладно голову морочить, я всё понимаю.

— А если об этих проделках узнает Нечаев?

— Проделки? Ты набедокурил. Мы, наоборот, дело замнём, никто не узнает. Документик будет в сейфе. Нельзя же секретаря парткома большого завода ославить на весь свет — это подрыв авторитета всей нашей партии. Неблагодарно.

— Что от меня надо? — уныло спросил Стулин.

— Свои люди — сочтёмся. Помогать ближним — дело благородное, — Водолазов, вальяжно потянувшись в кресле, зевнул, давая понять: с кем не бывает.

«Известное дело, о благородстве больше всего трезвонят прохвосты», — крутилась на уме у Стулина колючая фраза.

* * *

...Теперь, глядя на Водолазова, который развалился в кресле и, вытянув ноги, фасонно крутил пачку «Мальборо», Стулин произнёс:

— Варичев пожалеет Ковальского. Они были раньше дружны...

— Виктор Аркадьевич не знал о планах Туркина, пересаживаясь в кресло генерального. Что уготовано Ковальскому, не

ведал, до подготовки захвата в профилактории. Он и против того, что готовили в профилактории возражал. Жалел Ковальского. Но сломали ведь... Ему деваться теперь некуда. Выше должность — меньше свободы. Его головка с белявым знаменитым чубчиком — в петле... Полностью во власти Туркина. Если взбрыкнёт, у него впереди шлагбаум. А так, как только Туркин двинет наверх, может стать замминистра. Варичев не любит Туркина, потому что не может вырваться из его лап. И завидует ему, его способности подняться во власть. Завидует и самостоятельности Ковальского. Зависть рождает предательство и интриги. Он не надёжен. Мы с Туркиным об этом говорили. Шеф держит руку на пульсе. — В голосе Водолазова уверенно звучали нотки превосходства: — Танюша твоя спит и видит тебя в Москве. Не переоценивает ли своего муженька? Ты-то что сам для этого делаешь?

...Водолазов и Стулин долго ещё были в кабинете.

О том, до чего договорились, знали только они. И чуть позже — Туркин.

* * *

Вечером в день возвращения Ковальского из Ленинграда к нему домой пришёл Суслов.

— На заводе такое... Пойми, ты недосыгаем там, где идёт конструктивная позитивная работа. В интригах не мастер. А надо им стать! Хотя бы на время, чтобы не раздавили. Идёт рукопашная. Все приёмы, всё подручное годится. Заводской СТК обнаглел, секретарь парткома бездействует.

— Какая интрига нужна?

— Если бы я знал! — едва ли не воскликнул Владимир.

— Стыдно потом не будет? — спокойно произнёс директор.

— Помилуй, если подонков вышвырнем, какой стыд!

Он замолчал. Молчал и Ковальский.

Первый заговорил Суслов:

— Почему молчишь!? Я не в состоянии что-либо придумать. Но ты-то? Они разорят завод. Надо активно противостоять!

— Жизнь всё расставит по своим местам, — потирая лоб ладонью, произнёс Александр. — Зло в конце концов пожирает себя само. Оно неудержимо в своих аппетитах.

— Ты ужасный идеалист, Ковальский! Жди, когда это случится! — горячо возразил Суслов.

— Пока завод в передовых — ничего не случится.

Сусллова подогревало и удивляло спокойствие директора.

— А я тебе говорю: сейчас на заводе такая тишина! Это не к добру...

— Давай оставим этот разговор до завтра, — предложил Ковальский.

Суслов мрачно кивнул головой.

IX

Едва закончился обеденный перерыв, в кабинет Ковальского шагнул Кретов. Остановившись у стола, не стал садиться. Ждал, когда Ковальский закончит разговаривать по телефону.

Положив трубку, Александр вопросительно посмотрел на вошедшего. Тот отреагировал:

— Как человек аккуратный, чтобы не было неожиданно, доложу: мною написано и отправлено письмо в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС, копия — в обком партии. В нём несколько десятков пунктов, обвиняющих вас и вашу камарилью в весьма неприглядных делах. Готовьтесь, скоро прибудет комиссия!

— В письме, кроме вранья, ничего быть не может.

— Я выстроил так, что всё выглядит крепко. Где-то умолчал о фактах, где-то сдвинул что-то по времени. Нигде не наврал, а вы оказались в ловчей яме. Уходите сами с завода! Если выгонят из партии, а это неминуемо случится, смерть вам как руководителю обеспечена. И вашим детям на всю жизнь пятно в биографии.

— Может, хватит гадить? Тошно всем! И вы бы не задохнулись, — с досадой произнёс Ковальский. — Утихнет всё, уляжется, найдём выход. Заводом надо заниматься, куча проблем. Рисуем не удержаться на достигнутом. Стройка нового завода — никчёмное дело. Идём в тупик! Прощу подготовить хорошо обоснованную записку, мне надо ехать к первому замминистра.

— Я не останавлиюсь! — чётко произнёс Кретов и его тонкое лицо с рыжеватыми усиками налилось кровью.

— У вас глаза залиты... — Ковальский хотел сказать «злойбой», но передумал: — ...азартом борьбы, и вы не различаете оттенков, так нельзя. Попридержите пыл.

— Я не остановлюсь! Незачем мне читать нотации! Я объявил всему заводу, что вы не будете работать! Вот и центральная пресса щипанула вас всех. Дальше будет больше — гарантирую!

— Жаль, что не хотите нормально разговаривать. Только угрожаете.

— Я избрал такую тактику. И буду идти до конца.

— Однако боец!

— А вы думали — как?! — в запальчивости воскликнул Кретов.

«Крепко, очевидно, переживает, может, одумается», — отметил Ковальский и насмешливо произнёс:

— Боец, но с запрещёнными приёмами.

— Ничего! Всё в данном случае оправданно. Я решусь на такое, что многих ошарашит. — Очевидно, сказанного начальнику планового отдела показалось мало и он добавил вполне, похоже, искренне: — О нашей борьбе знает весь город. Если не смогу победить, что скажу своему сыну?

Ковальский был готов ко всему, но последние слова изумили. Ему расхотелось говорить. Он молча смотрел на нервного, с акkuratными усиками человека.

— И не надо на меня смотреть, как на насекомое! Вы об этом ещё пожалеете! — выкрикнул тот. — Всё ещё впереди!

...Когда Кретов вышел, Ковальский долго сидел, удручённо глядя в окно. Становилось ясно, что война затеяна надолго. И тут нужны не только приёмы рукопашного боя...

Попросил секретаря вызвать Сулова.

Когда тот вошёл, директор, задумчиво глядя перед собой, попросил:

— Вместе с плановиками, финансистами и замом по капитальному строительству проанализируйте всё по новой стройке и дайте проект служебной записки на имя первого заместителя министра.

— А Кретов? Его привлекать?

— В первую очередь. Без видимого нажима, но втяните, впрягите в это дело. Потом соберёмся все у меня.

— Хорошо. Когда?

Александр полистал настольный календарь, сделал пометку.

— В следующий понедельник, в пятнадцать ноль-ноль.

* * *

Через две недели после приезда Ковальского на завод комиссия обкома партии начала проверку фактов, приведённых в письме Кретова. И завертелось колесо. Ковальский намеренно избегал общения с комиссией. Не хотелось оправдываться. Только один раз, в первый день её появления на заводе, он разговаривал с членами комиссии. Все они — работники разных предприятий области, показались ему здоровыми, толковыми людьми.

«Разберутся сами, — определил он. — Лишь бы мои заводские «помощники» не задурили им головы».

Разбираться члены комиссии засели в соседнем здании. И потянулись туда с утра до вечера люди из отделов и цехов. Требовалось множество справок, на которые уходило время, драгоценное рабочее время.

Кретов демонстрировал боевитость. Его не устраивал и состав комиссии — в ней не было представителей из Москвы, и её отказ принять дополнительный обвинительный материал, который он сразу же предъявил.

— Я направлю второе письмо в ЦК, — заявил он. — Если надо — третье. Пока до вас не дойдёт, с кем имеете дело.

До комиссии, кажется, уже кое-что доходило. Её члены были поражены размахом написанного, но не обескуражены...

* * *

Рабочий день закончился, главные специалисты кучкуются около Доски почёта, на площадке, куда обычно подают заводской автобус. Кретов домой не торопится.

Перед ним чистые листы бумаги. Он взял авторучку, пальцы еле заметно подрагивают. Недовольство собой ли, кем-то из тех, кто никак не хочет его понять, проявилось на лице. Он мотнул головой и начал не спеша, изредка поглядывая в окно, писать:

«Первому секретарю
Сосновского ГК КПСС
тов. Нечаеву С.П.
от начальника ПЭО СХЗ
Кретьова Д.А.

Заявление

Считаю необходимым довести до Вашего сведения конкретные обстоятельства доставки меня в медвытрезвитель 5 марта с.г., ибо считаю их напрямую связанными с конфликтом между мною, руководством объединения и завода, описанным в «Социалистической индустрии».

В конце рабочего дня 5 марта зам. директора по кадрам и быту т. Водолазов Е.Е. предложил мне задержаться и поговорить после работы в компании с гл. механиком т. Сараявым В.М. Я не возражал, ибо после начала конфликта у меня с представителями противоположной стороны, исключая деловые отношения, не было контактов.

Наша беседа состоялась где-то с 18.20 час. до 20.30 час. Мы выпили на троих бутылку водки, предложенную т. Водолазовым Е.Е. Я говорил, что возможен усиленный контроль на улицах в этот предпраздничный день. Тов. Водолазов ответил, что в компании с ним ничего не случится. До дома он меня подвезёт на служебной машине.

После разговора мы поехали. Я попросил остановиться рядом с кинотеатром. Когда я вышел, тут же появилась милицейская легковая машина, из неё вышел майор милиции (им оказался работник ОБХСС т. Шамин). С ним были ещё двое в штатском.

Несмотря на то, что я находился почти около дома, майор предложил мне сесть в автомашину, на которой доставили меня не в горотдел милиции, а в медвытрезвитель. Ни моё поведение, ни лёгкое опьянение не давали для этого никаких оснований!

Я подписал утром протокол, но оплачивать штраф отказался. Заявил, что случившееся является провокацией.

Потом позвонил т. Водолазову Е.Е. и заявил, что пойду на приём к начальнику милиции. Он рекомендовал этого не делать. Сказал, что уладит дело сам. Вечером сообщил, что дело улаживается. В последующие дни не раз подтверждал это. Однако 9 марта после обеда он заявил, что сведения по-

пали в горком КПСС и в объединение к т. Бычкову. И там усиленно занялись этим вопросом.

Подобное совпадение нескольких «случайностей» подозрительно. Оно даёт основания полагать, что случившееся — запланированная акция».

Закончив писать, Кретов не спеша стал собирать бумаги в портфель. Представил, как, приехав домой, на кухне будет толкаться вместе с женой, с которой утрачены все супружеские отношения. Вяло поморщился...

Оказывается, на улице шёл густой снег. Такого не было давно.

Влажные стволы и ветви деревьев облепило, словно сахарной пудрой, и они, освещённые сверху фонарями, сказочно преобразились.

Небольшая площадка около заводууправления с аккуратно подстриженными с осени липами и тополями стала по-детски игрушечно-красивой.

«К чему теперь столько снега? Развезёт, только грязи будет больше...» — недовольно чмокнул губами Кретов и качнул головой, словно видел кого-то из заводчан — виновника этого ненужного, как ему казалось, действия и который нестерпимо надоел ему за все эти долгие годы совместной работы.

Он шёл по чистому снегу, и следы от его узких ботинок тут же наполнялись тёмной талой водой внезапной оттепели...

...Автобус, в котором всего один пассажир — Кретов, резво гнал по шоссе вдоль мрачноватого старого дачного массива. На небе редкие тучи и блёклый лик луны.

На одной из дачек прогонистый русак намеревался было пожировать на забытых капустных грядках, но струсил. Напугал свет фар. Оставляя после себя путанные следы, заяц запетлял на выходе у дачного массива в редкой высокой траве. Потом направился вдоль стоек трубопроводной эстакады, но вдруг ударился в ровное заснеженное поле. Остановился метров через сто, присел и, метнувшись стрелой, вновь оказался на прежнем месте. Сделал, дрожа, петлю, снова скакнул вдоль эстакады и повторил то же самое. Там, где начиналась трава, русак сделал одну за другой три двойки со скидками и, под конец, залёг под приземистый куст шиповника.

Видел бы это Кретов, подивился бы?

Есть чему поучиться. Но и сам он не промах.

...Одинокая звезда уронила с высоты равнодушный холодный взгляд на снежную равнину. И словно задёрнули занавеску: пропал её мерцающий лик за тяжёлой нависшей тучей.

Х

Когда жена вошла на кухню, Александр рассеянно смотрел в окно.

— Странно, — сказал он задумчиво.

— Что?

— Я вот гляжу на голубей и думаю, почему они никогда не садятся на деревья? Или я не замечал?

— И правда, — весело засмеялась Настя. — И я не видела! Почему так?

— Я серьёзно.

— И я, — опять засмеявшись, подтвердила жена.

— Да ну тебя, — махнул он рукой.

— Да ну меня, — тут же сказала Настя. — Но только не одни они не садятся на деревья.

— Как? — не понял Александр.

— Ты, вот, не садишься, не та птица. А мог бы.

— Я-то сел как раз, третий год сижу, а меня и снизу, и сверху обстреливают.

— Или крепись, или планируй на землю. Голуби чаще на земле обитают, чем ястребы. — Она испытующе смотрела на него, не мигая, в упор: — Мне твоя должность — не самое главное. Я думаю, ты понимаешь это?

Ковальский не ответил. Встал из-за стола и, прихватив из шкафа в коридоре небольшую дорожную сумку, пошёл в большую комнату. Надо кое-что собрать. Предстояла поездка в Москву по поводу затянувшейся стройки. Необходимо пробивать стену лбом: штрафы за неустановленное оборудование съедали больше половины прибыли.

...Получалось так, что на заводе без него должна состояться конференция Совета трудового коллектива по итогам работы за квартал. Вынесен и вопрос, связанный с вышивкой на заводе и отправкой в медвытрезвитель Кретьова. Предполагалось огласить выводы комиссии по его письму в ЦК. Ковальский

подготовил материал по всем пунктам — написал три листа тезисов выступления.

«А может быть, так даже лучше, пускай без меня — больше видимой объективности. Исход всё равно предрешён, без наказания Кретов не останется. Мне участвовать в этом необязательно, — размышлял Ковальский. — К тому же нарушать договорённость с заместителем министра... Не явлюсь, потом когда удастся прорваться...»

Выводы он уже знал. И хотя всего отчёта о проверке не видел, но заключение ему показал председатель комиссии. Оно его устраивало.

О деятельности Совета трудового коллектива Ковальский успел высказаться в заводской газете в ходе обсуждения выполнения квартального плана. Определённо и сдержанно подчеркнул, что администрация завода должна создавать необходимые условия для Совета, но руководит всем и организует работу предприятия директор, а стало быть, он несёт ответственность за её результаты перед государством и трудовым коллективом. Никаких общественных директоров быть не может!..

* * *

«Ничего страшного не будет, если уеду», — так размышлял он про себя, а на душе — беспокойно. Волновали усиление оголтелости членов Совета трудового коллектива, мания исключительности самого председателя.

«Не остаётся времени на то, что может сделать только директор. Отнимая у меня время, из-под ног рвут ковровую дорожку. Трудно сохранять равновесие... Конфликтовать, затевать борьбу с СТК сейчас ни к чему: и партком, и профсоюзный комитет жмутся друг к другу перед натиском этого джинамонстра, выпущенного из бутылки. Оставляют меня один на один с Советом трудового коллектива. Одному эту лавину при наличии конфликта, затеянного Кретовым, не сдержать. Ясно, что Кретов не остановится. И Туркин — начеку... Приходится временно буйство СТК терпеть. Иного выхода нет».

Утром по пути в свой кабинет Александр увидел объявление. В 10 часов намечено заседание Совета трудового коллектива. В повестке дня два вопроса. Первый — о задержании

начальника планового отдела Кретова Д.А. в нетрезвом виде, второй — о неправомерности распределения премии и выделения малосемейки директором завода Ковальским.

«Ничего себе, у меня в четырнадцать вылет в Москву, да и вопросы — будь здоров! С первым торопятся — это понятно, хотят, чтобы решение было принято при мне, оно необходимо для утверждения на конференции, ведь Кретов — заместитель председателя СТК. Его избирала конференция — она и должна определить меру воздействия. А вот по второму вопросу... Лучшие бы не лезли, получится одна неразбериха...»

Стало ясно: начало рабочего дня скомкано. Намеченного с вечера сделать не удастся.

* * *

По первому вопросу на заседании Совета доложил Кипнис. Он зачитал протокол о задержании Кретова.

— Случай очень неприятный, — почти торжественно заявил он. — Принятие мер зависит от членов СТК.

— Сначала давайте послушаем виновника, — пробасил член Совета степенный, угрюмоватый электрик Милютин.

Дали слово Кретову.

Начальник планово-экономического отдела говорил лаконично, стараясь, видимо, показаться независимым и крепким человеком. Понимал, что от решения Совета зависит многое, если не всё.

Он повторил то, что было в записке на имя первого секретаря горкома партии.

У ответчика сильно болели суставы левой руки. Иногда губы его кривились, он чувствовал это и старался поправиться. Боль ночью его измотала, не давая спать...

— Где выпивали? — спросил Кипнис.

— В кабинете Водолазова, — последовал спокойный ответ.

— Значит пили на рабочем месте, а если считать, что у итээр ненормированный рабочий день, то — в рабочее время, — констатировал Милютин.

— Меня задержали не оперативники. Это тоже о многом говорит, — ушёл от прямого ответа Кретов.

— Надо было там доказывать свою правоту, идти к прокурору, а не ждать помощи от Водолазова, с которым вместе пили.

Задержать мог любой чин милиции, — не выдержал начальник ремонтного производства.

— Я написал на имя прокурора области, — произнёс Кретов.

— Писать вы мастер, мы это знаем! — энергично дёрнувшись, выкрикнул машинист транспортного цеха Терёхин и, словно в курилке в узком кругу своих, непринуждённо засмеялся.

С кресла первого ряда встала Крыльцова, заслонив Кретова от сидящих в зале массивным своим торсом.

— У нас третье заседание Совета в этом месяце и на всех идёт сведение счетов. Мне это не нравится. Дело не решаем, перемалываем сплетни. Факт задержания есть? Есть! Пить не надо на работе. Давайте принимать меры!

— За мужа берёт реванш. Они в одном цехе работают — она крановщица. Муженёк тоже попался. Лишили тринадцатой зарплаты и вылетел из очереди на жильё, — услышал сзади себя весёлый шепоток Ковальский.

— Ещё надо разобраться с Водолазовым и механиком Сараевым. Они вместе пили, — колыхнувшись массивным телом, вышла в проход Крыльцова.

Председатель попытался утихомирить:

— Вы заметили, я не перебивал никого. Дам слово всем. Но — по очереди.

— Товарищ председатель, — подал голос Терёхин, — пуцай Крыльцова уйдёт с прохода, ведь, ежели пожар или что, мы не выскочим отсюда. Она своим, — он запнулся на мгновение, — своим буфером всё перекрыла!.. Мне ничего не видно...

Вмешался начальник производства Сучков:

— Балаган здесь не к месту. По одному заявлению Кретова, что пили вместе с Сараевым и Водолазовым, нельзя ничего рассматривать. Создадим комиссию, она разберётся, даст предложения. Тогда вынесем решение. Я от имени партгруппы СТК предлагаю за попадание в вытрезвитель и аморальное поведение оказать Кретову недоверие, освободить от занимаемой должности заместителя председателя СТК. И дать администрации право принять дисциплинарные меры в соответствии с законодательством.

— Можно, я сяду, — попросил Кретов с кислой усмешкой.

Ему разрешили и он, морщась, сел.

Попросил слово начальник лаборатории Ефимовский:

— Мы должны знать, намерен ли директор уволить Кретьова с предприятия, если дадим руководству право на дисциплинарное наказание? Не хочется терять хорошего специалиста.

Ковальский поднялся и дипломатично пояснил, что вопрос о наказании Кретьова он решит, когда посоветуется с секретарём парткома и председателем завкома.

— Забавляется народ, — прозвучал в тишине голос Сулова, которого пригласили по одному из вопросов, входящих в «разное».

После утомительных уточнений, наконец, решили вывести Кретьова из состава СТК с утверждением на конференции коллектива. И дали разрешение администрации наказать его дисциплинарно, не увольняя с завода.

Приступили к обсуждению второго вопроса. Кипнис бодрым голосом заявил:

— У заводчан немало недоумений, почему премия, выдаваемая по приказу директора завода, так непонятно распределена? Она выдана за освоение объектов капитального строительства, а в приказе всё, кто угодно: и шофера, и охрана завода, и отдел технического контроля. Вам слово, товарищ директор!

— Начну с того, — встал с кресла Ковальский, — что премии этой могло совсем не быть. Я по поводу неё дважды разговаривал с начальником отдела капитального строительства министерства, мой заместитель ездил в Москву.

— Это не довод, мы о справедливости говорим, — выкрикнули из зала.

— Вот я и дал тому, кого посчитал обойдённым в прошлый раз, в этом, считаю, моя доблесть. И в том, что смог вообще добыть эти деньги, — сказал Ковальский и сел в кресло.

— Выходит, кому хотите, тому и даёте? — опять загородила проход Крыльцова.

— В какой-то степени так, — не выдержав, поднялся Сулов. — Вы заметили, что больше половины из сидящих здесь получили эту премию, а директора в приказе нет. Он просто свою фамилию вычеркнул. И не в первый раз.

— Положение надо иметь по премиям, тогда не будет «колхоза». Нельзя премии делить в узком кругу, — высказался начальник лаборатории Ефимовский.

— Жизнь не укладывается в инструкции, — обронил, садясь, Суслов. — И митинги ни к чему.

— Слышали мы эту пластинку, — теперь уже Ефимовский стоял посреди зала. — Не только из ваших уст. Многие твердят, что с этой демократией у нас скоро будет не завод, а колхоз. «СТК суётся не в свои дела», «СТК слишком много берёт на себя». Несостоятельные упрёки. Сегодня не должно быть зон, закрытых от критики.

Не выдержал начальник седьмого цеха Алфёров.

— Но критика должна быть не ради критики! Будете директором, узнаете, как находить и делить деньги.

— Хотите, чтобы СТК занимался только развитием инициативы, увеличением вклада каждого в общее дело? А всё остальное, как и прежде, должен делать «распределительный квартал»? — напирал Ефимовский.

— Когда у меня в цехе была авария, аврал, ни один член СТК завода не побывал у нас! Это что? Для чего создан СТК? Зачем он мне как начальнику цеха? Одни помехи, — горячился Алфёров. — Суётся...

Ефимовский, подняв руку, как судья на футбольном поле, властно обронил:

— Между администрацией и СТК в отношениях всё ясно после программного заявления директора в заводской газете и недавнего обсуждения «Положения о взаимодействии и разделении функций СТК и профкома». Всё поставим на места! Вопрос времени.

— Так что же? Какое решение примем? — подал голос Кипнис. Поднялся Ковальский:

— Я для себя решил, слушая вас. Вы с ломом лезете в шестерёнки, не позаботившись узнать, в каком зацеплении они работают. У меня может пропасть инициатива добывать в следующий раз деньги, если такое отношение. Насидитесь без премии.

— Что же делать? И кто виноват? — с явным подтекстом выкрикнул Ефимовский.

— Запишите, — усмехнулся Ковальский. — Рекомендовать отделу труда и заработной платы разработать положение о выдаче подобных премий. Было уже предложение.

— Пожалуй, самое разумное, — подхватил председатель. — Голосовать будем?

Решили не голосовать.

— Ну, а как с комнатой в «малосемейке»? — привстав, про-
изнёс Кипнис.

— А что с ней? — Ковальскому уже не хватало терпения. Он
с явной насмешкой смотрел на Кипниса.

— Без очереди...

— Она выдана из тех пятнадцати процентов жилого фонда,
которыми заводским коллективом мне дано право распоря-
жаться персонально.

— Но вы её дали жене лесника Фёдора, зятю главного лес-
ничего, — напирал председатель. — Я слышал, это неспроста!

— Не хотел бы этот вопрос обсуждать, — обронил Коваль-
ский.

Крыльцовой сказанное директором показалось нестерпимо
интересным.

— Нет уж, надо договаривать до конца! — крановщица
усердно жала на рычаг «вира».

— Надо! — развёл руками Кипнис. — Народ просит.

— Ладно, скажу, — уступил директор. — Дело в том, что
этой весной при замерах оказалось, что мы, не ведая сами, са-
мовольно, по ошибке, заняли больше гектара земли около на-
шей турбазы. Там сейчас очистные сооружения и склады. Либо
надо оформлять отвод, либо сносить строения. Несколько ме-
сяцев бился — ни с места. Дал комнату жене лесника, она, по
сути, ей положена по очереди. Дело с отводом теперь почти ре-
шено, остались формальности. Жена лесника у нас уборщица.

— Вот-вот, специально приняли в уборщицы, чтобы дать!
И всё в ажуре! — развела полными могучими руками над го-
ловой Крыльцова.

Не выдержала всегда корректная начальник отдела кадров
Татьяна Зорькина.

— Андрей Дмитриевич, вы хотя бы комиссии, что ли, соз-
давали, готовили вопрос, а не с бухты-барахты. Жена лесника
уже три года в хозцехе. И ей в прошлом году ещё давали ком-
нату, но она ждала в доме поближе к родителям. В этом году
администрация пошла навстречу.

— Дурдом, — громко высказался простодушный Алфёров.

— Не надо! — отчеканил председатель. — Учитесь культуре
ведения дискуссии.

— Вот он самое культурное слово и подобрал для данного случая. Другие — хуже, — заступился за начальника цеха Суслов.

Председательствующий будто не слышал. Забыв, что надо принять решение по форме, произнёс:

— Ну, что, товарищи, будем кончать?

— Будем! — ломая официоз, веселился по-своему Терёхин. — И ещё как! Всё разом!

На него диковато посмотрели.

Других предложений не поступило. Кипнис махнул рукой, угрюмо взглянув ещё раз на Терёхина. Со стороны могло показаться, что он крепко осуждает его за фривольное поведение.

Дело было не в этом. Лицо Кипниса вообще редко посещала улыбка. Собственные неудачи и успехи окружающих чередой, без выходных, преследовали его. Удивительно ли, что зависть быстро переходила в озлобленность. Председатель не переносил людей с хорошим настроением.

* * *

До вылета самолёта оставалось полтора часа.

«Ещё сорок минут добираться до аэропорта, — Ковальский посмотрел на часы. — И так есть хочется».

...Едва направился к выходу, появился Кретов.

— Можно?

— У меня самолёт, опаздываю...

— Две минуты ничего не изменят.

— Ну, раз так...

— В любви объясняться не буду.

— Да уж, — усмехнулся Ковальский.

— Но, — Кретов произвольно затряс кистью левой руки, у него замозжило в запястье, — когда я узнал, что эта стая во главе с Туркиным охотилась на вас в профилактории, стало не по себе.

— Что вы хотите мне сказать?

— Я знал — меня пригласили посидеть за бутылкой лишь только для того, чтобы потом сдать в медвытрезвитель. Как и вас в своё время. Но вы успели ускользнуть тогда. А я пошёл сознательно на поддавки. Пусть забирают, сдают. Но откроется такое, что все увидят, какие люди окружают вас. И вы увидите сами.

— Я знаю, чего стоят мои помощники, — холодно произнёс Ковальский. Он не собирался доверяться Кретову. Зорко следил за каждой его и своей фразой.

А тот продолжал:

— Моё задержание в вытрезвителе — начало краха Водолазова и Стулина. Увидите! Они не ведают, что творят и с вами, и со мной. Я всё написал в областную прокуратуру и Нечаеву.

— Выходит, как Матросов, бросились на амбразуру... — не сдержался Ковальский.

— Выходит.. Я не ваш союзник, но бороться против вас в такой компании... — сказал и вышел из кабинета, явно чего-то не договаривая.

В его поведении для Ковальского было нечто новое...

XI

Из командировки Ковальский вернулся через три дня и теперь не спеша внимательно читал заводскую многотиражку.

В ней приводились тексты выступлений на конференции:

— Членами Совета трудового коллектива, — утверждал Кипнис, — должны быть люди морально чистые. А товарищ Кретов действует по принципу: «Чем хуже — тем лучше». Пьёт на заводе, стремится внести раздор в отношения администрации и Совета. Это недопустимо.

Кретов отвечал:

— Абсолютно верно, я должен быть наказан за выпивку на рабочем месте. А с правоммерностью доставки в медвытрезвитель из-за того, что, находясь на проезжей части дороги, мог, как считает прокуратура, попасть под машину, не согласен...

Старший инженер ОГМ Матюхин резонно требовал:

— Почему Кретов не наказан? Мы просим применить к нему такое же взыскание, как и к другим заводчанам за подобные поступки.

Ему вторила диспетчер Лыкова:

— Если пьёшь спиртное, то не имеешь права руководить даже маленьким коллективом. Кретов все свои действия подчинил личным, неблагоприятным интересам.

Опубликовали и постановление:

«1. Вывести из состава СТК т. Кретова Д.А. и считать невозможным пребывание его на посту начальника отдела.

2. Выводы и предложения комиссии обкома КПСС по заявлению т. Кретова Д.А. в КПК при ЦК КПСС принять к сведению, руководству и исполнению.

Голосовали: «за» — 132, «против» — 8, воздержался — один».

А вечером дома Ковальский читал справку обкомовской комиссии по письму Кретова в Комитет партийного контроля ЦК КПСС.

«...Тов. Кретов Д.А. ставит вопрос об устранении директором неугодных работников, иллюстрируя это на примерах наказания директора базы отдыха Офицера К.Г. и начальника производства Козлова Г.П.

— *Комиссией установлено, что Офицеров К.Г. освобождён от должности директора базы отдыха в связи с жалобами отдыхающих и упущениями в работе не директором завода, а президиумом профкома.*

— *Тов. Козлов Г.П., бывший начальник производства, освобождён от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию по собственному желанию, проработав после достижения пенсионного возраста более двух лет. Претензий у тов. Козлова Г.П. к администрации нет. Это он подтвердил письменно в заявлении, которое подал в комиссию.*

— *О назначении главного экономиста была опубликована статья в газете «Социалистическая индустрия», которая затем была обсуждена на заседаниях парткома и СТК.*

...Материалы на строительство дачи А.С. Ковальским выписаны и произведена оплата по приходным ордерам. Нарушений нет.

...Приём на работу инженера Кожина В.М. осуществлён по рекомендации начальника производства т. Морозова Ю.А. и главного инженера завода, согласован с парткомом и совершенно ничем не связан с подготовкой докторской диссертации т. Ковальского А.С., которой не существует.

...Действительно, т. Ковальский А.С. оформлен совместителем на 0,25 ставки доцента для преподавания в вечернем отделении института.

С начала текущего года на депонентском счете числится сумма 306 руб. 25 коп., что снимает вопрос о недоплате членских партвзносов, так как сумма не получена».

Далее шёл текст в том же духе о генеральном директоре Ва-ричеве.

Оказывается, Кретов кого только ни задел.

Досталось почти всем работникам горкома партии, которых он обвинял в бездействии.

Комиссия отвечала по этому поводу на двух страницах машинописного текста, утверждая обратное.

Перечислялось более десяти фамилий, с характеристикой их участия в демократизации общества. Указывались конкретные даты совещаний и встреч с жителями города.

Продираясь взглядом через унылый перечень претензий автора «доносительного» письма в столицу и удивляясь его неистребимой выдумке, Ковальский добрался, наконец, до выводов:

«...Изложенные в заявлении т. Кретова факты не нашли подтверждения. Его систематический шантаж руководства предприятия и объединения мешает нормальной работе коллектива. В то же время т. Кретов Д.А. не в полной мере исполняет свои должностные обязанности.

...С учётом Резолюции 19-й Всесоюзной партийной конференции «О борьбе с бюрократизмом» и необходимости всемерного укрепления авторитета руководителя комиссия полагает работу т. Кретова Д.А., порочащую авторитет первых руководителей предприятий без достаточных оснований, недопустимой и считает невозможным дальнейшее пребывание т. Кретова Д.А. на посту начальника планово-экономического отдела».

Попался Ковальскому в кипе бумаг и протокол товарищеского суда:

«...Председатель докладывает суть дела:

В товарищеский суд поступило заявление зам.начальника производственного отдела тов. Монахова, в котором он обвиняет тов. Кретова в клевете лично на него. Монахов просит разобратить поведение тов. Кретова.

До начала заседания стороны к примирению не пришли.

Предоставляется слово потерпевшему.

Тов. Монахов сообщил:

— Кретов написал заявление в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, в котором клеветает и в мой адрес, указывая, что я имею большой опыт работы на даче у директора завода для того, чтобы меня директор назначил заместителем по экономике. Всё это вымысел. Кретов, в числе других, оскорбил моё достоинство. Считаю это клеветой в полном соответствии со ст. 130 УК РСФСР. Его поведение недостойно руководителя отдела. Кретов собирает сплетни и досье на работников завода, чтобы использовать для достижения личных целей. Он не соответствует занимаемой должности, так как не имеет морального права руководить коллективом планово-экономического отдела.

Предоставляется слово привлечённому.

Кретов Д.А. сообщил: с выводами комиссии о том, что попочит авторитет первых руководителей предприятия без достаточных на то оснований и поэтому не может в дальнейшем пребывать на посту начальника планово-экономического отдела, не согласен. Комиссию считает некомпетентной, выводы её — необъективными. В настоящее время он написал второе письмо в ЦК, в котором просит назначить новую комиссию.

В отношении других фактов Кретов настаивает на том, что все они имеют место и комиссия сознательно их «не заметила». Он начал подробно излагать суть своего заявления (на 24 листах) и свои комментарии.

Председатель прервал Кретова. Однако тот снова заявил, что в отношении руководителей завода, объединения и городских властей он настаивает на своём мнении.

В отношении Монахова Кретов высказал сожаление, что не проверил факт работы его на даче лично. Жалеет, что фраза о работе на даче попала в его заявление в столь высокую инстанцию. Свою ошибку не считает постыдной.

Выступили:

Белов Л.М. — нач.цеха. Он заявил, что поведение тов. Кретова считает недостойным.

В начале 1988 года, когда тов. Кретов затеял дискуссию о назначении на должность зам. директора по экономике тов. Чекмарёва, Белов считал, что Кретов прав и подписал

письмо в горьком с протестом против этого. Теперь же поведение тов. Кретова и его дальнейшие действия говорят об обратном. Из-за него коллектив завода лихорадит уже восемь месяцев, это недопустимо. Сейчас подписывать такое письмо и поддерживать Кретова он бы не стал.

Глазкова — начальник 1-го отдела, сказала, что тов. Кретов, излагая своё заявление в партийную комиссию, злоупотребляет вниманием и временем людей для сведения своих счётов и ничем конкретно не объяснил своё поведение в отношении тов. Монахова. Это недостойно. Она считает правом самого Монахова поддерживать дружеские отношения с кем угодно, помогать кому угодно. Директор тоже имеет право на человеческое отношение к себе и вправе настаивать, чтобы любопытные не заглядывали к нему через забор.

Выступили другие присутствующие, требуя, чтобы тов. Кретов извинился перед тов. Монаховым.

Суд, совещаясь на месте, решил обязать Кретова принести публичное извинение Монахову В.А.

Кретов извинился.

Заседание суда объявлено закрытым».

Ковальский положил прочитанные листки на край стола.

«Чем не «Война и мир» местного масштаба?» — отметил он с горечью и водрузил на листки с протоколами толстую папку заводских отчётов. Словно отгородился, желая забыть постыдную возню.

ХII

Было ясно, что заводчане активнее включатся во внедрение принципов хозрасчёта, если им доверят хотя бы частично распределять фонды оплаты. Это предусматривалось внутризаводским Положением, которое было почти готово. Шла подготовка к переводу всех структурных подразделений на новые формы хозяйствования с начала следующего года. Несколько цехов уже готовы. Но заморочек ещё много.

...А атаки прессы продолжали лихорадить заводчан. Чехлову, только что избранному председателем Совета трудового коллектива цеха № 18, не терпелось. Хотелось действовать! И не как-нибудь, а с размахом. Он писал в заводской газете:

«В начале марта работники цеха избрали Совет трудового коллектива. Вскоре состоялось общее собрание, на котором по инициативе Совета обсуждался вопрос о немедленном переходе цеха на полный хозрасчёт. Все проголосовали «за». Резолюцию собрания решили опубликовать в многотиражке...»

Но, как дошло до практических шагов, оказалось — все против, в том числе, и директор завода А. Ковальский.

И теперь, как только начинаешь говорить с кем-нибудь из администрации о немедленном внедрении внутризаводского хозрасчёта, в ответ слышишь десятки вопросов: а если случится то-то, а как быть тогда-то. Будто я вчера придумал хозрасчёт, а сегодня пытаюсь его внедрить.

Надо действовать решительно! К этому призывают нас установки июньского Пленума ЦК КПСС, который состоялся ещё в 1987 году. Сколькo можно ждать и раскачиваться?»

Ему вторил Слётов, сотрудник городской газеты:

«...Мнение специалистов, несомненно, заслуживает того, чтобы к нему прислушаться. Но это только одна чаша весов, на другой — позиция коллектива, Совета и его председателя!

...Мысли рабочего не стали достоянием курилок, не вылились в брюзжание у телевизора. Они стали позицией наступательной. Чехлов настойчиво стучится в двери служебных кабинетов. Убеждает, доказывает. Но везде ответ один — рано. Как тут не усомниться! И многие рабочие засомневались, нет, не в правоте Чехлова, а в том, удастся ли ему добиться перевода цеха на хозрасчёт».

Далее шло неподражаемое:

«В экономическом справочнике я обнаружил такое утверждение — внедрение внутризаводского хозрасчёта приводит к пятнадцатипроцентному росту производительности труда...».

Заканчивалась статья прямо-таки подстрекательски:

«...мы предлагаем высказаться по существу проблемы всем желающим: рабочим, инженерам, экономистам города.

Хотим также внести конкретное предложение в адрес коллектива цеха: уважаемые товарищи, берите дело в свои руки! Подготовьте план организационно-технических мероприятий, то есть план перехода на хозрасчёт и добивайтесь его осуществления».

Перед обеденным перерывом Ковальскому позвонил генеральный директор объединения Варичев.

— Понимаешь, весь город читает газету о твоих неладах с коллективом восемнадцатого цеха. Во время гласности надо соблюдать правила игры. Я подъеду прямо в цех сегодня в 15.45. Поговорим с народом, пообсуждаем...

— Мы работаем над внедрением хозрасчёта в плановом порядке. Ещё не все, в том числе, и работники этого цеха, прошли обучение, зачем разводить анархию?

— Приезжай в цех, начнём с твоего доклада, — прозвучало в трубке и послышались короткие гудки.

...Направляясь в цех, Ковальский предупредил начальников планового отдела и отдела труда и заработной платы:

— Будьте готовы основательно выступить.

Ему никак не хотелось разжигать дискуссию. Поэтому сам для начала решил выступить лаконично. А уж потом — как дело пойдёт.

* * *

Красный уголок более чем на сто человек заполнен до отказа. Пришли работники и соседних цехов.

Ковальский заметил в углу о окна нахохлившегося Слётова — автора статьи о хозрасчёте в городской газете, тут же подумал: «Кто его пустил, я пропуск не подписывал?».

Вошёл Варичев. Громко и игриво произнес: «Здрасьте!» — сел за стол президиума.

«Что они ещё придумали? Этому кору из «городской печати» только бы жареное схватить. Как получилось, что им удержу нет? Неужели не видно, что газетчики не дают работать? — думал Ковальский, направляясь к трибуне. — Всем хочется порулить. Вершим перестройку, но каждый новый день — только разрушение...»

...Когда Ковальский закончил своё выступление, встал председатель СТК цеха Чехлов.

— У вас, товарищ директор, какая заработная плата?

— Наверняка знаете.

— Да, — произнёс Чехлов. — Директорский оклад — четыреста рублей плюс премия. Так вот, товарищи цеховики, я гарантирую пятьсот в месяц каждому из вас, если выде-

лимся из заводской структуры и перейдём на полный хозрасчёт.

— Откуда возьмутся деньги, ведь цех зависит от поставки сырья, общего технологического процесса, сбыта! Это заводская система, ею надо управлять. Она часто даёт сбои, — не выдержал начальник цеха Коршунов.

— Вот мы и будем управлять, народ. Разработаем текст договора: сырьё — ваша обязанность, сбыт — товарища директора, технология — цеховых итээр, которые у нас спят на ходу. Мы их тоже переизберём, если надо, от мастера до начальника цеха. Наше право! Делить деньги будем сами! Сегодня необходимо решить, когда же, наконец, будем внедрять новое.

— Как всё дико! — невольно вырвалось у Ковальского.

— Не дико! — вмешался Варичев. — Это говорит народ, а народ всегда прав! Верно, ребята?!

Гул одобрения прошёл по красному уголку.

— Я на первобытном уровне, на эмоциях не собираюсь работать. Есть хозрасчётная комиссия, она готовит всё необходимое. Уже есть, что смотреть. Специалисты цеха изучают, — отреагировал директор. — Обсудим всё, тогда решим.

Варичев напирал:

— Очень уж вы неторопливы, товарищ директор, живая жизнь требует быстрых и энергичных решений. А вы всё приноживаетесь. Опоздаете — жизнь обгонит. Время требует!

«Понесло по кочкам демагогии. Надо крепче ответить», — решил Ковальский, но не успел.

В бой ринулся Кретов.

— Директор поделкатничал. Я добавлю своё. Чехлов ратует не просто за хозрасчёт, а за полный хозрасчёт. И всё в его словах, вроде, правильно. Как правильно и то, что его придумали не вчера. И действительно, за хозрасчёт ратовал ещё Ленин. Но правильно и то, что подлинный хозрасчёт до сих пор не стал нормой хозяйствования предприятий, не говоря уж о цехах. По Чехлову, проект Закона о социалистическом предприятии снял все препоны на пути внедрения хозрасчёта. Это — заблуждение.

— Как вы ловко всё в одну кучу свалили, — внушительным тоном произнёс Чехлов.

Кретов будто не расслышал. Продолжал спокойно:

— «Азбучные истины хозрасчёта» оказались не по зубам лучшим умам страны, которые разрабатывали проект Закона, а не только руководителям-«ретроградам» нашего завода.

— Нам бы поконкретнее, — раздалось с заднего ряда.

— Могу конкретнее. Я просто не хотел забивать ваши головы цифрами.

— Обижаете, — прозвучал тот же голос.

— Так вот, — продолжал Кретов, — по итогам прошлого года наш коллектив заработал по своим показателям сверх планового фонда материального поощрения кругленькую сумму. Но получил в два раза меньше, так как наше объединение из-за неудовлетворительной работы в целом потеряло шестьдесят процентов фондов материального поощрения. В результате, и коллектив нашего завода лишился тринадцатой зарплаты. Просьбы руководства объединения о выделении средств на неё из централизованного фонда министерство не удовлетворило. Для примера рассмотрим конкретнее итоги работы первого квартала прошлого года. И попробуем их оценить по условиям «полного» хозрасчёта. Будто это случилось в этом году.

Тогда, по причине аварии на теплоцентрали, снабжающей нас паром, завод недодал продукции на 2,2 миллиона рублей, прямые материальные убытки превысили сотни тысяч рублей. Но главное — штрафы за недопоставки. И мы будем платить их до тех пор, пока не выполним обязательства. А они возникли, как вы знаете, по вине энергетиков. При полном хозрасчёте все эти убытки должен возмещать виновник, в данном случае — энергетика, но попробуйте с них получить!

— А что же директор молчит?! Надо наказать их! Власть есть или нет? — гневно возмутился Чехлов.

Кретов удручённо замотал головой. Ковальский посчитал необходимым ответить:

— Мы используем всё, что в наших силах, но по действующему законодательству энергосберегающие организации, как и предприятия транспорта и связи, несут ограниченную ответственность за невыполнение договорных обязательств. Поэтому мы сможем взыскать с них только небольшую часть наших убытков.

— Опять двадцать пять! — театрально воздев руки над головой, звучно произнёс Чехлов. И посмотрел торжествующе на Варичева.

Тот многозначительно хмыкнул.

Кретов вытянул руку с загнутым указательным пальцем.

— В итоге, за первый квартал было бы начислено менее половины фонда оплаты, меньше начисления будут и в последующем. Не может руководство завода гарантировать коллективам цехов сохранение базовых фондов зарплаты и материального поощрения и полное вознаграждение по результатам работы. Из конкретных данных видно: в существующих пока условиях эти фонды могут уменьшаться не по вине руководства и коллектива.

— Кругом вода, а мы на лыжах, так, что ли? — насмешливо произнёс председатель СТК цеха.

— Ты, Георгий Семёнович, видел фильм «Председатель»? — не выдержал начальник цеха основательный Коршунов.

— А что? — лицо Чехлова вытянулось.

— Там председатель, которого играет артист Ульянов, одной бабке, всё забежавшей в разговоре вперёд, сказал, что с ней хорошо на пару, я извиняюсь, дерьмо есть — всё норвила вперёд забежать. Вот и ты так! Не мешай хотя бы говорить...

— И работать не мешай! — проговорил чей-то уверенный голос за спиной Ковальского.

— Полегче, полегче, — попытался осадить начальника цеха Стулин. — Мы не в колхозе всё же... Председатель — кино... Тут посложнее...

Поднялся бригадир слесарей Негорожин, которого на заводе многие зовут «Нержавейкой».

— Начальник цеха прав, у Чехлова вместе с перестройкой будто выскочил чирей на известном месте. Не сидится... Всё дёргается... Что ты всё выпрыгиваешь? — обратился он к Чехлову. — Ещё пару лет назад ошивался по курилкам, не доищешься. Теперь — на белом коне? Противно смотреть на твои попытки опозорить кого-нибудь безнаказанно.

— Что за манера разговаривать? — Стулин развёл руками. — Некому вас в цехе приструнить?

— Не надо стращать, товарищ секретарь. Я беспартийный — раз, — спокойно продолжал Негорожин. — И два: вздуваете наказать, разряд снять, от работы освободить — пожалуйте, свою восьмикилограммовую кувалду я вам уступлю. Могу сюда принести её. А вот вам информация к размышле-

нию: Чехлов уже дважды пытался повысить разряд. Оба раза завалил экзамены. Теперь старается. И во всём ему начальник виноват. Время какое пришло: рвут всё на себя. Отдать ему, что ли, свой разряд? Пусть успокоится. А то собрал народу-то, аж генеральный прискакал! Когда и кто вкальвать будет за нас, а? Ещё год назад цех стабильно работал, теперь в хвосте плетёмся... Всё враскорячку.

Такого никто не ожидал. Послышались нестройные голоса:

— Начальнику цеха не даёт работать.

— Да и остальным — тоже.

— Ваш начальник цеха прав: нельзя торопиться с полным хозрасчётом. Это было бы авантюрой, хотя внешне соответствует духу перестройки, — с кислым видом, выждав перепалку, подал голос Кретов.

Чехлов сорвался со стула.

— Товарищ директор, вы поддерживаете своего боевого плановика? — он небрежно кивнул в сторону Кретова. — Хозрасчёт — авантюра?

— Его доводы по существу вопроса верны. Я говорил до него о сути проблемы обобщённо. Он привёл конкретные данные. Не слышали? — отозвался Ковальский. — Если нужно в третий раз повторить, попрошу начальника нашего отдела труда... С учётом вашего прокурорского тона... И жгучего желания навешивать ярлыки. Ваша решительность — от незнания дела.

По лицу Чехлова поползла глумливая ухмылка. Он, было, поднял правую руку так, словно в ней сабля, но опередил Суслов чётким бесстрастным голосом:

— Я, грешный, думал, что времена организованной мысли и фанатизма полубразованных людей прошли...

Сказанное не все поняли сразу, в том числе, и Чехлов. Он опустил руку, словно ткнул сверкающую сталь в ножны. Исподлобья глянул в зал.

На выручку поспешил Варичев:

— Послушать, так начальник планового отдела — герой-одиночка и оракул. Он один всё знает! Я намеренно дал себе слово не выступать, а послушать... Но нельзя терпеть... И это всё? — обратился он к Кретову. — А как же с директивными документами, с общим курсом на полный хозрасчёт? А вы, Суслов, не политизируйте: хозрасчёт — и в Африке хозрасчёт!

— Не всё! — ответил Кретов запальчиво, что несколько портило впечатление. — Речь идёт о нереальных заданиях по прибыли и производительности труда, установленных вами заводу на 1989-1990 годы. И не только нашему. Причём, без каких-либо технико-экономических обоснований! Такие темпы нереальны, поскольку обеспечить их нужно только за счёт внутренних резервов, так как практически весь фонд развития производства запланирован на строительство этиленового завода с вводом в конце 1990 года.

— А внутренние резервы — не в счёт? — басовито молвил Варичев.

Кретов, не смутившись, уверенно продолжал:

— Резервы, безусловно, есть. Но они не так велики из-за высокого уровня освоения производственных мощностей.

Поднялся секретарь парткома Стулин:

— Убеждён, что коллектив завода, умеющий работать в экстремальных условиях, найдёт необходимые силы и резервы. Беспокоит то, что говорят, в основном, о зарплате. Материальная заинтересованность — вещь важная. А как же с другими проблемами: борьбой с загазованностью, внедрением новой техники, укреплением дисциплины? — Он замолчал, окинув значительным взглядом присутствующих. Выдержав паузу, ровно такую, какую требовалось, проникновенно произнёс: — Конечно, большая недоработка администрации, парткома и профкома в том, что люди увидели перестройку только в вывешивании плакатов. А надо всё вкладывать в устранение внешних грозных факторов, препятствующих работе завода в условиях хозрасчёта.

Когда он замолчал, Чехлов недоумённо поглядел на него. «Мастера всё валить на внешние факторы», — красноречиво говорил его взгляд. Лицо секретаря тронула усмешка.

Варичев молчал. Никто не предлагал проекта решения. Стулин произнёс:

— Давайте, товарищи, не будем и впредь прекращать дискуссию о порядке внедрения полного хозрасчёта. Ведь, как известно, в спорах рождается истина.

После его слов вновь поднялся Чехлов.

— А я вот читал интервью с нашим первым секретарём обкома Алдоным, он говорит, что перевод всей области на полный

региональный хозрасчёт — единственно верный путь развития. А у нас на заводе цех не решаются перевести. Куда это годится?

После заключительного слова секретаря парткома сказанное Чехловым — как бы уже ни к чему.

Голос его потонул в общем шуме встающих с мест.

«Собственного ума хватило, чтобы не принимать конкретного решения? Или это игра Варичева?» — размышлял Ковальский, заметив, как Чехлов и Варичев в который раз обменялись взглядами.

Чехлов продолжал сидеть в президиуме. К нему подошёл Кипнис и они о чём-то заговорили меж собой, явно важничая на публике.

Это не понравилось главному технологу Долгову. Он приблизился и безапелляционно заявил:

— Хотим этого или нет, а сообща разваливаем страну. Как ребятня в песочнице возитесь. Пыль и песок в глаза...

Глаза у Кипниса округлились. Но он, как ему показалось, нашёлся.

— Доберёмся и до технологии вашей, послушаем и вас...

Когда небольшими группами возвращались в заводоуправление, Ковальский спросил секретаря парткома:

— Откуда в цехе такой решительный спец взялся?

— Чехлов-то? — отозвался деланно равнодушно Стулин. — Кадровый рабочий, всю жизнь в цехе.

— Я его раньше вообще не слышал и не видел, а теперь даже городская газета заявляет, что у меня с ним конфликт...

— Он — рабочая косточка, в гуще коллектива. Потому не видно было.

Около киоска «Союзпечать» Стулин попрощался. Ковальский и начальник отдела труда и заработной платы Гришаева остались одни.

— Что вы думаете о сегодняшнем разговоре, Галина Михайловна?

Немного помолчав, она ответила:

— Я, может, чего-то не понимаю. Может, не моё дело, но все кинулись в хозрасчёт. На него начали молиться, а ведь его уже много раз поднимали на щит. Гудели о нём, а толку? Помните ленинское: социализм — это учёт? Ещё тогда... А к чему пришли?.. Чехлов никакой не кадровый рабочий, просто не состояв-

шийся специалист. Бывший военный, попал под сокращение. Приехал к нам работать. Учился в вечернем институте, но не закончил. Те, кто хуже всех раньше работали, теперь больше всех кричат. Верно?

— Да, демократия должна оставаться за воротами предприятия.

— Вы в этом уверены?

Она даже приостановилась. Взглянула внимательно в лицо спутнику.

— Конечно.

— Как же вам тогда тяжело!

— А вы прямо детектив какой-то. Откуда сведения о Чехлове?

— Жили через улицу. Я — в женском, он — в мужском общежитии, в одной комнате с Туркиным. Только тот не пил, не гулял. Но был активистом, а Чехлов — бабник и на работе не переломится.

«Так Туркин и Чехлов давние знакомые», — отметил про себя Ковальский.

— Чехлов моей подруге жизнь испортил. Длинная история.

— Галина Михайловна, а вот, говорят, будто Туркин заявлял, что непременно станет министром?

— Было такое, когда ещё в цехе начальником смены работал. И мастером спорта по шахматам обещал быть. Как видите, мастером спорта стал, замминистра — тоже. Он воспитывался в детдоме в Гамалеевке, что под Оренбургом. И я оттуда. Во время эвакуации под Минском эшелон с беженцами разбомбили, родители погибли. Он выжил. Ему досталось.

— Его левая рука обезображена от плеча до кисти. Я видел.

— Это с войны. Но ему ещё два осколка попали в ногу. В подвижных видах спорта был незаметен, а во всём остальном и в шахматах — азартен. Самый активный у нас комсомолец, позже — партийный работник.

— Стратег?

— Всякими ухищрениями неустанно пробивается наверх. Для надёжности окружает себя похожими. Вот и вся его стратегия. Упорный. И его сын, Игорёк, такой же. Ломится во власть. Деятельная порода. Я не знаю, может, такие, рвущиеся, и делают жизнь? Но не по костям же шагать?.. А в работе Туркин себя никогда не жалел. В его время объединение строило по двести

квартир в год хозспособом. Он развернул такую деятельность! Везде успевает. Ему горожане благодарны за жильё. Варичев подхватил, было, но какое теперь строительство... Первая жена у Туркина рано умерла, оставила ему Игоря. Вторая ушла, не выдержала. Кроме завода, ему времени ни на семью, ни на досуг потом уж не хватало. Таких деятельных, как он, я не видела. Но какая цена всему этому?

Они подошли к заводууправлению. От белокипенных бутонов жасмина, кусты которого сгрудились в середине разнеженной в золотом зное цветочной клумбы, повеяло тонким ароматом.

С утра скошенная, подвяленная трава рядом с клумбой меж лип, липы и узорчатый ковёр цветов источали нежный, волнующий медовый аромат.

Румяный июнь дарил свои запахи спелости.

Чутко уловив их, Александр мысленно спохватился: «Шиповник уже наверняка расцвёл! Теперь весь берег Самарки около Ледянки — алый. Съездить бы...».

Галина Михайловна спросила:

— Странно, почему вы допускаете, чтобы вас возил бывший шофёр Туркина?

— А что? — нарочито беспечно проговорил Ковальский.

— Да он же стукач. Через него напрямую идёт информация бывшему шефу. Наверняка. Я знаю его, — она показала пальцем вверх. — Приёмы отработанные.

— Я ничего не делаю противозаконного.

Она усмехнулась:

— Но под колпаком приятно, что ли? Лишнего не скажи...

— Галина Михайловна, по-моему, вы немножко недооцениваете своего руководителя.

Она засмеялась:

— Дезинформируете через него?

Ковальский молчал.

— Ну-у, дела-а, — протянула она. И тут к ней пришла догадка: — И безопасней на дороге, пока он... вместе с вами в машине!

Поглядывая на окна заводууправления (помнил, что оттуда хорошо слышно), Александр проговорил негромко:

*— Худо было мне, худо...
Но едва лишь начну про это,
Люди спрашивают: откуда,
Где подслушано, кем напето?
Дураки спешат смеяться,
Чистоплюи воротят морду...
Как легко мне было сломаться,
И сорваться, и спиться, к чёрту!*

— Это ваши стихи? — грудным голосом спросила Галина Михайловна. — Мне Владимир Владимирович говорил, что вы пишете...

— Александра Галича, — ответил Ковальский, улыбнувшись.

Его безмятежная улыбка запутала её. Не удержалась:

— Берегите себя, сохраните, какой вы есть...

...Уже в кабинете Галина Михайловна разволновалась: «Если выдавят с завода Ковальского, я тоже уйду. Насмотрелась. Больше не хочу».

* * *

Субботнее солнечное июльское утро.

В такой денёк хорошо махнуть на заводскую турбазу, посидеть с удочками на озере либо полежать на песочке.

Александр с Настей с вечера, к радости Сережи и Ани, так и планировали. Весь вечер готовились к поездке. Теперь всё срывалось.

На водозаборе случилась под утро неполадка, грозившая прекращением подачи воды на предприятия города.

Ковальский засобирался на завод.

Сергей давно знает: когда говорят дома «неполадка», «авария», упрашивать бесполезно. Насупившись, ушёл в свою комнату. Настя пошла успокаивать.

— Ладно, ребята, вернусь, может, ещё и успеем, до вечера далеко, — обнадёжил глава семейства.

— Хорошо, мы тогда ходим втроём по магазинам. Кое-что посмотрим из обуви, — согласилась Анастасия. — Приедут мама и Сонька, придумаем, что делать.

Александр уехал. Зазвонил звонок.

Едва Сережа под нетерпеливые трели открыл входную дверь, вкатился крепыш Борька с восьмого этажа и, как обычно, затараторил взволнованно:

— Я видел, твой отец умчался только что! И сразу догадался, что ты, Серый, никуда не едешь, как говорил вчера. Пошли со мной, ага?

— Куда? — отступая в коридор, спросил Сергей.

— На озеро. Мой папка идёт ремонтировать машину в гараж. Он на самом берегу.

Кудряшки на висках у Борьки смешно шевелились, синие круглые глаза беспокойно смотрели на Серёжкину мать.

Сергей загорелся сразу.

— Мам, я пойду? Папка точно скоро не приедет.

— Я так не могу, надо с отцом Бори поговорить. Ты плавать совсем не умеешь.

— Да пускай идёт. Гараж прямо на берегу стоит. Купаться я им не позволю, там тина. Будут на глазах, — заверил отец Бориса.

Он уже стоял у открытой двери с рюкзаком.

Анастасия взглянула на Сергея, хотела что-то сказать, но тот опередил:

— Мамочка, ну, пожалуйста. Отцу некогда, тебе — тоже.

— Хорошо, но к обеду надо обязательно вернуться, — согласилась мать.

— Вернёмся, — заверил Наумов-старший.

...Позже, рассказывая о случившемся, Настя не могла объяснить, почему по пути домой нестерпимо захотелось посмотреть, всё ли нормально у Серёжи. Едва появившись у воды, она сразу увидела на противоположной стороне озера Бориса и Сергея.

Прятели пошумливали на конце длинных мостков. Балуюсь, брызгали друг в друга водой, присев на самом краю. Она видела, как они одновременно со смехом, толкаясь, вскочили. Сергей ступил ногой мимо доски и сорвался.

Шли мгновения, а он не появлялся.

Борис побежал к гаражам. Она пыталась закричать, позвать на помощь — голос пропал.

Не помня себя, кинулась вдоль берега, забыв об Анне.

Голос прорвался — страшный, дикий...

Тут же из кучки распивавших пиво парней стремительно отделился один, в плавках, в трепещущей, как флаг на ветру, красной рубашке.

Казалось, прошла вечность.

Парень в красной рубашке несколько раз нырнул...

— Нету нигде! — выкрикнул ошалело.

— Ещѐ! — не помня себя, закричала Настя и бросилась в воду...

Она забыла, что не умеет плавать.

— Нету?

Словно ослепнув, хваталась за край мостков. Из полубомбочного состояния Анастасию вывел дрожащий голос парня:

— Рубашку ногой зацепил, случайно...

...Он суетился около Серёжи. Оторвавшись от мостков, Настя дошла до берега. Упала около них. Ноги не слушались. С диким изумлением услышала:

— Как же ты не наглотался? Так долго был под водой...

— Мостик низкий, я вынырнул под ним и стукнулся головой, задрал вверх лицо, хватнул воздух и назад... Два раза так... никак из-под него...

Собрались зеваки.

Женщина с детским велосипедом тонким голосом возмутилась:

— Как таких матерей земля носит? Ребѐнка оставила без присмотра у воды!

— Ироды, а не матери пошли, — поддержала её другая и грубо выругалась.

Настя кое-как поднялась. Нашла глазами Аню, взяла за руку сына. Как могли, заторопились домой.

Александр, только что вернувшийся с завода, встретил их у подъезда.

— Что-то вы такие?.. — произнёс он и осѐкся. — Настя! Ты что?.. Ты же белая...

Так Настенька враз поседела.

XIII

— Конечно, очень многое зависит от культуры, от экологии человеческой души. И если общество не уяснит этого, то многое потеряем...

С появлением говорившего это человека в кабинете Ковальского будто раздвинулись стены. Они уже более часа сидели друг против друга. Речь шла о вещах тревожных.

— Сейчас я — проректор по учебной работе. Хочу оставить кафедру химической технологии и промышленной экологии. Предлагаю её тебе. Всё у тебя есть: и опыт, и учёная степень, и твоё имя. Я говорил со студентами: то, что ты даёшь на лекциях по химической технологии, ценят высоко. Года два будешь по совместительству, а там, глядишь, восстановится потихоньку порядок в высшем образовании. Начнут нормально платить, перейдёшь окончательно.

— Я сейчас, Валентин Сафронович, уходить с завода не могу.

— Почему? Ведь большую половину энергии наверняка здесь тратишь нерационально. В такой перестроечной волне выдохнуться можно.

— На заводе зреет решимость выйти из объединения под прямое подчинение министерства. Хотим стать окончательно самостоятельными. Директором коллектив видит меня. Я не могу подвести, это будет предательством. Мы сейчас, как на переправе. А совмещение не по мне. Какой из меня свадебный генерал? Попытаюсь кое-что здесь сделать. Большое желание построить новое производства полиэтилена. За счёт него оживить завод, а нынешнюю никчёмную стройку прикрыть.

— Жаль! Потом сложнее будет кафедру получить.

— Помните, — с улыбкой произнёс Ковальский, — я начал в нефтехимии в начале шестидесятых в Новокуйбышевске на производстве полиэтилена? Теперь, когда у нас тут похожее производство идёт под закрытие, попробую построить современное. Как бы начать новую жизнь! Вам должно быть это понятно. Вы там были начальником цеха.

— Навряд ли что у тебя получится за счёт собственных средств. Да и технологии такой у нас в стране нет. Заметный рост промышленности на основе нынешних производственных ресурсов уже невозможен. Скорее, заграничные инвестиции в новые технологии подтолкнут. Они должны будут проходить государственную экологическую экспертизу. В этом есть и положительный момент. Появится надежда, что всё новое в промышленности, прирастающее капвложениями, станет экологически чище, чем то, что имеем.

— Конечно, до чистой среды ещё далеко, — произнёс Ковальский. — Нам, россиянам, скоро пить будет нечего. Нет чистой воды. Раньше, чем лет через двадцать, эту проблему не решить. Тут требуются огромные затраты и, что важно — в основном производство. Я уверен, что только очистными сооружениями дело не выправить...

— Да, — согласился Самарин. — По воздействию на организм человека сейчас именно вода на первом месте. Воздух — на втором. Уже потом — всё остальное. Прямые отравления пестицидами отмечаются в мире ежегодно у двух миллионов человек. Около пятидесяти тысяч приводят к смерти. В зависимости от структуры загрязнения пестицидами растут сердечно-сосудистые и эндокринные патологии, аллергические заболевания.

— Есть ли выход? — невесело произнёс Ковальский.

— Есть, — убеждённо проговорил Самарин. — Но этот путь — ты прав — долгий. И связан — тоже прав — с технологиями. А если смотреть глубже, то с человеком, его душой!

Ковальский невольно вскинул голову.

Гость продолжал:

— Спасение надо искать в человеке. С самого детства мы должны понимать, как важно беречь окружающий мир...

— Валентин Сафронович, вы знали профессора Засекина?

— Слышал фамилию, кажется, работал такой в нашем институте когда-то, а что?

— Этот профессор был убеждён, что будущее человечества, в конечном итоге, будет зависеть от качеств каждого из нас. Он имел свою теорию на этот счёт. Выходит, прав? «Прогресс, в том виде, в котором он сейчас развивается, — мрак, гибель», — это его слова.

— Где сейчас профессор?

— Умер.

— Очень жаль. Интересно бы с ним пообщаться. Я как раз готовлю программу курса по ресурсосбережению и пришёл к выводу о необходимости читать лекции студентам по гуманитарным наукам. Надо заниматься душой человека. Бездушный инженер — плохой специалист. Живую душу человека можно сравнить с источником, с деревенским колодецем, из которого берут воду. Колодец и родник имеют удивительное свойство: чем больше черпаешь из него, тем чище становится вода. Так

и с человеком: чем больше отдаёт он себя людям, чем внимательнее и бережливее его отношение к окружающему миру, тем выше дух. Жить праведно дано немногим. Доступно, пожалуй, лишь истовым подвижникам. Но жить по чести и жить ответственно — должно быть по плечу каждому из нас. И исполнять свои дела по совести тоже доступно каждому. Тогда и общество будет другим... Качественным, если угодно...

«Будто Засекин говорит», — вновь удивился Ковальский.

— Здорово мы, химики, «нахимичили», если так серьёзно обстоят дела: переделывать человека — не очень-то лёгкое занятие, — раздумчиво произнёс он.

— А другого нет, спасение в самом человеке. Я много думал об этом... И потом, не только химики «нахимичили»... Если говорить о технической стороне дела, то возьми нашу матушку-Волгу.

— А что Волга? — по инерции спросил Ковальский.

Самарин неторопливо ответил:

— Куйбышевское водохранилище, и не одно оно, принесло беду реке. До резервирования стока Волга несла питьевую воду. Быстрое, турбулентное течение восходящими и нисходящими потоками делало своё дело. Все слои приходили в соприкосновение с воздухом и насыщались кислородом. Водоохранилище, как озеро без родников, неподвижно, и глубинные, и поверхностные воды не соприкасаются с воздухом. Микроводоросли покрывают поверхность. Так зеленеют и зарастают старые запущенные пруды. Река должна течь! Её свойство — перемещать свои воды — сложилось миллионы лет назад. Корни процесса лежат в истории Земли. Человек нарушил этот закон. Что теперь имеем? Вокруг водохранилища почти исчезли пляжи. Пойма с богатейшими сенокосными угодьями исчезла.

— Насмотрелся. Видел, сколько травы погибает в лугах, отрезанных от суши водой, сенокосы там устраивать невозможно.

— Да-да, — согласился Самарин. — Это так. А что теперь видят туристы в нашем национальном парке? Малодоступные берега и гнилую воду.

— Так где же выход из «достижений» нашего технического прогресса? — не удержался Ковальский. — Так же, как и в химии, — тупик?

— Волге надо вернуть статус реки! Она должна течь без преград. Вольно!

Ковальский неуверенно пожал плечами:

— Но стоит ли затевать реконструкцию одного водохранилища? А остальные? Всё, почти как в нашей химии, с некоторыми своими, специфическими особенностями. Что делать с Ивановской, Угличской, Рыбинской, Горьковской, Волгоградской гидроэлектростанциями?

У Самарина и на это был ответ:

— Специалисты утверждают, что при снижении уровня водохранилища разрушение берегов снижается. При прочих равных условиях, чем больше поверхность воды, тем сильнее идёт разрушение. Начать можно было бы с Куйбышевского моря, первого в мире по величине.

— Никто не решится снижать его уровень, а уж тем более реконструировать все водохранилища. Не до этого.

— Конечно. И это при несомненной угрозе национальной катастрофы. Северная часть водохранилища сейсмически опасна. В кристаллическом фундаменте, на котором покоятся осадочные породы, крупные разломы. К разлому от Казани до широты Ульяновска примыкает погребённое русло. Река Нижняя Кама течёт вдоль крупного разлома. Скрещивающиеся разломы при разнонаправленных подвижках могут оказаться центрами сейсмических процессов. И... вся эта гигантская машина воды может прийти в неуправляемое движение...

...Они ещё долго не спеша разговаривали. Пили чай.

Ковальскому нравился Самарин. Эрудиция и цельность его природы восхищали.

Беседа уже стала затихать, когда Александр спросил:

— А вот Зацепин — художник, который женился на Гвоздковой Ирине, он так вдохновенно говорил о нефтехимии, где он? Его заводские пейзажи у нас выставлялись, помните? Я у вас в кабинете его видел. До сих пор помню, как забавно смотрелась одна картина: клубы дыма и пара поднимаются над заводом красочно и буйно, олицетворяя бодрое созидательное начало. А ведь налицо бесхозяйственность и расточительство. Теперь это понятно всем. Наивная картина, в духе тех лет.

— Грустная история. Он года три назад спился.

— Не верится!

— Что-то сломалось внутри. «Не тому богу молился», — так он мне объяснил. Запил, Ирина ушла, невозможно стало с ним жить. Это тоже экология. Свой талант посвятил техническому прогрессу, и он его подмял. Я потом просмотрел все его картины. Всё железное, бетонное. Были и портреты людей из серии «Люди большой химии», но... Душа улетучилась и всё рассыпалось. Всё, нарисованное им, не стоит одной левитановской «Осени». Грустно и поучительно. Доконала его и трагедия с родным Чапаевском.

— А что?

— Крепко отравлен.

— Неужели бесповоротно?

Самарин посмотрел пристально на Ковальского.

— Видишь, как мы привыкли, а ведь с городом вершится страшное. — Он провёл пятернёй левой руки по своей ярко-рыжей шевелюре и продолжил: — Зацепин, как человек восторженный, одержимый, много ездил по стране, многое видел. Узнал многое. А в многознании, как говорится, много печали. У него не было детей. Стал доискиваться до причины и оказалось, что диоксины, возможно, тому виной. Это засело в голову... Его отец работал в бывшем производстве хлороорганических пестицидов в Чапаевске и жили они через дорогу от завода.

— Неужели такая прямая связь? Поразительно! Человечество движется к бесплодию?

— Вероятно, — согласился Самарин. — В Чапаевске выше частота бесплодия как среди женщин, так и среди мужчин по сравнению с другими городами и областями России. Проживание в Чапаевске более двадцати лет увеличивает риск у женщин в три раза.

— А тем, кто родился не в Чапаевске, что уготовано? — почти воскликнул Ковальский.

— Если в шестидесятых годах в российские школы поступали более трети здоровых детей, то сейчас — 13%. В средних классах остается 8%, в старших — только 5%. Хронические патологии увеличились до 55%. Я однажды Зацепину подробную статистику приводил, может, зря. Тебе говорю без опаски. Ты — производственник, с крепкими нервами.

— Да уж... — неопределённо отозвался Ковальский. — Во всём этом, конечно, огромная доля химии. Но нефтехимия, я думаю, не так ударила по человеку. Диоксины — это больше химия.

— Не скажи... Исследования показали, что диоксины могут разлагаться в процессе сжигания и вновь образовываться при изменении температуры. Большое благо, казалось бы, мусоросжигающие заводы. А на деле — чудовищные монстры... именно вблизи их идёт заражение. С женщинами сложнее и драматичнее. Прогресс крепко и мужикам дал... по одному месту... Что характерно, это в наибольшей степени отмечено там, где развиты именно нефтехимия и сжигание мусора, — в Великобритании, Дании, Норвегии, США.

* * *

Провожая Валентина Сафроновича, Ковальский невесело думал: «Засекина и Калашникова не стало. Но появился другой человек — Самарин! И так же, как они, мучается над вопросами, которыми должны бы заниматься все живущие. Он сказал, что в опасности всё наше общество, а приходится биться в одиночку, в окружении кишачих чиновниками организаций. А воз и ныне там!.. Отчего образованный и совестливый человек всегда в одиночестве? Не оттого ли, что яснее видит окружающее, и не только зрением... Но что он, Дон Кихот, сделает один? Пусть даже в ранге профессора института. Нужна общегосударственная программа. Мировая программа! Но разве человечеству до неё?! Ещё Засекин мучился этим...».

XIV

Самарин уехал, а Ковальский всё не мог успокоиться. Вошла секретарь.

— Второй день звонит ваша землячка Тамара. Вчера народ был — планёрка. Сегодня — Самарин.

— Что за Тамара? — машинально спросил Ковальский.

— Заречная, кажется, фамилия.

Ковальский изменился в лице.

— Так что же вы?

— На проводе — берите трубку.

— Алло, алло, Саша, это ты? — услышал он едва узнаваемый голос Тамары.

— Да, Тамара, я.

— Ты прости меня, пожалуйста. Я так настойчива оттого, что завтра еду в Воронеж.

— Откуда звонишь?

— С вокзала в областном центре. Можем встретиться? Помнишь, когда в степи сажали сад, договорились собраться через двадцать пять лет.. Уже больше пролетело!

Ковальский на мгновение оказался в замешательстве. Вот так, лет пять назад, она уже однажды звонила. Перед отъездом. Он обещал подъехать к отправлению поезда и опоздал. Ни адреса её, ни телефона не знал. Было обидно и неловко, будто пообещал встретиться, только чтобы отвязаться...

Александр, взглянув на электронные часы над входной дверью, прикинул: через час надо быть лично у местных железнодорожников, потом на встрече с ветеранами... Если без обеда?..

— Могу, только часа через четыре, а где? — Ковальский волновался.

— В гостинице центрального автовокзала. Жду.

* * *

Он опаздывал. Но успел взять бутылку «Советского шампанского» и заскочил на рынок за цветами. У длинного цветочного прилавка замешкался.

— Красные розы не к месту, жёлтые — тоже не то. Хризантем нет, — досадовал он вслух.

— Цветы даме? — спросила крепенькая брюнетка, расправляя нарядные ленточки. Одобряюще кивнула Александру: — Вы должны явиться с розами — красными!

— Что-нибудь бы нейтральное...

— Ах, какие мы нерешительные! Или сложные? Не определились в чувствах? Тогда вот! — Она выдвинула высокую вазу на простор. — Мраморные розы! Чувства ещё не расцвели, но всё впереди! Или другое: были чувства, но пропали, память дорога! Так? Смотрите, как они сдержанно холодноваты. Но элегантны... Зеленоватый оттенок бесподобен. Какие глаза у вашей дамы?

Игривые слова обожгли Ковальского: «Понимает ли, что говорит? Прямо в точку».

Розы были прекрасны. Он согласно кивнул.

«Никогда не слышал, что есть такие — мраморные».

Потом, после встречи с Тамарой, понял: розы, впечатление от них и определили всё его поведение в тот вечер. Словно оказался в плену их магии.

...Едва вошёл в холл, слева с кресла поднялась женщина в светлом костюме. Он заметил это, но направился к администратору. И услышал за спиной:

— Саша!

Он обернулся.

Перед ним стояла стройная, элегантная, с аккуратно уложенной высокой причёской женщина. Ковальский смешался: была красивая дама, но не было Тамары Заречной. Вернее, еле-еле угадывалась. Глаза — её, но без мягких бархатных ресниц.

— Не узнал? — совсем негрустно спросила она.

— Узнал, — выправился Александр.

Руки их встретились. Ковальский, боясь выронить букет и полиэтиленовый пакет с шампанским и грушами, наклонился. Она коснулась губами его щёки.

— Молодец, что приехал! Пойдём в номер, там поговорим.

Ковальский протянул букет.

— Какие необычные, благородные такие...

«Специально сняла номер, зачем? Желает того, чего не случилось у нас тогда, в нашем саду?.. Не сложилась семейная жизнь? Слышал, развелась... Одна? Непохоже, такая эффектная дама! Трудно увидеть в ней то прелестное, голубоглазое, с роскошными ресницами существо. Но и сейчас так хороша собой... Тогда, в саду, мы были в апреле. Сад вот-вот готов был вспыхнуть зелёным пламенем, пели жаворонки над головой. Теперь — сентябрь и скоро по-осеннему зашумят берёзы на ветру. Что всё это значит?..» — путался в мыслях Ковальский.

Когда вошли в номер, она набрала воды в графин и поставила в него розы. Теперь цветы красовались на подоконнике. Притягивали взгляд.

В номере оказался всего один стул. Тамара села на кровать, а он, придвинув шаткий стол почти к её ногам, расположился

напротив. И тут же отметил, что словно непроизвольно отгородился этим столом. Ему показалось, что и она это почувствовала.

Александр налил в гранёные стаканы шампанское.

— Могли бы где-то в кафе посидеть, — слегка трогая кончиками пальцев стакан, произнёс Ковальский.

— Зачем? Там же поговорить не дадут.

Ковальскому было неловко перед ней за эти стаканы, да и шампанское оказалось тёплым.

— Думала, не найду тебя... Что, где-нибудь в верхах?

— Каких?

— Ну, каких?!

Он промолчал.

— Саша, а ты в нашем саду был? В степи?

— Два года назад.

— И антоновку нашу видел, которая... — Она помедлила и решила: — С пуговичкой...

Они коснулись стаканами и выпили.

Как хотелось ответить, что видел. Он и сам искал это дерево. Но не нашёл.

— Тамара, яблони той уже нет. Вообще сад поредел и одичал.

Сказав так, налил ещё шампанского.

Она внимательно посмотрела на него:

— Наши собирались там года два назад... Давай за наш сад!

— Его уже нет, — обронил Ковальский.

— Но был, Сашенька, понимаешь! У нашего поколения был свой сад. И это замечательно! — Тамара протянула руку со стаканом. — Полусладкое! Я так его когда-то любила. Чокнемся: «за наш сад»!

Она встала. Он — тоже. Глаза её блестели.

«Если сейчас выйду из-за стола и обниму её, окажемся в постели. Это скверно по отношению ко всему, что у нас с ней было. И к тому, что чувствую вообще сейчас. Постель всё испортит. Уйдёт очарование».

Тамара, словно о чём-то догадавшись, села.

— А я уже три дня, как приехала к матери, до этого здесь одноклассников разыскивала. Мы у Маши Нефёдовой собирались. Богатенько живут, свой большой дом. Нас было немного: пять человек. Чудные все такие стали. Изменились. Петька Струнни-

ков врачом стал. Подвыпил и при всех приставал: «Дай животик потрогать, он у тебя есть? Уж больно ты стройная — сохранилась!». Потом свалился спать. Помнишь, и раньше такой же был: побалагурит и «бай-бай». Они без меня уже ездили в наш сад.

У Александра все крутился на уме вопрос: как семейные дела? Но сдерживался, вдруг там рана.

Она угадала его немой вопрос.

— С мужем разошлась пять лет назад. Разменяли квартиру: я уехала в Воронеж. Дети взрослые, сын и дочь, потянулись из Хабаровска за мной. Дочка замужем, живут отдельно. Сын холостой. Через год после развода бывший муж, директор школы, заболел. Рак. Забрала к себе. В прошлом году похоронила.

...Бутылка на столе опустела.

Мраморные розы уже не притягивали взгляд, как вначале. В комнате полумрак.

— Я включу люстру, — произнёс Александр.

— Включи.

Он подошёл к двери. Свет резанул глаза. Ярко осветил забытые груши. Крупные, сочные плоды и сильный свет не вязались с тем, что прозвучало:

— Я, Сашенька, скоро умру. Старик нагадал. Месяц остался — вот и поехала посмотреть на всех, кто мне дорог..

Лицо его вздрогнуло. Он посмотрел на неё и что-то хотел сказать, но Тамара опередила:

— Он правду нагадал. Я и сама знаю. Сон видела: меня мама моя к себе зовёт..

— Бедненькая, зачем же так, разве можно... — он не знал, что сказать. — Ты такая красивая. — Смутился и добавил: — Сильно, наверное, намучилась с больным мужем за эти годы...

— Не будем об этом. Я сказала, может, зря.

Она помахала ладошкой перед глазами. Слез на глазах не было.

Они ещё посидели. Но разговор не клеился. Ему неловко было что-либо произносить после услышанного.

— Ты помнил меня?

— Да.

— Я так и знала, — она облегчённо улыбнулась. Почти шёпотом проговорила: — Пусть у тебя всё будет удачно.

Ковальский топтался у стола.

— Сашенька, иди! Я тебя увидела и мне хорошо теперь.

Она вышла из-за стола.

— Тамара, дай я тебя поцелую, — вырвалось у него.

Она выдохнула с лёгким стоном и развела руки.

Веки опущены. Лицо приподнято. Александр шагнул, обнял, невольно чувствуя тепло её груди.

Тамара стояла, не шелохнувшись.

Он поцеловал её в щёку и тихо отстранился.

Она продолжала стоять, не двигаясь. Тихо произнесла:

— Я провожу тебя.

Уже в машине спохватился, что не спросил ни номера телефона, ни адреса в Воронеже.

«Брат её в райцентре живёт, разыщу...»

Всю дорогу думал об этой щемящей встрече.

...— Так поздно сегодня? — проговорила Настя, встречая его у порога. — Десятый час уже доходит. Дети спят.

— Ребята уговорили в бильярд поиграть, потом посидели-посудачили, всё позвонить собирался...

Когда вешала в шкаф пиджак, чутко уловила запах женских духов.

Губы дрогнули.

Лишь это выдало её состояние.

XV

Дверь наполовину приоткрылась и Ковальский увидел бывшего заместителя директора по общим вопросам Крюкова. У них дружеские отношения. Выйдя на пенсию, тот иногда появляется на заводе.

— Заходите, Сергей Максимович.

— Тяжело? — спросил Крюков, садясь к столу.

— Непросто.

— Профком помогает?

— Куда там. Председатель делит власть с Советом трудового коллектива.

— А партком? Говорят, лавирует секретарь, выжидает. Главное, на первом плане у нашего Стулина — бабы...

— Всё знаете, — усмехнулся директор. — Что мне вам рассказывать?

— А ведь Татьяна, жена Стулина, когда он только возглавил партком, заявила, что доведёт своего муженька не менее как до секретаря обкома.

— Извините, Сергей Максимович, я сейчас, — Ковальский нажал кнопку на пульте.

— Слушаю, — энергично отозвалась секретарь.

— Евгения Ивановна, пожалуйста, дайте команду: мне нужен авиабилет на вечерний рейс, но не на самый последний, в Москву на сегодня. Только желательнее не на Як-40, на Ту-134.

— Хорошо.

— Как удачно, что я к вам зашёл до отъезда, — произнёс бывший зам.

— Почему?

— Говорить не хочется. С утра вам настроение портить. А что делать... Вижу, оно у вас и так не того... Хотите, одну историю расскажу, как мы в своё время рыбачили. Это, может, и к делу относится.

— Давайте, но через полчаса у меня будет куча народу...

— Понял, — произнёс Крюков и начал сходу: — Работал я тогда начальником отдела кадров на заводе, а Туркин был секретарём парткома.

За озером Лебяжьим есть ильмень. Когда приезжали на нашу турбазу, ходили туда с приятелем ловить линей. Запретное дело! Но мы потихоньку баловались.

Своеобразная эта была рыбалка. Ставили вдоль камышей метров в пять длиной крупно вязаную сетку, растянув её кольями в воде, и начинали из камышей «гнать» рыбу. Вынимая колья, поднимали сеть. В ней, как правило, трепыхались два-три крупных линя.

Большую часть улова обычно отдавали в столовую.

В тот раз пошли втроём. Прослышав про нашу забаву, увязался Каракуль, ну, Туркин то есть. «Соскучился по рыбалке, возьмите...» Когда начали ладить снасть, он энергично взялся за один конец сетки, оттеснив моего приятеля.

Есть такой закон у рыбаков: закон присутствия. Вчера ловилось, позавчера тоже неплохо рыбка шла, а сегодня, когда пригласили (в нашем случае, сам напросился) сотоварища — как отрезало: нет удачи, и всё тут. Трижды ставили снасть, ко-

тору Туркин тут же обозвал авоськой. Поймали всего лишь одного небольшого линька.

— Всё понимаю, — снисходительно улыбался секретарь, — на рыбалке так иногда бывает. У меня приятель есть... Когда подъезжаем к водоёму, спрашиваю: «Ну, как, Виктор, возьмём сегодня рыбку-то?» — «А как же? — отвечает. — Возьмём, куда же ей деться-то!» Полдня бездарно пройдёт, спрашиваю: «Ну, где твоя рыбка-то?». А он так же бодро, как и прежде, отвечает: «Так откуда ей тут взяться-то!».

Я уже начал отвязывать сетку, решив кончать с такой рыбалкой.

— Подожди, давай ещё, а? — попросил он. — Разок.

Я согласился. Натянули «авоську» и пошли в камыши «ботать». Он замешкался и его конец сетки после нашего загона стал вынимать мой приятель Николай.

Несмотря на усилия, нижний урез сетки не выходил из воды. Когда изо всей силы потянули — в сетке завозилась огромная щука. Величиной, пожалуй, чуть не с меня. Хищной пастью смотрела прямо на Николая. Вместо того, чтобы натянуть ещё сильнее бечеву, тот от растерянности опустил руку. Щука совершенно спокойно покидала сетку. Когда она повернула голову, я увидел её, как мне показалось, осмысленный и злорадный (других слов не подберу) взгляд. Мне стало ясно: её не возьмёшь! Она сильнее нас!

— А-а! — прозвучало воинствующе.

Это Туркин бросился на щуку и схватил чуть ниже головы. Она же, оставляя слизь, уходила из его рук. И ничто не могло её удержать...

Выбрались на берег. Ноги дрожат. Долго молчали.

Туркин потом говорил:

— Не понял: зачем кинулся. Но вы стояли, как мумии, надо было что-то делать?.. — И спросил неожиданно: — А вы заметили, какой у неё дьявольский взгляд? Я, ещё не схватив её, понял, что не удержу...

— Заметил, — подтвердил я.

Николай молчал. Он переволновался больше всех.

Азартный был, без удержу, этот Туркин. И рискованный: не всякий секретарь пойдёт втихаря рыбачить сеткой. Браконьерство же. Теперь осторожен. Но он разный — помни об этом!

Ковальский засмеялся, словно не слышал последних слов:

— И я однажды участвовал в такой рыбалке. Правда, щуки не было, а линей наловили.

Крюков ответил ему улыбкой и, взглянув на часы, покачал головой:

— Зашёл-то я вот с чем: готовится визит министерского начальства. Тучи сгоняют над твоей головой. Туркин, если чего захочет...

— И он приезжает?

— Да! Точно знаю. И главная причина — ты. Не прямодушничай. Любовь к власти у Туркина свирепа.

* * *

Поведение Кретьова и его слова перед недавней поездкой в Москву стали для Ковальского более понятны, когда к нему, едва вышел Крюков, явился встревоженный Виноградов — пожилой ветеран-партиец, первым возглавивший в начале строительства завода партийную организацию. Теперь он работал мастером в одном из цехов.

— Надо срочно посоветоваться, — торопился Виноградов. — Я, как член комиссии СТК завода по делам, связанным с задержанием нетрезвого Кретьова, сегодня полдня просидел в отделе кадров. Рылся в бумагах.

— Задал он нам всем жару?

— Да-да. Знаете, обнаружил протокол задержания Кретьова и доставки в вытрезвитель ещё в 86-м году!

— Как?! — вырвалось у Ковальского. — Все протоколы проходят через мои руки.

— А этот не попал! Вы были в отпуске. За вас — Верёвкин. Водолазов бумагу и перехватил. И скрыл. Что делать?

— Комиссия для того и создана. Принимать меры.

— Но вы понимаете, чем это грозит Водолазову?

— Понимаю. Слетит! Хотите, в свою очередь, прикрыть Водолазова?

— Ну, что вы! Просто из-за этого кляузника Кретьова молодые под дорожный каток попадут!

— Молодые, да ранние, — пожал плечами директор.

— Но... — хотел, было, возразить Виноградов.

— Хотите скрыть? Не получится. Найдётся, кто обнаружит. Тогда и вам непоздоровится. И не вмешивайте меня в эти дела. Свои бы заморочки распутать... вовремя...

— Вы о чём? — взглянул настороженно Виноградов.

Директор показал на часы:

— Совещание срывается, народ в приёмной...

Из кабинета Виноградов выходил понурый. Получалось, что надо решаться. Но он-то знал, какая сила стоит за спиной Водолазова.

XVI

«Самосожжение» Кретьова: выпивка на заводе и помещение его в вытрезвитель — доставили хлопот немало. Эти события высветили многое. Совет трудового коллектива, как и следовало ожидать, принял жёсткое решение: «За безнравственные методы работы с кадрами, сокрытие лично Водолазовым факта попадания Кретьова в медвытрезвитель в 1986 г., спаивание и сдачу его в медвытрезвитель в марте 1988 г. оказать Водолазову Е.Е. недоверие как администратору и рекомендовать освободить его от занимаемой должности. Партийной организации завода принять соответствующие меры».

...Парторганизация заводоуправления не тянула с принятием решения. Уже через неделю печатный рупор парткома завода — многотиражка — в статье «Дисциплина одна на всех» извещала:

«О соблюдении норм коммунистической морали — такой вопрос обсудили на партийном собрании коммунисты заводоуправления...»

...За последнее время в руководящем звене допущен ряд случаев отклонений от норм коммунистической морали, определённых Уставом КПСС. Так, в 1986 году за распитие спиртных напитков понёс партийное взыскание и освобождён от занимаемой должности заместитель директора А.Н. Гетманский. В 1987 году на заседаниях партбюро и парткома обсуждался член КПСС Верёвкин Ю.Ф., не принявший достаточных мер воздействия и не придавший гласности аморальный поступок начальника базы оборудования В.А. Далина (попадание в медвытрезвитель).

Аналогичный проступок, как выяснилось недавно, допустил член КПСС, заместитель директора завода Е.Е. Водолазов в 1986 году. Им был скрыт случай попадания в медвытрезвитель начальника отдела Д.А. Кретьова.

Поведение упомянутых коммунистов было подвергнуто резкой критике на партийном собрании заводоуправления. В принятом постановлении, в частности, говорится:

— За сокрытие факта пребывания в медвытрезвителе Кретьова Д.А., за игнорирование мнения коллектива по этому вопросу коммунисту Водолазову Е.Е. объявить выговор с занесением в учётную карточку».

Через две недели, столько понадобилось, чтобы Стулин решился, партком завода утвердил это решение. И партийное бюро заводоуправления, и партком завода старались не отстаивать от требований времени. Хотя делать это становилось всё труднее и труднее...

* * *

Заводские события меркли в сравнении со столичными.

Последние дни июня. Кажется, всё население сидит у телевизоров. Интерес к Всесоюзной партконференции перевесил всё. Надо понять, к чему идёт страна? Одно ясно: середины нет, и общество делится на «ортодоксов» и реформаторов. И добром это не кончится. На пороге — глубочайший кризис.

Выступления. Ораторы, отчёты. И жуткие цифры, приведённые председателем Комитета по охране природы:

«...в 102 городах с населением 50 миллионов человек концентрация вредных веществ в воздухе превышает допустимые нормы в 10 раз и больше. Почти повсеместно ухудшается качество воды и особенно в реках Западной Сибири, Оби и Иртыше, где нефтепродуктов в 20 раз больше допустимой нормы. Заводы дымят. Гонят потоки грязной воды в чистые реки. И при этом директора и их высокие покровители хвастливо гордятся простом всё новых и новых мощностей».

У кого из заводчан-нефтехимиков не понурится взгляд при этом?

И хлёсткие слова Ельцина: «В застое виноват один Брежнев? А где же были те, кто по пятнадцать, двадцать лет и тогда, и сейчас в Политбюро?».

И неубедительные ответы Лигачёва.

И сразу возникающий вопрос: а рядовые труженики? Как с ними? Ведь они-то всегда работали так, как того требовало время!

* * *

Мутные потоки сверху и снизу, объединяясь, идут лавиной...

— Почему тянешь с наказанием Кретова? — Варичев задержал Ковальского после одного из совещаний, которые ввёл в обычай проводить по средам. — СТК и трудовой коллектив вынесли решения. Дело за администрацией, за тобой!

— Мы колбасим. Судьбами людей играем. Живые же...

— Но ты обязан переместить его с должности начальника планового отдела. Не в твоих силах и не в моих противиться решению конференции.

— Хорошо. Приказ издам, но прошу дать команду юристам, чтобы помогли соблюсти все тонкости. Ибо Кретов будет оспаривать. Возня неизбежна.

— Вот и пусть. Некогда будет письма в ЦК писать. Пускай пузыри пускает.

— Всё повторяется, как в случае с Чекмарёвым. Нас словно бесы какие ведут...

— Саша, ты что, ей-богу? Давай! В этом случае трудовой коллектив за твоей спиной во всеоружии. Вперёд, командор! Что топтаться-то? В лаптях на Дерибасовской.

Простота, которую генеральный периодически напускал на себя, обычно папахивала явной искусственностью. К этому Ковальский уже привык...

...Проект приказа о перемещении Кретова экономистом в цех Ковальский сам согласовывал с начальником юридического отдела объединения. Понимал, что ошибка недопустима.

Более того, потом ещё выверял проект по кодексу.

Не хотелось, но подписал приказ. Выхода не было. Не доказывать же на СТК невиновность начальника планового отдела. Или приводить тот аргумент, что Кретов умышленно дал себя задержать, чтобы разворотить весь этот, как он выразился, «гадюшник»?

У Кретова свои резоны.

«Я беспартийный — раз. Пили в нерабочее время — два. И мотивов для задержания серьёзных не было. Что для меня

полстакана водки? Начнётся разборка, всем всё станет ясно. И главное: неадекватность наказания. Вскроется то, что заставит заниматься не только мной и не только Водолазовым...» — Так он решительно заявил в приёмной директора перед утренней планёркой в присутствии главных специалистов.

«Как изменился Варичев. Совсем недавно, когда мы оба были заместителями главного — нормальным казался человеком. Скрытный — да, изворотливый — да. Но не было вседозволенности. Не было такого крепкого прикрытия, как Туркин. Теперь есть щит, и удержку не стало», — размышлял Ковальский.

Вспомнились соображения Долгова, высказанные у рыбацкого костра, когда Туркин был генеральным директором объединения, ещё до перестройки.

После того, как была рассказана куча всяких смешных историй и разговор качнулся к заводским делам, Долгов вполне серьёзно предложил:

— Давайте Туркина пригласим на рыбалку. Говорят, он крепко напивается. Мы его пьяного и столкнём в озеро. Это надо сделать сейчас, пока он не скакнул наверх. Знаете, наравне с положительным, сколько может вреда принести! И Варичева спасем, иначе он его окончательно перекуёт на свой лад. Этого нельзя допустить...

* * *

— «Сессия Верховного Совета СССР единогласно приняла постановление об избрании Горбачёва Михаила Сергеевича Председателем Президиума Верховного Совета СССР», — прочла Настя и добавила: — Депутаты это решение встретили продолжительными аплодисментами. Сами голосуем — сами себе аплодируем?

Она шелестит газетой, Александр рассеянно слушает, сидя за кухонным столом.

— Не нравится плов?

— Нет, плов хороший.

— Но ты такой кислый сидишь.

— Ты мне средю превращаешь в четверг, в день политпросвещения, — пытается пошутить Ковальский. — Я, разумеется, знаю, о чём ты говоришь.

— Я не договорила, — не обидевшись, ответила Настя.

— Извини.

Настя продолжила:

— Если укрепляется совмещение высших должностей, то есть, по сути, единодержавие, то почему на местах, на заводах, например, первый руководитель не может быть председателем Совета трудового коллектива? У себя же в коллективе председателем? Ты ведь был сначала! Но потом партия сказала — и все директора, как птички с жёрдочек, спорхнули... А ведь порядка было больше. Сейчас всё вразнос идёт..

— А потому, что хозяин завода — трудовой коллектив, так заявлено. Он и избирает.

— По аналогии, надо избирать в председатели Советов секретарей парткомов! Почему внизу намеренно вводится «третья» сила, а наверху — нет? Такая вот демократия: там — одна, а внизу — другая?

— Твой последний вопрос можно считать ответом, — вяло улыбнулся Александр.

— Или вот Польша, — продолжала Настя. — Там правительство Месснера ушло в отставку. Поляки выразили ему недоверие. В начале года скакнули цены. Ожидали, что появится избыток товаров. Но их вообще не стало. И последовала отставка.

— Ты к чему?

— К тому, Саша, что Месснер заявил: ответственность за ошибки Совмина должны полностью разделить партия и сейм. Они разрабатывали и утверждали основные этапы развития. Горбачёв стоит за совмещение должностей. Разве не понимает, как сейчас это опасно?

— Думаю, понимает. Но, очевидно, есть ещё большая опасность.

— Саша, а наш председатель Кипнис? Ты понимаешь, чего он хочет?

— Рвётся в депутаты Верховного Совета. Повышения на заводе и хочет, и боится. Знает, что крепко трудиться надо. А там — иное дело. Раньше, как сучок в деревяшке, торчал бы в провинции. Теперь другие возможности. У многих голова кругом идёт.

— А вы? Нету нормальных, что ли? Ваш Кипнис — тот же Туркин, только новой породы, перестроечной.

В это же время, несмотря на поздний час, в кабинете первого секретаря горкома Нечаева горел свет. И там вели разговор. И тоже о делах заводских, вернее, о Ковальском и Водолазове.

— Говоришь, Ковальский расшатал заводской коллектив, не торопится с хозрасчётом, плохой администратор? А посмотри, что на других предприятиях! Там и планы валяются. А у него завод в передовых. И я знаю, почему.

— Почему? — с обычным своим угрюмством произнёс Туркин.

— Ковальский — профессионал. Он — инженер, который знает своё дело. Его уважают. К тому же, учёный, преподаёт. Изобретения его внедрены на многих предприятиях, даже за границей. И ты хочешь такого ради своих ребятишек сгубить? Как рука не дрогнет? Мы же с тобой около дела всегда были, а этот весь в деле. Премия Совета Министров получили? И ты там оказался, а заслуга-то — Ковальского и его коллег.

— Мы с тобой вместе в комсомольских секретарях бегали. Ты меня знаешь, если я задумал...

— Да уж! — не выдержал Нечаев. — Положил многих... Но Ковальского не трогай...

— Ладно, — лицо Туркина скривила гримаса нескрываемого недовольства. — Оставь Водолазова в партии. Он мне нужен.

— С этим сложно. Нельзя же кого-то выделять и миловать. Только что его приятеля Тимошенко мы исключили. Доигрались: маскируясь, пили на его пятидесятилетия водку из самовара, а коньяк — из цветочных ваз. Ёрничали. Всё бы ничего, но — драка случилась.

— Водолазов из цветочных ваз коньяки не хлещет и не дерётся, — произнёс Туркин серьёзно. — А ты продолжаешь пить, как сапожник.

— Кто меня пьяного на людях видел?

— До поры...

— Ладно, утвердим, что вынес партком, — выговор с занесением, — насупившись, пообещал Нечаев.

...В конце ноября приказом Варичева Водолазова назначили директором строящегося железобетонного завода. Сло-

жившегося трудового коллектива там ещё не было. Набирали кадры. Совет трудового коллектива отсутствовал — можно пока назначать без выборов и согласований. Потому и торопились.

* * *

Всяк кузнец своего счастья. Как хочется в это верить!

Активисты Совета усердно потрудились и в конце января конференция представителей трудовых коллективов цехов выдвинула кандидатом в народные депутаты СССР от завода Кипниса. Впереди — следующий этап: собрание окружной избирательной комиссии, на которой должен быть сделан окончательный выбор.

«А здорово, конечно, — думал Кипнис, — прорваться в члены Верховного Совета и вернуться в этом звании в Москву. Одно к одному. Мать в столице живёт одна, престарелая. Я — коренной москвич. Кончил московский институт. Вот нашим бы дворовым был щелбан звонкий! И институтским однокашникам, которые недоумевают, почему я в этом Сосновске застрял. Права жена, я сначала недооценил открывающиеся возможности. Но как надо землю рыть! И хитроумно очень! Пока эти тут меж собой разбираются...».

Он встал из-за стола и, пройдя по всему кабинету, остановился у зеркала, придирчиво всматриваясь в своё отражение.

У него после сорока пяти лет стали сильно расти брови. Он их стриг, но они лезли! Если у бровастого бывшего генсека они были, коли определять одним словом — всё-таки «внушительные», то у председателя СТК, это он сам понимал, какие-то «бутафорские». Как будто из жёстких кисточек. Ещё хуже — напращивалось слово: «карикатурные».

«То, что я скептически отношусь, считаю свои брови недостатком — это характеризует меня положительно, — рассуждал Кипнис. — Я ведь не сравниваю себя с «нашим Ильичом»? Нет! Наоборот! Считаю это неудачной игрой природы. Значит всё в порядке. Но это я так думаю. А другим смешно, — всё-таки мучился он. — А смешным, Боже упаси, быть нельзя! И потом, мой рост — метр шестьдесят пять. Никогда я раньше от этого не страдал. А теперь — обстоятельства! — терзался он,

отходя от зеркала. — Нельзя момент упускать. И потом, сколько выдающихся с небольшим ростом!»

Ему не хотелось произносить слово «маленьким».

«Туркин чуть-чуть выше меня...»

XVII

— Отмените приказ Ковальского, верните меня из цеха на прежнюю должность, — требовательно произнёс Кретов, стоя посередине просторного кабинета.

— С какой стати я должен этим заниматься? — Туркин смотрит большими карими глазами в упор.

— Вы — дирижёр всему. Я это понял! Вычислил вас.

— Дирижёр? — вальяжно полулежавший в кресле замминистра выпрямился.

— Да. Это вы рулили поимкой Ковальского в юбилейный вечер. Вы чуть не ежемесячно приезжаете в объединение, а тут намеренно не были на двадцатилетии завода. В тени, по-паучьи действуете. Ваш почерк.

— Откуда это всё? Бред!

— Я с вашими опричниками не зря водку пил. Они — ребята деятельные, но самонадеянные и за выпивкой пробалтываются. А я редко пьянею. Как вы с ними в министерстве собираетесь работать? Они в вытрезвитель меня так неуклюже сдали. Сами попались...

— Приехали Ковальского защищать?

— Нет. Предупреждаю: если не отмените приказ и не оставите меня в покое, приму меры против вас.

— Что вы мелете?

Кретов, не спеша, чётким голосом произнёс:

— Я записал на магнитофон показания двух свидетелей плюс пьяные речи Верёвкина о том, как сначала взорвали цех из-за торопливости, а потом подставили тогдашнего директора. Помогли снять. Сами сели в его кресло. Ничего не скажешь, ловко.

— Что за чушь? Я взорвал?

— Конечно, не в прямом смысле. Но заводскими специалистами были нарушены технические нормы. Это привело к аварии. Вы как главный инженер, зная причину, скрыли её.

— Там не всё так просто. Аппарат до нашего вмешательства имел скрытый дефект.

— Знаю, — согласился Кретов. — Но где теперь доказательство? Начни разбираться — дыму будет!

Лицо хозяина кабинета непроницаемо.

— Что надо взамен за плёнки? — жёстко спросил он.

— Я плёнки не отдам. Они в надёжных руках: одна в Москве, копия у моего друга в Ангарске. Чуете, как далеко друг от друга? Если со мной что случится, тут же передадут куда следует. Всё просто. И потом, какой резон: я дам вам плёнки, а копии могу оставить себе. Что это меняет?

— Хорошо, — Туркин, выпрямившись, завис над столом, — Варичев отменит приказ Ковальского, а вы прекратите писать на меня и Варичева в ЦК. Договорились?

— Вас оставлю в покое, — быстро согласился Кретов, — а Варичев пусть покрутится. Он заводу не даёт житья, ставит подножки Ковальскому. Я вначале не понимал, что директор у вас, как кость в горле.

— Ковальский сам виноват. Я ему предлагал перебраться в министерство. Не захотел.

— И правильно сделал! Понял, что вы его оторвёте от коллектива и задвинете здесь куда-нибудь в чулан. Никто не увидит и не услышит.

— Всё?

— Нет. Звоните сейчас Варичеву.

Наступило длительное молчание.

— Хорошо, — окончательно решился Туркин.

Нажал кнопку на пульте:

— Соедините с Варичевым. Сосновск.

Через две-три минуты, притушив прорывающуюся злую усмешку, игриво воскликнул, прижав левым плечом трубку к уху:

— Варичев, ты как там живёшь-можешь?

— Пока ничего, — отозвалось чётко в трубке.

— Послушай, что вы там за приказ на Кретова сочинили?

— Владимир Ипатьевич, не понял? Мы же с вами...

Кретов, слушая, не скрывал улыбки. Туркин прервал Варичева:

— У меня большая просьба. Вот тут передо мной стоит Кретов... Давай отменим приказ. Понял?

Длительного молчания и вопросов не последовало. На дальнем конце провода смекали быстро:

— Понял, Владимир Ипатьевич, будет сделано!..

Едва Туркин положил трубку, Кретов заговорил:

— И ещё: надо официально прекратить строительство нового производства. Министерство приняло ошибочное решение. Тут лично вашей вины нет. Сырья в области не хватает, крепко промахнулись. Везти из Сибири — себе дороже. Денег на строительство не даёте, своих не хватает. Хотите за долгострой отсечь голову Ковальскому? Но завод тонет. Тут уж мой интерес, я как экономист буду биться до конца.

Туркин властно приподнял руку, видно было: он вновь становится хозяином положения.

— Давайте отделим котлеты от мух. По первой вашей просьбе я решил. По строительству не могу. Оно начато согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров. Кто пойдёт туда доказывать, что ошибся? Головы полетят!

— Я сделаю так, что пойдут, — Кретов махнул рукой и вышел из кабинета.

В последнее время болезненное самомнение его явно усиливалось.

На улице он заторопился к метро. Надо было успеть встретиться с сыном Сергеем, на удивление многих в Сосновске, поступившем в этом году в ГИТИС — институт театрального искусства. Такого в истории их небольшого города ещё не было. Это Кретова окрыляло.

* * *

Приказ Ковальского Варичев отменил под предлогом того, что ответственные работники (указывался и пункт статьи КЗоТ РСФСР) несут дисциплинарную ответственность за нарушение трудовой дисциплины, а не за аморальные поступки. Кретова восстановили сразу после его возвращения из Москвы. Те же юристы из объединения, которые визировали приказ, теперь отступились. Завод будоражило. Многие убедились в очередной раз: «Закон — что дышло...».

А Кретов сел за письмо в прокуратуру города с требованием наказать Ковальского за увольнение. По-другому не мог.

«Здорово я придумал с этими плёнками, а ведь опасался, что не пройдёт номер. Примитивно. Но Туркин настолько осторожен, не ожидал... Никто никогда не узнает, что плёнок таких вообще нет. Разве мне когда-нибудь рассказать, пусть подёргается...» — тешил он своё самолюбие.

Ответ из прокуратуры пришёл достаточно быстро:

«Ул. Чаадаева д. 3, кв. 5,
гр-ну Кретову Д.А.

По Вашему заявлению о привлечении директора Сосновского химического завода Ковальского А.С. к материальной ответственности сообщая: прокуратурой не установлено оснований для признания приказа о переводе Вас на нижеоплачиваемую работу на один год незаконным.

В связи с изложенным оснований для привлечения Ковальского к материальной ответственности не имеется.

*Прокурор г. Сосновска
Советник юстиции А.М. Симановский».*

Получалось, что оба приказа — и Ковальского, и Варичева — законны... Но...

В эти дни Ковальский окончательно решил вывести завод из объединения.

«Надо бы ещё раз Долгова послушать, что скажет? И не говорить пока о своём решении»

* * *

— Все рвутся к власти: СТК, твои заместители. Можно не устоять. Надо что-то делать, — напирал Долгов.

— А мы с тобой делаем.

— Что?!

— Наша задача, чтобы завод выполнял производственные программы. Пока это будет, можно побороться.

Долгов неуверенно покачал головой.

— Ты решительных мер не принимаешь! Партком лавирует, профком по мелочам дёргается. Где та сила, которая сможет что-то противопоставить?

— Есть такая сила!

Долгов скептически посмотрел на Ковальского.

— Где?

— Совет трудового коллектива и сам коллектив, — с расстановкой проговорил Ковальский. — У нас с Суловым был подобный разговор, я думаю, и вы обсуждали.

— Да она дуrolомная, эта сила!

— Не стоит так огульно. Надо направлять... Другой силы теперь долго не будет.

Долгов спросил, улыбнувшись:

— Крановщица Крыльцова и Терёхин — решающая сила?

— Ты их недооцениваешь, а потом, там и другие есть... — Ковальский говорил уверенно. — Бесовщина от Совета, а не от самого коллектива. Многим хочется спокойно работать и получать зарплату.

Это не убедило приятеля.

— Времени, которое у Совета есть, хватит, чтобы наворотить дел... Твоя пассивная позиция опасна.

Ковальский стоял на своём:

— А другого варианта пока нет... Я не раз всё проанализировал. Моя задача: поступаясь менее значимым, не допустить главного. Не дать развалить завод. Надо любой ценой делать всё, чтобы мы продолжали хорошо работать.

— Но ведь они как раз, шаг за шагом лишая нас возможности управлять заводом, разрушают его! Они тебе как директору уже определяют размер премии. Утверждают тринадцатую зарплату, размер средств на расширение дорог, на покупку колбасного цеха, на заводскую долю в строительстве кирпичного завода. Даже выделение денег на строительство стоквартирного малосемейного дома — и то умудрились обсудить. Принимали по этому вопросу отдельное решение. Это видимость, а не работа. Показуха!

— Приплюсуй ещё, что запретили без согласования распоряжаться валютной выручкой. А недавно скомандовали начальнику транспортного цеха, чтобы тот не выделял автобус для доставки главных специалистов.

— Ну уж последнее-то ты мог отстоять! Специалисты должны являться с утра чётко без опозданий, иначе заводу управление забуксует. Городской транспорт ненадёжен.

— Я намеренно не стал препираться. Просил не делать, но они не слушали. Полагаю, что сами же в ближайшие дни отме-

нят своё решение. Глупость будет очевидна всем. Пускай учатся таким образом.

— Нехай позабавятся пока?

— Заводчане почувствовали, что в последнее время произошли заметные изменения. Многие получили дачные участки, теперь заняты домами, организованы кооперативы по строительству погребов, гаражей. Завод даёт транспорт на поездки. Есть туристическая база, профилакторий, пионерский лагерь. На заводе продают мясо, дефицитные импортные товары. Это и людям важно, и мне.

— А где в этом участие Совета?

— Он участвует в другом, — Ковальский улыбнулся. — Решено, что заводчане не войдут в состав СТК объединения. Это важно! У нас появляется определённая самостоятельность, автономия. Если хочешь — заслон! И наш СТК — инициатор.

— Но ведь тебе как директору лучше полное согласие между СТК завода и объединения.

— В идеале — да. Но в нашем деле всё с резьбой... При стремлении нашего СТК к независимости от руководства объединения у меня есть реальная возможность на административном уровне отстаивать наши интересы перед командой Варичева.

— Но ведь ты опять подставляешь голову. Объединение начнёт войну и против тебя, и против заводского совета!

— А вот тут ошибаешься! Убрать коллективный общественный орган объединению не под силу. А если мы в главном с СТК завода — союзники, то я объединению не по зубам.

— И всё-таки, лучшее средство от перхоти — гильотина, — произнёс Долгов.

А потом долго и выжидательно смотрел в окно. Пауза затянулась. Он ждал, что Ковальский продолжит разговор. Но тот уже понял, к чему клонит главный технолог. Хотелось услышать подтверждение догадки.

Долгов повернулся к Ковальскому и сказал буднично, как очевидное:

— Надо выходить из объединения. Следует посмотреть экономик. Если на плюсе, тогда только вперёд!

Ковальский улыбнулся:

— Я давно посчитал. Явно выигрываем.

— Ну, так в чём дело? Или в ком?

— В коллективе. Только на заводской конференции можно принять решение. Это оговорено законом о госпредприятии.

— Ну, так чего ждём?!

— Не все поймут, что выходим, желая работать лучше. Есть такие, которые заузят проблему до противостояния руководства объединения и завода, до делёжки персональной власти. Если на конференции не наберём большинства, тогда всему конец.

— Товарищ директор, не узнаю тебя. Ты теперь такой сверхосторожный? В цехе вместе такое делали!..

— Сейчас решается судьба многотысячного коллектива, а не только моя. Я отвечаю за него!

— Перед кем?

— Перед собой!

— Успокою тебя. В коллективе давно поговаривают о выходе из объединения. Не ты один такой дальновидный, хотя и директор. Понял? Я и с Кретовым говорил. Покумекаем с ним вместе ещё раз.

— У тебя хватает терпения обсуждать с ним экономическую часть вопроса?

— Ты зря! Он — рьяный сторонник самостоятельности. И в оценке того, что наворочал, стал различать оттенки. Я веду с ним «просветительскую» работу. Потихоньку сближаетесь. Завод от этого выиграет. Вы, каждый по-своему, талантливы. Ваш союз был бы сверхполезен. Верёвкин постоянно сторонится всего. Кроме технических вопросов, вернее, кроме техники безопасности, ничем не занимается. Активных мало. Надо собирать единомышленников.

— Верёвкин на большее не способен, погоняй — не погоняй. От него — как от вербы яблок.

— Поэтому Суслову приходится многое брать на себя. Выдохнется: и производством занимается, и экономикой. А Верёвкин в последнее время явно напуган чем-то.

— Возможно, — согласился Ковальский. — Он таким был накануне попытки отправить меня в вытрезвитель. Знал, что готовится подлость, а пересилить себя не смог. Промолчал.

— Я сейчас только понял, чего он опасается.

— Скажи.

— Додумался, что в конце концов коллектив решит покинуть объединение. Он неглупый. Когда вырвемся, станет полностью

зависим от тебя. Боится и страшется. Заяц под кустом. Сейчас у него защита в лице Туркина. Он и не высовывается. Но загодя думает о другой защите — к нему зачастил Кипнис. Заигрывает.

— Хороший признак, — улыбнулся Ковальский. — Гипертрофированное чувство самосохранения не подводит его. Для нас он — лакмусовая бумажка.

Уже под конец разговора, невинно глядя мимо Ковальского, Долгов нараспев произнёс:

— Расчёты — хорошо, личная уверенность — тоже. Но всё-таки общественное мнение надо формировать. С людьми необходимо разговаривать.

«Намекает на подпольную работу?» — подумал Ковальский, но ничего не сказал. Не хотелось выглядеть заговорщиком.

Заговорил о том, что не давало покоя чудовищной своей неопределённостью:

— На первом съезде народных депутатов Председателем избрали Горбачёва. Всё внешне вроде бы стабилизируется. Но там же фактически впервые оформилась политическая оппозиция партии. Межрегиональная депутатская группа борется за отмену шестой статьи Конституции о руководящей роли КПСС. Шахтерские забастовки лихорадят страну. Правительство безуспешно пытается сдержать рост цен, товары исчезают ещё быстрее. Решишься ответить, что происходит?

— Да. Мы идём к многопартийности. — Долгов замолчал, задумавшись. — И, возможно, к развалу страны. Смотри, уже показан путь: с начала года стремительно разрушается советский блок. Отвалилась Польша. В течение трёх недель разрушили Берлинскую стену в ГДР. Нет у руководства коммунистов в Болгарии, Венгрии, Чехословакии. Плохо? Да. Но неизбежно, как и распад нашего объединения. Много схожего.

— А дальше?

— Хаос на неопределённое время.

— Дальше что?! Дальше?..

— Пока не знаю. Нам удержать завод надо. Укрепить его — вот это наше. В этом ты прав. Остальное свершится без нас, с этим надо свыкаться. Если такие, как мы, запаникуем или ударимся в политику, вот тогда полная разруха в стране. Всему — конец. Путь определён, начальник!

Долгов, как обычно, мыслил ясно и независимо.

...Едва ушёл Долгов, явился Суслов.

— Что-нибудь случилось? — садясь в кресло, поинтересовался Владимир.

— С чего ты взял? — буркнул Ковальский.

— Вид суровый.

— Попробуй ответить, — заговорил уже мягче директор, — что может быть оправдано и дозволено совестью: ловчить, лавировать, таиться до времени, скрывая своё «я», и шаг за шагом идти к своей цели, или напрямую, без компромиссов, не теряя своих добрых качеств, терпеть поражения и — завалить дело, общее дело?

— Это не для меня вопрос, — простодушно признался Суслов. — Я вообще не могу без компромиссов. Я — мякотельный. Из меня никогда не получится первый руководитель. Вот Креатов — бульдозер или ловчила? Я стал путаться.

— Для меня он тот, на кого нельзя положиться, — произнёс Ковальский. — Но я сейчас не о нём.

— О ком?

Ковальский не ответил.

Суслов продолжил:

— О нас с тобой вот документ есть. Из-за него и пришёл. И в нём поднимаются вопросы не бытия, а будней. Так что давай, приземляйся.

— Что это?

— Предписание Госгортехнадзора трёхлетней давности, — он протянул несколько плотных листков. — Остаётся до срока исполнения семь месяцев. Дело движется, но, боюсь, не выполним. Ряд установок под угрозой. Подводят снабженцы. Крепкий толчок нужен.

— Готовь совещание. На той неделе будем разбираться, — устало махнул рукой директор.

XVIII

На утро Ковальского пригласил к себе инструктор обкома КПСС Пётр Ильич Калинин. Ковальский ехал без охоты. Догадываясь, что предстоит ковыряние по мелочам.

...Непроницаемое сухонькое лицо инструктора выглядело весьма сурово, а голос — почти ласковый. Раскрыл папку, начал шевелить листочки.

— Кретов вторично обратился в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС. Утверждает, что из поставленных пятидесяти трёх вопросов на двадцать три нет ответов.

— Если бы он так же скрупулёзно относился к выполнению своих прямых обязанностей, мне бы намного легче работалось.

— Всё понятно, — согласился инструктор. Голос его посуровел. — Но в создавшейся нервной обстановке на заводе необходимо разобраться, как быть дальше. И как нам реагировать?

— Как работали, так и будем работать. План выполняется. Если Кретову никто не поможет в его наскоках, он потерпит крах. Это у него азартная игра. На интерес.

— Нам многое понятно. — Инструктор подёргал плечом. — Но он настаивает, что комиссия полностью не разобралась. В её составе не было штатных работников областного комитета. А конференцию трудового коллектива, принявшую негодное для него решение, по его утверждению, сфальсифицировали. Делегатов подобрали.

— В следующем письме, четвёртом или пятом, если его не остановить, начнёт доказывать, что не только я, но и вы — враги народа.

— Так к этому всё идёт! — не удержался Калинин. — Мы каждый пункт его первого письма обсудили. Всё в этом протоколе отражено. — Он похлопал по листочкам, которые вынул из папки в начале беседы. — Кретов сильно упирал на недостатки технической политики. Мы читали ваше толковое письменное объяснение. Верим вам. Но нужна стопроцентная гарантия.

— Чему гарантия? — не выдержал Ковальский. — На заводе за техническую политику отвечают главный инженер и директор. У начальника планового отдела другие обязанности. Это не его дело. Если надо, назначьте комиссию из технических специалистов. Они сделают вывод...

В кабинет вошёл председатель областной комиссии партконтроля Мазурок. Подал жёсткую руку.

Ковальский, отвечая на рукопожатие, отгонял, как муху, мысль: «И этот такой же малокалиберный с виду, как инструктор... Поди, тоже боится подставиться... страхуются».

— Кретов продолжает настаивать на том, что вы назначали на должности специалистов из личных интересов, — произнёс Мазурок, садясь за стол рядом с Калининным.

— Так точно. В успехе завода заинтересован лично. По-другому не могу, — быстро отреагировал Александр.

Лицо председателя оставалось непроницаемым.

— Вот тут комиссия фиксирует, Андрей Андреевич, что все назначения проводятся согласно установленному порядку и списку на выдвижения, — заспешил Калинин, слегка поморщившись при словах Ковальского.

— Вы работаете в политехническом институте на четверть ставки доцента. Он пишет, что не платили взносы.

Ковальский не успел ответить.

— У нас и это отражено в протоколе. И все члены комиссии подписались. — Калинин повёл пальцем по строчкам: — В ходе проверки установлено, что Ковальский в тот период не получал зарплату в институте.

«А что, если сказать о режиссуре беспорядков на заводе Вачичевым и Туркиным, что они потворствуют неразберихе, — мелькнуло в голове Александра. Но тут же остановил себя: — Это только усложнит положение. Равновесие качнётся неизвестно в какую сторону. Ничего говорить нельзя. Даже если они о чём-то догадываются и ждут от меня чего-то».

Ещё несколько раз палец Калинина, поросший реденькими чёрными волосками, отыскивал очередную строчку протокола, и каждый раз была видна несуразность обвинений.

«Эти без работы не останутся, — усмехнулся Ковальский, уже садясь в машину. — Вызывали-то, боясь за себя».

А Мазурок в это время уже сидел один в своём давно надоевшем ему кабинете. Обвёл скучным взглядом бежевые стены, которые называл «кофе с молоком», и задумался: «Можно пожалеть директоров! Вначале мы заморочили им головы экономическими экспериментами, но они провалились. Бросились в демократизацию общества, считая, что это — наш запасной бронепоезд и он вывезет, поможет нашему неумолкающему генсеку вернуть пошатнувшееся уважение. Ещё борьба за трезвость... Всё только напрягает директорский корпус. И всех нас. Неужели нашему партцарю из-за тына не видать этого? Мы, по-моему, выбрали непонятный или просто неприемле-

мый путь. Раскол в партии неизбежен. Попробуй, скажи этому крепышу Ковальскому, пожалуйста, что мы все — заложники в путаной, бессистемной игре. Но ведь кто-то должен сказать, несмотря на партийную дисциплину? Кажется, многие, и директора, в том числе, кое-что стали уже понимать. Видят, как много болтовни».

Мазурок, было, расслабился, но поспешил привести свои мысли в надлежащий порядок: «Стоп, собери себя! Ты хочешь, оказавшись искренним, попасть в ловушку? Ищите простаков!.. Это не про нас! Всего-то полгода осталось до пенсии. Неужели не хватит силы воли выпить до конца это «кофе с молоком»?! А там!? Вот время накатило! Неясно, куда кривая выведет, — мысли вновь заходили кругами. — И этого терпи, и этого — тоже. Видишь ли, специалисты оба хорошие. Вся отрасль их знает! Этот Ковальский хоть на вид мужик ничего, а Кретов — мослы да кожа. Рожка забулдыги... Сколько было разных специалистов. Сталина бы поднять!.. Шуганули многих. Что? Россия пропала? Нет! Империей стала! Она Ломоносовых рожала! А таких, как эти двое, — их миллионы ещё будут. Нарожают — дело нехитрое».

Он подошёл к широкому окну. На улице шумела жизнь. Там, внизу, кто-то куда-то ехал, шёл, торопился... У каждого своё. Но эта жизнь текла мимо, наискосок влево и вправо. А перед самым Белым домом на широкой площади виднелись фигурки всего нескольких человек. Люди не глядели на огромное здание, в котором он стоял у окна. Будто этого здания вообще не существовало. И его, Мазурка, тоже словно не было. Это ему не понравилось. Не выходила из головы телевизионная передача «После стачки», которую смотрел накануне. Показанные крупным планом шахтёры Кузбасса произвели сильное впечатление. Они выглядели на голову выше партийных аппаратчиков и бледных чинов из министерства.

В Москве — олимпийское спокойствие, а внизу терпение у многих лопнуло. Дело может дойти до крови. Такой напрашивался вывод.

Стачка шахтёров его, кажется, доконала, Мазурок в последнее время часто испытывал мелкую дрожь в руках...

...И тут взгляд его поймал в окне тёмные точки. Присмотрелся: между рамами с пролаченными золотящимися дере-

вянными переплётками неподвижно висели, будто приклеились к стеклу, большие мухи.

«Вот устроились! — усмехнулся он про себя. — Нашли себе местечко и заснули на положенное время. Октябрь на исходе. Прикорнули, так сказать! Мозгов нет, но каков инстинкт?! Взял и переспал вредный для жизни период. И всё! Потом очухался и дальше лети. Гениально!»

Мазурок открыл внутреннюю раму и стал внимательно рассматривать мух. Верхняя, помельче, словно в полёте нечаянно боком задела стекло, да так и осталась приклеенной, оттопырив в сторону лапки-крючочки. Та, что покрупнее, как «кукурузник», спланировала на гладкую поверхность и, ткнувшись носом в стекло, замерла.

Внизу на ровной поверхности подоконника обнаружил ещё одну «спящую красавицу». Она лежала на спине, опираясь на прозрачные крылья. Скрюченные ножки приподняты кверху. Вид у неё был такой умиротворённый, что Мазурок не удержался:

— Очучурилась, что ли? — спросил он её и тронул пальцем.

Муха легко, как мусор, переместилась к стеклу.

Ему захотелось потрогать ту, которая похожа на самолётик. «Как цепляются? Придумано же...»

Едва он тронул её, туловище отделилось от головы и упало на ладонь. А головка осталась приклеенной к стеклу.

Потряхивая ладонь, он рассматривал муху. «Всадник без головы, — усмехнулся Мазурок. — Как хрупко устроено, тронул слегка — и нет жизни. Кончится перестройка, фу ты, чёрт, спячка их кончится, и эта муха уже не оживёт, не полетит... И знать не будет, как её не стало во сне. Забавно!»

Отходя от окна, чувствовал, что завидует находчивым тварям. «Только вот этой, одной, не повезло...»

А когда подошёл к столу, внятно произнёс:

— С вами со всеми рехнуться можно!

И огляделся в гулком кабинете. Похоже, всерьёз испугался, что его могли услышать.

* * *

Ковальский кратко рассказал Суслову о разговоре в обкоме. Они в кабинете одни. Заводоуправление давно опустело. Слышались только невнятные голоса в диспетчерской.

— Не вешай носа, не смертельно.

— Я понимаю, — сдержанно ответил Ковальский. — Но сколько времени отнимает эта возня. Тошно.

— Я о другом...

— О чём?

— Когда сильно закрутило между Леночкой и Татьяной, решил: брошусь под поезд. Помнишь станцию «Липяги»? Ходил вокруг неё. Мысль неотвязная: броситься — и все вопросы решены. Я потому и уехал с тобой, чтобы избежать этого.

— Стоп, — Ковальский колочё глянул на Владимира. — Думаешь, я тоже хожу вокруг своей станции? Не дождутся. Я тогда слишком облегчу им жизнь.

Суслов решительно произнёс:

— А что, если взять и одним махом прикончить всю эту камарилью, а?

— И как же ты сможешь это сделать? — иронично улыбнувшись, спросил Александр.

— Зря иронизируешь: надо поехать и рассказать всё Михаилу Петровичу Литвинову. Он тебе сюда предложил ехать когда-то. Должен помочь! Так крепко поднялся.

— Ты, Владимир, веришь, что зампред Госплана СССР бросит всё и поспешит сюда? Да и в чём помогать-то? Война невидимая. Попробуй докажи! Как? На словах? Мы будем выглядеть школьниками. Неумелыми, к тому же. И потом, он теперь высоко! Его втягивать в интриги? Когда он меня сюда приглашал, был всего лишь замначальника главка. Знал ситуацию на заводе, в отрасли. Теперь у него другие заботы.

Суслов не отступал:

— Рубанёт по столу кулаком перед носом Туркина, тот подожмёт хвост.

— Не подожмёт. События развернутся ещё изошрённое...

— Ну, я не знаю, что делать?

— Жизнь покажет, — ответил Ковальский. — Она — главный режиссёр. Этого кое-кто не понимает.. и просчитается...

— Жизнь, скорее всего — драма с ненаписанным сценарием, — пафосно воскликнул Суслов.

Ковальский удивлённо взглянул на него и ничего не сказал.

Продолжал говорить Суслов:

— Как ты можешь быть спокойным? Откуда у тебя вообще такое самообладание? Сдохнуть можно!..

Брови у Ковальского едва заметно дёрнулись.

Владимир нервничал:

— Нас вяжут по рукам и ногам. С одной стороны, туркины и варичевы со своими подручными. С другой — кретовы и кипнисы. Может, зря мы тогда подались из Новокуйбышевска сюда, на этот завод? Директором ты и там мог стать. Как тебя там уважали! А тут столько умников! Такой геморрой... Откуда ждать помощи? — лицо Суслова дёрнулось.

— Нет её, — буднично ответил Ковальский. — Надеяться надо только на самих себя.

— Но силы неравные, — выдохнул Владимир.

Ковальский бесстрастным голосом произнёс:

— Мы знаем, как никто, весь расклад. Знаем их повадки и причуды. Можем прогнозировать ходы противников. Это наше преимущество. Вовлечение дополнительной силы с любой стороны только усложнит положение. Как на шахматной доске.

— Откуда ты силы берёшь на всё? Может, просто упрямство? Тебе верят! В тебе есть то, что притягивает людей.

Ковальский сказал, будто для себя самого:

— Помню, кто-то сильно радовался, что в наших прочищенных мозгах в начале перестройки появился просвет: неожиданные мысли и поступки. Что же? Устал радоваться?

Суслов отозвался, возбуждённо помахивая рукой в такт словам:

— Мы сбиваемся с пути. Вернее, топчемся на месте. Это хуже всего. Неопределённость лишает воли. Мы возимся, тираним друг друга. Во имя чего? Что впереди?.. Этот вопрос мучит миллионы. Кто скажет, как надо поступать? Откуда ждать ответа? Куда идём? — Увидев на лице Ковальского неопределённую полуулыбку, Владимир угрюмо добавил: — Мы все — пешки в огромной невнятной игре с целой страной. Я так разумею! И просвет или, вернее, свет в конце длинного, невероятно извилистого туннеля не виден. Сейчас у всех на языке этот «туннель». Я не вижу возможности изменить ход событий даже у нас на заводе. Кто-то крутит огромный маховик в стране, и наша еле заметная шестерёнка — завод — в общем механизме, вырывается из рук. Надо выбираться из этого туннеля, он ве-

дёт в тёмную пропасть. Мне спокойнее, когда выполняю твои установки и распоряжения. Я, оказывается, такой...

Ковальский молчал, глядя перед собой.

«Он давно всё понял и ему неинтересны мои мысли? — осёкся Суслов. — Я не успеваю за ним. Стыдно», — он замолчал. Но его вновь занесло на прежний круг:

— Эти туркины, чехловы — они, походя, заедают чужие жизни. Ломают судьбы, как сушняк. Теперь, когда всё дозволено, нет партийного контроля, идёт беспредел. Как же дальше? Что будет сдерживать таких? Кто?

— Владимир, не забегай вперёд. Война план покажет.

— Что показывать? Честолюбцы, карьеристы всех мастей повывлезали, как тараканы из щелей. И все — тучей навверх, к власти. Саранча! И кто теперь не крадёт, почитается дураком — так ещё, кажется, говаривал когда-то граф РаSTOPчин.

— Ну, вот видишь? Не ново всё, — обронил Ковальский. — В российских традициях, значит, все разом не помрём!

— Тошно! Нечем жить, понимаешь? И зачем меня мама с папой таким выпустили в жизнь? Школьные учителя: мама литературу преподавала, отец — историк. Воспитывали на отечественной классике. Я в классе был самый начитанный и правильный. Вот послушай Николая Некрасова:

*Немного выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных!*

Ковальский молчал. Суслов не мог успокоиться:

— Я любил раньше техническую интеллигенцию. И сам захотел... Она и образованна, и дело зримое вершит. Достоянна и деятельна сама по себе... Теперь всё перерождается на глазах. Многие становятся циниками...

Ковальский удивлённо качнул головой:

— Ты только теперь начал замечать?

Суслов не ответил.

«Я чувствую, что становлюсь всего лишь исполнителем его воли. Теряю себя. И не от того, что уступаю ему. Мне нечем

ему помогать. Я только рабсила, способная исполнять чьи-то решения, — мучился Суслов. — А ведь раньше мог посоветовать Ковальскому нечто дельное, и он слушал, и принимал мои мысли. Почему произошёл разрыв? И от чего? От того ли, что деградирую? Или Ковальский так стремительно растёт, а я плетусь...»

XIX

Хозяин дома Бочаров и его сосед пенсионер Юрий Малюгин сидят на диване. А приехавшие вчера к Бочаровым вместе с Ковальским Бахрах и Долгов — за столом. После смерти Битмана они особенно сблизились. Совместная работа над катализаторами успешно продвигается, радуя и вдохновляя обоих. В последние два года начали сотрудничать с Французским нефтяным институтом.

Пенсионер-крепьш Юрий — бывший лётчик. Один из миллиона кадровых военных, сокращённый во времена Хрущёва. Не пропал, окончил институт связи. Трудился на «гражданке», пока перестроечная волна не свалила завод с ног. И тогда решил, что с него хватит. В складчину с городскими родственниками купил избу в селе. Стал жить здесь почти безвылазно. Взрослый сын и жена приезжают нечасто. Он не унывает. Два огорода в тридцать соток и внушительная гора книг, в основном русских классиков, которые привёз из города, не оставляют времени для скуки.

— Наконец-то начал читать то, что собирал впопыхах, когда суетился в городе. Если бы не перестройка, не дошли бы похорошему руки, — так он говорил Ковальскому в прошлый его приезд.

И действительно, Малюгин начитан крепко. Может, поэтому ему постоянно необходим собеседник.

С тех пор, как Юрий узнал, что Ковальский работает на крупном химическом заводе, торпедирует его вопросами.

Александр стал мишенью обвинений, и не только его. Военлёт (так неожиданно всплыло это «старинное» слово с подачи Бочарова) самолично объединил в своём лице голоса тысяч, миллионов людей и как главный обвинитель говорил порой непререкаемым тоном. И наивность, и мудрость неразделимы в нём.

— Ну, вот, не зря я крякву добыл в ильменке. И тебе осталось, — бодро объявил Юрий, когда Александр возвратился от матери. — Садись с нами.

Попробовав, Ковальский похвалил утиный суп. Юрий не выдержал, его толкало изнутри. Произнёс вдохновенно:

— Как можно после такой красоты и свежести, как у нас, вернуться на химический завод-вонючку и спокойно продолжать травить всё в округе?

«Они поужинали только что, но ещё не наговорились. Я попался Юрию, — отметил про себя Александр. — Мало я сам себя казню подобными вопросами, теперь Юрий ещё».

— Мы не травим. Мы выпускаем химические средства защиты растений. И не только, — отозвался Ковальский. — Ещё и средства бытовой химии.

— Ага, такие, как дуст! — Юрий громко рассмеялся. Поднялся из-за стола и пересел на табуретку около окна.

— Сейчас есть много других средств для уничтожения сорняков и насекомых: гербициды, дефолианты, феромоны, — вступил в разговор Бахрах. — А за создание дуста швейцарский химик Пауль Мюллер получил, кстати, Нобелевскую премию.

— Да-да, — кивал головой Юрий, глядя на него, как на ребёнка, говорящего заученные школьные истины. — Не зря же запретили этот ваш дуст! Разве не знаете, что он стал накапливаться в живых организмах? Он подавляет синтез материала яичной скорлупы. Птичье потомство стало вымирать! Помните, как с «кукурузников» у нас посыпали поля? И на наши головы — тоже... Хотя вы — из столицы. Там не сыпали.

— Я это знаю. Но знает ли человечество, и вы, в том числе, что мы все спасены от малярии благодаря дусту? До применения «нашего» ДДТ малярия уносила, если я не ошибаюсь, в мире в год около двух-трёх миллионов человек. А сколько людей страдали ею? «Наш дуст» спас около пятидесяти миллионов!

Казалось, что прозвучали крепкие доводы в защиту химии.

— Вопрос цены! Какой ценой? — не успокаивался Малюгин.

— Но ведь ясно же, какой! Просто хорошее забывается, а плохое оседает в памяти. В том числе, и у человечества, — произнёс Долгов. — Вот, возьми, к примеру, этого зверюгу — колорадского жука. Огромен вред? Конечно. А химическая гене-

тика и трансгенная инженерия способны создавать растения, надёжно защищённые от вредителей. Это работает на всё человечество!

Но для Юрия и это не довод. Тем более, Долгова он видит впервые. Что за человек? Ушибленный какой-то, хромает..

— Вот-вот, как раз, когда для всего человечества делается глобальное благо, тогда и возникает всемирная опасность! Пройдёт несколько лет, и окажется, что этот ваш генный картофель начнёт из наших детей делать мутантов. Слишком непредсказуемы вмешательства человека. Высшее образование, институты развивают способности человека... и глупость — тоже, — Юрий обвёл всех взглядом и выжидательно притих.

— Ну, это последнее далеко от химии, — улыбнулся молчаливый до сих пор Бочаров. — Хотя, вам виднее..

— Александр, сколько ты навывпускал инженеров-химиков, пока возглавляешь государственную экзаменационную комиссию в институте? — вполне деловито спросил Юрий, повернувшись лицом к Ковальскому, вставшему около голландки.

— Ну, где-то, наверное, человек пятьсот.

— Ты им объясняешь, перед какой катастрофой мы стоим? Автомобиль проглотит нас. Мы все — заложники бензина и автомобиля. Бензин ядовит!

— Есть специальная дисциплина — охрана окружающей среды. Она даёт знания об этом...

— Вот она где, зараза! — не дал договорить Юрий. — Даёт знания. Знания! Это так великолепно! И это так мало! У нас много знающих, но мало понимающих. Понимает ли человечество, куда идёт? И где специалисты, которые могут что-то поправить?

— Человечество сознательно рискует, — произнёс Долгов.

— Почему? — Юрий с укоризной посмотрел на него.

— Почему! — отозвался Долгов. — Оно всё давно решило и поняло. Идёт на риск, потому что велики выгоды. Это, как с динамитом. От него столько бед. Но и огромные выгоды: строительство дорог, тоннелей и так далее. Человечество от бессилия принимает эти риски. Оно не придумало ничего более умного и безопасного. Хотим всё делать легче! Хотим жить удобнее, красивее. Но желания и потребности опережают наши способности. Вот наши предки, они жили безвредно для самих себя

и будущих поколений, — заключил он. — Им не нужна была никакая химия. Ты хочешь жить, как первобытные люди?..

«Независимо друг от друга мы думаем нередко об одном. На природе это случается чаще, чем где-либо», — Александр невольно посмотрел на Бахраха — что скажет?

Будто почувствовав, что Ковальский ждёт его реакции, Бахрах тихо начал:

— Наша цивилизация — нефтяная. Кровь этой цивилизации — нефть. Каких-то сто пятьдесят лет назад нефть продавали в аптеках в пузырьках для смазки горла при ангине. Тогда людей на Земле чуть перевалило за миллиард. Больше половины жили в сельской местности. Возникли автомобиль, газомазутные электростанции, нефтехимия. И началось!.. Нефть ринулись добывать миллиардами тонн. При дешёвой энергии число людей в мире увеличилось теперь вчетверо. Огромная часть населения, в основном, в тех странах, где потребляется много нефти, переместилась в города. Горожане развили науку, вышли в космос. Вся Земля опутана проводами. Летают тысячи самолётов. А одежда? Спасает синтетика! Естественных природных ресурсов на такую ораву народа, какая сейчас на Земле, просто не хватит!

— Это всё к чему? — блеснув глазами, произнёс Юрий. Видно было: разговором доволен. Стосковался. Да и собеседники — не заскучаешь.

— К тому же! — невозмутимо ответил Бахрах. — На одну пищевую калорию в сельском хозяйстве тратят до десяти калорий получаемого из нефти минерального сырья: топлива и машинных масел. Не будет нефти — количество пищи упадёт в десять раз. Это — голод. Если даже удастся как-то вырастить столько продуктов питания, как их привозить в города? Что делать?

— Бежать назад в деревню! — подсказал Бочаров.

— Это не спасение. Без механизмов, на лошадиной тяге людей не прокормить, земли пахотной не хватит. А лошадей где столько взять?

— И кто пахать будет? — подал голос Долгов. — Я не умею. Бухгалтера, телеведущие — тоже. А крестьян уже и нет..

— Через несколько лет придут в негодность дороги. Прекратится выпуск асфальта, — продолжал Бахрах. — Без нефти не будет тракторов и химических удобрений.

— Так чего же мир сидит так упорно на нефтегазовой игле? Надо развивать гидростанции, атомные, угольные электростанции. Переходить на электромобили, электротрактора! А из нефти делать только удобрения, — говоря это, Юрий закашлялся и махнул неопределённо рукой.

— Вроде бы, просто. Но только автомобили мира потребляют энергии в несколько раз больше, чем производят её все электростанции. Чтоб, допустим, утроить число электростанций, потребуется более ста лет, — спокойно пояснил Бахрах.

— И сколько же нефти в Земле? — глухо произнёс Бочаром. — На сколько хватит?

— До середины двадцать первого века, может, дотянем... Но начнётся планетарный кризис: потребность в нефти превысит добычу, — Бахрах обвёл всех взглядом. — Неизбежны войны.

— Это тупик! — произнёс Бочаров. — Я пожил! А молодёжь? Надо что-то делать?!

— А где же учёные наши? Вымерли, как мамонты? Сейчас гоним нефть и газ за границу — торгуем нашим будущим? — Малюгин резко повернулся к Бахраху.

— Учёные, — спокойно ответил тот, — создали для этого специальную науку: физику плазмы. Одно из направлений сохранения человека — термоядерная энергия. Проект опытного термоядерного реактора готов. Лет через тридцать-сорок, если всё пойдёт успешно, первая термоядерная электростанция работает.

— Вот это будет тогда Чернобыль: один и сразу для всех на Земном шарике, — не удержался Малюгин.

— Скорее всего, возникнет несколько направлений получения энергии, — спокойно подал голос Долгов. — Одно из них: использование водорода. Он экологичен. При сжигании в топке либо в двигателе образуется дистиллированная вода. Если научимся добывать водород непосредственно из земли, где он получается при взаимодействии кремния и магния с водой, это будет революция в энергетике.

— Да, конечно, — согласился Бахрах. — Появятся разные пути, в том числе, и получение топлива из природного газа, синтез-газа. Такие эксперименты уже ставятся.

«Надо человеку вбивать в голову, пока не поймёт, что существуют пределы всего, что мы расточаем!» — отчётливо слы-

шал Ковальский срывающийся голос профессора Засекина, словно он сидел среди них.

Спокойный, уравновешенный Бахрах, отвечавший на вопрос, который у всех на уме, непроизвольно перетягивал внимание на себя:

— В истории земной цивилизации подобные энергетические катастрофы уже были. Они плохо кончались...

Улыбка скользнула по лицу Долгова. Он взглянул на Ковальского и слегка кивнул ему. Будто догадывался, о чём тот думает.

«Странно как-то всё это. И Юра, будто внезапно затеявший этот разговор, и остальные, и... голос Засекина во мне — всё на что-то работает?..»

...Позже, когда Юрий ушёл и все заснули, Ковальский, лёжа в постели с закрытыми глазами, ясно увидел и услышал своего декана Калашникова: «Неужели можно сделать что-то такое, чтобы все разом оглянулись на себя, на результаты своих дел и замерли от ужаса? Этого, по-моему, никогда не будет».

Потом Александр вспомнил Юрину реплику после длинного монолога Бахраха: «Похоже, вы Ковальского как нефтехимика оправдали из-за необходимости сохранения человечества и отсутствия пока другого способа жизнеобеспечения. На то вы и учёные! Молодцы, хоть на это способны».

«Юрия, как Засекина, не спибишь ничем, одна порода», — подумал Александр. На миг зримо привиделось энергичное, умное, с искрящимися тёмными глазами лицо Малюгина. Александр вздрогнул: «Это тот самый бородатый старик в потёртом полушубке, который ехал вместе со мной, когда вызвали на завод после института! Только моложе и без бороды. Будто на двадцать с лишним лет назад кто-то, крутанув, отмотал огромную бобину с живой плёнкой. И вот эти кадры... И голос его: «У каждого свой промысел, но все в одном движении — в общем автобусе, попробуй останови!»

Мозг работал вяло:

«В который раз уже этот старик... Он мне порядком надоел...»

Ковальский повернулся на спину. Положил руки на грудь, готовясь заснуть. Показалось, если уснуть и спать долго, то всё встанет на свои места. И можно будет жить, работать и радоваться... Как в детстве...

Спал Ковальский спокойно, встал рано. Захотелось побывать на озере Бобровом. Потихоньку пошёл будить шофёра.

Через полчаса уже сидел на берегу завораживающего с детства озера.

Когда-то над этой покойной водной гладью лежал он на высоком берегу и в последний раз видел на равнине, слева от озёрного ветельника, скачущего на резвом меринке пастуха Николая Яндаева-Цыгана.

Вспомнил Александр, как, растревоженный разговорами профессора Засекина, думал о будущем своего сына, который должен у него обязательно быть — так он всегда чувствовал...

А сын уже бегал по этой земле. Его Саша уже топал травушку-муравушку во дворе Бочаровых. И ему было целых три года. Анна мучилась от страшного недуга. А он об этом не знал.

«Я думал о сыне, который мог родиться, а он уже жил. Беспokoился о его судьбе, а она для него уже была. Уготованная судьба? Яндаева не стало, многих не стало. Пустое, одинокое поле. А сын мой вырос! Как хорошо, что удалось оформить его паспорт на мою фамилию. Теперь — химик. Как и я! Жизнь берёт своё! Прогресс неотвратимо вовлекает в бурлящий поток всё новых и новых сынов. И я никак не могу противопоставить жизнь и технический прогресс. Этот прогресс — составная часть жизни?! Почему он порой, как раковая опухоль на розовом теле жизни? Но ведь не химия уничтожила Яндаева и опустошила поля, сделала их пустынными... Что-то иное...»

Не отпуская вчерашний вечерний разговор, затеянный Машукиным.

Александр поднялся с земли.

Он, кажется, успокоился. Но боль в висках застучала вновь, как накануне вечером. Она периодически последние дни давала о себе знать. Была тому причина, он это осознавал. Тамара Заречная не выходила из головы.

Он разыскал её брата, намереваясь разузнать, где она? Всё оказалось чудовищно нелепым. Она умерла более двух месяцев назад. В Воронеже.

«Сашенька, иди! Я тебя увидела! И мне хорошо», — донёсся сейчас издали её голос. И стих. Наступила странная тишина.

«Ни Тамары, ни нашего сада не стало... — стучало в голове. — Индустриализация вечна».

...И тут отчётливо, будто в яви, прошелестели такие простые слова деда Ивана, сказанные ещё тогда, когда они сидели на Бариновой горе, напротив Бобрового.

— А что, Шурка? Может, всё-таки лучшее в жизни дело — украшать землю садами, чем ковырять её буровыми вышками? Не агрономом ли тебе надо быть? Садоводом?..

«Как давно это было! Сколько же лет пролетело с той наивной и простодушной поры? Больше двадцати пяти! А всё как будто вчера!»

«Кем быть, каким быть?» — теперь зазвучало по-иному.

«Будь жив институтский преподаватель Засекин, что бы он теперь сделал? — Ковальский раздумчиво покачал головой. — Профессор утверждал — выход к достойному существованию не в техническом прогрессе, а в улучшении человеческих качеств. Красиво, но недостижимо. Я тогда верил в своё. Заканчивая институт, торопился в ту жизнь, которую никто из моих односельчан, из моего окружения не испробовал. Важно было участвовать в выполнении больших задач, рожденных самим временем. Не было такого острого, как сейчас, желания понять, что творится вокруг... И что теперь у нас в итоге, уважаемый инженер Ковальский? За эту четверть века, за смену целого поколения мир стал лучше? Я как инженер улучшил его?»

Он вспомнил предупреждения Самарина о наступающем экологическом кризисе. Невольно поёжился: «И этот прав. Если бы я подался в агрономы? Либо в садоводы? Усовершенствовал бы жизнь вокруг? Не золотится, как при Цыгане, пшеницей поле. И стада не пасутся. Не пестрит в глазах от разномастных бурёнок. Где всё это? Что бы изменилось, если бы стал агрономом?»

Кто же преобразует мир? Если не садовод, не инженер, то кто? Остальные, те говоруны, которые и поля-то рабочего не видели никогда, и в гудящем цехе никогда не бывали, разве они?

После института я был увереннее. Но только ли дело в молодости?

В многознании причина теперешней моей расслабленности? Или в чём-то другом? Во мне или вне меня?.. Если бы кто услышал мои мысли, мог бы сказать, что всё это от усталости,

от заводских передряг, от выходов моего чумового заводского экономиста.

Нет, не от этого! Не от него! Кретов — как признак того, что неведомая болезнь разъедает опоры нашей жизни, каждого из нас. Он сам, вместе со всеми, ввергнут в пучину. И эта пучина рождена такой силой, которая может поглотить всё».

При последней мысли вздрогнул: «Неужели есть сила, которая может всё светлое превратить в тёмное? Нет теперь ни деда Ивана, ни профессора Засекина. Нет той жизни, которая была при них. Увидев, что сейчас происходит, они не поверили бы!..

Как может быть удачной личная судьба, когда со страной происходит невероятное? Моя жизнь — разве в ней всё гладко? Внешне, может, да. Она, как широкий большак, стрельнувший вдоль берёзовых и осиновых колок, перелесья к многошумной магистрали. Но это только со стороны. Один я знаю, как извилист, с какими неожиданными поворотами этот «большак».

...Нет, личная дорога моя — не «большак», не шоссе. Это тот просёлок, где неминуемо под широким небом попадаешь под прищур родительских глаз, деда, всех тех, кто окружал в детстве. Кого уж и не помнишь, но благодаря которым выжил и теперь живу.

И нельзя поддаваться крикливым уговорам суматошного лихого нашего времени, потерять разом всё. И себя, и всех, кто дорог тебе и кто не простит за слабость. А может, и простит? Скорее всего, так. Как заблудшего сына? Души у них были всепрощающие. От любви это, немногословной и... терпеливой...

Но разве такая участь мне нужна? Участь блудного сына?

...Где она, правда о себе?

Где узнаешь её? На митингах и шумных собраниях? Там у каждого своя правда. И так сложно добраться, достучаться до живой души. Там каждый прав, а все вместе — не знают, куда идти. Не стало её — одной-единой, объединяющей всех правды. Но была ли? Не мираж ли она?..

...Я, как мог, оберегал родных от всего непогожего, что случилось со мной. И все уверовали, что со мной ничего дурного быть не может. И я худого никому никогда не сделаю.

...Но, по большому счёту, оказался в первых рядах отравителей нашей жизни. Я, сомнительно преуспевающий специалист, вступивший когда-то в первые ряды тех, кто строил светлое

будущее, название которому — «советская власть плюс электрификация и... плюс химизация». Много мы «нахимичили». И Анна в своё время благословляла меня, одобрила нефтехимию — как дело всей моей жизни. Сколько нас, бодрых и энергичных, разметало по всей стране в конце шестидесятых... ударившихся в химизацию?..»

...Было около десяти утра. Солнце жёстко, не по-осеннему било в глаза. Александр прикрыл их ладонью. А когда убрал руку, вновь взглянув на светило, увидел большой солнечный крест. Крест, излучающий вселенский всепроникающий свет.

Это поразило его.

Глазам было больно. Снова заболела голова. Ковальский медленно пошёл в тень большого осокоря.

Мозг продолжал работать в одном направлении: «...В воздух нашего Сосновска в год выбрасывается около 100 тысяч тонн вредных веществ. Один мой завод «выдыхает» азота свыше 308 тонн, фенола — почти 100 тонн».

Мысли то мелькали, как пёстрые бабочки, то гудели монотонно грузными шмелями. Он закрыл глаза, и ему представились тысячи заводских дымовых труб по стране, и тысячи промышленных факелов.

«Боже мой, сколько успел наполучать званий и наград за свою деятельность? В том числе, и за охрану природы. Толку-то?»

Он обратил лицо в небо.

«... Что со мной сейчас происходит? Можно ли всё-таки понять? Услышать правду о себе? Там, куда я вернусь, где постоянное верчение человеческих судеб, где идёт своя спасительная для завода постоянная работа, которая здесь кажется разрушительной в своём конечном, общем итоге для всего живого, там я себя не услышу так, как здесь. И не узнаю о себе «такую» правду, как здесь! Хожу по кругу в своих мыслях... Как сильно болит голова...»

Александр посмотрел в синеву, чувствуя уменьшение боли в висках и правом глазу. И почувствовал на себе из-под самого купола неба светлый взгляд. «Это мой ангел, — думал он. — А может, пращурьы наши смотрят? С укором. И с верой?!»

Ковальский тяжело оттолкнулся от осокоря и медленно пошёл к машине. Скучающий водитель обрадованно включил мотор.

...И тут ему пришла новая, неожиданная мысль. Истинная ли? Или одна из тех, которые услужливо прикрывают обра-

зовавшуюся пустоту, сомнение в нужности дела, которым занимаешься? Прикрывают хотя бы на время, чтобы дать укрепиться и домыслить до конца. Как некая промежуточная опора, Александра она оживила. Он прошёл мимо машины и присел на корневище старой ветлы.

«Раньше то, чем занимался, было — «плюс химизация». То есть дело важное, но не первостепенное. Как бы дополнительный фактор. А теперь моя нефтехимия как составная часть топливно-энергетического комплекса, едва ли не самого важного из того, что есть у нас. Оно может спасти общество. Да, отвратительно: сидеть всем, всей экономике на нефтегазовой игле, когда жизнь россиян определяется ценой продаж продуктов нефтедобычи, нефтепереработки, нефтехимии за границу. Это удручающе! Но куда деваться? Пока после разгрома промышленности, сельского хозяйства, развала армии не начнём вновь всё восстанавливать — спасение в нефти. И в химии.

Надо продолжать заниматься своим делом. Страшных издержек, связанных с отравлением среды обитания и самого человека, теперь, увы, не избежать. Разве только сократить. Это плата. И за веру в прогресс, и за перестройку...

Есть за что Малюгину меня критиковать. Но нефть, нефтепереработка, нефтехимия, хотя и временное, но — спасение. Пока не поумнеем. Не самоубийцы же мы — россияне!

Предстоит преодоление сырьевой специализации. Без этого будущее немислимо...»

В Ковальском заговорил инженер. Теперь он думал предметно, в рамках профессии. Мысли начали обретать ту уверенность и надёжность, ту стройность и логическую завершённость, которые всегда отличали его в заводской среде.

«...Всё-таки правильно, что мой сын — нефтехимик. Это очень важное в ближайшем будущем поле деятельности...»

Он вскинул голову на звук приближающихся шагов и увидел озабоченное лицо шофёра.

— Мы должны быть в десять часов в церкви у отца Анатолия. Сейчас уже почти одиннадцать.

— Ах, ты... — спохватился Ковальский. Но не тронулся с места, продолжал сидеть. — Сейчас поедем.

Не торопился. Будто боялся утратить чувство равновесия, которое возникло у него здесь.

XX

До отчётно-выборной партконференции завода оставалось два дня.

Ковальский внимательно следил за происходящим. Был уверен, что без тайной режиссуры конференция не останется. А сам накануне её под конец рабочего дня подписал приказ о назначении своим заместителем по кадрам и быту вместо посрамлённого Водолазова бывшего секретаря городского комитета партии по идеологии Андрея Ивановича Приходько. (Он работал теперь начальником отдела кадров в стройтресте). Подписал и дал команду кадровикам оперативно разослать по всем цехам и отделам.

«Пускай наверху докажут, что назначение не самое удачное. И опыт есть у Приходько, и авторитет. На попятную не пойдём, — размышлял Ковальский. — И Андрей Иванович знает, на что идёт».

— Но Нечаев видит Стулина на этом месте. Как будем выкручиваться? — спросил Приходько при первом разговоре.

— Никак! Работайте. Оборону буду держать я.

— Хорошо. Я в себе уверен, — он испытующе посмотрел на директора.

— На том и порешим, — Ковальскому не хотелось развивать тему.

«С Нечаевым понятно. Но кого всё-таки метили на это место Варичев и Туркин? — доискивался Ковальский. — Или Стулин устраивает всех?»

Конференция началась необычно. Поднялся в первом ряду зала Стулин и, не подходя к трибуне, попросил освободить его от обязанностей секретаря заводского партийного комитета по личным обстоятельствам.

Многие замерли от неожиданности. Потом послышалось: «Нечего сказать?», «Напетлял — и в кусты?», «Туда и дорога!». Гул нарастал. Встал важный и распорядительный второй секретарь горкома Ларин.

— Товарищи коммунисты, я здесь по просьбе первого секретаря нашего горкома партии Нечаева, который приболел. Вопрос о Стулине согласован с ним. Прошу поддержать!

— Раз у вас всё согласовано, то скажите, почему даёте объединению и Туркину травить нашего директора? — послышал-

ся выкрик из зала. — Целая команда из Москвы приезжала... И Стулин заодно с ними...

Эти слова сработали, как детонатор. Зал загудел. Собрание по накатанному, как обычно, не пошло.

— О чём речь? Какая травля? — громыхнул Ларин. — У нас собрание или митинг?

Собравшиеся настороженно попритихли. Ларин продолжал:

— Ну, надо же как следует всё делать. Нет президиума, не прозвучал отчётный доклад. В чём дело? Будут прения по докладу, тогда и поговорим обо всём.

На это никто не нашёлся, что ответить.

— А пока давайте поблагодарим товарища Стулина, всё-таки отчётный период был непростой. И удовлетворим его просьбу!

Большинству уже было наплевать на своего партийного секретаря. Возражений не последовало.

Избрали президиум. Почти единогласно удовлетворили просьбу Стулина.

— Выговорёшник бы ему вклеить за амурные дела, — прозвучал над головами бодрый тенорок бригадира слесарей Рассторгуева.

Реакции зала и на это никакой. Чувствовалось, всех волнует куда более важное.

Отчётный доклад поручили прочитать заместителю секретаря Грошеву.

Подсевший в президиуме к Ковальскому Ларин зашептал на ухо, не обращая внимания на докладчика:

— Понимаешь, надо посмотреть кандидатуру Стулина на должность твоего зама. Парень-то, в общем, энергичный. Ловелас, правда, но... по молодости... пройдёт.

— Проехала.

— Не понял? — важно наморщил лоб Ларин.

— Тележка с углём проехала. Поздно, — делая простодушный вид, проговорил директор.

— Что за лексикон у тебя, ей-богу: «тележка с углём», — лицо Ларина стало ещё важнее. — Скажи по-человечески.

— Я уже назначил Приходько на эту должность.

— А ты... ты согласовал?

— С кем? Разве обязан это делать?

— А разве нет? Раньше было только так, забыл?

— Должность-то... зачем усложнять? — продолжал играть простака Ковальский.

После доклада Ларин, сославшись на неотложные дела, покинул зал. Ковальский про себя пожалел его: «Напереживается теперь, бедняга. Помчался докладывать Нечаеву о моей выходке».

Пошли унылые прения дежурных ораторов.

Умеренное журчание речей, запущенное умелой рукой Грошева, враз расплескал всё тот же Расторгуев:

— Всё, о чём мы здесь говорим по бумажкам, — второстепенное, третьестепенное! Это все знают! Надо говорить о том, что волнует каждого. — Он запнулся, словно забыл от волнения какое-то важное слово, но тут же ещё чётче и громче произнёс: — Ставлю вопрос о выходе нашего завода из объединения! Хватит! Они разграбят завод! Чего Совет трудового коллектива дремлет? Где не надо, они бойкие!.. Надо уйти из объединения и этим защитить Ковальского и завод! И все дела!

— Подождите, — поднялся из президиума Грошев. — Необходимо дать оценку по основному вопросу. Есть же порядок! Вашего вопроса в повестке дня нет!

Последнюю фразу он сказал опрометчиво. Она только разгорячила.

— Так давайте проголосуем и внесём, — предложил из зала кузнец ремонтного производства степенный Волков.

— Нельзя единичное мнение сразу предлагать на рассмотрение, — попытался вставить с места Стулин.

От него Расторгуев отмахнулся, как от мухи.

— Выход из объединения предлагаем не только мы с Волковым, а большая группа заводчан. Вот протокол. Вы не в курсе, товарищ бывший секретарь!..

«Не Долгова ли работа?» — улыбнулся про себя Ковальский.

Но Стулина так просто не возьмёшь.

— А как сам директор? Что думает? Скоропалительно так, знаете ли...

— Этот вопрос вправе решать общезаводской конференции трудового коллектива. Как директор готов работать самостоятельно! — Ковальский намеренно сделал паузу. — Если доверит коллектив...

После нескольких горячих выступлений большинством голосов рекомендовали Совету трудового коллектива в месяч-

ный срок рассмотреть вопрос о выходе завода из объединения. И представить предложения в партком.

Работу партийного комитета оценили как удовлетворительную. Секретарь Стулин за свой личный «вклад» получил «неуд».

— Почему Совет трудового коллектива должен в партком представлять свои предложения? — единственный раз за всё время дебатов подал голос председатель Кипнис.

Грошев нашёлся:

— А потому, что вы пока ещё член партии, а в рекомендациях Госкомстата СССР по труду сказано, что подготовка и проведение выборов Советов трудовых коллективов осуществляется под руководством первичной партийной организации.

В зале недовольно зашумели. Но спорить не стали. Секретарём парткома избрали Грошева.

Ковальский всё ждал выступления кого-то от Совета трудового коллектива по поводу выхода из объединения, но этого не случилось.

«Специально не проявляют себя? Или не решаются?» — пытался понять он.

* * *

— По городу пошёл слух, что ты задумал выйти из объединения. Сожрут! Не успеешь.

Ковальский и директор соседнего нефтехимического комбината Гладилин только что вышли из здания горкома партии. Поздний вечер. Отпустили шофёров, решив прогуляться. Дома их недалеко, через квартал.

— Туркин с Варичевым не допустят прецедента. Сегодня — ты, завтра — другой. У них своя стратегия. Ты видишь: председатель исполкома и второй секретарь горкома — бывшие работники завода. Туркин их выдвинул — свои в доску. В областном руководстве немало его людей. У него своя система. Тебе он предлагал перейти на наш комбинат несколько лет назад главным инженером. Ты не пошёл. А он ведь тебя пожалел тогда.

— Каким образом?

— Хотел бескровно от тебя отделаться. Он мне тогда почти напрямик сказал, когда назвал твою кандидатуру. Почему отказался?

— Если откровенно: не решился из-за вашего характера. Вы хороший руководитель, но очень жёсткий. Не желал вступать с вами в единоборство. Я вас уважаю. Была и другая причина: жалко было терять налаженные связи и заработки в науке. У меня накопился приличный материал. В перспективе это важно для технологии, а так всё бы надолго затормозилось. Вы в другом главке. Другой головной институт.

— Ты теперь бы стал директором комбината.

— А вы?

— Решил уйти на пенсию. Нельзя себя уважать, оставаясь в такой обстановке. Чего стоит одна только госприёмка. Двадцать пять бугаёв посадили на контроль качества продукции в конце процесса! Работать над ним надо на технологической стадии, а не так! Сбежались в госприёмку комсомольские, партийные номенклатурщики. Разве они дадут качество? Мы с главным инженером из Чапаевска Кириллом Касторгиным написали министру, в ЦК КПСС. Результат: вкатили «строгача». Не выстоять! На десятки лет уронили страну. Потом будем натужно поднимать. Помни: тому, что творится, найдут название. Но сейчас молчат. И ты молчишь.

— У меня госприёмки нет. Удалось уклониться.

— Повезло.

Гладилин смолк, было, но его снова прорвало:

— А СТК этот? Бардак, специально придуманный, чтобы развалить нашу промышленность. Мастер ремонтников меня учит, как руководить. А я пятнадцать лет — директор.

— Везде так, — отозвался Ковальский.

— А-а-а, пошли все со своими госприёмками, СТК... в одно место. Хватит! Я уже написал заявление. Работайте, господа, без меня!

— Разве можно так?! — опешил Ковальский.

— Не могу на всё это смотреть! Ты, может, и выдержишь. Тебе пятидесяти нет, а мне шестьдесят через полгода...

— Хотя бы до пенсии доработайте!

— Вредный стаж выработал. С пенсией более-менее. Беда в другом: работать не дают, как надо... Нет! Я выбираю катапультное. Не туда летим!

«Такого матёрого мужика и сломало? — Ковальский с горечью смотрел в широкую спину удалявшегося директора. —

А ведь в нём всегда было нечто такое... Державное! Государев человек. И бессребреник.

Кажется, он последние лет пять в отпуске не был. Некогда. Может, отдохнул бы, и всё уладилось?»

XXI

Таким взъерошенным начальника отдела министерства Ковальский раньше не видел.

— Задумал отменить заводскую стройку? Ты в своём уме? Решение принимали ЦК КПСС и Совет Министров.

— Но ведь штрафы за неустановленное оборудование пуస్తят нас по миру. Министерством мы переведены на самостоятельное финансирование, а нормативы отчислений в фонды, в том числе, и на строительство, нам устанавливает наше объединение. Они такие копейки дают, что мы уже полунищие. На что строить?

— Выкручивайся сам. В правительство никто не пойдёт! Там спросят: кто допустил ошибку? Туркин, Варичев молчали, а ты? Хочешь цветочки на наши могилки носить? Не выйдет! Чужими руками... каштаны из огня!

Ковальскому стало не по себе от ничёмного разговора, он поспешил уйти. Всплыли в памяти слова другого большого чиновника, у которого недавно побывал:

— Достукаешься. Тебя щёлкнут, и крепко... Мой дружеский совет: прекрати высовываться с этим вопросом и... — глаза его, глубоко посаженные, щёлчками значащиеся на одутловатом лице, совсем пропали, остались одни веки:

— Если задумаешь сунуться помимо, напрямую в Правительство, то не успеешь доехать домой, лишишься должности. Не нарывайся. Тоже мне, второй Руст¹ нашёлся. Спланируешь на наши головы, и твоя не уцелеет...

«Вот ты и подбросил идею: надо идти в Правительство!», — ухватился директор за нечаянный совет.

¹ Руст — гражданин ФРГ, который посадил свой самолёт на Красной площади 28 мая 1987 г. После этого последовали перестановки в высшем военном руководстве страны.

* * *

Ни к Рыжкову, ни к Догужиеву Ковальский так и не провалился. Помощники выслушивали, назначали, переносили сроки приёма. Время шло...

Он решил обратиться к Председателю Совета Министров СССР с открытым письмом.

«Проблема должна быть обнародована так, чтобы не решать её было нельзя», — поучал когда-то Суслов.

«Как раз тот случай, попробуем», — размышлял Ковальский.

Приближалась конференция представителей трудовых коллективов завода, на которой готовился отчитываться заводской совет.

На ней можно принять решение об открытом письме в Правительство.

* * *

Под руководством Суслова и Кретьова над текстом письма специалисты работали кропотливо.

...Это была, может быть, самая неорганизованная и шумная конференция на заводе.

— ...Никогда не соглашусь, что Совет трудового коллектива мешает. Так могут говорить нерадивые руководители. Ведь при всех ошибках, СТК — это привлечение людей к управлению. Это альтернативное мнение. Это демократия на деле. За отчётный период, — докладывал Кипнис, — мы рассмотрели более ста вопросов. — И далее шли нудные перечисления: — Утвердили план технического развития завода в XIII пятилетке, рассмотрели вопрос технического перевооружения производств. Занимались и текущими делами. Согласовали список резерва кадров итээр на повышение. Выделили деньги на стоквартирный малосемейный дом. Дирекция теперь спокойно может заниматься строительством.

— Ну, хватит, — не выдержал прямодушный начальник ОТК Суржииков. — Не выделили, а всего лишь согласовали на бумажке сумму. А надо бы не этим заниматься, а помогать строить квартиры. Подсобники из вашего цеха, товарищ председатель Совета, на стройке так и не появились.

На него, было, шумнули с первых рядов, но он ещё громче пожаловался:

— Ну, сколько можно? Один — с сошкой, а семеро — с ложкой. Директор и заводские ремонтники занимались домом, а остальным не надо? Только галочку в доклад?..

Председатель упрямо гнул свою линию. Наконец, выбравшись из частотола перечислений всевозможных архиважных деяний, закончил отчёт.

От всего сказанного так разило спекулятивными манипуляциями, что Ковальскому стало не по себе. Он сдерживался. При любом раскладе и исходе конференции ему важнее всего получить одобрение на открытое обращение в Правительство и на выход из объединения.

В разноголосице по поводу оценок работы Совета основательно прозвучало слово обычно молчавшего на собраниях мастера ремонтного цеха Драгина:

— За последние два года на заводе произошли заметные сдвиги. Администрация и общественные организации больше стали уделять внимания быту нашего коллектива.

Его прервали:

— Говорить надо о работе СТК! Что они делают?

— Одна возня, а где работа? — послышались реплики из зала. — В адвокаты записался.

— А я к тому и подвожу, — не смутился выступающий.

— Подводите быстрее, а это всем известно!

— Так вот, заводской Совет трудового коллектива за эти годы не нашёл места в системе управления, и его влияние незаметно. Совет ограничился контрольными функциями, мелкими вопросами. Во многих случаях дублирует профсоюз, стремится к показу своей главной роли. Нам нужна не показуха, а работа.

— А как мог Совет идти в ногу с коллективом, выполнять его волю, когда никакой связи с ним почти не имел? — выкрикнул машинист железнодорожного цеха грузный Ванин. — В отцепленном вагоне суетились.

Это прозвучало как приговор. По залу прокатился одобрительный шум и смех.

Последующее Ванин произнёс как очевидное для всех:

— Совет как орган неработоспособен. Так не я один считаю.

Член Совета, старший инженер отдела снабжения Сидорчук, солидно, как народная артистка, выплыла к трибуне, едва не подмяв по пути Драгина.

— Товарищи! В том, что сегодня мы собрались на специальную конференцию с отчётом о деятельности СТК, я усматриваю одну из побед Совета и подтверждение того, что он на заводе не робкий советчик, а коллективный орган управления. Совет имеет своё лицо и может постоять за себя. Совсем не просто было брать часть прав от администрации и профкома и находить своё поле деятельности.

— Демагогия, — прозвучало из зала. — Хватит!

— Отнюдь! — интеллигентная Сидорчук умела вести дискуссию. — Мы не в отдельном вагоне были, тем более отцепленном, как тут скверно пошутили. Жаркие дебаты разгорались на Совете по многим вопросам. С Законом о государственном предприятии в руках, громкой читкой его параграфов доказывали и руководству, и председателю профкома, и некоторым другим товарищам, что тот или иной вопрос решать Совет может и должен! Это не всем нравилось. Попытку, мягко говоря, «ужать» наши права проявил даже партком завода, приняв за спиной СТК решение провести пере выборы Совета без его отчёта на конференции по обсуждению выполнения колдоговора, что называется четвёртым вопросом. При этом поручил профкому с помощью «особой» комиссии рассмотреть и подобрать новый состав СТК. Налицо была явная попытка подменить и заменить Совет.

Грудной голос звучал проникновенно. Она, кажется, верила в правоту того, что говорила.

— Значит был повод! — вновь выкрикнул неугомонный Ванин.

Председатель укоризненно покачал головой.

Сидорчук демонстративно спокойно, не обращая внимания на выкрик, продолжала:

— Многим не по душе существование на заводе Совета. Не нужен он и директору. Мы не во всем соглашаемся с ним. Известно ведь: сверху легко плевать, попробуйте снизу!

— А зачем это всё?! — громко, на весь зал, спросил Ванин.

— Что? — не поняла Сидорчук. И по-учительски строго посмотрела в глубину зала.

— Плеваться зачем? От избытка желчи, что ли? — не робел Ванин. — Был завод передовым, одним из лучших в отрасли. В один миг и директор, и все стали никудышными. С чего всё это?

— Я не говорю сейчас о персоналиях, речь идёт в принципе, — уклонилась Сидорчук и назидательно заключила: — Товарищи! Многие совсем не представляют работу Совета. Это большой и опасный труд, когда говоришь правду. Кроме личных неприятностей и потерь, ничего в СТК не приобретёшь.

— Ну, не скажите! — поднялся слесарь хозяйственного цеха, улыбочивый Бородкин. — Председатель Совета Кипнис так надоел нашему начальнику, что тот сдался и без очереди выделил бригаду на заливку швов в кровле его дома. А дом, где я живу на верхнем этаже, второй год протекает. Мы впереди по очереди, но оказались никому не нужными. Вот вам и Совет трудового коллектива — друг и защитник рабочего! — Лицо его стало необычно строго.

Не успевшая сесть на своё место в четвёртом ряду Сидорчук театрально развела руками:

— Ну, нельзя же на конференции сводить личные счёты! Это в любом случае неприлично, — сказала и села, ловко сумев втиснуть своё весьма габаритное тело в кресло. Соседи слева и справа невольно накренились в разные стороны.

В кратком выступлении Ковальский призвал всех к единению и пожелал, чтобы все неудачные решения администрации и СТК ушли в историю. Пообещал в заводской газете развернуто проанализировать перспективы завода при условии «свободного плавания».

Конференция избрала новый состав Совета, одобрила обращение с открытым письмом в Правительство о судьбе стройки и рекомендовала продолжать подготовку выхода из объединения.

На первом своём заседании Совет избрал своим председателем всё того же Кипниса.

* * *

Прошло чуть больше месяца, и на заводе появились гости. Это для Ковальского не было неожиданностью.

Открытое письмо в Правительство, обнаруженное в газете «Социалистическая индустрия», дало результаты.

«О мерах по решению вопросов, поставленных в письме трудового коллектива Председателю Совета Министров СССР Н.И. Рыжкову», — такова повестка дня срочного заседания Совета трудового коллектива.

Из Москвы прибыли заместитель министра промышленности Туркин, начальник Главного управления проектирования и капитального строительства интеллигентный и вдумчивый Сидоренко, начальник Главного экономического управления щеголеватый Бондарев. От объединения «СНОС» присутствовал генеральный директор Варичев и его заместители по экономике и капитальному строительству.

Предложения завода Правительство поддержало.

Туркин со своей обычной суровостью поднялся из-за стола президиума и зачитал постановление. Ставка за кредит уменьшалась вдвое, причём и оставшаяся часть, в основном, должна теперь возмещаться не из заводского, а централизованного фонда министерства. Заводу дали право самому пересмотреть состав строящегося комплекса, определить срок ввода в действие объектов в соответствии с нормативами. Разрешили списание морально устаревшего оборудования и документации.

Сняли ещё несколько важных вопросов, напрямую не связанных с новой стройкой, но мешавших коллективу развиваться на самом деле самостоятельно. Это была отдушина. И какая!

Туркин не проявлял никаких эмоций. Сама сдержанность и лояльность. Только чёткое исполнение порученной ему миссии. По всему видно: не хотел дать ни единого повода для дополнительного разбирательства. Поручение-то от самого премьера!

На прощание руки Ковальскому не подал. Не пересилил себя.

— Эту бодягу-стройку можно бы потянуть и ещё. Но не в условиях перехода на жёсткое самофинансирование завода. Тут ты прав, — глядя на удаляющуюся от здания заводоуправления машину с Туркиным, покладисто произнёс секретарь горкома Ларин. — Но ведь стройка включает возведение в городе поликлиники, бани, двух детских садиков. Закроется она, и всё рухнет. Надо теперь думать, что делать...

Он ещё что-то говорил. Слушать его было Ковальскому скучно.

XXII

После конференции давление со стороны управленцев на руководство завода резко возросло. Было ясно, что в объединении дали определённую установку.

Пошли необоснованные задания. То внеплановое комплектование строящихся промышленных объектов в объединении, якобы предназначенных в будущем для всех заводов, то выделение средств на строительство жилых домов, причём без указания доли получаемого жилья. Такого раньше не могло быть. Дошло до того, что через «Техноэкспорт» сняли часть заводской валютной выручки!

Ковальский отчётливо понял, что надо готовиться к ситуации, когда объединение не помощник, а наоборот — сильный противник.

Кое-что предпринял. С некоторыми смежниками и партнёрами уже поговорил. Решил послушать соображения бывшего директора завода, кавалера ордена Ленина, работавшего ещё до Туркина.

Аккуратненький коттедж на краю города приветливо светился окнами.

В семьдесят пять лет охота к переменам — не главное качество характера.

— Да ты что? Ты и года не протянешь: сырьё наполовину идёт к тебе от них. Капитальный ремонт завода требует до шестисот ремонтников, а все они от треста, который в составе объединения, — он загибал пухлые пальцы на левой руке. — А жилой фонд? Сколько у тебя сейчас его? В моё время было шестьдесят пятиэтажек.

— Сейчас в полтора раза больше, — ответил Ковальский.

— Вот видишь. Когда они превратили завод в производственную единицу и лишили самостоятельности, забрали к себе и жилищно-коммунальное хозяйство. Тогда в моём ЖКО было около трёхсот работников, мастерские, гаражи. Что ты будешь без этого делать? Будешь ухаживать, ничего не вернуть, поверь. Это один из способов твоего удушения. Представь, столько нареканий от жильцов будет. Живьём съедят.

— Создадим свою службу, это не самое главное.

— Сейчас ты вместе с объединением строишь жильё — по тридцать-пятьдесят квартир в год распределяешь, знаю, слежу. А если без них? Ведь в объединении и мазут, и асфальт. Свой небольшой железобетонный завод. Всё налажено.

— Большая часть прибыли нашего завода оседает в объединении, как в чёрной дыре. На наши заработанные деньги многое можно сделать. И рациональнее, — возражал Ковальский. — Я — давний сторонник того, что предприятием можно эффективно управлять, если в нём не более пяти тысяч работников. В нашем объединении несколько разнопрофильных заводов и более восемнадцати тысяч душ. Тоскливо смотреть, как всё громадно и тихоходно.

— Подожди, я знаю, что ты был первым в резерве на должность генерального, если Варичев уйдёт.

— Уже наверняка меня нет в том резерве. Да мне теперь и неважно.

— А подшефные дела? — спохватился бывший директор. — Всё же: мясо, овощи и всякие мелочи? Они вас и оттуда вытолкнут.

— Я не школьник, битый. На прошлой неделе был в одном колхозе со своим заместителем. Набросали проект договора о сотрудничестве. Хозяйство не передовое, но в силах. Своя крупорушка, колбасный цех, пекарня. Договорились вместе поставить маслобойку. И поголовье крупного рогатого скота приличное. Выпасы неплохие.

— Кто ремонтировать цехи будет, голова? Триста человек — не меньше — тебе понадобится уже в мае. Варичев не даст, и баста! Если бы на дворе была безработица и у проходной стояла вереница ремонтников, тогда другое дело.

— Начальник ремонтно-строительного треста обещал людей дать.

— Запретят, и все дела! Он — подневольный человек.

— Но ведь подрядчикам надо зарабатывать деньги! Они тоже заинтересованы в нашем заводе.

— Чтобы напакостить, найдут выход, — парировал собеседник.

— Я созвонился с начальником «Каучукремстроя». Он обещал направить человек двести из Казани по первой просьбе. Мы с ним давно знакомы. График ремонта наших установок у него на столе.

— Нравишься ты мне своей хваткой, — вставая из-за стола и направляясь к буфету, проговорил Александр Сергеевич. — Ошибку я, понимаешь ли, делаю: чаем тебя накачиваю. Сейчас поправимся. Ирина, дай нам что-нибудь закусить.

Он вернулся к столу с бутылкой «Арарата» и двумя рюмками. Разлил.

— Тебя не переубедишь. Я бы не стал уходить из объединения. Но ты — другой! Вольному — воля. Остаёшься без поддержки и объединения, и министерства — помни об этом. Мы с бывшим министром в детстве в одном дворе жили. Сверстниками были. Так он меня пару раз, скажу честно, выгацил из беды. За тебя, если попадёшь, не дай Бог, в переделку, кто вступится?

Они выпили.

— Как вы вообще работаете сейчас? Непонятно. Я в войну главным инженером был. Тогда легче работалось. Цели были ясны. Теперь нет ориентиров. Это уродует хороших людей. Много партийных честных людей потеряли...

После второй рюмки старик похал, побряхтел на прощанье в коридоре со скрипучими половицами, и Ковальский уехал.

* * *

— Что ни делай, а с завода всё необходимое для объединения заберу!

— Для этого пригласил? — усмехнулся Ковальский, садясь в кресло.

Генеральный не отреагировал. Александр продолжал:

— Обложили, как волка красными флажками, и пытаетесь гнать... Твои помощники усердствуют неуклюже. Все это видят.

— Перебьёмся. А вот ты — сам виноват.

— В чём?

— Думай сам, начальник!

— Думаю. И хотел бы знать, кто организовал попытку заложить меня в профилактории за праздничным столом? Ты знаешь, но молчишь.

— Ну и что? — резко взглянул генеральный. — Не умеешь идти на компромиссы. Вот тебя и ловят, а не меня.

— Только потворствовал или сам — участник? — прямо спросил Ковальский.

Генеральный будто не слышал. Сказав следующую фразу, явно проговорился:

— Ты сам тоже не бездействуешь. Метал бисер перед Нечаевым. Не на тех лошадок ставку делаешь. Первый секретарь — труп в большой игре.

— В грязной игре, — поправил Ковальский.

— Ну, как знаешь. Перед тобой выбор был... Перспектива. Не воспользовался.

— Перебраться в министерскую камарилью?.. Уступаю это удовольствие тебе.

Наступила пауза, и Ковальский счёл необходимым сказать:

— Хочу, раз ты меня пригласил, предупредить: выйти из объединения решил твёрдо. Говорю открыто!

— Это и козе понятно, — осклабился в кривой улыбке Варичев. — Не пожалел бы потом. Мы-то прокашляемся.

— Мне важно, чтобы я тебе сказал лично.

— Послушай, ты стал в последнее время многословен. Мне некогда, извини, брат, дела. Адью!

Генеральный потянулся к телефону. Правой рукой тронул на шее чуть левее кадыка похожее на старинную мятую медную монету розовато-коричневое родимое пятно и громыхнул в трубку:

— Алло, вы слышите меня?..

Выходило, будто его крепкий указательный палец нажал не на родимое пятно, а на клапан большой громогласной трубы, самой главной в неведомом оркестре.

— Что за чёрт?! Третий раз пытаюсь связаться...

Наблюдая, как самодовольно ведёт себя собеседник, Александр невольно отметил: «Разговаривал со мной, как с человеком, чья участь предрешена. Как он крепко ошибается! Сам летит в пропасть, не сознавая того».

Генеральный усердно продолжал изображать сверхзанятого человека.

Ковальский молча вышел.

...Вечером того же дня, разбирая почту, обнаружил конверт без обратного адреса. Послание, видимо, вложили в директорскую папку в приёмной, уже после того, как она побывала в канцелярии.

Ковальский вскрыл конверт.

На обычном листке бумаги печатными буквами выведено:

«А.С. Я Вас очень уважаю, поэтому и пишу. Я слесарь нашего завода. Брат мой работал когда-то мастером с вами в цехе на прежней работе. Случайно узнал, что с Вами готовятся расправиться. Подбивают парней. Берегитесь. Всё серьёзно. Писать решил не сразу. Время идёт. Неделя прошла, как узнал».

Подписи нет.

«Такими буквами мне только мама писала письма, — первое, что пришло в голову Ковальскому. Потом сами собой пошли вопросы: — Запугивание? Или действительно звонок? Кто ответит? Может, потому генеральный так самоуверенно разговаривал: капкан поставлен? И всё-таки не верится... Он не может...»

XXIII

В пятницу, почувствовав неодолимое желание увидеться, Ковальский поехал к матери в село.

Приехал, когда уже темнело. Шофёра отпустил, наказав прибыть утром в воскресенье.

В гостиной посидели за столом. Телевизор не включали. Есть о чём и поговорить, и помолчать.

... — А на октябрьские праздники приходил на побывку Генка Петряев, — спохватилась уже перед сном Екатерина Ивановна. — Я как раз в раймаг ходила за калошами к новым чesанкам, давали. И вдруг — он! Высокий, чёрный, красивый. Вылитый Гришка. В шинели!

— Какой мам, Гришка?

— Как — какой? Мелехов, ты должен знать.

— А?! — улыбнулся Александр. — Ты говоришь о Григории так, будто он в соседях живёт.

— Да было время, я по нескольку раз кино смотрела про него! Ни разок ни одной серии не пропустила.

— Долго был дома Геннадий?

— Десять дён... так похож...

Ковальский вновь улыбнулся.

— Улыбайся, — проронила невесело Екатерина Ивановна. — Вас, директоров, рассказывают. Беда по следу ходит. Вон Орешкина сын, Павел, такой деловой парнишка! Был в городе

каким-то начальником — ухоркали. У Карпова — тожа... До тебя доберутся, что делать будешь?

— Не пропадём, мам.

— Смотри!

* * *

Утром Александр пошёл к Бочаровым.

Григорий Никитич прибаливал: начало пошаливать сердечко. А тут ещё простудился.

Дарья Ильинична ушла в магазин за хлебом.

Пока её не было, Ковальский решил заглянуть к Юрию Малюгину. Едва вошёл во двор, попал опять в эпицентр неохватных проблем.

— А когда в нашей жизни застой-то вообще был? Не было такого. Крутились, как могли. Пахали, как могли и сколько могли. Даже больше... Застоя не было, — уверенно заявлял кряжистый человек лет пятидесяти в соломенной шляпе и майке.

Он стоял во дворе около ворот. Хозяин дома сидел на крыльце сеней, с весёлым прищуром смотрел на говорившего.

Ковальский пожал обоим руки и присел на низкий завалянок.

— Митрич, выходит, по-твоему, не было ни застоя, ни секса. Что же было-то? — спросил Малюгин. Александр показалось, что задал он эти вопросы человеку в шляпе специально для него, Ковальского. Чтобы послушал аборигена.

— Главное — производительность труда была. Сейчас её хрен да маненько. И самого-то труда нет, одна канитель. А это слово-то такое — «секс» — мы только в перестройку услышали. Но дело это самое было всегда. «Распрямясь ты, рожь высокая, тайну свято сохрани» — так пели! Это не секс разве? Только по-другому говорили. Стеснялись. Сеновалы трещали в своё время! А сейчас ни сена, ни треску. Одна болтовня... Вымрем скоро... Порядка нет от того, что слепой ведёт слепого!

Хозяин, раскачиваясь на порожке, начал, дёргаясь, кашлять, а Митрич деловито направился к раскрытой тёмной калитке.

— Завтра принесу, — мотнул он большой ножовкой в руке. — Как закончим...

Когда остались одни, Ковальский поинтересовался:

— С чего он так?

— Да мы постоянно разговоры ведём. Сегодня я попробовал с ним о Есенине, а он всё на политику.

— А что о Есенине? — спросил Александр.

— Вот, послушай, — произнёс тот с охотой:

*Потом, когда брела обратно,
Слизывая пот с боков...*

— Уловил что-нибудь?

Юрий замер. Видя недоумение Ковальского, терпеливо ждал реакции.

— А что здесь? — отозвался Александр.

— Стихотворение поразительное. Мурашки по телу... Но...

— Что?

— А то, что Есенин, вроде, и не крестьянский парень? Говорит, собака слизывала пот с боков. Но собаки не потеют. У неё пот капает с кончика языка. Так устроено!

Ковальский поразился:

— Я не обратил внимания...

— Оттого, что стихи в сильное волнение приводят, — пояснил Малюгин. — Или вот:

Унесу я пьяную до утра в кусты.

— Ну, что он её от копы-то в кусты тащит? В кустах обычно сырость, пеньки, валежник. Ну, зачем? Бедненькая... И сами слова: «кусты», «унесу»? Что-то волчье, дикое. Не поэтическое проскальзывает. А ведь — поэт! И всем нравится! И я раньше пел. Не замечал. А теперь постарел? Прозрел?

— И молодые замечают, — ответил Ковальский, вспомнив, как когда-то Николай Румянцев протестовал против «на кука-не реки».

— Ты был в Константиново? — спросил Юрий.

— Был.

— И как ты всё успеваешь? Хотя тебе проще. Директор. Сел в машину и махнул враз. А я — никак.

— На четвёртом курсе студентом в Рязань и Константиново ездил. Стипешку получал и так подрабатывал. Тогда я своё золотое кольцо сделал: Константиново — Тула — Владимир. Три писателя меня сильно волновали: Есенин, Толстой и Солухин.

— Ты же говорил, что Лермонтова любил?

— Любил, но потом эти трое...

— А наше? Моё поколение? — перебил Юрий. — Мы росли без Есенина, Клюева, Ахматовой, Бердяева! Разве должно быть так? Достоевского тоже не читали... Осенью дружок, с которым учились в институте, приглашает в гости к себе в Ширяево. Он земляк Александра Ширяевца.

— Замечательно, — восторженно воскликнул Александр:

В междугорье залегло

В Жигулях моё село.

Супротив Царёв курган —

Память сделал царь Иван.

— Такие места! Дух захватывает.

— И там был? — удивился Малюгин.

— Года четыре назад, в отпуске...

— Да-а... — протянул Юрий. — А я думал, на Канары летаешь...

Он нырнул в сени. Вынес две эмалированные кружки с чаем и сел на крылечке.

— На свежем воздухе посидеть — красота. На, — он протянул кружку.

Помолчали.

— Идёт время, в котором может не оказаться места ни Есенину, ни нынешним Распутину, Белову, Астафьеву. Не будет места россыпи русской речи, — начал Юрий. — Какой уж там Золотой или Серебряный век русской литературы? «Почвенников», боюсь, вместе с землёй скоро вырвет злыми ветрами. И мы, как перекасти-поле, будем... бездомными.... Суше и скрытнее становятся люди. С горечью учимся довольствоваться малым. Это — удел униженных. По себе знаю. В одиночку переживаем общую беду...

— Но ты читаешь Есенина! И Белов у тебя на подоконнике.

— Спасло что-то. Я сам не знаю. Может, родовые корни, память об отце и матери. Они ещё, как живые, около меня. Но ведь у тех, кто за нами идёт, таких отцов и матерей не будет. Не будет такого Ивана Дмитриевича, как твой дед, бабки твоей такой — Аграфены, ни Любаевых. Откуда новые поколения узнают, каким был народ? Мудрым, душевным, совестливым...

— Но мы? Мы-то у них будем, — нетерпеливо возразил Ковальский.

— Но какие? — Он забыл о чае. Сидел, положив руки на колени. Кружка стояла на ступеньке. — Уже не те. Поблукали на стороне и вернулись ни с чем. Последние годы нанесли такой урон нашим душам. — Его глаза смотрели тускло. — Идёт вымирание души! Взять моего внука. И английский язык он учит, и родители с высшим образованием. А я за него боюсь. Не уверен в его будущем. У меня в его возрасте что было? В одиннадцать лет без трусов на речке купался. Мать, отец — по два класса. Велосипеда не было. Но уверенность, доверие к жизни было! Откуда это шло, а? Сейчас — как при землетрясении. И никто не знает: прекратятся толчки или ещё сильнее будут? И сколько нового всего открывается. И сам додумываешься до каких вещей? Раньше такого не было! Мозги прочищаются, а спокойнее не становится. Наоборот! Ты вот каждый раз приезжаешь и наведываешься либо на Бобровое, либо на Самарку. Любуешься нетронутой природой. Успокаивает, говоришь. А меня поразила моя догадка. И нет покоя.

Он встал с жёлтенького крылечка. Левой рукой схватился за шаткое перильце, словно боялся, что сейчас мотнёт от его же слов, и решился, сверкнув глазами.

— Атомный взрыв в Тоцке в сентябре пятьдесят четвёртого имел огромные последствия. Осевшую радиацию полая вода с огромных оренбургских степных просторов каждую весну смывала в русло реки Самары и несла вниз на сотни километров вдоль населённых пунктов. Почему так много сейчас больших раком? Твой отец, Василий Фёдорович? Рак губы... Откуда это? Если начну загибать пальцы, рук не хватит, столько в последние год-два в селе умерло от рака. Они же не были в Чернобыле! Но пацанами, как и я, пили воду из реки. Все пили тогда. А кто замерял уровень радиации воды по весне, летом? В апреле восемьдесят шестого нельзя было утаить аварию на Чернобыльской АЭС. И то сообщили только через два дня. Скрыли масштабы. Выброс радиоактивных веществ из реактора продолжался несколько дней. И не говорили, что нужно делать простому люду. Негласно высокие чины с семьями потихоньку драпали подальше от опасности. И при этом делали вид, что ничего не происходит! Мерзавцы, да и только!

Лицо Юрия раскраснелось. Приостановившись, внезапно спросил почти шёпотом:

— Дело прошлое, конечно. А не так ли и тогда было, в пятьдесят четвёртом? Кто знает? — Замолчал ненадолго. — А нынешнее время? — Он шагнул от волнения в сторону. Перильце, скособочившись, подалось за ним. — Нас как держали за ба-ранов, так и держат. Несмотря на провозглашённую демократизацию. Но уже не то, конечно... Низы бурлят, а верхи хотят ещё покайфовать, попользоваться своим исключительным положением. От этого и раздрай!

Потрагивая кружку, шатко стоящую рядом на берёзовом горбыльке, Александр внимательно слушал. Не перебивал.

— Вся страна вздыблена. Не перестройка — переломка... А это телезрелище на весь белый свет: открытие Съезда народных депутатов. Все на виду. «В темпе! В темпе!» Куда председательствующий Воротников всех гнал галопом? Куда спешим? Подминаем всё под себя, словно враз ослепли и лишились извилин! Но ведь не самовольно же народ пришёл к пропасти, а ведомый партией. Сусанины!..

«Что же происходит вокруг? — пытал себя Ковальский, слушая Юрия. — Многие говорят и думают об одном и том же в недоумении. Взять хотя бы разговор перед отъездом с Суловым».

Тогда Владимир спросил:

— Александр, ты понимаешь, что творится?

— На заводе? — отозвался Ковальский.

— Нет, в стране?

— Перестаю понимать.

— А я только начинаю. На Пленуме ЦК Лигачёв заявил, что в отдельных районах идёт откровенная борьба за власть. Политическая борьба обнажила классовые корни и поставила вопрос о путях развития общества. Утверждает, что большинство — за обновление и социалистическое строительство. Но огромная масса готова свернуть в сторону капитализма и буржуазной демократии с частной собственностью и многопартийностью. Лигачёв не похож на интригана. Скорее, наоборот. Пряמודушен.

— Мы через семьдесят лет, по его утверждению, пришли к тому, с чего начали — классовой борьбе?

— А подумай сам: почему нет? Почему делается так, чтобы всё рушилось до основания? Кому-то это надо? Так не перестраивают. Так ломают.. Нас боятся. Поэтому велик соблазн помочь разрушить самих себя. Нам заморочили головы. И мы, как чехловы, кипнисы, прём напролом. Начинать-то надо было с экономики, если хотели продолжать строить социализм, а не с политики...

...О том же теперь говорил Юрий:

— А Горбачёв? Его доклад на вчерашнем Пленуме ЦК называется «В единстве партии — судьба перестройки». С чего бы это? А с того, что нет единства. А если и дальше не будет? Сломали-то уже многое. Как восстанавливать? Куда идём?

— Куда идём? — переспросил Ковальский. — Знает ли кто вообще в стране ответ на этот вопрос? Простой народ, точно, не ведает. Но чувствует, как идём. Какие поводыри ведут..

* * *

...Когда Александр уезжал в город, Екатерина Ивановна обронила со вздохом:

— Ты, Саша, поосторожнее будь со своей работой-то. У тебя семья, столько ребятни, а народ становится нехороший. Я, как отца не стало, порой боюсь одна ночевать дома.

— Ладно, мам. Зря страх нагоняешь.

— Если бы, — отвечала мать. — Вон, на прошлой неделе в Золотом конце подъехали ночью на машинах, в двух дворах собрали всю скотину и увезли, не знай куда. Ладно, скотины лишись, голову проломают, как высунешься. Сроду такого не было!

* * *

В объединении объявился Туркин. На утренней селекторной планёрке Варичев пригласил директоров в 14.00 для разговора. О чём будет разговор, не сказал.

...В кабинете у генерального из гостей, кроме заместителя министра Туркина, заведомом Госплана СССР Соловьев, заведомом ЦК КПСС Сомова. Чуть припоздав, вошли первый секретарь горкома Нечаев и заведомом нефтепереработки и нефтехимии областного комитета партии Субботин.

Директора молча переглядывались.

— Мы собрались поговорить, как будем работать дальше, — без предисловий начал Туркин. — Все вместе, одним объединением, или разбежимся каждый по своим углам, — он мягкой походкой матёрого хищника прошёлся за спинами сидящих директоров.

— А что тут говорить, давайте распустим всех и посмотрим, что будет с каждым в отдельности, — как-то неожиданно-отчаянно произнёс обычно выдержанный главный инженер объединения Кондаков.

Непонятно, то ли не сдержался, то ли провокация.

Туркин, натянуто улыбнувшись, сел в торце стола. Откинувшись в кресле, оглядел всех по очереди.

— Начнём по порядку, как сидим, — произнёс он. — Что думает директор ремонтно-механического завода?

Толстяк Игошин встrepенулся:

— Владимир Ипатьевич, вы же знаете, для нас важнее всего объём работ. А в какой структуре мы будем, это непервостепенное. Мы — вспомогательная служба, а не завод вовсе.

Наступила тишина.

— А какова позиция нефтеперерабатывающего завода? — Туркин говорил, не глядя в лицо директору НПЗ.

— Мы начали смотреть этот вопрос. Окончательно не определились пока, — лаконично, бесстрастным голосом ответил всегда подтянутый, спортивный Донсков.

Как раз более всего Туркин и Варичев опасались выхода из объединения этого самого крупного завода.

«Он же с неделю назад одобрил моё решение о выходе и по секрету признался, что тоже готовит конференцию с такой повесткой дня. Хитрит коллега, не раскрывается до поры. И правильно делает», — отметил мысленно Ковальский.

Между Донсковым и Ковальским сидел непотопляемый Рассадин. И до него дошла очередь.

— Да ну... Такой серьёзный вопрос! Так вот сразу? Я и не готов, признаюсь... Уже не пионер...

Туркин впервые за всё время опроса прямо посмотрел на Ковальского.

— Ну, а вы?

— Моя позиция известна генеральному. Очевидно, он вам доложил. Пять лет назад завод успешно работал самостоятель-

но. Почему сейчас не сможем? Уверен, по многим показателям без объединения эффективность возрастет.

— Вы так смело заявляете! — вполне искренне удивилась Сомова.

Ковальский не намерен был что-либо добавлять.

Наступила напряжённая пауза.

Нечаев доброжелательным тоном разрядил обстановку.

— Светлана Георгиевна, мы и завод этот, и его директора хорошо знаем. Самый молодой здесь, но за то, что вершит, обычно отдаёт себе полный отчёт.

Реакции — никакой. Все молчали.

Никто, кроме Ковальского, не заявил о готовности заводов к самостоятельной жизни.

Александр не жалел о сказанном. «Пускай знают и в министерстве, и повыше. Не заяви публично — могут попытаться убрать потихоньку, а так — на миру и смерть красна», — подвёл он свой итог.

Совещание закончилось необычно. Ни о чём больше не говорили. Никаких выводов!

...Что обсуждали оставшиеся после ухода директоров в кабинете генерального, неизвестно.

Московские гости уехали через день. А под выходные с Нечаевым случился инсульт. Лишился речи. Срочно отправили в областную больницу.

* * *

Ковальский ехал с работы домой.

Вторая половина декабря. Зимы настоящей пока нет. Утром валил снег, к вечеру — гололёд.

Днём солнце поднималось над горизонтом, но светило неохота и недолго. Впереди всё равно глухозимье.

Над головой — огромный купол иссиня-чёрного неба.

На дороге — вереница машин. Миновали поворот и выехали на прямой участок.

— Колеса шипованы нормально? — поинтересовался он у водителя.

— Новенькие, с вашим шофёром одновременно меняли.

— А что всё-таки с Михаилом?

— Резь сильная в животе, как бы не аппендицит. Увезли в поликлинику. Меня к вам нарядили. Не стал садиться на вашу «Волгу». На своем «жигулёнке» привычнее. Коль вы против — завтра на «Волгу» сяду.

Едва он так сказал, «жигулёнок» вишнёвого цвета, поравнявшись, стал прижимать их к обочине. Вначале Ковальский не придавал этому значения. Но, когда их машина, вырвавшись вперёд, едва не ударилась в багажник вынырнувшего перед самым носом всё того же шустрого «жигулёнка», спросил:

— Что творится?

— Лихачит как-то настёрно, дура!..

В следующий момент шофёр взял резко влево, желая выскочить на открытую дорогу. Но возник надвигающийся громадой КамАЗ. И не успел Ковальский что-либо сообразить, шофёр, сильно газанув, повернул вправо, едва не стукнув лихача на «жигулёнке». Машина рванулась на обочину и ткнулась в рыхлый снег, встав почти поперёк дороги.

Некоторое время сидели молча. Ковальский почувствовал, как тёплая волна прошла сверху и до кончиков пальцев ног.

— Повезло? — спросил он тихо.

— Ещё как, — отозвался глухо шофёр. — Шельма... Я не понимаю, не пьяный ведь...

Тут-то и вспомнилось Александру письмо с печатными буквами.

«...Не может быть! Ни Варичев, ни Туркин на такое не способны... Наше противостояние такую огласку приобрело. А теперь дошло и до ЦК. «Сотоварищи» самостоятельно рьяно так действуют? Что ж, совсем олухи, что ли? Нет, это случайность... А подмена шофёра и машины? Это что? И увезли-то больного, минуя нашу медсанчасть...»

— Детектив, — невесело произнёс Ковальский.

— Что? — не понял шофёр, пытаясь завести мотор.

— Начинаем жить по законам войны.

— Да уж... — неопределённо отозвался тот.

* * *

Который уже вечер в кабинете Кретова допоздна горит свет. Столько Сусловым, Долговым и Кретовым здесь переговорено, что они могут показаться единомышленниками.

Обнаружилось, что Кретов способен разговаривать уравновешенно.

— Экономист обязан говорить, как есть, а не как кому-то нравится, — произнёс, пыхтя сигаретой, хозяин кабинета. — А я в себе, прежде всего, уважаю экономиста. Реформа не разрешила, по крайней мере, трёх основных вопросов: собственности, конкурентного рынка и конвертируемости рубля. И мы все работаем не над ними. Мы боремся за самостоятельность государственных предприятий и демократизацию общества. Увязли в этом и не смотрим дальше.

Суслов иронично добавил:

— Но демократизация идёт. Кипнис со своим Советом трудового коллектива раскачивает завод будь здоров. И так по всей стране: «Эх, дубинушка, ухнем...».

Кретов досадливо отмахнулся:

— По большому счёту, в будущем у Советов трудовых коллективов копьё картонное. Они со своими правами, предусмотренными законом, много изменить не в состоянии. Им не справиться самостоятельно, без вышестоящих органов, армии инспекторов и контролёров с утверждёнными Правительством инструкциями. Всё это временное. Роль трудовых коллективов как подняли, так и опустят.

— Судьбу нашего завода, как и страны, решит труд, — убеждённо произнёс Долгов. — Будем в условиях самостоятельности хорошо работать — выдюжим любые бури. Верно, ведь? — примирительно заключил он, взглянув на Кретова.

— Верно, но не совсем, — ответил тот. — Нам надо выходить из объединения. Это ясно. Чтобы не было бесконечных подножек. Но...

Он положил в пепельницу окурок сигареты, быстро закурил другую. Долгов невольно поморщился. Хотя форточка была открыта, ему был невтерпёж ставший горьковатым воздух.

— Но дело в том, — продолжал жёстко Кретов, — что хозяйственная самостоятельность отдельных предприятий во многих случаях — фикция... И это надолго...

— Как это? Если выйдем из объединения?.. — удивился Суслов.

— Что толку? Пока нет в стране конкурентного рынка, самостоятельность экономически нереальна, — академиче-

ски выверенным тоном сформулировал Кретов. — И, если нормальный рынок не насыщает потребности, то скоро возникнет теневой. Он уже есть... Вовсю... Экономисты знают, если в тень попадает больше 30% производимого продукта, то экономика становится неуправляемой. Мы ещё побултыхаемся!..

— Что же делать, если это так? — Суслов тоже закурил.

— Ничего, — холодно ответил начальник планового отдела. — Лететь со всей страной в теневой рынок. Что ещё? В отсутствии нормального рынка само государство заинтересовано в этом. Из собственного государства не выйдешь, как из объединения... Это уже закон экономики. «Спекулянты-посредники» выручают. Соединяют производителя и потребителя. Вокруг многих предприятий образовался круг таких посредников. Нас пока не трогают, но это временно.

— Ты для чего это всё? — спросил Долгов. — Пугаешь?

— Нет, просто, чтобы вы и наш директор понимали, что самые серьёзные и небезопасные события впереди.

— Но мы по одну сторону баррикад? — улыбнулся Долгов.

— Да, — согласился Кретов. — По одну.

— Создаются концерны, ассоциации, акционерные общества, — размышлял вслух Суслов. — Они помогут оградиться от стихии теневого рынка.

— Заблуждение! Это делается, чтобы сохранить власть над производством, а не сбытом, — отреагировал Кретов. — И трудовые коллективы как раз в условиях рынка, даже самого «не теневого», окажутся фактически лишь наёмными работниками. Не более того! Советы трудовых коллективов будут нолями без палочек. Пройдёт немного времени, и они сгинут.

— Но это обман? Понимает ли Кипнис? Наш председатель, — усмехнулся Суслов.

— Во-первых, не обман, а логика развития событий. Во-вторых, Кипнис понимает, я с ним говорил.

— Что же он выпрыгивает из штанов?

— У него свои манёвры. Кое-что успеть хочет.. но не сможет..

Суслов, склонившись над столом, молча покачал головой. И было непонятно: то ли не верит Кретову, то ли поражён предстоящими событиями, которые хладнокровно предсказывает одиозный заводской экономист.

Этот маленький, ниже его на две головы тщедушный человек обладал сильной волей. Суслов это чувствовал. И поражался запасу знаний, позволявшему на ходу формулировать такие выводы, которые были ему, Суслову, не под силу.

«Долгов — молодец, — размышлял Суслов. — Умеет отыскивать такие аргументы, против которых и Кретов не сразу находит возражения...»

Владимир внимательно посмотрел на Долгова. Тот молчал. На лице его гуляла еле заметная улыбка, словно, в отличие от Сулова, он смутно догадывался: придёт время, и эти пророчества Кретова покажутся мелкими по сравнению с тем, что обрушится на всех. На коллективы заводов, фабрик, всякого рода учреждения, где трудятся тысячи сограждан. На всех сразу.

«Нет пророков в своём Отечестве». Эти слова приобретут скоро для россиян особый смысл.

XXIV

В конце декабря конференция представителей трудовых коллективов обсуждала только один вопрос: «О выходе завода из состава производственного объединения».

За неделю Ковальский по телефону пригласил на неё генерального директора. Услышав: «Ну, спасибо», — не понял, будет кто-то от руководства или нет.

...Оставалась минута до начала, когда в зал вошли Варичев и председатель профкома объединения Бахиллов. На этот раз Варичев прибыл вовремя. К его нарочитой манере обязательно чуть-чуть опоздать все давно привыкли. Сразу после утверждения повестки дня Бахиллов зачитал приказ о присуждении заводу второго места в социалистическом соревновании по объединению по результатам третьего квартала. Назвал работников, получивших денежные премии и благодарности.

Председатель СТК предоставил слово директору Ковальскому.

Директор говорил в обычной своей манере: глядя в зал, изредка пользуясь тезисами и цифрами, чётко выписанными на небольших листочках. Доложил о финансовом состоянии завода. И, прочитав заключение рабочей группы о целесообразности самостоятельной работы завода, предложил:

— Давайте в целом посмотрим, как складывается ситуация по отрасли, в министерстве. Через год-полтора министерства не будет. Создаются пятнадцать концернов и ассоциаций. Закладываются фундаменты организаций, которые потом обеспечат работу всей отрасли. Это вы знаете и по газетам. Наступил момент, когда необходимо смотреть, как действовать в перспективе. В ноябре нефтепереработчики объединились в концерн «Нефтепереработка». Выяснилось, что он будет заниматься только переработкой нефти. Нефтехимики и химики не укладываются в его стратегию. Наше объединение уже вошло именно в этот концерн. Мы со своим заводом сейчас там чужеродны. Проблемы нефтехимии и химии в нём никто не занимается. Исходя из этого, руководство завода считает целесообразным воздержаться от вступления в концерн. А вот ассоциация «Синтезкаучук» включает заводы, которые и проектировались, и эксплуатируются по единым с нами нормам. У нас общие связи по сырью и похожие задачи по развитию. Наш генпроектировщик в составе этой ассоциации. Уже тридцать пять предприятий, юридически самостоятельных, влились в неё. Руководитель ассоциации при мне занимался проблемами пуска после аварии участка трубопровода «Северный Балык — Тобол». По нему и на наш завод возобновится подача сырья. Никто никогда в нашем, — он невольно усмехнулся, — «любимом» объединении такие заботы на себя не брал. Совершенно очевидно, куда нам идти и с кем. Говорить подробнее — терять время даром.

— Нет уж, вы, пожалуйста, чётко сформулируйте позицию, — громыхнул Варичев. — Надо вносить в постановление.

— Да уж куда чётче.

— И всё же?! — задиристо прозвучал голос генерального.

Для Ковальского исход конференции был ясен. Она формальный, но необходимый акт. Ему не хотелось лишней горячности. Не меняя интонации, уравновешенно закончил:

— Считаю целесообразным выход завода из объединения, оставаясь в подчинении министерства. Как это было пять лет назад. В перспективе надо войти в ассоциацию «Синтезкаучук». При встрече с министром отмечалось, что эта ассоциация готова работать по-новому. Учитывая важность вопроса, необходимо сохранить существующую систему содержания и строительства жилья хозспособом.

— С вами всё ясно! — преувеличенно бодро и громко заключил генеральный. — Но жильё вам придётся строить теперь самостоятельно!

Поднялся председательствующий Кипнис, подчеркнуто вежливо напомнил:

— Виктор Аркадьевич, позвольте напомнить: веду собрание сегодня я — председатель СТК.

— Да-да! Вопросов нет! — театрально подняв руки вверх, согласился Варичев. — Но только, — он усмехнулся, — хотелось бы услышать мнения главного инженера, главного механика, заместителя директора по снабжению...

— Начальника планового отдела Кретова, — подсказали из зала.

— А что его слушать? Он с Ковальским заодно... А вот этих! Извольте...

К трибуне направился главный инженер завода Верёвкин. Всё то время, пока комиссия рассматривала вопрос, быть или не быть заводу в объединении, он сторонился каких-либо обсуждений. Явно выжидал. Ковальский в лоб его не спрашивал.

Перед началом конференции в коридоре он внезапно вырос перед Ковальским и с горячностью засвидетельствовал:

— Если моё мнение, то я — за выход. С любой трибуны заявлю!

Ковальский ничего не сказал в ответ. Но Верёвкину важно было сделать заявление. Раскрасневшись, он пошёл в зал. Вчерашняя нерешительность заставляла сегодня действовать активно.

Главный закончил короткое выступление лаконично и определённо:

— Техническая служба завода готова работать самостоятельно.

Все, кажется, были за предложение Ковальского. Лишь председатель профкома Бурмистров осторожничал:

— Я лично воздержусь. Нет ясности с жильём. Боюсь, это скажется на многих. Договор на строительство стоквартирного дома заключён только в денежном выражении. Нет гарантии, что мы сможем сами осилить комплектацию.

Ему вторил Чехлов:

— Воздерживаюсь, ибо не сложившиеся отношения между первыми руководителями — и есть причина выхода из объединения.

Не дожидаясь остальных, уже объявленных выступлений, слово попросил Варичев. Вразвалочку подошёл к микрофону.

— После появления поправок к Закону о госпредприятии мы психологически подготовились к выходу заводов. Что первыми будете вы, стало ясно сразу. У нас сложились ненормальные психологические взаимоотношения. Я не хочу распространяться. Мне лично всё это неприятно. Цели «насолить» коллективу у меня нет. Решайте, как хотите. Но нельзя судьбу завода ставить в зависимость от характера вашего строптивного руководства.

В зале загудели.

— Ответственность слишком большая! — продолжал Варичев.

— Демагогия! — не выдержала Савенкова. — Я — начальник отдела комплектации. У меня только отбирают со складов. Ни в чём ещё не помогли...

— Может быть, может быть, — парировал Варичев, — в вашем отделе и так, но есть другие службы.

В это время в зал через открытую форточку залетел воробей. Запорхал над головами делегатов из угла в угол. Александр видел, как некоторые с улыбкой следят за его полётом.

— Я не знаю, как в других, — она встала с кресла, подталкиваемая собственной решимостью, — а вот главный инженер вашего объединения за последние три года всего дважды побывал у нас. Один раз читал лекцию о международном положении и второй, когда приезжал министр. И всё! Как уж он руководит и занимается нами? Не знаю!

— Зато я бываю часто! — нашёлся Варичев.

— Разгуливаете по складам, тянете с завода. И всё, как в прорву. У нашего директора большое самообладание.

— Сильно преувеличиваете!

— Нисколько! Полбазы оборудования вывезли? Кран «двадцатипятитонник» забрали? Только пришёл новенький тепловоз — хапнули! На туристической базе в этом году чуть не половина домиков попала в распоряжение объединения. Лишь для того, чтобы называться генеральным директором,

за счёт нашего завода держите любыми средствами своё хилое объединение на плаву. Не отделяться от вас надо, а разгонять!

Исчезнувший было из поля зрения воробей вдруг оказался над президиумом. В зале затихли. Один миг и... серенькая птаха, подлетев к трибуне, села на... микрофон. Раздался громкий треск. Птица перелетела на край трибуны и обосновалась у графина с водой. Сбочив головку, смотрела на генерального. Кряжистый генеральный и серенькая крохотная птичка оказались в центре всеобщего внимания. Варичев словно не замечал воробья.

— Позвольте! — неопределённо отреагировал он на последние слова Савенковой.

Многим в зале показалось, что это слово адресовано персонально птице. Раздался смех.

Генеральный вальяжно махнул рукой:

— Кыш, пернатая!..

По залу прокатился хохот. Воробей неспешно полетел в сторону окон.

Варичев подчёркнуто терпеливо, с выражением уставшего учителя, молчал. «Ну, как дети, что с них взять!» — говорил его взгляд.

Птица билась о стекло.

Сквозь шум прозвучал голос Савенковой:

— Вот так же вы распугаете всех в объединении. Разлетятся скоро...

Воробей тем временем, словно в некое подтверждение сказанного ею, наконец-то вылетел в форточку.

— Объединение паразитирует!.. Надстройка!.. Для чего оно?.. — зашумели в зале.

— А-а... — махнув рукой, Варичев бросил взгляд на председателя профкома объединения. — Михал Михальч, отчаливаем! Пусть решают без нас!

Не дожидаясь, пока гости покинут зал, Кипнис пафосно провозгласил:

— А что решать-то? Всё и так понятно!

Проголосовали дружно. Голосов «против» не оказалось. Воздержались Бурмистров и Чехлов...

* * *

В конце января пришёл приказ министра, в котором говорилось о выходе Сосновского завода из объединения.

Руководителей подразделений министерства обязали обеспечивать решение всех вопросов, связанных с предоставлением заводу полной самостоятельности!

* * *

А вскоре не стало самого министерства. Ликвидировали вместе с другими постановлением Правительства. Начался новый период в жизни российской промышленности. Ещё более мутный и мучительный.

Чиновники, сидевшие до того важными птицами, как на деревьях, в кудрявой кроне министерских кабинетов, словно от удара дубиной по застарелому комелю, встревоженно взлетели однамастной стаей. Недолго покружились обеспокоенно и, сложив до времени воронёные крылья, вновь расселись на других, пусть не таких кучерявых, но удобных деревьях.

Туркин в Сосновске больше ни разу не появился. В штормовом обвале, словно мрачная субмарина, залёг в столице на дно. Никто в Сосновске не знал, где он и чем занимается. Бизнес ему был малоинтересен. Слабо верилось, что он свыкнется с такой своей ролью и, укротив энергию, откажется от активных расчётливых действий.

Похоже, ждал своего часа... Но какого? Всю возводимую им крепь из-под ног будто водой вымыло...

...Его сын Игорь вскоре возглавил один из московских банков...

Нечаев несколько оправился от болезни. Оставив горком партии, основал при строительном тресте, где раньше работал мастером, кооператив. Начал торговать сантехникой. Пить перестал. Выпил своё.

То ли подлинный характер был таков у человека, то ли инсульт что-то изменил в нём: стал он улыбочив и добродушен. Общаться с ним теперь легко и просто. Несмотря на то, что речь слегка замедлилась.

С родственником его дела обстояли по-иному. Стулина поначалу пристроили механиком на одном из местных заводов. Вы-

нырнул, как поплавок. Но работать-то надо уметь. Или хотеть, на крайний случай... Через полгода начал пить. Потом исчез. Поговаривали, что уехал в Ульяновск. Там у Нечаева остались кое-какие связи.

* * *

...Права оказалась Савенкова.

Вскоре после выхода Сосновского завода многотысячный колосс на глиняных ногах зашатался. Обретение финансовой самостоятельности оставшимися заводами и упразднение министерства окончательно деморализовало объединение.

Чем плачевнее складывались дела, тем энергичнее действовал генеральный. За полгода до окончательного развала объединения Варичев был избран депутатом областного Совета народных депутатов.

«Опытный промышленник», «известный в области производственник», как писали о сорокапятилетнем бывшем генеральном, выходил на новую арену действий.

Он теперь был рад тому, что не нависал над ним Туркин.

...Вскоре Варичев стал депутатом Государственной Думы.

Иные силы и обстоятельства теперь определяли судьбы людей.

...Вырвавшиеся заводы «становились на крыло». Казалось бы, вот она — свобода! Работай и радуйся успехам!..

Не все уцелеют в свободном полете. Многие поломают крылья...

Сосновский химический выстоит.

Но какой ценой...

XXV

Долгов и Суслов давно уже сидят в кабинете главного технолога.

— Государство ринулось в рынок. А рынок, в первую очередь — собственность. Не хуже, чем экономисты-затейники, это знали в окружении руководства страны и всякого рода авантюристы всего мира. Настал их звёздный час, — Суслов не мог говорить спокойно. — Политические, экономические, национальные карьеры, собственнические интересы — всё

связалось воедино. И всё рвётся на части. И каждый тянет ту, которая нужней ему. И это противостояние: Ельцин — Горбачёв? — Суслов, чуть не задев графин на столе, безнадёжно махнул рукой.

— Внешние перипетии их борьбы за личную власть скрывают очевидное, — безапелляционно и напористо произнёс Долгов. — Чтобы не стало Горбачёва, надо ликвидировать Центр. При помутившемся разуме это возможно.

Суслов в знак протеста отчаянно замотал головой.

— Да, — жёстко продолжал его собеседник. — Назревает распад Союза. Никакие референдумы не помогут. Самую главную озабоченность членов ГКЧП мало кто понял. Не эти путаники, объявившиеся перед телекамерами, — первые скрипки. Серые кардиналы где-то в тени. Сильно ощущение будущего обмана. Эти дни станут поворотными для всех нас.

* * *

Долгов с его пронизательностью в очередной раз окажется прав. И очень скоро...

Наступит 25 декабря 1991 года, и в девятнадцать часов тридцать восемь минут по московскому времени над Кремлём будет спущен советский флаг. Весь мир увидит стремительную гибель СССР.

Великая красная Империя перестанет существовать!

* * *

...Из выступления Михаила Горбачёва по телевидению 25 декабря 1991 года:

«В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества независимых государств я прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР. Принимаю это решение по принципиальным соображениям.

Я твёрдо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно — и за сохранение союзного государства, целостность страны. События пошли по другому пути. Возобладала линия расчленения страны, разъединения государства, с чем я не могу согласиться...

Выступая перед вами в последний раз в качестве Президента СССР, считаю нужным высказать свою оценку пройденного пути.

Судьба так распорядилась, что, когда я оказался во главе государства, уже было ясно, что со страной неладно. Всего много: земли, нефти и газа, других природных богатств, да и умом и талантами Бог не обидел, а живём куда хуже, чем в развитых странах, всё больше и больше отстаём от них...

...Я понимал, что начинать реформы такого масштаба и в таком обществе, как наше, — труднейшее и даже рискованное дело. Но и сегодня я убеждён в исторической правоте демократических реформ, которые начаты весной 1985 года.

...Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это — самое главное завоевание, которое мы до конца ещё не осознали, потому что ещё не научились пользоваться свободой...

...Августовский путч довёл общий кризис до предельной черты. Самое губительное в этом кризисе — распад государственности. И сегодня меня тревожит потеря нашими людьми гражданства великой страны — последствия могут оказаться очень тяжёлыми для всех...».

** * **

Из выступления Бориса Ельцина по телевидению 30 декабря 1991 года:

«...Поражение потерпела не Россия, а коммунистическая идея, эксперимент, который был проведён с Россией и который был навязан всему народу...»

...2 января начнётся, пожалуй, самая болезненная мера, на которую многие годы не решались руководители страны, — это освобождение цен...

...С начала января начинается несколько прямых мер, которые имеют целью стабилизировать и оздоровить экономику. На последнем заседании Правительства обсуждена государственная программа приватизации на 1992 год. Основной упор делается на ускоренную приватизацию торговли и сферы услуг, а также убыточных предприятий и объектов незавершённого строительства.

Правительство намерено строго контролировать процесс приватизации для того, чтобы его поддерживать, снимать преграды. Одна из задач приватизации — вдохнуть жизнь в огромное количество предприятий, которые работают вполсилы, задействовать неиспользованные мощности...

Вместе с тем, наша задача не допустить, чтобы государство выпустило из рук то, что составляет достояние России...

...Мы пошли на серьёзные изменения в налоговой политике. Кое в чём пришлось её ужесточить...

...В январе мы начинаем крупные мероприятия по аграрной реформе.

...Фермер до сих не является равным партнёром для колхозов и совхозов... Будем, конечно, это поправлять.

Считаю, что пришло время полного признания частной собственности на землю, включая право на её куплю и продажу.

...Говорил не раз и хочу повторить: нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идёт о 6-8 месяцах. В это время нужна выдержка... И тогда наши сложнейшие реформы удастся провести».

** * **

— Кто после 1991 года успел прорваться в Кремль, что-нибудь да получил, — заключил рассудительно Долгов в одном из очередных диалогов с Сусловым. — А остальным, как всегда — дырка от бублика.

...Впереди уже маячил кризис 1993 года, столь необходимый новым собственникам. Паралич законодательного органа, Верховного Совета, позволявший завершить приватизацию самой крупной собственности, приближался.

...Страны, в которой совсем ещё недавно самой страшной политической опасностью считалось прослыть «сторонником капитализма», не станет.

Стропила государственности обрушились, как при пожаре. И под обломками, над обломками — копошились люди. Кто-то пытался спасти то, что ещё осталось. Иные — скорее утащить безнадзорное себе.

Вторых было не меньше. Число их множилось.

Внезапное зарево осветило ближние и дальние пределы державы. И за пределы дошли его сполохи. И там копошились...

В скрежете больших маховиков разрушающегося механизма, в общем гуле не всегда слышно, как ломаются отдельные человеческие судьбы.

...Умер Самарин. Инфаркт. Хоронили его на кладбище, заросшем красивыми стройными соснами. Запах хвои, песка, ласковый апрельский свет — всё было под стать этому светлому человеку, который, забывая о себе, болел за всё живое.

У могилы Ковальский сказал последнее слово. И, едва вырост свежий холмик земли, уехал. Боялся разрыдаться на людях.

А месяцем позже пришла весть из Москвы: не стало художника Зацепина, друга детства Самарина. Всю жизнь прославлявший химическую индустрию художник повесился на синтетическом капроновом шнуре на своей кухне с замусоренными и заплёванными полами.

Всё чаще стали звучать слова «выживаем» и «вымираем». И на равных. Никто не знал, как художник доживал последние дни. Не ведала о смерти и бросившая его жена Ирина. Откуда ей было знать? Да и не хотела она ничего слышать о своём бывшем горемыке-муже.

Труп Зацепина обнаружили соседи только на пятый день. И то ладно.

В это время Ирина отдыхала в Испании. Одноклассник Дима, когда-то страстно влюблённый в неё и отвергнутый — круглоголовый, лысоватый преуспевающий бизнесмен, уже месяц не отпускал её от себя. Ирина знала, что у него, после развода и до того, была целая вереница длинноногих любовниц. Но что ей до этого? Он по-своему симпатичен... «Ни цепей, ни малиновых пиджаков не носит. И как мужик... бульдозер! Подозрительно быстро разбогател? А остальные, которые внезапно стали богатыми? Живут же! Уметь надо, только и всего! А не сопли по мольберту размазывать, как некоторые... Ценить надо каждый миг жизни. Здесь, на море, жизнь, как в раю...»

Ничто уж теперь не соединяло художника Зацепина и Ирину Гвоздкову. А впрочем...

Художник когда-то вдохновенно мечтал о глубоком постижении особой красоты синтетических материалов. И Ирина оказалась не равнодушной к ним: соорудила себе силиконовую грудь.

...Теперь пружинистой походкой, делающей её похожей на механическую заводную игрушку, вышагивала она вдоль непривычной загадочной морской воды.

«Ещё неделю с этой старой говядиной покантуюсь, и с меня хватит. Вернусь домой и бортану. Захотелось реванша за старое унижение, — глядя из-под руки на свою молодящуюся подружку, беззлобно думал Дмитрий. — Не везёт: что молодые дуры, что эта... Раньше не подпускала. Но деньги теперь решают всё! Что и требовалось доказать!»

К тому, что разбогател, он привык. Но чего-то не хватало.

Ему часто вспоминался дед, Андрей Капитоныч, которого уже давно не было в живых.

Сидел обычно Андрей Капитоныч по вечерам на лавочке у пятистенника под клёнами в валенках, старой потрёпанной военной фуражке. Жизнь наблюдал, какую мог. Чаще дремал. Слыл мудрым стариком.

Захотел Дмитрий однажды вопрос ему задать. И задал:

— Дед, вот ты жизнь прожил, а какая она? Чего в ней понял?

Ответ поразил:

— Мало что понял, может, другие успели...

— Как же так?

— А так. Времени, что ли, не хватило? Либо не дано. Как открыл дверь и закрыл: вот и вся жизнь! Один миг..

«Как открыл дверь и закрыл» — не эти ли слова потом подталкивали Дмитрия торопиться жить? Пока дверь не захлопнулась, успеть!

Один рассказ деда он помнил особо.

«...вечером Митяга украдкой пришёл. Говорит:

— Андрей, завтра раскулачивать пойдём, ты в списках. А куда тебя девать: у вас три лошади, две коровы... сам знаешь... Все тебя уважают. Дак не совладать! Постановили: всё отобрать — и на выселки.

— Но я днями и ночами работаю. Чужого никогда не брал. Один в селе колеса делаю и валенки валяю. Кто вместо меня?..

— Всё равно, указ сверху.

...Утром спозаранок мы с отцом всё отвезли и сдали. И лошадей, и корову. Не тронули нас. Заправляла всем бабёнка одна, Паникариха по прозвищу. У них в роду все голытьба и

пьяницы. Раньше ходили по дворам, милостыню просили. Своего ничего не было.

...Началась зима. Кормов колхозники не заготовили, не успели. Лошади и коровы стали дохнуть. Решили нам корову отдать обратно. Сама ходить не могла, так ослабла. На сани положили ворота, крепко закрепили. На них погрузили с отцом коровёнку и привезли домой.

Была у нас сельница, покрытая соломой. Эту солому парили и кормили Жданку. Выходили».

Поразили слова, сказанные дедом, когда внук пространно заговорил о вреде коллективизации.

— Если б не колхозы, немца бы вряд одолели. Цена такая.

Внук только теперь в полной мере оценил его способность самостоятельно мыслить. Не у всякого есть такой дед, о котором до сих пор ходят легенды.

Однажды заявил своим дружкам, что колёса, которые он делает, выдержат, не рассыпятся, если их сбросить с колокольни. Так крепки.

Взяли и поспорили.

Когда батюшка отлучился, уговорили звонаря и затачили ошинованное колесо на верхотуру. Зевак собралось предостаточно.

Колесо, грохнувшись на землю, осталось невредимым, авторитет деда прогремел на всю округу.

Дмитрий часто вспоминал этот забавный случай.

«Сейчас, если снять всё это, был бы рекламный телевизионный ролик что надо! Да, были мужики, — вздохнул он. — А я? И все... промотали после них свои жизни. Что сделали? Денег хашнули — и только».

Последние полгода он серьёзно ничем не занимался. Не стало азарта.

Уставившись без стеснения когда-то в молодости чисто-голубыми, а теперь мутными, тусклыми глазами в обнажённую, полноватую, с большими тёмными сосками грудь одной из женщин, игравших рядом в карты, он с усилием повернул на лежаке своё грузное тело. Поправив крупной пятернёй вместительные плавки, а за одно и их содержимое, повторил уже сказанное мысленно:

— Какие же вы все скучные.

Он, кажется, начинал догадываться, чего не хватает. Дмитрий стал после недавней смерти брата старшим из всей своей родни. Давно не осталось вокруг никого из прежнего поколения. Не было очевидцев той прошлой жизни дедов и отца, которую он, оказывается, любил. Не с кем о ней потолковать так, чтобы тебя понимали, а не смотрели, иронично прищурив глаза. Дмитрий часто вспоминал теперь прошлое. Вёл немые разговоры:

«Какой я, хрен, новый русский, — то ли оправдывался, то ли удивлялся он. — Во мне триста лет прежней жизни. Я песни русские люблю, а вокруг одна попса. И здесь, в Испании, всё не то, не наше. Во мне и революции, и коллективизация, и война, и перестройка. И всё, что творится нынче! А эти вот бабёнки полуголые напротив и моя старая-новая «любовь», — он невольно усмехнулся, — думают, что я только мешок с деньгами. И всё! Хреновина, а не жизнь? А где взять другую?.. Я не знаю, кто я? Чего хочу? Неужто мутант какой? А эти, которые едят, спят, плодятся и довольны до ушей — кто? Неужто прав Вован Горелый, что жизнь — это всего-навсего эпидемия в мировом масштабе, передаваемая половым путём. И все гении, учёные, художники, писатели, все, кто творит, казалось, великое — они делают только жалкие попытки прикрыть своими действиями пустоту, голый многомиллиардный зад, чтоб хотя бы как-то оправдать смысл жизни?

Он встал с лежака, попытался посмотреть на бирюзовые волны, но мысли не отпускали:

«Почему добыча денег, ещё недавно так захватывавшая всего меня, теперь неинтересна? И сама жизнь становится жалкой? Чем больше денег, тем дальше от истинной жизни... Нет непосредственности, с которой жили раньше... Всё фальшиво, как силиконовая грудь моей притворной милашки. Нечему радоваться?».

В странном оцепенении смотрел на груды тел, забывших пляж. Лица различать перестал. Были одни тела: крутобёдрые и худые, белые, знойно-поджарые... Тела без лиц... Стало не по себе. Показалось, что оцепенение не пройдёт, что он так и останется в этом непонятном полуживом состоянии. А если избавится от него, то, встав на колени, на четвереньках, начнёт неистово лаять на всё это человеческое месиво.

Дмитрий попытался, было, встать.

Ноги предательски подогнулись и он не удержал равновесие...

— Ад, а не жизнь, — произнёс Дмитрий внятно. — Нас ждёт ад.

«Как же встать с четверенек, сил нет подняться?» — вяло подумал он и ткнулся багровым лицом в песок.

— Перепил мужик, — сказала по-русски одна из женщин, сидевшая рядом. И хихикнула: — Целую бутылку «Хеннеси» при нас из горла вытянул. Вон ещё одна в песке. До нас, видимо... пустая...

— Кажется, плохо с сердцем, — отозвалась вяло другая. — Перегрелся.

— Вон его дамочка вышагивает, разберутся...

* * *

— Отчего Татьяна Павловна так поспешно уехала, — спросил за ужином Ковальский.

Настя взглянула на Серёжу с Аней и промолчала.

— Тайна мадридского двора, — определил Александр.

Когда вернулась из школы Соня, Серёжа с Аней ушли в гостиную. Соня, помыв руки, уселась напротив отца с полотенцем в руках.

— Ну, что, говорим? — обратилась мать к дочери.

— Конечно! Лучше поздно, чем никогда, — деловито произнесла та.

Ковальский смешно повертел головой:

— Выкладывайте!

— Мама, говори, чего же ты?

— А может, ты? — Настя просяще смотрела на дочь.

Та решилась:

— Значит, папуля, дела обстоят таким образом, — начала дочь.

От такого серьёзного вступления отец семейства демонстративно пригнул голову. Посмотрел на жену. Она серьёзна.

— Наша бабушка, — продолжала тем временем Соня. — Вернее, Татьяна Павловна, она... у неё, у них — любовь!

— Что? — не понял Ковальский. — Какая любовь?

— Самая... — Настя хотела сказать «обыкновенная», но поправилась: — Необыкновенная. Любовь!

— И что же? — спросил нараспев Ковальский.

— Он сделал ей предложение.

— Кто — он? Скажите добром. И вы помните, сколько невесте лет? — лицо Ковальского — само недоумение.

— Он — это Семён Петрович. Бывший одноклассник. Живёт в Сызрани. А маме — пятьдесят восемь лет. Мы помним. И ему столько же, — уточнила Настя.

— Припоздился с предложением, — усмехнулся Ковальский.

— Папа, не ёрничай, пожалуйста. У них была в школе первая любовь, понимаешь?! А потом, по недоразумению, они её погубили. И всё пошло не так. Их дороги разошлись.

— Как — «не так»? — уже серьёзно возразил Александр. — Как раз — так! Ваша бабушка, ну... когда молодая была, Настю родила. Разве это — «не так»? Или Семён Петрович — отец Насти? — Он взглянул на жену.

— Ну, Саш, перестань. Он овдовел два года назад. Они начали с мамой встречаться. Мы втроём обо всём говорили уже не раз.

— Кто — втроём?

— Я, мама и Соня.

Соня подошла сзади к отцу и положила руки на плечи.

— Пап, мы с мамой не могли её не отпустить. Не можем чужой жизнью распоряжаться.

— Сонька, тебе сколько? — очень даже серьёзно спросил отец.

— Уже пятнадцать!

— Только ещё пятнадцать!

— Уже! — твёрдо стояла на своём Соня.

— И в кого ты такая продвинутая?.. Серый! — крикнул громко глава семейства. — Иди ко мне! Мне тут одному не справиться.

Сергей приоткрыл дверь на кухню.

— Пап, чё?

— Серёженька, потом. Отец передумал, — прикрывая дверь, проговорила Настя.

— Да, Серёжа, — согласился Ковальский, когда дверь закрылась, — играй пока. Не детское это дело — бабушку замуж выдавать.

— Саш... Перестань, не смешно, — Настя села за стол.

Рядышком приютилась и Соня. Ткнулась лицом в мамину шею и одним глазом озорно стала смотреть на отца.

— Это у тебя первая реакция, пройдёт, пап...

— Ты-то ладно, а мелюзга как? Без присмотра?

Настя, прилаживая Сонькину тёмную чёлку, успокоила:

— Наши уже большие, одному — восьмой, другой — шестой.

Соня при них будет. Хорошо, что все трое в одну смену в школу пойдут. У многих так. Соня всем по ключу от входной двери приготовила. С красивыми тесёмками. Серёжа и Аня будут носить на шее.

— У Ани родинка на шее, не повредить бы.

— Мы ленточку пошире и мягонькую приспособим, не волнуйся, — успокоила Настя.

— Мать совсем уехала? — поинтересовался Александр.

— Нет, вернётся забрать кое-какие вещи.

Сонька опять нацелила на отца один глаз из-под материнского подбородка:

— Ты, пап, не обижайся на бабушку, что она сама не сказала. Она стесняется тебя. Ты у нас серьёзный такой. Даже я иногда боюсь, — она подняла голову, покрутила ею так, что приглаженная чёлка опять растрепалась: — Тебя и мамка боится иногда...

Настя улыбалась. Улыбался и Ковальский.

— Я вас, женщин, распустил. Не успеваю. Скорее бы Сергей, что ли, подрастал. Наведём порядок!

— У меня хорошая знакомая есть, недавно вышла на пенсию. Одиночка. Мы уже с ней говорили. Согласна приходить присматривать за детьми. О цене договоримся, — продолжая улыбаться, говорила Настя.

— Ладно, — согласился Александр. — Война план покажет.

XXVI

— В приёмной — целая делегация. Просят к вам.

Ковальский поднял голову от бумаг.

— Кто?

— Суслов, Долгов, Кипнис... — начала перечислять секретарь.

— В чём дело? Пусть заходят.

— Вы говорили с Москвой, я попридержала...

Когда все расселись, Долгов начал без вступления:

— Надо Кретова ставить заместителем по экономике, а Сулова вернуть на должность зама по производству.

«Хитрец, специально с собой всех привёл, припирает», — мелькнуло в замороченной с утра голове директора.

В постоянных раздумьях о заводе, назначение Кретова как вариант, Ковальский имел в виду, но не торопился.

— И только так? — спросил он.

— Мы все знаем, что он — хороший специалист, — чуть ли не ласковым тоном сказал Долгов. — А писать теперь некуда и не на кого. ЦК нет, министерства и объединения — тоже.

— Он — мужик наглый. И настолько вероломный, что доверяться ему — губительно, — произнёс Ковальский, сознательно подбирая жёсткие слова.

— Возьмёшь ангела, а работать кто будет? — не меняя тона спросил Долгов. — В условиях полной самостоятельности, если растеряем кадры, будет непросто. В Москве после наших разборок помощников мало. Мы первые в отрасли вышли из объединения. Кретов в противоборстве пятерых стоит. Он объявил войну один против всех. А на войне все приёмы хороши, лишь бы противник был повергнут. Его стоит понять.

— Его нельзя пускать во власть, — твёрдо произнёс Ковальский.

— В какую власть? Мы-то рядом! — убеждал Долгов.

Ковальский качнул головой:

— Никто не знает, что будет завтра. Надо быть ко всему готовыми. С должности заместителя директора по экономике он при общей смуте враз может скакнуть в ассоциацию, куда мы собираемся вступить. Вы можете прогнозировать, как он себя там поведёт? Во имя чего так сражался? Кто ответит? Рвётся во власть. Чтобы поджарить себе яичницу, он готов поджечь чужой дом.

— Если сейчас спросить у заводчан, половина наверняка будут за Кретова. Все знают, как он стоял за выход из объединения, — вступил в разговор Кипнис.

— Но мы-то знаем, что он исполнял в рамках своих обязанностей наши решения и поручения, — парировал Ковальский.

Лицо Кипниса сделалось значительным. Он прокашлялся и произнёс почти торжественно, как с трибуны:

— Мы разве с вами против демократических основ управления? Надо прислушиваться к большинству.

В председателе СТК ещё не совсем остыл запал выборной гонки в депутаты Верховного Совета, хотя он её проиграл напроць.

— Но сколько зряшного? А в нашем случае: пена! И, более того, вредоносная, — не удержался директор.

— Так можно договориться до вредности перестройки вообще, — не выдержав напускной значительности, огрызнулся Кипнис.

Сказано это было уже как бы по инерции. Он почувствовал неприятную влажность на лбу. В последнее время эта внезапно наступающая потливость его раздражала. Брови у него оцетинились ещё больше.

«...не стало Советской власти, распустили партию. Кретов твердит, что трудовой коллектив скоро станет тягловой силой, не более, бесправным... члены Совета отяжелели... В начальниках цеха удержаться бы. Что на уме у Ковальского?» — эти мысли не давали покоя Кипнису. Он плохо спал ночами. Жил теперь председатель Совета с оглядкой на руководство завода.

— Николай Алексеевич, — обратился Ковальский к Долгову, — головой за него готовы отвечать?

— Да, — твёрдо ответил тот. — Надо назначать негодника. По-другому нельзя. Я понимаю, о чём мы сейчас все думаем: нашкодил и остался без наказания, изворачивается. Более того, готов вновь провоцировать простодушных себе в защиту и к нападению, на кого укажет. Но это переходный этап. Надо набраться терпения. Борьба за истину сейчас идёт вперемежку с личными мелочными амбициями. Что делать? Как только оказались в условиях гласности, обнаружилось, что мы все очень разные.

Присутствующие молчали. Долгов воодушевился:

— Человеческая сущность двойственна. С одной стороны — это образ и подобие Божия, с другой — грешник с животными инстинктами и демоническими стихиями. Таковы мы. Только каждый разнится от остальных тем, чего у него больше. В нас и вокруг, согласитесь, всегда идёт борьба добра и зла. Человек во-

влечён незримо в духовную брань. Сейчас Кретьова заманили на свою сторону тёмные силы. У него ослабел разум.

— Ничего себе, нашёл слабого! Каждое его действие зловередно и беспощадно к сопернику, — не согласился Ковальский.

— Его стоит пожалеть, только и всего. Он заблудший...

— Николай Алексеевич, — на лице Ковальского — искреннее удивление, — вы ли это? Похожи на проповедника... Мы в бурлящем страстями заводском коллективе, а не в храме, где отпускают грехи!

Ковальский посмотрел на присутствующих. Ни единой улыбки его слова не вызвали.

Ответил опять Долгов.

— Где мы? Мы все под Богом. Есть качество у человека и Бога, которое их сближает более всего. Это — умение прощать. Давайте попробуем увидеть в Кретьове человеческое лицо. Ведь он, может быть, орудие судьбы и своей, и общей нашей. Раз он такой, это неспроста. В этом есть какое-то предназначение его... Что-то его подталкивало и сделало таким!

— Слушаю я Долгова и слов не нахожу. В худшем случае, Кретьов у него безобидный юродивый, с какой-то спасительной миссией, чуть ли не исторической, — энергично встряхнувшись, возбуждённо проговорил председатель профкома Бурмистров. — Зачем глянец-то наводить?.. Знаете, кто у него сейчас любовница?

— Уж не ваша ли жена? — не удержался и озорно спросил Долгов.

— У него любовница лилипутка! — с непонятым воодушевлением воскликнул председатель.

Все разом повернули на говорившего удивлённые лица.

— Он везде ведёт себя вызывающе. Это ни в какие рамки...

— Ещё одна любопытная история на заводе. Не расскажете ли? — иронично улыбнулся Суслов.

Председатель понял сказанное буквально.

— А что рассказывать? Многие уже знают. Эту куколку он подцепил в цирке. Она вместе с другими лилипутами ездит по стране. У них своё «шоу». У неё рост метр двадцать сантиметров! Представляете?! Он перед ней сексуальный гигант! Вернее, маньяк. У неё в Подмосковье квартира. Он там бывает,

когда в Москву ездит. Я об этом случайно узнал... Мне рассказали...

— Да какое наше дело! — встрепнулся нахохлившийся Кипнис. Его тёмные остроконечные маленькие кисточки бровей зашевелились. — Пусть хоть с лилипуткой, с бабочками, птичками! Какое наше дело! — повторил он. — Пусть хоть...

— С антилопой гну! — вставил Суслов и замотал головой.

— Что вы все мелете, — оторопел Долгов. — Это всё только слухи. У него в Подмосковье, в Электрогорске, старый отец живёт, к нему ездит.

«Раньше подобного у меня в кабинете не бывало. И вообще трудно было такое вообразить. Все шалеют...» — невольно подумал Ковальский.

Перехватив тусклый взгляд директора, Грошев, возглавивший послетого, как не стало парткома, отдел кадров, съёрничал:

— Перестройка, едрён корень! Как хотим, так и живём! Красиво жить не запретишь!

«И этот туда же? Любое дело сейчас мои помощники готовы захламить и изуродовать. Куда деваться?» — Ковальский смотрел на розовощёкое лицо бывшего секретаря и ему становилось не по себе.

А тот поспешил разрядить обстановку: засмеялся с запозданием, но так заливисто, что Суслов ошалело закатил глаза. Потом, опустив низко голову, стал молча смотреть в стол.

Умел Грошев, когда надо, быть оптимистом. Ковальский вспомнил эпизод начала своего директорства.

Тогда на завод пришла «разнарядка». Предстояло дать кандидатуры на награждение орденами и медалями.

Позвонил первый секретарь горкома Нечаев:

— Здорово!

— Здравствуйте, Сергей Петрович!

— Ты, это, — начал секретарь, — не возражаешь, если мы дадим орден Трудового Красного Знамени из вашего списка Стулину? А что? Хоть и молодой, но неплохой работник. В заводском комсомоле главенствовал. Секретарь парткома!

— У нас только два ордена. Этот и орден Ленина, остальные — медали.

— Ну, вот и хорошо, что не один, а два. Если не возражаешь, вноси Стулина в списки.

Ковальский не понимал, за что орден Стулину? За анекдоты, которые сыплются из него непрерывно? За успехи на женском фронте, которые сам называет «работой с кадрами»?

— Я, Сергей Петрович...

— Ты особо обрати внимание на подбор кандидатуры на орден Ленина. Должна быть женщина со средним образованием, не выше. Не уродина, замужняя и общественница. Награды должны у неё быть. И не одна, понял?

— Понял, — ответил Ковальский.

Этот разговор был как раз в разгар той «дури», когда он вместо двенадцати грузовых машин на уборку картофеля посылал пять. А сводку подавал на все положенные. Он тогда решил не усложнять из-за награждений отношения с горкомом. Не до этого. Если с машинами в горкоме вскрыется, всё припомнят. Но с Грошевым, тогдашним заместителем секретаря парткома, решил посоветоваться. Тот и тогда сказал: «Красиво жить не запретишь!». С пафосом сказал. Так Стулин стал орденоносцем. То, что Нечаев и Стулин — родственники, Ковальский узнал позже.

... — Николай Алексеевич, с вами, как обычно, трудно спорить, — признался Ковальский.

— Знаю. Кажется, что на мне лежит чьё-то поручение и я должен оберегать вас от диктаторских замашек, — ответил тот.

Кипнис при этих словах плутовато улыбнулся.

«Интересно, они согласовали между собой позиции и доводы? Или это — экспромт?» — гадал Ковальский, глядя то в ключие глаза Кипниса, то на блуждающую блаженную улыбку на лице Долгова.

— Я помню, как вы предлагали заманить Туркина на рыбалку и утопить. А этому бросаете спасательный круг. С чего бы?

— Между ними большая разница, — Долгов мельком взглянул на Бурмистрова и не стал дальше говорить...

— Не уверен, что выдержу ежедневное общение с Кретовым, — проговорил медленно Ковальский.

Суслов поторопился сгладить нервозность:

— Хорошо, давайте запасёмся терпением. Предлагаю назначить с негласным условием. Не получится, поддержим любое ваше решение. Но не ранее, чем через полгода. Пойдёт? — он окинул всех взглядом. — Предлагаю проголосовать.

Все подняли руки, кроме Бурмистрова и Ковальского.

Директор подвёл черту:

— Мне голосовать ни к чему. Назначать себе заместителя — моё право. Приказ подпишу. Пусть будет для Кретова шанс проявить свои лучшие качества.

* * *

Все ушли. Не обращая внимания на урчавший телефон, Ковальский продолжал сидеть за столом.

«Это — кандалы. Работать с ним будет непросто. Несколько раз я уже сдерживался, чтобы после очередной выходки не ударить его. Что мешало? То ли опасение, что крепко зашибу, то ли неприятие дикости рукоприкладства. Если бы не его вздорный характер?! Я словно в добровольной западне. И всё-таки ещё один перевал пройден...»

...Подходило время ехать в двенадцатый цех. Он обещал быть на монтаже огромного резервуара-пятитысячника.

Но Ковальский не вставал.

«Что же получается! — думал он. — Сколько людей уже заражено такой, как у Кретова, болезнью? Сильного человека она развратит вседозволенностью. Возможность манипулирования общественным мнением развязала такую вакханалию личных честолюбивых устремлений! Куда деваться в такой обстановке творческому, совестливому человеку? И много ли останется творческих людей, если открываются иные пути достижения высот? Настоящие специалисты попадут в разряд неумех, неудачников. Более ранимые и щепетильные в выборе методов сопротивления и борьбы перейдут в разряд слабых мира сего. Неужто так? Теперь, как никогда, нужны не только крупные руководители, но и положительные люди. Таких немало было в прежние времена. Будут ли теперь рождаться руководители, способные идти наперекор обстоятельствам? Приходят новые: дерзкие, смелые, но во имя личных целей, и только. А где умелые и совестливые?»

Всплыло в памяти сказанное Долговым под конец разговора, когда уже приняли решение по Кретову: «В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата» и непроницаемые лица присутствующих...

«Почему так? Высказал-то он, может, самое главное...»

...Вошла секретарь. Встретив отрешённый взгляд, почти шёпотом спросила:

— Звонит главный механик, спрашивает: будете в двенадцатом?

— Да, еду.

Ковальский поднялся и привычной неспешной походкой направился к выходу. Рабочий день, по сути, только начинался.

Многоопытного главного механика он крепко уважал. Тот сходу никогда не давал никаких обещаний. Был обычно лаконичен и сдержан. На его матёрость натывались многие, кто не знал его близко. Подводила простодушная внешность.

Неделю назад, обсуждая сроки монтажа этого резервуара, Ковальский напирал:

— Андреич, неужто нельзя убыстрить дело? Давно не было такого аврального положения! Исключительный случай. Постарайтесь!

— Не было, не было. И вдруг — опять? — раздумчиво произнёс тот в ответ. И замолчал.

Присутствующие дружно рассмеялись.

И сейчас Ковальский на ходу улыбался. Он заранее верил, что главный механик что-нибудь придумал остроумное с монтажом. Тот умел не только язвительно сказать.

* * *

Вечером, приехав домой, Ковальский переоделся и прошёл сразу к своему рабочему столу в углу спальни.

Достал лист бумаги. Это был какой-то старый протокол заводского совещания. Перевернул чистой стороной. Задумался. Твёрдым почерком, не спеша, вывел: «Чёрный ящик». Чуть ниже, помельче, добавил в скобках: «Дневник директора».

Углубившись в себя, сидел молча, склонив чуть набок крупную, лобастую, с залысинами голову. Будто чему-то не совсем доверял. Распрямился и... медленно отодвинув лист на противоположный край стола, встал.

«Нет, не готов. Немного ещё подожду».

Часть вторая

*...Мы растём, но не зреем; идём
вперёд, но по какому-то косвенному
направлению, не ведущему к цели.*

П. Чаадаев

Россия вся в будущем.

М. Лермонтов

I

Прошло около четырёх лет самостоятельной работы завода. За это время удалось организовать ещё несколько производств, расширить объём выпускаемой продукции.

Ковальский получил степень доктора технических наук.

Александр не торопился с диссертационной работой. Но подпирал материал — результат активного занятия наукой в Новокуйбышевске и здесь, в Сосновске, где они с главным технологом Долговым развернули оптимизацию технологических процессов.

Последний толчок дал директор научно-исследовательского института, с которым сотрудничали уже несколько лет, Котельников.

— Александр, ты, по-моему, не совсем понимаешь, каким владеешь материалом. Ему же цены нет! У тебя более сорока научных статей, два десятка авторских свидетельств на изобретения. Что ещё надо?

Ковальский пожал плечами. Котельников напирал:

— Ты — лауреат премии Совета Министров. За научные разработки получил! Твои изобретения более чем на ста промышленных установках! Почему молчишь?

— Я, признаюсь, не совсем понимаю до конца, что такое «доктор наук»? Учёный есть учёный. Его издалека без регалий видно.

— Ясно таким чудакам, как ты. Остальным — нет. Возьмись! И года за три, к пятидесятилетию, сделай себе подарок.

* * *

Писать диссертацию Ковальский начал неожиданно для самого себя. В отпуске на берегу моря.

В начале лета, уступив Насте, приобрёл путёвки на две недели в Мисхор. Так они с женой впервые оказались в Крыму. Соня, закончив второй курс в политехническом, была ещё в Москве у Саши.

Сергея и Аню оставили с Татьяной Павловной.

Настина мать вернулась к Ковальским из Съзрани полгода назад постаревшей и разбитой. Увы, учитель Семён Петрович умер от сердечного приступа.

* * *

Через неделю Ковальский без дела заскучал. Неинтересно было и его соседу — известному певцу, который под южным солнцем уныло бросал морские камешки. Вначале в воду, потом на загорелый живот своей манерной жёнушки. В один из таких дней Ковальский поднялся с лежака и пошёл в спальный корпус, стоявший всего метрах в пятидесяти от моря.

Авторучки он в номере не нашёл. Но карандаш отыскал и тонкую школьную тетрадь — тоже.

Вернувшись, начал на лежаке писать первую главу. К концу недели она была готова. Скелет второй обдумал, возвращаясь домой. Продолжал писать её вечерами в гостинице во время первой же командировки в Москву. Этот способ письма, неожиданно найденный им (продумывать тексты в пути, в дороге и уже готовое записывать), он применял потом часто. Оттого и полюбил поезда, а не самолёты. Полёты занимали почти такое же количество общего времени, если учитывать затраты на дорогу в аэропорт, обратно, регистрацию и так далее, а полезного оставалось совсем ничего.

На диссертацию, начиная с того дня в Мисхоре и включая защиту в Москве, ушло два года. Значительно меньше, чем отвёл ему Котельников.

Некоторое время спустя Ковальский почувствовал, что ему чего-то не хватает.

Вокруг бурлили события, многие из них на заводе инициировал он. За ним пытались успевать. А ему не хватало теперь системной работы внутри себя. Отлаженный механизм мышления, действовавший совсем ещё недавно, при подготовке диссертации, был недогружен.

...В январе девяносто четвёртого года он начал вести дневник, назвав его «Чёрный ящик».

Не на бумаге. Раза два-три в неделю, приехав вечером домой, садился на пятнадцать-двадцать минут к магнитофону и выговаривался. Потом шёл ужинать. В начале девяносто пятого Суслов, прослушав кассеты (их было семь), загорелся:

— Давай я найду стенографистку, она всё перепишет и издадим дневник отдельной книжкой. Если потребуется, кое-что допишешь.

— Я не готов. Подождём.

— Александр, — Суслов энергично зашагал по кабинету, — надо ударить в набат! Именно сейчас!

— Во что? — переспросил Ковальский. — Повтори!

— В набат! — нисколько не смутившись, выкрикнул Сулов. — В колокол! Ненужная пена идёт. Столько разных лидеров выскочило. Большинство дела не знают! Все во власть, в управленцы лезут. Как тараканы. Многие искренне заблуждаются. Мозги поехали. Сколько энергии, материальных ресурсов тратится на все эти выборные дела, разные дележки... Похоже на то, что совсем недавно творилось у нас на заводе.

Ковальский удивлённо смотрел на разгорячённого Сулова. Это его, кажется, подогревало ещё больше:

— Кто и когда будет заниматься в стране производством?! Ведь и об этом твой дневник!

Надо спасти перестройку, задуманную как благо для всех! Так много потерь! Это надо как-то, кому-то затормозить! Простота и искренность в отношениях, как признак здоровья, идут на убыль. И здравый смысл стал сиротой!.. Об этом тоже надо говорить так, чтоб все услышали!..

— Никто сейчас не услышит этот твой набат, — спокойно проговорил Ковальский. — Услышат те, кто останется ни с чем, но позже.

— Ты не прав! — горячо возразил Владимир. — Я удивляюсь! Слушаю тебя, и не верится, что именно ты — автор этого дневника. Зачем наговаривал текст?

Ковальский ответил не сразу, после длительной паузы:

— За Самаркой, под Бариновой горой, в прохладной, тенистой от высоких лип впадине выбивается еле заметный, но упорный родничок. Мы с моим дедом Иваном пили из него водичку. На километры летом вокруг сухота и жарница. Он спасал. Я давно собирался почистить родничок и выложить камнем. Когда студентом ещё был, однажды выполнил давнишнее своё желание. Выложил кирпичами боковины. Вбил трубу рядышком, к ней хорошую такую кружку на цепь повесил. Пейте на здоровье! Потрудились в удовольствие.

— Прекрасно! Поэтично так: родник, источник, — улыбался Суслов.

— Да. Но кирпичи вывернули. Трубу тоже ухитрились выдернуть. Всё утащили. Кружку вместе с цепью умыкнули. Словом, преподали мне наглядный урок. Это тогда! А сейчас тем более: время растащивки. Зараза пошла сверху вниз, не сравнимая ни с чем. Урвать кусок власти, кусок собственности. Некогда читать. Некогда думать об общем.

Владимир деловито поинтересовался, будто не слышал последних слов:

— Труба была из нержавеющей металла?

— Там же сырость, конечно, — ответил Александр.

— Всё ясно. Просто нержавейка всегда в цене. Попроще бы.

— Ну, разве это доводы? Чепуховина! Тогда негде было цветмет продавать.

— Всё равно, труба — ничья. Это очень соблазнительно. — И вновь загорелся: — Давай всё-таки издадим! Как чужой дневник. Напишем введение и эпилог. Свою фамилию в тексте нигде не ставь и всех остальных — тоже...

Ковальский молчал. Наконец решился:

— Действуй. Ищи стенографистку. Только после неё сразу текст — мне.

— Хорошо, — кивнул Суслов. — Увидишь, выйдет полезная вещь!

Владимир воодушевился. Идея нравилась! При всей своей добросовестности, он мало был способен что-то серьёзное самостоятельно довести до конца. Владимир становился активным при участии в деле Ковальского.

Давно уже он начал охладевать к производственной деятельности, к этому нескончаемому потоку забот. Но другого ничего не умел... И порой терзался от этого...

* * *

От напечатанного стенографисткой текста Ковальский пришёл в уныние.

— Понимаешь, — оправдывался Суслов, — у неё оказалось всего десять классов. И потом — специфика стенографии...

— Всё выровнялось, стало плоским. Моей интонации нет, — не успокаивался Александр.

— Что же делать? Если б ты писал... А лучше не найти — Клавдия Марковна стенографировала когда-то пленумы обкома партии. Была самой лучшей в области.

— Оставь мне рукопись, я поправлю. Втянул ты меня...

— Может, я попробую?

— Ну, нет, — быстро возразил Ковальский. — Здесь Кукрыниксы ни к чему.

Через месяц Ковальский, не без неожиданно возникшего волнения, передал Суслову переработанную рукопись.

— Она раза в полтора стала тоньше! — удивился Владимир.

— Убрал повторы, много второстепенного.

...Суслову не терпелось заново прочесть дневник своего директора. Дома, наскоро поужинав, он склонился над рукописью.

II

ЧЁРНЫЙ ЯЩИК

О МОЁМ ДРУГЕ

...На одном из совещаний директоров предприятий он подсел ко мне и, раскрыв «дипломат», достал несколько магнитофонных кассет.

— Старик, возьми, ты у нас, кажется, ещё и литератор. Может, пригодятся тебе когда-нибудь: как фон или документальное свидетельство.

— Что это?

— Нечто вроде дневниковых записей, только на плёнке. Они бессистемны, мозаичны. Было тяжело — включал магнитофон и выговаривался. Помогало...

Я взял. Скорее, чтобы не обидеть. Мало ли людей чудит к старости. Двумя неделями позже его не стало.

...Прослушал записи и мне захотелось их опубликовать.

Кое-что сократил. Поправил то немногое, что связано лишь со спецификой разговорной речи. Как он и просил, имени его не упоминаю. Назвал автора записей Виктором Сергеевичем Стражниковым.

Понимаю, что у него была не героическая жизнь, не героическая смерть. Но разве не интересна простая жизнь одного из нас?

Январь

Вчера ехал в одной машине с генеральным директором соседнего нефтехимического завода.

— С утра пошёл в цеха, — рассказывал он. — Практически все остановлены. Компрессоры, огромные колонные агрегаты отключены. И это зимой, когда нам и летом-то внепланово останавливаться опасно. Зашёл в два цеха и больше не смог. Заплакал и вернулся в кабинет, — он махнул рукой.

То ли этот короткий разговор, то ли непомерные сложности, придавившие нас, но что-то меня толкнуло. Я почувствовал

желание разобраться: чем же был для меня и для завода прошедший год и каким будет будущий?

Я попытался записывать наиболее важные события. Но вскоре понял: занести на бумагу всё, что считаю необходимым, не смогу. Должность генерального директора отнимает слишком много времени и сил.

Как мне показалось, я натолкнулся на удачную мысль: а что, если наговаривать на магнитофонную плёнку? Хотя бы два-три раза в неделю. Пусть получится непоследовательно, сумбурно. Но это будет хроника очевидца, решившего поставить себе условие — не кривить душой.

Итак, первый месяц 94-го. Каким он будет, этот год?

Сегодня мой приятель Сергей рассказал забавную и грустную историю о своём отце. Ему сейчас около восьмидесяти. Его привезли из рабочего посёлка и он доживает свой век у них. Врачи категорически запретили ему курить, поэтому все близкие пытаются оградить его от курева, следят за ним. А старик из заядлых курильщиков, бывший слесарь, орденосеиц. Упрямый. Жена Сергея, уходя на работу, припрятала деньги, чтобы он не купил сигарет. Когда возвратилась домой, на столе — пачка курева. Оказалось, что дед вышел на улицу и поменял орден Ленина, который получил за прежние труды, на сигареты. Жена Сергея стала его стыдить. Он совершенно безразлично сказал:

— А на кой он мне? Мне нужны сигареты, а он только место пролёживает.

Случилось это в самом начале перестройки. А недавно ко мне приехал бывший директор нашего завода, работавший здесь пятнадцать лет назад. Энергичный такой. Глядя в глаза мне, спросил:

— Послушай, а что ты заработал на заводе лично для себя?

Я сначала ступешался.

— Для себя?

— Ну, да, лично для себя?

— Сразу и не скажешь. А вы сами готовы ответить на такой вопрос?

— Я получил орден Ленина. Его просто так не давали, каким бы ты ни был хорошим. Если завод плохой, никаких наград директор не получал. Мне дали его за заслуги. А ты что получил?

— Я за время работы на заводе защитил кандидатскую диссертацию, затем — докторскую.

— И всё?

— Всё...

— Это ты сам себе сделал. А где государственная оценка?

— Какая может быть государственная оценка, когда мы уже полгода как акционерное общество? Коллективная собственность, не государственная.

— Вот-вот, я и мечу в этот корень, — мой собеседник победно возрился на меня. — Завод, являвшийся государственным предприятием, был нужен государству, правительству, а сейчас вы — не государственное предприятие. Не государственные люди. Никому не нужны. Как у вас сложится, так и будет.

Трудно было возражать. Я не мог понять, в чём моя вина.

— Мы работали на Россию, а вы на кого? — продолжал наседавать он.

— А мы? На самих себя. У нас на заводе четыре с половиной тысячи работающих. Зарабатываем на жизнь. Трудился для народа, значит, и для государства.

— И всё-таки в этом деле что-то не так, — подытожил он.

И я снова не нашёл, что возразить. Самому ещё нужно во многом разобраться...

Итак, с чем мы пришли к концу минувшего года? Нефтехимкомбинат, который моложе нас на десять лет, почти полностью остановлен. Готовят к увольнению полтысячи работников. Много задолжали энергетикам. Продукция не имеет сбыта и нет возможности такое громадное предприятие быстро переориентировать на выпуск другой. Фабрика трикотажного полотна перешла на одну смену. Тольяттинский «Синтезкаучук» — громадное объединение — практически бездействует. Задолжал около десяти миллиардов рублей энергетикам. Гигант, гордость отечественной промышленности — АвтоВАЗ — остановил главный конвейер на целый месяц из-за отсутствия комплектующих, в сущности, из-за неплатежей.

Нам удалось удержаться. Больших срывов не было. Правда, пришлось прекратить выпуск полиэтилена, бывшего некогда гордостью нашего предприятия. Полиэтилен — дефицитнейший продукт, без которого отечественная промышленность

просто не могла жить. Теперь — нет сбыта. Потребители наполовину стоят.

Несколько недель работали на треть от обычной нагрузки, принося каждый день около двух-трёх миллионов рублей убытка. В конце концов, пришлось остановиться.

Никто из потребителей не забеспокоился, не зашумел. Не до того.

Беда, очевидно, в том, что, поднимая цены на сырьё и энергетику до мирового уровня, забыли, что в производстве продукции, которую можем реализовывать в России либо за границей, есть технологии старые или новые, но не соответствующие мировым уровням. Эти технологии необходимо совершенствовать. Но в один день этого не сделать. Нужно время. А времени как раз нам и не даётся. Чтобы модернизировать установки и начать выпускать продукцию с низкой себестоимостью, надо полтора-два года.

А на что жить сейчас? Той курочке, которая может снести через год или два золотые яички, просто-напросто рубят голову...

В конце концов, нам нужны не денежные кредиты от государства, а кредиты времени.

Вот один день жизни нашего завода. Последний в минувшем году.

Впереди по календарю четыре выходных. Для того, чтобы производство ритмично работало, необходим на это время запас бензина марки «Нефрас» и изопропилового спирта. Была договорённость, что они поступят. Но на Рязанском НПЗ вдруг заявили: «Если не перечислите сегодня девяносто миллионов рублей долга, бензин не отгрузим». В последний момент при картотеке в четыре миллиарда рублей всеми правдами и неправдами за несколько часов удалось договориться с банком, чтобы девяносто миллионов ушли и номер платёжного поручения передали в Рязань. Пока утрясали этот вопрос, Дзержинский завод, который должен был поставить изопропиловый спирт, сообщил, что накануне производство остановлено из-за неуплаты долгов за электроэнергию. Умоляем в исключительном порядке отгрузить спирт, наверняка на складах он есть. Но оказалось, что местные энергетики отключили электро-

энергию и нельзя задействовать насос, закачивающий спирт в цистерны. Питание подадут только десятого января.

Добрую половину дня переговаривались с другим поставщиком — Орским заводом. Вопрос так и не решён. Остаёмся в подвешенном состоянии.

Накануне, тридцатого числа, руководство соседнего нефтеперерабатывающего завода телеграммой предупредило, что, если не заплатим семьсот миллионов рублей тридцать первого, то после семнадцати часов будет перекрыто сырьё (примерно тридцать процентов от общего объёма). Сошлись на том, что, если налоговая инспекция, которая взяла с нас лишних восемьсот миллионов рублей, перечислит деньги на счёт НПЗ, нам сырьё не закроют. Перечислять надо именно сегодня. Много сил ушло на переговоры с банком и налоговой инспекцией.

В этот же день нужно было решить: дадут ли пар и электроэнергию с 1 января, поскольку мы пока пытаемся не подписывать договор на будущий год. Условия кабальные: в случае неуплаты в срок за потребляемую энергетику (а платить вовремя почти невозможно) пеня будет начисляться в размере двух процентов от задолженности. Посчитали. Это тридцать два миллиарда рублей за год! А мы всего получили в прошлом году прибыли двенадцать миллиардов рублей. Каково?

Часть проблем всё же удалось решить. Но ведь так работать нельзя! В таких условиях как-то ещё может существовать швейная контора, торговая точка. Но не громадный завод с опасной технологией, где ведутся процессы с давлением в сто атмосфер и при температуре до пятисот градусов!

Что-то нас ожидает в новом году?!

С первых дней перестроечного галопа собираю вырезки из газет. Настолько ошеломил шквал информации, мнений, воззрений, что невозможно было выпустить газету из рук. Не хватает папок. Постепенно начал сокращать число вырезок. Потом и вовсе забросил начатое. Но некоторые газеты сохраняю и теперь. Вот «Российские вести» за 4 декабря 1993 года. Статья Егора Гайдара «Банкротство предприятий — это банкротство их администрации, но отнюдь не коллективов». Он пишет: «Банкротство предприятия — это, прежде всего, банкротство его дирекции, банкротство прежней концепции развития пред-

приятия. Действительно, для дирекции обанкротившееся предприятие — это очень плохо и страшно, для коллектива же это может быть началом существенного повышения доходов, если в результате банкротства удастся привлечь более компетентную администрацию, заинтересованных инвесторов, реструктурировать предприятие и производить нужную обществу продукцию».

Егор Тимурович — кажется, опытный теоретик и разумный человек. Но в данной ситуации многое просто нелогично. Мы заинтересовали инвесторов. Два производства решили реконструировать. Открыта кредитная линия в сто двадцать миллионов долларов — Баварский банк стал нашим партнёром. Нашли передовую американскую технологию. Мировой уровень. Мы создали совместное предприятие с немецкой фирмой «Линде» и американской компанией «Юнион Карбайд». Идёт полным ходом проектирование и подбор оборудования. Цель — начать выпуск качественного полиэтилена, конкурентоспособного на мировом рынке, с малыми затратами электроэнергии.

Но — галопируют цены на сырьё и энергетику! Будущее производство по нынешним ценам уже нерентабельно.

Нужны не советы, а протекционистская политика государства в отношении российского производителя, без которой у нас движения вперёд не будет.

Нельзя в этот переходный период, когда мы осуществляем необычайно важные преобразования, участвовать в сложнейших процессах, жить без поддержки власти, без переходной программы, без руководства этой программой со стороны Правительства.

А что на деле? Под ту реконструкцию, которую затеяли на заводе с производством полиэтилена, получили правительственную гарантию. Сам Гайдар от имени Правительства и подписал её. Но прошёл год. И за этот срок вышла масса указов, постановлений, которые напрочь перечеркнули все гарантии.

Ко мне приехал из деревни отец. (Было это ещё до перестройки). Погостил два дня. На третий пошёл его проводить до автобуса. Спустились на лифте, вышли из подъезда девятиэтажного дома... Он остановился. У подъезда лежат целые груды битой мебели. Подошёл, потрогал один из стульев:

— Варвары, — и стал осматривать остальные.

— Опаздываем, — поторопил я.

— Ничего, — сказал отец, — успеем. Вот ты посмотри! У одного ножка рассохлась, у другого спинка отлетела. Чуть подклеить — и всё, стул нормальный.

— Тебе жалко чужого стула?

— Мне жалко Россию.

— Ну-у, очень уж глобально мыслишь.

— Что хочешь говори. Но, чтобы сделать стул, надо спилить дерево, высушить его, заготовить брус, потом на станках обработать. Затем всё пойдёт по конвейеру. Столько требуется народа и труда, чтобы этот стул сделать! А тут — выкинули только потому, что хозяин не умеет всего-то-навсего укрепить одну ножку? Цену всему забыли! Вот причина.

Когда подходили к остановке, он приотстал и, показав пальцем на три автомашины, которые стояли недалеко с работающими двигателями, с горечью сказал:

— Вот ещё картина. Останетесь вы без всего. Будет у вас только конёк и ванёк.

— Какой конёк? Какой ванёк?

— Такой. Всю нефть и лес переведёте. Спалите всё. Останетесь без самолётов, без машин. Будет снова у вас конёк да ванёк с сохой. Вспомните мои слова.

Он говорил это в конце семидесятых. Меня его слова тогда как-то всерьёз не задели. А теперь думаю: если бы каждый государственный и негосударственный человек вот так, по-мужицки, смотрел на вещи и болел за своё и за государственное! Может, тогда и не нужна бы нам была никакая перестройка?..

В нашем городе нет своих органов в исполкоме, которые занимаются бытом. Все улицы и дороги, тротуары, скверы разделены между промышленными предприятиями. Раньше, когда действовал горком, обычно собирал нас первый или второй секретарь. В автобусах возили по городским улицам и стыдили за небрунный мусор, за разбитый асфальт, за неухоженный сквер. И мы обещали заниматься. Но делалось, по правде говоря, мало. Была куча своих забот.

Сейчас горкома нет, секретарей нет, а улицы чистые, дороги ремонтируются. Никто не шумит, не кричит. Никто не говорит,

что ты только до следующего бюро горкома будешь работать, а дальше... всё: «тебе руководителем не быть. Ты даже не можешь справиться с уборкой дорог».

Почему так? Я сначала удивился, а потом подумал: а ведь был эффект обратного действия. Когда кричали, заставляли, руководили на каждом шагу, хотелось некоторым показать и свою «самостоятельность», выразившуюся пусть в маленьком, но неподчинении. А сейчас дана эта самая самостоятельность. И она обязывает. Нет крика и шума. С тобой обращаются по-человечески. Администрация города видит в тебе партнёра по работе, а не меньшого брата, которого можно всегда щёлкнуть по носу. Может быть, от этого даже больше дела делается и с большим удовольствием.

Вспомнилась встреча директоров заводов с Правительством Гайдара в 1992 году в Тольятти на АвтоВАЗе. Были: Чубайс, Нечаев, Авен, Гайдар. Грамотные, образованные люди. Но после ответов на практические вопросы директоров ясности не прибавилось.

— Эх, ребята, ребята, поставить бы вас на годик начальниками цехов на заводе! Видно было бы, кто как осуществляет сказанное на деле. И тогда было бы всё с вами ясно, — пробубнил у меня за спиной коллега с соседнего завода.

Я сидел и думал: Правительству нужны промышленники, люди с опытом практической работы.

Но вот пришли Шумейко, Лобов, Сосковец, Черномырдин, которые были связаны с конкретным производством. Мы ожили. Показалось, что теперь будет хоть какое-то движение вперёд. Но помощи снова не увидели.

И возникает сомнение: а в том ли причина, что в Правительстве находились люди, не прошедшие практической школы? Или в чём-то другом? Или всё-таки вопрос в самом подходе, в желании проскочить этот период путём «шоковой терапии»? Наскоком!

И снова — из газет: «А директора предприятий, не научившись хозяйствовать в новых условиях, финансовые наркоманы, смысл жизни которых состоит в жалобах на жизнь и выбивании кредитов...».

В прессе установилась порочная традиция: обязательно искать врага. Нашим директорам уже приклеили ярлыки, и не самые лестные. Я давно и твёрдо убеждён, что сила, сдерживающая сейчас конфронтацию и обеспечивающая стабильный климат в обществе — директорский корпус, директора-промышленники, занимающиеся конкретным делом, дающие возможность жить и трудиться подавляющему большинству населения России. И только на терпении директоров, большая часть которых уже заработала инсульты, инфаркты, на их способности молчать, не огрызаться, не обращать внимания ни на пинки, ни на окрики, ни на такие вот высокомерные, барские газетные заявления держится наш быт.

Вообще травля директорского корпуса, руководящего звена началась с первых дней перестройки, с кампании выборов первых лиц на госпредприятиях. Это как раз кампания против порядка на производстве. Кому-то нужно было свергнуть всё в смуту. И это было организовано.

Когда учился в академии в Западной Германии, сделав невинный вид, задал профессору Хёну вопрос:

— Как вы относитесь к выборности руководителей государственных предприятий?

Он, не задумываясь, совершенно академическим тоном заявил:

— Господин директор, если хотите развалить предприятие, промышленность, начинайте выбирать руководителя. Более надёжного пути для этого нет.

И это — так. В большинстве случаев, в начальники рвались люди, не вполне понимавшие, что такое первый руководитель. О ритме его жизни, физических и нравственных затратах знают только ближайшие помощники на предприятии да домашние. Рьяные кандидаты на директорские должности этого не ведали. В них бурлило самолюбие.

А на Руси всегда как было? Человек, умеющий работать и любящий работу, как правило, не оратор. Он умеет одно — делать дело.

Я бывал на нескольких выборах. Знал кандидатов. Выходили победителями умевшие говорить. В результате во многих случаях к управлению пришли люди, не способные работать. И принесли нашей промышленности значительный урон.

Я работаю директором около десяти лет. Меня «назначал» ещё областной комитет партии. По контракту нанимало министерство, потом департамент, комитет. Начинал в нефтехимии рабочим, вернее, учеником оператора. Для меня завод — это всё. Заводчане это видят и ценят. Мы вместе преодолевали трудности.

Но в целом корпус директоров оказался между молотом и наковальней. В ту, первую, волну вольной или невольной интервенции против промышленников руководитель оказался в коллективе подпираемым таранной некомпетентностью низов, а сверху приглушённым диктатом министерства. Затем директора крупных предприятий стали уже негосударственными служащими. Они возглавили акционерные общества. Где владелец — коллективный собственник, не государственный. И государство от них отделилось, отошло.

А потом директоров стали просто-напросто уничтожать. Покатилась волна заказных убийств... И заводчане, рабочие, увидели расклад сил. Поняли, кто несёт тяжесть обеспечения нормальных условий работы. Увидели в своих руководителях защитников жизненных интересов.

Мне удалось всё-таки попасть к вице-премьеру Олегу Лобову. Нашу затею по строительству современного производства полиэтилена он принял заинтересованно. Но при всём том просто пожелал успехов. И всё. Я пригласил его посмотреть площадку, которая уже готова. Забить первые кольшки. Он не отказался, сказав странно прозвучавшую тогда фразу:

— Хорошо, если только буду работать в этой должности.

Всё прояснилось, когда Лобов через некоторое время стал секретарём Совета Безопасности.

— Нет, вот ты мне скажи конкретно, как другу... Что мне всё-таки делать с ваучером? Кто он такой? И зачем? А?

Голос звучал за моей спиной в зале ожидания Казанского вокзала в Москве. Я невольно слышал разговор двух собеседников. Очевидно, диалог начат давно ещё, в пути. Теперь уже затихает.

— Ну, что ты прицепился, — отмахивается собеседник. — Вот у тебя сколько детей, я забыл?

— Трое, а что?

— Горластые? По ночам кричали?

— Ха, не горластые, а жуть. И не по ночам, а круглые сутки. Особенно младший, Колька.

— А пустышку, ну, соску, ты ему давал, чтоб замолчал?

— Да только этой соской и спасался. Суну, он и замолчит. Ненадолго, но затихнет. Только начнёт снова, я ему опять в рот резинку, так и забавлялись.

— Вот ты и ответил, что такое ваучер. Для таких, как мы с тобой.

— Ну и что это?

— Вот та самая резиновая пустышка, — ответил вопрошаемый. Разговор за спиной оборвался.

С утра ездил по заводу. Побывал в нескольких основных цехах. Когда-то очень хотел выкрасить оборудование, находящееся на наружных этажерках, трубопроводы и эстакады в нарядные светлые тона. И вот в последние два года почистили и покрасили всё «серебрянкой». Колонны стоят красивые. Как ракетные установки! Завод преобразился и люди подтянулись, стали бодрее, веселее. Исчезло грязное замазученное железо. Поездил по цехам, посмотрел и у меня появилось ощущение, что действующий, как часовой механизм, завод нельзя останавливать. Это преступно. Но энергетики за долги грозят прекратить подачу пара.

Возникло такое чувство, что готов с кем-то подраться. Только вот неясно, с кем...

Вечером стало известно, что один из основных потребителей нашего фенола — производственное объединение «Оргсинтез» — останавливается на целый месяц! Не может оплачивать сырьё. Должен на сегодня два миллиарда рублей. Он не единственный потребитель фенола. Другой — соседний комбинат, который сейчас не работает. Мы оказались перед угрозой остановки ещё одного производства. Позвонил генеральному директору «Оргсинтеза». Он — мой хороший приятель. Поздравил с Новым годом, с Рождеством. Директор не сдержался:

— Лучше бы этот год не наступал! И его вовсе бы не было! Живём в инфарктном состоянии, вынуждены вырубить полза-вода. Что дальше, неизвестно!

Вот так теперь встречают в России праздники. Хоть никого не поздравляй.

Словно подтверждая неготовность моего приятеля принимать новогодние поздравления, год начался с национальной трагедии. Третьего января под Иркутском в авиакатастрофе погибли сто одиннадцать пассажиров и девять членов экипажа. Оболочка самолёта оказалась разбросана в радиусе четырёхсот метров. Один из горящих обломков упал на расположенную невдалеке ферму, в результате пострадала работавшая там женщина. Погиб скотник. В числе жертв оказались одиннадцать иностранных туристов.

Взорвался Ту-154, один из самых надёжных авиалайнеров, причём через двенадцать минут после взлёта. Рейс был на Москву.

Возникают вопросы: каким образом последовательно отказали сразу три двигателя и гидросистема у самолёта, казавшегося одним из самых современных пассажирских авиалайнеров российского производства? Насколько хорошо осуществлялся технический надзор за этим и всеми другими самолётами? Насколько профессионален экипаж?

...Правительство, призванное обслуживать общество, нас с вами, в ответе за то, как мы себя чувствуем в нашем затянувшемся перестроечном полёте. Оно в ответе за взлёт и посадку.

Сейчас многие дают рецепты, как жить обществу, куда идти, с какой скоростью, с кем об руку. Предлагают всякие варианты оздоровления находящейся в кризисном состоянии экономики. Вот и консультант всемирно известного банка Джеймс Силберман советует лидерам ведущих иностранных держав пригласить к себе на обучение сто тысяч бизнесменов из стран СНГ.

Что тут скажешь? Обучать можно. Но с трудом верится, что обученные «там» бизнесмены смогут успешно работать в нашей ситуации. Ведь они попытаются действовать методами Запада, для чего у нас нет условий. А значит, в первую очередь заниматься нужно именно этим: созданием обстановки, в которой мы могли бы беспрепятственно работать, получать нужный результат. Создать такие условия, конечно же, сложно в наш переходный период. Но отправить на обучение сразу сто тысяч

наших предпринимателей?.. Это ещё один — очередной — эксперимент над Россией. От экспериментов мы уже устали...

Четвёртого числа епископ Истринский Арсений и члены Московского патриархального Совета освятили здание Правительства России на Краснопресненской набережной столицы, рабочие кабинеты российского Правительства. Был освящён и новый кабинет Черномырдина. Обращаясь к премьеру, епископ сказал:

— Мы молимся, чтобы благодать Божия сопутствовала тому, кто будет здесь трудиться на благо Отечества с целью улучшения жизни россиян.

Поблагодарив за внимание и пожелания, Виктор Степанович выразил твёрдую убеждённость в том, что Правительство России сделает всё от него зависящее для процветания нашей страны. Затем передал членам епархиального совета две старинные иконы. Глава Правительства сообщил, что готовится передача Русской Православной Церкви около тысячи древних икон.

Вот так, с Божьей помощью, может, и выберемся на свет!

Рождество Христово!

Впервые слышал по радио молитву, с которой когда-то в детстве мы, сельские пацаны, ходили по дворам славить. Я в детстве не понимал более половины её слов. Нам передали молитву наши родители сильно искажённой. Когда я сегодня слушал её по радио, то, к удивлению своему, почти всё понял, ибо впервые услышал нормальное произношение слов.

...Наверное, большинство сельских ребят вспоминают те годы с теплотой. Помню, мы пошли славить и оказались в погреб. Наша ребячья ватага попала в дом к одному из сельских шутников. И он, большой выдумщик, распахнул посередине сеней погреб, а сам зашёл в комнату. И, когда мы входили, то один за другим падали в эту ловушку. Правда, погреб-то неглубокий, с соломой. Хозяин помог выбраться, смеялся. Усадил нас пить чай. Ему интересно было за нами наблюдать. Мы пьём чай и ёрзаем. Чем дольше сидим, тем меньше обойдем дворов и меньше получим подарков. А старик ходит вокруг нас, посмеивается. И не то чтобы издевается, но получает от своей выдумки понятное ему одному удовольствие.

...Так и кажется, что кто-то (не западный ли дядька?) открыл крышку, и мы, шагнув в темноту, оказались в большой общей яме. Теперь вот выкарабкиваемся.

Последнее время по выходным, чаще всего в субботу, хожу в одиночку либо с женой на рынок. Интересно посмотреть на торгующий народ. Хочется знать и цены. Проснулся во мне инстинкт моего деда с бабкой. Помню, в деревне каждое воскресенье с утра они степенно собирались на базар. В этом было что-то ритуальное. Чинно обходили базарные лавки. Приценивались. Торговались сдержанно, уважительно. Приходили домой и весь остаток дня проводили в разговорах о ценах, о встречах. Таков был уклад.

...И сегодня ходил на городской рынок. Один старый знакомый, попридержав меня, спросил:

— Скажи, может быть страна богатой, если мы по десять дней подряд отдыхаем? Ну, Рождество, ладно, это христианский праздник. Только что отдыхали на Новый год, сейчас — опять...

Некоторые руководители предприятий к календарным выходным добавляли ещё и три дня, которые между ними, вот и получилось десять дней нерабочих. Это сделано не из-за огромного желания отдохнуть. Многие предприятия закрываются на месяцы. Людей отпускают. Нечем платить зарплату.

...Почему-то очень много на рынке солёных арбузов. И я, вот уже лет десять, солю в своём погребе арбузы. Всю зиму, до марта, у меня — деликатес. Подхожу к одному торговцу: арбузы, как мои. Спрашиваю: сколько стоят? Смотрю не на продавца, а на арбузы. Когда же взглянул на хозяина... Им оказался водитель моего главного инженера. Он не мог вымолвить ни слова, увидев меня. Спрашиваю цену, он мямлит:

— Это не мои. Тёщины. Не знаю, сколько стоят.

— А тёща где?

— Не знаю.

Ему неудобно, что он торгует.

Я так и не узнал цену его солёных арбузов. Поспешил уйти, чтобы человек не мучился.

Вспомнились базары моего детства. Не могу и я себя представить торговцем. Моя бабка была в этой части большой изобретательницей. Частенько ездила в Куйбышев: то яички про-

давала, то сало. У колхозников мало было денег. В степных сёлах ни грибов, ни ягод. Мы жили в лесу. Бабка сушила смородину, черёмуху и возила в соседние сёла на продажу. Иногда брала с собой меня. Мне это казалось забавным.

Но я никогда не мог встать с бабушкой рядом, чтобы торговать. Некоторые мои одноклассники на рынке бойко помогали родителям. Я же так и не смог переломить застенчивость. Очевидно, и в Викторе, шофёре главного инженера, тоже было заложено нечто такое. И сохранилось до солидного возраста.

...Первый раз я приехал из села в город, когда мне было лет двенадцать. Бабка направилась с яичками на Троицкий рынок. Меня тогда поразило на нём обилие всего и многолюдье.

Продавались моторные лодки. Это было для меня верхом восторга. У нас были вёсельные плоскодонки. А здесь — красавицы: большие, с высоким килем, изящные.

Я ходил и смотрел во все глаза. На голове у меня красовалась совершенно замечательная фуражка, изготовленная сельским шапошником дядей Васей. Он жил через один дом от нас. Всю жизнь шил шапки и кепки из разного материала: мерлушки, сукна, хрома. Это был зажиточный человек в селе. Я говорю уверенно так только потому, что, когда моей маме требовалось подзанять денег, а это случалось часто, она всегда обращалась к тётке Маше, жене дяди Васи. Дядя Вася сшил мне фуражку из шкурок суслика. Если мех суслика хорошо просушен, он очень красивый, мягкий. Кепка получилась солидная, с огромным козырьком.

Я зазевался. И вот эту красоту у меня украли. Сдёрнули с головы! Обидно было до слёз. И не столько жалел фуражку, сколько досадовал за своё ротозейство. Даже не почувствовал, как и когда это случилось. Надо было такое не только бабушке объяснить, но и в селе. Ведь об этом все будут знать. Было обидно прослыть недотёпой.

Интересны сами обстоятельства, при которых возникла возможность делать шапки из шкурок сусликов. В начале пятидесятых годов этих зверьков на колхозных полях в окрестностях села развелось множество. Выехав за село в поле, можно было вдоль дороги с обеих сторон увидеть враз несколько пушистых юрких комочков. Они наносили посевам урон, и местные власти

приветствовали тех, кто отлавливал этих зверьков. За каждого платили мукой, но, по желанию, и деньгами. Шкурка, по-моему, тогда стоила шесть копеек. Заманчиво сдать шкурку в «Заготсырьё» и получить звонкие монеты. Дело можно было поставить по-серьёзному и немного заработать. Вот мои два дядьки — Алексей и Сергей — и запустили конвейер. Каким образом?

Началось, помню, всё красиво и празднично. Я проснулся в один из воскресных дней от ароматнейшего запаха пирожков с картошкой, который шёл из кухни. Бабушка делала пирожки всегда очень большие. Это я запомнил на всю жизнь. Как они вкусны с холодным молоком! Когда встал, в горнице увидел два новых мужских велосипеда пензенской фабрики. (У нас был один старенький трофейный, немецкий, дамский). А эти — новые, как живые существа, стояли у окна. Оказалось, что мои дядья, решив начать дело, приобрели технику. И действительно, промысел пошёл удачно. На велосипедах мы объезжали поля. С собой брали капканы и в метр высотой гибкие прутики, с гусиным пером на конце. Технология проста: около каждой норы ставили капкан и привязывали к этому прутыку. Выставлялось тридцать-сорок капканов. Перед обедом возвращались в поле и собирали добычу. Мы легко отыскивали капканы, ибо прутики с белыми гусиными перьями виднелись издали. Каждый раз возвращались с немалой добычей. Быстро начинали снимать шкурки, выделывать. Всё, как на солидном предприятии, с техникой и своей технологией.

Велосипед в сельской местности — серьёзный механизм. Неприхотлив и надёжен. Потом приобрели мотоцикл. Но это не то: либо карбюратор, или ещё какая-нибудь система забарахлит. И с бензином — проблема. Керосин был, а вот бензин — не всегда...

* * *

Моя жена, я так понимаю, начинает ревновать меня к моему магнитофону.

— Ты придумал способ, как разрядиться. Нашёл отдушину. Выговорился в свой чёрный ящик — и всё. А мне что придумать?

Смотрю на предмет ревности — чёрный «Сони», солидный, изящный. Он лежит передо мной, приобретённый года два тому

назад, и я начинаю думать, что он — живое существо. Может быть, это такая небольшая, очень умная, верная, элегантная собака. Лежит и смотрит на меня зоркими глазами. Всё понимает, только, вот, не говорит. А если говорит, то только моим голосом. Я заметил, что мне действительно становится легче, когда прихожу с работы и нажимаю кнопку записи. Закончив диктовать, чувствую некоторое облегчение и ощущение того, что сделал что-то, пусть не очень важное, но необходимое...

Детство у нашего поколения было, мягко говоря, неустроенное. Помню случай. Мне лет семь-восемь. Отец уже пять лет лежит в госпитале после возвращения с войны. Идёт уборочная. Машины гоняют с поля в «Заготзерно», возят дары нового урожая. Нам в это время совсем нечего есть. Дед говорит моей матушке:

— Послушай, Катерина, там, за селом, по просёлку ходят машины с зерном. В одном месте выбоина на дороге, грузовик подсакивает, зерно сыплется на дорогу. Можно набрать немного. Потом бы смололи, какая-никакая мука.

Взяв мешок, лопатку, веник и решето для просеивания, мы с матушкой пошли на это место. Действительно, всё так и есть: и выбоина на дороге, и россыпь зерна. Стали быстро подбирать зерно после каждого проезжающего грузовика. Так споро у нас пошло! Матушка сгребала его вместе с дорожной пылью, складывала в решето. Я просеивал и ссыпал в мешок. Мягкая, знойная пыль пролетала через решето, оставались с зерном маленькие земляные камешки. Их решили выбирать дома.

Мы увлеклись и не сразу увидели, что мимо проезжает нарядная двуколка и в ней председатель райисполкома. Этого начальника я видел и раньше. Он был большой, с лобастой головой, круглой и лысой.

Когда мы, пацаны, приходили в клуб, там всегда был шум, гам. Но наступал торжественный момент: в зал, степенно шествуя, входили районные руководители, часто с домочадцами. Садись в первом ряду. Их обычно бывало человек десять во главе с первым секретарём райкома партии и председателем райисполкома. Шапки они снимали на входе, в фойе. Зал на двести человек замолкал. Перед начальством робели все.

Оробели и мы с матушкой, разогнувшись над кучкой с зерном. Председатель не обратил на нас внимания, глядел поверх наших голов. А я был заворожён его спутницей. Молодой и красивой, одетой, как в сказке, в белое платье с какими-то украшениями. Женщина выглядела так красиво, что ей надо бы на сцену театра или, на худой конец, на нашу клубную сцену, но не в поле. Она была либо родственницей председателя, либо дочь его, приехавшая из города. Когда они уже проехали мимо, женщина повернулась и посмотрела на меня. Затем что-то сказала своему спутнику, красиво державшему вожжи в руках. Это напоминало фильм «Кубанские казаки»: такая же бричка, породистая лошадь. Спутник повернул бричку к нам. Будто впервые увидев нас, спросил:

— Вы что тут делаете?

Мы молчали. Всё видно и так.

— Это зерно принадлежит государству. Вы поступаете нехорошо.

Всё-таки председатель понимал, что зерно уже пропавшее — надо наводить порядок в перевозке. И, говоря с нами (мы видели), выбирал мягкие выражения и грубо с нами не поступил. Но собирать зерно запретил.

Он не стал ждать, прекратим или нет, развернулся и уехал. Мы не осмелились продолжать... То, что уже в мешке, не высыпали. Свернули свои вещи и пошли. А недалеко уже приближался очередной грузовик с зерном, хозяин которого — государство — было где-то непонятно далеко. Машину особенно сильно потряхнуло. Из неё высыпалась солидная порция пшеницы. Полуторка, не останавливаясь, помчалась дальше. Мама не сказала ни слова, но я заметил на её щеках слёзы.

В конце года два раза обращался к врачу по поводу болей в области сердца. И каким-то образом это дошло до заводчан. Меня стали останавливать. Желая здоровья, напрямую говорили, что надо побережиться, но с завода не уходить. Нельзя, чтобы сейчас менялось руководство. Забеспокоились и начальники цехов. Секретарь попросила разъяснить, что делать? Много звонков в приёмную. Все встревожены.

Это, наверное, польстило бы моему самолюбию, будь другое время. Но сейчас не до этого. Слухи вносят дисгармонию

в психологический климат. На одном из последних совещаний руководящего состава я вынужден был заявить, что никуда в ближайшее время не уйду. Прошёл одобрительный гул.

Да, сегодня все прижимаются плечом к плечу. Потеря одного из тех, кто встал с тобой в круговую оборону, совершенно нежелательна.

В последнее время на пути в заводскую столовую в обеденный перерыв часто встречается наш заводской поэт Владимир Вершинин. Он — замечательный слесарь-инструментальщик. Но немножко баламут. Мы с ним давно на «ты».

Сегодня Владимир остановил меня вопросом:

— Гендир, можно внести предложение?

— Кто-кто?..

— Ну, как: генсек, гендир.

— Ясно, давай предложение.

Смотрит озорно. Я знаю, у него заготовлено про запас «экспромтов», хоть отбавляй. И они его провоцируют. Нужен собеседник. И не простой собеседник, нужен «уровень».

Подписывает он свои басни псевдонимом «Скорпион». Городская и заводская газеты стали ему с недавних пор тесны. Я знаю, что он послал подборку своих басен Михалкову, а на прошлой неделе — самому Ельцину.

— Моё предложение не рационализаторское, больше изобретение!

— Не тяни.

— Не я тяну, оно тянет! Как бы сделать, чтобы у власти в стране оказались интеллектуалы, а не политики. Издать закон, по которому власть переходит к людям, которые её не любят! И, как только начнут проявлять к ней вкус, — в сторону. Может быть, тогда бы построили что-то стоящее, а?

— Может быть.

— Вот, видишь! И ты стал в моём направлении думать. Хорошо. Не вязни в рутине. Послушай, можно я тебе, когда меня посетят умные мысли, буду послания через канцелярию в папку с почтой класть? Не перегружу?

— Можно, — согласился я. Про себя подумал: «Ещё один, которому нужна отдушина, «чёрный ящик»».

Существовал партком на заводе, и — его не стало. Все заботы и хлопоты легли на плечи директора. Мне пришла счастливая мысль. Чтобы было общее дело, общая идеология, для устремления коллектива в общем направлении провозгласить 1992-й годом подготовки к двадцатипятилетию нашего завода. Составили планы помесечно, подекадно. Культурная программа, программа наведения порядка на территории завода, спортивно-массовые мероприятия, поиск бывших работников, оказание помощи пенсионерам. Серьёзные меры по экологии.

Взглянули на себя как бы со стороны.

Народ откликнулся. Многие поняли, что конкретная цель сближает. Создали самодеятельный музыкально-танцевальный ансамбль. Если раньше нужно было упрашивать, то теперь всколыхнулись сами. Женский вокальный коллектив покорила русскими песнями. Такое оживление, что многие сами искали повод собраться вместе. Апофеоз наступил 30 декабря, когда состоялся торжественный вечер. Зал Дома культуры на восемьсот мест переполнен. Гости с родственных заводов, представители городской общественности и предприятий области. Борьба за трезвый образ жизни отторгла людей от открытого праздничного общения. Все были благодарны за возрождение традиций нормального застолья.

В моей записной книжке есть слова Ильи Эренбурга из статьи «Полюсы», опубликованной в Киеве в 1919 году: «Какая странная, роковая страна Россия, будто на палитре господней для неё не осталось ничего, кроме угля и белил».

Вот так оценивалась судьба России. Я думаю, что всё-таки сейчас у России больше красок. Россияне видят и другое. Отразится в их глазах и голубое, и розовое! И всё многоцветие, которое должно быть в жизни!

Посмотрите, какие лица были у наших соотечественников в прошлом веке. Вглядитесь в фотографии, которые показывают по телевидению, печатают в журналах и газетах. Это другие люди, другие лица! Таких не может быть, когда смотрят на чёрное и белое. Они будут, и в наше время, такие люди, такие лица. Надо верить!

Сегодня тяжёлый день. Подписал приказ о закрытии производства полиэтилена. Дело усугубляется тем, что при нормальных нагрузках его рентабельность практически нулевая. Сейчас же, из-за отсутствия сбыта, оно загружено менее чем наполовину. Держать в работе три цеха ради сохранения персонала, невозможно. Это, по сути, скрытая безработица. Скопилось много продукции на складах. При нынешнем росте инфляции — это беда.

Начали останавливать и производство фенола. Нет сырья. Вернее, оно очень дорого. Причём поставщики требуют предоплаты. К тому же остановились самые главные наши потребители. Осталась заграница. Но там такие низкие цены...

Одиннадцатого января в десять часов — первое заседание российского Федерального Собрания, избранного сроком на два года. Оно, очевидно, даст отсчёт новому периоду отечественной парламентской практики.

Странно быстро, как в калейдоскопе, мелькают события. Ещё только избраны председатель Совета Федерации и Государственной Думы, и тут же идёт перестановка в Правительстве. Сегодня Егор Гайдар объявил о своей отставке. Причину объяснил тем, что Черномырдиным принимаются решения без согласования и уведомления вице-премьера.

Выступая по телевидению Геннадий Зюганов бросил реплику, что Гайдар всё своё уже сделал: развалил промышленность, фундаментальную науку. Я не сторонник Зюганова, но в данном случае так оно и есть. От большой науки, от промышленности могут остаться одни руины.

Двадцать четыре года, как я женат. Помню, через месяц после свадьбы купили мы с женой новый симпатичный шифоньер. Собрали его и установили посередине торцовой стены комнаты. Чуть позднее мне показалось, что лучшее для него место — ближе к углу. Так более рационально. Передвижку затеял, когда жена была в институте. Непростое дело для одного: переместить трехстворчатый внушительный шкаф. Но так хотелось сделать жене сюрприз.

Шифоньер был с ножками, ввинчивающимися снизу в днище. Я воспользовался этим. Просто так двигать нельзя, нож-

ки кособочились и могли сломаться. Решил подкладывать под каждый угол поочередно стопку книг и вывинчивать ножку. На стопке книг, как на шарнире, разворачивал шкаф, передвигая его ближе к нужному месту. Всё шло хорошо. Шкаф оказался уже почти на месте, когда вдруг дверцы во время очередного поворота раскрылись, крепеж не выдержал и... огромное зеркало, упав на пол, с громким звоном разлетелось на куски. Я был потрясен. Но не утратой зеркала, а тем, что, по примете, должно последовать за этим. Разбил зеркало — жди большого несчастья. Я сразу почему-то соотнёс это с нашим браком, с моей женой. Как я мог допустить разрыв? Я так любил свою молодую жену!

Это же чистая случайность? Я ведь мог не разбить зеркало! И всё было бы нормально! Пустячное неверное движение — и оно даёт начало уже другим событиям. Вступают в силу законы этой мрачной приметы?

Я решил идти наперекор и вопреки. В тот же день, пока не было жены, раздобыл в комиссионке (мне повезло) почти такое же зеркало. Поставил его. Разумеется, ничего жене не сказал. Себе дал слово: сделаю всё, чтобы брак наш был нерушим! Это стало моей заботой и тайной.

Кажется, я сделал то, что обещал себе. Об этой истории говорю вслух впервые. Конечно же, о ней до сих пор жена не знает.

Много позже этот случай мне неожиданно помог.

В 1984 году получил предложение стать директором завода. Это не было для меня неожиданностью. Анализируя ситуацию с возможным моим назначением, вспомнил фразу, обронённую писателем Владимиром Солоухиным. Он сказал (цитирую по памяти): «Я не смог бы быть директором — слишком люблю справедливость». И ещё мне не давали покоя слова моего приятеля: «Чем выше поднимаешься по ступенькам карьеры, тем меньше остаётся порядочных человеческих качеств».

После неспешных раздумий я решил: соглашусь. Но поставлю перед собой, как тогда — в начале семейной жизни, — зеркало. И пусть оно будет беспощадным. И пусть про него никто не знает. Но оно будет!

«Вопреки и наперекор» — девиз, родившийся у меня, державшего осколки зеркала, остался навсегда.

Если наше общество катится к катастрофе, то она разразится по трём причинам. Первая: отсутствие концепции построения демократии. Нет чёткой идеи демократии. Всё абстрактно. Прояснением того, что такое демократия, никто у нас не занимается. Ответственными за всё это считаются верхи: Парламент, Правительство. Их критикуют. Но демократия тем и отличается от недемократии, что она устанавливается снизу. И надо это понять, а потом действовать.

Вторая причина: полное непонимание обществом целей и задач средств массовой информации. Почитайте газеты. Одни вопросы. Кто допустил то-то, почему получилось то-то и то-то? Вопросы, вопросы. Спрашивают тех, кто по другую сторону. А спрашивать надо тех, кто мог, должен был, но не сделал необходимого.

И третья причина, которая тяготит меня каждый день как директора: отсутствие чётко разработанной политики государственной поддержки на местах, в отраслях, на предприятиях, в производственных структурах.

Мы задолжали три миллиарда рублей, нас заставляют брать кредит под 213 процентов. Откровенный грабёж.

У нас два дня был представитель одной из германских фирм. Когда назвал эти бандитские проценты, он несколько раз переспросил, боясь, что ослышался. Мы ему с трудом объяснили столь глупую ситуацию. Он схватился за голову. Но это ещё ничего. Кредиты даются только под залог оборудования, помещений, под основные фонды. Мы намеревались взять 1,5 миллиарда рублей, чтобы заплатить долги. Нам предложили дать в залог детские садики, туристическую базу на Волге, профилакторий. Берут только то, что можно превратить в офисы, в доходные объекты. Если учесть, что стоимость профилактория и садика намного меньше ежемесячного долга энергетикам, то практически два, три, четыре месяца — и промышленное предприятие останется без них.

Всё отдано коммерческим банкам. Сначала они задерживают оплату за нашу продукцию. Средства крутят по три-пять месяцев, зарабатывая на этом большие барыши. Затем из этих же средств кредитуют, требуя в качестве обеспечения наши же объекты. Мне кажется, беда ещё в том, что в первую очередь

Правительство допустило коммерциализацию банков, а надо было начинать с предприятий.

Невольно вспомнил пуск завода после капитального ремонта в сентябре прошлого года. Мне в это время потребовалось срочно уехать в Москву. Звоню утром из гостиницы главному инженеру, желая узнать, как идут дела. Тот в смятении докладывает, что на середине пуска остановились. Прекратили подачу на завод электричества.

Что значит оставить без энергии завод в момент пуска? Энергетики требуют оплатить 1,5 миллиарда долга. Если я лет семь назад, когда возникали проблемы с пуском завода, мог приехать в министерство и с замминистра как-то обсудить ситуацию и надеяться на объективное решение, то сейчас этого нет.

Если завод не запустим, вообще ничего не выплатим, ибо не будет продукции. Где брать деньги? Десять миллиардов рублей, которые нам должны потребители, где-то крутятся. Просить помощи в наведении порядка с оплатой продукции не у кого.

В конце концов, завод начал работать, но только тогда, когда я согласился, чтобы главный инженер от моего имени дал письменное указание банку все средства, которые придут в течение месяца, в первую очередь направлять энергетикам.

В российском самосознании укоренилась такая бравада, что очень многое мы можем сделать враз, экспромтом, на эмоциональном подъёме. Мы не педантичны, как Запад. Зачем нам анализ? Даже классики, интеллигенция, Фёдор Иванович Тютчев, которого я люблю как поэта, невольно способствовали, чтобы мы жили чувством больше, чем рассудком. Мы давно бравурируем тем, что «умом Россию не понять, аршином общим не измерить...». Умом Россию не понять... Я думаю, что гениальный поэт с болью говорил об этом. И в подтексте этой фразы звучит, наоборот, призыв к потомкам, чтобы они попытались Россию понять именно умом.

Изредка бываю в Самаре, в Новокуйбышевске.

На прошлой неделе присутствовал на презентации книги самарского писателя Ивана Ефимовича Никульшина. Он выпустил пятый или шестой поэтический сборник «Лесной

колодец». У него есть несколько прозаических книг, вышедших в местном издательстве. Издавался он и в московском «Современнике». Проза хорошая. Я бы сказал, насквозь пропитана русским духом, русским бытом. Я давно его знаю. Начинал он как поэт. Первая книга «Семь цветов песни» вышла в 1967 году.

В своё время я был влюблен в прозу Василия Макаровича Шукшина. Мне, родившемуся в селе, близко его творчество. И я полагал, пока не появился прозаик Никульшин, что так и надо писать о селе. Но с самых первых книг и рассказов Ивана Ефимовича во мне появилась некая раздвоенность. Я любил Шукшина, но не мог не любить и Никульшина. Мне кажется, что знаю Заволжье, его быт. Конечно, мне трудно говорить о жизненном укладе сёл близ Барнаула, я не был в Сростках — родном селе Шукшина, но мне много слышится общего даже в звучании фамилий: Шукшин... Никульшин...

Василий Макарович писал свои рассказы, находясь в городской жизни и всматриваясь из неё в деревенскую. Никульшин — весь в российской деревне, посреди неё. Взгляд его — изнутри деревни на деревню, на себя, на всех. И на весь мир. Ему пятьдесят восемь, но он до сих пор весь в деревенском быте. Это его позиция. Жизнь.

И ещё. Многие из рассказов Василия Макаровича как бы основаны на анекдоте. Часто повествуют о человеке-чудике. По своему селу знаю: на каждой улице свой блаженный, свой чудик, сев с которым за стол, обязательно поперхнёшься от селья или от горчинки.

Это всё есть. Но не на чудиках стоит село. Оно держалось и держится на людях степенных, немногословных, точных в своём поведении, в своём повседневном труде. Для них главное: создать семью, иметь детей, обеспечить нормальную жизнь, быть справедливыми и праведными в своём немногословии. Неистребимо желание в сельском укладе к упорядоченности, к ясности отношений. А уж чудинка, скоморошество — потом, в праздник, в потеху.

Или я чего-то пока не понял? Я дал себе обещание обязательно побывать в Сростках. А до этого прочесть всего Шукшина. У меня такое чувство, будто встретился с айсбергом...

Литература бедствует. За книгу стихов в восемьдесят страниц издательство платит не более десяти тысяч гонорара. Что такое десять тысяч рублей на нынешние деньги, если универсальный эквивалент наш — колбаса стоит четыре тысячи за килограмм? Не скрашивают быт и те полставки, на которые можно устроиться работать в областной газете.

Я знаю многих писателей, которые, имея рукописи романов, сборников стихов, рассказов, не могут их напечатать. Чтобы выпустить поэтический сборник в тысячу экземпляров, надо иметь полмиллиона рублей.

Если сейчас не начнём спасать наше искусство, какие книги будем читать лет через пятнадцать-двадцать? Каких писателей? И будут ли они? Соблазнённая когда-то отечественной государственностью и брошенная теперь, наша интеллигенция пребывает в растерянности. Социальная катастрофа ускоряет её физическое исчезновение.

* * *

— Виктор Сергеевич, строящуюся установку нам удастся эксплуатировать не более года.

— Почему? — машинально спрашиваю главного экономиста завода, хотя ответ мне давно ясен.

— Первые месяцы её продукция даст чистой прибыли на каждой тонне до семидесяти долларов. Это замечательно. Но до конца года цены на пар так вырастут, что она может стать убыточной.

— Считали сами?

— Сам. Даст около десяти миллиардов прибыли, а там — в металлолом.

— А если возобладает разум и цены на энергетику заморозят? В ответ — горестный вздох.

— Каков выход?

— Найти более экономичную установку, без затрат пара. Только так.

— Так-то оно так! Только есть ли такая технология вообще в мире?

— Надо искать!

«Да, надо искать», — повторил я про себя. В энергосбережении — выход.

Частенько заглядываю в цеховые курилки. Нравится окунуться в атмосферу здорового юмора, попадая под прицел крепкого вопроса, дать хлёсткий ответ.

Меня не стесняются.

Вот и сегодня заглянул, и не зря. В самый кон, а может, чуть опоздал. Виктор Шарапов, его в этом цехе зовут «Шурупов», а чаще — «Шуруп», кажется, подводил черту под серьёзным разговором. Увидев меня, на секунду запнулся, дружелюбно поприветствовал. Закивали головами и остальные.

Упругая пружина разговора ещё подпирала, и Шуруп продолжил:

— ...что тут непонятного-то? Отчего народ на выборах прокатил демократов? Опыт у него есть. Народ за последние семьдесят лет до конца понял враньё существующей власти. Преданный своим государством, равнодушно взирал на развал бывшей империи. Повернулся к ней многомиллионной задницей. Вот вам! Нечто похожее случилось и теперь на выборах. Веры не стало. Устали.

— Что верно, то верно. Но подожди, Витёк, маленько, дай мне сказануть о вещах попроще, раз директор у нас.

Я смотрю на бойкого мужичка — вроде не наш, не заводской. Либо из подрядчиков, либо новенький из сварщиков.

А тот бросил от азарта, не докурив, папиросу. Весь в себе, глаза раскосые, движения рысьи. Коготки спрятаны, но о них догадываешься сразу. Кажется, появился новый местный вожачок.

Я заметил: в углу сидит Скорпион, ухмыляется. Довольный, мотает на ус. Кивнул мне одобрительно головой.

Между тем ниточка разговора уже потянулась:

— Товарищ директор, хочу заметить, что руководство не торопится проявить себя, облегчить жисть народу.

— То есть?

— Сегодня дефицит налички, так?

— Так, — отвечаю.

— А вот соседний нефтеперерабатывающий завод второй раз даёт зарплату бензином. Трикотажная фабрика — майками и трусами. Доколе ждать нам? Коль на нас денег не напечатали?

— Чего ждать? — подыгрываю я. — Мы расплачиваемся одеждой, сахаром, маслом.

— Не то это, скучновато. Убедите городскую администрацию, пусть скоординирует директоров.

— Новый почин?

По взгляду понял: он оценил мою догадку, почувствовал партнёра в своей игре и ему надо довести её до конца:

— Надо, чтобы колбасный цех выдавал получку колбасой, тепличное хозяйство совхоза — огурцами, а наш завод — спиртом. Два раза в месяц — по баклажке! После борьбы за трезвость — хорошее покаяние перед народом. Вот вам и долгожданный коммунизм. В отдельно взятом городе. Мечта! Правда? Выпить и закусить! Что ещё надо?

— Любите выпить?

— И закусить — тоже. В меру нельзя, что ли?

Смотрит из глубины своих щёлочек-глаз смело и пытливо. Расположен к разговору. Идёт на диалог, это ему надо.

Продолжаю помогать:

— Ну, в меру и я не против.

Чуть переиграв, ударил рукавицей по брезентовой штанине:

— Во! Люблю таких. Без резьбы.

«Сам-то ты какой? Посмотрим».

— Хотите, я вам за хороший разговор подарок сделаю?

«Чёрт, куда ведёт меня этот местный Тёркин?» — соображаю, глядя на окружающих. Все ждут продолжения. «А, была-не была», — думаю. И вслух:

— Ну, раз есть такое желание, куда деваться?

— Коль не против выпить, значит, и тосты любите?

Я согласно киваю головой.

— А знаете ли требование к тосту, так сказать, ГОСТ на него?

— Подскажите.

— Слушайте, пока жив! И учитесь, — он выдвинулся на середину курилки, несколько зависнув над корытцем с окурками. И вдруг голосом, ставшим звонким и молодым, отчеканил:

— Тост должен быть простым по конструкции и ёмким по содержанию, как бюстгальтер! Вот!

Курилка вмиг превратилась в театр — все разом зааплодировали.

Мой собеседник явно доволен. Его оценили, как он хотел.

Когда аплодисменты смолкли, Скорпион подкинул реплику:

— Часть аплодисментов — ваша, гендир!

— За что?

— Вы же вытянули из нашего новичка такую красоту! Он до вас отмалчивался. Всё думал о чём-то.

— Наверное, формулировал критерии, — подсказываю, направляясь к выходу.

— Заходите чаще.

— Непременно, — пообещал я.

В конце недели состоялось совещание у заместителя главы городской администрации. Оно началось на ноте тех лет, когда проводили партийно-хозяйственные активы. Докладывал начальник отдела внутренних дел. Жаловался на жизнь. Преступность не снижается. В нашем стотысячном городе каждый месяц — два убийства. Увеличилось количество квартирных краж. Не хватает около тридцати милиционеров. Пятнадцать человек надо увольнять за различные служебные проступки, да никто не идёт на замену. Жаловался, что не успевает оперативно действовать, принимает только сведения и информацию о случившемся. Оснащение, автотехника — хуже нельзя. После сигнала о преступлении надо ждать, когда вернётся ранее выехавшая бригада.

Прокурор пенял на несовершенство законов. Они не направлены на защиту личности, потому часто приходится преступников выпускать. Не хватает доказательств...

И судья жаловался на скудность материального обеспечения. Нет столов, стульев. Не хватает судей, следователей. Заработная плата низкая, а работа сложная.

Началось обсуждение. Я сказал, что пора бы уйти от таких совещаний к конкретной программе. Да, законы несовершенны, техники мало. Надо выходить на руководство области, федерации. Всё смотреть детально. И тут же получил отповедь со стороны председательствующего: программа есть и безответственно говорить о её отсутствии. Это было сказано категорично, повышенным тоном, неуважительно. Не стал спорить. Понял, что человек сорвался, как не выдержал и я недавно на одном из заводских совещаний. Обстановка накалена, так много всего меняющегося и нестабильного. Нервы подводят. Решил не реагировать. Совещание кончилось. Кстати, обнаружилось,

что, действительно, подобие программы было, но она безнадежно отстала от жизни.

...Уехал с тяжёлым сердцем. Со мной за последние два-три года так никто не разговаривал. Тем более, на глазах многих руководящих работников города. Когда меня грубо оборвали, воцарилась гробовая тишина. Все сидели, понурясь, понимая, что происходит. Переживали.

Рабочий день в понедельник начался с того, что в половине девятого позвонил замглавы администрации и очень вежливо, тактично, выверенными фразами извинился за происшедшее. Затем заявил о намерении извиниться передо мной в присутствии участников совещания. Очевидно, все эти дни переживал. По-моему, у него как у руководителя есть неплохое будущее. В понедельник, надо отдать ему должное, он снял тяжесть с нас обоих. (Раньше начальство вело себя иначе. Извиняться не торопилось).

Начинают сдавать нервы у многих. Тяжёлая атмосфера на работе, в обществе, в быту. Подспудно накапливаются раздражительность, нервозность, связанные с неудачами в нашем реформировании.

Когда-то повальным было распространение сахарного диабета среди воинов Наполеона, бежавших из Москвы. Удручённые безысходностью своего положения, они заболели от гнетущей обстановки, от беспросветности будущего. Я не знаю, специалисты делают ли сейчас какой-то анализ? Интересно, кто-то состоянием человека в такой стрессовой ситуации? Думаю, в подобной обстановке нужны какие-то меры. Конечно, в психологическом плане, социальном необходима общенациональная идея возрождения России. Она должна быть сформулирована достаточно чётко и служить материальному строительству общества. Но, как воздух, необходима она и для созидания духовного стержня нашего народа. Нельзя, чтобы все пребывали в угнетённом состоянии.

В пятницу пришло сообщение, что энергетическая комиссия предлагает повысить цены на электрическую и тепловую энергию на сорок процентов выше существующих. Это — для завода удавка. Практически вся нефтехимия области подвержена развалу. А я ещё надеялся на здравый смысл. Сейчас нас спасёт только резкое повышение курса доллара к рублю.

*Что такое прыжок с парашютом?
Это пальцы разжавший Господь
Отпустил по неясным маршрутам
Наши души, а также и плоть.*

О чём это у Константина Ваншенкина: о нашем будущем или настоящем? Или — о нас вообще?

На заводе много говорят о статье в «Комсомольской правде» за 22 января, где обнародованы аттестат зрелости Виктора Степановича Черномырдина и ведомость вступительных экзаменов в институт. Оказывается, мы учились в одном институте — Куйбышевском индустриальном. И поступали одновременно — в 1962 году. Интересно, что решением Учёного совета Самарского государственного технического университета нам одновременно присвоены звания почётных профессоров.

Все напирают на то, что мало у премьера блестящих оценок. Да, аттестат мог быть лучше. Но ведь не один аттестат зрелости определяет судьбу выпускника школы. Хорошему специалисту требуются многие качества. Зачастую они проявляются значительно позже. Много посредственных оценок при вступительных экзаменах. Первый, по математике, первоначально сдал на «неуд», повторно получил «удовлетворительно». Всё это любопытно, но не более. Я знаю многих, которые заканчивали институты с красными дипломами и терпели фиаско на производстве. И давно для себя отметил: люди, учившиеся в институте средне, позже проявляли себя весьма успешно. Некоторые порой просто не могли, будучи студентами, добиваться заметных успехов: кто-то материально не обеспечен — подрабатывал, кто-то просто относился к учёбе слегка вальяжно, понимая и ценя в себе резервы, которые можно всегда включить, если потребуются. И обнаружится цель.

Субботу и воскресенье провёл в лежачем положении. Передвигаюсь еле-еле. Случилась неожиданное. Утром пошёл вытряхивать половики и ковёр. Прекрасная погода. Нагнувшись, сметал снег с ковра. Вдруг будто стрельнуло в поясницу. Тут же инстинктивно попытался разогнуться и не смог, застрял в

положении, похожем на букву «Г». Нашёл опору, прислонился. Ждал, может, кто-то подойдёт. Чтобы не простудиться, в той же позе метров сорок прошёл до подъезда. Вышла жена. По лестнице еле поднялся. Сын и невестка сделали растирание. Приспособили грелку, напоили чаем. В понедельник вряд ли выйду на работу. Отчего это могло быть? Последняя неделя была напряжённой. Но ведь они все непростые.

На этой неделе мы встречали иностранцев, обсуждали с ними предстоящие договоры. Обсуждали и контракт по реконструкции одного из производств.

Были моменты, когда завод балансировал на грани полного аварийного останова...

В пятницу днём — наскок нового поколения коммерсантов, желающих торговать продукцией нашего предприятия. И всё на нервах.

Неделя должна была начаться с калейдоскопа важнейших событий, а я лежу около чёрного ящика и думаю: смогу ли сесть утром в машину, пройти по лестнице на второй этаж в заводоуправление? Стоит ли рисковать? И не комично ли всё это будет смотреться? Очевидно, дня два ещё придётся проваляться.

Четвёртого числа — конференция по итогам года, 20 февраля — мой день рождения — пятьдесят лет. Двадцать шестое февраля — первое собрание акционеров с достаточно серьёзной повесткой дня, одним из вопросов которой — избрание генерального директора. Во второй декаде февраля предстоит поездка в Москву на встречу с представителями бельгийских фирм для окончательного подписания контракта.

Болезнь некогда.

Вспомнилась картинка из далёкого детства. Я неожиданно заболел. Который уж день лежу в постели, перебираясь по утрам в прохладную, выложенную из самана погребницу. Она на меня производит чарующее впечатление. За ларем нашёл почти ещё новенькую книжку «Казачьи» Льва Толстого. Потрясённый красотой и яркостью открывшейся жизни, забыл про болезнь. Вообще, эта мазанка колдовская. Осенью, забравшись под крышу за сушеной густерой, гирляндами висевшей на проволоке, обнаружил в изъеденном мышами мешке неопределённой формы предмет. Потянул на себя — в руках оказалась боевая винтовка.

Потом я имел с дедом разговор и обещал, что трогать винтовку не буду. На следующий день её там уже не было. Дед — человек мудрый, делает всё правильно. В этом убеждался не раз...

Я читал про казаков, когда слышались шаги во дворе, это — бабушка. Её приближение я чувствую всегда. И не знаю, как это объяснить. Она входит с небольшой корзиной, накрытой белым в горошек платком.

— На вот гостинец тебе, выздоравливай быстрее.

Приоткрыл край платка. Корзина полна яблок.

— Бабушка, откуда?

— Ешь, разве не всё равно?

Она с напускной строгостью глядит на меня. А я сразу догадываюсь, откуда яблоки. Краденые! Если бы они были куплены, то их было бы два, ну, три, не больше. Яблоки из Самары редко привозили. Не на что было покупать. А здесь — целая корзина! Яблоки в нашем селе растут только у одного Светика — сына давно умершего бывшего земского врача. Но он скряга, никогда не угостит. Мы давно с другом Мишкой сговорились тайком от родителей забраться в его сад. И не столько от желания поесть яблок, сколько от нелюбви к их хозяину.

— Бабушка, они же...

У меня не поворачивается язык сказать страшное слово.

— Сейчас не в этом дело. Ешь и поправляйся. Бог простит.

Боясь обидеть бабушку, беру антоновку и крепко впиваюсь в неё зубами.

— Вот так-то, — тихо заключает она.

Я хрумкаю яблоко и чувствую, что нас с ней теперь связывает тайна, о которой никогда не скажу никому. И никогда не смогу плохо подумать о бабушке.

— Мой первый сыночек Петенька сильно испугался, провалившись под лёд на Самарке, куда ходил с ребятами ловить сусликов. Оттого заболел сахарным диабетом. Чем я его только ни лечила. Не получилось. Не стало Петеньки.

Помолчала. Потом сама себе сказала:

— Бог простит.

Она придвинулась ко мне и погладила мою голову своей большой шершавой ладонью. Это для меня неожиданность. Нас, детвору, обычно не гладили и не целовали. Но и никто не бил. Таков был уклад жизни.

...Я лежал на старом самодельном диване в окружении ла-рей с мукой, пшеницей, в домовитом запахе луковых плетениц и овчин.

Свет пробивался в мазанку через крохотное оконце. Я свободно мог закрыть его своей фуражкой, что иногда и делал, погружаясь в блаженный, волнующий прохладный мрак и тишину. Правда, тишину иногда нарушали осмелевшие мыши, но шугать мне их не хотелось. Залетевшая большая и противная зелёная муха с ходу запуталась у меня в изголовьи в паучьих сетях. Я с нетерпением ждал развязки. Я мог бы предотвратить кровавый исход, тем более, мне не очень приглянулся шустрый изобретательный умелец-паук. Но нравилась роль стороннего созерцателя — в этом своя прелесть. Не хотелось нарушать спокойствия царства паучье-мышьиного благополучия. А может, так сильно ослаб от болезни...

Все дни, пока хворал, дух антоновских яблок витал в мазанке попеременно с бабушкиными рассказами из её жизни, дедом Ерошкой, моим дедом, пахнувшим сеном, овчинами, передающим приветы от Карего — старого мерина, моего друга, оставшегося на далёком лесном кордоне в Моховом.

Через неделю я выздоровел.

В одно из воскресений упросил деда и бабушку взять меня с собой на Утёвский базар. Я любил этот многошумный, разноцветный праздник. Там всегда происходили всякие неожиданные события. Случилось одно и в этот раз.

На обратном пути, когда мы отъехали в своём гремящем фургоне от базара метров сто, дедушка, что-то приметив на обочине в пыли, остановил лошадь. Слез с фургона. Вернулся, держа в руках огромную пачку денег, завязанную в пропылившийся серый платок.

— Ванечка, это же беда какая, потеряли...

— То, что потеряли, — это точно, только вот — кто?

— Много? — бабушка протянула руку к свёртку. — Батюшки, да тут их ужас сколько! Убьются теперь до смерти от горя. Надо что-то делать.

— Кто сегодня коров да быков продавал, а? — Дед начал вспоминать: — Горюшины корову яловую продали, они ещё на базаре. Захар Гурьянов быка-полуторника приводил, но он си-

дит у сапожника Митяя, балакает. Было несколько зувеских, но они по другой дороге должны ехать.

— Лукьян Янин, а? — Бабка, удивившись своей догадке, обрадованно смотрит на нас.

— Ну, точно же, Лукьян с Андреем быка продали. Поехали к ним, — сдержанно отозвался мой дед.

Когда мы подъехали к Яниным, отец и сын выезжали со двора.

— Здорово, Лукьян, — дед приподнял над головой картуз. — Далёко собрался?

— Сам не знаю куда, деньги Андрей обронил, где, не ведает.

— На, возьми твои деньги, — дед протянул серый свёрток.

Лукьян внешне вроде даже не удивился. Взял свёрток, задумался. Поочерёдно внимательно посмотрел на нас всех. Хмыкнул и молча пошёл вглубь двора. Вскоре появился с чёрным вертлявым ягнёнком на руках.

— Бери, Иван, от души. У меня ещё есть.

Но бабка моя опередила:

— Ваня, не бери. Лукьян, спасибо тебе — хороший ты мужик. Но нам чужого не надо.

— Ну, раз так, то хоть с поллитровкой-то приду вечером. Не прогонишь?

— Не прогонит, не бойся. Я вступлюсь, так и быть, — пообещал дед Иван.

И наш фургон загромыхал от Яниных ворот под заливистый лай соседской собачонки.

Дорогой мне вспоминались яблоки из чужого сада и писклявый ягнёнок Яниных. А ночью, когда я спал уже не в мазанке, а в избе, приснилось, будто этот ягнёнок ест антоновские яблоки и озорно мне подмигивает. А потом мы поехали на Самарку, на любимую мной песчаную отмель со знойной смесью запахов краснотала, речных лопухов и янтарного цвета песка. Эта отмель называется загадочно — «Платово». Здесь дед Ерошка дал мне пострелять из найденной мною винтовки. Смелся при этом шумно, добродушно и заразительно...

Когда я проснулся, было весело и легко. Казалось, весь мир наполнен моим выздоровлением.

Февраль

Уже неделю работаю. Несмотря на то, что врачи прописали больничный режим. Два дня назад состоялась конференция по итогам выполнения годового коллективного договора.

...Год завершили неплохо. Сделали всё, что могли. Или почти всё. Имеем прибыль, несмотря на то, что наши потребители не оплатили полностью полученную продукцию. Рентабельность — восемнадцать с половиной процентов. Правда, допустили незначительное падение объёмов производства. Но не распродали ни турбазу, ни пионерский лагерь. Они действуют.

Конференция прошла выдержанно. Выступлений много, но все достаточно конкретные. Ни шума, ни расхлябанности, ни провокационных действий. Народ — как жёсткая пружина. Все видят, что в народном хозяйстве творится неладное. Коллектив верит в руководство своего завода. Способствовало деловому настрою и то, что я, по своему обыкновению, за неделю до конференции в заводской газете напечатал доклад не только по разделам колдоговора, а вообще по ситуации на заводе. В статье под заголовком «Испытание на прочность» попытался дать ответы на возможные вопросы. На конференции удалось принародно, неспешно обсудить наше настоящее и будущее.

...У нас традиция: раз в два месяца — «прямая линия». Собираю у себя в кабинете всех главных специалистов, начальников отделов и на весь завод по радио ведём разговор. Любой заводчанин может обратиться по телефону, мы отвечаем. Обычно такая процедура длится два, два с половиной часа. В этом году «прямые линии» не проводил. Слишком изменчива во всём политика.

Трудно говорить и обещать что-то конкретное на ближайшие недели. Жили, может быть, не одним днём, но многое в течение двух-трёх недель менялось. Информация стала самой дорогой вещью. Настало время осторожного обращения с ней. И мы пока отказались от такой формы общения.

Поэтому и трудные вопросы на заводской конференции всё же были. Я отвечал, как думал. Мы подошли практически к той черте, за которой зияет пропасть. И это объясняется тем, что у нашего государства нет промышленной программы. Она

должна быть в ближайшие полтора-два месяца обнародована, иначе промышленность хаоса не выдержит. Программа должна обязательно предусматривать элементы планового хозяйства. Я не думаю, что это звучит консервативно, как отступление назад. Ясно, что необходим комплекс мер государственного регулирования образования цен в переходный период. Нужны и отраслевые программы, работающие через предоставление льгот. Каких? По кредитованию, прямым бюджетным ассигнованиям, освобождению от налогов. Должны создаваться условия для инвестирования, для реконструкции действующих производств. Необходимы стабильность и партнёрство. В Правительстве место не романтикам, а сосредоточенным прагматикам.

Коллектив понимает, что ограничен в своих действиях. Забастовка? Нет смысла её проводить, ещё больше усугубишь положение.

Своё отношение к происходящему мы должны были выразить публично. Мы это сделали в Обращении к местной администрации, к Правительству. Коллектив просил рассмотреть сложившуюся ситуацию и подготовить промышленную программу, определить уровень совокупного дохода налогоплательщика, ниже которого в своём реформировании не должны опускаться.

Когда кончилась конференция и я зашёл в заводоуправление, навстречу попала пожилая женщина, работавшая лет десять тому назад в одном из цехов. Она уже на пенсии. С горечью, но бодрясь, сказала:

— Вот, приехала на завод что-нибудь купить. В городе не могу приобрести самое необходимое.

— Так плохи дела?

— А чего же хорошего? Пенсия — тридцать тысяч, мужа ударил инфаркт, лежит..

Отличная работница. Человек неунывающий. А когда прощались, обронила:

— Что же с нами будет? С детьми? Кому они нужны? Где будут брать жильё, куда пойдут трудиться?

Что на это сказать? Раньше смог бы ответить умело и с достоинством. Сейчас её вопросы повисли в воздухе.

Партнёры требуют моего приезда в Брюссель для подписания контракта. Я уже две недели отказываюсь. Приглашаю в Москву, они почему-то упрямятся. Мне же некогда ехать и в Москву. Настолько важно всё, что творится на заводе и с заводом.

Критикующие руководителей за то, что они часто бывают за границей, просто не знают положения дел. Директор, главный инженер не могут непрерывно разъезжать. Им, стоящим у конкретных дел, всегда некогда. Да и нельзя надолго оставлять на автопилоте действующий завод. Поэтому, сотрудничая со многими фирмами (у нас большой перечень продукции и широкие связи с зарубежными партнёрами), постоянно приходится уклоняться от командировок за рубеж. Вот и ездят мои заместители, начальники служб чаще, чем я.

Смонтировали три мощных водяных насоса и несколько теплообменников. На них для нагрева воды подали свой бросовый пар. Получилась установка по отоплению завода. Все работы вели без проекта, торопились. Включили схему вчера вечером. Превосходно! До сотни цеховых помещений и заводоуправление могут теперь обходиться без услуг энергосистемы. Эффект экономический и, что очень важно, психологический.

Главный энергетик Виктор Александрович выглядел именинником.

Проблемы, проблемы... Весь мир соткан из них.

У моего многоопытного водителя Алексея — своя. Его преследует женщина. Вечером, когда ставит машину в гараж, она появляется, как по расписанию.

- Не могу больше, не знаю, что делать, — жалуется он.
- Чего она хочет?
- Ребёнка, — буднично и вяло отвечает Алексей.
- Не понял?
- Хочет, чтобы я сделал ей ребёнка.

Я сбит с толку, но потом кое-что проясняется.

— Вначале думал, что просто погулять хочет. Турнуть хотел, не до гуляний сейчас. Оказалось сложнее: с мужем не получается ребёнок, семья разваливается. Чтобы спасти ячейку общества, меня определили в доноры. Так и сказала: «Будешь всего лишь донором». Оказалась порядочной, страшно боится

огласки. Я всё проверил: живёт в соседнем квартале. Имя красивое — Лена.

— Ну, а ты? Испугался? — неудачно пошутил я.

— Я? Я так не могу.

— Что же делать?

— Давайте оборудуем гараж в другом месте. Хотя бы временно, а?

Смотрит на меня с непривычной для него беспомощностью.

Сегодня день моего рождения. Мне пятьдесят. Съезжаются родственники, будет человек тридцать. Замечательно. В пятницу у нас был праздничный ужин. Я пригласил своих помощников, главных специалистов, тех, с кем начинал работать на заводе. Были москвичи. Из Тольятти приехали шесть человек однокашников по институту. Поваяло молодостью. Вечер прошёл замечательно, красиво, празднично. Все стосковались по хорошему застолью, по встрече в непринуждённой обстановке. Поздравляли с тем, что не сдаюсь, защитил докторскую. Важно заявляли, что моя персона соответствует тому, что требуется сегодня от руководителя.

Конечно, это юбилейные речи, но приятно слышать.

Детство — самая прекрасная пора моей жизни. Оно до сих пор подпитывает и даёт силы. В каких бы ситуациях ни оказался, опора моя — в детстве. Я всегда был в окружении добрых интересных людей. Считаю, мне повезло...

Детство помнится мне и тем, как нас воспитывали. К нам отосились, как к взрослым. И забот по хозяйству нам доставалось немало, как и взрослым. Трудиться физически приходилось так много, что порою это изматывало. Но то был единственный способ добывания хлеба насущного: через мозоли и постоянную нехватку времени на книги, рыбалку, охоту. Но тем они (книги и рыбалка) и были привлекательны, что давались как награда.

Многих, кого уже нет в живых из моего детства, помню по именам. Образы окружавших меня видятся зримо до такой степени, что в памяти звучат отдельные фразы, сказанные лет тридцать-сорок назад. И то, что не успел сказать тем, кого любил, с кем дружил, копится, ищет выхода. Возможно, поэтому я так привязан к селу, постоянно чувствую себя его должником.

Хочется не только с каждым жителем села поздороваться за руку, но с каждым деревцем обняться, как с живым свидетелем нашей общей жизни.

Меня иногда спрашивают:

— Профессия директора, первого руководителя — творческая или нет?

Отвечаю:

— Творческая, и особенно сейчас, когда нет установившихся понятий, недостаточно нормативных документов, невнятная финансово-экономическая политика. Творческая в том смысле, что приходится много думать и чаще брать ответственность на себя.

Я не раз убеждался, что, казалось бы, нерешаемые проблемы вдруг становятся разрешимы. И это зависит от того, как напряжённно и неотвязно ты думал над поиском выхода. Иногда решение возникает в самый неподходящий, казалось бы, момент. Бывает и во сне, это уже хрестоматийно. Обидно только, что некоторым кажется: найденное тобой решение даётся запросто, что это определено директорским креслом. Очень наивно!

Как сладки моменты, когда после вдруг осенившей тебя мысли чуть ли не вслух готов воскликнуть с восторгом, почти как Пушкин:

— Ай да Виктор, ай да сукин сын!

Сегодня едем по нашей центральной улице. Шофёр Алексей говорит:

— Вот в этом доме жил мой друг, вчера похоронили.

— Болел?

— Нет, купил мебель и обмыл с друзьями.

— До смерти?

— Выходит..

И рассказал подробности.

Днём с друзьями Михаил собирал мебель. Неделю назад до этого вселился в новую квартиру. Вечером, изрядно уставшие, сели на кухне поужинать. Как водится, выпили. Друзья стали добродушно подтрунивать: на четверых одной бутылки мало.

— Действительно, мало, — поддержала жена. — Сейчас на углу старушки вовсю торгуют. Возьми одну, так и быть, санкционирую.

Михаил побежал, но что-то там замешкался. Вернулся, друзья уже ушли.

Жена пояснила:

— Не очень хотелось, раз не дождались. Я не гнала. Сергею кто-то позвонил. Он засобирался. За ним — остальные.

Михаил прошёл на кухню. То ли от расстройства, то ли желая заглушить усталость, налил почти полный стакан и выпил.

В бутылке оказался метиловый спирт.

Пришлось всё же срочно лететь с замом по экономике в Москву для подписания контракта с бельгийцами. Мы нашли способ очистки нашего основного продукта с затратами пара в десять раз меньше, чем на строящейся сейчас установке. Единственная такая установка в Европе работает по американской технологии в Италии.

Теперь контракт подписан. До 1 сентября пятнадцатую грузовиками должно быть доставлено оборудование. За осень мы обязаны его смонтировать. Много в этом году будет зависеть от нашей оперативности.

Был в одном из отделов соседнего завода и оказался свидетелем такой сцены. При мне попросили к телефону сотрудницу, женщину миловидную, элегантно одетую. Звонила её мать. Я невольно слышал разговор. Она жаловалась на сына этой женщины, то есть на своего внука. Внук послал её, после каких-то замечаний, подальше. Бабка не на шутку разволновалась. Мать тут же потребовала дать трубку сыну:

— Птичка, здравствуй. Что ты там набедокурил? Бабушка сказала, что послал её. Ты почему молчишь? Ты меня слышишь?

В трубке молчание.

— Молчишь? Ты послал бабушку?

Сын молчит.

— Ты почему себя так ведёшь? Тебе всего десять лет..

Не дождавшись ответа, симпатичная мама очень наставительным тоном говорит буквально следующее:

— Пока я зарабатываю, чтобы тебя кормить, ты позволяешь себе такие вещи. Бабушке грубишь... Я тебя кормить за это не обязана. Извинись перед бабушкой и скажи, что больше так делать не будешь. Понял? Я должна горбатиться на тебя, а ты

так себя ведёшь. Как же ты будешь относиться ко мне, когда я буду старенькой? Алло! Алло!

Телефон не отвечал.

Стало страшно за судьбу этого мальчика. Никогда в нашем детстве, очевидно, повинуюсь какому-то внутреннему такту, как бы ни было тяжело, не попрекали никого куском хлеба. Это расценивалось как самое обидное и самое страшное, что можно сказать ближнему. И никогда никто не говорил, что мы должны, став взрослыми, кормить своих родителей. Это было само собой разумеющимся. Если в каких-то разговорах эта тема и проскальзывала, то звучала больше иронически: посмотрим, дескать, как будет, когда мы состаримся...

Вчера состоялось первое собрание нашего акционерного общества «Нефтехимик». На нём сформированы все рабочие органы. Меня единогласно избрали председателем Совета директоров и генеральным директором. Представители областного фонда имущества удивились, что на выборы ушло менее часа, без всяких инцидентов и недоразумений. Многие понимают: смена собственности (была государственная, теперь коллективная, то есть акционерная) в ближайшее время ничего не изменит. Сейчас важно прорваться через неплатежи, потери традиционных связей. Прорваться через смуту.

Мне заранее верят. Я это знаю и ценю. Многие помнят, каким был до того, как стал директором. В памяти работа по реконструкции цехов в начале восьмидесятых, после чего завод стал одним из передовых в министерстве. Не забыты события, после которых «с боями» получили первыми в отрасли статус самостоятельного предприятия.

Раньше, при Советской власти, по четвергам проводились дни политпросвещения. Теперь — ежедневно, в курилках. Здесь — каждый политолог.

...На этот раз я немного опоздал. Когда шагнул в духоту, речь держал Скорпион.

— Жаль, что живём не в литературную эпоху, а в политическую. Мир отравлен политикой. А как было бы здорово, если наоборот. Я выдвинул бы тогда на пост президента Антона Павловича Чехова.

— Утопист! Чехов бы в президенты не пошёл, — ввернул из дальнего угла Шуруп. — Определённо.

«Они это обсуждают так, как будто Антон Павлович где-то рядом, вышел и сейчас вернётся», — подумалось мне.

— Оглянитесь вокруг, — продолжал Шуруп, — интеллигентные люди комплексуют. Пропускают вперёд тех, у кого больше амбиций, и те неминуемо оказываются у власти. Уступающие думают, что политика не для них. Но ведь экономика не существует без политики. Так в чём же дело? Слабо? Тогда, господа, кушайте, что заслужили.

Он замолчал и внезапно так ловко выстрелил окурком, что тот описал полукруг под низким потолком и влетел к своим собратьям в братскую могилу — стоящее на полу металлическое корыто с водой.

Белобрысый парень с невинным лицом, лениво растягивая слова, дал новый крен разговору:

— Говорят, французы изобрели оргазмометр — прибор для определения пылкости влюблённых. Если женщина пережила оргазм с партнёром, на экранчике появляется синусоида. Если стерва, притворялась — линия остаётся прямой.

— Ну?..

— Вот тебе и ну. Такую бы штуку для определения правдивости политиков изобрести.

— Диман, ты, может, и спец по оргазму, но чтобы экономикой заниматься, надо учебники читать, — вполне серьёзно наставляет Скорпион.

Диман как будто только и ждал этого замечания. Сел прямее на лавке, встряхнул плечами. Сказал уверенно и спокойно:

— Никто ещё в мире не переходил от государственной ответственности к частной. Есть ли такие учебники?

— Может, и не в учебниках дело, — вступил в разговор тот самый новичок, который в прошлый раз обучал произносить тосты.

— А в чём? — переспросил Скорпион.

— А вот послушайте быль. Нанимал один хозяин работника и поставил условие: если выполнишь три задания, беру. Первое задание: очистить от валежника и осушить гектар земли за две недели. Работник согласился. Не прошло и недели, задание выполнено. Второе испытание: сделать плотину через

речку, срок — тот же. Неделя прошла — вот она, плотина, пожалуйста. Третье задание даёт хозяин: разобрать полмешка картошки в сарае на три кучки — крупную, семенную и на корм. Срок — два дня. Прошли два дня. Работника нет. Пошёл хозяин смотреть, что с ним. Заходит в сарай: картошка наполовину в мешке, работник в углу на соломе спит пьяный. Будит его: «В чём дело?» — «Дак ведь её каждую нужно вынимать, осматривать и решать, куда какую. Тяжело».

— Критерии не определены, как на тосты, верно? — подталкивает Скорпион.

— Конечно! И это беда для нас всех. Чего, казалось, бы проще: поставить во главу угла самую главную, ясную задачу — обогреть и накормить людей. Я прав? А раз так, то почему эту очевидную истину не сделать девизом нашего общества?..

Вот вам и курилка! Уроки политпросвещения.

Когда уходил, Скорпион вызвался проводить. Конечно, неспроста. По дороге рассказывает:

— Жорка — мой знакомый «новый русский» — купил две иномарки, квартиру, зашарашивает двухэтажный дом на даче и всё равно спрашивает: «Что бы ещё купить?». Не знает, что делать, во что верить. Я ему посоветовал картины коллекционировать. Как ни крути, материальные потребности имеют свои границы, а духовные — безграничны. Третьяков понял и начал собирать картины.

Атмосфера в курилке всегда напоминает о детстве. Мальчишкой я часто бывал среди артельного люда. Привык. Видел и слышал порой такое, что не каждому взрослому дано. Но дурное куда-то уходило. Оставалось радостное.

Знаю, пока живу, буду помнить своё детство как что-то пахучее, золотистое, гудящее, зовущее, поющее... То ли это влажная лоснящаяся спина осёдланного мною Карего, то ли ошалевший от ранней весны шмель. Или это грудной, призывный голос витютня в молодом осиннике на Бариновой горе.

Детство... А может, это поющее колесо дедова рыдвана, который, оставляя глубокую влажную колею в песке, съехал с крутого склона на гулкий деревянный мост через реку у посёлка Красная Самарка и мелко, призывно манит за собой?

Или это — глубокий полуразрушенный колодец, вода в котором вдруг засверкала в полдень от зенитного солнца, и ты, заглянув в него, обнаружил самого себя, недоверчиво вглядываясь и недоумевая: то ли это серебро глубинной воды, то ли твоя седина вмиг сделали колодец светлым и радостным... Не знаю...

Март

Только что вернулся с заседания Совета директоров, названного главой городской администрации по поводу ЧП в акционерном обществе «Утёс». Информацию дал сам участник происшествия — генеральный директор «Утёса».

На годовое отчётное собрание общества приехали представители из четырнадцати регионов России. Ровно в девять вечера, по соседству, в комнате отдыха, которая рядом с кабинетом генерального и где проходило собрание, послышался звон разбитого стекла. Через несколько секунд — взрыв огромной силы. Находившийся там сейф пробило в нескольких местах. Взрывной волной опрокинуло и изуродовало холодильник. Стены посеколо осколками. Прибывшие представители компетентных органов обнаружили под окном чеку от гранаты. Но злоумышленников, как водится, и след простыл.

Мы разошлись с заседания не в самом хорошем настроении. Чувствовали неготовность навести порядок в городе.

...Он вошёл в кабинет и, остановившись у порога, развёл руками:

— Секретаря нет, так прямо к тебе.

Я вначале не узнал его. Потом, когда вошедший поманил из приёмной симпатичного загорелого парня, спохватился: земляк из моего села, Митяга.

— Вот дела-делишки, понимаешь! Учить — учим, а не нужен никому. Возьми хоть ты, земляка, а?

Они сели.

Случай для наших дней уже обычный. Сын Роман закончил институт, получил профессию механика, а распределения на работу нет. Начинай трудовую жизнь, как хочешь.

Пригласил кадровика. Нашлась возможность принять пока слесарем по третьему разряду. «А там видно будет». Порешив

дела, посидели, посмеялись над тем, как познакомились лет двадцать назад в Сухом овраге. Враз мой чинный кабинет будто раздвинулся. Больше стало воздуха. Самой жизни больше!..

...Эта забавная история могла бы показаться мне самому неправдоподобной, если б я не был её участником. Вынырнув как-то из прохладного лесного оврага на широкую песчаную поляну, окружённую со всех сторон молодыми осинками, я увидел необычную картину. Двое взрослых мужиков катались по траве. Сопя и чертыхаясь, они усердно мяли друг друга, оставляя за собой примятое разнотравье.

Я узнал обоих сразу. И ещё больше встревожился. В траве возились те, кто вот уже несколько лет не признавали друг друга. Хранили между собой что-то такое, чего даже местные сельские остряки не решались затронуть. Так и жили...

Они расцепились и я увидел потные улыбающиеся лица. Оказалось, что присутствую при бурном перемирии. Сухой и узкоплечий Сергей Сонюшкин в последний раз приложил с деланной свирепостью свою пятерню к спине Митяги и присел на корточки. Опережая готового вновь насесть противника, ловко извлёк из кармана портсигар и протянул папироску. Оба расхохотались.

Из неторопливого разговора за куревом узнал, что произошло. Оказывается, накануне Митяга обнаружил в том самом овражке, по которому я пришёл, в обрывистом склоне в кустах волчий выводок. Это редкий случай! Во всей нашей области сохранилось не более трех десятков волков.

На следующий день он захватил с собой нож и электрический фонарь. Когда волчица ушла за добычей, полез в нору. Свободно протиснулся по поясу, дальше пришлось пробираться, помогая себе ножом. Уже слабый луч фонарика высвечивал волчат, скуливших в дальнем углу расширяющейся вглубь норы, когда вдруг песчаная кромка обрыва обвалившись, полностью закрыла вход в нору. Снаружи у входа в логово зверя виднелись только митяговские кирзовые сапоги. Напрасно их хозяин пытался выбраться на белый свет. Взбурившаяся на спине куртка завернулась над головой, препятствуя обратному движению. Надеяться на чью-то помощь здесь, в овраге, бессмысленно. В лесу, в кустах, натолкнуться на торчащие из земли сапоги — дело невероятное. В кровь изодрав руки, начал

задышаться от нехватки воздуха, когда вдруг почувствовал, что кто-то тянет снаружи за ноги...

— Сначала думал, хозяйка вернулась. Ну, думаю, Митька, остался ты без задних ног... Потом, чувствую, сразу за обе волюкут. Похоже на человека, — говорил тогда Митяга.

— Кабы знал, что ты там ещё в состоянии рассуждать, пощекотал бы тебе пятки на манер волчицы, — запоздало обещал Сергей.

Развязав мешок, он показал сбившихся в кучу волчат.

После того, как откопал Митягу, добыть волчат с его комплекцией ему было несложно.

Почесывая затылок, тихо удивлялся:

— Вот ведь курьёз, а? Совсем случайно шёл этой дорогой. Словно кто толкнул меня в спину.

«Чему быть, того не миновать», — на этой формуле мы все трое сошлись тогда, объяснив благополучный исход митяговской вылазки.

... — Ну, что ж. Хоть твоё логово и ничего, — Митяга, освоившись, прошёлся по кабинету. Зачем-то, выглянув в окно, потрогал подоконник, — но надо торопиться к вечернему автобусу.

Однако его что-то всё-таки задерживало.

— Я что хочу сказать? — заговорил он. — Вот ты думаешь, что командуешь заводом? Трудно возражать. Но всё равно кто-то руководит всеми нами. И тогда в овраге кто-то вмешался и сделал по-своему. Не Бог, нет. Я — безбожник, а вот кто-то есть, кто всем этим правит. Он всё видит. Но странно, когда хочет — вмешается. А то отпустит вожжи: «Делайте, как хотите! Я посмотрю, чего наковыркате, если что, подправлю». Не думаю, что потешается над нами. Просто изучает.

— Митяга, ты стал к старости мистиком.

— Не знаю. У меня десятки случаев в памяти, которые не могу объяснить по-другому. Будто между нами, людьми, кто-то ещё есть, но его не видно. Возьми Циолковского. Почему вдруг поверил, что можно и нужно готовиться летать в космос? Его подтолкнули. Они!

— Кто — они?

— Не знаю! Те, кто умнее нас с тобой, кто всё видит. Может, Циолковский и не понимал, что его подталкивают. Он делал

дело. Но, верю, если бы его сейчас спросить: есть кто там, на небе, умнее нас и грамотнее, кто влияет на нас, он бы, не задумываясь, ответил: «Есть!». Вы — люди грамотные, учёные, почему-то помалкиваете на этот счёт. Мне с моими двумя классами молчать не резон. Знаешь, что сказал философ Метродор около ста лет до нашей эры?

— Не помню, — попробовал я пошутить.

— Я бы тебе по записке прочитал, выписал. Но она дома. Нелепо считать Землю единственным населённым пунктом в мировом пространстве. Это так же глупо, как говорить, что на огромном засеянном поле может расти один только пшеничный колос. Крепко сказал, правда?

Грамотных много, а не сразу всякий скажет, за что семнадцатого февраля в одна тысяча шестисотом году в Риме сожгли на костре Джордано Бруно, а? — Он прицелился в меня своими хитроватыми глазами и продолжал: — А я скажу!

Митяга говорил горячо, будто разговор шёл о сегодняшних событиях, связанных конкретно с ним или его земляками.

— Мерзавцы сожгли его за утверждение, что вокруг Солнца кружится огромное количество земель и солнц. На них живут разумные существа похлеще нас с тобой. Каково?

Я смотрел на него, разгорячённого. Видно было, что говорит искренне, не дурачась.

— Они и сейчас, слушая нас с тобой, думают: вот Митяга — умный мужик, а ты, Виктор, не вдумчивый. Некогда тебе думать.

— Слушай, ты пьёшь?

Ответил Роман:

— Нет, и курить бросил. Перечитал всю нашу библиотеку в селе...

Снова вступил Митяга:

— Ладно, начальник. Нам надо ехать, а ты подумай...

Они уехали. А я вот теперь думаю...

Последняя неделя ознаменовалась большими событиями. Мы посчитали, во что обходится в связи с новыми налогами на импорт, экспорт и добавленную стоимость новое производство полиэтилена, которое намереваемся начать строить. К нашему кредиту, который берём для этой цели, необходимо добавить

ещё сорок семь миллионов немецких марок. Враз возникло удорожание на пятую часть общей стоимости проекта. Надо решать: отказаться или искать дополнительно средства.

Энергетиков донимают за долги газовики, и они твёрдо заявили, что остановят за неплатежи соседний нефтехимический комбинат. Тогда возникнет проблема с городскими стоками. Большая часть их проходит очистку на этом предприятии и незначительная — на нашем. Комбинат даёт воду на ТЭЦ для котлов и вообще на всю хозяйственную деятельность, в том числе, и нашего завода. Если он полностью остановится, то парализует и эту сферу.

Сегодня воскресенье. Выполняют энергетики ультиматум или нет? Начало следующей недели покажет. Надо как можно быстрее ликвидировать кризис неплатежей и выплатить долги государства трудящимся. Вернуть хотя бы половину аграрному сектору и ВПК. Вот тогда что-то сдвинется с мёртвой точки. Опосредованно, но дойдёт волна до нефтехимии, до общих сфер народного хозяйства, до города. Ну, а если...

Образовался круг, где несколько партнёров друг другу должны. Этот круг разорвать можно только государственными организационными и финансовыми движениями. Кстати говоря, и оппозиция в Госдуме этого требует. В то же время, судя по готовящемуся бюджету, усиление государственности может обернуться на деле линией на дорогое государство. Увеличится налоговое бремя, исчезнут стимулы в производственной деятельности. Есть опасность прийти к карточной системе и к авторитарному режиму. Экономика может быть сильна только своей валютой и стабильностью, а не силовыми решениями в сфере налогов, таможенных сборов и всего прочего. Это составляющая регулирования, но она не должна превращаться в основную.

...Сейчас говорят, что искусство у нас гибнет. Но, к сожалению, чаще переломные времена и рождают великие произведения.

Произведения великие, а жизнь мерзкая. Возьмём «Тихий Дон» Шолохова. Гениальное произведение! Но сама гражданская война, жизнь, быт во время неё? Вражда между русскими (брат на брата, сын на отца...). Это — ад. Это — трагедия. Увы,

успехи искусства связаны с потрясениями в обществе, в самой жизни. Пройдёт десятка два лет... увидим, кто прав.

«Факт», — как говорит Давыдов в «Поднятой целине».

Кстати, первоначальное авторское название этого романа было, кажется, «С потом и кровью». И это название ближе к жизни. Но у искусства — свои законы.

Удачный день! Только что приехал от руководства энергонадзора с подписанным важным договором. Но всё по порядку.

Неделю назад ко мне подошла работница нашего финансового отдела и, сверкая своими цыганскими глазами, протянула листочек.

— Что это?

— Виктор Сергеевич, вы уверены, что вовремя построите обе установки по очистке продукции, которые должны нас спасти от краха в этом году за счёт нового качества и снижения себестоимости?

— Да, Регина Арсентьевна, обязательно. Иначе мне следует застрелиться. Заводу не на что будет жить.

— Но ведь несколько месяцев, пока не будет установок, тоже надо как-то прожить, верно?

— Разумеется. Над этим и ломаю голову!

— Я тоже немножко подумала и решила: вы такой у нас симпатичный мужчина, вас надо беречь! Не торопитесь стреляться!

— Да уж, — неуверенно произнёс я.

— Что нужно? Необходимы стабильные цены хотя бы на энергетику, хотя бы на год, верно?

Она стала ходить около меня кошачьими шажками.

— Верно, — согласился я и почувствовал себя во власти этой хрупкой женщины, как прохожий — в коготках цыганки-гадалки.

— И надёжный сбыт на это время продукции, верно?

— Конечно.

— Сбыт, как я понимаю, есть. Остаётся заморозить цены на пар.

— Но как?

— Договориться с энергетиками, чтобы они давали его по ценам, установленным на начало года.

— Да они их в течение года ещё сколько раз повысят!

— Разницу между текущими тарифами и ценой на начало года оформить векселями с погашением в девяносто пятом году, когда разбогатеем!

— А если не разбогатеем? Речь идёт о десятках миллиардов. Придётся расплачиваться акциями завода.

— Оставьте эти проблемы на следующий год. Не мне вас учить.

— Регина Арсентьевна, можно, я вас поцелую?!

— Ну-ну, Виктор Сергеевич, надо держать дистанцию. Я — ваша подчинённая. И потом, у нас много женщин на заводе, готовых вас поцеловать. Как быть с остальными?

— Столько вопросов сразу! — не нашёлся я.

— Есть ещё один. Надо уговорить энергетиков, хотя они корпоративно должны быть заинтересованы. Я предлагаю, по сути, кредит.

— Хотите сказать, что, если и согласятся, то с начислением процентов по векселям?

— Конечно! Но это лучше, чем кредит в банке. Намного облегчится проблема с оборотными средствами.

— Несомненно, — согласился я.

— Ну, я пошла. Записочку не оброните. Там я в цифрах кое-что прикинула.

И она упорхнула! Маленькая, красивая!

И вот у меня на столе лежит подписанный договор, основанный на её предложениях. Это первое такого рода соглашение в нашей области. Есть ли вообще в стране? Отдушина на год найдена. Да какая!

В руках — одиннадцатый мартовский номер газеты «Экономика и жизнь». Такая вот информация: в феврале более четырёх тысяч предприятий России имели длительные остановки всех или отдельных производств. Потери рабочего времени составили 22 миллиона человеко-дней, или 18% табельного фонда. В дополнительный неоплачиваемый или частично оплачиваемый отпуск по инициативе администрации в феврале отправлены 22% работников остановившихся предприятий. В истекшем месяце бастовало двадцать восемь предприятий топливной промышленности. В результате потеряно шестьде-

сят тысяч человеко-дней рабочего времени. За январь и февраль промышленное производство упало на двадцать четыре процента в целом к соответствующему периоду прошлого года. На практике это означает закрытие около ста заводов. «Представьте себе, сто директоров бродят по стране, — сказал Григорий Явлинский на заседании Государственной Думы, — а завтра их будет двести».

В этих условиях, по его мнению, важны не столько абсолютные цифры, сколько сам факт. Тысячи других директоров ведущих предприятий ждут банкротства, тогда и они присоединятся к вышеперечисленным.

Мы решились строить новое общество. По новым для нас законам, законам капитализма. Но у капитализма порой они волчьи...

И уже нарождается новая порода людей. И волчата пробуют зубы.

В начале этой недели вечером в подъезде собственного дома избил возвращавшегося с работы генерального директора соседнего акционерного общества. Ранее ему неоднократно угрожали.

Мало того, что предприятие почти стоит, совершенно нападение на первого руководителя. Я с ним встретился, разговаривал. Лицо всё побито, в подтёках.

Такое же, в болезненных гримасах, и лицо нашей российской промышленности.

Фамилия его Гуляев. Я делаю акцент на фамилии потому, что она для её владельца значима. И в моём рассказе этот факт немаловажен. Гуляев рассуждает примерно так:

— Фамилия очень много определяет в характере человека. Вот мой начальник — Лавров. Что у него самое главное в желаниях? Быть начальником! Но так, чтобы кто-то потел, работал, а лавры — звания, успех, уважение — мимо него, Лаврова, не проскакивали. Он себе сидит в кабинете, мало во что вмешивается. Но лавры! Будьте добры, поделитесь! Знайте своё место! А мне, с моей фамилией — погулять, повеселиться, поездить, людей посмотреть. Сам Бог велел!

В понятие «погулять» вкладывает свой смысл: покрасоваться, похороводить с известной долей куража. Он очень живой, яркий. Карие глаза, смуглое лицо, очевидно, наследство деда-грека, постоянно освещено белозубой улыбкой. С ним всегда что-то происходит, чаще забавное и смешное, поэтому в его обществе интересно. Я заметил, он сам не против, чтобы с ним случались всякие происшествия. Сам немножечко их режиссёр. Но от этого ещё более заразительно его поведение, а иногда даже одно его присутствие. Часто рассказывает всякие истории о себе, порой рискуя показаться в не очень привлекательном свете, и этого не боится.

На моё пятидесятилетие один из друзей подарил картину с пожеланиями, написанными на тыльной стороне. Там есть такие строки: «Желаю тебе любить жизнь, как любит её Гуляев».

Мы, русские, не очень любим жизнь и потому-то не очень умеем жить. Надо признаться в этом. Но это — другая тема.

Вот один из рассказов Гуляева:

«Практически это была моя первая поездка за границу. Ну, посещал в составе партийно-хозяйственных, как тогда говорили, делегаций Румынию, Польшу. А тут — Италия! Фантастика! Расскажу про обед в национальном ресторане. Их — пять человек. Нас — двое. Я — главный инженер, представляющий наш институт, со мной начальник финансового отдела, тихий Василий Васильевич — интеллигент, внешне напоминающий артиста Вицина.

Самое интересное началось, когда подали спагетти. Я до того не ел их ни разу. А тут ещё окружение! Очевидно, со стороны моё верчение вилкой с наматыванием на неё макарон и попытки как-то всё это отправить прилично в рот не выглядели уж очень несуразными. Какой-либо заметной реакции на этот счёт не было. Я успокоился. Вижу, Василь Васильевич — тоже не центр всеобщего внимания. Слава Богу! Думаю: скорее бы съесть. Но не тут-то было. Внезапно возникает около меня импозантный, уверенный в движениях итальянец, сильно похожий на Челентано. Спрашивает у меня через переводчика: «Извините, сеньор, что это за блюдо у вас?» Чёрт те знает что, итальянец не узнаёт собственное национальное блюдо! Что ему отвечать? «Это — спагетти», — говорю. «Вы это называете спагетти? Вы сами придумали или вам кто-то сказал?»

— Меня угощают друзья.

— И это вкусно? — спрашивает. Не подводить же моих друзей? Я утвердительно киваю головой. «Дайте попробовать». — «Пожалуйста, они вкусные. Очень!» Я смотрю на итальянских партнёров. Они спокойны и невозмутимы. «Челентано» берёт мою вилку, искусно манипулирует ею у меня под носом, картинно поднимает чуть не всё содержимое тарелки над столом. Смотрит внимательно и говорит: «Нет, я пробовать не стану. Спагетти дурны!». Господи, думаю, отвяжется он от меня или нет? И почему мои друзья молчат? А ресторанный публика смотрит на нас и чёрт его знает, как себя вести! Откуда я знаю, дурны или хороши эти макароны! В следующий момент проявляется какой-то намёк на логику поведения «Челентано». «Господин, не волнуйтесь, — галантно обращается он ко мне, — я директор этого ресторана, сейчас распоряжусь поменять блюдо, а повара накажу». Переводчик не успевает пояснять, но я и так всё понимаю. Директор зычно требует позвать повара, который готовил эти «гнусные» спагетти. Прибегает перепуганный, втянувший голову в плечи, огромный, слонообразный человек. Между ними завязывается диалог. Шум его слышен на весь ресторан. Смысл лаконично передаёт переводчик: «Он его, говоря по-русски, как это, «стирает с землёй» или, вернее, «стирает в порошок». Ничего себе, думаю, манеры. Угловым зрением вижу, мой Василь Васильевич готов спрятаться под стол. «Вон отсюда, — кричит вдруг разгневанный директор. — Вон, и чтоб через пару минут здесь были настоящие спагетти!» Переводчик еле успевал переводить. Повар неуклюже пятится, очевидно, не столь оперативно, как требовалось. Разъярённый директор хватается со стола большой нож и широко замахивается на бедного повара. Секунда — и повара нет. И в тот момент, когда дверь в «кухонное царство» захлопывается за его спиной, директор ставит точку: ловко пущенный нож вонзается в дверь. Я не верю своим глазам! Где нахожусь?! В джунглях? Не дурной ли это сон? «Господа, я приношу вам извинения. Вас сейчас обслуживают по высшему разряду. Вы получите компенсацию», — директор, откланявшись, удаляется. «Вот сервис, куда уж нам», — говорит Василь Васильевич, доставая свою тарелку со спагетти из-под стола.

Только перед нашим уходом итальянцы признались: всё, что произошло в ресторане, — трепетированная дежурная шутка оригинального директора. Действительно, сервис!».

Ничего неожиданного нет в гуляющих по Москве слухах о готовящемся государственном перевороте. «Комсомолка», «Известия» пестрят статьями о вариантах заговора. Но ни политики, ни население, по-моему, серьёзно эту возню уже не воспринимают.

Кружится в воздухе мнение, что ждать осталось недолго. Момент истины должен проявиться где-то в конце мая-начале июня этого года. Неконтролируемый распад экономики может начаться летом. Думаю, это не так. Как бы я вообще хотел уйти от разговора на эту тему. Но большинство аналитиков так или иначе называет эти сроки. Правительство отказалось ввести чрезвычайное положение в экономической сфере. Разговоры о крушении национальной экономики, гиперинфляционных процессах отвергаются, и делается это достаточно бодро и активно.

Из газет: «22 марта 1994 года в 20.58.01 по московскому времени в районе Междуреченска потерпел катастрофу пассажирский самолёт-аэробус А-310-300 «Глинка» авиакомпании «Российские авиалинии», выполнявший рейс по маршруту Москва-Гонконг. Все находившиеся на борту 75 человек погибли».

Не исключается, по мнению сотрудников по чрезвычайным ситуациям Министерства транспорта России, что совершён террористический акт. Но правду расскажет только «чёрный ящик».

Около столовой случайно встретился с бывшим работником нашего завода — заместителем начальника одного из цехов Скорняковым Александром Ивановичем. Два года назад настигшая его в тяжёлой форме стенокардия вынудила уйти на пенсию. На вопрос: «Как жизнь?» — ответил:

— Туговато с деньгами, пенсия всего пятьдесят шесть тысяч.

Средний заработок по городу — сто восемьдесят тысяч рублей. Против той, которая была у нефтехимиков пять лет назад, меньше половины. Не густо.

— Но мне много не надо. На еду хватает. Зато узнал, что у жизни имеется и другая сторона. Хожу с внуком на рыбалку, в театр.

Оказывается, есть другая, не менее интересная жизнь, когда ты предоставлен в значительной степени себе. В сущности,

я не принадлежу себе. Нет времени сосредоточиться на своей персоне, на семье. Дети растут как-то сами. Жена управляется без меня. В таком ритме живёт большинство руководителей, которых знаю.

Интересная штука — пенсия. Посмотрим.

Посидим ещё на лавочке у дома. Если доживём...

На сегодня в бюджете города пусто. Наш завод переплатил по итогам прошлого года миллиард рублей. Пытался через налоговую инспекцию деньги вернуть, но её начальник не может решить это сам. Нет денег для возврата. Это было бы не так грустно, если б не было ясно, что второй квартал вообще не принесёт прибыли. Не будет её и у соседей. Пополнения городской казны ждать неоткуда. Мелкие предприятия, товарищества, кооперативы лопаются, как мыльные пузыри. В основном, из-за непосильных налогов и разрыва связей, нестабильности. Много рэкета, угроз. Откуда ждать поступлений в бюджет?

Мне рассказывают знакомые, что некоторые преподаватели вузов запросто прекращают лекции, мотивируя тем, что надо идти на рынок продавать товар. Доценты занимаются челночным бизнесом. На преподавательскую зарплату прожить невозможно. Она в два раза меньше стоимости потребительской корзины. Трудно академической науке. Невозможно нормально учить детей. Критерии, приоритеты у многих студентов теперь другие. Они видят, что можно не учиться, а зарабатывать больше дипломированного специалиста. Печально. Но это нельзя ставить в вину молодёжи. Виноваты мы, старшее поколение.

Интересно, кто будет работать в XXI веке? Кто будет руководить нами? Где сидит (учится) сейчас министр образования, министр экономики? Что делает сейчас наш будущий премьер? О чём они думают?

В середине прошлой недели звонил из Москвы один из чиновников, курировавший нашу отрасль ещё в том, советском министерстве. Спросил:

— Ну, как дела на полиэтилене?

- Нормально. Стоим.
- Как — стоите?
- Очень просто. Четвёртый месяц уже. Полиэтилен убыточен.
- А как фенольное производство?
- Стоит, как и полиэтилен...
- А что ещё остановлено?!
- Остальное работает.
- Как нагружено?
- Процентом на восемьдесят.

Лет восемь назад этот разговор показался бы дикостью. Министерский чиновник мог позвонить в час ночи, в субботу, в воскресенье не только на службу, но и домой. Мог потребовать одну-две цистерны продукции сверх плана. Контролировалось всё и вся. И попробуй не выполнить! Тогда была одна крайность, которая не давала свободы, душила. Сейчас — другая. Теперь никто никем не руководит. Никто ничего не координирует. Нет источника, в котором можно почерпнуть информацию, сделать прогноз на ближайшие месяцы по выпуску продукции в целом по России. Никто не занимается народным хозяйством системно.

Деньги становятся другими. Если раньше их перевозили, в основном, пенсионеры, то теперь — парни, как на подбор: молодые, здоровые, все спортсмены. Каждый обучен на курсах повышения квалификации. Здесь и отработка приёмов рукопашного боя, и стрельба из пистолета, автомата, и общая физическая подготовка. В апреле лучшим инкассатором в нашем городе признан Юрий Тюнин — мастер спорта. В составе делегации областного управления он поедет во Францию изучать, как перевозят тамошние инкассаторы франки.

Апрель

Оборотных средств не хватает. Задушила предоплата. Это новое явление нашего времени. Суть её в том, что железной дороге, например, необходимо оплатить более половины, чтобы она приняла груз к перевозке; поставщикам сырья авансом покрыть половину его стоимости. Душат неплатежи, ульти-

мативные требования партнёров. При существующей системе налогов нет возможности ни развиваться, ни пополнять оборотные средства. Налоги поглощают до семидесяти процентов прибыли. Что получается? Десятилетия железная дорога, энергетика не получали требуемых средств. Нужны были капитальные затраты. И теперь, когда враз всё рухнуло, необходимы срочные, но умные меры, а не повышение налогов на фоне общего спада объёма производства. Работающих промышленных предприятий всё меньше. Прошла информация, что на тридцать предприятий области подготовлен документ о банкротстве. То есть, они уже в черновом списке числятся как банкроты.

Не могу, не хочется верить!

Два дня назад Скорпиона положили в травматологию. Возвращался вечером домой. На остановке набросились подростки, человек пять. Ударили сзади по голове, сшибли с ног, раздели и разбежались.

Волчата. Зубы режутся.

В недавней поездке в Москву попутчиком оказался крепкий семидесятилетний мужчина. Язык не поворачивается назвать его стариком. Выбрит, постоянно в галстукe, активен в разговоре, определённый в суждениях. До недавнего времени работал в строительном главке. Был замдиректора по капитальному строительству при возведении ГЭС им.Ленина на Волге, КамАЗа, АвтоВАЗа в Тольятти. Работал, как он говорит, с темна до темна, включая выходные. Не заметил, как дети выросли, как сам стал пенсионером. Очень много рассказывал забавных подробностей из быта строителей тех времён. Но каждый раз возвращался к одному: «Почему нас всех огульно охаяли при перестройке? Да, мы — коммунисты, но разве не мы создали индустрию страны, разве не мы положили все свои годы и силы в работе?».

Он говорил, не дожидаясь ответа, знал его заранее.

— Мой генеральный часто не ездил домой ночевать. Жил в кабинете. Мы ему, чтобы сшить новый костюм, мерку снимали в тот момент, когда он спал на диване, иначе поймать не могли, а теперь говорят — «номенклатура», «коммунисты», клеймят

по-всякому. Кто-то гнул ложную политику, а кто-то — спину в работе. Обидно. Сейчас пенсия — тьфу, говорить стыдно, на дорогу в Москву и обратно не хватает. Куда дальше? Вот, сел писать книгу о таких, как я. Нас ведь обокрали и оболгали.

— Кто, — спрашиваю, — те, кто при перестройке, или после?

— И до перестройки, и при ней, и после неё. Человека труда всегда обидают.

Пожелал успеха в его писаниях. Хотя... Об этом уже столько сказано и написано. Разве что, пропущенное через личное восприятие, личный опыт и потери, зазвучит по-новому? Молодой талант и крепкий жизненный опыт так редко сочетаются. Но кто знает, может, уже сейчас где-то в тиши зреет художник, который через несколько лет скажет своё слово. Как молодой Шолохов, о своём времени. И мы сами себя узнаем и многому удивимся. И... ужаснёмся!

Прошедшую ночь мои домашние не спали. Вчера вечером отвезли нашу сноху Лёну в роддом. Ночь пребывали в тревожном ожидании. Всё прошло нормально. В восемь утра родился внук. Первый внук! И уже в этот день я узнал, что его решено назвать Виктором, в честь деда, то есть меня. Испытываю смешанное чувство. Дед со стороны матери, мой сват, когда мы поздравили друг друга, заплакал. Я принял всё не так сентиментально. Не успел ещё постареть в свои пятьдесят лет и два месяца.

Я рад, что вытацил сына с женой в Сосновск и внук родился здесь, у нас.

Помню, как было строго, когда рождались мои детишки. Теперь в первый же день рождения и бабу, и деда, даже тётку и, конечно, отца допустили к новорождённому. Отец, помыв руки и облачившись в белый халат, подержал его на руках. Младенец быстро успокоился, перестал плакать. Схватив отцовский палец, поднёс ко рту и начал сосать.

До мельчайших подробностей помню обстоятельства, при которых родилась дочь Соня. Я работал тогда заместителем начальника цеха. Был в отпуске у матушки в деревне. Уехал и не рассчитал: у жены начались роды. Мне позвонили. На другой день примчался в город. Перед посещением роддома за-

скачил домой переодеться. Только снял рубашку, стук в дверь. Открываю — посыльные с завода. Оказалось, что в семь часов двадцать минут в тот день, когда наступили роды, наш цех взорвался полностью. Погибли три человека. Один из них, Николай — старший аппаратчик, мой коллега.

Через двадцать минут был в цехе. Завод стоит. Прибыли из Москвы три заместителя министра. Комиссия занимается расследованием. Кипит работа по разбору завалов. Я попал в роддом только на пятые сутки. Посылал жене записки прямо с места аварии. О взрыве молчал. Врал, что заболел начальник цеха, обострилась язва желудка, лежит в больнице. Никак не могу вырваться. Трое суток, днём и ночью, около двухсот солдат помогали разбирать завалы. Искали погибших. Нашли на четвёртый день, когда я первый раз уехал домой поспать. Перед окном палаты, где лежала жена, появился на пятый день. Увидев меня, она погрозила кулачком. Оказывается, накануне парень с соседнего завода, у которого жена в той же палате, стоя под окном, объявил громогласно:

— Мы уже почти неделю разбираем на соседнем заводе взорвавшийся цех, — и назвал номер цеха и мою фамилию.

...В самый последний момент, когда жена позвонила и сказала, что можно забирать её и Соню домой, члены комиссии, находившиеся в соседней комнате, потребовали объяснить одну особенность пуска реактора. Им показался подозрительным температурный режим. Минут через тридцать-сорок я освободился. Но время потеряно. Час пик прошёл, автобусы ходят редко. Когда приехал в роддом, моих там уже не оказалось. Обнаружил их дома за холодильником. Услышав мои шаги по лестнице, жена, шутя, вместе с дочерью спряталась. Радость, конечно, была большая. Но и огорчения от того, что опоздал, никуда не денешь.

— Около получаса посидела с ребёнком внизу, тебя всё нет, — рассказывала жена. — Ждать показалось нелепым. Да и окружающие смотрели, как на человека, к которому некому прийти. Отправились домой.

...Моей вины в аварии не было; за двенадцать предшествовавших ей дней каких-либо технологических осложнений и причин, способных повлечь за собой взрыв, не обнаружено. Таков вывод комиссии...

Цех подняли в рекордный срок — за три месяца. Досталось всем крепко. Это и громадная школа. Две недели не выходил из проектного института. Вся документация на восстановление прошла через мой контроль. Чуть позже руководство завода предложило мне возглавить соседний цех.

В системе, существовавшей до перестройки, многое можно критиковать. Но оперативности, чёткости, отлаженности работы производства позавидуешь! На восстановлении задействовали все необходимые силы и средства области. Кроме троих замминистров, заместителя начальника главка, несколько раз приезжал и тогдашний первый секретарь обкома партии Виктор Павлович Стропилин. На меня он произвёл впечатление человека сильного и жёсткого. По уровню интеллекта явно выделялся среди своих подчинённых. Одно его появление приводило в движение очень многое. Сейчас, если случится подобное, ни средств, ни сил, ни воли, кроме как у заводского руководства, не будет ни в каких инстанциях. Всё придётся делать самим, на свои деньги, своими нервами. Нет структур, которые бы этим занимались, ни в регионе, ни в России. Техника безопасности, уровень обучения сейчас должны быть намного выше. Мы это давно поняли и держим вопросы безопасности под особым контролем. Только поэтому уже несколько лет не допускаем каких-либо нарушений чрезвычайного характера.

Май

В этом году бывший День солидарности трудящихся совпал с Пасхой Христовой. И, может быть, от того возникло ощущение, что праздники нынче пройдут более спокойно, более миролюбиво, хотя и планируются массовые манифестации и демонстрации в Москве. У нас в городе, скорее всего, не будет политических демонстраций. Очевидно, всё-таки мы вступаем в цивилизованное русло развития. Хочется в это верить.

У меня в руках открыточка: «Христос Воскресе, уважаемый Виктор Сергеевич! Примите сердечные поздравления с праздником святой Пасхи. Воистину Воскресе! С молитвенными пожеланиями, епископ Самарский, Сызранский — отец Сергей».

Нельзя было года два-три тому назад представить подобного проникновения Церкви в повседневный быт российского гражданина. И это уже знаменательно! Приветствую такой образ жизни.

С отцом Сергием познакомился в доме отдыха, когда ещё жил и работал под Самарой. Интеллигентный, спокойный, воспитанный человек. Мы сыграли несколько партий в бильярд. Он подарил мне две духовные книги. А недавно попросил изготовить два десятка подсвечников для церквей. На прошлой неделе мы просьбу выполнили.

Газеты пестрят заголовками статей о приезде на АвтоВАЗ Гайдара. Сам Егор Тимурович заявляет, что цель — встреча с избирателями. Но, конечно, — и организационная работа по созданию партии «Выбор России». Меня, прежде всего, интересуют его высказывания в газетах и на телевидении о финансово-экономическом состоянии страны.

В газете «Дело» за 22 апреля 1994 года читаю: *«Погашение взаимозадолженности и вообще любые меры по урегулированию проблемы за счёт ослабления кредитно-денежной политики, как показывает богатый опыт, приводит, прежде всего, к результату, строго обратному ожидаемому. Если финансовая ответственность низкая, то неплатежи всегда высоки. В общем-то, если можно не платить, то зачем платить? Ведь можно деньги пустить в дело и получить прибыль. Там, где жёсткое законодательство о банкротстве, там, где жёсткая финансовая ответственность, там нет неплатежей. Есть одна проблема, в которой вина Правительства огромная, это — неплатежи самого Правительства. Правительство берёт на себя крупные обязательства, а потом не выполняет, что, к сожалению, активно делалось в начале 1993 года. Это сильно мешает нормальной экономической работе и дискредитирует государственную власть... Оживление наступит примерно через год после того, как инфляция упадёт ниже трёх процентов в месяц. А вообще проблема большинства заводов, которые сейчас на грани остановки или уже остановлены, в их руководстве. Единственное, что может помочь большинству предприятий — смена руководства».*

Что же получается? Самый большой должник — государство. Оно не выполняет свои обязательства. В то же время обвинение бросается руководителям, которые не могут, якобы, возглавлять предприятия, ибо они неплатёжеспособны. У нас порочный круг неплатёжеспособности. Вину валят то на Правительство, то на предпринимателей. Не верю, что смена руководителей предприятий выведет страну из кризиса. Сам Гайдар тут же утверждает, что кризис преодолеем тогда, когда инфляция будет ниже трёх процентов. Тогда при чём здесь руководители? Их замена даст кредит времени нашим политикам от экономики? И больше ничего! Но ведь для предприятий это явно нежелательно. Как у идеологов наших реформ, за которые, кстати говоря, и я голосовал, поднимается рука огульно на всех директоров. Ведь это — громадная армия многоопытных, талантливых россиян, которых скопом подводят под ранг недееспособных. А семьи, родственники и близкие, их судьбы? И всё одним росчерком, одним жестом?! Не исключая ветеранов, участников войны, классных умельцев-производственников, рабочих-мастеров! Все — заложники каких-то мистически ожидаемых результатов реформ, суть которых в общем плане понятна всем, но нет ни механизма, ни программ реализации, согласованных с народом. Не ошибается только тот, кто ничего не делает, тот, кто не работает. Кто занимается практической деятельностью, несомненно, может ошибаться. Но это промахи, не определяющие состояния нашей экономики в целом. Генеральный директор акционерного общества АвтоВАЗ В.В.Каданников в сердцах заявил со страниц областной газеты, что у него назрело желание выйти из нашего государства. Интересно, куда?

Творится несуразное не только в нефтехимии и нефтепереработке, но и на многих промышленных гигантах. АЗЛК — второй крупный производитель автомобилей в России — работает по графику, установленному в январе: три дня в неделю, собирая по пятьсот машин в сутки. Последняя остановка главного конвейера АЗЛК в первой половине марта связана с нехваткой финских двигателей. Сейчас двигателей достаточно для нормального ритма производства в течение ближайших двух недель, но только сокращённых...

На крупнейшем предприятии «Нижекамскшина», где в коллективе шестнадцать тысяч человек, средняя зарплата ра-

бочего — сто пятьдесят тысяч. Путёвка в Сочи — пятьсот пятьдесят тысяч. Пожалуйста, бери отпуск, езжай в Сочи, отдыхай и потом три месяца сиди без денег, ищи подножный корм.

Земля всегда как-то выручала. И сейчас помогает. Поэтому резко возросла потребность в огородах, дачах, земельных участках. В выходные, на праздники большинство наших работников да и соседних предприятий — там. Хорошо, что мы обеспечили земельными участками всех желающих.

Двадцать дней, как родился внук. И все они заполнены хлопотами вокруг нового человека, маленького, но так крепко сплотившего вокруг себя всех нас. Много волнений и хлопот. Сегодня у его матери температура. Вернувшаяся с работы жена вся в заботах.

Когда внука привезли домой, такого трогательного, беспомощного, я, наивный, вдруг подумал, что, видевшие рождение ребёнка люди, которые были рядом с ним с первых минут появления на свет и которые ощутили это трогательное, щемлящее чувство к крохотному ростку незащищённой человеческой жизни, неповторимости её, не могут потом поднять руку вообще на человека, причинить физическую боль.

Его отец уехал в Москву. Через день позвонил и на вопрос: «Как доехал?», — ответил:

— Нормально, но с маленьким ЧП.

Оказывается, поезд остановили на полдороге. Поступил звонок из железнодорожной милиции о том, что заложена мина. Прибыли сапёры. Подогнали запасной состав, перегрузили пассажиров. Потеряли на этом четыре часа. Как потом сообщило телевидение и местные газеты, мину не обнаружили. Какой-то умник вздумал позабавиться. Шутка, разумеется, дорого обошлась и железной дороге, и пассажирам. Курьёзно: в одном из вагонов в сумке нашли деньги — около десяти миллионов рублей. Хозяин так и не объявился.

Резко падает выпуск большинства видов продукции самого различного назначения. Ни экономисты, ни практики — никто не ожидал таких темпов снижения общепромышленного производства. Увеличилось число простоев и полной остановки предприятий. Отпуск цен на энергоносители стал практи-

чески первым толчком к деградации нефтехимии в целом. Её поставили на грань катастрофы. Из наукоемкой, приоритетной нефтехимия превращается, пожалуй, в одну из самых бедствующих отраслей. В прошлом году нефтехимия в целом и наше акционерное общество ещё как-то успевали реагировать на ценовой рост, но трёхкратное повышение тарифов на электроэнергию с начала нынешнего года привело к потере платёжеспособных потребителей на внутреннем рынке из-за высокой цены продукции.

На внешнем рынке себестоимость продукции превысила мировой уровень. В чём причина? Нефтехимия почти самая уязвимая отрасль в нынешних условиях. Она всегда была энергозатратной, сегодня же практически энергорастратна. У нас в себестоимости продукции от 30 до 40% составляют расходы на энергетику.

А ведь наша нефтехимия занимала когда-то второе место по выпуску продукции после США...

На этой неделе Борис Ельцин был в Германии. Основная цель: условия вывода российских войск. Визит сам по себе, как и предполагалось прессой, социологами и политологами, оказался бесконфликтным. Все необходимые документы подписаны, оценка встречи обеими сторонами — положительная.

Визит этот мог бы быть примечательным и для нашего завода. Я напряжённо следил за посвящёнными ему телепередачами. Дело в том, что месяца за полтора мы послали Ельцину письмо с просьбой рассмотреть проблемы реконструкции завода, в частности, вопросы строительства установки по производству полиэтилена. Я уже говорил об этом. Мы были готовы строить. Но изменили систему таможенных пошлин. Ввели спецналог на ввозимое оборудование. В связи с этим выросла стоимость нашего контракта на сорок семь миллионов немецких марок. Это усложнило экономическую ситуацию на заводе. Денег таких мы не имеем. Попросили Бориса Николаевича оставить условия налогообложения и таможенных пошлин на период строительства те, которые действовали на момент заключения контрактов.

Письмо из Администрации Президента пошло в Правительство, конкретно им занимались работники Минэкономики. Как

сообщили высокопоставленные чиновники, все документы министр экономики Шохин должен был взять с собой в Германию ещё и потому, что наши германские партнёры просили своё Правительство, пользуясь обстоятельствами, как-то коснуться этого вопроса. Кроме того, немцы попросили министра найти время встретиться с ними в Германии.

Делегация приехала, и, возможно, проявится какое-то решение. Во всяком случае, готовлюсь к тому, чтобы докладывать в Правительстве, как в своё время я это делал тогдашнему вице-премьеру Лобову.

Кажется, Декарту принадлежат слова: «Пока живу — надеюсь, пока надеюсь — живу». Мой коллега, директор, который уже смирился с тем, что его предприятие — банкрот, сказал мне:

— Смотри на это дело философски. Всё пройдёт!

Конечно, всё пройдёт, всё перемелется. Но обидно работать непрофессионально, не на полную катушку. Досадно не иметь результатов, которые могли бы получать. Ему, наверное, так говорить можно. От всех передряг заболел сахарным диабетом и это здорово повлияло на него. По сути дела, капитулировал.

Между прочим, мне тоже в своё время пришлось пережить нечто подобное. Лет пять назад перенёс на ногах воспаление лёгких. Началось с простуды, потом — бронхит. Дошло до того, что на третий этаж без отдыха до своей квартиры подняться не мог. Обратился к врачам. Диагноз — пневмония, попал в больницу. Пролежал три недели. С заводом, безусловно, связь держал, но было и интенсивное лечение. Когда появилась возможность прислушаться к себе, пожаловался врачам на странные боли в ногах. Инна Ивановна, терапевт, заставила сделать полный анализ крови и мочи на сахар. Обнаружила сахарный диабет! Тут же вспомнился рассказ моей бабушки о том, как заболел этой болезнью её первый сын.

Заговорил о болячках и всплыл в памяти один случай, который произошёл со мной и о котором никому, кроме жены, не рассказывал. Года через полтора после пневмонии вновь оказался в больнице, уже в хирургическом отделении. Рассмотрелся всякого. Было и такое, когда больные умирали. Кроме

меня, в палате ещё пять человек. Кто после операции, кто до неё. Недели две с половиной, уже после операции, прошли более-менее спокойно. Но однажды не спал всю ночь. Не мог понять, почему. Стало не по себе. Был я ходячий. Встал, сделал перевязку в процедурной и... неудержимо захотелось домой. Позвонил шофёру, он приехал. Будто подчиняясь какому-то зову, собрал вещи и тайком от врачей уехал.

Минуло уже четыре года, но хорошо помню, как вошёл в подъезд. Поднимался на третий этаж, озираясь по сторонам. Словно чего-то боялся, ждал или хотел скорее узнать. Дверь открыла дочь. Я, не задумываясь, не понимая до конца, что делаю, повинуюсь чему-то, вдруг неожиданно для себя спросил:

— Кто у нас умер?

Соня ответила, что умер мой отец. Неродной, но отчимом я его никогда не звал. Я любил его.

Отец умер в ту ночь, которую я провёл без сна. Это поразило. И заставило задуматься о том, кто мы есть на земле и какими нитями соединены друг с другом. И раньше часто казалось, что есть какая-то необычная, не очень понятная, но устойчивая связь между мной и отцом. Он меня сильно уважал. И мне представляется, часто думал обо мне. Каким-то образом это проникало в наше общее сознание.

А ранее, незадолго до его смерти, проснувшись утром, я обнаружил во рту на щеке нечто странное — красный шарик, около одного сантиметра в диаметре. Больно не было, но он мешал. Мы с женой забеспокоились. Она тут же настояла, чтобы я сходил к врачу. Доктор, посмотрев, вяло обронил:

— Пустяки, обычная киста.

И как-то очень ловко её срезал. Она держалась на небольшом отростке. Я пошёл на работу. Это было в среду.

В субботу поехал к родителям. Вечером отец отказался от ужина:

— У меня во рту какая-то несуразность...

Открыв рот, он показал на левой щеке... круглый шарик.

— Опять рак вылез, теперь уже во рту. Надоел он мне.

Лицо его было беспокойным. Тут уж я широко разинул рот и показал свою левую щеку, пояснив, что и у меня было такое же. «Это не страшно. Надо сходить к зубному врачу. Обычная киста». Затем спросил:

— Пап, а когда она появилась?

— Три дня назад, кажется, в среду утром.

Что это? У нас одновременно, в один и тот же день, обнаружилась киста во рту... И возникло подозрение, что это рак.

Я вижу, как многие писатели страдают от раннего профессионализма. Есть некое умение писать, но не о чем. Жизнь изнутри неощущаема. У меня сложилось впечатление, может быть, и спорное, что человек сначала должен уметь делать конкретное дело, уметь делать жизнь. Для меня ценен человек, который что-то создал, в чём-то участвовал, что-то изобрёл. Свершил, а потом ещё и написал об этом. Это замечательно! Хотя вижу здесь и другую сторону медали. Когда занимаешься чем-то конкретным, что только и кормит, места творчеству остаётся мало. От женщины, чуть ли не всё своё время занимающейся стиркой белья, стоянием в очередях, мытьём полов, трудно ждать творческого поиска. Рутинная работа губит творческие начала. Кроме того, ежедневное изнурительное добывание куска хлеба — незавидная судьба. Но это уже претензии к обществу. Когда есть общий высокий уровень достатка, то и нижняя планка обеспечивает достойное человеческое существование. Общество потеряет свои агрессивные черты. Одновременно ловлю себя на мысли: ожиревшее сердце ничего стоящего в искусстве не создаст.

Когда 26 апреля у меня родился внук Виктор, мы — оба деда и его отец на нашей даче заложили в нержавеющей трубу пару бутылок: коньяк и сухое вино. Написали на листке пожелание и закопали. Договорились — через пятнадцать лет, в день его рождения, показать это место. Пусть сам достаёт и читает.

Здорово, если бы и мои вот эти записки лет через пятнадцать оказались интересными хотя бы моему внуку. Когда он вскроет наше послание, мне, если доживу, будет шестьдесят пять. Пусть внук через годы услышит нас. И пусть напитки не только не потеряют свою крепость, а, наоборот, приобретут новые качества. Может быть, и мой голос, эти мои размышления донесут дух нашего времени, его приметы. Ведь когда-нибудь и кто-нибудь прислушается и задумается: какими мы были, почему так поступали? Отчего не делали очевидные вещи, в силу каких причин? И наступит ли в России период, когда можно

будет побороть то, что мешает сейчас? Конечно, цивилизация выйдет на другой уровень. Вполне возможно, сильно улучшится быт. Не на таких, как сейчас, самолётах будут летать, на каких-нибудь шарообразных, яйцеобразных. С иной скоростью. Это — цивилизация. А культура? А ум? Так хочется, чтобы культура опережала цивилизацию. Поднималась быстрее. Вперёд, всё выше, выше и выше! Вспомним, Лев Толстой ходил пешком, верхом на лошади в валенках ездил по Москве... Но каков был дух его!

Пришла правительственная телеграмма за подписью руководителя Департамента с поздравлением по поводу избрания меня членом-корреспондентом Российской инженерной академии. Приятно, что в общем хаосе заметили... Но большой радости нет. Она, возможно, и была бы, если б я не так часто сталкивался с жутко суровой нашей действительностью. На сегодня нет и не могут быть изобретены и разработаны нашими учёными технологии, которые в состоянии резко вывести предприятия из экономического провала. Почему? Ответ не в сфере науки и технологии, а в сфере ценовой политики и вообще политики. Сырьё и энергоресурсы так дороги, что они самую эффективную технологию делают убыточной. Наука в этой ситуации не спасает. Саму науку спасать надо. Сегодня профессор в институте получает меньше, чем уборщица на нашем заводе.

Работа в секции академии с первых дней подтвердила мою оценку ситуации. Забота Академии на сегодняшнем этапе — найти возможность выжить самой науке. Впрочем, одна ли она в таком положении? Прекрасные артисты нашего областного, между прочим, — академического — театра оперы и балета (я увидел собственными глазами) по-настоящему бедствуют, но переносят это достойно. Куда деваться?

А в газетах обнадёживают заголовками типа «Правительство Черномырдина подготовило небольшую экономическую революцию». Как прежде в лексиконе и в сознании россиян: революции, революции... Неужели хотя бы журналисты не понимают всю вредность этого слова, пусть даже в соединении со словом «экономическая»? Приведу текст из журнала «Слово», № 1-2 за 1993 год, показывающий, что же было у нас до всех наших революций: «за последние десять лет до первой миро-

вой войны превышение государственных доходов над расходами выражалось в сумме 2400 миллионов рублей. Налоги в России (...) были самыми низкими во всём мире: в четыре раза меньше, чем во Франции, ещё ниже, чем в Германии, и в 8,5 раза меньше, чем в Англии».

В России с 1890 по 1913 год произошла настоящая экономическая революция: промышленность увеличила производительность в четыре раза! Обращает на себя внимание и феноменальный объём экспорта зерна и муки. Например, в Англию в 1913 году вывезено четыре миллиарда пудов! Вот уж воистину: «откуда мы пришли, куда свой путь вершим?»

Если охватить взглядом весь путь, пройденный Россией в этом веке, попытаться оценить его, начинаешь верить французскому политическому мыслителю Токвиллю: «Нет хуже врагов прогресса, чем те, кого я бы назвал «профессиональными прогрессистами» — люди, которые думают, что миру ничего больше не требуется, как радикальное проведение их специальных программ».

До 1913 года и после него часть русской интеллигенции, такие вот «профессиональные прогрессисты» очень многое сделали, чтобы нынешнее Правительство да и всё наше общество оказались на краю экономической пропасти.

Найдут ли в страшных уроках прошлого наша интеллигенция, да и многие из нас, опору для созидания? Научимся ли, каждый отдельно и все вместе, эволюционному пути развития? Если нет, то средства разрушения в современном мире таковы, что мы рискуем всем человечеством сразу.

Итак, Солженицын возвращается в Россию. Его приезд многими сопоставляется с уходом Толстого из Ясной Поляны. Указывают на то, что два эти события, в начале века и в конце, не случайны для нас. Обращённый ко всей России призыв Александра Исаевича «жить не по лжи» так же, как и проповедь Льва Толстого, многое сделали для России. Но ведь он едет в страну с надеждами на здоровые силы общества, с верой в особую земскую демократию, в новое добровольное объединение государств! Реальность совсем не такова. Огромная часть общества проголосовала за иные принципы... Хватит ли писателю сил и здоровья против такого обвала?

Как всё сложится? Известно, что в своём Отечестве пророков нет. А по достоинству мы ценим только ушедших, пример тому — Сахаров. Чем станет для Солженицына его возврат? Его оружие — перо, а оно у него отточено либо за колючей проволокой в своей стране, либо в далёком американском Вермонте. Ни опыта политической деятельности, ни опыта литературного общения в России у него, к сожалению, нет. У него есть литературно-публицистический талант, но это — другая категория. Порой поразительно беззащитная.

Боюсь, всё, что скопилось в моём «Чёрном ящике», представляет длинный и скучный ряд рассуждений. Может, перемудрил? Но любил же мой сельский дед разговаривать со своим четвероногим другом, добродушной дворнягой, подолгу выстраивая фразу и вслушиваясь в неё. Зачем-то ему это надо было. Каких только собак у деда ни водилось! И имена он им придумывал неожиданные и забавные. Последнюю свою собаку звал «Никак».

— Дяденька, как зовут вашу собаку?

— Никак!

Сижу в раздевалке бассейна. Сосед — рыжеватый улыбчивый парень лет двадцати пяти, сняв тренировочный костюм, вдруг очень лёгким и быстрым движением рук отстёгивает протез и остаётся стоять на одной ноге, вторая, отсечённая чуть ниже колена, неестественно болтается в воздухе. Стараюсь не смотреть в его сторону. Привык в детстве. Тогда, после войны, безруких и безногих было много. Каждый раз это была трагедия. У меня отец-отчим тоже был инвалидом войны...

Пацан лет десяти в упор глядит на безногого и совершенно будничным голосом спрашивает:

— В Карабахе?

— Нет, не там.

— У Белого дома?

— Не угадал.

— В Приднестровье?

— Опять перелёт. В детстве в Омске под машину попал.

— На гражданке, — разочарованно тянет пацан и лицо его тускнеет. — Это с каждым может случиться.

Я глядел на пацана со смешанным чувством страха, тревоги, досады и думал: неужели рождаются ребятишки, растущие в ожидании места своего подвига в борьбе с соотечественниками? Новые чапаевцы?

Моего друга ещё в школьные годы забавляла в известной песне фраза: «Наш паровоз, вперёд лети. В коммуне — остановка». Он восклицал:

— Остановка? А дальше что?

Нас совершенно не заставляла тогда задуматься и ужаснуться другая фраза: «В руках у нас — винтовка!». А ведь речь шла о штуковине, с помощью которой наши деды истребляли друг друга.

Таково было поколение. Мы на себя взглянули по-иному много позже, во время несуразной нашей перестройки. И... ужаснулись!

Вспомнились слова Иосифа Бродского: «Одно стихотворение пишет другое».

Что-то похожее происходит и со мной. Предыдущий разговор подталкивает дальше... Я будто не могу выговориться, спешу это сделать. Видимо, понимая, что не могу добраться до истины, пытаюсь из раза в раз, вновь возвращаясь к своим мыслям, идти дальше. Спотыкаюсь. Не могу чётко выразить, что же со мной и со всеми нами происходит. А кто сейчас может точно сказать, что творится с нами? Думаю, по большому счёту это сможет определить кто-то лишь много лет спустя.

Человеческому разуму дано некое ограничение. Всему своё время. Так заложено природой. Иначе оказалась бы сломлена воля к жизни. Ведь часто поиск смысла и истины — уже жизнь.

Июнь

В селе, где я родился и жил до восемнадцати лет, двое крепких парней решили сделать для земляков доброе дело. За селом в реку Самарку впадает небольшой безымянный приток. Тихая в летнюю пору, речушка в половодье, собирая со всех окрестных полей воду, несёт огромный, ревущий, многоголовый поток. Парни решили перегородить дорогу воде плотиной,

прорыть небольшой перешеек и пустить её по старице в ту же Самарку, но километром выше по течению от старого места. Смысл в том, что на этом пути поток по своему ходу заполнял бы несколько обмелевших озёр, и они должны были ожить и пополниться рыбой. Благое дело. Осенью два бульдозера, подчиняясь воле азартных ребят, с одобрения начальства и односельчан, усиленно рыча, выполнили своё дело.

А весной случилось неожиданное, не как замышлялось. Не только все озёра переполнились водой, но под воду на всё лето ушли песчаные, сотни лет служившие людям дороги. Некоторые уголки леса стали недосыгаемы, развелись мошкара, гниль. Но, мало того, поток, разъярённый в азарте освоения новых путей, с такой силой вырвался к Самарке, что на целом гектаре повалил вековые осокори, они своими телами вкривь и вкось сверху накрыли новое расширившееся русло. Получились чудовищные завалы, гигантские и фантастические. Чуть ниже выхода водной стихии на левом берегу реки возвышался огромный каменистый мыс, поросший старинными дубами. Мыс олицетворял, казалось, вечное и постоянное. Его и всё, что на нём, снесло в одночасье, река раздвоилась. Чуть ниже образовался остров. Изменилось всё окрест. Старое русло превратилось в заболоченную неприглядную низину, начало зарастать кугой. Люди не сразу смогли привыкнуть к новому. Некоторые поговаривали о том, чтобы разрушить плотину.

Когда я рассказал эту историю своему приятелю, назвав в шутку тех ребят прорабами перестройки, он усмехнулся:

— Действительно, наша перестройка. Но с одной разницей.

— С какой?

— Ребята действовали от души, простодушно, а перестройка с самого начала была лукавой, а потом — вовсе лживой.

На заводе несчастье. Двое работников, ремонтируя насос, попали под струю серной кислоты. Насос некачественно подготовили к ремонту. На месте происшествия был опытный начальник отделения, проработавший на заводе более двадцати пяти лет. В который раз я убеждаюсь, что нельзя долго пребывать в одной должности, свыкаешься с опасностью.

Пострадали парни крепко. Я ездил в областной ожоговый центр, куда их перевезли. Печально!.. В наше время, когда, ка-

жется, уже раскритиковано всё и вся, эти ребята держались стойко. Ни одного слова, ни одного оскорбительного жеста в адрес завода, людей, по вине которых попали в такое положение. Я был поражён! Утром выяснилось, что угроза жизни миновала. Осталась угроза потери зрения. Но к вечеру появилась надежда, что и зрение сохранится. Каждому придётся делать пластическую операцию лица. В коридоре — матери, жёны. Сергею Ярцеву — сорок три. Александру Осинкину — тридцать. У обоих дети. Тяжело! Я попадал в разные ситуации, приходилось хоронить коллег. По молодости раньше такое легче переносилось.

Вернувшись на завод, дал команду выдать каждой семье по миллиону рублей, что в наше время не такие уж и большие деньги. Некоторые мои помощники запротестовали: много, мол. Что это вдруг — по миллиону?

Но какими деньгами оценить, покрыть ту вину, которую мы несём за свои действия?

Главный врач ожогового центра, замордованный бытовыми делами, отсутствием денежных средств, водил меня по палатам, показывал развалившуюся поликлинику, построенную ещё царём-батюшкой и земской управой. Советовался, что делать? Бюджетного финансирования нет. Коммерсанты предлагают сдать им часть территории для многоэтажного офиса. «Дайте нам площадку, а мы будем оплачивать последующие десять лет все ваши крупные проекты». И главврач думает, что же ему делать? Поддаться ли сиюминутной выгоде, решить кое-какие текущие дела или всё-таки сохранить владения бывшей земской больницы, чтобы самим когда-нибудь строить и расширять пространство для больных? Устоять, но прослыть нехватким человеком?

Посидели, поговорили, решили пока не отдавать землю. Пообещал подписать его валютные счета для приобретения аппарата искусственной почки и автотранспорта. За последние восемь месяцев, при огромном желании оперировать, главврач не сделал лично ни одной операции. Не до этого, другие заботы, другие хлопоты. Примета нашего времени.

На прощание он, интеллигент в четвёртом поколении, показал фотографии отца, который в своё время заведовал отделением в этой поликлинике. Фотографии висят на стене у всех на виду. Показал и портрет своего деда, возглавлявшего здесь

же отделение. Познакомил меня с заведующим другим отделением, у которого дед и отец тоже работали тут. Невольно позаиводвал. Люди знают, чем занимались их предки.

...Я давно уже пытаюсь составить своё генеалогическое древо и столкнулся с большими сложностями. Побывал в областном архиве. Немало просмотрел материала, касающегося своего села. Интересные вещи. Хотя эта тема для особого разговора. Я нашёл много родственников по линии деда, много — по линии неродного отца. Жизнь односельчан сквозь архивную пыль пробивается зримо и гулко. События до 1917 года описывались тщательно, красивым каллиграфическим почерком. После семнадцатого года документы, как правило, включают отрывочные сведения, оформлены часто химическим карандашом, очень плохим почерком, непоследовательно и зачастую неграмотно.

Много страшных курьёзов. Например, в 1933 году был в моём селе партийный пленум. Одного крестьянина за выпечку некачественного хлеба для его участников сняли с работы. Чуть ли не как врага народа подвергли наказанию.

Если найду время, постараюсь посидеть в областном архиве. Полезно для осмысления сегодняшних событий.

Светлана Ивановна, заместитель начальника конструкторского отдела завода, рассказала:

— На нашего Анатолия Столяра одна дамочка, Леночка из технического сектора, глаз положила. Он зачастил к нам с уточнениями схем реконструкции одного из цехов и она его несколько раз видела. Вчера подходит ко мне и как бы между прочим, а я чувствую, волнуется, спрашивает: «Светлана Ивановна, этот, загорелый такой, к вам всё приходит, ну, в курточке лёгонькой, он кто?». — «А-а, да это Столяр». — «Столяр?! — не то разочарованно, не то удивлённо повторила Леночка. — Надо же, а такой с виду интеллигентный человек, такие руки музыкальные, и вообще...»

Когда я пересказал это Анатолию Столяру, тому самому инженеру одного из НИИ в Москве, он так отреагировал:

— Это что! У нас был классный такой мужик, Марк Борисович. Так вот, он только что устроился к нам. Никто его особенно не знал. И из первой же командировки прислал телеграмму

прямо директору института: «ВЫЛЕТАЮ САМОЛЕТОМ ЧЕТВЕРГ УТРОМ ПОЕЗД». Полинститута ломали голову над этой абракадаброй. Начальник отдела, принимавший его на работу, оказался в отъезде. Никто не мог сразу сообразить, какая связь между этими средствами передвижения. Но после этой командировки Марка Борисовича Поезда сразу весь институт узнал. Популярной личностью стал!

Странное чувство испытываю в последнее время. Оно сродни тому, которое было, когда восемнадцатилетним парнем приехал учиться в город. Прекрасное было тогда чувство. Воспринимал себя представителем нашего села, как-будто я пришёл в город и всё село поручило мне представлять его и защищать. Я так в себе это и нёс, так и поступал. Пренебрежительные слова в адрес села, не только моего, а вообще всего деревенского мира, встречал болезненно. И при своём спокойном, достаточно уравновешенном характере лез драться. Защищал не себя, а всех нас, сельчан — облыжно оболганное, затюканное моё сельское население. Родное моё село давало силы. Было обидно за него. Теперь кажется странным, как мне всё-таки не свернули шею.

Сейчас, когда мне уже пятьдесят, чувствую себя частицей, но уже не села, а той части россиян, которая должна вывести или которая поспособствует своим трудом выводу России из того удручающего состояния, в котором она оказалась. И у меня, как в мои восемнадцать лет, когда кто-то ругает Россию, смотрит свысока, пренебрежительно относится ко всему русскому, чешутся руки. Мне горько, что россияне походя, где ни попадя, бьют и ругают самих себя. Невыносимо, когда иностранцы смотрят на нас высокомерно. Но чаще всего сочувствуют, часто говорят: вы умные, грамотные ребята, такие симпатичные, как же так сложилось, что многое не получается?

Давно заметил: поэты, певцы, композиторы ушли или уходят от общественных тем. Горький опыт получен творческими людьми. Творчество на «заданную» тему, когда государственная идеология изменилась, утеряло былую значимость. Теперь авторы идут в лирику. Лирика — как стабильная инвалюта. Она общечеловечна и не упадёт в цене, не подведёт. Это так. Но чувство Родины, боль за нас всех сразу... Куда с этим идти?

Наши отцы и деды жили во имя величия и процветания России, во многом отказывая себе. Наши предки стремились к высшей правде, пренебрегая сиюминутными интересами.

Мы те, в ком течёт кровь «красных» и «белых». Мы заряжены генами отцов и дедов. Ещё многие поколения будут нести это в себе. Изменить наш российский, как теперь стали говорить, менталитет в одночасье невозможно.

Я понимал, что рост энерготарифов продолжится. Но не такими же темпами! Сегодня утром получил телетайпограмму о повышении цен на 35% по сравнению с действующими. За пять месяцев мы имеем минусовую прибыль по заводу из-за высокой цены на энергию. Как и чем расплачиваться дальше? Региональная комиссия, принявшая такое решение, спасает энергетику области. Но что делать с нефтехимией? Еле-еле утряслось: остаётся в силе договор. Будем платить по старым тарифам, а разницу перенесём на первое полугодие 1995 года, погашая векселями. Доработаем этот год, но что делать в следующем? Не кабалы боюсь. Если даже нас «проглотят» по неплаченным векселям, кому мы нужны с такой дорогой продукцией? Нефтехимия окажется ненужной. Перепрофилирование? Возможно. Но это будет другой завод.

В организме моём какая-то болтанка. Очевидно, подскочил сахар в крови. Можно вывести зависимость: чем горше действительность, тем слаще моя кровь. Идёт зуд по коже ног, быстро утомляюсь... Надо сходить к врачам. Ими меня уже не напугаешь.

Из сегодняшнего номера газеты «Известия»: «В пятидесятые годы в России ежегодно рождались 2,5-2,8 миллиона детей. В 1991 году в стране родились 1,8 миллиона. В 1992 — 1,6 миллиона, в 1993 — всего 1,4 миллиона детей. По последним данным, средняя продолжительность жизни в 1992-1993 годах у мужчин — 59 лет, у женщин — 72,7 года. Велико превышение среднеевропейского уровня смертности от убийств (в 20,5 раза у мужчин и в 12,2 раза у женщин)».

Такой ли ценой надо перестраивать российскую жизнь, менять государственное устройство?

Июль

Сегодня пятница. Уехал с завода, получив известие от железнодорожников о прекращении вывоза продукции до полного погашения задолженности. Более трёх миллиардов рублей! Вот так, под выходные. Будто специально!

Энергетики телеграммой требуют срочно дать график выплаты задолженности с фиксированной суммой по неделям. В противном случае грозят немедленно снизить подачу пара.

Вслед за этим главный инженер ТЭЦ предупредил: возможна полная остановка станции, а значит, и нашего завода из-за прекращения подачи мазута с соседнего нефтеперерабатывающего предприятия. Оказывается, нефтяники отказались закачивать на НПЗ нефть. Диспетчер вбежал в кабинет ещё с одной «мелочью»: на нашей туристической базе на Волге хулиганы устроили дебош. Гоняют персонал, директор вопит по рации: «Не пришлите милицию — разнесут всё в щепки!».

Сделав, что можно, уехал домой ужинать.

Такое ощущение, что какие-то бесы правят бал, затянувшийся и изнурительный.

В подъезде нашего дома с зимы в подвале, где тепловой распределитель, образовался притон. Вначале я не обращал внимания на пробивавшийся наружу электрический свет. Всё открылось, когда однажды спустился туда. Самодельные лежаки, матрацы. Девушки меж желторотых пацанов. По утрам, отправляясь на работу, сталкивался с заспанными, опухшими, потухшими лицами дарительниц «райского наслаждения». Несколько раз звонил в домоуправление и милицию. Бесполезно. Кончилось пожаром, дым проник в соседние подъезды, заволокло первые три этажа. Пожарные поработали усердно. Залили всё. Жильцы сначала запаниковали, потом разъярились. Полуживых виновников — кого разогнали, кого отправили куда следует.

...С недоумением и горечью узнал о ликвидации лечебно-трудовых профилакториев. Из сообщения Интерфакса: «...в ЛТП принудительно направлялись алкоголики и наркоманы, которые «уже не осознавали своей болезни и на этой почве совершали противоправные действия». На учёте в системе

наркомдиспансеров в России находятся 2 миллиона 300 тысяч алкоголиков. Чтобы получить их реальное число, нужно эту цифру увеличить в 3-3,5 раза. Наркоманов же в стране официально зарегистрировано 70 тысяч. Во всём мире, чтобы получить реальную картину, официальную цифру умножают на десять».

Это — целая армия (если такое определение здесь уместно) больных людей, которые ещё меньше сознают преступность своего поведения, чем подростки из нашего подъезда. Что с ними делать? И кто ими будет заниматься? Пока дело не дойдёт до «пожара», никто пальцем не пошевелит?

Гуляю в парке с внуком, положив под одеяло в коляске газовый пистолет. Когда наклоняюсь к внуку, какая-то недетская усмешка появляется на его пухлых губах. Он усмехается надо мной? Или сразу над всем нашим поколением? Заранее уже зная о нас такое, чего нам не дано?

Первая половина года позади. Родственные предприятия либо стоят, либо их сильно лихорадит. Мы работаем. Прибыль нулевая. Правда, пока не продали, как это делают многие, ни одного объекта социально-бытового назначения. У нас сейчас пять детских садиков, детский лагерь отдыха, туристическая база на Волге, профилакторий. Существует и созданное три года назад жилищно-коммунальное управление. На балансе шестьдесят многоэтажных домов. За последний год миллиард рублей в виде дотаций затратили на содержание жилья. Оно должно отойти городу. Это теперь — муниципальная собственность. Но средств у городских властей нет. Отдать, значит, развалить всё хозяйство и обречь значительную часть города на разруху.

8 июля в областной газете прочёл рассказ «Красное и белое». И все последующие дни был в разбитом состоянии. Какие силы и таланты творческая интеллигенция потратила на то, чтобы сделать «красных» символами добра и чести, а «белых» — исчадием ада! Делалось это часто неосознанно, в творческом порыве. Но ведь создавались же «Доктор Живаго», «Конармия», «Белая гвардия»! Трудно оставаться искренним и

объективным? Иногда смертельно опасно? Но сейчас-то проще. Надо быть только честным, совестливым и не лениться душой добираться до истины.

В любой среде: литературной, научной, чиновничьей — есть разные люди — плохие, хорошие, злые и не очень, совестливые и совсем наоборот. Но зачем охаивать целые слои населения? Таких руководителей и тем более директоров, какие выведены в рассказе, я никогда не встречал. Не может по своей природе настоящий директор быть разрушителем и хулиганом. Не может нагло, по-барски относиться к рядовому работнику. Жизнь директора — созидание по крохам своего хозяйства. Для порядочного человека — это уже не должность, а образ жизни. И вся жизнь! Об этом знают только близкие знакомые, родственники да жена. Директор не принадлежит себе.

Никто никогда не изучал всесторонне работу директора. Ни медики, ни социологи. Перегрузки, стрессы, которые приходится преодолевать руководителю, тем более первому, велики. Многие просто физически не в состоянии выдержать такие нагрузки, лишены должной психики. Иные, объективно оценивающие свои возможности, сторонятся этих должностей. Директора из рассказа «Красное и белое» — пасквиль на хозяйственников. Если сочинение таких поделок в литературе, создание подобных образов на радио, телевидении не прекратится, мы угробим самих себя.

Стыдно за литературу, она не служанка. Она — Литература.

Грустно ещё и от того, что автор прежде писал хорошие рассказы. Его первую книжечку, вышедшую где-то в конце семидесятых, читал с удовольствием. Сочно, ярко и не придумано. А сколько потом ещё было удач!

Полезно иногда оглядываться назад. Попались на глаза листочки из сообщения моего заместителя по экономическим вопросам об итогах первых четырёх месяцев 1993 года. «Как оценивается ситуация на заводе в данный момент? В условиях всеобщей экономической депрессии до самого последнего момента удавалось не только держаться на плаву, но и кое в чём продвинуться вперёд. Главное, удалось избежать кризиса производства, чему способствовали усилия по налаживанию горизонтальных хозяйственных связей. Для этого пришлось

быстро освоить не такую уж простую систему бартерных операций. Немыслимыми в условиях плановой экономики темпами коллектив завода за последние два года организовал производство реагентов для нефтедобычи. Через некоторое время начнём выпуск высокоэффективного реагента для литейных производств автозаводов. Короче говоря, за 4 месяца этого года объём производства в сопоставимых ценах увеличился по сравнению с январём-апрелем 1992 года на 17,5%.

Такие итоги позволили избежать социального кризиса на заводе. Постоянно растёт средний заработок, люди получают продовольственные и промышленные товары, нормально работают учреждения социальной сферы. Мы не только избежали сокращения рабочей силы, но, наоборот, дополнительно приняли за последние полгода 573 человека.

В общем, не без оснований мы ещё два месяца назад думали, что с определёнными трудностями, но выживем в условиях экономической реформы. И свет в конце туннеля стал виден. Но кормчие реформы повернули её руль в сторону рифов, непозволительно увеличив при этом скорость. Кажется, рынок превратился в самоцель, а не в средство для создания эффективной системы хозяйствования. Вместо стимулирования роста производства Правительство заиклилось на попытках стабилизировать бюджетно-финансовую систему, причём с помощью так называемой либерализации цен.

В итоге — финансовый кризис. Если в начале года взаимные неплатежи составляли в стране около 40 миллиардов рублей, то сегодня, вероятно, превышают триллион».

Спецвыпуск «Останкино»: первое интервью Солженицына в Москве. Он только что приехал на Ярославский вокзал. Говорит, что специально медленно двигался с востока по стране, встречался со многими людьми: врачами, учителями, студентами, крестьянами, директорами, учёными. Впечатления: душа России жива, надежда есть — выживем. Он много записывал. Не уставший, бодрый. На вопрос корреспондента, что думает о реформах, отвечать не стал. Доброжелательно сказал, что это очень серьёзно и он готов высказаться по отдельным вопросам чуть позже по телевидению. Интервью длилось всего несколько минут. В окружении видны Лужков, Якунин.

То ли мы стали несколько другими, то ли это заслуга Александра Солженицына, заставившего нас вести себя разумнее и достойнее. Не было ни митингов, ни шествий. Люди, несмотря на явную разницу политических убеждений, вели себя выдержанно. Так, по крайней мере, выглядело на телеэкране.

Смотрел на Солженицына и вспомнилось возвращение Андрея Сахарова. Конечно, тогда времена были другие, и всё проходило скромнее и незаметнее. Но масштабы личностей и то, как они заставили на многое по-другому взглянуть, — это не оценимо!

Вновь мысленно возвращаюсь к прибытию Солженицына в Москву. Человек, издалека наблюдавший за ходом развития российских реформ, приехав на родину, конечно, не может раздавать налево и направо рецепты что и как делать. Умные люди этого от него и не ждут. Он — писатель. Талант писателя подсказывает ему проявить умение там, где мы, обыкновенные, бессильны. Он должен выразить то, что многие чувствуют, знают, но сказать не способны. В каждом из нас или в большинстве, кто искренне хочет разобраться в нашей общей беде, несомненно, сидит вопрос: почему всё так, а не иначе? И взгляд человека, знающего то, как же там, во всем цивилизованном мире, дело делается, нам дорог и важен.

«Наше государство не выполняет своих обязанностей перед гражданами», — так он сказал. И против этого трудно возражать.

— Я пойду, когда уж очень тоскливо, поговорю с вётлами, они отца помнят, и легче станет. Вроде успокоят, о чём-то тоже со мной помолчат, — мама смотрит на меня просветлённо, — ведь не прав был отец. Помнишь, он им, вёглам, говорил: «Бессердечные вы, всё шумите, шумите о своём. И всё равно вам: буду я завтра жив или нет, так и будете шуметь. Дед вас посадил, схоронили его, будто и не было. Так же и со мной». Не бессердечные они, я это чувствую всегда, когда около них. Они и тебя запомнили. Нас с тобой запомнили... Я теперь, в старости, не могу понять, как можно убить человека. Войны были, смерти. Зачем это?

Я беседовал с начальниками цехов, специалистами заводоуправления, побывал в коллективах, пытаюсь понять настроение сменного персонала. Готовил совещание, не торопясь.

— Мы будем круглыми дураками, если не создадим свою автономную систему энергообеспечения. Все знают, что в себестоимости нашей продукции торчит чуть не половина энергетики, а точнее, водяного пара. Это — кошмар, а мы привыкли. Разве можем поспевать за ценами, которые скачут вверх, как рысаки? Кое-что делаем, но неповоротливо, как динозавры. Как динозавры, и выйдем, — заявил главный экономист.

— Надо уйти от монополистов, — так, без обиняков, едва я дал ему на совещании слово, рубанул технолог одного из основных цехов Алексей Свиридов.

Все знают его максимализм, но известны и умение схватить главное, и преданность делу. Ему многое прощают. Он может высказать то, на что не осмелится другой, пусть даже и выше по должности.

— Ну, уж так сразу, — не выдержал напора либо сознательно решил ещё больше раззадорить технолога главный инженер Евгений Иванович Петровский.

Мы с главным накануне размышляли вслух, и в основных направлениях наши мнения совпадали.

— Почему — сразу? — энергично парировал Свиридов. — Надо противопоставить свою продуманную конкретную программу по нескольким направлениям. Можно их изложить? — он вопросительно посмотрел на меня.

Я согласно кивнул.

— Первое направление: жесточайший контроль за энергоресурсами и сырьём, то есть основными составляющими всех затрат. Мы и раньше за этим следили, но стоило всё дёшево, отсюда и слабый контроль за расходом.

— Хорошо, — вмешался главный энергетик Вениамин Петрович, — но тут много не найдёшь; что на поверхности, уже использовали.

— Я не договорил. Не надо перебивать!

— Виктор Сергеевич, — запросил заступничества главный энергетик, — у нас диалог сегодня или монолог цехового технолога? — Он отложил свою тетрадь в сторону и стал смотреть в окно. — И потом, — запоздало спохватился Вениамин Петро-

вич, — его цех затормозил на целый год внедрение программы освоения вторичных энергоресурсов. У нас громадные тепловые потоки до сих пор, как надо, не используются. Мы бесплатного своего пара могли бы получить треть от потребности.

— Можно реплику? — поднял руку главный технолог Леонид Сергеевич Красков. — Мы — технологи и экономисты — сами виноваты в том, что не утилизируется заводское тепло, не получаем из него пара.

— А если подробнее?

— Я подготовил пояснительную записку на этот счёт, вот она.

— Видите, — вновь напомнил о себе Свиридов. — Второе направление само напрашивается. Это собственный пар из заводских тепловых потоков. Так делает вся заграница. Американцы идут дальше: на нефтехимических заводах ставят котельные цехи и газовые турбины для выработки своей энергетики.

— Это, думаю, уже третье направление и очень серьёзное. На него надо искать приличные кредиты, — вмешался главный инженер.

— Если это эффективно, займёт не более года вместе с пусконаладочными работами, почему не попробовать? — подал голос и я.

— А целесообразность? — выразил своё недоумение главный энергетик.

— Но ведь её видно невооружённым глазом! — упорно вёл свою линию Свиридов.

— Ну, ладно, нам это выгодно. А в общегосударственном масштабе? Если все заводы бросятся строить свои энергетические комплексы, тогда специально построенные теплоэлектроцентрали встанут. Заржавеют, и всё пойдёт прахом. А их наши отцы строили. Это — их здоровье, нервы, жизнь, наконец, — напирал главный энергетик.

— К сожалению, это так, — подхватил главный инженер, — но жалеть энергетиков, значит, идти в тупик.

— Аркадий Дмитриевич, можем сами прикинуть эффективность строительства и эксплуатации собственной котельной? — обратился я к главному экономисту.

Тот, щуря близорукие глаза и теребя, как обычно, в мелко подрагивающих руках очки, ответил подчёркнуто твёрдо:

— Пар от собственных котлов вдвое дешевле.

— Уверены?

— Я изучал калькуляцию себестоимости и формирование цены на получаемый со стороны пар: в ней большая доля затрат на содержание тепловых сетей, на жилищно-коммунальное хозяйство области. У нас этого не будет. Если дадим точные исходные данные проектировщикам, то дней через десять подготовят предварительное заключение по технико-экономическому обоснованию.

...Совещались более часа. Высказывались все присутствующие. Договорились через неделю собраться вновь для более серьёзной проработки. Уходя последним из моего кабинета, главный энергетик всё же не выдержал:

— Технологов надо расшевелить.

— Конечно, — согласился я, — каждому — своё. Но и вы не плошайте.

— Мне теперь легче. Генеральная линия есть. Будем работать.

Я чувствовал, что он говорит искренне и с облегчением.

В Москве бывший важный чиновник на поставленный им же вопрос: «Кто виноват в том, что сейчас многие заводы стоят и под угрозой вся промышленность?» — сам же и ответил, указывая на меня бывшим когда-то чиновничьим пальчиком:

— Вы виноваты, директора. Не смогли у себя в регионах консолидироваться. Начали выживать по одному, вас и задавили. Вот если бы взяли и ещё тогда, в начале девяносто третьего года, враз во всём регионе остановили заводы! Все бы и увидели, что это значит. Но вы этого не сделали.

Не понимает, как только у директорского корпуса не выдержат нервы и они пойдут на локаут, тут же и будут объявлены виновниками: «красные директора допустили большевистское пренебрежение к людям», «не способны наладить эффективное производство» и так далее.

Ни один из моих доводов его не убедил. Ему нужен виновник, реальный и доступный. Такова действительность: директора заранее, ещё до того как... уже виноваты.

Многие, годами работая в этой инфарктной системе, сдают...

Не был месяц в правлении нашей всероссийской ассоциации. Зашёл. Печальная новость: двоих генеральных дирек-

торов настиг инсульт. Один умер, другой — на инвалидности. Обоих я хорошо знал.

— Ну, что ты сник? — мой собеседник смотрит на меня буднично, но вполне бодро. — У нас, директоров, рабочим инструментом что является? Правильно, голова. Вот она и ломается. Понимаешь?

Понимаю. Моя-то пока не сломалась...

Наконец-то прочитал в газете «Совершенно секретно» более-менее дельную статью Бориса Можаяева о двухмесячном пребывании Солженицына в России. До этого, по-моему, ни одной прямой трансляции ни по телевидению, ни по радио не было; так, короткая отрывочная информация. Не было и серьёзных публикаций в газетах. Но вот седьмой номер «Совершенно секретно» порадовал. Приведено много ранее не известных подробностей о приезде Солженицына.

Сопровождавший писателя Борис Можаяев свидетельствует: «Встреча в аэропорту Владивостока смахивала на яростную давку в голодные годы в огромных очередях за хлебом; несмотря на многочисленный милицейский кордон, публика прорвалась на взлётное поле, окружила огромной толпой приземлившийся самолёт и стояла насмерть. Солженицына с семьёй буквально протаскивали к вокзалу».

А на другой день состоялась пресс-конференция в здании Администрации Приморского края. На ней присутствовали более трёхсот представителей нашей и зарубежной прессы, телевидения и радио. Были разнообразные по форме и содержанию встречи: непланируемые, не организованные заранее. Люди разных возрастов, взглядов, профессий охотно шли на обмен мыслями.

Говоря о том, каким путём пойдёт развитие России, Можаяев цитирует Солженицына: «Мы стали выбираться самым неуклюжим, самым нелепым, самым разрушительным образом для собственного народа. Это привело Россию в состояние растерянности».

Или о выборах: «Выбирая органы власти, надо голосовать не по спискам, а за того человека, которому верите...».

...Оказывается, Александр Исаевич более двадцати лет работал над созданием словаря великорусского народного языка. Словарь издан в России. А итог? Не буду пересказывать, вот

слова автора статьи: «Внимания никто не обратил». Более того, огорчается писатель: «После выхода в свет брошюры «Как нам обустроить Россию», где вместо привычных нашему слуху американо-английских выражений были использованы настоящие русские слова, многие заголосили — откуда он взял этот язык? Один человек из рязанской крестьянской семьи, воспитанный в русской языковой среде, составил список употребляемых писателем слов с вопросом: что это за слова? До чего же мы дошли? — спрашивает писатель. — Где наш язык? Мы, как обезьяны, повторяем английский. Если мы не научимся говорить по-русски, не будет нас, русских, вообще».

Принимать или не принимать нам западную демократию? На сей счёт Солженицын твёрдо считает, что попытка силой перенести западный стиль жизни и государственного устройства к нам в Россию — нелепость. «На Западе этот строй держался веками, — утверждает писатель, — в атмосфере традиций, обычаев, образа мышления. Обезьянничать не надо. Наша духовная жизнь должна рождаться из наших традиций, наших пониманий, обычаев, из нашей атмосферы...»

Что я думаю обо всём этом? В нашей российской жизни порой возникают такие зигзаги, что трудно поверить в саму их реальность. Хочется верить, что приезд Александра Исаевича повлияет на обстановку в стране. У Солженицына авторитет планетарного масштаба. Его слышат на всей Земле!

Сознательно шагнув с трапа американского самолёта в самую гущу нашего российского бытия, он задел её чувствительный нерв, сразу найдя его и определив проблемы: бедность простых людей, плохая пища и плохой воздух, незащищённость от бандитизма.

Он верно поступил, проехав за два месяца всю нашу страну. Его теперь трудно упрекнуть, что не знает Россию.

Я бы очень желал, чтобы он не занимал высоких государственных должностей. Он — писатель.

Когда говорю о Солженицыне, постоянно вижу перед собой Андрея Сахарова, перед которым наше общество, мы все вместе взятые и каждый в отдельности виноваты. Вот где сошлись физики и лирики.

Август

Сегодня 3 августа. Диктор программы «Новости» передал печальное известие: умер Иннокентий Смоктуновский. Инфаркт. Вернее, последствия недавнего инфаркта. Великий актёр! В моём понимании он был в самой высшей степени артист. Лицедей. По степени воздействия лично на меня возвышался над всеми. Иннокентий Смоктуновский. Таинственное, непостижимое и прекрасное явление. Новодевичье кладбище принимает ещё одного нашего великого современника. Те, кто видел его князя Мышкина, Гамлета, Деточкина, Фёдора Иоанновича, не мог не чувствовать ту завораживающую неисчерпаемость, которая была в нём и которая потрясала. Внутри него было что-то необъятное, как Космос, и в то же время изящное и магнетическое. Хочется вспомнить все фильмы с его участием и посмотреть заново...

Бывают и радостные дни. Установка по выпуску абсолютированного спирта с концентрацией основного вещества около ста процентов выведена на устойчивый режим. Продукт пошёл в товарно-сырьевой парк. Сегодня заключён контракт на его продажу зарубежной фирме. Московский её представитель прибыл к нам накануне самолётом. Маленькая, но очень нужная победа. Правда, пока три месяца строили и осваивали установку, эффект от неё из-за резкого повышения энерготарифов снизился ровно в два раза. И тем не менее, она значительно улучшает заводскую экономику. Не обошлось, правда, и без курьёзных моментов. Неугомонный Алексей Свиридов на радостях демонстративно выпил полстакана спирта прямо из-под насоса. В открытую. Знаменуя победу технической заводской мысли над, как он выразился, «сокрушительными обстоятельствами экономики». Потом выяснилось, что в спирте были сотые доли процента бензола — очень вредного для организма вещества. Но технолог не пострадал. Последствий пока никаких и даже настроение не упало: «На миру, — смеётся, — и смерть красна».

Вчера пришла ко мне работница из транспортного цеха:
— Я внучка Варвары Петянихи, Татьяна Сонюшкина.
— И что?

— Петянихи! — повторила вошедшая.

Вспомнил Петяниху, подругу моей бабки. Про них в селе любили рассказывать всякую всячину. Я порой сбивался, где правда, где выдумка.

— Не верите, что внучка?

— Да нет, просто...

— Ладно, расскажу, как они покупали яблоки в Самаре, тогда поверите. — Она начала пересказывать историю, якобы услышанную от наших бабок, когда те, веселясь, вспоминали её в присутствии Таньки.

...Продав на рынке привезённые яички и сало, подруги отправились в обратный путь. На вокзале Танькиной бабке захотелось купить яблок. Очередь большая, времени в обрез. Она опечалилась. Хотелось привезти внучкам подарок. Нашлась и выручила, как это часто случалось в устных рассказах односельчан, моя бабка. Жестикулируя и изображая глухонемую, она подошла к толпе у прилавка и попросила на пальцах позволения купить. Очередь благосклонно разрешила обиженной судьбой старухе отовариться. И всё бы хорошо и удачно закончилось, да получилась осечка. Продавец протянула в сторону бабки, которая путаясь, в подолах юбки, прятала узелок с деньгами, руку и крикнула: «Бабулька, сдачу возьми!».

Забыв, что она «глухонемая», бабка отмахнулась:

— Да шут с ней, со сдачей, недосуг нам! Опаздываем!..

Эта фраза была сказана чётко и громко. Ещё громче отреагировала возмущённая толпа. Так что наши бабульки еле унесли ноги...

Моя новая знакомая улыбнулась и тут же спросила:

— Хороша моя визитная карточка? Похоже на наших бабок?

— Вполне, — согласился я.

— У меня ещё про них кое-что есть. Но в следующий раз. Вот приедете в село, приходите в гости, я почти каждый выходной там бываю. Ладно?

— Хорошо, — обещаю я, хотя не знаю, когда смогу туда выбраться.

Знакомая просит помочь найти работу по специальности.

— Всю жизнь была машинисткой-стенографисткой. Зарплата — восемьдесят пять рублей. Поняла, что надо учиться

работать отлично, иначе не проживёшь. Стала одной из лучших в городе. Сколько диссертаций напечатала! Ушла на пенсию — на книжке тридцать одна тысяча. Думали с мужем, что чуть ли не самые богатые в городе. Рухнуло всё сразу: деньги вмиг стали трухой. Два года назад умер муж. Пенсия — тридцать семь тысяч. Что делать? Решила продать двухкомнатную квартиру, купить однокомнатную, а вырученные деньги положить в сбербанк. Жить на проценты. Дала объявление. Пришёл сын: «Мать, ты что делаешь, а как с Сашкой? Он поступает в институт, будет жить у тебя. Как в одной комнате?». Приехал внук Саша, стал студентом, живёт у меня. Сына на работе сократили. Не может пока нигде устроиться. Существует на зарплату жены. А мы с Сашкой — на мою пенсию и его стипендию. Каково? Мне шестьдесят семь, печатать ещё могу. Но мало клиентов. Наверное, не до диссертаций теперь.

Говорит голосом будничным, сдержанно. Стыдится быть обзой для кого бы то ни было.

Пятнадцатое августа. Не стало и Леонида Леонова. Время рвёт человечество на куски, унося поочередно современников в небытие. Леонов даже не частица, а целая эпоха в русской литературе. «Русский лес» — это русская, российская жизнь, вечно зелёная и обновляющаяся. И он, Леонов — раскидистое могучее дерево в ней, с корнями, уходящими в такую глубину, что и представить трудно. А в зелёной кроне её — «птичий гомон и щебетня».

Присутствовал на выступлении Жириновского и членов его фракции на площади Куйбышева в Самаре, куда он прибыл на теплоходе «Александр Пушкин» в окружении ста пятидесяти активистов. Странной кажется эта синхронность круизов по Волге Жириновского и Ельцина. Ещё более странным, а может быть, и нелепым смотрится одновременное их присутствие в Нижнем Новгороде.

Скопление политиков. Руцкой выступил в Саратове. По этому же маршруту едет, только на автомобиле, посол США в России Томас Пикеринг. В Нижнем он провёл несколько часов. За его спиной явно маячит фигура более крупного политика — Клинтон.

Итак, мы сделали решительное движение вперёд: согласно заводской программе я подписал договор со специальным конструкторским бюро Санкт-Петербурга на изготовление и поставку двух котлов и соответствующего оборудования. Их котлы не одно десятилетие успешно работают на отечественных ледоколах.

Решился вопрос и с финансами: тридцать миллиардов рублей на полтора года под сто процентов годовых дал наш давний партнёр — Инкомбанк.

Понадобилось меньше месяца после того совещания по проблеме энергообеспечения, чтобы включить первую из восьми установок по выработке пара на собственных тепловых потоках. Десять тонн в час. Невеликая, но победа!

Неделю назад в Правительстве РФ, у первого вице-премьера Олега Сосковца состоялось обсуждение нашего проекта реконструкции завода. Присутствовали представители Баварского банка, фирмы «Линде», руководители «Гипропласта» и «Роснефтегазстрой», то есть те, кто кредитует, проектирует, комплектует оборудование и строит.

Встреча проходила неспешно, доброжелательно. Пожав всем руки, Олег Николаевич пригласил за стол. Обратившись ко мне по имени-отчеству, вице-премьер попросил доложить о главном. За десять минут я рассказал о нашем плане. Затем пошли вопросы, обсуждение. Совещание подготовили хорошо, все присутствующие со стороны Правительства владели и сутью дела, и основными цифрами. Правительство занималось нашими проблемами по поручению Ельцина. То, что посол США обратился к российской стороне письменно с аналогичной просьбой, очевидно, тоже сказалось на уровне подготовки.

Более того, рассматриваемый контракт с его компенсационной основой, с продажей нашей продукции и полным самофинансированием не только одобрили, но и приняли как пример для других заводов. Тут же поручили Минфину и Минэкономике на основе нашей схемы проработать возможность получения кредита для реконструкции нескольких заводов нефтехимии.

Почти все наши просьбы, включая и выдачу правительственной гарантии для банка, получили поддержку.

Учитывая большую потребность нашего региона в полиэтиленовой плёнке для упаковки пищевых продуктов, изоляции магистральных газо- и нефтепроводов, а также в высоконапорных полиэтиленовых трубах для мелиораторов и газовиков, необходимость создания новых рабочих мест и пополнения местного бюджета, ещё раз попросили освободить нас от вновь введённых налогов и пошлин на ввозимое оборудование. Подобное ранее сделали для некоторых государственных предприятий. На это однозначной реакции не последовало.

Олег Николаевич вежливо попрощался со всеми, пожав каждому руку. В приёмной, когда вышли, царил дух явного успеха. У меня же было двойственное чувство.

Точно на такой же встрече около года тому назад у тогдашнего первого вице-премьера Олега Лобова тоже всё определили. Я уже говорил, что на радостях пригласил Олега Ивановича приехать к нам в гости на завод.

Суеверно, ещё в приёмной, отметил я похожесть этих встреч. Такое же расположение кабинетов и мебели, та же сдержанная приветливость рослых хозяев кабинетов, одинаковый синий цвет костюмов. И тогда был дан «зелёный свет» проекту. Потом пошла серия указов и общих изменений в финансовой системе страны, и мы оказались на мели.

Если не сделают исключение, не снизят пошлины для ввоза оборудования, ожидаются большие проблемы с деньгами. Не хочется быть пессимистом, но в последние годы почему-то часто возникают обстоятельства, действующие против нас.

К совещанию я основательно готовился. Проанализировал состояние всей отрасли на примере нашего завода и других предприятий. Много вижу изнутри, ибо каждый день приходится бороться за выживание, за то, чтобы удержаться на плаву. Я сформулировал несколько предложений по нормализации работы отрасли, которые мог бы представить на обсуждение. По наивности полагал, что в Правительстве будет небезынтересно поговорить с директором, который, что называется, прямо из окопов и, кроме того, руководит заводом почти десять лет. Мне есть, что сравнивать и оценивать. Но чиновники, накануне, а затем в приёмной предупредили: «Никаких разговоров на

темы, не связанные с затронутыми в письме Президенту, никаких дополнительных бумаг и документов!».

Я повиновался. Может, зря? Но не всё упущено. Нам всё равно понадобится дополнительная встреча в Правительстве. Ибо сняты вопросы, обозначенные в письме, но жизнь, пока бумага ходила по инстанциям, скакнула вперёд.

Голос мой дрожит:

«Тихо летят паутинные нити.

Солнце горит

на оконном стекле...

Что-то я делал не так?

Извините:

Жил я впервые

на этой земле».

Сегодня, 23 августа, похороны Роберта Рождественского. Его слова обращены к нам. Его песни — сверкающий ливень музыки и поэзии — подарены нам. Запомним его таким. И помолчим.

Энергетическая комиссия временно заморозила цены. Дальше просто некуда повышать. Может, всё-таки остановимся, пока топливно-энергетический комплекс своим неуёмным аппетитом не сгубил сам себя.

Давно наступила пора корпоративных соглашений во имя повышения уровня взаиморасчётов. Необходимо перешагнуть через честолюбивые устремления.

Взаимные неплатежи предприятий в России достигли ста двенадцати триллионов рублей.

Пригласил врачей из поликлиники, которая когда-то обслуживала кремлёвских работников. Сейчас это возможно. Заплатили — и все дела. Милые, интеллигентные люди, вдруг оказавшиеся на финансовой мели, быстро и деловито перестроившись, начали помогать периферии.

Результаты превзошли все ожидания. Мы договорились обследовать триста больных, которые лечатся давно и не совсем успешно, и триста человек, которые вроде бы не жалуются на здоровье. В обеих группах оказалось много неожиданностей.

Случались грустные моменты, когда считавший себя здоровым человек оказывался болен. Многие пожелали проконсультроваться у психотерапевта. Приходили супружескими парами, пытаюсь понять, почему для них стала характерна озлобленность, нетерпимость, несдержанность. Немало тех, кто, недоумевая, жаловался на резкие изменения характера, на потерю интереса к жизни, подавленность.

Мы пришли к выводу, что на заводе надо немедленно организовать кабинет психологической разгрузки. Врачи успокаивают: это — общая закономерность, результат политической, экономической нестабильности. Аллергия, астма, желудочно-кишечные заболевания прогрессируют.

И варварское отношение к природе даёт свой результат. Нашим потомкам предстоит осваивать новое мировоззрение и практику, иначе среда обитания превратится в среду вымирания. Медики говорили, что появился даже новый термин — экоцид. В отличие от геноцида явление более масштабное и опасное. Экоцид — уничтожение всего живого по экологическим причинам. Резкое падение продолжительности жизни — прямое действие экоцида. Появились экологические эмигранты. Стоит только назвать Кемерово, Прокопьевск, Чапаевск, Новокуйбышевск, и станет до сердечной боли понятно многое. Ребёнок, родившийся в 1993-1994 годах, может не дожить до пенсионного возраста. Только каждый пятый выпускник школы здоров. Каково будет поколение от них?

Не обошлось и без «курьёзов». Заводской управленец, неплохой специалист, но к спиртному, мягко говоря, равнодушный, заядлый курильщик, оказывается в свои пятьдесят семь самым здоровым человеком в заводууправлении.

Пошла серия передач с участием Александра Солженицына. И радостно, и как-то не по себе... боязно за него. Наше общество с усилиями выцарапывается из удушающих государственных объятий.

Из нашей городской газеты: «Состоялось заседание Совета директоров АО «Нефтехимзавод». На нём рассматривались организационные вопросы. Совет директоров решил удовлетворить просьбу генерального директора акционерного обще-

ства об уходе на пенсию. Исполнение обязанностей директора до собрания акционеров возложено на главного инженера И.Г. Шахматова».

Какой уход на пенсию, когда директору всего пятьдесят три года? Просто на комбинате работает комиссия по банкротству...

Сегодня на заводе наткнулся на дремавших работников, которые по должности своей обслуживают контрольно-измерительные приборы и хроматографы. Двое лежали на подоконниках, один — развалившись в кресле. Сонное царство. Было досадно и... больно. Еле сдержался, чтобы не накричать. Но с вызванным начальником цеха состоялся жёсткий разговор. Что же получается? Мы ещё ни разу не сорвали на заводе выдачу зарплаты. Средняя величина её довольно приличная для наших дней. Вся тяжесть легла на плечи управленцев, ибо в высшей степени возросла роль финансово-кредитной деятельности, маркетинговой, юридической, коммерческой. Нагрузки на эти службы увеличились в разы. В самом производстве при падении его уровня, снижении грузооборота, уменьшении вообще технологических операций напряженность труда явно снизилась. Кроме того, прекратив выпуск полиэтилена, уволили не четыреста человек, как надо бы, а всего сто семьдесят. Остальных рассредоточили по цехам.

Вот и появилась видимость благополучия. А на самом-то деле забот «по нахлесткам», как говорит моя матушка. У неё на многие случаи жизни свои выражения. Я раньше часто сбивался на слова из её лексикона, теперь — реже. Надо, чтобы тебя понимали окружающие. А «нахлестки» — это верхний уровень рыдвана, как верхние края у кошёлки. То есть: дел по края. Я раньше всё собирался составить словарь из слов моей матушки. Да руки не доходят..

Работа первых руководителей часто похожа на выступление штангистов. Такая же тяжесть, напряжённость, устремлённость к успеху и необходимость чёткости исполнения движений. Так же, как штангисты на помост, по разному подходят руководители к решению проблем. Многое зависит от темперамента. Один несколько раз примеряется к грифу, выверяет место, где надо вцепиться мёртвой хваткой. Делает это так

сосредоточенно, что кажется, будто вообще впервые в жизни видит штангу. Другой непременно вымажет всю грудь, ладони и прочие места тальком, поднимет пыль столбом и рванётся к успеху. Третий совершит молитву у публики на глазах. Те, которые сопровождают свои движения криком, невнятным и отталкивающим, вообще мало интересны. Но есть мастера, которые видят себя со стороны. Эстетическая оценка для них исключительно важна. Им всё равно: знает или нет зритель о том, сколько труда положено на тренировках и как велик сейчас вес. Им важна, как для циркового атлета, красота движений.

Таковы наши интеллектуалы Юрий Власов и Давид Ригерт.

Среди первых руководителей есть свои Власовы и Ригерты. Они мне наиболее симпатичны.

Сентябрь

Немного отлегло от сердца. В конце рабочего дня без приглашения вошёл в кабинет слесарь Николай Алексеев. Ну, думаю, вновь набедокурил. Работящий мужик, но невыдержанный и взрывной. Мы когда-то вместе работали в одной бригаде ещё в Новокуйбышевске.

— Сергеич, не волнуйся, меня никто нигде на сей раз не задерживал, в вытрезвитель не попадал. Я по другому вопросу.

— Какой сегодня?

— Ты подписал приказ о переходе на четырёхдневную неделю?

— Вынужденно.

— Правильно! Подписывай ещё один, меня мужики наши прислали.

— Какой же?

— Надо всем уменьшить зарплату процентов на тридцать, временно. Мы потерпим, а завод этим, может, сохраним.

— Многие так думают?

— Многие, а если ты сам к этому призовёшь, поддержат и остальные.

— Я над этим уже думал.

— Ещё одно пожелание, а может, просьба-требование, можно?

— Давай.

— Не пиши заявления об уходе.

— С чего ты взял?

— С того, что обложили нас со всех сторон. Мы понимаем: тяжело руководить. Сосед наш — директор — написал? Написал. У них комиссия по банкротству работает. Ты этого допустить не должен. Народ тебе верит. Уйдёшь... пропадёт завод, да и ты на стороне без него не сможешь. Мы так решили: с тобой до конца. А помирать, так с музыкой. Побреемся, почистимся, белые рубахи надеваем... и — с Богом. Молодец, что объявил месячник по культуре производства. Нельзя опускаться. Всё драят, скребут, метут, красят. Солидарность с тобой демонстрируют. Тебя поддерживают. Так что — рули, капитан!

Он ушёл, а я остался один на один со своим рулём. Да, на «палубе» пока порядок. Я сам не позволяю распространять вирусы нытья и уныния. Но в «трюмах» уже пошла ржа, течь грозит отяжелить. Но остойчивость и плавучесть сохранить можем!

У начальника цеха Толстова не заладились отношения со своим заместителем, грамотным инженером. Я не стал разбираться, но посоветовал полущуть:

— Не мужики, что ли? Возьмите бутылку, посидите на природе вместе. Может, до чего договоритесь по-хорошему.

Сказал и забыл, а сегодня Толстов, пока ехали в машине, рассказывает:

— Знаете, давно хотел научиться рыбачить спиннингом. А тут подарили такой симпатичный, игрушка для взрослого мужика. Вот и пригодился к вашему совету. Мой заместитель, оказывается, в этом деле бесподобен. У него в лиманах такие места, весь двор щуками закармлил.

Попросился вместе съездить в воскресенье на рыбалку. Он отказываться не стал, очевидно, надоели натянутые отношения.

Мудрёное это дело — хорошо забросить блесну. И хлопотное. Но мой учитель терпел. Вместе распутывали «бороду», вместе меняли блёсны. Сложным оказалось притормаживать катушку, чтобы леска во время полёта не давала слабину и при падении блесны, когда происходит остановка, не запутывалась. Десяток забросов — и мой большой палец на правой руке от попыток вовремя остановить катушку стал в ссадинах

и кровоточил. Безынерционная катушка у Игоря Ивановича работала, как часы. При его росте и сноровке всё выглядело спортивно, элегантно и завлекательно. Он бросал блесну раза в три дальше, чем я. Всё вообще здорово, но нет рыбы. Меня это как-то не устраивало. Красиво, но не продуктивно. Я начал действовать. Надо сказать, всё, что случилось потом — результат моей инициативы. Я заметил в камышах старенькую плоскодонку, и пока мой зам красиво и далеко бросал отливающую бронзой металлическую штуку, вычерпал воду, нашёл в траве крепкое весло и был готов к плаванию.

Если здесь нет щук, то они должны быть где-то в другом месте. Мой коллега не возражал. Оттолкнулись от берега веслом и наше судёнышко пошло на простор.

Перепробовали десяток блёсен. Щука не брала. Лишь один раз, к моему огромному удивлению и сожалению, маленький щурёнок-сорванец размером с карандаш вяло так и нехотя прошёл за блесной, но в метре от лодки передумал и отвалил в сторону.

Нас незаметно прибило ветром к противоположному берегу. И тут открылись новые возможности: над нашими головами с шумом пролетали кряковые утки и плюхались за камышом в воду. Там, на плёсе, их скопилось немало. Мне было так жаль нереализованных возможностей Игоря, по моей просьбе несколько раз к моему восхищению попадавшего блесной точно в то место, которое я указывал, что у меня созрел план. «Иваныч, — спрашиваю, — мог бы попасть в кучу уток метров с двадцати?» «Нет вопросов, — отвечает, не задумываясь. Тут же, сообразив, загорается. — Это великолепная идея: почему именно — рыба, когда есть утки?» «Вот-вот», — подначиваю. Порешили так: потихоньку плывём к камышам. Он, пригнувшись, сидит наготове на носу лодки, я тихо гребу. Когда лодка врывается в узкую полоску камыша, он резко встаёт и бросает блесну в цель. «Послушай, когда будем приближаться, не смотри пристально на них». «Почему?» — спрашивает. «Я слышал, они чувствуют взгляд, могут взлететь раньше времени». «Прямо, как женщины», — смотрит он недоверчиво.

Мы устремились к полоске камыша. Когда лодка коснулась его, дал последнюю установку: «Целься в самую крупную крякву!». Он не сплоховал: встал во весь рост и сделал бросок.

Произошло нечто странное. Стая уток разделилась. Одна часть взлетела. Другая, образуя стройный рядок, поплыла прямо на нас, повинаясь движению лески, наматываемой на катушку. Мы не успели ничего понять, как на берегу вдруг выросли фигуры охотников с ружьями наперевес... Пойманная дичь оказалась подсадными резиновыми утками, связанными бечёвкой.

Рыбалка на уток закончилась мирно. Заспанные, но уже протрезвевшие охотники, для порядка поворчав, пошли вновь в свой окопчик. Мы же, расставив уток на прежние места, отправились к своему берегу.

— Ну, а как моя педагогика, — спрашиваю, — реализовал?

— Знаешь, мы ни о чём серьёзном не говорили. Голова на рыбалке становится пустая-пустая. Замечательный отдых! Только и мыслей: клюнет — не клюнет? Самый главный вопрос! Нахохотались вдоволь. Парень он, оказывается, мировой. Сегодня иду к нему домой. А что? Сынишка отбивается у него от рук. Посижу — погляжу, может, как своего Дениса, гандболом смогу заразить.

Был в городском музее. Зашёл посмотреть на обновлённую экспозицию. Ещё не всё закончено. Приятно пахнет деревом. Вокруг пока не прибрано. Художники хлопочут около красивой люстры. Директор узнала меня:

— Стенд о вашем заводе готов, хотите посмотреть?

Экспозиция выполнена аккуратно и содержательно. Ксерокопии о приёмке завода в эксплуатацию, телеграммы в Правительство о выдаче первой продукции. И люди. Замечательные наши заводчане, ставшие историей города, страны.

— Но у нас беда!

— В чём дело?

— Посмотрите, вот материал о ветеране, замечательном человеке и труженике. Вот его награды. Орден Ленина, в том числе.

— Да, я знал его лично. Он работал на заводе, что называется, до упора. Вышел недавно на пенсию и вскоре умер.

— Верно. Теперь его родственники требуют вернуть им его орден. Я не могу этого сделать.

— Почему?

— Он передан нам добровольно его женой.

— Так почему же хотят забрать?

— Видите ли, намерены продать.

— Много стоит?

— Они заявили, что на вырученные деньги смогут купить два автомобиля. У музея таких денег нет. Я лично заплатить не могу. Уже пожаловались в высокие инстанции. Скорее всего, придётся отдать. Может, завод что-нибудь придумает?

Я невольно усмехнулся, вспомнив историю о том, как старик-слесарь продал свой орден всего лишь за пачку сигарет в начале перестройки. Промахнулся отец. Сколько же теперь он займел бы курева?!

Сегодня, слушая духовой оркестр, вспомнил одну историю. Случилась она со мной в Нью-Йорке в восемьдесят шестом году. Тогда ещё наш брат-производственник мало бывал за границей, тем более, в Америке. А если и бывал, то чаще всего ездил посмотреть заграничное производство. Мы же получили приглашение известной фирмы «Луммус» после того, как разработанный заводскими учёными под руководством главного отраслевого института, не имевший мировых аналогов, новый процесс попался на ВДНХ на глаза иностранным специалистам. Нам предстояло впервые вести переговоры о продаже американской стороне лицензии на нашу технологию. Всё непривычно. Конечно же, гордились своей наукой, своим заводом.

Переговоры оказались затяжными. Когда появлялось свободное время, пытались побольше походить по улицам, посмотреть своими глазами то, что было раньше недоступно.

Мой маршрут был прост: выходил из гостиницы «Веллингтон», высотное здание которой видно отовсюду, и по авеню и стритам, расположенным с прямолинейной простотой, затерявшись в многоликой разноязычной толпе, один, без коллег и переводчика, гулял по Нью-Йорку. Дал себе слово не заговаривать ни с кем. Не обнаруживать, что я — русский. Ходить и смотреть молча. Мне и этого было сверхдостаточно.

...На улице, перед маленьким ресторанчиком, играл небольшой оркестр. Я подошёл. Полукольцо слушателей, отгородивших музыкантов от общего уличного потока, живо реагировало на игру. Белозубые чернокожие ребята — трубач и ударник — гипнотизировали публику. Часто, не дожидаясь

окончания игры, слушатели аплодировали. Звучали знакомые и незнакомые латиноамериканские и английские мелодии.

Я погрузился в незнакомый мир, красивый, но чужой. Будто набрав как можно больше воздуха в лёгкие, нырнул в глубину и толща воды, сомкнувшись сверху, отгородила на время от близкого и родного... Душа тянулась к чужому, недоумённо оглядываясь, бережно храня своё, оставшееся там, далеко-далеко.

И вдруг оркестр заиграл совсем иное. Я даже вначале не понял, что именно. Я оторопел. Эти первые звуки раздвинули надо мной своды и я оказался дома. Они играли вальс «Амурские волны».

Обрушился шквал аплодисментов. Я смотрел на слушателей. Похоже, что русских не было. Но принимали музыку с большим подъёмом.

Амурские волны плескались широко и привольно. Для них не существовало границ. Улочка разомкнулась вширь. Была одна музыка на всём белом свете, музыка амурских волн. Когда она кончилась, вновь — шквал аплодисментов.

Я напрочь забыл о своей установке ни с кем не заговаривать. Хотелось всем сказать, что русский, что это наша музыка! И очень рад тёплому вниманию к ней! Во мне всё ликовало. Но я всё-таки сдержался.

Когда же у музыкантов наступил маленький перерыв, подошёл к рослым чернокожим парням в оркестре и на английском языке попеременно с русскими словами стал их благодарить.

— О, рашн! — они улыбочиво потянулись ко мне.

Пришлось нарушить конспирацию:

— Ес, ай эм рашн.

Мы по-дружески крепко обнялись

Ездил маршрутным автобусом в областной центр. Моё место оказалось у окна. На выезде из города на остановке вошли в автобус двое: мама и дочка. Одно место свободное есть, но не у окна. Это обстоятельство явно не устраивает девочку. Мама, манерная, модно и со вкусом одетая дама, садится на свободное место. Девочка, трёхлетний белокурый сорванец, решает почему-то, что у неё больше прав, чем у меня, на то место, которое занимаю я. Или я не очень представительен и со мной можно поступать по-своему. Она тут же оказывается между мной и

окном, и пытается, уже протиснувшись, завоевать часть сиденья. Уступаю ей, встаю.

— Красиво как, мама, смотри — вон лошадка на полянке!

— Нехорошо, Людочка. Нельзя так некультурно себя вести. Верни дяде место.

— Я его не брала, пускай садится, сам встал. Ему, наверное, не нравятся лошадки. Смотрите-смотрите, какая огромная стрекоза летит!

Стрекоза действительно большая — военный вертолёт, только что поднявшийся с лётного поля. Несколько минут хватило, чтобы мама и дочка стали центром внимания всего автобуса. И мама красивая, и девочка забавно себя ведёт, делая всех пассажиров улыбочивее и добрее. Теперь уже все прислушиваются к диалогу матери и дочки.

— Людочка, всё-таки нехорошо. А вы, молодой человек (это ко мне), садитесь, пожалуйста, зачем стоять?

— Дяденька, садитесь, в ногах правды нет, — передаёт мне Людочка мировой человеческий опыт и освобождает часть сиденья.

Я благодарен. Не очень удобно себя чувствовать в центре внимания. Сажусь. Мама ведёт свою линию. Либо ей понравилось всеобщее внимание, либо — по инерции:

— Людочка, давай сделаем так: ты всё-таки уступишь дяде всё место, а я за это тебя сегодня к себе в постельку спать положу, хорошо?

Пассажиры, втянутые в этот диалог, ожидают Людочкиного ответа.

— Нетушки, мамочка, не хочу!

— Ну, почему же, хорошенькая моя?

Маме явно не мешает всеобщее внимание, наоборот, оно стимулирует её педагогические устремления.

— Я, мамочка, с тобой не лягу, потому что у тебя попочка холодная. Так папа говорит, правильно?

Нашей дамочке повезло, автобус остановился и она, схватив за руку столь прелестный объект воспитания, с пунцовым лицом выскочила на улицу. В автобусе стало намного спокойнее.

Но скучно как-то...

Диабет оказался не самым страшным зверем. С помощью неутомимой моей жены, соблюдая некоторым образом диету, кажется, ушёл от этой болезни. Может, на время, но анализы крови на сахар нормальные. У меня часто в последнее время возникает ощущение, что живу под лёгким, но мощным крылом невидимого ангела-хранителя.

Всё-таки надо признаться: жалею, что, делая свой доклад в Правительстве по реконструкции завода, не повёл при вице-премьере Сосковце разговор о неплатежах. Буквально через неделю он возглавил оперативную правительственную комиссию, которая теперь занимается этой проблемой. А у меня был подготовлен материал на примере нашего завода и были конкретные предложения. Я тогда подчинился всемогущим чиновникам только ради того, чтобы не заблокировали возможность новой встречи.

Завод «на мели». У нас нет задолженности перед бюджетом, но налоговая инспекция наш долг соседнему нефтеперерабатывающему комбинату направила в картотеку, поскольку нефтепереработчики крепко задолжали городу. Пока мы платим городу за соседа, возникнут огромные проблемы с закупкой сырья, реагентов, заработной платой. Не исключён останов ряда цехов.

«Когда стал импотентом, как гора с плеч». Эту фразу мне сказал недавно коллега-директор.

Когда меня спрашивают, почему не иду в политику (мол, есть опыт хозяйственника, опыт депутатской деятельности, учёная степень доктора наук и т.д.), не сразу нахожу, что ответить. Но я вспоминаю Кропоткина, который, желая участвовать в переустройстве мира, ушёл из науки (у него были на этом поприще значительные успехи) и стал политиком, считая, что это — кратчайший путь к достижению желаемого: перестройке общества. Что из этого получилось, можно судить по его же высказываниям 1917 года, которые приводит в своих воспоминаниях Куприна-Иорданская (в записи Вержбицкого): «Приехал в Питер князь Кропоткин, теоретик анархизма. Его сводили в штаб анархистов. Князь был подавлен грязью, мо-

ральным неряшеством этого гнезда. Его возмутил вид молодых людей, вооружённых до зубов, с наглыми лицами. Придя навестить Плеханова (он жил тогда у Куприной-Иорданской), он рассказал ему об этом и грустно добавил: «И для этого я всю жизнь работал над теорией анархизма!». Плеханов вздохнул: «Я в таком же положении. Мог ли я думать, что моя проповедь научного социализма приведёт ко всему тому, что говорят и делают сейчас...».

Октябрь

Три дня в Париже.

Кажется, мы в очередной раз удачно ухватились за спасительную соломинку: нашли фирму, готовую поставить уникальное для России оборудование на два миллиона долларов в счёт компенсации этой суммы нашей продукцией.

Переговоры были напряженными. Личного времени хватило только на две ознакомительные поездки. Одна из них — в местечко Сент-Женевьев-де-Буа в тридцати километрах к югу от Парижа, где находится русское кладбище. Моим давним сокровенным желанием было поклониться могиле Ивана Бунина. И вот оно оказалось реальностью.

Всё обыденно, просто и торжественно. Пройдя через ворота церкви Успенья, построенной в новгородском стиле архитектором Альбертом Бенуа, наша небольшая группа оказалась на кладбище.

Мы были ошеломлены. Кладбище — свидетельство пережитой Россией величайшей драмы. По-другому это не воспринимается. Здесь нашли последний приют десятки тысяч наших соотечественников, не принявших новый порядок в России и оказавшиеся без дома. Несмотря на то, что место, на котором упокоились наши русские, составляет значительную часть, кладбище Сент-Женевьев-де-Буа является муниципальным и предназначено, в общем-то, для жителей этого уголка Франции.

Какие здесь лежат россияне! Писатели Иван Бунин, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Алексей Ремизов, Георгий Иванов, Борис Зайцев... Художники Константин Сомов, Зинаида Серебрякова, Константин Коровин... Русские дворяне

Голицыны, Мусины-Пушкины, Гагарины, Трубецкие, Шереметьевы, Толстые... Князь Феликс Юсупов...

После этих фамилий и посещения братских захоронений дроздовцев, алексеевцев, Русского кадетского корпуса, русского казачества остаётся либо кричать в голос, не помня себя, либо затравленно молчать. Около шести тысяч могил и десяти тысяч захоронений!

Подталкиваемый желанием как можно больше увидеть и узнать, я устремился к могильным плитам, открывая для себя всё новые и новые имена. Но скоро, душевно обессилев, вернулся к скромной могиле Ивана Бунина. Но и здесь не сумев обрести покой, пошёл в кладбищенскую церковь.

В юности я был покорён Буниным. Прочёл всё, что смог достать. Некоторые строчки рассказов носил в себе. К рассказу «Лёгкое дыхание», потрясшему в детстве, возвращался многократно. Повзрослев, зачем-то убеждал себя, что эта история — сплошная выдумка. Это не жизнь, так не бывает. Но постоянно готов был поверить в Олю Мещерскую, в близкое лёгкое дыхание. «Теперь это лёгкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре». Концовка рассказа уже не казалась мне мистической, как раньше.

С кладбища ушёл поздно, а ночью в номере гостиницы записал строчки:

*Я давно мечтал об этой встрече
На земле чужой пусть, но не там —
В небесах, где не звучат уж речи,
Где безмолвьем замкнуты уста.*

*Но, боясь неосторожным словом
Незначай нарушить тишину,
Плачу я и снова, снова, снова
Стыдно мне и горько за страну.*

*Окаянным дням уж нету счёта,
Новый вышел яростный виток.
Дьявол правит по своим расчётам,
Рвётся мутный бешеный поток...*

Наутро предстояло отправиться в обратный путь, в Россию.

Что же это за месяц — октябрь, постоянно проверяющий наше общество на крепость? Этот день — 11 октября — назвали «чёрным вторником». Уверен, что виновников обвального падения курса рубля на валютной бирже не обнаружат. Несмотря на то, что Ельцин собрал Совет Безопасности, чтобы заслушать доклады Лобова и Степашина о результатах исследования. Нельзя же за три дня найти зачинщиков и исполнителей столь крупномасштабной аферы. Не найдут их и после. Не для того всё вершилось. Этот вторник не только «чёрный», он ещё и очень «тёмный». Как я понимаю, у финансовых и правоохранительных органов, которые должны заняться проверками в коммерческих банках, шансов на выявление их истинной роли в торгах 11 октября нет. Конечно, руководство Минфина и Центрального Банка заслужило наказания. Ну, а компенсация ущерба населению? С этим как? А впрочем, ведь ни Центробанк, ни Минфин, ни валютные воротилы-спекулянты не в силах нанести такой сильнейший удар нашей национальной валюте. Здесь другое. Она в лапах, щупальцах осьминога, в тисках. И тиски эти — кризис производства, отсутствие серьёзных инвестиций, неконкурентоспособность наших технологий и продукции на мировом рынке из-за высокой себестоимости. Есть от чего «причечениться». Опять попалось на язык мамино словцо. «Причечениться» — выглядеть хмуро, пригорюниться.

У моего давнего приятеля Бориса Луконина радость и боль вперемежку.

— Ты понимаешь, — говорит, — уму непостижимо, это только моя Галина может так поступить. Только с ней такое может случиться. Люди добрые, что делается!

— Послушай, ты почти причитаешь! Скажи толком и короче.

— А вот толком не могу. Нету толка, одна бестолочь. Вчера моя младшая родила.

— Так замечательно, ты второй раз — дед. Поздравляю!

— Да подожди, дай расскажу, как родила.

И он рассказал.

Дочь Галина, студентка медицинского института, готовясь рожать, просмотрела всю специальную литературу. Более того, свекровь, с которой она живёт вместе, по профессии акушерка,

дала ей несколько чисто практических советов. И вот наступил день, а вернее утро, когда все торопились на работу. У Галины начались схватки.

Муж, шофёр по профессии, тут же предложил отвезти жену в роддом, машина под окном. Свекровь хотела остаться дома, пока всё образуется. Галина от всех предложений отказалась, заявив, что родит поздно вечером, это совершенно ясно по всем признакам. Она ведь столько всего изучила! Торопиться некуда. Несмотря на общее недомогание, выпроводила всех на работу и осталась одна.

Через час схватки усилились и Галина позвонила свекрови. Как потом выяснилось, во время звонка начались роды.

— Когда свекровь приехала, вдруг обнаружилось, что в спешке забыла ключи от входной двери. Дверь открыла изнутри сама роженица, держа на груди дочку с болтающейся пуповиной. На тумбочке, на кровати лежали медицинские книги. Студентка рожала по книжкам дома.

Белёсые брови моего приятеля полезли ближе к резким крылатым морщинам на лбу. Он смотрел на меня, не мигая, воспалённо и вымученно.

— Послушай, а ведь мы все такие.

— Кто — мы? — не понял я.

— Ну, мы все. И ты, и я!

Я неуверенно возразил:

— Нам рожать как будто пока не приходилось...

— Ещё как приходилось! Всё наше общество в схватках. Что, не так?

И сам себе ответил:

— Так! У России, как у моей Галины, в избытке и советчиков, и наблюдателей. И толковых, и бестолковых. Она сама: и знает, что делает, и не знает. И чужой опыт хочет знать, и по книжке, и без книжки, и своя гордыня глаза застит. И всё сама хочет! И всё по-своему, будто никого вокруг.

— А что делать?

— Не знаю, — сбросил он пыл.

— Может, в той самой пуповине, которой держимся за прошлое, всё дело?

— Не знаю, — повторил он снова. — Верю только в благополучный исход. Но каких нелепых и тяжёлых мук это будет

стоять! Кто их измерит? Нет такого инструмента. И единицы измерения нет. Так ведь?

«Есть единица измерения, — подумалось мне. — Наши судьбы».

Скорбный день. 20 октября. Утром узнал, что повесился Виктор Ярцев — один из пострадавших от несчастного случая на заводе, получивший ожог лица и груди. Уже выписавшись из больницы, не захотел жить изуродованным.

Вечером ещё одна трагическая весть: на 75-м году жизни умер Сергей Бондарчук. Обрушилась глыба! Основательнее, серьёзнее и ближе по духу я в современном искусстве никого не знал. Я любил Сергея Фёдоровича. Очень ждал его картину «Тихий Дон». Будет ли теперь она? Какая будет без него? И какие мы сами будем без Бондарчука, Крючкова, Леонова, Смоктуновского?

Сегодня Александр Солженицын выступил в Москве перед депутатами Государственной Думы. Увы, горько говорить, но сам факт приглашения Солженицына на высокую российскую трибуну, беспрецедентный в практике молодого парламентаризма, стал явлением более сам по себе, нежели речь писателя. Она была выслушана с тем вежливым вниманием, с которым ученики слушают большое школьное начальство, едва-едва сдерживая своё нетерпение дожидаться конца нравоучениям и порезвиться во дворе. Грустно.

«Мы выходим из коммунизма самым искривлённым, самым болезненным, самым нелепым путём». Это звучало больно, но это уже не откровение для большинства из нас. Где он, иной путь?

Солженицына трудно причислить к чьим-то шеренгам. Ни одна партия, фракция, ни государственная власть, которой крепко досталось в его речи, не может назвать его своим единомышленником. И хотя облик Солженицына вызывают в памяти Толстого в его известной рубахе, писатель, очевидно, не станет властителем дум масштаба автора «Войны и мира». Время другое.

Наше «переломное время», кажется, начинает избавлять нас от бесспорных общенациональных авторитетов. Это ещё

надо правильно понять. В этой крайности кроется много беды. Пример — то, что мы сделали с Сахаровым.

Недавно познакомился с одним интересным человеком. Пётр Андреевич Дунаев. Старику девяносто лет, сельский интеллигент, учитель. Преподавал географию, историю, рисование. Обошёл пешком всю область, был в геодезических партиях. Искал нефть, соль. До недавнего времени жил в Серноводске. Старуха умерла, надо было куда-то прибиваться к своим. Переехал в наш город, живёт с дочерью. Старик рассказал такую историю.

Он работал учителем в одном заволжском селе. Времена крутые, самый разгар культа личности. Где-то в инстанциях получилась нехватка: требовалось добавить врагов народа. Их село должно было дать ещё одного человека. Следовало самим определиться, кто будет этим самым врагом. Партийцы сидели долго втроём в сельской избе. Решали и остановили выбор на церковном старосте. Во-первых, он староста, что уже большой криминал по тем временам, а, во-вторых, занимался частным промыслом: пилил изредка дрова, сушняк, и продавал в городе. Так делали многие.

— В какой-то момент, — говорит Пётр Андреевич, — почувствовал, что я здесь самый грамотный, больше чем кто-либо понимаю, что творится незаконно. Я больше остальных должен нести ответственность за то, что случится. И решил воспротивиться.

...Как отговаривал он своих собеседников, рассказывать не буду, но в конце концов они решили: у них в селе больше нет врагов народа. Доложили наверх и страшно удивились, что их оставили в покое...

Чуть позже слух дошёл до несостоявшегося врага. Зашёл он в гости к Петру Андреевичу, принёс в крапивном мешке три больших солёных леща. Больше ничего не нашлось. Но Пётр Андреевич от лещей отказался. Церковный староста всё понял, не обиделся, сложил рыбу в мешок и ушёл. Этих лещей могли посчитать взяткой...

А в восемьдесят седьмом году, почти через пятьдесят лет, он пришёл опять к Петру Андреевичу, разыскал его. Пришёл уже совсем старым человеком, чтобы вновь поблагодарить. Сказал:

— Не дал ты тогда, Андреич, чтобы жизнь моя пресеклась. А у меня с того момента родились ещё четыре сына, а теперь вот уже девятнадцать внуков, правнуков. Вот сколько «враженят» от «врага» народа!.. А один сын, младший, стал Героем Советского Союза!

И засмеялся бодро, совсем не по-стариковски.

Ноябрь

Из газет: четырьмя выстрелами убит директор акционерного общества «Рязанский мясокомбинат». Застрелили поздно вечером в подъезде собственного дома, куда за ним вошли трое молодых людей. Мотивы преступления следствию пока не известны. Это не первое покушение, не первое убийство хозяйственных руководителей Рязани. Ни одно из подобных преступлений не раскрыто.

Пиши, мой «чёрный ящик»...

Второго ноября разбросанных по земле «чёрных ящиков» стало больше.

В Сибири произошли сразу две авиационные катастрофы. В аэропорту города Усть-Илимска потерпел аварию пассажирский самолёт Ан-12. Погибли 9 членов экипажа и 14 пассажиров. А в районе посёлка Батагай (Якутия) при заходе на вынужденную посадку разбился самолёт Ан-2. Погибли 6 человек.

Михаил Сарайкин, сосед моей матушки, любил пофилософствовать про жизнь ещё до перестройки. Он когда-то, подростком, жил в семье кулаков Тимонтаевых и имел о раскулачивании совершенно определённое мнение:

— Вот ты смотри, — он выхватывал из рукава свой крепенький ловкий кулак и вертел им перед носом собеседника, — что это? — И сам отвечал, растягивая звуки: — Ку-у-у-лак! А это? — он резко разжимал пальцы и совал пятерню в лицо собеседнику. — Что это? Ничто! Тьфу, да и только. Так вот и с Тимонтаевыми: всё вроде крепко, надёжно, богато! А посмотри: лавка, полы некрашенные, косырём скоблили, чтобы навести чистоту. Весь достаток держался на каторжном артельном труде четырёх братьев. На порядке. Умели работать. И меня усыновили, и ра-

ботать научили. Им благодарен. Когда их всех забрали в первый раз, так Петро с Фёдором из Кинеля убежали домой, чтобы пшеницу убрать с поля в амбары. Мы всю ночь волочили её на себе. Хлеб — всему голова. И вины за собой они не ведали. Не успели вернуться, на другой день снова арестовали. Вот, если бы наши колхозники так болели за дело, а? А то ведь не своё, вот и нет ударной силы-то. Нет кулака, а есть растопыренная пятерня.

— Но ведь и в колхозе многие люди трудились на совесть, — возразил я.

Он посмотрел на меня, помолчал и, глядя поверх моей неразумной головы, сказал фразу, которая была постоянно у нас в селе на слуху и к которой я уже привык, как к прибаутке, не особо вдумываясь в смысл:

— Да, — сказал бедняк, — хорошо в колхозе жить, — и сам заплакал.

Вспомнил этот давний разговор потому, что наша действительность отвела директорам предприятий судьбу, схожую с кулачеством. Словно над их головами занесена чья-то тяжёлая длань и хозяин её не ведаёт, что очень многое в нашем российском доме зависит от умения, стойкости и надёжности первых руководителей.

И лавки, и полы будут в нашей горнице чистыми. И будет, что убирать в поле. Только не мешайте, а помогайте. Тогда и итог окажется положительным. И хлеб, как братья Тимонтаевы, вовремя уберём в наши с вами амбары... Едва не сказал: «закрома Родины».

В конце рабочего дня звонит Мамонов, главный инженер энергосистемы:

— Послушай, ты полипропилен выпускаешь?

— Нет.

— А полиэтилен дашь? Тонн триста?

— Не дам.

— Почему?

— Остановил производство. Оно убыточно.

— А не боишься, что в один час придёт человек с ружьём и скажет: «А ну, пускай!».

— Это уже было. Человек с ружьем нам и скомандовал: «Остановить!».

— Кто такой?

— Тот, кто отвечает за ценовую политику и тарифы. Высокие тарифы опрокинули в долговую яму, а затем за неплатежи нас ограничили в отпуске энергоносителей.

— Так и не пустились?

— Нет. Стоять менее убыточно, чем работать.

— Во даём!

— Даём! Общими усилиями.

«Вот выкусывают», — сказала бы моя мама, что по её словарю — чудачат.

Вся прошедшая неделя, казалось, состояла из оглушающих событий в Чечне, связанных со штурмом Грозного и участием в нём русских военнослужащих.

Руководство России оказалось перед исключительно ответственным выбором. Или способное в любой момент перерасти в войну чрезвычайное положение, или сложный, не сулящий быстрых успехов переговорный марафон? Сила моральная или физическая? Вот несколько строк из экспресс-анализа аналитического центра газеты «Известия»: «В попытках повлиять на этот выбор в обществе выделилось две силы, две позиции: «партия мира» и «партия чрезвычайного положения».

Организующим центром «партии мира» в эти дни стало Федеральное Собрание. На закрытых заседаниях палат проявилось невиданное в послеавгустовской России единодушие депутатского корпуса, в подавляющем большинстве выступившего против введения ЧП на территории Чеченской республики и за мирное разрешение конфликта.

В Госдуме эту позицию заняли лидеры всех основных фракций, даже те, кто в более спокойные времена требовал восстановления единого государства в границах 1945 года.

...По решению Президента, сегодня утром российские войска вошли в Чечню и блокируют Грозный. Переговоры во Владикавказе предваряет переданное по телевидению его обращение.

Похоже, нынешний день — 11 ноября — это начало новой страницы истории России. Мирной ли?

«В Департамент по строительству, архитектуре и жилищно-коммунальному хозяйству передан для продажи физкультурно-оздоровительный комплекс, возводимый АО «Строитель». Объект со спортивным залом, бассейном, сауной, душем, прочими удобствами заморожен из-за отсутствия средств на его строительство. Комплекс с восьмидесятипроцентной готовностью будет продан тому, кто возьмётся его достраивать».

Это из местной газеты. К сожалению, такова реальность. Подобные объекты не только продаются из-за отсутствия средств на окончание строительства, но и перепродаются с целью получения прибыли.

Мне самому пришлось всю прошедшую неделю заниматься делами, связанными с покупкой профилактория. Он действующий, но владелец не имеет средств на содержание. У нашего завода — неоплаченные векселя. Кредиторы согласны забрать покупаемый нами профилакторий вместе с землёй в счёт погашения векселей. Нам это выгодно. Неплатежи покрываются взаимозачётом, сумма которого намного превышает цену и земли, и самого здания. Консультировался в фонде имущества у юристов: всё законно. Рынок! Наверняка знаю: профилакторию конец (ибо он в черте города — пойдёт под офисы, склады и т.д.) и отдыхать будет негде.

Какие-то винтики во мне начали барахлить. После всего того, что уже было с моим организмом, стыдно паниковать, но всё же. Временами болит голова, особенно после нападения, когда чуть выше виска получил рану и наложили несколько швов. Уважая во всем ясность, вышел на московских врачей на Старом Арбате. Заплатил, и вот диагноз: «...у пациента ишемическая болезнь сердца в виде нарушения ритма...».

Успокоили...

С утра встречался с представителем бразильской фирмы, торгующей нашей продукцией. Продают они и этиловый спирт. На вопрос о том, кто потребляет его в Бразилии, ответил:

- Сахарные заводы.
- Но зачем им этиловый спирт?

— Очень просто. Федеральные власти обязывают определённое количество получаемого из сахара спирта отдавать производителям автомобильного бензина в Бразилии.

— Зачем?

— У них из-за дефицита нефти и в целях охраны окружающей среды бензин разбавляется спиртом. В случае нехватки сахарного тростника производители покупают спирт за границей, используя его и как стопроцентное карбюраторное топливо.

Ночью снился жуткий сон. Меня судили за то, что будто бы в электричке толкнул на ходу человека. Тот выпал и разбился насмерть. Я за собой такого не помню. Намеренно подобного сделать не мог. Но судья, понимая и принимая мои протесты, тем не менее имеет доказательства, заставляющие выносить суровый приговор. Я не толкал никого! Но есть свидетели, доказывающие обратное. Я метался во сне, пытаюсь найти выход из чудовищно нелепого и тяжёлого положения. И, кажется, нашёл. В подсознании родилась вдруг спасительная мысль: надо скорее проснуться. Тогда всё разрешится: дурной ли это сон или чудовищная правда. Проснулся. Слава Богу! Это было лишь сновидение. В реальной жизни не было ни электрички, ни суда.

Встал. Подошёл к зеркалу. И вдруг спохватился: сегодня же 18 ноября! Ровно десять лет, как работаю директором завода. Так каким же я стал с тех пор, как согласился на эту должность, поставив мысленно перед собой «зеркало», чтобы, периодически вглядываясь в себя, не потерять лучшее в себе?

На меня смотрел седой, лысеющий, с мешками под глазами человек. Вряд ли он улучшил свои личные человеческие качества. Да, стал опытнее, профессиональнее, жёстче, рациональнее и изобретательнее. Даже изощрённее. Никого ни разу сознательно несправедливо не толкнул. Но ведь сколько волн от меня шло. И как разнообразно они влияли на окружающих! И как их гасили или усиливали люди, работающие рядом! Вполне возможно, что кого-то сбilo с ног.

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся». Слово! А поступки — тем более.

Не явится ли ко мне судия и не предъявит ли обвинение наяву? Как сегодня ночью во сне?.. И мне будет нестерпимо больно.

Итак, на столе указ Президента по нашему заводу. Что он даёт?
«...постановляю:

1. Освободить на период проведения реконструкции акционерное общество от обязательной продажи части валютной выручки, получаемой от экспорта товарной продукции, а также ресурсов углеводородного сырья, с направлением указанных средств на реализацию проекта реконструкции и погашения кредита Баварского банка (Германия), выделенного на эти цели.

2. Контроль за целевым использованием валютной выручки, упомянутой настоящим Указом, возложить на Министерство финансов Российской Федерации и Федеральную службу России по валютному и экспортному контролю.

3. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания».

Увы, освобождение от обязательной продажи части валютной выручки не спасает. Нужны на период реконструкции щадящие условия по налогообложению, тарифам на энергоресурсы, перевозки. Разумеется, с последующим (после ввода мощностей) возвратом долга. Но это, как оказалось, в компетенции только Госдумы России...

Дал указание помощникам готовить обращение в Думу.

Начинаю думать, что мог бы попытаться написать роман о нашем времени. Давно чувствую в себе толчки, заставляющие связывать одно с другим, выстраивать, додумывать уже увиденное, услышанное. Это подталкивает к бумаге. Увиденное, продуманное, видоизменяясь, просится в какие-то формы, которые чётче, ярче, более выпукло показывают саму жизнь. Ту, что видел и чувствовал сам.

Накопилось много историй, которые рассказываю друзьям, незаметно сам для себя каждый раз пробуя форму. И они уже существуют по-своему, по своим законам. Мои рассказы иногда перестают походить на то, что было на самом деле, но от этого они не тускнеют. Кажутся ещё более достоверными и правдивыми.

У меня есть знакомый, который полушутя-полусерьёз доказывал мне, что хотя и не опубликовал ни одной строчки,

он — поэт, ибо воспринимает жизнь как самую высшую поэзию. Сочинил всего одну строку и постоянно, уже много лет, находится под её обаянием. Не решается ничего добавить, жалея тратить саму жизнь на сочинительство. Вот эта строка:

«...здесь жизнь текла...»

Странно, я, кажется, готов с ним согласиться. Хотя у меня — несколько иное. Порой возникает состояние, когда видишь и чувствуешь себя один на один со всем окружающим миром. Ты — и всё, что кроме тебя. Или ты — это всё, что в тебе, вокруг тебя, рядом, а вперёд — бесконечное, безграничное, необъятное и непонятное, вечное... И тут прорывается желание обрести душевное равновесие, схватиться за спасительную суть, удержаться за неё, открыв её для себя, а может, и для других...

В течение прошлых суток произошли два захвата самолётов в России. Газета от 25 ноября: «В ночь на 24 ноября вооружённый пистолетом террорист попытался захватить пассажирский самолёт Ту-154, летевший из Душанбе через Ставрополь в Москву. Как сообщает ИТАР-ТАСС, угонщиком оказался кадровый военный, подполковник, заместитель начальника отдела Министерства обороны Таджикистана». И второй случай: на этот раз самолёт Ту-134 следовал по маршруту «Сыктывкар-Пулково-Минск». Угонщик — электротехник шахты «Южная» из Воркуты.

Ощущения, что наш завод, весь его коллектив — это лайнер с заводчанами-пассажирами, не покидают меня. Напротив, всё более усиливаются. И захватчики-террористы с момента акционирования проявляют себя всё настойчивее. Часто чувствую дыхание в затылок. Глухо, но доходят через третьи лица разговоры о том, что завод возьмут «на корню». Есть и более отчётливые проявления...

Достоверно это или нет, но сегодня по телевидению прошла информация, что в Чечне оппозиция взяла Грозный, Дудаев скрывается со своими единомышленниками на окраинах города.

25 ноября председателем Правительства Временного Совета назначен Саламбек Хаджиев. Я немного его знаю, он некоторое время был министром нашей отрасли.

В октябре звонили из Москвы, предупредили, что рассматривается моя кандидатура на должность директора Всесоюзного научно-исследовательского института по переработке нефти. Мне надо было определиться, желательна ли, срочно приехать. Задал вопрос:

— Кто ещё может претендовать или предлагается на эту выборную должность?

— Реально ещё двое, возможно, один из них — Хаджиев.

Через два дня позвонил и попросил снять мою кандидатуру. Не потому, что не уверен в себе. Я уже однажды решил, что завод в таком положении бросать нельзя.

Хотя, конечно, работа могла быть интересной.

Сегодняшний день закончился приятной новостью. Наши мало-мальские успехи заметны и со стороны, о чём говорит это письмо:

«Уважаемый господин Стражников!

Мне очень приятно сообщить Вам, что Ваша компания после предварительной процедуры отбора представлена к авторитетной Международной Награде «ФАКЕЛ БИРМЕНГАМА» за успешное экономическое выживание и развитие в трудных условиях зарождающихся рыночных отношений. Ваша компания включена в список кандидатов на получение этой Награды. Выбор делается международно признанным комитетом на основе рекомендаций, полученных из диверсифицированных источников экспертной информации.

Руководимое Вашей управленческой командой предприятие соответствует критериям выбора фирм, награждаемых «ФАКЕЛОМ БИРМЕНГАМА».

На фоне исторических событий в России, связанных с переходом на новую экономическую систему, деятельность российских компаний привлекает внимание представителей деловых кругов и экспертов на Западе. Российские предприятия работают в трудные времена, подобные периоду Великой Депрессии, которая потрясла США около 60 лет назад. Успехи российских лидеров бизнеса вызывают восхищение их коллег в разных странах. Награда «ФАКЕЛ БИРМЕНГАМА» является данью уважения деятельности руководителей

предприятий, успешно развивающихся в новых социально-экономических условиях.

С уважением, Директор комитета по награждению».

Кредит под нашу реконструкцию застрахован в германской государственной компании «Гермес».

Россия в этом году по классификации компании «Гермес» отнесена к самой высокой пятой категории рискованности по вложению средств. В этом списке, кроме стран СНГ, ещё Камерун, Замбия, Судан... В первой, самой надёжной категории: Сингапур, Южная Корея, Тайвань...

Нам надо торопиться с реализацией своего проекта. Пока ещё верят. Хотя и меньше, чем остальным в мире.

Калейдоскоп событий. Три дня назад телевидение сообщило о взятии дворца Президента в Грозном, о том, что уже известен глава нового Правительства, а сегодня оказывается, что события вершатся с точностью «всё наоборот».

В этот же день президент Ельцин ультимативно потребовал от участников вооружённого конфликта в Чечне в течение 48 часов «прекратить огонь, сложить оружие, распустить все вооруженные формирования, освободить всех захваченных и насильственно удерживаемых граждан». Если этого сделано не будет, то в Чечне объявят Чрезвычайное положение.

В Грозном действовало когда-то прекрасное предприятие — Грозненский химический завод. Бывший флагман нашей отрасли, с которым мы постоянно соревновались и у коллектива которого многому учились. Первый раз я оказался там в 1970 году и с тех пор периодически встречался с десятками специалистов. Где теперь эти люди? Что будет с заводом? Знаю, он давно уже стоит. Не до него.

Декабрь

Сижу за столом с повышенной температурой. Грипп. Второй день принимаю разрекламированный колдрекс. Пока только надеюсь на выздоровление.

Только что вернулся с похорон начальника городского пассажирского предприятия Василия Антошкина. Его сын Алек-

сей, попав в автомобильную катастрофу, повредил позвоночник. Лежит пятый месяц в больнице, не вставая. Отец пришёл в субботу навестить сына и... сердце не выдержало, умер у его изголовья.

Так начался декабрь. В ноябре было не лучше. Умер мой бывший сосед Михайловский. Из Москвы на похороны выехал его младший брат Виктор с сыном. Под Сызранью у Виктора не выдержало сердце. Сняли с поезда. Там и скончался.

Подобное стало обычным явлением. Что это?

В нашем стотысячном городе в 1994 году умерли более тысячи человек, то есть из каждой сотни — один не жилец. Налицо резкое снижение жизненных ресурсов. Нечем стало жить. На фоне раздвая, разбоя, обнищания, безверия снизилась сопротивляемость. Мы, плохо это или хорошо, привыкли к открытости, коллективизму. Как это ни шаблонно звучит, к «чувству локтя». Теперь этого нет.

Из сообщений Интерфакса: «В течение ближайших 10 лет численность населения России может сократиться на 16,5 миллиона человек, или на 11,2%. Ожидаемая продолжительность жизни при этом не будет превышать 59,3 лет. Такой прогноз сделал Госкомстат РФ совместно с Центром экономической конъюнктуры при Правительстве России. В настоящее время население России насчитывает около 148 миллионов человек».

«Горькая детоубийца — Русь». Так сказал Максимилиан Волошин. Неужели нам суждено оказаться свидетелями справедливости его приговора и для наших дней? Если так, то мы летим в пропасть.

Стал избегать говорить о сложных проблемах. Вначале удивился: я сам обязал себя делать это в течение года. Потом, кажется, понял, в чём причина. Проблем всё больше и больше. Сил хватает только на то, чтобы днём заниматься их решением. Уже затруднительно повторное осмысление их вечером. Перегрузился. И организм, и психика сами ищут выход, работая на самовыживание. Перегрузка, очевидно, достигла предела.

Надо обязательно съездить в село к маме. Она — последняя, кто знает и помнит нашу многочисленную родню. Свидетель того сельского уклада, который сейчас многим трудно даже представить себе...

В прошлый приезд мы посидели за чаем, поговорили. Взяв карандаш, она начала, палочками отмечая на бумаге каждое имя, вслух называя тех, кого не стало за последние два года из наших близких и хорошо знакомых. Получилось более трёх десятков! Я ужаснулся. Не столько поразила сама грустная арифметика, как то, что все они не просто ушли, а унесли с собой каждый «своё». И оно, это «своё», зримо и деятельно влияло когда-то на мою личную жизнь, жизнь нашей большой улицы и всего села. Они так расцветивали своими характерами и поступками наш быт, что я вновь убоялся, подумав о теперешнем молодом поколении. Они не видят и не знают тех красок и того вкуса жизни, которые были раньше. И в этом вина не только «застойного периода» и не только сегодняшнего развала. Тут более глубокие причины, которые я не могу пока чётко сформулировать.

Но генетический потенциал Создатель всё-таки распределил рационально. Неминуемо грядёт возрождение. Иначе зачем само накопление опыта, потенциала? Так думал я, глядя в окошко на просторную улицу меж кустов жёлтой акации, где в тенистом затишьи колеса огромного, вросшего в лебеду «Кировца» двое соседских ребят распивали бутылку водки.

— Знаешь, то, что было сегодня или вчера, могу забыть напроць. А случившееся до войны, сразу после войны, давным-давно, в детстве — помню. Правда, чудно? Во мне что-то поновому теперь ворохнулось. Я многих, кто в моей жизни был, начала видеть, как живых. Это нормально?

В это воскресное утро в наших с мамой воспоминаниях вновь возвращались мы чаще всего к моему деду Ивану Дмитриевичу. К его песням, которых дед знал немало. Когда голод в Поволжье заставил его со всей семьёй уехать в Сибирь, он прожил там несколько лет. Шорничал, скорняжил, конюшил. И, конечно, охотничал и рыбачил. Как только появилась возможность, вернулся в Заволжье. Все мои дядья родились в Сибири.

Слова «Сибирь» и «старинный» произносились в семье деда с особым оттенком. Они несли в себе непреложные признаки надёжности и крепости.

Я любил слушать песни, привезённые дедом из Сибири. У нас пели больше мужчины. Дед Кузьма, дядька Фёдор. (Имена-то какие!) Пели всегда душевно, негромко. Обычно это застольное пение я наблюдал, лёжа на печи. Дед мой пел, подперев левой рукой подбородок. У него сухое красивое лицо с аккуратными усами. Дед Кузьма чёрен и бородат, в нём что-то цыганское. Чаще всего он выглядел сумрачно. Пел густым басом. Дядя Федя Остроухов — розовощёкий, пухлый, безбородый и безусый. Хитрый и лукавый, его слышнее на подгосках.

Нередко у деда в доме гостевали мужики из соседних Покровки, Зуевки, Кулешовки, Домашки. Они приезжали на воскресный утёвский базар с ночёвкой. Была ещё одна тому причина: дед потихоньку выдeldывал овчины, хром. Я знал, что это тогда запрещалось. Услугами деда пользовались жители многих сел. Круг знакомых был большой. Почевали в мазанке во дворе, в саду. Спали и в доме на полу, расстелив тулупы и шубняки. И нередко вечерами пели.

Была одна песня, которая мне особенно нравилась. Когда дед её запевал, все смолкали. Как бы признавали за ним единоличное право на эту песню.

*Пускай могила меня накажет
За то, что я её люблю,
Но я могилы не утрашуся,
Кого люблю, я с тем помру.*

Для меня это всегда звучало как завещание. Будто действительно моего дедушки должно скоро не стать. Эта песня — волшебство, наваждение. Она преследует, вернее, живёт во мне всю жизнь — такая простая с виду...

Много позже, вспоминая эти вечера, я понял для себя нехитрые вещи. У человека в жизни обязательно должна быть песня. Простая, как дыхание. Непременно о любви. А любовь — до гроба.

Куда бы художественное мастерство ни заносило, какие бы формальные высоты ни влекли, но если нет сокровенной простоты, не будет и души в песне.

Всё собирался записать песни моего деда, но не успел...

Есть в нашем лесу деревья, с которыми знаком десятки лет и которым всегда рад при встрече. Они — мои товарищи. Есть и такие, о чьём существовании вообще никто, кроме меня, не знает.

Я поездил по белу свету. Видел кокосовые пальмы. Срывал бананы и, делая это, вспоминал наши бахчи, где можно босыми ногами, балуясь, катить арбуз по влажному песку дороги до самой речки, навстречу ожидающим тебя таким же, как и ты, загорелым и весёлым ребятам.

На Центральной улице в моём селе стоят два дома: один — деревянный, покрашенный в светло-голубое, другой — саманный, коричневого цвета. Деревянный — дом моего деда. В нём я родился. Время было военное, зимнее, метельное — до больницы не добраться. Да и вообще в те времена роды нередко принимала повитуха. Так было и со мной.

В саманном доме живёт сейчас моя матушка — самый дорогой мой человек. У первого дома в палисаднике всегда росла жёлтая акация — поставщица самодельных многоголосых свистулес для ребятни.

В палисаднике у саманного дома растут карагач и клён, посаженные мною ещё в том возрасте, когда собственная жизнь только начиналась, а мир за околицей села и там, вдали, в больших городах, казался таким нестерпимо манящим и завораживающим...

Когда я первым в нашем роду получил дневное высшее образование, меня вдруг что-то толкнуло: я — должник перед всеми моими родственниками и сельчанами. Я должен как-то выразить то, чему был свидетель, свидетель целых пластов уходящей жизни, уклада, быта. Но — недооценил сложность поставленной задачи. Или — переоценил свои возможности...

Мы приехали с женой в этом году в санаторий «Волжский утёс» в конце октября. Обычно багряные в эту пору рябины стояли по-летнему зелены и многолиственны. Берёзы в аллеях образовали навес над тропинками. Лишь изредка — там, вдали, в лесной крутояри — мелькал багряный цвет.

Первая же прогулка принесла подарок. На полянках, которые раскинулись меж золотящихся сосен, обнаружили цветущую землянику. Чудо! Обычные крохотные белые цветочки,

но когда! 19 октября! Это ещё не всё! Обследуя полянку дальше, мы наткнулись у самой её кромки на ягоды земляники! Некоторые чуть не целиком красные. Мы, может, ещё потому так радовались своему открытию, что не успели этим летом побывать в лесу. Совсем не отдыхали на природе. И вот вознаграждение! Набрали ягод, и каждый из нас в горсти нёс этот чудесный подарок, ликуя и веря с этого момента в какую-то особенную нашу удачливость.

Мороз ударил на следующее утро. Мы, как дети, поспешили на нашу полянку с земляникой. Конечно, всё повяло. Всё было неузнаваемо. Праздник кончился.

— Как жизнь, — обронила жена.

Я не понял и машинально переспросил:

— Какая жизнь?

— Жизнь человека. Из ничего вдруг возникает и так же внезапно в никуда уходит.

Помолчали, думая, очевидно, об одном. А я невольно себе отметил: так она никогда раньше не говорила.

Когда шли обратно, встретили знакомого.

— В такую рань, что делать в лесу?

— Да вот, землянику ходили смотреть.

— Чудите, ребята, какая земляника? Скоро ноябрь!

Мы с женой переглянулись. Действительно, не странно ли?

Мама, мама... Пока мы вместе, мы сильны. Всякий раз, провожая меня, ты сдерживаешь себя. Не плачешь. Но мне-то видно, каких усилий тебе это стоит. И у меня в такие минуты дрожат губы. Мы об этом никогда вслух не говорим, но я так боюсь, что в самый последний прощальный момент меня не будет рядом.

Так случилось, когда уходили мой дед, бабушка... отец...

Застрял в Курске сын Петр, в Тольятти и Самаре осели дочери Люба и Надя. Ты ехать никуда не хочешь. По молодости я сильно желал, чтобы ты перебралась к нам. Но потом, насмотревшись на родителей своих приятелей, привезённых доживать в город, понял: они здесь, как рыбы, выброшенные на берег. Без ежедневных привычных хлопот, без земли жить ты не сможешь.

Сидит и в эти дни в доме напротив на балконе, как в скворечнике, старушка и с высоты четвёртого этажа отрешённо смотрит потухшими глазами на незнакомую городскую суету.

И не с кем перемолвиться ей в этом многолюдье. И оттого ей ещё более одиноко.

Я не желаю тебе такой участи, мама.

Мама, мама... Оборвётся твоя жизнь и моя подвинется ближе к той пропасти, в которой исчезает всё. После тебя старшим останусь я.

Но пока ты есть, сечёт ли дождь, палит ли солнце, сжигает ли горечь и боль, я соединён тобой по-особому с нашими пра-родителями. Они передали нам умение смеяться так, как это теперь делаем мы, смотреть на мир так, как смотрим мы, любить и горевать так, как это можем мы...

В реконструкции завода, кажется, могут появиться некоторые сдвиги. Одна американская фирма предлагает выпустить муниципальные облигации на недостающую сумму сроком погашения в десять лет.

Суть в том, что в виде гарантии под них закладывается областная собственность. На это, как правило, фирмы идут охотно. Причём ценные бумаги — отзывные. Если у предприятия появятся средства, оно имеет право выкупить их. Может это сделать и сама область. Её интерес явный: ничего не вкладывая, получить уникальный завод по выпуску полиэтилена. Региональная программа «Упаковка» задыхается без полиэтилена. Все вроде бы «за». Вместе с американцами побывал у заместителя главы Администрации области Валентина Завьялова. Теперь жду окончательного решения.

Сочинское начальство на подобное решилось. Там выпустили такие облигации. Собираются строить игорные дома.

Наш вариант интересен ещё одной особенностью. Деньги тратятся только на строительство нового производства. Даже если действующий завод становится банкротом, это не влияет на судьбу вложенных средств. Всё, что будет построено, можно продать, заложить под выплату по облигациям. Можно выкупить их. Они должны котироваться высоко.

Мария Петровна, соседка по лестничной площадке, сдержанно, не торопясь, рассказывает:

— Заболела в десять лет тифом. Страшно и сейчас вспоминать. Мама пригласила батюшку. Это я теперь понимаю,

что все прощались со мной, поставили на мне крест. Матушка сказала: «Не гневи Бога. Батюшка спросит: грешна? Отвечай: грешна. Кайся. Тебе легче потом будет». Батюшка стал со мной не спеша разговаривать. И вдруг спрашивает: «Огурцы у соседей с грядок воровала?» «Нет, — отвечаю испуганно, — не воровала, не грешна». А самой страшно, обещала матушке слушаться. Но ведь я не воровала. Правду говорю. «Желала плохого своей подружке когда-либо?» «Нет, — отвечаю, — батюшка, не желала». «Ведь неправду говоришь. Сознайся». «Нет, батюшка, говорю правду», — отвечаю, а сама дрожу вся. Когда батюшка ушёл, мама укоряла меня: «Что же ты такая упрямая оказалась, батюшка был недоволен, ты оказалась невоспитанной». «Но, мама, я же...» Мне не хватало сил говорить. Всё лицо в слезах. «Ну, не грешна и не грешна. Бог с тобой». Почти семьдесят лет с того дня прошло, а помню всё до мелочей.

И неожиданно улыбнулась светло и всепрощающе.

Очевидно, мы всё-таки закончим год с прибылью. Это важно во всех отношениях. Особенно для настроения на следующий.

Эпилог

Всё случилось внезапно. Подвело сердце. Вернувшись поздно вечером с работы домой, он стал снимать обувь и... грузно осел на пол...

...В его рабочем столе среди заводских бумаг нашли два листа написанных столбцами слов с пояснениями. Это и был словарь его матушки, над которым Виктор Сергеевич всё-таки начал работать.

Вот то, что он успел записать:

Анчютка — дитя малое, неразумное;

Аряна — напиток из холодной воды и кислого молока (очевидно, от слова «айран»);

Бар-бир — всё равно, наплевать;

Бздырить — броситься, помчаться;

Бельтюки — глаза (насмешливо, презрительно);

Болтушка — жидкое варево для поросёнка из отрубей, лебеды, травы жирнухи и т.д.;

В охотку — с удовольствием, с большим желанием, соскучившись;

Доенка — то же, что и подойник;

Жданка — корова (нарицательное);

Затируха — суп из затёртых до лапши комочков теста;

Колоб — жмых;

Копалка — лопата;

Котяхи — кизяки;

Кулюкушки — игра в прятки;

Лапшатник — блюдо из самодельной лапши, яиц и т.д.;

Легчатъ — кастрировать;

Логунок — ёмкость для дѣгтя (подвешивался обычно сзади повозки);

Маслянка — устройство для катания на санках, которое делают на масленицу;

Мочѣнки — кусочки размоченного хлеба в молоке;

Ну тебя к Фарье — отстань;

Обошлась — о животном, скотине женского рода, означает: спарилась с особью противоположного пола;

Отлѣт — очень быстрый человек, лёгкий на подъѣм (раз — и нет его);

Паголенка — верхняя часть вязаного шерстяного носка;

Пахтанье — остатки жидкости после сбивания масла (от слова пахтать, то есть сбивать масло);

Пахтонка — устройство для сбивания масла;

Петяниха — жена Пети;

Подурай — то же, что дуралей, но презрительно;

Польская каша — каша, сваренная в поле. В ней много жидкости, после слива получается и суп, и каша отдельно;

Помочи — обычай, когда собираются родственники, соседи, знакомые и артельно строят дом;

Поярка — шерсть первого года стрижки;

Причинать — проявление признаков того, что начал развиваться в чреве плод (о скотине);

Пробой — металлический шкворень с кольцом на одном конце;

Проеферило — пробрало;

Проранка — петлица;

Рассупониться — развязаться, распоясаться;

Растележаться — распрячься, развалиться;
Расшелудить — растормошить;
Рваньцы — рваные руками кусочки теста, сваренные в воде;
Саламата — манная или другая каша для детей на молоке;
Сварку — блюдо, поданное с пылу-с жару, то есть очень горячее;
Скобьзился — скорчился, помер;
Сорокоуша — бочка ёмкостью в сорок ведер;
Тарарышный — человек с красным лицом;
Тук-мак — большой молоток; насмешливое о человеке;
Улькнуть — пропасть;
Утирник — полотенце;
Хлёбово — жидкая пища (от слова хлебать);
Чекушка — устройство на оси, чтобы не спадало колесо;
Черты — инструмент, представляющий из себя набор металлических пластин, раздвоенных с одного конца под разными углами. При кладке дома из брёвен им очерчивают пазы, которые надо рубить;
Чуляк — наподобие ведра, цилиндрическая ёмкость без ручек, обычно используемая для сыпучих материалов;
Чулида — схожее с шалавой;
Чуносный — человек, у которого дефект в строении носа;
Шалберничать — проводить время впустую, так-сяк, туда-сюда (шалберка — петля, на которую вешают оконные рамы, двери и др.);
Шементом — очень быстро;
Юлдыкнулся — быстро упал, опрокинулся.

III

Суслов сидел над дневником Ковальского до утра, пока не перевернул последнюю страницу.

Переживал, будто читал впервые.

Знал бы он, что в доме есть ещё один дневник, как мина замедленного действия, притаившаяся в прикроватной тумбочке его жены.

До поры Лена доверялась этой вишнёвого цвета тетрадке.

Каждый раз, начиная писать, приходила в нервное возбуждение. Дневник провоцировал её.

Решившись на задуманное, она перестанет его открывать. А в эту ночь, лёжа в кровати одна, Лена записала: «...Володя неплохой человек, даже наоборот. Но заниматься с ним любовью для меня стало сущим адом. Он всё поневоле... Я хочу, кого угодно. Это при живом-то муже. И так уже давно. Что мне делать? Я измучилась. Ненавижу этот завод. Он отобрал у меня мужа. Мне уже сорок один год. Нормальная ли я?».

* * *

В обеденный перерыв Суслов прорвался к Ковальскому.

— Я не согласен с концовкой дневника, — заявил он.

— С чем именно?

— С эпилогом. Не должны такие люди, как Стражников, умирать! Какой огромный потенциал! Он так ещё много сделал бы полезного. У него фамилия — Стражников! — почти воскликнул Владимир.

— Да, — кивнул Александр.

— Он как бы на страже всего! Самой жизни! А его раз — и нет! — горячился Суслов.

— Я так сделал, чтобы не путали со мной. Я не только о себе говорил. Такое сейчас со многими происходит.

— Понимаю. Он умер, как Самарин, — не унимался Владимир. — Но давай изменим конец. Не знаю: пусть уедет за границу от этого бедлама в стране. Потом вернётся, — настаивал Владимир.

— Нельзя!

— Почему?

— Не может вне России. Все корневища его в ней.

— Но что же делать? Оставь ему жизнь! Пусть, как Левинсон в фадеевском «Разгроме». С горсткой останется, но вернётся к активной жизни. Время другое и цели иные. Но...

— Нет, — возразил Ковальский. — Как есть: вернее...

Суслов повёз рукопись в издательство. А через месяц случилось неожиданное: умер директор химкомбината Прокофьев. Приехал домой с собрания акционерного общества, на котором новый собственник отправил его в отставку, и, снимая куртку в прихожей, повалился на пол. Почти как Стражников в «Чёрном ящике».

Узнав об этом, Владимир поспешил к Ковальскому.

— Знаю, — глухо обронил тот. — Не вынес, что комбинат пошёл по рукам. За два года сменились три собственника... А он ничего не смог сделать.

— Это был боец, — произнёс Суслов. — Я меньше тебя его знал, но наблюдал... Силы неравны. Жизнь круче литературы... Она дала мне урок. Ты прав, когда говорил о смерти Стражникова.

— Нет, — проговорил Ковальский. Голос прозвучал чётко. — Теперь я понял, как важно, чтобы такие люди, как Стражников, Прокофьев, Самарин, жили! Жили! Иначе мир оскудеет. В этом вся соль! Забери рукопись. Я переделаю её. Стражников должен жить!

— Не получится, — мрачно отозвался Суслов. — Вчера звонил в издательство — книга отпечатана и уже половина сброшюрована.

— Вторую половину притормози! — выкрикнул Ковальский. — Всего-то надо изъять эпилог и первую главку. В них сказано о смерти Стражникова.

Но Суслов не успел.

* * *

— Пап, я решил на время оставить аспирантуру.

— Как? — Ковальский-старший строго взглянул на сына.

Тот сидит за столом ладный, крепкий. Лицо сосредоточено.

— Вы хотели с мамой, чтобы внук Никита родился в России, я вернулся из Бостона. Хотя там неплохо платили. Теперь здесь хочу нормально зарабатывать на жизнь.

— И как ты собираешься это делать?

Сын не успел ответить.

— Мать, иди к нам, пожалуйста! — шумнул глава семейства. — Сын новость привёз!

Настя вошла в комнату и в недоумении присела на диван:

— У нас постоянный поток новостей, я не успеваю...

Сказала и вопросительно посмотрела на «ковальчат». Так она звала обоих Александров. Остальные — Соня, Серёжа и Аня — назывались у неё «ковальчушками», с ударением на вторую часть слова.

— Я все продумал. Буду работать и учиться в академии при Правительстве России.

— Что-то я не понял: «продолжать учиться»?

— Да, пап, я уже год учусь в ней, осталось ещё один.

— И мы не знаем! А Руфина?

— Руфина, пап, знает. Но я с неё честное слово взял, чтобы молчала пока. Если в Москве крутится восемьдесят процентов российских денег, то надо уметь работать с финансами. И потом, есть теперь ещё один довод: Катрин беременна. Мы решили, что она будет рожать.

— Ах, ты, батюшки! — только и проговорила Настя.

— А наука? Как же? — держал требовательный тон глава семейства. Сам уже с искорками в глазах посматривал на жену.

— К науке вернусь, — ответил сын, — чуть позже.

Минутное замешательство прошло, Анастасия уже не скрывала радости:

— Отец, здорово-то как! Может, внучка будет! Я так этого ждала.

Ковальский-старший в открытую улыбался:

— Куда деваться, сын, логика в твоих поступках есть, но надо кое-что продумать...

Сын пошёл бриться, отец с матерью остались в гостиной одни.

— Ну, вот, ты весёлая теперь, а то, вижу, два последних дня у тебя что-то не ладилось... А говорить не торопишься...

— Саша, как ты чувствуешь...

— Приболела или на работе что?

— Саша, не со мной беда... с Сусловым.

— Какая?

— Леночка Сулова, она... У неё роман на стороне.

— С кем?

— С Кретовым.

— Не может быть. С нашим?..

Настя развела руками.

— А Долгов? Знает?

— Философ. Говорит, что на всё воля сверху.

— Тоже мне — сверху! Блуд чистой воды! Чаще всего женщины любят дурных мужчин! — Александр шумно сел к столу, явно ошеломлённый свалившимся на него известием. — А Верочка, она что думает? Долгова!

— Она несколько раз ко мне в лабораторию прибежала. Не может смириться, в отличие от мужа. Предлагала всякие кары

для него. Она всегда считала Кретьова мелким грызуном, ты знаешь. Говорит, что Леночка вернётся от него опустошённой. Она права. Но я за Володю боюсь больше, — упавшим голосом говорила Настя. — Лена сильнее. Вера считает, что Суслов — человек неплохой, но не вызывающий любви, несмотря на внешнюю внушительность. Он это сам осознаёт давно, оттого комплексует. Последние дни дома не живёт. А раньше только ночевать приходил. Вы со своим заводом, как привязанные. Ничего для вас другого и нет.. Родить им второго ребёнка, сына, такого бы не было. Дочь Света, как поступила в институт, уехала в Саратов, всё и началось.

Александр взглянул на жену.

— Верочка горазда фантазировать. Тебе тоже завод мешает?

— Нет. Я тебя другим не представляю. И себя — тоже.

В прихожей раздался звонок.

— Сонька, наверное, — Александр поднялся из-за стола.

— Нет, это мама с ребятнёй. — Настя встала и, проходя мимо, чмокнула мужа в щёку: — Вот тебе за это!

— За что?

— За ребяташек и за меня, такую.

Ковальский промолчал. Всё думал о Суловых:

«Что же делать? Не везёт Владимиру! Знаю, все эти годы у него никого не было, кроме Лены. Предан, как собачонка. Неужто этим ей надоел?».

В комнату вернулась Настя.

— А где все? — спросил муж.

— Решили на рынок ещё сходить, загорелись. — И без перехода проговорила, продолжая прерванный разговор: — Лена призналась, что они как муж и жена уже давно не живут. Причина в Володе. — Настя села на диван.

У Ковальского дёрнулось лицо.

А жена говорила непривычно откровенно:

— Признётся, что пыталась побороть в себе женщину, убить влечение к другим мужчинам. Пила разные таблетки, чтобы ослабить бессонницу, раздражительность. Но проблемы только множились. Владимир не хочет лечиться категорически. Она сдалась — стала любовницей. А теперь вот..

Вошёл Александр, сел рядом с матерью.

— Ну, что пригорюнились? Всё замечательно! Если сын будет, назовем Григорием. А если дочь, давайте предложения вне конкурса.

— УЗИ не делали? — спросил отец.

— Рано ещё, — ответил сын и пересел за стол.

Ковальский встал. Не спеша прошёлся. Сел на диван к жене, словно хотел видеть Александра на расстоянии.

Ковальский-младший внимательно, не понимая отцовской озабоченности, смотрел на родителей. Откуда ему знать о каких-то других проблемах, тяготивших родителей. Смутно начинал догадываться, что не всё в порядке, но отцовский вопрос вернул всё внимание на себя.

— Ты уверен, что останешься в науке?

— Закончу академию и на правах соискателя начну делать диссертацию. Кандидатский минимум сдан. Зато буду знать менеджмент, аудит, бухгалтерское дело. Это сейчас важно. Пробую найти место. Кажется, в одном из подразделений «Газпрома» удастся. Учёба в Академии — без отрыва от основной работы.

Ковальскому-старшему показалось, что они с Анастасией сейчас, как школьники. Сын, так быстро став самостоятельным, чем-то их уже превзошёл.

Его несёт поток, у которого своя правота. И они, родители, хотя и опытнее, а не могут управляться с этим потоком. Он не их. Эта стихия другого поколения. И надо, очевидно, не противодействовать, а помогать сыну держаться в ней. Ему виднее. Он лучше чувствует свои в ней возможности, свою подъёмную силу, как говорил когда-то, в юности, лётчик Пудовкин.

— Это временное всё: и некое моё отступление, и провал в российской науке. Её кажущаяся ненужность и безденежье учёных — пройдут. Без производства и науки нет у всех нас будущего. Мы с тобой об этом говорили, пап, — нарушил молчание Александр-младший.

Отцу нравилось, что сын говорит достаточно уверенно и в то же время осторожно. «Думающий — это совсем неплохо, и на шее у родителей сидеть не хочет», — отметил он, наблюдая за выражением лица Насти. А та улыбалась.

— Что тебе так весело, а? — спросил он.

— Вы такие одинаковые. Даже чудно. Он — это ты в молодости.

— В старики меня записала?

— Нет, — ответила жена. — Не записывала я тебя никуда. Не мешай ему.

— Моё слово: поступай, как разум подсказывает, — подытожил Ковальский-старший. — В любом случае без помощи не оставим. Сын улетел в Москву вечером.

* * *

Весь следующий день Ковальский был сам не свой. Постоянно думал то о сыне, то о Суслове.

Вспоминалась студенческая пора, начало самостоятельной работы.

«Время было какое! — тихо удивлялся он. — А теперь... И поколение другое: менее импульсивное, более расчётливое и брошенное обществом. Моему Александру ещё повезло, я как-то помогаю. А у других?»

Ковальскому трудно представить начало своей самостоятельной жизни без того, что было раньше. Тогда подталкивала огромная потребность в специалистах, бурлило действующее производство, где можно двигаться вперёд. Существовала система отбора и поощрения молодых. Плохо это или хорошо? А как по-другому?

Сам собой подразумевался ответ: «Дело не в том, чтобы создавать для молодых парниковую, особую среду. Эта среда должна быть как таковая!»

Всплыл в памяти странный вроде бы эпизод из первого года студенчества.

...Ковальский долго не решался потратить две пятирублёвки, которые ему дала мать, когда впервые уехал в институт.

Эти бесценные мамины «пятёрки» он положил в толстенный том «Войны и мира», подаренный ему учительницей, которой в городе перестроил с напарником покосившиеся сени. Купюры пролежали нетронутыми около года.

Однажды, уже в девяностых, он вспомнил об этом и попросил своих заводских финансистов сделать ксерокопии пятирублёвых купюр, выпускавшихся при Советской власти. Они выполнили просьбу.

«Может, когда-нибудь рассказ напишу», — объяснил он себе это странное коллекционирование.

IV

Повесть «Чёрный ящик» не осталась незамеченной. В областной прессе появилось о ней два положительных отклика. По итогам регионального конкурса литераторов она была отмечена Дипломом первой степени.

Чуть позже в кабинете появилась представительница известной финской торговой фирмы с просьбой согласиться, чтобы произведение было переведено на английский язык. Ковальский не возражал.

Всё шло своим ходом, «самотёком». Ему было не до того. Он ничего больше не писал.

* * *

— Вчера случайно оказался в селе Якунино, что в Истринском районе. И был поражён: заливные луга, трава без конца и без края. Такое животноводческое хозяйство можно организовать! Что ещё надо? — говорил Ковальский.

Его собеседник, сухой, сдержанный в движениях директор научно-исследовательского института, доктор химических наук Сергей Дмитриевич Котельников улыбнулся:

— А что необходимо, чтобы наука и производство поднялись? Тоже всё есть. Но никому не нужно. Время такое.

Он нажал кнопку вызова секретаря.

— Кофе или чаю? — обратился Котельников к Ковальскому. — Воды?

— Чай. Чёрный.

Когда секретарь вышла, Сергей Дмитриевич спросил:

— Кофе так и не научился пить?

— Не научился.

— А я — водичку, — он вынул из тумбочки пол-литровую бутылку. — Кофе теперь — не мой напиток. Эта вода по особому очищена, Литвинов так говорит.

— Литвинов? — переспросил Ковальский.

— Да, Михаил Петрович. Он сейчас во главе небольшого заводика, всего сорок человек. Разливают вот эту водичку. Вчера ящик прислал. Разработал оригинальную систему очистки. Как сын погиб, совсем сдал, не работал нигде. Теперь ожил. У него со здоровьем нелады — цитовидка, ещё что-то... Ноги болят...

— А с сыном? В Чечне?

— Нет. Три года назад ещё. При штурме Белого дома. Случайно рядом оказался.

— А Пороховщиков? Они всегда вместе были, где он?

— Консультант какой-то фирмы.

— Вот дела! — не удержался Ковальский. — Такие светлые головы... Как так получается? Бывший зампред Госплана разливает водицу, а замминистра — консультирует!

— Жить на что-то надо? Дети, внуки... — развёл руками хозяин кабинета.

— Неужели окончательно выпали из гнезда?

— Но ведь и ты не воспользовался многим. Остался почти как все — ни с чем. А мог завладеть заводом, если б захотел. Не решился накопленное поколениями посчитать своим личным? И других не допустил. Значит, либо чувство принадлежности ко всем обманутым, либо разум и совесть дали знак: творимая приватизация более чем сомнительна. Не захотел участвовать?

Ковальский ответил не сразу.

— Я очень уважал своих родителей. Если б жили сейчас, были бы на моей стороне. А потом, и капитала-то первоначального не имел. То, что в Сбербанке лежало, в одночасье пропало. Надо было либо украсть, либо провернуть какую аферу, что одно и то же. Я этого делать не мог.

— А что Екатерина Ивановна? Ты сказал: «Если бы они жили...».

— Мамы не стало в начале года.

— Вот кого я запомнил больше всех из твоих — матушку. На мою похожа очень. А отец? Он...

— Оба отца ушли.

— Оба? Ты что-то знаешь о Станиславе?

— Освобождал Варшаву. Там и похоронен, в родном городе. Я был на его могиле. Он скончался в прошлом году.

— И не говоришь!

— Я и сам ещё не привык к этому.

— Хоть могилу, а нашёл. Молодец!

— Дочь Соня отыскала.

— Мать, Екатерина Ивановна, успела узнать?

— Нет, я не сказал. Она тяжело болела.

— После твоего «Чёрного ящика» стал часто вспоминать свою мать. Она учительствовала в начальных классах в Оренбургской области. Такая же, как твоя — труженица. Чтобы нас поставить на ноги, они с отцом держали корову, овец. А по-другому и нельзя учителям. Я думаю теперь, что русская женщина — чистейший образец терпения. У твоей матери судьба особая. И у тебя. Два отца... Надо написать тебе и об этом, о поездке в Польшу. О том, как отыскал могилу родителя.

— Я там пытался вести кое-какие записи, но это всё очень личное.

— Так в этом и ценность! Всё, что прошло через сердце, — всегда живой душе интересно. Наши родители... О них мало сказано правды. А сами о себе не умели говорить. Твоя повесть о Стражникове мне понравилась. Жалко, что он умирает. Мой совет, — Котельников выпрямился в кресле, глянул ободряюще на Ковальского, — оставь производство. Ты у нас, у химиков, один такой директор. Попробуй написать о нас, «технарях». Мы это заслужили. Помнишь роман «Битва в пути»? Ведь неплохо! Ты и в дневнике говоришь, что сумел бы написать что-то значительное. Верю! Тот, кто идёт не от философии, а от жизни, может опережать реальных политиков. Ты взял всего один год жизни Стражникова. Но ведь у него в прошлом и детство, и юность. Продли ему жизнь. Хотя бы в минувшее, в молодость. Расскажи, какими были те, кого теперь обзывают «красными директорами». На которых и сейчас немало держится. Где их корни, раскрой! Прокрути его жизнь назад. Только ничего не приукрашивай. Про нормальную жизнь, как есть, расскажи... Талант там, где правда. На наших глазах произошло неповторимое: раньше, до середины века, горожане составляли треть населения страны. Теперь наоборот: треть в селе, остальные в городах. Кто они? Такие, как мы. Ты — один из нас. И Стражников... Осмыслить надо...

Ковальский молча слушал. Котельников продолжал:

— Сколько сейчас выходит всякой писанины. У многих проснулось желание высказаться. Не всем хватает умелости. В тебе удачно соединились и знание простой жизни, и опыт производственника. Это нечасто бывает.

— Заикливание на вчерашнем дне, своём ли, целого народа, ведёт к разрушению самого важного — души. И потом: эта

жизнь в ушедшем не угнетает ли настоящее и будущее? — раздумчиво произнёс Ковальский.

— Но как же без знания прошлого? Вот об этих утратах, об угрозе потери будущего и напиши.

— Представляете, как это непросто? — покачал головой Александр.

— Попробуй! Помнишь, как толкал тебя писать докторскую?.. Я десять лет работал главным инженером завода. Скажи мне: разве мы жировали? Нет. Я себя и тебя не считаю интеллигенцией! Считаю людьми умственного труда. Трудоголиками.

— Но были и другие. Сколько таких, которые, не зная дела, пересаживались из одного кресла в другое. Послушные — под суровым взглядом партийного чиновника стояли на вытыжку, готовые к исполнению любого указания. А те, кто поматерее и поопытнее, запускали «дурочку» на орбиту: затевали «стройку века». Или что-то ещё, но непременно масштабное. И под шум и барабанный бой сходили с рук и огрехи, и самодурство, и вседозволенность. Видел и это. И самому приходилось играть по принятым правилам. Куда деваться?

— Но, если ты это и делал, уверен, не для себя лично. При больших делах, я допускаю, возможны и немалые промахи, ошибки. Но главное — мы были державниками. Скучно быть «негосударственными» людьми. Сейчас, как никогда, нужна правда! Необходимо мощное возрождение культуры. Кое-что можно успеть. Крепь уходит из-под ног, опоры нет..

— Можно ли определить, в чём и в ком сейчас опора? И есть ли она? Вы, мудрый и учёный человек, скажите?

— Учёность моя здесь не подмога. Скорее, надо прислушаться к интуиции. Надежду на воскресение Отечества можно связывать только со сбережением нормального, не поддавшегося на дьявольские соблазны и не приложившего руки своей к разрушению нашей жизни, человека. Сбережение правды и добра — разве не это главное?

Ковальский молчал.

— Сомневаешься? Мол, говорит одно, а сам во главе частного предприятия. Выкупил его у государства. Так? Руку-то всё же приложил, мол...

— Я думаю: всё непросто, — отозвался Ковальский.

— Именно так. Не мог я отдать целый научно-исследовательский институт в чьи-то чужие руки. Продал квартиру, перебрался к теще. Продал машину, гараж, дачу. Кредит взял. Рисковал, конечно. Но стал владельцем. Разве для обогащения? Ради сохранения! Чтоб не разорили. Как-никак, институт служит науке и кормит нас, учёных, большинство которых всегда было бессребрениками. Многие не приняли перемен. Государство, перешагнув допустимые границы, лишило их активного труда. Законным путём зарабатывать на жизнь стало почти невозможно. Что делать? Некоторые просто не пережили, ушли в мир иной. Но так нельзя... Надо всё-таки жить! Мы, русские, едим друг друга. Это прискорбно. Неужто самоистребление — наш удел? Не верю! Нужна взаимная поддержка. Сейчас мало кто может оценить, как высока квалификация тех, кому я даю работу. В аренде площади — и этим тоже подрабатываю. Опыт и знания — при мне. Член-корреспондент РАН. Снова купил квартиру... Но я стар. Тягловая сила выдохлась... Поизносился. И раньше продыху не было, и сейчас. Но сравнивать, анализировать — это в крови.

О многом они успели поговорить. Вспомнили, как начинали сотрудничать. Всплыли в памяти забавные случаи.

Но Котельников вернулся к тому, что не давало успокоиться:

— Самое поразительное: народ сам себя удержал в рамках государственности. И это после девяносто первого года, когда государству стало не до народа. Я старше тебя на десять лет, застал пятидесятые-шестидесятые уже взрослым человеком. В ту пору страна поднималась. Открывались широчайшие горизонты. Мы первыми вырвались в космос! Что бы ни говорили об освоении целины, но это грандиозное свершение. Попробуйте что-либо подобное сейчас сотворить! Я был на целине. Имею медаль. Она у меня — самая памятная. Работал комбайнёром в совхозах под Кустанаем. С каким подъёмом жила страна! Чувство гордости за неё вдохновляло! Если бы этих успехов достигли не под руководством КПСС, а, допустим, какой-то другой партии, так заботившейся о величии страны, — я точно был бы в той партии.

— Да, — согласился Ковальский. — По крайней мере, без самоуважения жить непросто. Но приходят другие. И на многое смотрят иначе.

— Караулят, где бы и чего ухватить, — встрепенулся Котельников. — Вот картинка из жизни. Жена моя Тамара Николаевна из-под Москвы, ты знаешь. Я иногда в её село и теперь наезжаю. Там домишко какой-никакой, огородишко. Есть и голова местный — Павел. Мы с ним иногда калякаем. Так вот, у них речушка в селе маленькая, но по весне обязательно мостик сносит. И он, этот голова, каждый раз в начале лета ладит новый. Народ по обе стороны речки живет. Говорю: «Павел, и не надоело тебе канителиться каждый год с восстановлением моста-то? Надо построить нормальный». Не сразу он мне ответил. Но всё же доверился: «Эх, профессор, умён, а не по земле ходишь, по-старому живёшь. Этот мост — моя постоянная статья дохода. И строителям работа, и мне левый приработок ежегодно. Держусь за деревянненький... Построй бетонный, чтоб не смывало его каждый год? Так денежки мои — того, не увидишь их больше...», — Котельников безнадежно махнул рукой: — А сколько таких умников по стране? Вернулось всевластие чиновников брежневских времён. Была бы изба, будут и тараканы. Но чиновников сейчас в полтора раза больше! И кроме того, что казённые деньги уплывают в их карманы, номенклатура сейчас и служит-то не власти государевой, а — местной. Она же, местная власть, свои цели имеет. Чуть не каждый мэр в губернаторы метит, а губернатор — в президенты. И ведёт себя только так, как ему лично политически и материально выгодно. Где тут руки дойдут до укрепления государства. Пока не победим нашего чиновника — никакие благие реформы нормально не пойдут.

— Губернаторов и мэров городов, пока такая чехарда идёт, надо не избирать, а назначать. Порядка будет больше. И чаще чиновникам всех мастей под расхищенные зады давать пинка. Для ускорения, — отозвался Ковальский. — Какое государство — такие и чиновники. Ваш шустрый Павел — самый нижний уровень огромной, хищной бюрократической надстройки. Известно: рыба гниёт с головы.

Котельников согласно кивнул:

— Да. Но сами по себе административные манипуляции не улучшат жизнь. Растление капиталом началось давно. Уже в конце восьмидесятых годов можно было купить чуть ли не каждого чиновника, начиная с самого верха. Вожжи отпустили.

Торговля властью убивает всё. Заговорили о рынке, имея самые смутные о нём представления. Но чиновники, бюрократы раньше и лучше всех поняли, что рынок — это, в первую очередь, ответственность. И кому дело до того, что ещё Спаситель сказал: легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Небесное. Приватизация началась ещё при Горбачёве. И она была незаконной. Законы не успевали за творимым. Стали приговаривать: «Куй железо, пока Горбачёв». Не зря. Для защиты прихваченного надо, чтобы исчезла государственность, хотя бы на время. А пока суть да дело... Так подошли к развалу Союза. А там и дальше двинули. Цинизм верхов передался вниз. Надо народу откровенно сказать о том, что произошло поспешное, бездумное обращение с огромной страной, её экономикой, культурой. Распался великий Союз — куда хуже. Государство завели в тупик. Чтобы удержаться у власти, высшее руководство готово торговать частями Родины. Двое — импульсивный торопыга, не готовый к решительным мерам генсек Горбачёв и с медвежьими ухватками оппозиционер Ельцин — забыв о народе, державе, боролись за личную власть. И всё это — на наших глазах! И мы, как замороженные, ничего не сделали.

Я оба раза, как и ты, голосовал за Ельцина, куда деваться, раз замахнулись на реформы. Но какой ценой они дались? Я только много позже ужаснулся.

Ковальский покачал головой:

— Об этом сложно писать. Надо многое знать изнутри. Пройдут десятки лет и вскроются факты, которые многое объяснят. Почему Горбачёв так уступал Западу? Только ли, чтобы одолеть с его поддержкой Ельцина? Роман должен быть многоплановым. Откуда время на него взять? И потом — события должны отстояться в сознании. Лет десять на это надо.

— У тебя должен быть свой срез. Твоё. То, что ты знаешь нутром! Как в «Чёрном ящике».

— Там мне хотелось высказаться... Услышат, не услышат — второй вопрос.

— Так вот это и самое главное, может быть... — Котельников встал, прошёлся. Повернулся лицом к Александру, оставшись у окна: — Что получается? На выстроенных в советское время заводах и фабриках паразитирует уже несколько лет нынешняя либеральная Россия. Нового ничего не создано. Тысячи

предприятий уничтожено — вот что удручает. Я сам когда-то, по молодости, считал себя либералом. Но... Миллионы людей получили, как снег на голову, невыстраданную ими свободу, а чуть позже — приватизационные чеки. Бесплатно, с неба! И дармовые свободы, неограниченные в действиях средства массовой информации! Все же знают, что приватизационные чеки в условиях невыплаты зарплаты скупались порой за бутылку водки. Потом заводы и фабрики через аукционы приобретались задарма. И... появились «новые русские». Уводились миллиарды на зарубежные счета, а утвердившиеся во власти раздавали всё, что легко досталось: дотации на газ, электроэнергию, всевозможные льготы, вербуя сообщников. Из экономики выпустили кровь. Всё легло на простого человека. Как он выжил? А кто-то на ровном месте стал богачом. У Фордов трудились поколения, прежде чем это имя стало синонимом делового человека. Наши богатеи непонятны обычному человеку. Реформам долго ещё у нас биться и разбиваться, сталкиваясь с нестареющей советской натурой. Куда от этого деться? Твердим: надо всем объединяться! Но это невозможно сейчас. Не будет народ объединяться с теми, кто его ограбил. Необходимо покаяние... Нужно искать всё-таки пути к единению. Такое в нашей истории уже было, когда вдруг становились лишними исследователи, специалисты, люди с опытом. Это временное состояние.

— Но оно надолго, — не удержался Александр.

— Что ж, значит судьба такая. Только не надо торопиться с выводами. Ресурс нации значительнее, чем предполагают недруги. Но его следует задействовать. Оживить душу народа. Она увяла. На ощупь идём... В основе будущего восстановления России, как это бывало в её истории, будет лежать прозрение. Сейчас требуется огромной силы и духа слово!

Тем, кто моложе нас, предстоит работать на возрождение России. Придёт время — это станет общей нашей заботой. Верю! Вот почему необходимо такое слово.

Котельников замолчал. Не торопился возобновить разговор и Ковальский. Александру важно выслушать профессора до конца. Они так откровенно беседовали впервые.

«Во многих проснулось желание высказаться», — повторил мысленно Ковальский слова Котельникова. — Уходит целое поколение непонятым. Как прощальное слово...»

Директор, допив бокал воды, спросил:

— Что на заводе?

— Держимся пока. Получил предложение возглавить соседний комбинат.

— Но ведь он не работает?

— Верно. Стоит уже полгода. Комбинату не повезло. Гладиллин ушёл, а последний толковый директор умер. Началась чехарда. Но его можно поднять...

— И тебе это надо? Пока всё приведешь в порядок...

— Надо, — спокойно подтвердил Ковальский, слегка улыбувшись. — Там масса интересного. Я три года преподавал на вечернем отделении института эти технологии. Теперь есть возможность самому окунуться в живое дело. Резон есть.

— Ничего не берёт! Тебе сколько лет, Александр?! Переходи совсем в преподаватели, ты же — профессор. Может, и всерьёз писать начнёшь? Твой Стражников заслуживает внимания. Сейчас такое время, что нормальные люди в тени. Учёный, которому не платят, но который настойчиво экспериментирует, полунинций учитель, каждый день приходящий к ребятишкам в класс, врачи без зарплаты, работающие в больницах с отключенным отоплением — разве не на них держится сегодня Россия? В Стражникове есть нечто от каждого из них. Мы все травмированы. Кто смертельно, кто не совсем. Наука и искусство помогут нам своими средствами через переживания этих травм в сегодняшней жизни избавиться от болезней. Наивно считать, что это наступит сразу, как и полагать, что разворачиваемые реформы не имеют альтернативы. Сохранить Россию и русских могло бы движение с чёткой идеологией и люди, готовые жертвовать собой ради возрождения своего народа. Но где сейчас такие люди? Их долго ждать придётся...

«Как просто разговаривать с этим человеком», — подумал Ковальский.

— Если возьмёшься за роман, гарантирую помощь. На два года зачислю по контракту в штат института. Сиди в Сосновске и пиши. Зарплату бухгалтерия будет перечислять каждый месяц в объёме должностного оклада моего заместителя. Договорились? У нас с тобой все начинания были удачны. Ты — человек успеха!

— Сергей Дмитриевич, я не представляю себя без завода... Я не готов... И потом, так обременять вас...

— Что значит «обременять»? Нам с женой много не надо. Детей у нас нет. «Туда» с собой не возьмишь. Замахнулся ещё года три продержаться, а там — на пенсию. У тебя резон и у меня свой. Думай, но ответ дай.

Они помолчали. Котельников спросил:

— Ты сейчас от меня куда? Вижу, посматриваешь на часы.

— Поеду в «Гипропласт».

— Машина есть?

— Нет.

— Я вызову свою.

Едва вышли, у подъезда легко качнулась чёрная «тойота». Они обнялись. Уже сидя в прохладном салоне, Ковальский посмотрел ещё раз на профессора. Лицо его было задумчиво...

V

...Проехали всего полквартала, когда он увидел Её. Она шла уверенной походкой. Скорее, это была не походка — поступь! Величавый облик приковывал взгляд. Она, очевидно, направлялась в институт. «Похожа на Анну Ахматову, — отметил Ковальский. — Царственная! С её появлением улица стала праздничной. И как идёт ей этот лёгкий светлый костюм!»

Почувствовав взгляд, Руфина повернула вполоборота голову. Лица обоих враз засветились.

Она махнула рукой. Шофёр, мельком взглянув на Ковальского, послушно притормозил и подъехал к тротуару.

— Почему не позвонил? Я не видела тебя, кажется, сто лет!

Он вышел из машины. Руфина протянула чуть полноватую, слегка загорелую крепкую руку. Александр подал свою.

— Второй раз дедом стал и загордился? Надо же, у тебя внучка на четверть француженка! Сегодня поедем её смотреть!?

«...Радуется заморской крови? В нас русского остаётся всё меньше и меньше... И Никита, и Даша будут когда-нибудь маяться: кто они? Пока не поймут», — успел подумать о своём Ковальский.

— И тут ты приложились, — сказал он непринуждённо.

— О чём ты?

— Если бы Александр не поступил в МХТИ, не встретил бы свою ненаглядную. И вообще, ты давно ему как мать.

Руфина улыбнулась:

— Я рада, что это так! Ты зря тогда комплексовал и молча противился их союзу. Во-первых, у Катрин русские корни, а во-вторых — красавица. Как Марина Влади! А внучка Дашка ещё красивее будет. Русские не теряют себя, смешиваясь с другими, и принадлежность по крови — не главное. — Когда она глядела на него, лицо её румянилось. — Продолжаешь воевать сам с собой? Твой разум и страсти до сих пор в противоречии? Значит молод! Поедем вместе смотреть, — повторила она. — А то скрываешься, — и свободно положила левую руку ему на плечо.

Александр смутился.

— Конечно, поедем. Я не скрываюсь, просто увяз. Утонул в заботах. Ты же не сказала, что стала заслуженным деятелем науки и техники. От Котельникова узнал. Поздравляю.

— Да будет тебе. «Не успеваешь», это ты-то? «Увяз»?! — Ей хотелось говорить. Просто так, от того, что он рядом. Александр это чувствовал и потому улыбался.

А Руфина всё говорила и говорила.

— Ты ещё тот пловец! От тебя такие буруны идут. Мы все удивляемся. Отца разыскал. И сестру полячку неожиданно обрёл в Варшаве. Мне Саша уже сказал.

Она ещё говорила что-то, Ковальский не перебивал. Голос радовал. Подкупал крепкой заряженностью на жизнь.

«Личная трагедия развила её и укрепила», — невольно отметил он. Спросил:

— С Вадимом как-то устроилось? Альберт Исаевич сильно переживал, что сын так поздно и неудачно женился.

— Вадим теперь в датской фирме «Халдер Топсё». Развёлся наконец и живёт в Копенгагене. Бахрах, кажется, успокоился.

— А как дела у него в институте?

— Хоздоговорные работы лаборатории катализаторов, которой руководит, кормят пол-института. А вообще-то замотался. В отпуск никак не выгону.

...Ковальскому не давал покоя разрыв Сусловых. Он, наконец, выкроил время и побывал у столичного психотерапевта.

— Случай может показаться необычным. Столько прожили вместе, вырастили дочь — и полный разрыв. Но всему есть причины. — Аккуратный брюнет с мягким спокойным голосом, не торопясь, пояснял, глядя на собеседника открыто и буднично. — В данной ситуации, очевидно, проблемы эрекции отступают на второй план, ибо у вашего друга дело гораздо серьёзнее. Речь может идти о нарушенной сексуальности.

Сказав так, доктор внимательно посмотрел на Александра и поспешил добавить:

— Но, друг мой, не принимайте это как безысходность. Послушайте меня дальше. Если мужчина стесняется, что у него не наступает эрекция, это преодолимо. Но только тогда, когда проявляет необходимую сексуальность. Сейчас множество хороших препаратов. Это при желании. В наши дни много здоровых мужчин отказываются от полноценных интимных отношений с женщиной. В вашем случае, очевидно, сексуальная активность вытесняется интересом к бизнесу, работой. Физические и нервные перегрузки ведут к длительному воздержанию. После таких периодов трудно наладить интимные отношения с партнёром по браку. Из-за возникшего дискомфорта сроки воздержания раз от раза увеличиваются. Мужчина начинает предпочитать безличностный секс с незнакомыми женщинами. Заездили своего подчинённого, товарищ директор.

— Но он такой здоровый мужик.

Доктор снисходительно улыбнулся:

— Из описания внешности напрашивается вывод о слабой половой конституции вашего подчинённого. Высокий рост. С широким тазом, нежной светлой кожей и слабой растительностью — как раз этот тип. Если ему попалась женщина фригидная, то союз будет идеальным. Но, если очень сексуальна, не избежать проблем. У жены может развиваться невроз, потом депрессия. — Брюнет помолчал и «успокоил»: — Но стоит поменять партнёра — и всё нормализуется.

— Она ещё на десять лет моложе его...

— Ну, вот, что же вы хотите? Ему бы надо подлечиться, но вы говорите, отказывается категорически.

— Не хочет. Более того, и к работе остыл. Незаметно превращается в механического исполнителя.

— Очень серьёзный признак. Это уже хуже. Трудно разделить, где — следствие, а где — причина. — Доктор откинулся на спинку кресла. — Невыполнение супружеских обязанностей — вполне веская причина для удачного бракоразводного процесса. Такова судебная практика во многих странах.

— Они уже разводятся, — не утерпел Ковальский.

— Ничем не могу помочь, — признался пронизательный брюнет. — Надо смотреть пациента. Есть женщины-репродукцентки с мощным сексуальным инстинктом. Ради деторождения их организму биохимически необходим постоянный секс. А есть женщины-воспитатели, у которых сексуальная активность снижена. Нам ли их осуждать?

Ковальский уезжал из Москвы в Сосновск удручённым. Не знал, как помочь Суслову.

* * *

Утро. Диспетчер завода принимает доклады.

— Подготовили к отгрузке четыре баллона с этиленом, пускай сбытовики забирают, — чётко рапортует по громкоговорящей связи начальник цеха Ощепков. — Мешаются.

Когда разговор закончился, Ковальский спросил:

— Зачем? И кому отправляем этилен?

Диспетчер сделал удивлённые глаза.

— В Москву, на исследовательские цели. Мы же всегда им раньше давали. Снова заявка поступила.

— Раньше, но сейчас? Эти работы у них заброшены. Мы когда-то вместе их делали.

Ковальский сказал так, а у самого забрезжила надежда. Вдруг действительно что-то изменилось и вновь забил родничок исследований в отраслевой науке.

— Дмитрич, разыщи по телефону Долгова, пускай свяжется с Москвой и выяснит, для каких опытов берут этилен, потом мне доложит, — распорядился директор.

— Хорошо.

В приподнятом настроении Ковальский пошёл в свой кабинет.

Как обычно, на планёрке и после навалилась куча вопросов. Он забыл о баллонах.

Часа через полтора вошёл Долгов и произнёс с непонятной усмешкой:

— Бананами торгуем.

— Не понял?

— Ну, этилен же способствует скорому созреванию фруктов, яблок, например...

— Это, по-моему, ещё в школьных учебниках прописано.

— Ну, вот, они и возят зелёные бананы из-за бугра, потом в лаборатории доводят их до кондиции в этиленовой среде и — на рынок! Кооператив организовали.

У Ковальского что-то изменилось в лице. Он несколько раз мотнул головой, будто избавлялся от назойливых мух.

Долгов сначала, было, хохотнул, то ли в одобрение московским умельцам, то ли глядя на реакцию своего директора. Потом поправился и глуховато обронил:

— Дожили, такие вот опыты. Банановая страна.

* * *

В конце октября из Москвы приехала Соня. И в первый же день за ужином объявила:

— Мне Бахрах сделал предложение!

— А куда будем Руфину девать? — рассмеялся отец.

— Саш?.. Дети, — улыбнулась Настя.

— Не дети, а человеки, — авторитетно отреагировал Сергей. И с ним согласилась Аня, которой всегда интересно, что говорят за столом. Она обычно больше слушает, чем ест.

— Скажи, чтоб понятно было, — попросил глава семейства.

— Суть такова, — спокойно продолжала Соня. — Он мне предложил заняться научной работой. Если из Саши не получилось пока учёного-химика, я должна. Из меня получится. Я на четвёртом курсе. Пора заниматься наукой основательно. И Бахрах окончательно решил взяться за экологические проблемы мирового характера. Он мыслит на десятилетия вперёд!

Татьяна Павловна отложила в сторону ложку. Серое лицо её приобрело трагическое выражение.

— Сонечка, внучка, ну, куда и тебе в химию всерьёз? Это ли тебе надо, девочке?

— Соня, и впрямь: то в хлорорганику ударилась, теперь... Хочешь всю жизнь заниматься химией? — спросила мать.

— Хочу, — улыбаясь, подтвердила Соня. — И в этом нет ничего тревожного. Даже наоборот. Открываются такие горизонты! Вы понимаете: человечество спит!

При последних словах внучки Татьяна Павловна обвела всех присутствующих долгим взглядом. Гороховый суп в её тарелке оставался нетронутым.

— На планете нефть может исчезнуть уже через пятьдесят лет. А нынешняя цивилизация вся построена на нефти, — загорелась Соня. — У нас в России к две тысячи десятому году может начаться резкое падение добычи. А потом сократится её экспорт. Не станет хватать самим. Как бы не пришлось её покупать. На какие деньги? Сейчас об этом мало кто думает. Но нет нефти, нет и бензина, керосина и так далее. Чем заправлять технику? И не только это! Вопрос стоит глобальнее... Он не только с нефтью связан, с сохранением человека...

— Во многих городах на сжиженном газе катаются. На электромобилях. Это уже есть, — подсказал Сергей. — Амири-кашки с япошками опыты делают всякие...

— Да, работают над созданием экологически и технически приемлемого топлива — спирта из биомассы. Но когда это будет? А через двадцать лет — что? — отреагировала Соня.

Александр весёлыми глазами поглядывал на детей.

— Ты права, дочь, вопрос планетарного характера... — произнёс он.

— Конечно! — подхватила Соня. — У нас в России запасов угля примерно на триста лет. Получение моторных топлив и химического сырья из угля уже некоторыми странами освоено. Ты знаешь не хуже меня. Вот в ЮАР, где нет нефти, газифицируют уголь с последующим превращением синтез-газа в жидкие моторные топлива. А горючие сланцы? По их запасам мы на одном из первых мест в мире. И самое большое месторождение в Самарской области, ты знаешь. Сегодня все бегут от угля и железа — смертных врагов природы. Но теперь у науки больше возможностей помочь человеку сберечь природу. Уголь можно перерабатывать безвредно для среды обитания. И опять: вопрос не только в угле! В среде обитания! Человечество начинает понимать, что исковерканная им природа мо-

жет обрушиться. Либо оно впишется в существующие условия, данные природой, либо нет. Технически очень многое можно сделать! Дело за наукой!

«Что это? — ужаснулся и обрадовался одновременно Ковальский. — Об этом, только по-своему, говорил когда-то Самарин. И Засекин! Неужто ей уготована сходная судьба? На новом витке поколений? Сколько думал о сыне, а продолжатель моих дел — дочь? «Исковерканная природа» — так она сказала. Не осознавая, и мне словно вынесла приговор. Понимает ли до конца, к какой глобальной проблеме прикоснулась?.. Жизни не хватит.. Я-то успел только «исковеркать»...»

Ковальский невольно кивал одобрительно головой: «Слова о железе, что это? Будто ответ на вопросы, которые когда-то, в молодости, задавал себе и поэту Шостко? Это ответ и поэту Герасимову? Железные цветы... чем они стали для человека? Знает ли она, сколько учёных и поэтов до неё мучались подобными вопросами?».

Голос Сони крепчал:

— Себестоимость синтетической нефти из сланцев может быть семь долларов за баррель. Всего! Не двадцать или тридцать — семь!

— У Бахраха есть наработки? — спросил отец.

— Альберт Исаевич уже несколько лет занимается этим. Не спешит, как я поняла, обнаружить.

— Буду рад, если займёшься этим. Вот только разные институты. Не тяжело?

— Думаю, нет. Да и перевестись можно. Мы говорили об этом.

* * *

Когда укладывались спать, Александр спросил Настю:

— Соня прилетела в сентябре, не дождавшись ноябрьских праздников. Есть причина?

— Есть, конечно, — ответила жена.

— Тогда скажи.

— Скажу, — выдохнула Настя. — Она с Коленькой Полянским переписывается...

— С бывшим одноклассником? Который в военном училище?

— Да.

— И что?

— Прилетел на неделю к родителям. Будет первая встреча после начала переписки.

— Столько учились вместе — не замечали друг друга. И — вдруг?

Настя пожала плечами.

— Что я могу сказать...

Подтягивая одеяло к подбородку, Александр произнёс обеспокоенно:

— Ты представляешь: он — военный лётчик, она — учёный? Совместимо ли? По гарнизонам мотаться будет, какая химия?

— Ладно тебе переживать заранее. Стратег! Сразу ответы на все вопросы тебе подавай. Деловой больно. Спи.

...Заснуть сразу Ковальский не мог. У него это редко получалось. Настя обычно засыпала первой.

* * *

— Нашёл свою планиду и держись за неё. Не упускай, как сказал поэт, из виду. Иначе пропадёшь! Ты — деловой человек. Книжки пускай пишут, кто не умеет делать в жизни настоящее дело, — убеждённо произнёс Долгов.

Ковальский и Долгов завернули по дороге домой после работы в пустующее кафе на въезде в город. На столике бутылка прохладного сухого вина. Красное сухое — давняя слабость Долгова.

Потрагивая длинными пальцами изящную ножку фужера, он размышляет вслух:

— Ты никому особенно не доверяешь, веришь в самого себя. Почему это так? Я думал об этом. Потому, что достаточно силён тем, что у тебя есть, своим делом. Ты крепок этим. Лишишься, что имеешь, — будет плохо.

— Но мне кажется, можно бы попробовать всё-таки, — потянувшись к своему фужеру, попытался возразить Ковальский.

— Неужели ты веришь, что при такой анархии «свободы слова» у нас сейчас можно словом повлиять на ход событий?! Никакое слово теперь ничего не значит. Я против того, чтобы ты оторвался от обычного, своего, стал писателем и ушёл в интеллигенцию. Рискуешь пополнить ряды пресмыкающейся перед власть имущими части её.

— Писатель — не всегда интеллигент, — улыбнувшись, произнёс Ковальский. — Но интеллигентам общество обязано многим. Больше, чем нам, техническим специалистам... Так будет и впредь.

Нахохлившийся над столом Долгов, встрепенувшись, взмахнул правой рукой:

— Принимая прекрасные, казалось, идеалы, мы, русские, действуем чаще всего в соответствии со складом своей души: «Криво впряг, да поехал так».

Ковальский удивлённо посмотрел на собеседника. Тот с напором продолжал:

— Сейчас многие уходят в монахи, монахини. Ты вот — давай в литераторы... А детей рожать, воспитывать? Кто будет производить продукцию? Есть что будем? На чём жизнь будет держаться? Интеллигенция, скажу тебе, несёт в народ бациллы пессимизма и безволия. Она выродилась ещё до революции, до семнадцатого года. Её настоящей нет. Это деликатно стараются не замечать...

— Почему? — Ковальского поразила решительность формулировок.

Главный технолог не уходил от прямых ответов:

— Она виновата во многом и начинает понимать это. Интеллигенция подточила царскую Россию. После уничтожения дворянской культуры мы потеряли и крестьянскую. Потом так называемая советская интеллигенция не стала созидательной силой общества, укрепляющей строй. Тоже выродилась в разрушительную стихию. И в обрушении стропил государственности Советского Союза — империи, которой не было равных, как раз интеллигенция сыграла роковую роль. Она нас запутала.

— Я не буду доказывать, какой тип человека полностью подпадает под определение «интеллигент», — произнёс Ковальский. — Но создаёт и формулирует общественные идеалы вполне определённая часть общества.

— Она создаёт! — откликнулся тут же Долгов. — Она и губит нас — псевдоинтеллигенция! Наш порочный круг. И литераторы внесли свою лепту.

«Слово «интеллигенция» для него стало, как красный лоскут для быка», — отметил про себя Ковальский. Вслух сказал:

— Тогда получается, что у народа нет опоры? Он вязнет в том, что ему готовит такая интеллигенция?..

Долгов не ответил. Ему важнее собственные мысли:

— Настоящей интеллигенции, какая была до Октябрьской революции, у нас теперь не будет. Не будет и той, которая сложилась после Октября. — Он поднял по привычке правую руку на уровень головы и энергично потряс ею, словно местный партийный вожачок. Это удивило Ковальского. — Может возникнуть новая интеллигенция западного образца. Её родит само время. Она явится другой. Основной признак её — профессиональные навыки. Главная черта — рационализм. От этого никуда не деться. Надо принять. Такого рычага нам, русским, всегда не хватало.

— У иностранцев и понятия, кажется, такого нет: «интеллигенция». У них в ходу слово «интеллектуал», — произнёс Александр, — но не в этом, конечно, суть.

— Если вести речь о терминах, то мы, русские, напустили тумана: «прослойка между рабочим классом и трудовым крестьянством»...

Не стало классового общества. Где теперь болтается интеллигенция? Кто она?

Интеллигенция как слой — фикция. Интеллигентные люди вкраплены, как зёрна, всюду: среди простого люда, творческих работников, даже чиновников. Это реальность. Но их мало.

В какие ряды ты хочешь шагнуть?

То, что творится сейчас, приведёт, возможно, вообще к исчезновению у нас интеллигентов.

Ковальский возразил:

— Как жить обществу без людей, любящих книгу, интересующихся культурой, политикой? Готовых постоять за веру, просто умных, порядочных, не изменивших себе? Хамство всё затопит. Без религии, искусства, достойных школьных учителей потеряем себя.

Ему показалось мало сказанного, он продолжал:

— Русскому человеку нужна идея! Он таким рождается, ему необходимо верить во что-то очень важное, общее. И в кого-то! Тогда многое свершит!

— Об этом сейчас модно говорить, и ты толкуешь. Но именно новые люди, о которых речь, и дадут эту идею и свою духовность, — убеждённо произнёс Долгов.

— Новые рациональные люди? — в сомнении покачал головой Александр. — Они выдвинут?

— Да, — снисходительно улыбнулся Долгов. — Сформулируют те, кто чем-то похож на тебя, на меня. Но значительно моложе и современнее нас. Ты сам не заметил, как стал предтечей... Ты же, Ковальский, рационален до мозга костей. Тебе во всём нужен порядок. В делах, в мыслях, отношениях. Ты — не Суслов. Он реагирует больше на слова, а не на дела. Оттого жизнь у него полосатая.

«Это же не совсем так! Просто я приучил себя...» — хотел, было, возразить Ковальский, но Долгов опередил:

— Увы, мы с тобой — уже отработанный материал. Скоро будем, как листочки в гербарии. Посмотри на детей: Сашу, Соню и на моего Алексея. Они не такие, как мы. Они — дети своего времени. Может, такие, или их внуки, найдут, что не давалось русским веками... Им время укажет... И место найдут таким, как ты.

«Хотелось поговорить о совершенно конкретном, получается иное... Он не может мыслить по-другому, без обобщений», — подумал Ковальский.

Ему показалось, что разговор иссяк.

Но Долгов неумолим:

— И не обольщайся своим «Чёрным ящиком». Книгу написать — ещё не значит понять истинное. Не по книгам разворачивается жизнь... по своим законам.

Ковальский в недоумении спросил:

— А это к чему?

— К тому, — быстро проговорил Долгов и цепко взглянул на собеседника. — Свершившие Февральскую революцию, развалившую страну, вскормлённые «оттепелью» «шестидесятники», деяниями которых со второй попытки теперь осуществлена такая революция — не виноваты? После них всё: деньги, газ, нефть, лучшие умы теперь уплывают на запад. А они в стороне? Ни при чём! Сколько всего понаписали. Сколько умов с толку сбили...

За что боролась эта интеллигенция? Если даже душа народа — культура покидает страну! Лучшие музыканты, художники где сейчас?

— Нам теперь проще обо всём судить. Тогда казалось всё настолько прочным! Империя! Можно подпрыгивать и ничто не

проломить. Всё железобетонное. Но нет, проломилось... Капли подточили глыбу...

— Ответственность за содеянное должна быть? Разрушили СССР! — последние слова Долгов выкрикнул.

— Как ты это представляешь? Как ответить за такое теперь? — холодно вато спросил Александр.

Долгов замотал головой над пустым фужером:

— Не знаю, этого не знаю! Но на интеллигенции, какая бы ни была, лежит сверхогромная ответственность. На пишущих не меньше, а намного больше. Ты готов к этому? — Долгов сверлил собеседника упрямым взглядом. — Возьми наш завод! То, что случилось у нас, кое-чему учит. Туркин, Кретов, Варичев... Им многое можно простить. Да, рвались к власти, но они деятельны! Да, честолюбивы, но честолюбие заставляло их выкладывать-ся. Они по-своему крепили мощь государства. И самое главное: были державниками! Развал Союза для меня теперь критерий.

Он усмехнулся, помолчал и добавил:

— Оглянись! Все их «нехорошие» дела микроскопичны в сравнении с тем, что потом наворотили в стране другие... Пишущему нужны такое стереоскопическое зрение, такой охлаждённый ум...

Ковальский не стал отвечать, молчал. С Долговым бесполезно спорить. Он этого и не хотел. Слушал, заметив, что тот становится так же резок, как и Кретов. Что это? В нём раньше всегда хватало сдержанного достоинства и иронии... Запас терпения кончился?..

— Убедил? — спросил Долгов.

— В чём?

— В том, что надо заниматься своим делом. Поздно переиначивать жизнь.

— Что мне с вами делать со всеми? — отшутился Ковальский. — Сколько друзей — столько и мнений... Но мы с тобой говорили о разном... И ещё, думаю, вернёмся к разговору об интеллигенции... Ибо, уверен, придёт время и появятся новые люди, не столько рациональные, как ты говоришь, сколько отзывчивые и чуткие к происходящему. Такие люди и определяют жизнь тех, кто будет после нас.

— Может быть, — уже, как обычно, обезоруживающе мягко, улыбаясь, кивнул головой Долгов.

«Он такой сегодня потому, что опасается за меня, боится, как бы не получился из меня второй Суслов?..» — Ковальскому показалось, что он понял причину неожиданной категоричности Долгова.

* * *

Телефонный звонок раздался в восьмом часу утра.

— Саша, узнаёшь?

— Ира Белова, по-моему?

— Саша, ты знаешь, бегу на работу, опаздываю, а тут срочное дело такое.

— Ну, раз срочное, давай. Я тоже на пороге, опаздывать не могу.

— Я по телефону скажу, потом будет время, встретимся. Танечку Гудкову помнишь?

— Конечно, чёрненькая такая, из параллельной четвёртой группы. Отличница. Спокойная, тихая и умница. Кажется, в Шиханы под Саратов распределилась.

— Точно, в НИИ, где делали химические отравляющие вещества.

— Она, кажется, одна из первых наших орден получила... «Дружбы народов».

— Всё верно. Вот слушай, я галопом, чтоб не опоздать: туда послезавтра едет Шурочка Вишневская, мы собираем деньги.

— Похороны? — глуховато спросил Александр.

— Нет, Шурочка там была недавно и такое увидела: Татьяна живёт в однокомнатной развалюхе со своей мамой. Разменялась. Дочь вышла замуж — ей нужна жилплощадь. И мебель всю отдала. Живёт в голой квартире. У неё даже телевизора нет. Они с матерью, как в склепе. Мы решили ящик ей купить, хоть как-то тонус поднять. Несчастье в сочетании с унижением — самое страшное. Мы боимся за неё.

— А муж что же?

— Мужа давно след простыл. Ушёл, кому нужны умные женщины? На службе сокращения. Она подпала, возраст-то пенсионный. В посёлке работы нет. Ужас. Мы, оказывается, совсем уже никому не нужны... Помнишь, какой у нас поток на факультете был дружный. Многие вместе делали, объединялись. Прошло тридцать лет — снова, как студенты, без ничего.

Ну, не все, многие. Из девчат одна Влада Чарушина, кажется, неплохо живёт.

— Где она?

— Третий год в Испании с мужем. Он по контракту там тренирует теннисистов.

Наступило недолгое молчание.

И вновь голос когда-то бывшей хохотушки Беловой:

— Выходит, столько нам отпущено. А мы не знали.

— Может, хорошо, что не знали?

— Скорее всего, так, — согласилась Ирина.

И уже почти скомандовала:

— Как бывший профорг спрашиваю: взнос готов сделать? Мы ей в складчину и телевизор, и ещё кое-что хотим купить.

— Зачем ей «ящик»? С его помощью развалили страну. И Татьяна добьёт окончательно.

— Саш, ну что ты говоришь? Не всегда же так будет? Не торопиться раскошелиться?

— Куда прислать деньги? — поспешил Ковальский...

* * *

Александр вернулся в гостиную, достал альбом с фотографиями студенческой поры. Нашёл общую выпускную.

Татьяна выглядела среди одинаковых и разных: улыбчивых, серьёзных, плутоватых, бескорыстных — всяких, теперь особенной. Так показалось Ковальскому.

Она одна смотрела грустными умными глазами. Похоже было, что знает про себя всё наперёд, и про остальных — тоже...

На утреннюю заводскую планёрку директор опоздал, что было исключительным случаем.

И весь его рабочий день сложился неудачно.

* * *

— Настя сказала, что ты всё знаешь от неё про наши дела.

— В общих чертах.

— Тогда — сразу самое главное: муж из меня никакой, работник — тоже. Два прогула совершил — ты молчишь.

Суслов и Ковальский одни в кабинете. На сером лице Владимира кривая усмешка.

— Запал пропал. Вдруг увидел, что жизнь — злая и бессмысленная штука. Понял и... будто стержень вынули. Воздух в меня подкачали.

— Разве может такое быть? — Ковальский пытливо взглянул на Сулова.

— Может. С того момента началось, когда понял, что люди стали вокруг другими. Скурвилась жизнь. И мы перерождаемся. Или вырождаемся. А я не готов к этому.

— Лечиться пробовал? — решился задать Ковальский, как он думал, самый главный вопрос.

— Лечиться? — переспросил Сулов, почти натурально удивившись. — Не в этом дело.

— А в чём?

— Механизм сломался здесь, — он тронул висок.

— Володя, ты сильно всё драматизируешь. Зачем так? Давай организуем отдых на месяц. Хочешь — за бугром, хочешь — где-нибудь у нас на юге. Мало месяца — два бери!

— Да не надо мне ничего. После пожара да за водой?.. Я совсем уйду.

— Как? Ты что?!

— Успокойся, это не то, что ты думаешь. Я либо уйду в бомжи, либо на Волгу уеду жить. Не решил пока.

— Неужели всё так серьёзно? Не верится.

Владимир по-детски обезоруживающе улыбнулся:

— Я написал заявление. В кадрах зарегистрировал. И пенсию оформил. Вот где пригодилась работа во вредных цехах. Сегодня пятница. В понедельник уже не выйду. Без отработки. Прошу, не препятствуй, всё равно не останусь.

«Каждый выбирает по себе», — произнёс он знакомую фразу.

— «Женщину, религию, дорогу»? — продолжил Ковальский и вопросительно посмотрел в лицо Владимиру. — Такой же случай, как тогда, с Татьяной?

— Если бы! Не с женой главный разлад. Против развода не возражаю. Квартира мне не нужна. Дочь наверняка в Саратове останется после института. Готовится к свадьбе. Я — вольный казак.

— Вдруг внук будет? — проговорил Ковальский с надеждой встряхнуть друга, помня о его желании иметь сына.

— Может быть, — вяло отреагировал Владимир. Лицо его оставалось равнодушным. — У них своя жизнь. Я им не нужен. Отец у жениха крепкий бизнесмен, куда нам? Мы корячились на работе всю жизнь, а остались босяками.

— Что же делать? — не удержался Ковальский.

— Родители у меня интеллигенты, а дед — волжский рыбак. Поживу его жизнью. Уеду в Самарскую губернию, в Винновку, там у Юнгова, помнишь, был такой замначальника сырьевого цеха, дом от родителей остался. Окнами на Волгу. Пустует.

— И чем там будешь заниматься?

— Сказал же — рыбачить! Питаться рыбой. На пенсии, которые мы в поте лица зарабатывали всю жизнь, не проживёшь. А там квартплату не платить, жэкэха нет! Так сказать, вдали от реформ. На свободном выпасе.

— Ты же провалишься в ничто, — ужаснулся Ковальский.

— А кому до таких, как я, дело? — быстро отреагировал Владимир.

— Есть кому! Многие хотят, чтобы мы скопом превратились в пыль.

Суслов ответил сухо:

— Поздно. Я уже справил по себе поминки.

— Не говори так. Нельзя! — требовательно возразил Ковальский.

На Сулова это не подействовало. Спросил вяло:

— Хочешь на меня возложить некую миссию? Я должен оказаться сильнее самого себя? Но как? С кем? С чьей помощью? С твоей? Но таких единицы. И, по-моему, такие, как ты, сами не понимают себя. Мы с тобой стали никому не нужны. А ты не заметил. — Он впервые за всё время разговора прямо посмотрел в глаза Александру. — Как карабкались к самостоятельности завода?! И что же? Бывший СССР развалился по типу нашего объединения. Республики, как заводы, все ринулись к самостоятельности. А толку? И те, и другие — движутся в тупик, кто прав и не прав. Всё вершится по одной схеме. Кем-то так определено. И ничего...

— Владимир, давай конкретно, — перебил Ковальский.

— Конкретнее? Пожалуйста! Ты хочешь на заводе построить новую установку. Но никаких инвестиций не добьёшься.

— Потихоньку ситуация стабилизируется. Возможно, иностранный кредит всё же найдём, — вновь возразил Ковальский. — Скорее всего, создадим совместное предприятие.

— Ничего не будет. Пройдёт лет десять и в России нефть станет дефицитом. Какой дурак-иностранец решится строить у нас серьёзный нефтехимический завод? Подумай! Пять лет строить, а ещё через пять цена на неё будет запредельная. Они же в Россию нефть не повезут. У них у самих её нема. Нефть будет у мусульман. Идёт их время.

Он остановился. Но только, чтобы передохнуть.

— Всё профукали, бездарно раздали. Американцы резервные скважины вскроют, а нам что? Мы — банкроты.

— Хватит пугать. Банально. Давай выпьем водки, — предложил Александр.

— Нет возражений, — согласился Суслов.

— Тогда пойдём туда, — Ковальский кивнул на дверь за своим креслом.

...Едва Александр налил водки, Суслов произнёс скороговоркой:

— Чокаться не будем. Не тот случай, — и залпом выпил. Поигрывая вяло перед собственным носом указательным пальцем, сказал: — Пойми, перестройка — кодовое название разгрома государства. И отдельно взятый завод не может благоденствовать в раздрае. Это — блеф. Я не хочу участвовать в этом.

И не успел Александр порезать колбасу, как Суслов налил себе ещё полстакана и снова выпил... Нервно проговорил:

— Ты между двумя крайностями. Либо завод задушат реформы, либо, рано или поздно, придёт мафия. Завладев заводом, тут же вышвырнут половину рабочих на улицу, распродают, что можно. На этом история нашего доблестного предприятия закончится. Подобное может быть и со страной, если не одумаемся.

Мы с тобой, получилось, помогали, вырываясь из объединения, разваливать систему. Нефтехимия должна быть единой. Как и Советский Союз. Проворонили и то, и другое...

«Пусть подурит. Через пару месяцев поеду — заберу его. Восстановится. Кретов оплевал его», — за эту спасительную ниточку Ковальский и ухватился.

...Почти всю дорогу ехали молча. У своего дома, когда остановились, Суслов произнёс:

— У меня обид ни на кого нет. Всех простил. Не поминай лихом.

Пошёл к подъезду, не спеша. Не обращая внимания на слякоть, уступая дорогу торопливым прохожим, приостанавливался. Такой, казалось, монументально-непоколебимый.

Провожая его взглядом, Ковальский неопределённо качал головой.

VI

...Григорию Никитичу Бочарову исполнилось восемьдесят пять. На юбилей собралось много гостей.

Не было жены его Дарьи, Екатерины Ивановна и Василия Фёдоровича Любаевых. Не было Ивана Дмитриевича и Агриппины Фёдоровны, их старшего сына Алексея. Не дожили. Младший сын Головачёвых — Сергей обосновался на Алтае.

Отсутствовал и Проняй Плужников. Последние годы унесли многих.

Пока гости потихоньку подходили, Ковальский решил проехать по селу.

Улица, на которой вырос, неизвестна. Совсем недавно ещё её украшал парк, который когда-то заложили всей школой. Могучие с виду карагачи в последние годы быстро сохли. Оказались недолговечными, как и служившие защитой от суховея сталинские лесополосы вокруг села. Шумные грачи, соорудившие множество гнёзд под окнами тихо доживающих свой век стариков и старух, вывели их из равновесия.

В зиму деревья спилили. Стало спокойнее. Никто не помывлял теперь о закладке нового парка.

А улица враз оказалась пустынной. Степь, раньше едва видневшаяся вдали в конце ровных рядов домов, теперь будто наплыла своим летним маревом на всю улицу. Знойно стало и непривычно.

Не удержался, побывал Александр и на берегу Самары. Отметил огромную мусорную свалку сразу на выезде из села, где прежде всегда было ухоженное поле. Рядом скучал непаханный второй уже год клин за старицей. Змейкой вилась дорожка

к реке, мимо редяющего теперь ветельника. Мир его детства словно скукожился. Прежняя жизнь иссыхала на глазах, а новая была квёлой. Казалось, суховей, шагнувший в село из степной стороны, добрался и сюда, где влажная низина, а по краям её: слева река, а справа большое озеро — всегда были защитой от бесплодия...

И уже шустрый осинничек потянулся кулижками от старицы к реке через всё поле, когда-то радовавшее глаз опрятностью.

Будто чьи-то чужие недобрые руки снаружи распахнули настежь ставни в светлую когда-то родительскую горницу и суховейные ветра изменили всё в доме.

— Куда мы идём? — ужаснулся Александр, — и где всё, что было, что защищало и умножало силы?

Неодолимая тоска ложилась на сердце.

* * *

Он вернулся, когда гости уже расселись за столы.

Юбиляр, как всегда спокойный и немногословный, приветливо улыбался. И эта улыбочивость высвечивала его тихую радость.

Интерес к жизни у Григория Никитича не остыл. Это видно по тому, как тянулись к нему и пожилые, и ребятня.

...Застолье организовали в горнице. И хотя она просторная, духота всё равно не позволяла засиживаться. Делали перерывы и выходили во двор.

Там, под развесистыми клёнами, в тенёчке пожилые потапывали потихоньку в душевных разговорах ещё сочную травушку-муравушку.

Стояла зрелая пора года — спокойные мудрые дни августа.

Молодёжи тесно под клёнами. Она пестрела и пошумливали на улице, около длинной лавочки вдоль синеющего палисадника с сиренью.

Когда в очередной раз вернулись в горницу и расселись, Аксюта оказалась рядом с юбиляром во главе П-образно составленных столов. От Аксюты и Григория Никитича исходило как бы два «крыла» — два ряда столов. Левое — пожилые люди, правое — молодёжь.

— А что, гостёчки дорогие! Может, споём?! — Аксюта задорно глянула на правое «крыло». — Покажем старичкам, на

что способна молодёжь! Один ряд поёт куплет песни, другой — следующий куплет. Поехали!

Она, озорно тряхнув головой, запела:

*Черноглазая казачка
Подковала мне коня.*

Левое «крыло» тут же её поддержало. Ровные, установившиеся голоса пожилых звучали душевно:

*Серебро с меня спросила,
Труд недорого ценя.*

Аксюта повернулась к молодёжному «крылу», ожидая продолжения, но его не последовало.

— *Как зовут тебя, казачка?*

Выручил, неожиданно по-молодому подбоченясь, совсем незаметный ранее дедок, приятель Бочарова, запоздало приехавший из соседней Зуевки. Он сидел у торца стола с молодёжью.

Голос его звучал доверительно и чисто. Ковальскому захотелось, чтобы дедок пел один.

— Что же вы, молодёжь? Слов не знаете? — громко удивилась Аксюта, когда зуевский, допев куплет, смолк. — Тогда следующую? Сами запевайте!

Молодые переглядывались в нерешительности. Прошелестело неуверенно:

— Давайте «Подмосковные вечера».

Но никто не осмелился начать. Наступила пауза.

Запела женщина, тихо сидевшая в середине старого «крыла».

*Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
Там, в краю далёком,
Буду тебе женой,
Там, в краю далёком,
Буду тебе женой.*

«Крыло» подпевало осторожно, давая простор голосу солистки.

— Кто это? — спросил Ковальский сидевшую рядом соседку Бочаровых Степаниду. — Знакомая, кажется, а не вспомню.

— Ганя Лужкова, давняя подруга Аксюты. С Нефтегорска приехала.

— Ганя! — поразился Ковальский.

Соседка удивлённо посмотрела на него.

«Эта аккуратная, тихая старушка — та Ганя, которую видел с Аксютой, когда они купались в озере? Сколько же прошло? Скоро сорок лет, не меньше. Ей теперь уже под семьдесят» — удивился про себя Александр.

А Ганя пела. Правое «крыло» молчало. Левое тихо подпевало:

*Милая моя,
Взял бы я тебя,
Там, в краю далёком,
Есть у меня жена.
Там, в краю далёком,
Есть у меня жена...*

«Что же это? Молодёжь не знает песен? Не умеет петь? Очень плохо, — печалился Ковальский. — «Крылья» неравноценны. Молодое явно бессильно в песне. Одно крыло, «старое», вытянет ли? А какая жизнь без песни? Понимает ли это молодёжь? — Он спохватился: — Лет через десять мало кто останется из пожилых. Так что же тогда? Какие песни будем петь? На моём юбилее кому петь? И вообще, будем ли петь лет через десять, двадцать? Что останется от нас к тому времени?»

Когда Ганя замолчала, все захлопали. И «левые», и «правые».

Едва аплодисменты стихли, запела Аксюта. Ту же песню, но слова были незнакомы. Ковальский их раньше не слышал. Они так ладно подходили:

*Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
Там, в краю далёком,
В землю сыру зарой.
Там, в краю далёком,
В землю сыру зарой.*

Аксюта замолчала. Ковальский смотрел на неё, не отрываясь.

И тут зазвучал другой голос. Оказывается, песня не кончилась.

*Милая моя,
Взял бы я тебя.
Там, в краю далёком,
Чужая земля не возьмёт.
Там, в краю далёком,
Чужая земля не возьмёт...*

Так ответил Аксюте зуевский дедок.

Когда пение закончилось, никто не хлопал.

Ковальский исподволь взглянул на правое «крыло». Ни разговоров, ни звяканья посуды.

— Откуда эти слова? Кто автор? — проговорил Ковальский тихо на ухо Степаниде.

— А кто его знает? Аксютя, может, ведаёт? — Махнула рукой в сторону правого «крыла»: — Обидно за них, не безголосые ведь...

И только она так сказала, как в установившейся тишине полились бархатные звуки.

Александр вздрогнул от неожиданности. Пел его Саша.

*Пускай могила меня накажет
За то, что я её люблю.
Но я могилы не страшуся:
Кого люблю, я с тем умру.*

Песню подхватили и слева, и справа. Слова лились легко и проникновенно, объединяя всех в одном эмоциональном и смысловом пространстве. И левое, умудрённое жизнью «крыло», и правое были погружены в то, чему Ковальский не мог подобрать названия.

— Это песня моего деда Ивана Дмитриевича, откуда Саша знает её? Я никогда не слышал, чтобы он пел.

— Это вы не слышали. А мы, когда Руфина Павловна из Москвы приезжает, всегда поём, — довольная, пояснила Степанида. — И дед Проняй пел. Она любила с нами петь, а мы — с ней. И Аксютя к нам прибегает.

* * *

Когда вновь вышли во двор, все разбрелись кто куда. Ковальский остановился около крылечка.

«Всё на месте, всё моё самое дорогое — здесь! Во мне, в них: Аксютя, Гане, Григории Никитиче. В памяти нашей, в этих клё-

нах, всё готово воспрянуть. Не умерло пока, живо село, а значит и все мы», — думал он, мысленно отвечая на вопрос, пришедший к нему, когда ездил к реке.

Под впечатлением от происходившего за праздничным столом начал успокаиваться:

«Надо только не хорониться, смотреть и видеть. И других, и себя. Не предавать, не сдаваться...

Зря я сына Серёжку не взял с собой, посмотрел бы... Когда ещё такое будет».

— Откуда такие слова? — спросил он Аксюту, едва та появилась из сеней.

— Какие?

— «Чужая земля не возьмёт», — тихо пропел Александр. — У меня книжка-песенник есть, там таких слов нет. И не слышал ни разу.

— Так то в книжке. — Она улыбалась. — А в жизни — есть! — Поправляя белокурую густую прядь волос, спросила непринуждённо: — Ты заметил, Саша, Ганя какая у нас? Ей и годы нипочём! Она и твоя Настя похожи, правда?

— Чем? — отозвался Александр, хотя и сам это уловил.

— Лёгкие такие! И прически... обе седые... Только твоя Настя красится. А у Гани — по-настоящему, не от хорошей жизни...

«Красится? Ах, Аксюта, Аксюта, не знаешь ты Настеньку. В модницы записала... Мои однокашницы по институту уже старухами выглядят, а она такая... Что-то в ней особенное есть», — думал Ковальский, наблюдая, как Аксюта, подойдя к палисаднику, что-то ядрёно сказала и послышался звонкий молодой смех.

На крыльце показалась Ганя. Ковальский взглянул на неё и мысли спутались. Не мог выдержать взгляда тёмных жгучих глаз. Видел, как легко спустилась по ступенькам на землю и направилась крепенькой походкой к Аксюте. И она не походила на старуху.

Александр не подошёл к ней. Ещё два раза их взгляды встречались. Каждый раз он терялся. Не мог шагнуть к ней запросто, как к Аксюте. Она так и осталась для него смуглой загадочной богиней из того далёкого времени, в котором он был Шуркой...

VII

Гости разошлись. Задержались только Степанида с Аксютой, занялись уборкой.

Григорий Никитич поманил обоих Ковальских в маленькую комнатку, заставленную стеллажами книг. Там подал Ковальскому-старшему серый свёрток.

— Что это? — спросил Александр.

— Георгиевский крест. Всё, что осталось от награды моего отца, прадеда твоего сына. Другие унесло водой.

— Какой водой? — удивился Ковальский-младший.

— Когда после войны приехал из Ленинграда, закопал все отцовские награды. И ещё кое-что около конторы «Заготскот» в лесу. Там круча есть большая. Уже в пятидесятых, один год, было особенно много воды, размыло. Этот крест остался случайно. Хранил потом его на подволоке в амбаре.

Он присел на диванчик. Утомлённо откинулся на спинку, закрыв глаза.

Ковальские молча переглянулись.

— Покажите и Никите, когда подрастёт. Пусть помнит своего прапрадеда Головкина Павла Григорьевича. Был такой русский офицер. Брат его старший, Александр, тоже был военный. Боевой генерал.

Головкины состояли в родстве с князьями Волконскими.

При этих словах отец и сын вновь переглянулись.

Худощавое, с высоким лбом и прямым носом лицо Григория Никитича освещало сейчас комнату особым светом. Светом той поры, в которой слава и позор ушедших жизней так переплелись, что брала оторопь. Ковальский-младший смотрел то на отца, то на деда. Так вплотную с гулким прошлым он соприкоснулся впервые. Ему становилось не в силах молчать... И говорить не мог... Не было нужных слов...

— Но тогда фамилия «Бочаров» откуда? — спросил Ковальский-старший.

Старик ответил, не открывая глаз:

— Друг отца Никита Бочаров усыновил меня. Они в гимназии вместе учились, жили рядом... Долгая история... Друг хромой был, не служил. У отца моего все либо умерли, либо погибли в революцию и гражданскую. Сам в бегах... Колесил

долго по разным городам. Перед войной совсем пропал. Видно, забрали. Сгинул, в общем. Матушка моя умерла ещё в двадцатом. Мне семь лет было.

— А Бочаровы? — не выдержал внук.

— В блокаду померли.

— А здесь как оказался? — спросил, волнуясь, Ковальский-младший.

— Дружок покровский всё предлагал. Я и согласился, на фронте ещё. Дошли до Праги, там обоих ранило. Меня так себе, а его крепко. После того, как приехали на его родину, чуть больше года прожил. Один остался. — Он пожевал губами, прокашлялся и вновь заговорил: — Как хорошо, что мы потолковали вот так. Мог и не успеть. Вы — кто где, а я — совсем старик.

— Деда, у тебя тоже орден и медали военные были. Они где? — спросил вновь Ковальский-младший.

— В шифоньере. Надо будет, найдёте, — и продолжил о своём:

— Проняй, пытливая душа, перед смертью говорил, что мы много вытерпели. Может, вам за наше терпение откроется то, ради чего всё это. Мы щепочками оказались при рубке леса. И в революцию, и в гражданскую. И в эти вот реформы. Может, заживёте лучше когда-нибудь, которые остаётесь...

Ковальские молчали. Слышался только голос старика:

— Как вышло-то!?! Главный перестройщик суетился, а Ельцин затеял свой капитализм без него. И опрокинули говоруна этого вместе со страной. Экую силищу! Пускай будет теперь капитализм. Но сколько опять времени и жизней надо, пока в норму всё войдёт! И опять всё по-большевистски, быстрее, быстрее. Почему у китайцев не учимся? Они множатся, а мы вымираем... И как это мы все поспособствовали выскочить царю Борису?

Видно было, Бочаров устал от разговора, но молчать не мог. Взглянув поочередно на Ковальских, произнёс:

— Надо, чтобы прекратилось то, что засосало внука Синегубого — Гришку! Привезли его хоронить с дыркой в затылке крепкие, как на подбор, друзья. С виду степенные. А не сошлись в чём-то при делёжке с такими же... И всё. Гришке башку свинцом проломил. Вот и думаю: зачем делали в семнадцатом революцию? Во имя чего? Хотели всех осчастливить? Столько погубили жизней. Хотели уберечь русского человека

от власти денег, от капитала? А всё напрасно. Советской власти теперь тоже нет... Не пожалели Россию: бросились строить социализм. А потом — новая революция. От чего уходили, к тому и пришли. Власть денег кругом. Собственность вновь голову подняла. Но русский человек не выдерживает тяжести несправедно захваченных им капиталов. Столько мильёнов жизней на ветер пустили. А результат? Гришка из голодранца богатеньким стал. На «мерседесе» приезжал. Гонял курей вдоль улицы. Богатому черти деньги куют... С ним ещё один бывал. Мордастый такой, Диманом звали. Был на похоронах. Но как-то подозрительно мне... Кажется, его рук дело. И вот они — те, на ком будет держаться наша жизнь?! Их мы натужились и родили? На это потрачен целый век борьбы и миллионы жизней? Рядом лежат: и дед, и внук. Оба в земле. У одного деревянный крест, у другого — гранитный памятник. Все — под одним небом. Перед одним Богом в ответе.

Надорвались мы за последний век. Передохнуть бы дали народу, не торопились бы с такой аховой перестройкой. Глядишь, делая всё с оглядкой, сберегли бы себя, не ожесточились... Мордовать народ веками — мыслимо ли?

Никто нас не пожалеет. Два раза Запад был доволен нами. Когда сотворили революцию и гражданскую войну, и когда рухнул Советский Союз.

Бочаров на минуту замолчал. Но было что-то такое, чего не объять словом. Он словно удивился вслух:

— В начале века мы, неграмотные и полуобразованные, решали всё с классовых позиций. С голой идеей шли по трупам... А потом? Самая читающая страна в мире! Всеобщее среднее образование! Первые в космосе! А толку? Как получилось: ударив по Сталину, Хрущёв ранил всю страну! Нет вождей — нет и крепости в державе. Беды меньше не стало! Как так случилось, что не можем защитить сами себя? Заграница богатеет за счёт нас. А мы в кольце, стреножены... Не берём у жизни уроков, истребляем сами себя. И мытарится душа русская...

* * *

Побаливала голова.

...Александр-старший отправился прогуляться по улице. Задумчиво брёл он вдоль приземистых, потемневших доми-

шек. И всё-то слышался ему хрипловатый голос Бочарова. И собственные мысли не давали успокоиться.

«Чтобы понять общее, нельзя вырывать лоскуты. Нельзя вглядываться лишь в отдельную родословную. Она у каждого своя, собственная... Взгляд только в своё уводит в раздрай между людьми... Но общей истории, — спохватился Александр, — как таковой объективной нет. Кто её воссоздаст? Когда? Возможна ли? И будет ли она живой без отдельных конкретных человеческих судеб?».

Он чувствовал, что перегружен своими размышлениями. Хотел развеяться, приехав на юбилей. Не получилось.

«Вот откуда мягкость Григория Никитича. От многолетних раздумий, от всепрощения. Душа россиянина в смятении. Он чаще всего говорит сразу обо всём и безнадежно. Это давно так».

VIII

Ковальский шёл вдоль ряда домов с подслеповатыми окнами, углубившись в себя.

В который раз за последние дни вспомнился Суслов, их встреча в Винновке, где Владимир появился только на восьмой месяц после ухода с завода. А до этого, как в воду канул. Прислал всего однажды письмо без обратного адреса из Ярославской области. В нём одно предложение с хилым восклицательным знаком: «Не ищите, жив, как ни странно, объявлюсь сам!».

...Привёз Ковальского «по старой дружбе» в это маленькое село на берегу Волги в начале августа на своей лодке крепко постаревший и остепенившийся Борис Мошков.

Побаиваясь, как бы не разграбили лодку, он остался на берегу. По-прежнему деловитый, тут же начал возиться с мотором. Ковальский двинулся наугад, поближе к церквушке.

Глухой высокий старик на бутре с третьего раза понял наконец-то, чего от него хотят. Обдав гнилостным запахом изо рта, отозвался, приблизив едва не вплотную лицо:

— Вон, кажись, корова там стоит на углу, в энтовом угловом доме новенький жилец, могёт он быть. А подалее там художник ещё есть.

...У соседнего с угловым дома на лавочке в тени клёна покуривал узкоплечий мужичок лет сорока. Выцветшая растянута тельняшка делала его подростком.

— Суслов тут живёт? — обратился к нему Ковальский.

— Володька-то? Он на реке сейчас. А ты кто таков? — подозрительно спросил мужик.

— Приятель его.

— А откель я знаю, что приятель. Тута недавно тоже приятели приезжали. Искали кого-то. Не нашли. С досады поросёнка насмерть стрельнули и ушли. Ты не таков приятель?

— Не таков.

Александр присел рядом на край лавки. Сунул руку в карман куртки:

— Вот мой заводской пропуск с фотографией. Как он тут?

— Володька-то? — спросил узкоплечий, не взглянув на пропуск. — Безобидный. Ушибло чем-то, батарейки у него сели. Моя мать про таких говорила: как снятое молоко.

— А с людьми как?

— Как с людьми? Простой, пока трезвый. А как выпьет — одна философия. Грамотный очень, потому и горемычен. Душа у него болит... А у кого она сейчас нормальная?.. Я люблю его слушать. Не голова, а ком золота. Курить не найдётся? Мои кончились.

— Не курю.

— Вот и Володька не курил поначалу.

Помолчали, наблюдая за стайкой голубей, круживших над домом с покривившейся трубой.

— Меня Геннадием зовут, — сказал человек в тельняшке и выжидательно замолчал.

— Александр.

— Он мне, считай, жизнь спас. В тот раз он и курить начал, — сказал Геннадий, сверкнув глазами.

— Расскажи, — попросил Ковальский, — пока его нет. Я ждать буду.

— Да что рассказывать-то, — поёжился мужик. — Не каждый поверит.

— Поверю, если не соврёшь, — пообещал Александр.

— В начале лета на той стороне Волги на леща стояли с ним, — начал Геннадий. — Я место захотел поменять. Но заба-

рахлил мотор. На веслах подчалил к берегу. Посушил свечи. Дёргаю стартёр. Мотор не заводится. Не поверишь, час провозился.

— Верю. Сам когда-то был лодочником.

— Ну, тогда понимаешь, — заключил Геннадий и ловко сквозь зубы сплюнул в пыль. — Жарко стало. Разделся до трусов. Дёргаю, аж рука отваливается — устала. И вдруг обратно как саданёт! Рукоятка от стартёра вылетела из рук и прямо по... этому месту. Трусы распахало. Боль страшная. Я присел на транец. Смотрю — кровь. И они лежат на лавочке, ну, на транце. Рядышком.

— Кто? — не понял Ковальский.

— Ну, кто? Мошну порвало рукояткой, всё и вывалилось. У меня глаза на лоб. Порыбачил. Жара. Кровица. Один в затоне. Володьку не видно. Что делать? Мотор, как мёртвый...

— И как же?

— Как, как?.. Володька подскакал. На буксире привёз, посуху в гору тащил на руках. Я со своим хозяйством в горсти между ног. Как курёнок был. Потом на «газике» в Рождественно. Мороки было. Хирург говорил, что мой случай для книги этой — рекордов Гиниса.

— Отмахнули?

— Ты чё? На место вернули. И зашили. Если бы отмахнули, тогда бы как безоружный стал...

— Удачно, значит.

— Не повреждено было, — будничным тоном пояснил рассказчик.

— Ну и ну, — покачал головой Ковальский. — Не верится.

— Зачем мне врать? Хочешь, покажу, — обиделся рассказчик. — Всё на месте.

— Нет, — поспешно ответил Ковальский. — Верю и так.

— Теперь зовут Штопанним. Я не обижаюсь. На днях для антиресу замерил Володьку. Сто девяносто пять сантиметров. У нас тут таких длинных никогда не было. Колокольня!

* * *

...Уже смеркалось, а Ковальский и Суслов продолжали сидеть за самодельным деревянным столом с единственной давно пустой бутылкой водки и гранёными стаканами. Мошков приходил. Не утерпев, вернул к лодке.

Убогая обстановка окружала собеседников. Резко отличалась она от той, какая была при последнем их разговоре. Не висела над головой хрустальная люстра, украшавшая директорский кабинет. Тускло горела единственная лампочка под низким серым потолком. В переднем углу — небольшая икона. На подушке — старенький радиоприёмник.

На табуретке две книги: томики стихов Гумилёва и Волошина.

И Суслов под статью этой обстановке. За полтора года, которые они не виделись, Владимир стал будто ещё выше ростом. Изрядно выцветший спортивный костюм с пузырями на коленях и локтях явно мал. Рыжеватая борода всклокочена. Нос заострился. Глаза мерцают по-древнему, сумеречно.

* * *

Разговор такой же, как в тот, последний раз: тягучий и безжелаемого для Александра результата.

...— Ни у меня, ни у тебя, ни у всего народа нет опыта жизни в новом состоянии. Не на что ориентироваться. Мы такого не проходили. Оттого и мрём. Нет защитных функций у народного организма.

— Ты не видишь впереди ничего хорошего?

— Мы не представляем себе завтрашнего дня. Не имеем понятия, что будет. И никто об этом не думает..

— А ты?

— Я ещё думаю.

— И что же?

— Оттого, что у большинства из нас нет или почти нет будущего, наше поколение решило, что хоть как-то, но жить нужно теперь или никогда. И нечего голову теснить заботами о своих отпрысках, хребет ломать. Всё так неустойчиво. Обеспечить завтрашний день за счёт настоящего невозможно, а раз так... Попробуй накопи себе на старость? В один миг может всё улететь. Ради чего работать? Прежде хоть сказка про коммунизм была, а нынче? Если будет так продолжаться, лет через двадцать Россия скукожится. И уместится между Прибалтикой и Уральскими горами. Остальную часть её поделают США, Китай и Япония.

— Почему так?

— Я сказал, почему. Нас скоро останется слишком мало. Не удержим, что имеем. Что сейчас объединяет живущих в России? Идея, язык, религия? Ни то, ни другое, ни третье.

— А что, если Россия расширится до прежних границ СССР, кроме Прибалтики? Тогда всё встанет на свои места!

— Чтобы так было, надо отказаться от подражания Западу и строить своё общество. Но кто об этом говорит народу? Он брошен. Народ не знает, что из чего выбирать, — устало отреагировал Владимир. — Двенадцать лет промаялись и получили хаос, а не демократическое общество. Не стали силой, определяющей свою судьбу.

И откуда взяться силе, если нет своего производства в стране? Скоро разучимся что-либо делать вообще... А если промышленность и поднимется, энергетики не подготовятся к этому. Оборудование изнашивается. Страна без энергетики — банкрот.

«Спросит ли про Лену? Или ему действительно это неинтересно?» — думал Ковальский, наблюдая, как Владимир отрешённо смотрит в тёмное окно.

— Мы взмыли в высшую политику, а я прибыл с конкретным предложением. Соглашайся, поехали на завод. Елена и Кретов двинули в Ангарск. Кретову предложили такую же должность. Работал он заместителем хорошо. Я ещё больше убедился, что он как специалист едва ли имеет равных в нашей отрасли. Но не возражал против увольнения. Теперь есть вакансия.

— Ни к чему мне это, — вяло отозвался Суслов. — Никуда я не вернусь. Тем более на завод. Должности мне не нужны. Куда ты меня зовёшь? В главные экономисты? Но у нас в стране нет экономики. Нынешняя стабильность — мыльный пузырь. Она искусственная, сам знаешь. А вынырнувший порулить Кириенко ничего не сможет сделать. Наследство ему от Черномырдина досталось жуткое.

Ковальский не сдавался:

— Но тут такая убогость. У тебя в избе даже тараканы не водятся. Шаром покати.

Суслов словно не слышал Александра. Спросил:

— Ты помнишь Свинарёва-Старчевского?

— Который в общежитии был?

— Он самый.

— Его трудно забыть, — усмехнулся Ковальский.

— Он теперь депутат областной Думы. Каково? Случайно узнал.

— Но у него даже высшего образования нет, — удивился Александр.

— Ошибаешься, начальник. Есть. Сейчас это просто. Купил диплом. Уехал на Север к газовикам. Потом — в Думу. Вверх лезут в той же позе, что и ползают.

— Такое время, — покачал головой Ковальский.

— И зачем мне возвращаться в такое время? — упрямо произнёс Суслов. — Тут у меня конкретное дело появилось: мы хотим с Геннадием родительский пятистенник поправить, в церкви кое-что восстановить...

— Ты же неверующий? — не удержался Александр.

— Ну и что? Я могу здесь не лицемерить. Тут это ни к чему. Это вам там надо. Не могу Геннадия предать, я обещал. Он, как ребёнок.

— Это который сидел у ворот? Он рассказывал, как ты его спас.

— Я спас? — удивился Суслов.

— Ну да, на рыбалке, когда распахал он себе...

Владимир впервые за всё время их разговора тихо засмеялся:

— Когда впервые встретились, он мне тоже рассказывал... как ему в Москве электричка большой палец на ноге отрезала, и московские врачи пришили. У него, по-моему, только голову не отрезало.

— Так он что...

— Со скуки чего ни придумаешь. Местные уже привыкли. Приезжих удивляет.

— Но почему непременно в Москве? Палец-то?

Суслов пояснил вполне серьёзно:

— Одно дело пострадать в каком-нибудь Урюпинске, другое — в столице нашей Родины. Москва хотя и становится злой мачехой, но на неё оглядываются пока...

— Чтобы ему помочь, необязательно тебе здесь жить?

Суслов будто не слышал:

— Когда-то ты выбрал себе смысл жизни, дорогу. И шёл в этом направлении. Делал своё дело. А теперь где они: цель и

дело? Но ты продолжаешь действовать. На что-то надеешься? Ты говорил, что человек должен стать лучше. И в этом залог улучшения мира?! Не будет мир лучше. Гоголь сказал, что Пушкин — это русский человек, каким он будет через двести лет в своём развитии. Он ошибся насчёт нас, его потомков. Не оправдали мы надежд классика. Прошло более полутора сотни лет, а нет у нас в обществе и одного процента людей, похожих на Пушкина. Улучшение качеств человека невозможно. И Гоголь, и твой институтский профессор Засекин, о котором ты мне говорил, — идеалисты. Не предвидели глобальных изменений. Пушкинымы мы и через пятьсот лет не станем. Куда меня зовёшь?.. Человек становится непомерно хищным. Раньше не отдавал себе отчёта, что вершит. Бездумно жил. Теперь осознанно торопится напоследок перед общей катастрофой урвать побольше. Где уж ему улучшать свои качества! Тебе это очевидно. Но ты будто не видишь... Я признаюсь, никогда не понимал тебя до конца. Нельзя жить с закрытыми глазами!

— Разве можно так обобщать? И нельзя обо всех судить по Кретову. Ты так безнадёжно говоришь обо всём.

— Причём тут Кретов, — произнёс Суслов и убрал со стола правую руку, пальцы которой начали нервно подрагивать. — Ты энергичен, — продолжал он. — Думаешь и обо мне. Спасибо. Но это в тебе работает бессознательная привычка противостоять разорению. Закачался не по нашей вине проект производства полиэтилена, ты тут же схватился за другую идею. Другие установки хочешь модернизировать. Ты азартен! Только и всего. Инстинкт. А дальше что? Я тут не только водку пью. Здесь особая энергетика. Нет суеты. Отсюда виднее, как меняется мир. Многое осталось в прошлом. У всех и у тебя — тоже. Регионы вырываются из объятий центра, бедные ненавидят богатых, инородцы обвиняют в своих бедах русских, мусульмане смотрят с подозрением на православных, чиновник не слышит гражданина, молодые — старых. В нашей бывшей державе — скрытая гражданская война. И конца не видно. Ты, Александр, как римский патриций, который, забыв, что Рим пал, пытается спастись в своём имени верностью обычаем предков и своим богам. Но твой Рим уже пал! И завтра дикий галл или германец, который пока тебя не трогает, поймёт, что ты — сирота. И всё твоё, в том числе, и твою амбицию, присвоит себе. Всё!

— Жесток ты, Владимир, такого раньше не было. Торопишься с выводами, — внятно проговорил Александр. — Вот послушай Пастернака:

*Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать.*

Ты сейчас крепко закомплексован. Не торопись.

Суслов тут же возразил:

— Причём здесь эта поэтическая заумь? Я закомплексован? Называю вещи своими именами! И о себе кое-что понял: хочу уйти от грубой реальности... Устал. Если завтра умру, это не худший для меня вариант. Что может быть лучше, чем раствориться бесследно в Жигулях? Стать частицей реки, гор, этого неба! Не хочу лежать на городском кладбище среди железных оград. Хватило железа в жизни. Город нас погубил. Хорошо бы мой прах развеять над Волгой! Не качай головой и не думай, что я не в себе. Моё время прозреть пришло. Твоё — впереди.

— Там, где ты сейчас — тупик. Всё-таки город — источник культуры, а не гибели, — Александр говорил и чувствовал, что продолжает давний диалог с самим собой, а не с Суловым. — Да-да. Это так... Другой вопрос: какой культуры...

Владимир не отвечал.

— А это у тебя что? — заметив торчащую из-под подушки кипу бумаг со знакомым почерком Владимира, спросил Ковальский.

— Записки ушедшего, — не сразу ответил Сулов.

— Так и называется?

— Да.

— О чём они?

— В них то, о чём ты не сказал в «Чёрном ящике». Главная наша беда в том, что народ не осознаёт множества проблем. Чего не знает, того не понимает. Откуда взяться при этом самоорганизации?..

Ковальскому показалось, что голос Владимира дрогнул. Но лицо осталось непроницаемым.

— Повесть или роман?

— Ни то, ни другое. Зачем придумывать образы, диалоги? К чему перемежёвывать текст этими «встал», «спросил» и так далее? К чему расцвечивать всё пейзажными зарисовками?

— А как иначе?

— Есть что сказать? Говори прямо! Если хватит мужества. Ни к чему прятаться за придуманных героев — окольный и ненужный путь.

— Что же это?

— Статьи... Но, кажется, и это ни к чему... Большинство из нас обуял страх истины. Как защитная реакция... А от истины прятаться нельзя...

— Ты о чём? — почувствовав недосказанность, спросил Ковальский.

— Пойдём на свежий воздух, — предложил Владимир.

Александр охотно согласился.

Теперь они стояли во дворе. Огромность неба, дополненная пустынностью водной глади великой реки, делала их фигуры на высоком крутом берегу со стороны причала, где маялся в ожидании Борис, едва заметными.

Владимир ответил на вопрос Ковальского, да как! Будто и не было предыдущего разговора.

— Теперь, когда я поскитался, пожил на просторе среди таких, как Геннадий, понял окончательно, что идёт разрушение не только государства, а самого народа. Мы на страшном историческом изломе!.. Вот в чём гибельность момента. И его страшная, ужасающая грандиозность. Развал промышленности и сельского хозяйства — путь к полной деградации и дисквалификации всего населения. Вон Генка! Был высококлассным токарем. Орден имеет. Завод обанкротили, кто теперь Генка? Оказался за заводским забором, приехал в село. Таких — полстраны. Передаст Ельцин власть какому-нибудь лихому демократу — и нам конец. Захлебнёмся либо в гражданской войне, либо в новой волне окончательного развала. Не доверяю ни нынешней власти, ни крупному бизнесу. Обмен власти на собственность, а собственности на власть угробит всех.

...Казалось, они были совершенно одни в этом мире под зарождающимися над головами вечерними звёздами. Неохватный простор не растворял тихий голос Сулова. Всё вокруг будто прислушивалось к тому, что говорил этот рослый человек с бледным лицом:

— Мы отданы на заклятие элите. И нас ещё обвиняют в том, что не способны понять необходимость теперешних демокра-

тических реформ. Мы виноваты, видите ли! Никто в Европе на такое не способен, только мы. Приехали. Конец всему. Я понял это и мне нечем жить.

«Произносит то, о чём я думал-передумал, — отметил мысленно Ковальский, — разница между нами та, что я размышляю об этом давно, а его только что пробило? Кажется, говорит со мной страницами своих записок...»

Взглянув на Владимира, жёстко сказал:

— Да, можно сказать, что каждый из нас ходит с гробовой крышкой за спиной, но нельзя же постоянно об этом... Владимир, остановись! Ты взвалил на себя ношу не по плечу... Тебе так легче объяснить своё бездействие? В оправдание? Помнишь, ты говорил мне, что философия чаще всего в жизни неуместна... Может, сейчас как раз тот случай?

Ковальский почувствовал неубедительность последних своих слов и добавил уверенно, но мягче:

— Ты становишься похожим на сухостой. А надо жить! Можно жаловаться на темноту, а можно зажечь хотя бы одну свечу! Понимаешь, о чём я говорю!

Владимир будто не слышал... Молчал...

* * *

Уезжал Александр от Сулова ночью. На прощание у воды молча обнялись. Ни одного огонька вокруг.

Когда плыли с Борисом, и пристаней не видели. По берегам изредка едва мерцали огоньки на прибрежных турбазах. Но так придушенно и реденько, что становилось не по себе. Всё пропиталось брошенностью. Река мертва.

...Ковальский спохватился: «Маловато я ему денег сунул под подушку. Надо Долгова потом послать».

IX

За озером, ближе к центру села, там, где стоит дом Михаила Лашманкина, пошумливали молодые голоса. Но без песен. Не то что раньше... Или высокий кирпичный дом Лашманкина глушит звуки?

Друг детства Михаил вернулся в село, отработав больше двадцати лет шофёром на «северах». Получив, как он гово-

рит, «от Черномырдина» двухкомнатную квартиру в Санкт-Петербурге, продал её и купил этот добротный дом. Место выбрал не сразу. Но какое! Рядом озеро Приказное, огород прямо у воды.

Лашманкин по-прежнему жизнелюбив, под стать своей жене. Обрёл уравновешенность и статность. Весь будто напичкан анекдотами да присказками. Частенько выскакивает при разговоре матерок. Безобидный и заразительный.

Всё, как говорит Суслов, вокруг оболгано, захламлено ложью и хамством — тошно жить. А Лашманкин живёт с аппетитом и в большом, и в малом.

С Севера привёз беспородную старую кошку Ньюру. Рыбачит прямо у себя по весне в водополе в огороде. Карасей ловит удочками чуть не из окна. Ньюра в это время сидит рядом. Облизывается.

Пьёт Михаил только своё самодельное виноградное вино. Шагнул, как и Суслов, в сторону от «большака». Выбрал «нишу», по-своему.

«Но в ниши живут мыши?»

Можно ли завидовать Лашманкину? — размышлял Ковальский. — И не думать о Суслове? Где она, моя ниша? Есть ли она? — вопросы наплывали один за другим. — Не могу я всё, что знаю, умею, понимаю — этот бесценный результат моей активной жизни — враз отодвинуть в сторону и зарыться в песок. Как страус... Не выдержу, потому что не могу жить по-иному. Знаю это давно про себя».

Чуть правее озера, в цепочке темневших домов, вспыхнул яркий свет.

«Так поздно Пудовкин приехал? — удивился Александр. — Машины слышно не было».

Владимир Пудовкин вышел на пенсию и теперь работал диспетчером в областном аэропорту. Держали, как он говорил простодушно, только потому, что за год до начала перестройки получил Героя Социалистического Труда. Теперь летом часто приезжал в отцовский дом. График работы позволял.

«Надо завтра сходить к нему, давно не виделись. И у этого своя ниша...»

...Я будто какой оркестр. И в нём, в этом оркестре, столько струн! И столько мелодий... И этот оркестр, так словно кем-то

положено, должен донести до кого-то куда-то все краски, всё многоголосье жизни, той, в которой я когда-то был и которую стали многие забывать. А многие и не знают. А та жизнь, которая идёт сейчас? Её тоже надо понять и кому-то защитить...

...Эти чуткие струны только тронь. Тотчас зазвучат они либо голосом моего деда Ивана, либо голосом многострадальной, но такой жизнерадостной моей мамы, или пронзительной бабы Груни. Слышу Калашникова, Засекина, Анну, Самарина, Зацепина... А за ними непременно подают голоса Руфина, Суслов, Румянцев, Бочаровы, Аксюта, Проняй, Синегубый... А Верочка Рогожинская! Её голос. И звуки полонеза Огинского!.. И всё это дополняется голосами заводчан, которые тоже — часть меня. И эти голоса, и лица не отпускают.. Я не могу ни одну часть себя оторвать от самого себя. Неделим... Что мне со всем этим делать? И Стражников, который — я и не я!.. Смотрю в него, как в зеркало...»

В конце неосвещённой улицы за спиной Ковальского у автомобиля сработала охранная сигнализация. Непривычно было слышать её пронзительные звуки на краю села.

Чуть позже со стороны реки прозвучали два гулких ружейных выстрела. Заря давно кончилась. Кто-то из приезжих, но чуж у воды, очевидно, дурачился.

Ковальский направился к дому Бочаровых. Около приземистой саманной избы столкнулся с соседом Григория Никитича, Малюгиным. Юрий ещё во дворе Бочаровых, когда гомонили на юбилее, подходил и затевал разговор, но Ковальского постоянно кто-нибудь отвлекал.

— Какой воздух здесь! Не привыкну. Чуть прогулялся и совсем другой стал, — приветливо произнёс Ковальский, словно извиняясь за несостоявшийся разговор у Бочаровых.

— Я, как перебрался сюда, иные силы почувствовал, — с готовностью отозвался Юрий. — И огород с колодцем, и погребок приличный — всё, конечно, подспорье. Легче сводить концы с концами. Но душа! Она ожила памятью о родителях, которые здесь покоятся. Обдало душу детством, той правильностью жизни, которая была при них. И которая должна вернуться. Часто в мыслях возвращаюсь в детские времена. В последние дни понял, почему. Чтобы осознать: во что же воплотились те далёкие детские чаяния! А вы как думаете?

Ковальский молчал.

— Моя сторонущка — помощница мне, — не дождавшись ответа, проговорил Юрий. — Чувствую здесь себя должником, а взять с меня нечего... Так вот... Всего-то двум-трём поколениям россиян досталось пожить осмысленно: поучиться с радостью, всласть, поработать с энтузиазмом. Но куда всё делось? Здесь, на просторе, начинаешь приходить в себя. Был вертикальный взлёт и вот теперь такая вынужденная посадка...

Они стояли у незнакомого палисадника. Кто-то изнутри поспешно закрыл окно, свет в избёнке погас.

Голос Малюгина звучал приглушённо:

— Я поздно вернулся. А сколько ещё таких, которые на отшибе? По себе знаю, как тяжело одному.

Ковальский молчал, поражённый волнением Малюгина. Был он, в отличие от прошлой встречи, иной.

«Послушал бы Суслов».

— Ты, Александр, в церковь ходишь?

— В Троицкий храм, когда сюда приезжаю, захожу. В нём маму мою отпевали.

— Значит верующий, — облегчённо произнёс Юрий. — Вера — обновляющая сила. Мы опошлили Богом данную жизнь, но впереди изменения к лучшему. Мне открылось здесь: мы преодолеем напасти. Не скоро... Но выстоит Россия, она такая... Сейчас платим за свой грех большую цену. Сколько всего нахламлено в душе русского человека на пути к свету. — Кивнул головой на аккуратный дом с крышей из оцинкованного железа: — Мой сосед. Грамотный мужик. Не верит, что найдём силушку и построим достойную жизнь. Сломался и пока не отошёл. Заведующим районо был, учитель. Теперь держит скотину, огород в тридцать соток. Тем и живёт. «Бог-то, может, и есть, говорит, да нас уже нету. Кто поумнее, тех извели. Нынешний россиянин — поскрёбыш. Не тот замес, не то тесто...»

— Не учительствует?

— Возвращался в школу, преподавал. Но его Колька Малахов шибанул. Начал как-то Григорий десятиклассников умразуму учить. Они своё воротят. Колька, не стесняясь, резанул учителю: «Чему способны вы, взрослые, научить? Если сами полунищие? Не можете на жизнь заработать... Наташа Ростова, Андрей Болконский!.. Чихали они на нас таких. Они — аристократия. Ничего не можете, только говорить...». — Григорий

и перестал ходить в школу. Деньги сегодня всему голова. Это молодёжи вбили крепко. Тех, кто следует за нами, расчётливо отрывают от своих корней. Вырастает новая порода людей — циничная... Грамотный учитель, а обезволил. Домишко-то поправил. Вон крыша теперь какая. Машину купил, забор соорудил металлический... всё как бы в доказательство, что и он может в богатенькие выйти... Рогато зажил, а что толку? Он моих племянников когда-то в школе учил, теперь я его наставляю... Отойдёт, авось...

«И этот о том же думает, и говорит, как Суслов. Но, в отличие от него — с надеждой. Как Котельников, Григорий Никитич. Как мои заводские и молчаливо несущие боль в душе Аксюта и Ганя. С надеждой! Сколько таких по России! Сколько деревень таких, дачных улиц! Городов сколько! Сколько лиц, опечаленных и светлых, рассеяно по городам и весям российским! И как они разобщены! Сколько переговорено всего... Миллионы живут с постоянной общей думой и надеждой. Но вязнем в разговорах... Кто дело будет делать?.. Самое главное и повседневное, без которого нет жизни... Кто?»

...Голоса за озером стали отчётливей. Там заиграли на баяне. И в этом Ковальский увидел теперь особый смысл. Он ясно вспомнил, как днём в синих светлых глазах своих собеседников под резными листьями клёнов за невысказанностью и умолчанием струился тихий негасимый свет. Скорее всего, не осознанный ещё ими свет надежды и неистребимости самой жизни, неиссякаемого её источника. Вспомнил блеснувшие глаза Аксюты там, во дворе, и её слова: бабы плачут, а девки замуж собираются...

«Этот свет только частью может принадлежать им, — тихо радовался теперь своему открытию Ковальский. — Свет идёт через них от большого немеркнувшего и нескончаемого источника. Загасить который не дано никому».

Александр знал, что, и уехав, не перестанет думать об этих людях. Сколько в них нерастроченной доброты, доверчивости и терпения!

Они питали своей надеждой. Сила, объединяющая с ними, давала чувство правоты в чём-то самом главном для всех. В чём? Это Ковальскому надо было ещё понять до конца...

Когда Александр подошёл к калитке, сын сообщил:

— Пап, Степанида приходила, говорит, Долгов звонил к ним, сотовый не берёт.

— И что?

— Минут через десять повторит звонок, просил подойти к ней.

...Едва Ковальский шагнул по чистому жёлтому полу у соседей в прихожей, с копией васнецовской «Алёнушки» на белой стене, заверещал телефон.

Хозяйка поспешно передала трубку.

— Александр, слушал сегодня новости? — донёсся приглушённый голос Долгова.

— Конечно, нет.

— Кириенко объявил, что Россия не в состоянии расплатиться по внешним долгам. Сделки по ГКО¹ прекращаются. Финансовая пирамида рухнула. Миллионы людей вновь без сбережений. Наверняка сменится Правительство и хлынет новая мутная волна.

— Не было, не было и вдруг опять, — вырвалось у Ковальского.

— Не понял?

— Извини, я не тебе.

— И ещё новость, — что-то в трубке произошло и голос теперь звучал отчётливо.

Ковальский слушал, не прерывая.

Долгов сообщал, что один из столичных банков, которому они продали десять процентов акций своего акционерного общества, чтобы иметь средства для начала строительства производства полиэтилена, на днях перепродал их какой-то незнакомой финансовой группе.

— Откуда сведения? — напористо спросил Ковальский.

— Золотарёв приехал из Москвы, привёз. Случайно узнал.

— Но, кроме договора, Борис Сергеевич дал лично слово, что мимо меня никаких операций с нашими акциями не будет.

— Александр, что ты говоришь?! Кому сейчас можно верить? Надо отправляться в Москву. Возможно, это начало ин-

¹ ГКО — государственные краткосрочные обязательства.

тервенции. Ринутся скупать акции у заводчан и наберут блокирующий пакет. Потом пойдёт возня, как у соседей на химкомбинате. Предстоит новая борьба за самостоятельность.

— Пока платим неплохую зарплату, заводчане не расстанутся с акциями.

— Где и какие сейчас гарантии, что удержимся на плаву? Бюджетникам и пенсионерам практически не платят. Банк продал, — волновался Долгов, — значит, много заплатили. Или крепко надавили. Только из-под энергетиков начали уходить...

Ковальский не дал договорить:

— Вылетай в воскресенье. Нужна точная информация. В первой половине понедельника звони мне. Буду на месте. Решим, что дальше делать.

* * *

В горнице, рассеянно слушая сына, Ковальский неотвязно думал о заводе.

«Вот и нас коснулось. Почему всё-таки банк подвёл? Есть общие долгосрочные планы! Намеревались создать совместное предприятие. Сознательно шли на это, чтобы отгородиться от попыток сменить собственника. Банк крепкий. Не для латания своих дыр пошёл на продажу. Ясно: это чья-то стратегия. Но чья? Против кого банк не устоял? И как это можно связать с надвигающимся общим кризисом?»

И вдруг спохватился: не Кретов ли соавтор такого хода? И у дурака хватит ума, чтобы навредить, а этот с мозгами...

«Пока всё не расставим по своим местам, переходить мне на нефтехимкомбинат нельзя. Недопустимо, чтобы, как лодку, раскатали завод. Многие так утонули. Можно бы туда направить Сулова вместо себя. Потом видно будет... Но он надломлен... Кого ещё? Заводы можно объединить. Так крепче! У нас много взаимных сырьевых, продуктовых потоков. Экономика и управление только выиграют...»

Мысли роились. Это был уже не тот Ковальский, какой всего час назад сидел у баньки под звёздным небом.

Как и Долгов, почуял, что они на пороге новых потрясений для завода. Впереди возможен бурный водоворот во всей промышленности. Догадывался, какая многотрудная работа предстоит.

В избе духота. Прихватив подушку и в сених тяжёлый полушубок, Ковальский вышел под открытое небо. Направился в сад под старую ранетку, где были голубенькая беседка и массивная деревянная кровать.

Едва ступил меж развесистых яблонь на узкую дорожку, неровно выложенную белым кирпичом, сумрак сада поглотил его.

Кирпичи на дорожке тускло отражали едва пробивающийся местами через густую листву лунный свет.

И тотчас встал перед глазами большак, по которому много раз шагал, направляясь в город.

— *Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит,* —

привычно пропел он негромко.

Сочный баритон прозвучал отчётливо. Сад, будто весь, разом, вздрогнув, откликнулся ему лёгким шелестом неведь откуда взявшегося верхового ветра.

Словно кто знак какой подал...

И показалось, что вот-вот расступятся деревья к окраинам сада, и он, оказавшись на просторе, услышит над головой, как «звезда с звездой говорит»...

Александр смотрел через прогалину между ветвей в небо, обратив лицо к востоку, где зарождался новый, ещё не прожитый день...

Сад одряхлел, как и его хозяин. Своими скрипами, шорохами он, казалось, как и Бочаров, невнятно пытался говорить на древнем своём языке о чём-то главном. И в его говоре всё едино неизречённым было самое сокровенное, самое настоящее, то, без чего жизнь оставалась тягуче-мучительной, когда правды одной мало, нужна истина, а к ней путь не указан...

Ковальского потянуло пройти до конца сада и дальше, туда, где начинался огород, уходящий изгородью в беспокойный высокий осинник, наискосок отгораживающий русло небольшого ручья от широкой степи. Но в темноте не решился.

Там, сразу за осинником, стояла древняя ветла. Александр помнил о ней, но давно не навещался. Сегодня днём, до застолья, вернувшись с Самарки, побывал.

Дерево сильно изменилось. Местами почернело, будто его поразила молния. Ствол, начиная метров с семи от земли, теперь во многих местах был в дуплах, а некоторые участки и выбеленные ветрами сучья походили на огромные белые кости. Хвори и лесные жучки-короеды вершили своё дело: по стволу появились сыпь и глубокие трещины. Дупла облюбовали маленькие, вертлявые, серенькие с тёмной полоской на спине пичужки чуть больше воробья, но бойчее и пронырливей. Каждая такая хлопотунья крутится около «своего» дупла: то нырнёт внутрь, то выскочит наружу. Никак ещё не может, видно, поверить, что часть могучего древесного тела принадлежит теперь и ей. И не надо ютиться отныне в кустарниках, дрожать там от каждого шороха. Приватизировала бойкая стая пичуг подвернувшийся даром после усердных дятлов лесной объект и рада до невнятного довольного щелбета.

И всё бы ничего, да зависал над их головами внезапно и хищно ястреб. И тогда проворные птахи начинали суетиться. Некоторые рассеивались по кустам. Другие скрывались в дуплах и оттуда высовывали торчком стоявшие головки. Из каждого клювика доносилось почти змеиное шипенье.

И огромная птица отступала.

Кто из них истинный хозяин положения, понять было трудно.

Не радовали ни бойкие захватчики дерева, ни плавно круживший в вышине с виду вроде бы могучий ястреб. Отрадой для глаз стала брызнувшая зеленью от могучего комля ветлы, толщиной чуть не в руку, высокая поросль.

...Теперь, лёжа в беседке, Ковальский припомнил, что такой поросли за лето вдоль ручья появилось много и у других подсохших деревьев. Шла терпеливая борьба с суховеем. И тут же подумал: «А будет ли когда-нибудь мой внук вот так в яблоневом саду смотреть в небо и остро чувствовать жизнь? Что Никита сделает на своём веку? Зародится ли у него в детстве чувство свежести и правильности мира, сохраняющее душу? Встанет ли за ним эта сила? Успеет ли наша жизнь к тому времени выпрямиться и зазеленеть? Как эта ветла над ручьём под обетованной синью?!

Никита поразительно похож на меня! Растворилась чужая кровь, не осилила нашу...».

Поскрипывала старая ранетка.

— Будто в детстве у деда, — вырвалось негромко у него.

И он невольно улыбнулся...

Эта мягкая улыбка никак не соответствовала тому, что вскоре предстояло ему испытать...

* * *

Прошло чуть более двух месяцев.

В один из рабочих дней утрюмо наблюдал он, как к заводоуправлению лихо подкатили три чёрных с затемнёнными окнами джипа...

...Будто и не было тех отрадных встреч на юбилее у Бочарова, не было по-детски крепкого сна под ранеткой в ночном саду.

Пропадала вера в прочность миропорядка. Куда-то уходила вся прежняя жизнь, отлетала, как дымка.

Он становился беззащитным.

Наступала новая, безжалостная реальность.

«Только инопланетяне в последнее время не кружат над моей головой и над заводом, а так всего хватает», — невесело подумал Александр.

Когда направился к столу, вошла секретарь.

— С вахты звонили. Рвутся незнакомые люди, что делать?

— Пусть пропустят.

— Но, как вы?.. — она от волнения замолчала.

— Ничего, — усмехнулся Ковальский, — авось, прорвёмся...

2005 г.

**О творчестве
Александра
Малиновского**

В СЕРЕДИНЕ НЕБА

I

Произведения А. Малиновского пришли к широкому читателю на излёте XX века, когда российская история сделала очередной крутой поворот. С одной стороны, широко развернулись поиски более совершенных форм жизнеустройства, внешне активизировались духовные искания, связанные с определённым углублением общественного самосознания. С другой стороны, резко обострился системный социально-нравственный и политический кризис. К тому же он очень быстро, если не сказать — стремительно, приобрёл многие негативные свойства, присущие всей современной цивилизации. «В политике смешалось «левое» и «правое», в средствах коммуникации — истина и ложь. В мире предметов — полезность и бесполезность. (...) Великие гуманистические критерии стёрлись в нашей системе образов и знаков»¹. Не случайно В. Распутин считает: «У нас же убиты не только убитые, у нас убитыми оказались живые... Имею в виду прежде всего не нищету, хотя она косит пулёмётами очередями. Но гораздо страшнее психический надлом от погружения России в противоестественные, мерзостные условия, обесценивание и обесцеливание человека, опустошение, невозможность дышать смрадным воздухом. Вымирающая Россия — отсюда: от этого выброса без спасательных средств в совершенно иную, убийственную для нормального человека атмосферу. Здесь причины эпидемии самоубийств, бездомности, кочевничества, пьянства, болезней и тихих нераскрытых смертей — от ничего, под тоскливый вой души»².

Творчество А. Малиновского отмечено устремлённостью именно к «болевым точкам» происходящего. Причём связь с ним, как представляется, несравненно более существенна, нежели просто дежурная или основанная на особой отзывчивости реакция на те или иные отдельные события, на «злобу дня». Судя по всему, писатель переживает и осмысливает происходящее как порождение глубинных процессов и тектонических, так сказать, сдвигов и неотвратно сопутствующих им перемен в их культуре и общественных отношениях, в самосознании и мировосприятии человека, в структурах социальной характерологии.

¹ Baudrillard J. Simulations //Semiotext(e). Paris, 1984. P. 12.

² Распутин Валентин. Эти 20 убийственных лет. Беседы с Виктором Кожемяко. М., 2012. С. 26.

При этом искания Александра Малиновского отмечены чуждым завершённости пересечением различных дискурсов¹ и своего рода многофокусностью, калейдоскопичностью жанровой «оптики». Наряду с различными модификациями эпической, лирической и «исповедальной» прозы значительную роль играют так называемые «паралитературные» жанровые образования. Среди них — публицистические тексты, мемуары, дневники, выступления и интервью.

При этом двумя точками притяжения для писателя, стремящегося постичь и объяснить мир в его самых разных, в том числе крайних, противоположных по духу и сути проявлениях, выступают мифологизм и документальность.

Актуальная, прямо и непосредственно связанная с быстротекущей, ускользающей действительностью форма документа, снимающая дистанцию между художественной реальностью и читателем, то есть реальностью внехудожественной, разрушающая иллюзию так называемой «художественной правды» и заменяющая её «правдой факта». И древние, как бы застывшие в потоке времён формы мифосознания.

Миф и связанный с ним ритуал кажутся писателю спасительными на пронизанном напряжёнными до предела токами хаоса и разрушения порубежье веков и тысячелетий. А документ — объективный и беспристрастный свидетель происходящего в жизни — обретает у Малиновского черты обобщающего символа эпохи.

¹ Из двух основных подходов к определению дискурса (дискурс как текст и как фрагмент коммуникации) для нас значим второй, более глубокий и многомерный. Тут дискурс предстаёт как коммуникативное явление, которое включает в себя социальный контекст, обеспечивающий представление об участниках коммуникации, о производстве и восприятии сообщений. Такое понимание утверждают видные аналитики Т.А. ван Дейк (Van Dyke), Р. Барт (Barthes), Д. Болинджер (Bolindger) и другие. В частности в истолковании ван Дейка дискурс — «сложное единство языковой формы, значения и действия, которое лучше охарактеризовать с помощью понятия коммуникативного события; дискурс (...) не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания» (Ван Дейк Т.А. Язык, понимание, коммуникация. М., 1994. С.С. 113, 121). Сходную позицию занимает и Р. Барт. Дискурс для него — язык, разновидность языка, социолект, наполненный смыслами, идеологией. Однако исследователь подчёркивает взаимное влияние человека на язык и языка, социолекта на человека, так как человеческое сознание, насыщенное идеологией, отражается в языке, а идеологемы, органично присущие языку, словам, овладевая сознанием через язык. Это, согласно Р. Барту, определение дискурса как подсистемы языка, выливающейся в определённые виды текста, высказывания, слова; признаётся реальность дискурса как системы до воплощения его в речь. Здесь, конечно, подразумевается и лингвистический аспект. Поскольку дискурс в рамках такого подхода — фрагмент общения (в нём эксплицитно или имплицитно присутствует диалогичность, обмен мнениями, аргументацией), можно дополнить сформулированное: дискурс — это комплексно понимаемый и осмысливаемый в тексте набор идей, доводов, символов. В нашем случае всё это проникнуто своеобразием творческой индивидуальности самарского писателя.

При всём при этом его проза — это не только множество, но и обладающее некоторыми свойствами системности и иерархичности дискурсивное единство, закреплённое в соответствующем текстуальном пространстве.

В его основе — концептуальные представления о бытийной «многомерности», восходящие в частности к целому ряду традиций мировой мысли от А. Пушкина и Ф. Достоевского до Л. Карсавина и О. Шпенглера (Spingler). Подлинная суть человеческой личности не ограничивается лишь тем, что явлено в ней и для неё в ограниченном отрезке её собственной биографии и локального культурного опыта. Чтобы достичь полноты существования, человек должен охватить и подчинить себе, связать воедино разные планы бытия и разные пласты истории и культуры. А это означает, что процессы личностного «собирания» и «концентрации» должны включать в себя своего рода обзор и осмысление не только индивидуальной истории, но и истории как таковой, более того — всей временной динамики жизни. Ведь ограниченность человека во многом иллюзорна. Каждый потенциально столь же бесконечен и вечен, как и явленный в смыслообразующем поле культуры огромный мир вокруг.

Наиболее значимые и самые яркие концептуально-тематические сферы внешне такой разнородной прозы А. Малиновского с разной полнотой и творческой убедительностью и в различных ракурсах показывают сложнейшие процессы, связанные с обретением, необретением или утратой человеком глубинного смысла своего существования в историческом потоке. В произведениях А. Малиновского этого периода предстают разные виды и уровни той самой концентрации человеческой личности, выявления её «вечной» составляющей или полного отсутствия таковых.

С известной долей условности упомянутые сферы можно выделить и разграничить так:

1. Личные судьбы героев в российской истории советского и постсоветского её периодов — в тугом переплетении трагического и героического, в чередовании взлётов и падений.

2. Далее выделяется сфера личной судьбы многоликого автобиографического повествования, тесно взаимосвязанная с множеством других судеб и непосредственно соотносящаяся с большими, поворотными событиями социального, общественного, политического, идеологического характера.

3. Следующая сфера — это неотделимое от последовательного аксиологического осмысления прямое отражение реалий 1990-х годов и начала 2000-х годов.

4. История России, включающая и некоторые её праистоки.

5. Наконец, так называемая «Большая История», Прошлое и возможное Будущее в обобщающе-широких цивилизационных аспектах.

Следует отметить, что ткань прозы А. Малиновского насыщена хронологическими пометами, выполняющими ещё и весьма важные функции межтекстовых и междискурсивных скреп-отсылок. Одни из этих помет прямо называют те или иные даты. Другие позволяют соотнести изображаемую событийность с реальным историческим временем лишь с помощью дополнительных косвенных расчётов и соображений.

Это своеобразное мерцание «точности» и «неточности», нелинейный процесс проникновения вглубь текущего момента, когда в скоропроходящем возникают очертания вечного.

Сегодняшнее интерпретируется как некий эпизод непрестанной эволюции человеческой культуры с неизменной гибелью частного и постоянным возрождением целого.

Этот путь подводит к глубоким обобщениям. Именно так происходит в цикле из пяти произведений «Под открытым небом», впервые увидевшем свет в 2007 году.

II

«Под открытым небом», «Зелёный чемодан», «Совмещение», «Встречный ветер», «Противостояние» — каждая из составивших циклическое единство частей композиционно обозначает этапы, которые проходит Шурка — Александр Ковальский, покидающий берега традиционной аграрной культуры и отправляющийся к материку городской урбанистической цивилизации.

Открытие мира (детство), выход в его большие пределы, постепенное, но неуклонное утверждение на избранном профессиональном поприще, искушения и успехи, дружба и любовь, приносящие не только радости, но и страдания, крушение в многолетних трудах созданного, возвращение к исходной точке, к отчему дому, затерявшемуся в глубинке, наконец, полная тревог и надежд остановка перед вновь ускользнувшим, ушедшим вперёд горизонтом...

Александр Ковальский и те, кто его окружают, непрестанно испытывают на себе властное воздействие не утихающих ни на мгновение, то поднимающих ввысь, то пригибающих к земле встречных ветров своего времени. Через перипетии одной частной судьбы писатель с большей или меньшей обстоятельностью воссоздает более чем пять десятилетий страны — от середины века минувшего до начала нынешнего, со всеми их грандиозными достижениями и горькими, невосполнимыми утратами, захватывающими взлётами и роковыми поражениями.

Лучшие страницы цикла «Под открытым небом» подтверждают: глубокое проникновение во время даёт не только строгий логический анализ, но и художественное видение, художественное обобщение, спо-

собное в образной форме раскрыть тональность эпохи. Вспомним, например, как глубоко и ярко писал Ю. Тынянов о трёх сменивших друг друга эпохах русской жизни первой половины XIX века: «Время бродило. Всегда в крови бродит время, у каждого периода есть свой вид брожения. Было в двадцатых годах винное брожение — Пушкин. Грибоедов был искусным брожением. А там — с Лермонтова идёт по слову и крови гниlostное брожение, как звон гитары»¹.

Действительно, именно глубинные процессы брожения и хочется раскрыть, когда рассматриваешь то или иное время. Но как эти процессы увидеть, как дать почувствовать читателю своеобразие времени.

В. Ключевский, посвятивший в своём «Курсе русской истории» не одну сотню страниц анализу XVII века, даёт почувствовать всё своеобразие времени в одной фразе, используя художественный образ. Он пишет, что «внешние успехи новой России напоминают полёт птицы, которую вихрь несёт и подбрасывает не в меру силы её крыльев»².

И Л. Февр (Febvre), столь строгий к чистоте исследовательской мысли, стремясь раскрыть сущность XVI века во Франции, не боится дать серию бытовых, жанровых зарисовок того времени, да ещё и прибавить к этому: «Выводов не будет. Эти страницы имеют одну только цель — показать читателю, чтобы ввести его в курс событий, несколько картинок из французского XVI века, несколько зарисовок времён Людовика XII и Франциска I. Картины, конечно, довольно неожиданные и способные вызвать удивление. Они, если можно так выразиться, показывают нам в движении некое человеческое общество, которое, несомненно, делает то, что люди делали извечно, вращаясь в извечном круге бытия. Однако (если я только не совсем заблудился в своём повествовании), я надеюсь, вы увидели и почувствовали по ходу дела, что в XVI веке кружение это было не таким, как ныне (...)»³.

Ю. Тынянов, В. Ключевский, Л. Февр. Перед нами три очень крупных и очень разных исследователя. И все они, анализируя время, прибегают не только к научным, категорийным методам анализа материала. Они ищут какие-то иные пути. Ну, хорошо. Строки Тынянова взяты из его романа. Но Ключевский, но Февр. Почему?

Повествование А. Малиновского позволяет предположить: дело, вероятно, связано со сложностью, расплывчатостью и изначальной алогичностью самого объекта осмысления. Ну что такое эпоха? Срез нерасчлennного бытия, срез жизни во всём богатстве её проявлений, качественно отличающийся от других предшествующих и последующих срезов.

¹ Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара. Калининград, 1979. С. 81.

² Ключевский В.О. Соч.: В 9-ти томах. М., 1988. Т. 3. С. 8.

³ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 295.

Что такое эпоха — качественно новое, цельное, но состоящее из бесчисленного числа отдельных, противоречащих друг другу и разнородных единиц. Что такое эпоха, если на одном временном пространстве сталкиваются, сосуществуют, действуют разные люди, разные этносы и субэтносы, разные социальные группы, разные поколения, наконец.

Х. Ортега-и-Гассет (Ortega y Gasset) писал, что «в любом настоящем живут три поколения», что «любое «теперь» охватывает строго говоря, три разных времени». И Ортега справедливо усматривает в этом «динамичный драматизм, конфликт и коллизию, составляющие основу исторической материи всякого действительного существования».

Люди одного поколения, одной эпохи по мере течения их жизни переходят в другое время, живут с другими поколениями, в другие эпохи. Надо ли говорить, что подобные миграции совершаются для них совсем не безболезненно.

Ортега-и-Гассет писал, что одно поколение отличается от другого «новым жизненным восприятием»¹. Но одна эпоха объединяет несколько поколений. Да может ли и одно поколение быть столь единым в своём мироощущении? Миросознание — вещь сугубо индивидуальная. Как же найти в этом индивидуальном общее, и есть ли оно вообще? А если есть, то не принадлежит ли оно к ведомству самых общих мест? И уж во всяком случае как его выявить применительно не к столетиям, а к десятилетиям и даже годам? А. Блок писал в 1911 году, что «был участником нескольких, быстро сменивших друг друга, эпох русской жизни»².

Пожалуй, эти слова можно отнести и к героям цикла «Под открытым небом». Отсюда — та взывающе-вопрошающая интонация, которая пронизывает повествование, всю художественную концептуальность, густо настоянную на колорите российской провинции и земли Самарской.

Почему вдохновляемый и питаемый отнюдь не только советской мечтой, но и наследием предков «Великий Разгон» (А. Солженицын) завершился упадком державы, а чаемые реформы обернулись утратой животворящих, фантомных идей, разрушительными потрясениями и человеческой деградацией?³ В чём же суть и значение исторической мис-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. С. 62.

² Блок А. Собр. соч.: В 8-ми томах. М.-Л., 1960-1963. Т. 7. С. 69.

³ Следует отметить, что начавшиеся ещё в середине 1980-х годов острые дискуссии о характеристике советской эпохи далеки от завершения. Нам близка точка зрения тех исследователей, которые рассматривают её вне узко понимаемой теории тоталитаризма, как многослойное, внутренне немонолитное явление, причудливое переплетение монистических и плюралистических тенденций. Отсюда — возникновение богатейшего «культурного подтекста» и адогматичного «политического подсознания» эпохи (см.: Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 547). Некоторые их особенности запечатлены и в произведениях А. Малиновского.

сии вышедшей из крестьянства интеллигенции «первого поколения», которую и олицетворяет Ковальский? Восполнимы ли потери рубежа XX-XXI веков, когда само время безжалостно расправлялось с такими людьми, как Любаев, Головачёв, Засекин, Калашников, Котельников? Состоится ли новое поколение, многие черты которого проявляются в образах детей главного героя? Сможет ли оно достойно пройти труднейшие «перегоны» на эпохальных стыках? И не повторит ли ошибки отцов, в частности обусловленные индустриальным напором, волюнтаристскими попытками переделки природы в угоду прямолинейно понятому прогрессу и социально-утопической экзальтации?

Эти вопросы многое определяют в том, как движется Ковальский к постижению и освоению сущего через изучение и постижение самого себя. Что ж, наверное, можно сказать, что эпохи безмолвствуют, пока не захвачены нашей способностью их толковать. Для этого, по М. Хайдеггеру (Heidegger), сначала нужно найти себя и осознать как «человеческое присутствие», чем, собственно, и начинает заниматься в определённый момент центральный герой цикла «Под открытым небом». Если оба эти процесса состоялись, то открытие эпохи совершается как «расчистка сокрытий и затемнений, как взлом искажений, каким присутствие запирается от самого себя».

Вообще эта проблема издавна и всерьёз волновала многих и многих мыслителей и художников. И решения намечались самые разные, подчас даже и взаимоисключающие. Например, знаменитая школа «Анналов» (М. Блок (Bloch), Л. Февр (Febvre), Ф. Бродель (Braudel), Ж. Ле Гофф (Le Goff)) предлагала решительно дистанцироваться от собственного сознания и словно «погружаться» в другую ментальность, то есть смотреть на эпоху «изнутри». А в качестве проводника по «кругам» другой ментальности избирается образ «простеца», носителя не книжного умостроя. Иными словами, того, кто таит в себе истину инстинктивно, интуитивно и далёк от какой-либо интеллектуальной изощёренности и саморефлексии.

Совершенно другой фигурой является Александр Ковальский. К тому же писатель дополнительно осложняет общую историческую ситуативность. Ведь от этого героя непрестанно требуется именно осознанный выбор не только при столкновении с теми или иными большими вопросами общественно-политического, так сказать, порядка, но и в поисках путей и средств преодоления личных трудностей.

III

Поэтому сюжетика цикла — ещё и цепь испытаний Александра Ковальского на стойкость в самых разных, подчас стремительно меняющихся и обостряющихся обстоятельствах. Вообще идея испытания в

словесном искусстве разнопланова и может воплощать самую разную содержательность.

Вспомним Ф. Достоевского. Он организует поэтику многих своих произведений «в целях испытания идеи и человека идеи». А потому «почти вовсе не пользуется (...) относительно непрерывным историческим и биографическим временем (...) перескакивая через него, он сосредоточивает действие в точках кризисов, переломов и катастроф (...)». Да, в своём классическом виде идея испытания не знает биографической фабулы, она востребует человека только в экстремальных ситуациях, отступающих, иногда очень далеко, от нормального хода жизни¹.

Несколько по-иному обстоит дело в цикле «Под открытым небом». Для А. Малиновского, учитывающего известную ограниченность и субъективность отдельного сознания, многоцветье жизни, вся полнота бытия никак не укладываются ни в какую рационально выстраиваемую теорию. Герои писателя не являются идеологами в том понимании, какое вкладывают в это определение исследователи Достоевского, хотя некоторые из них, например, Засекин или Суслов, пожалуй, в чём-то их разительно напоминают. А Александр Ковальский раз за разом пытается, с большим или меньшим успехом, обрести единение с необъятным миром в подчас мучительных духовных, нравственных исканиях, пробиваясь к всё ускользающей истине не только о себе, но и о том, что вокруг. Поэтому-то повседневная биографическая жизнь героя со всеми её трудами, заботами, переживаниями и неотделима от идеи испытания. Эта самая повседневная жизнь как форма социально-исторического бытия огромной страны предъявляет свои требования к интеллекту Ковальского, к его душе, к совести, неподкупно экзаменирует и проверяет его нравственные принципы. Особенно сурово, взыскательно — в заключительной части «Противостояния», запечатлевшей тектонические сдвиги перестроечной поры и постсоветских лет.

Вообще художественно наиболее убедительные страницы повествования — это те, на которых писателю удаётся приблизиться к синтезу частного и эпического. Здесь — ключевые моменты сюжетно оформленного общего потока жизни, её, говоря словами Бориса Пастернака, «необъятной тождественности».

И дело здесь не только в творческих интересах и пристрастиях писателя. Ведь диалектика единичного и общего всегда воспринималась человечеством как острый вопрос. И это не удивительно. И за пышностью платоновского «Парменида», и за суховатостью рассуждений Николая Кузанского явственно проглядывает жадное стремление осознать одно и то же: бессмертен ли человек?

¹ См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 120; Он же. Вопросы литературы и эстетики. М., 1979. С. 192-194.

Действительно, если нет различия между единичным и общим, между частью и целым, между единым и беспредельным, что весьма искусно и доказывает Николай Кузанский, прибегая к геометрическим построениям, то тогда ведь и человеку как единичному и полностью совпадающему со всеобщим (мироздание) суждено бессмертие этого всеобщего. И, абыв на мгновение свой логизирующий пафос, делает вывод сколь отчаянный, столь и понятный всему жаждущему бессмертия человечеству: «Единое есть всё»¹.

И хотя средневековая теологическая традиция не могла согласиться с этим тезисом, усматривая непроходимую границу между творением и творцом, мысль об единстве сущего была самоочевидной и на ином, обыденном, далёком от философской рефлексии уровне, и для верующего христианина (поскольку все мы в руце Божьей), и для правоверного мусульманина, заключающего в понятие Аллах всё многообразие мира, и для исповедующего буддизм с его тонко разработанной, разветвлённой иерархией связей, пронизывающих и скрепляющих всё сущее.

Идея Николая Кузанского оказалась близка мыслителям того круга, которые за конкретными проявлениями единичного всегда провидели горизонты всеобщего, которые за расщеплением, разложением, членением предчувствовали великий синтез, слияние, единение. Именно она определила мировидение рационалистичного Б. Спинозы (Spinoza) и мироощущение романтического Ф.В. Шеллинга (Schelling), который на старости лет сказал, что не знает ничего лучшего, чем спинозианское «всё — единое»².

Идея как бы функционировала в двух плоскостях — рефлексирующей, философской и практической, обыденной, что обуславливалось её глубинной, антропологической обоснованностью.

Надо сказать, что тенденция единения сущего вырастает из первобытного синкретичного мироощущения человека, и по мере рационализации и индивидуализации личности она остаётся в основном уделом сознания либо природного, примитивного, либо сознания мудреца, пророка, поэта, впрочем до конца не понятого и зачастую осмеянного. И это закономерно, ибо насколько мы выигрываем в разуме, настолько же проигрываем в мудрости.

К мудрецам и пророкам можно отнести Гр. Нисского, в сознании которого человечество обретает черты некоей коллективной личности, и О. Конта (Conte) с его видением человечества как единого, цельного, согласнo функционирующего организма или Великого Существа Вл. Соловьёва,

¹ Николай Кузанский. Соч.: В 2-х томах. М., 1980. Т. 1. С. 414.

² Шеллинг Ф.В.И. Соч.: В 2-х томах. М., 1987. Т. 1. С. 11.

восторженного почитателя этой идеи¹ и разрабатывавшего в свою очередь доктрину «всеединства», и Н. Фёдорова, мечтавшего о едином царстве живых и мёртвых (отцов, воскрешённых детьми), В. Вернадского с его учением о ноосфере и будущем единении человечества на основе мыслительной энергии, скрепляющей многообразие духовных проявлений человека.

В XX веке синтезирующее мировидение стало всё чаще находить подтверждение в трудах аналитического характера. Так, К.Г. Юнг (Jung), создав учение об архетипах, утвердил мысль о глубинном единстве человечества. «Подобно тому, — писал он, — как мы обладаем одинаковой телесной структурой — двумя глазами, двумя ушами, одним сердцем и т.д., мы обладаем и внутри определённым сходством, мы все не индивидуальны, мы едины»².

А. Чижевский расширил синтезирующую модель до масштабов Вселенной, доказав неизменное присутствие космоса в земных исторических процессах.

Мироощущению синтезирующему противостоит не менее ярко выраженная традиция, расщепляющая мир. Не будем забывать, что у истоков её словно стоит Сам Господь Бог, который начал членить мир, отделяя свет от тьмы, воду от тверди и т.д.

Традиция эта весьма богата и числит в своих рядах и носителей экзистенциального мироощущения, и тех, чьё мировидение покоится на основаниях жестокого атеизма и поверхностного материализма с его успокоительной сентенцией: человек не умирает, если после него остаются добрые дела.

Во всяком случае в свободном проявлении духа, где всё «нераздельно» и всё «неслиянно», идея единства и идея расщеплённости мира постоянно заявляют о себе в самых прихотливых сочетаниях, оставляя только на полюсах как крайности модели в чистом виде.

Если ощущение всеединства сущего связано с безусловным принятием этого сущего, с включением себя в его силовое поле, с подчинением себя ему, наконец, с полным слиянием с ним («Я всегда плыву по течению», — говорил мудрец, полагая, что открыл секрет счастья, и он был прав), то ощущение расщеплённости бытия обусловлено стремлением бытие это осмыслить, осмыслить в оценочной форме, т.е. со стремлением занять по отношению к бытию позицию судьи.

М. Хайдеггер усматривает глубинное противоречие между бытием и его оценкой: «Странные попытки доказать объективность ценностей до-

¹ Соловьёв В. Идея человечества у Августа Конта // Соч.: В 2-х томах. М., 1988. Т. 2. С. 562-581.

² Jung C.G. Über Grundlagen der analytischen Psychologie. Frankfurt am Main, 1975. S. 169.

казывают лишь, что их авторы не ведают, что творят. Ведь объявить Бога «высшей ценностью» — значит, принизить сущность Бога. Мышление в форме оценки есть величайшее кощунство, которое позволяет себе мыслить в противоположность бытию»¹.

Итак, ощущение единства сущего как всеобщей формы существования бытия несовместимо с оценочным подходом к сущему. И действительно, ведь не может же правая рука человека судить его левую руку.

Ещё древние с их тенденциями к созданию универсалистских моралистических моделей мира чувствовали коренное различие между восприятием мира как великого целого и стремлением судить отдельные его проявления. «Огурец горький — брось, колючки на дороге — уклонись, и всё. Не приговаривай: и зачем это только явилось такое на свет? Потому что посмеётся над тобой вникающий в природу человек, как посмеются плотник и скорняк, если осудишь их за то, что у них в мастерской видны стружки и обрезки изделий. Так ведь у них же есть хоть куда выбросить это, а у всеобщей природы ничего нет вне её, и в том-то и удивительность этого ремесла, что, определив себе границы, она преобразует в самой себя всё, что кажется изнутри гибнущим, устаревающим, ни на что не годным, а затем прямо из этого делает другое, молодое, так что не надобно ей запаса извне, не нужно и места, куда выбросить хлам. Она, значит, довольствуется своим местом, своим веществом и собственным своим ремеслом»².

И по мере углубления в мироощущении тех элементов, которые позволяют ему видеть и себя, и многообразие проявлений бытия частью единого, восходящего к одному источнику целого, человек воспринимает оценочные элементы всё более неоднозначно.

«Переживая постоянное ощущение нашей связи с той силой, которая создала вещи такими, каковы они есть, мы становимся более склонными принимать их, — говорил У. Джеймс (James), — внешний облик природы не нуждается в изменениях, но выражение значения в ней меняется. Она была мёртвой, и она вновь оживает. Это подобно разнице между тем, чтобы взирать на кого-либо без всякой любви или смотреть на него же с любовью... Если мы всё видим в Боге и всё с ним соотносим, то тогда и в обычных предметах мы читаем высшее выражение смысла»³.

IV

Некоторые важные черты психологии подобного состояния воплощены в образе того самого Засекина — Николая Засекина, профессора-историографа, с которым Ковальский близко сходится в студенческую пору.

¹ Heidegger M. Platons Lehre von der Wahrheit. Bern, 1947, S. 99.

² Марк Аврелий. Размышления. Л., 1985. С. 48.

³ James W. The varieties of religions experience. L., 1903. P. 474-475.

Его независимая, взыскующая мысль, без оглядки на высочайше утверждённые табу, смело опрокидывает мертвяще обществоведческое доктринерство, прикасаясь к болевым точкам современной цивилизации. В пространных, взволнованно-страстных, исполненных душевной боли, но и выверенных, отточенных по формулировкам высказываниях Засекина происходит своего рода «сжатие» всего прожитого и пережитого человечеством.

Оно заставляет вспомнить Л. Леонова, чьё имя, как представляется, не случайно возникает в повествовании А. Малиновского. Он считал, что не только писателю, но и каждому человеку совершенно необходимы «обзоры истории» с помощью «внутреннего видения».

И мотивировал это так: «Ведь очень важно определиться на перекрёстке того исторического времени, в котором мы обитаем сегодня, ибо далеко не всё равно, где находится в настоящий момент человечество: в самом конце, посередине, в начале пути или ещё до конца начала своей истинной истории.

(...) Ведь, если вдуматься хорошенько, смиряя протестантство и гордыню, я просто человек, который машет руками в пространстве и пытается раздвинуть «пятернёй чувств» едва заметную щель в плотной завесе тайны... Время сегодня непростое, трудное. Все экспоненты в нехорошую сторону идут. Поэтому сегодня надо думать не просто в объёме современности, которую мы вдобавок отсчитываем с известных дат. Необходимо брать объём всего человеческого опыта, весь обозримый бассейн человеческой истории»¹.

Именно так и думает Засекин. Он не просто констатирует: экологические и социальные перспективы перекрывают собой не только метафизические, но и физические горизонты жизни на Земле. А мучительно переживает и препарирует вставшую во весь рост альтернативу: конец истории — или её обновление и продолжение. Вслушаемся вместе с Александром Ковальским в монологи потаённого мудреца из провинциального волжского города:

«(...) Понимаешь, пришло время, когда стихийное развитие мировой экономики нерационально. Требуется плановое управление на глобальном уровне. Очевидно, через несколько десятков лет сырьевые ресурсы могут иссякнуть. Нехватка продовольствия приведёт к катастрофе. Прирост населения надо будет поставить под жёсткий контроль. Экономическое развитие свести к простому воспроизводству. (...)

Вот человек, — он сомкнул пальцы обеих своих нервных рук в одну крепенькую конструкцию. — А вокруг него всё. И это всё (...) зависит от

¹ См.: Русская советская классика. Историко-литературные и функциональные аспекты изучения. Л., 1989. С. 126.

того, что здесь, — он указал взглядом на свою конструкцию, внутрь её. — (...) Главная задача нашей эпохи — совершенствование человечеством своего качества. Изменения самосознания архиважны для решения глобальных проблем. Человеческие качества имеют здесь решающую роль.

(...) Мы затёрли от частого употребления понятие «духовно богатая личность»... (...) человек, я теперь, после многих лет глупостей, ясно понимаю, человек — это неразрывное единство материального, телесного и нематериального, духовного. И духовная часть не существует без материальной. А материальная без духовной. (...)

Когда-то Бог создал Вселенную, Землю с уникальными условиями для органической жизни. Он создал человека, обладающего телом и душой, способного мыслить и чувствовать, дал ему дар творчества и свободу в выборе поведения. Сделав (...) богоподобным и завещав ему «возделывать землю, из которой он взят». (...)

Существует три трёхмерных мира. В виде, упрощённо говоря, трёхэтажного дома. На первом этаже наши обезьяноподобные пращуры, снежный человек, они существуют благодаря своему атавистическому свойству. Они никогда не умирают на нашей земле. Мы (...) — на втором. Жильцы третьего этажа в своём развитии от нас чрезвычайно далеки, но они не могут, прилетев, оставить нам предостережение или практический совет. Они из другого мира. Мы сами обязаны сохранить цивилизацию¹.

Итак, жизнь землян во всех странах, считает Засекин, определяется только внешним потребительским, «техническим» (в самом широком смысле) отношением к миру, приходящему в «упадок» из-за исчезновения или радикального искажения сил, ведущих к совершенству.

Засекин заглянул оттуда, из шестидесятых годов ушедшего века, в новое тысячелетие. И увидел, что антропологический кризис, «развёрзшийся в самом человеке, в его противоречивой, смертной природе, налагающий печать кричащей дисгармонии на её большие и малые цивилизационные плоды»², разрастается и разрастается до глобальных размеров. Предельно откровенно и прямо отвергая эту самую ложную цивилизованность, Засекин вместе с тем не умоляет, а скорее возвеличивает человека. Поскольку считает: только человек, гармонически воссоединившись с бытием, способен как-то предотвратить апокалипсическую катастрофу. А Сам Бог конституируется ими как итог жертвенных усилий человека и человечества, как своего рода центр спасённого и преображённого бытия — спасённого и преображённого нескончаемыми жертвенными усилиями.

Состояния мироощущения повествователя и героев в цикле «Под открытым небом» контрастны.

¹ Малиновский А. Собр. соч.: В 4-х томах. М., 2009. Т. 1. С.С. 416, 414, 415.

² Женский логос Светланы Семёновой // Литературная Газета, 2004, № 7. С. 5.

Первое — принятие мира как единого целого, со всем тем, что в мире есть, то есть принятие мира безусловное. Позиция эта способствует формированию какой-то особой системы этических координат, особой точки отсчёта, порой даже словно уравнивающей и добро, и зло, во всяком случае, растворяющей их в едином порыве радости принятия бытия.

Второе — позиция суда над миром, переплавляющая даже любовь (чувство, безусловно, скрепляющее, единящее мир) в свою противоположность, в ненависть.

Без учёта проблемы «единства и суда» над миром невозможно раскрыть специфику воплотившегося в произведении А. Малиновского типа творческого сознания.

При первом же приближении к циклу в глаза бросается богатство, насыщенность, напряжённость его мира. Это не пустой, расчленённый мир, где всё изолировано друг от друга, где по определённым, расчленённым, не коррелирующим друг с другом орбитам двигаются звёзды и планеты, дни и ночи, закаты и люди, с их судьбами и страстями.

Поэтому в архитектонике цикла постоянно возникают и развиваются своего рода микросюжеты, «конспекты», так сказать, возможных подробных рассказов и о других заслуживающих самого пристального внимания биографиях-путях. Вводятся они по принципу «естественного» потока жизни, бросая отблески на центральный характер.

Это и деревенский балагур-мудрец, завзятый спорщик дед Проня, метким, ядрёным словом то и дело колеблющий, невзирая на лица, так называемые «очевидные» вещи. И большой русский учёный — патриот Котельников, в бурном перестроечно-постперестроечном водовороте вынужденно (и спешно) переквалифицирующийся в коммерсанта для спасения уникального коллектива талантливых исследователей-первопроходцев. Или вот Суслов, близкий друг и верный помощник Ковальского, сломавшийся в жёстких тисках разразившегося кризиса. Он разочаровался в своём ремесле. Изверился в миссии интеллигента. И обрёл себя на добровольное изгнание, уединение в глухом уголке почти ещё не тронутой природы...

Ну, и конечно же череда женских образов. Первая любовь Александра — Верочка, Вера Рогожинская. Аксюта. Ганя. Влада Чарушина. Анна... Все они очень, очень разные. Но героиня, переживая большие и малые драмы и разочарования, неизменно ищет и нередко находит в них прежде всего черты неискажённой человечности и душевного благородства, так или иначе противостоящих чёрствости и своекорыстию, всему вульгарному и низкому.

Ковальский постоянно сопоставляет свои позиции, подчас корректируя их с «координатами», задаваемыми другими людьми. И в этой соот-

несенности проявляется по-разному, приоткрывая отсутствие в человеке застывшего, раз и навсегда данного мироотношения, акцентируя всю сложность чёткого разграничения в нём света и тени.

Но, главное, пожалуй, что эти микросюжеты так или иначе работают на воссоздание объёмности, даже неисчерпаемости жизни, в которую вплетается и биографическая нить Александра Ковальского. Многослойность повествования реализует и принципиально значимое для художественной идеи цикла представление о нераздельности и неслиянности общего, универсального и единичного, частичного. Да, это — антиподы. И вместе с тем одно существует в другом, одно в чередё переходных состояний обобщается другим, помогает осознанию или реализации другого.

V

В этом плане произведение А. Малиновского воспринимается и как неявно полемичное по отношению к одной давней, прочной и чрезвычайно популярной традиции в определении специфики отечественного культурно-цивилизационного сознания. Так, Лев Шестов некогда категорично утверждал: «Надо сказать себе раз и навсегда, что все наши понятия, как бы мы их не строили, — о двух измерениях, в то время как действительность имеет три и более измерений»¹. Спустя десятилетия ему словно вторил Ю. Лотман: для русской культуры характерны бинарные структуры, определяющие способ мышления и самовыражения национального духа, тогда как для западноевропейской в большей степени свойственна тернарная, тройственная структура². Наконец, совсем недавно появилась книга И. Яковенко и А. Музыкантского «Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации» (М., 2011). Авторы пытаются доказать, что в национальном сознании безраздельно господствует лишь манихейское размежевание всех и вся на «они» и «мы», противоречащее христианским представлениям об ответственности людей и их сообществ не только за собственные судьбы, но и за деяния зла.

Да, суждения об отечественной культуре только как о диссонансно-антиномической, о заражённости общественного самосознания атактическим (болезненно-шизофреническим) синдромом стали едва ли не расхожими в бесчисленном множестве публикаций³.

¹ Шестов Л. Дерзновения и покорности // Афоризмы нежитейской мудрости. Л., 1990. С. 95.

² Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 269-270.

³ Хотя, разумеется, ими не перекрывается весь спектр изысканий по этой проблематике. Например, свою оригинальную концепцию последовательно отстаивал В. Кожин. Изложение её ключевых моментов можно обнаружить в текста «Россия как культура и цивилизация», опубликованном в частности в журнале «Наш современник» (2000, № 7).

Размышляя о произведениях А. Малиновского, невольно задаёшься вопросом: а так ли это? Не являются ли подобные концептуальные построения, подчас оснащённые солидной аргументацией и прямо-таки подкупающие интеллектуально-стилистическими находками, одностронними, упрощёнными?

Ведь тот тип дискурса, который предстаёт в цикле «Под открытым небом», ориентирован на синтез и принципиально отличен от разорванного сознания с его безысходной дуалистичностью.

Мир для А. Малиновского — словно мощное, гигантское силовое поле, где всё взаимосвязано, всё взволновано, всё возмущено, где каждая частица связана с другими частицами, где каждое явление влияет на другое явление и все они — следствие скрытых, восходящих к одному источнику сил.

Привыкшим к жёсткой рационалистической регламентации и классификации явлений, а таковых немало, те или иные ассоциации и параллели в цикле «Под открытым небом» могут показаться и неоправданными, и странными. Для таких реципиентов явления, попавшие в поле подобного художественного зрения, предстают непересекающимися, изолированными друг от друга, стоящими в разных рядах, и в лучшем случае есть готовность пустить их по ведомству поэтических метафор, но никак не конкретных проявлений мировидения прозаика.

Ведь дело в том, что для большинства людей многообразные проявления бытия замкнуты в самих себе и позволительно коррелировать их только в той степени, как это допускается точными науками. В авторском же дискурсе мир принципиально разомкнут, для него всё — единое, всё в одном ряду, всё вливается друг в друга, и там, где для нас между элементами бытия только пустота, сухое пространство, для писателя — живая музыкальная влага, скрепляющая мир.

Любое событие, явление, любой элемент мира воспринимается им в двух планах: как таковой, реальный, несущий вполне определённую общепризнанную нагрузку, и как знак, мета, символ, как отзвук неких глубинных, стихийных, движущих миром сил.

Именно это мы видим, например, и в очень значимых, весомых предфинальных эпизодах.

Сполна познавший радость заслуженных успехов и полынную горечь неудач и поражений, вполне состоявшийся как учёный, организатор-промышленник и даже как... литератор, Александр Ковальский приезжает в родную деревню, встречаясь и общаясь с их теперешними обитателями. Пристально всматривается в знакомые до боли места.

«...Голоса за озером стали отчётливей. Там заиграли на баяне. И в этом Ковальский увидел теперь особый смысл. Он ясно вспомнил, как днём в синих светлых глазах своих собеседников под резными листьями клёнов

за невысказанностью и умолчанием струился тихий негасимый свет. Скорее всего, не осознанный ещё ими свет надежды и неистребимости самой жизни, неиссякаемости её источника. Вспомнил блеснувшие глаза Аксюты там, во дворе, и её слова: бабы плачут, а девки замуж собираются.

«Этот свет только частью может принадлежать им, — тихо радовался теперь своему открытию Ковальский. — Свет идёт через них от большого нерекнувшего и нескончаемого источника. Загасить который не дано никому».

Александр знал, что, и уехав, не перестанет думать об этих людях. Сколько в них нерастроченной доброты, доверчивости и терпения!

Они питали своей надеждой. Сила, объединяющая с ними, давала чувство правоты в чём-то самом главном для всех. В чём? Это Ковальскому надо было ещё понять до конца...»¹.

В крохотном (и, оказывается, необъятном!) уголке сходятся и прорастают друг в друга прошлое, настоящее и будущее, вся Вселенная и Отчизна, время и вечность, та самая вечность, которая — «царство истинного, где нет потомков, а есть только современники» (Герман Гессе (Hesse)).

Главные ориентиры и приметы этого возникающего на последних страницах цикла топоса — разлитый над ним, пронизывающий его «свет жизни» и высящееся в центре могучее «мировое древо», которое символизирует не только не смену — взаимовытеснение поколений, но и, подобно годовым кольцам, потаённое наращивание живоносных сил — вопреки всему!

«(...) Прихватив подушку и в сенях тяжёлый полушубок, Ковальский вышел под открытое небо. Направился в сад под старую ранетку, где была голубенькая беседка и массивная деревянная кровать. (...)

Александр смотрел через прогалину между ветвей в небо, обратив взор к востоку, где зарождался новый, ещё не прожитый день...

(...) Сразу за осинником стояла древняя ветла, Александр помнил о ней, но давно не навещался. Сегодня днём, до застолья, вернувшись с Самарки, побывал.

Дерево сильно изменилось. Местами почернело, будто его поразила молния. Ствол, начиная метров с семи от земли, теперь во многих местах был в дуплах, а некоторые участки и выбеленные ветрами сучья походили на огромные белые космы. Хвори и лесные жучки-короеды вершили своё дело: по стволу появились сыпь и глубокие трещины. Дупла облюбовали маленькие, вертлявые, серенькие с тёмной полоской на спине пичужки, чуть больше воробья, но бойчее и пронырливей. (...) Приватизировала бойкая стая пичуг подвернувшийся даром после усердных дятлов лесной объект и рада до невнятного довольного щебета.

И всё бы ничего, да зависал над их головами внезапно и хищно ястреб. И тогда проворные птицы начинали суетиться. Некоторые рассеивались по

¹ Малиновский А. Собр. соч.: В 4-х томах. М., 2009. Т. 2. С. 595-596.

кустам. Другие скрывались в дуплах и оттуда высовывали торчком стоявшие головки. Из каждого клювика доносилось почти змеиное шипенье.

И огромная птица отступала.

Кто из них истинный хозяин положения, понять было трудно.

Не радовали ни бойкие захватчики дерева, ни плавно круживший в вышине с виду вроде бы могучий ястреб. Отрадой для глаз стала брызнувшая зеленью от могучего комля ветлы, толщиной чуть ли не в руку, высокая поросль¹.

Во всём писатель пытается прозреть глубинный смысл. И именно на глубинном уровне расщеплённый мир оказывается для него слитным, именно на этом уровне отторгнутые друг от друга по внешним, рационалистическим признакам явления бытия оказываются едиными, нераздельными, говорят об одном и том же.

VI

Выявляя затушёванные рациональной мыслью связи между элементами бытия, А. Малиновский не мог обойти стороной проблему возможной праосновы, пронизывающей и скрепляющей его. И в качестве таковой в цикле «Под открытым небом» выступает стихия музыки.

В поисках некоей принципиально иной целостности, способной противостоять расчленённости бытия, писатель обращается и к ней — к музыкальной стихии. И довольно-таки решительно переносит акцент из индивидуализированного интеллигентского сознания на сознание массовое, низовое, народное (как явление природное, бытийственное).

На юбилейных празднествах у Бочарова встречаются, сходятся многие спутники Александра Ковальского. И за щедрым столом образуются два вступающих в захватывающее соревнование хора.

«— А что, гостёчки дорогие! Может, споем?! — Аксюта задорно глянула на правое «крыло». — Покажем старичкам, на что способна молодёжь! Один ряд поёт куплет песни, другой — следующий. Поехали!

Она, озорно тряхнув головой, запела:

*Черноглазая казачка
Подковала мне коня.*

Левое «крыло» тут же её поддержало. Ровные, установившиеся голоса пожилых звучали душевно:

*Серебро с меня спросила,
Труд недорого ценя.*

Аксюта повернулась к молодёжному «крылу», ожидая продолжения, но его не последовало... (...)

¹ Там же. С. 599.

Выручил, неожиданно по-молодому подбоченясь, совсем незаметный ранее дедок, приятель Бочарова, запоздало приехавший из соседней Зуевки. (...)

Голос его звучал доверительно и чисто. Ковальскому захотелось, чтобы дедок пел один»¹.

Этот воплощаемый в развёрнутых и вдохновенных хоровых и сольных партиях мелос — словно плоть жизни, неувыдаемость её красоты, коллективная мудрость и подлинная свобода человеческого духа. К тому же и важнейшая констатация стихии справедливости, приходящей на помощь в трудный час.

Толкуемое и понимаемое как один из высших бытийных взлётов хоровое искусство неотделимо здесь от духа и зримого облика традиционного, деревенского русского дома, выражает лучшее в национальном характере. (Здесь, пожалуй, кстати привести тонкое, пронизательное суждение Марины Цветаевой о том, что, сочиняя «Пир во время чумы», Пушкин спасался от власти и дыхания смерти отнюдь «не в пир и не в молитву, но в песню!»).

Возникая в лихую годину тотального ниспровержения многих казавшихся краеугольными ценностей и связей, в том числе и национальных, мелос в цикле А. Малиновского являет собой чудо некоего нового мироустройства, мирозидания. На началах, идущих, казалось бы, вразрез своему времени, нетипичных, скажем так, для него: начал не разрушения, подавления или уничтожения лучшего в прежних ценностях и связах, а на основе его углубления, расширения и пополнения.

Это пение, хоровые экзерсисы, упражнения, рулады, попевки бросают особые отсветы на обращения к Божественному, щедро рассыпанные там и тут на страницах прозы А. Малиновского. И они видятся, прочитываются теперь и как обращения к тем неизведанным, загадочным, таинственным силам, которые заложены в самом бытийном теле и могут быть раскрепощены, направлены на преобразование мира только с помощью соборных усилий. А ещё к той «духовной красоте» (П. Флоренский), с которой, возможно, сокровенная внутренняя память отечественной культуры так или иначе связывает решение «русского вопроса».

«Всякое движение рождается из духа музыки, оно действует, проникает им, но по истечении известного периода времени это движение вырождается, оно лишается той музыкальной влаги, из которой родилось, и тем самым обрекается на гибель. Оно перестаёт быть культурой и превращается в цивилизацию. Так случилось с античным миром, так произошло и с нами», — говорил А. Блок. И, не без доли полемического преувеличения, утверждал далее: «Хранителем духа музыки оказывается

¹ Там же. С. 592.

та же стихия, в которую возвращается музыка (...), тот же народ, те же варварские массы. Поэтому не парадоксально будет сказать, что варварские массы оказываются хранителями культуры, не владея ничем, кроме духа музыки, в те эпохи, когда обескрылевшая и отзвучавшая цивилизация становится врагом культуры, несмотря на то, что в её распоряжении находятся все факторы прогресса — наука, техника, право и т.д. Цивилизация умирает, зарождается новое движение, растущее из той же музыкальной стихии, и это движение отличается уже новыми чертами, оно не похоже на предыдущее»¹.

VII

Сквозь все книги цикла «Под открытым небом» тянутся дорога-путь-судьба Родины и путь отдельного человечества. Это художественно-концептуальное движение по-своему воплощает и образный строй повести «В плену светоносном». (2004-2005). Фабула произведения отражает перипетии и приключения водного путешествия повествователя на лодках вместе с необычными, неординарными спутниками. Маршрут пролегает по реке Самара — от верховий в Оренбуржье и почти до самого устья — места впадения в Волгу уже на земле Самарской.

Для героя-повествователя и его друзей путешествовать — значит познавать, впитывать, преображать и наделять смысловыми значениями открывающееся пространство. Путешествие для них — это отнюдь не банальное развлечение, а своего рода приглашение к диалогу, накопление духовного опыта, приобщение к некоторым сокровенным тайнам сущего, имеющим глубокие культурно-исторические корни.

«...Не спалось. Будто «заплыл» в детство.

Вышел из палатки, вернее выполз: палатка настолько миниатюрна, что вход, закрывающийся на «молнию», высотой не более полуметра.

Под комариный гул, раздевшись догола, выкупался в парной водице. То стоя по колени в воде, то падая в ямы по самый подбородок, смотрел в небо, отяжелевшее от огромных звёзд. Было во всём, что происходило, что-то древнее, дремучее. Возвращение блудного сына, уставшего от многолюдья в больших городах.

Мелькало в памяти совсем недавно прочитанное и в суете вроде забытое:

*Недаром в потаённой глубине,
И вовсе не по прихоти искусства,
Живут непредсказуемо во мне
Забытые языческие чувства.*

¹ Блок. А. Собр. соч.: В 8-ми томах. М.-Л., 1960-1963. Т. 6. С. 111-112.

«Мы забыли, кто мы. Нам помогают забыть, кто мы. Мы оторвались от природы. (...) В человеке разжигают страсти, — думал я, путаясь в мыслях. — А где страсть — там разрыв. Страсти не соединяют людей. Где страсть — там нет свободы. Сейчас в стране — разгул именно страстей, разгул тёмной силы. (...)

...Дурманил запах невидимых глазу цветов и трав.

Всё пытался отогнать тяжёлые мысли. (...) Хотелось, чтобы было всё, как в детстве. Вот ведь всё рядом: речка, бесконечная степь, запахи цветов и трав. Что ещё надо?..

«Ведь и раньше, в моём детстве, тёмные силы были, да ещё какие. Именно тогда, когда я был маленьким, они и родились. Или ещё раньше. Они были всегда. Только мы в детстве не знали это так, как знаем сейчас. (...) И жили себе, как могли, радуясь жизни...»

Жили радостней, жили коллективней, а теперь начинаем не понимать самих себя.

«Современный коллективизм — это последний барьер, который возводится человеком на пути встречи с самим собой», — утверждал ещё пятьдесят лет назад Мартин Бубер.

Неужто действительно так?

Уединение лечит, когда самыми тяжкими формами одиночества страдают те, кто находится среди людей?

Может, (...) необходимо чередовать общение с себе подобными и погружение в себя. Но как это сделать в наше-то время?.. Может, так, как я сейчас, вырвавшись к своей речке?.. Как мне повезло с моим походом...»¹

Это описание ночного привала подчёркивает и заостряет суть осуществляемого перехода в совсем иную по сравнению с современными городами область Вседенной со своим укладом, ритмом, обликом. Герой-повествователь словно проносится в какой-то особый мир, где становятся вполне ощутимой реальностью духовная самостоятельность и неоторопливые, обстоятельные размышления. Его можно назвать — речной космос.

VIII

Речной космос членится, структурируется писателем как Универсум, его составляющими предстают не только водный поток, но и береговые линии, прибрежные степи и порождённые им типы человеческого поселения и человеческого жилища (дом, двор и т.д.), восходящие к первобытному мифу и возникшей из него земледельческой культуре. Кстати, другие типы космоса различаются также на этом уровне: в горном космосе земля предстаёт горами или сопряжением гор и равнин, городской космос предстаёт оппозицией земле, простору «окрест». В речном кос-

¹ Малиновский А. Собр. соч.: В 4-х томах. М., 2009. Т. 3. С. 262-263.

мосе А. Малиновского основная моделирующая мифологема космогонического мифа¹ — мировое древо — воплощена в горизонтальной ипостаси как бескрайний простор, сохраняющий открытость, незамкнутость в наполненности всеми вещами сущего.

Земля как фундаментальная мифологема и свободная, вольная по натуре природная стихия воплощается в примыкающих к реке степных местах. И соотносится, сопрягается с мифологемами других природных стихий. Это Вода (образы Самары, её разливов и движения), Огонь (прежде всего Солнце как онтологический прасимвол) и Воздух (образы облаков, тумана, грозы и другие).

Причём одна из наиболее концептуальных, содержательных и сложных — мифологема Огня. В ней сопряжены Солнце, Луна, звёздное небо (звёздный космос, по К. Кедрову), свет, молния, зной, жар, степной пал (пожар) и т.д. Огонь вместе с Водой создаёт туман, а с другими стихиями соединяется в одно из самых грозных явлений природы — грозу. Особой роль божества света и огня в мифе наших предков представляется нам, людям XXI века, вероятно, ещё и потому, что земля — хтонична, её почитание древнее, чем все остальные культы, и вследствие древности своей в современных реконструкциях мифа оно (почитание земли) прослеживается менее чётко. Солярный миф в повести, как и в первобытном мифе наших предков, определяет ритм жизни народной, его пространственное и временное движение, и бытовой уклад.

Эти мифологемы и символы, «мифологические символы» между собой взаимодействуют по-разному: если Вода и Земля (твердь) — дружественные стихии (в земледельческой культуре они сохраняют исконную мифологическую сущность — их сакральный брак порождает всё живое на земле), то Земля и Огонь — стихии порой враждебные друг другу! Огонь — солнце, «степной пал» (пожар), как грозная молния сжигает землю, так сжигает её и огонь в символических образах социально-исторических катастроф. И в то же время в том же речном космосе произведения Огонь как Солнце дарит жизнь и даёт силу плодородия, согревает и освещает её и людей на ней.

Отсюда — разноликость многочисленных пейзажных зарисовок в повести. Одним присущи самодовлеющая пластическая материальность,

¹ Первобытный миф и его мифологемы, мифологические образы и сюжеты, мифоструктуры проясняют некоторые краеугольные смыслы исторического бытования этноса, воплощают те или иные исходные и атрибутивные черты культуры, её первоначал и первоисточков. «В плену светоносном», по нашему мнению, относится к числу произведений, где мифологические элементы выступают не самостоятельно, в сюжетике или как параболы, но как составляющие поэтического мира. Они предстают не оппозицией (эксплицитной или имплицитной) авторскому началу, а его художественными проявлениями; произведение не свёртывается к мифу, а сам миф развёртывается в его пространстве.

выраженная фактурность, резкие цветовые акценты, акцентированно подчёркиваемые контуры некоторых зорко выхватываемых деталей. Но нередко рисунок истает, исчезает в словесном живописании, обретающем единый, покойно плывущий колорит, не знающий чётко отграниченных пластов цвета и света. Гармония тонка и мягка, её звучание приглушено. И переходит в психологическое измерение, где открытие новых природных подробностей сопрягается с открытием самого себя, более нюансированным определением позиции своего «я».

Вот герой-повествователь, перелистывая страницы дневника, вновь переносится вместе с читателем в то удивительное лето:

«Уходя за поворот, туман становится всё гуще и гуще. От (...) изумрудной зелени осинника, боярышника и ольхи веет то древним и призрачным, то до бесконечности близким и родным. От этого становится не по себе. К этому надо привыкнуть.

...Я сижу у прохладной древней воды, на краю своей лодки. У ног моих всхлипывает ручеёк, а вокруг на сотни метров (...) ровный берег. Песчаная янтарная равнина покрыта кулижками большущих лопухов. Лопухи, все в крупных каплях росы, кажутся (...) изысканным украшением. Сказочный мир окружает меня на реке.

Меж лопухов виднеются следы. Вчера, собирая для костра мелкий сушняк, принесённый ещё полной водой, нарушили мы девственность этой равнины. До нас будто здесь никто не был. Очевидно, ветер здесь ровняет песок с завидной прилежностью, готовя приют для редких гостей.

Всё (...) тонет в утренней тиши, в царстве бархатного воздуха и света». И тут же обращается к своим семейным, родовым корням: «...На Самаре я часто вспоминал деда. Река и дед для меня едины. Часто думал о смерти. Спокойно думал и уравновешенно. Этому научили дед и река»¹.

Ландшафты речного космоса в произведении — не просто география, но особая топология, пронизываемая линиями, закручивающимися в спирали, и дорогами, становящимися участками. Она указывает через знаки интенсивности, точки интенсивности или, лучше сказать, узлы на существование такого пространства, которое не известно ни Евклиду, ни Декарту. Которое нельзя в точности измерить или просчитать. И даже, пожалуй, нанести на карту.

Это о нём проникновенно сказал В. Распутин: «Родину, как и родителей, не выбирают, она даётся нам вместе с рождением и впитывается с детством. Для каждого из нас это центр Земли, независимо от того, большой ли это город или маленький посёлок где-нибудь в тундре. С годами, становясь взрослей и обживая свою судьбу, мы присоединяем к этому центру всё новые и новые края, можем сменить место жительства и пере-

¹ Малиновский Александр. Собр. соч.: В 4-х томах. М., 2009. Т. 3. С. 360, 361.

ехать в провинцию; как ни парадоксально, «провинцией» в этом случае способен оказаться и большой город, но центр по-прежнему там, на нашей малой родине. Её сменить нельзя.

Малая родина даёт нам гораздо больше, чем мы в состоянии осознать. Человеческие наши качества, вынесенные из детства и юности, надо делить пополам: половина от родителей и половина от взрастившей нас земли. Она способна исправить ошибки родительского воспитания. Первые и самые прочные представления о добре и зле, о красоте и уродстве мы выносим из неё и всю жизнь затем соотносим с этими изначальными образами и понятиями. Природа родного края отчеканивается в наших душах на века. (...)

Я это ещё и к тому говорю, что разрушенная отнюдь не сыновним хозяйничаньем родина приводит и к духовному, и к физическому разрушению человека.

(...) Малая родина — это не только природа в деревне и история в городе, но ещё и человеческие взаимоотношения, уклад жизни и традиции живущих. Это и язык, и вера, и определённые склонности, вынесенные из самой земли вместе с её солью. Это «родимые» пятна каждого человека. (...)»¹

Именно поэтому странствие, путешествие, движение для героя-повествователя у А. Малиновского — это и непрерывная, упорная работа внутренняя, приближающая, возможно, обретение в себе каких-то доле скрытых возможностей.

«...Я присел напоследок на высоком песчаном берегу, как мы это когда-то делали с делом Иваном, и задумался: «Счастлив ли я, встретившись со своей рекой? Конечно, счастлив! Но только ли счастья мне надо? И только ли этого я жду?»

Мысли шли спокойными волнами: «Ведь смысл не в счастье, а в правде», — всплыло вековечное, кажется, независимо от моего сознания. И стало легче и радостней, будто я преодолел что-то ранее недоступное и стал чище и зорче душой. И это было ей дано в моём благословенном крае...

«И познаём мы свой край и Родину свою настолько, насколько любим», — другой голос говорил мне, и я соглашался.

В этически ориентированном пространстве этого «благословенного края» у междуречья Самары и Волги путь героя-повествователя сказывается также этически ориентированным. Да, он имеет «начало и конец», но одновременно сливается с бесконечностью жизни. Человек отдаётся течению реки, выходит на её берега и озарён немеркнущим светом, проникнут ощущением высокого неба над головой. Соединение мифологем первостихий Воды, Огня, Воздуха и Земли неотделимо в сознании от единства природного и духовного.

¹ Распутин В. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск, 2007. С. 482, 483, 484.

В нём прочерчивается и путь крылатого всадника, человека-творца, вдохновляемого своей неповторимой причастностью к миру, природе, народу и роду человеческому. Отсюда — образы гордо парящих меж небом и землёй, сближающих их и олицетворяющих эту связь людей-птиц:

«...Я доплыл до своего родного села Утёвка и остановился.

Два места на Земле, где мне особенно щемяще грустно и светло: могилка моих родителей и моя река Самара...

В последнее утро нашего похода Константин сказал, по-детски улыбаясь:

— Знаешь, приснилось сегодня ночью, что я птица. И пролетел я над Самарой-рекой, как чайка. Оттого-то непривычно теперь болят руки. От предплечья до пальцев. Будто намахался вдоволь, до устали. Непривычно.

— А может, так оно и есть (...) Мы прилетели с тобой, а не приплыли?..»¹

IX

Проникновенное «чувство короткости со вселенной» и «доступности всего живого» (Б. Пастернак) многое определяет и в эмоционально-ценностном строе повести «Сергейч и Сима» (2006), первоначально называвшейся «Новое имя».

Писатель посмотрел на жизнь глазами кошки Симы. И этот угол зрения позволил с отчётливой рельефностью увидеть многое самое сокровенное, что есть в людях, и ощутить многое, чего не хватает прежде всего по их собственной вине или беде.

«Она едва держалась на ногах, когда подошла к знакомому дому. Он был всё такой же!

Но дверь оказалась другой, новой. И она выглядела неприступной. Сима обнюхала её. Везде было железо. Щели маленькие. Надо спешить! У неё сильно забилось сердце.

Вспомнилась вентиляционная труба на крыше, через которую она попала впервые в квартиру Сергея Сергеевича.

«А если через неё? Люди отгородились друг от друга железными дверями. Что делать?..» Дверь неожиданно открылась. Сима ринулась в проём. Но крепкая нога отбросила её в сторону.

Её здесь не все знали. Она оказалась чужой. Грузный и громкий человек ушёл. Сима решила схитрить. Залегла за урной для мусора, стала выжидать. Трудное дело ждать, когда на это нет времени...

...Наконец дверь открылась. Вышли он и она. Молодые. Трогая друг друга, они приостановились. Сима ползком шмыгнула в дверь. Едва оказалась по другую сторону порога, забыв о боли, обо всём, метнулась на шестой этаж.

¹ Малиновский А. Собр. соч.: В 4-х томах. М., 2009. Т. 3. С. 374.

Вот она, знакомая дверь! Старая, непрочная. Выкрашенная светлой краской.

Сима стала неистово царапать дверь и мяукать.

Сергей Сергеевич услышал её царапанье и голос, но из-за слабости встать не мог. Он терял сознание.

...Соседке надоели кошачьи вопли, и она вышла на площадку. (...)

(...) Когда открыли дверь, хозяин лежал без движений. Боль приутихла. Одолевала резкая слабость. (...)

Он понял, что умирает, и смирился.

Сима прыгнула к нему в кровать.

Скосив глаза, не двигаясь, Сергей Сергеевич, не удивившись, сказал с усилием:

— А, Сима! — глаза его потеплели, Извини, я тебя не бросил. Так получилось...

Сима придвинулась совсем близко. Её язычок нежно прикоснулся к его пальцам. (...) Поглаживая лапкой бледную кисть левой его руки, Сима уже знала, что её хозяин будет жить...

Он слабо улыбнулся непослушными губами.

— Знаю, Сима, что я тебе небезразличен, но чтобы вот так?! Думал, ты по расчёту ко мне прибилась жить, ошибся...

Сильное мурлыканье подействовало на соседку:

— Эх, ты!

Она протиснулась на кухню к телефону и стала набирать номер «скорой помощи». (...)

Сима, поджав под себя лапы и обернув вокруг тела хвост, сидела, излучая счастье и покой¹.

Сложная судьба изящной, доброй кошки, безоглядно преданной своему хозяину, человеку, судя по всему, честному и достойному, но не сумевшему освоить особые «правила игры» наступившей эпохи железных дверей, кошки, устремившейся к нему (увезённому в город после сердечного приступа), не аллегория. Подкупает тонкое знание писателем «языка» Симы, убедительность её реакций на слова, жесты, поступки Сергея Сергеевича и других людей. Рассказ о приключениях кошки перерастает по большому счёту в размышления о жизни вообще — с предельной интонацией доверия и искренности. И с убеждённой в неотменяемой, незыблемой значимости правды, чести, чистой совести, душевной чуткости, отзывчивости.

Ещё в середине 1980-х годов один проницательный исследователь прогнозировал: «Можно предположить, что грядущее технологическое развитие цивилизации не умалит, а напротив, увеличит поэтическую ценность анималистических мотивов, выведет их с периферии и поста-

¹ Там же. Т. 4. С. 136-138.

вит в сердцевину художественного сознания человечества. Из области бытописаний образы животных будут всё более переходить в область созидающей фантазии, становясь её важнейшими слагаемыми, знаками самой жизни, вторгающимися в нагромождения искусственных знаковых систем. Мир животных, отступающий под натиском разрастающейся техносферы, будет воссоздаваться изнутри её, в широком смысле поэтически, как сфера творческой, неотчуждаемой активности самого человека, как мир его самопознания и самоосуществления»¹. Именно это и происходит в произведении А. Малиновского.

А в его повести «Под старыми клёнами» (2004) природа и человек — друженно едины изначально. Уехавший в деревню для серьёзных творческих трудов повествователь знакомится и близко сходитя с Алёшкой, Настей, Денисом, Ромкой и другими сельскими и городскими ребятами и взрослыми. Они то и дело увлекают его то в лес, то на рыбалку, увлекают в круг своих занятий и забот, невольно открывая негромкую красоту и тихую поэзию окружающего, несущего гармонизирующее, созерцательное начало:

«Три клёна — один перед окнами дома в палисаднике с почерневшим штакетником и два во дворе — стали такими старыми и огромными, что солнечные лучи не проникают через зелёную завесу и под деревьями всегда прохладно. Эти три клёна росли, когда дед Сергей и дед Андрей были ещё маленькими, а речка Ветлянка, которая под боком, была немного шире и глубже. В этот прохладный уголок часто собираются ребятами. Землица здесь вытоптана крепенько ногами не одного ребячьего поколения.

В верхушках деревьев птичий гомон и щебетня, а под деревьями — детский смех. Такой двор у Чураевых!

Даже речка Ветлянка к вечеру становится тише, будто прислушивается: что там во дворе?»²

Да, под этими клёнами-патриархами живёт только захватывающая и волнующая радость бытия — упоительная, ничем не обременённая, не замутнённая, не осложнённая.

Х

Прозе А. Малиновского присуща довольно гибкая организация повествовательного дискурса, позволяющая более или менее органично синтезировать самые разные модификации художественного сознания.

¹ Эпштейн М.Н. Мир животных и самопознание человека (по мотивам русской поэзии XIX-XX вв.) // Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения / 1986: Человек — природа — искусство. Л., 1986. С. 146.

² Малиновский А. Собр. соч.: В 4-х томах. М., 2009. Т. 3. С. 381.

В ряде произведений, таких, например, как «Радостная встреча» (1991-2007), «Колки мои и перелесья» (2000-2008) или же «В плену светоносном», обнаруживаем открытое, абсолютно свободное авторское самовыявление — посредством всевозможных разновидностей комментирования и прямых высказываний, а в пределе — через совмещение автора и героя в фактологически-личностном плане. Так возникает автобиографизм как форма автометаописания и автоинтерпретации.

Писатель использует и опосредованные, неявные способы манифестации авторской активности, мысли и воли. Тут и различные приёмы сюжетно-фабульного «конструирования», и выстраивание определённой системы художественных конфликтов, и последовательное следование имманентной логике переживаний и размышлений героя. Здесь уместно вспомнить вот это суждение Ю. Манна: «Отказ от прямого авторского вмешательства, сведение линии авторской судьбы до минимума, до некоего «остатка» всё более заставляет судить об авторе по косвенным данным, обобщённо-внеличным суждениям, избирательности материала и угла зрения, степени, форме психологической интроспекции. (...)»¹

Наконец в некоторых произведениях повествовательный дискурс едва ли не всецело определяется повышенной активностью сознания одного действующего лица. Именно так происходит в повести «Дом над Волгой» (2009-2010), поэтике которой свойственны некоторые черты сказа.

Таковым может быть произведение, целиком — от начала до конца — организованное речью одного рассказчика, причём последний предельно дистанцирован от автора и даже поглощает его. При этом нормы сказа предполагают достаточно последовательную ориентацию на устное высказывание повествовающего типа. Конечно, в «Доме над Волгой» авторское присутствие манифестировано и мотивировано со всей определённой:

«...Этим летом к нам под Самару на дачу приехала родственница моей жены Марья Петровна. Уже более тридцати лет живёт она с семьёй на Севере. Приехала с Надыма, как сказала, погреться.

На мои просьбы рассказать что-нибудь из своей долгой жизни она вначале отмахивалась:

— Не в обычай мне это. Кто я? Всего-то «булгахтер», как говорил мой муж. Кому интересно моё «житие»? Вот вокруг нас как было — ещё может...

А тут съездили мы с ней в Октябрьск, где она раньше долго жила с родителями в бревенчатом доме на высоком берегу Волги. Пожили там три дня, в чужом теперь доме. Теперешний хозяин сдаёт его. И живут в нём кому вздумается. Последние полгода дом пустует.

¹ Манн Ю. Автор и повествование // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Том 50. М., 1991, № 1. С. 326.

Кого можно было, Марья Петровна провела. Что смогла увидеть, увидела. Отогрелась душой...

На обратном пути в Самару вздыхала: «Дом-то, дом наш... Души в нём живой не стало, улетучилась...»

...И словно прорвало плотину. На протяжении всего времени, пока жила у нас, рассказывала, как она говорила, о своей «жизненке». (...)

Чужая жизнь, а сколько в ней близкого. После её рассказов я пытался кое-что записывать. (...)»¹

Но всё-таки текст развёртывается именно как монолог героини-рассказчицы. Причём в её речи преобладают специфические устно-разговорные формы и ясно обозначающиеся в разговорных конструкциях интонации устной речи, которые как раз и являются основными, хотя и не единственными средствами моделирования сказа. Конечно, письменная его реализация, дополнительно акцентируемая в «Доме над Волгой», несколько ограничивает повествование в отношении примет устного говорения. Ведь даже само членение на предложения — уже письменнокнижная трансформация устной речи. Конечно, речь Марьи Петровны так или иначе тяготеет к нормам русского литературного языка. Но ведущими элементами тем не менее остаются разговорные. Довольно-таки активное употребление разговорных формул и выстраивание разговорной интонации приводят к тому, что письменная речь в произведении строится с учётом законов устной. Это особенно заметно, когда рассказчица обращается к серьёзным, действительно судьбоносным событиям. Приведём лишь один пример:

«А на следующее лето новое несчастье. На бедного Макара все шишки валяются. Пропала наша Ранетка. Папа пошёл встречать, а её нет.

Он к пастуху:

— Где Ранетка?

— Не знаю, все были здесь...

Ходили-ходили мы с папой. Нашли. Собаки её покусали. Там сады и колючая проволока. Она на колючке повисла. Сзади вымя как будто ножами посекали. Кожа и мясо клочьями мотаются. Скотину водить — не разиня рот ходить. Да разве разиня рот ходили? Нас не хватало. Туда-сюда... Пришлось папе зарезать Ранетку. Так я ревела тогда, убежала в сарай...

...Сколько уже годов прошло, а все помню папины песни и Ранетку. Да разве только их?..

Будто лямка-то бурлацкая до сих пор... И плечи от неё горят. (...)

Всё к одному: лодку украли, коровы не стало. Горе. А тут, как обухом, — война! Сравнимо ли с нашими прежними бедами?

Ой, ой, о-е-ей...

¹ Малиновский А. Дом над Волгой // Русское Эхо, 2010, № 5 (52). С. 24, 25.

Пошло-поехало!.. Серёжа, едва окончив курсы трактористов в Батраках, ушёл добровольцем. А мы, которые остались, казалось, были вдали от войны, а не в стороне от неё. Похорожки начали приходить, раненые поступать. В Сызрани одиннадцать госпиталей развернули для фронтовиков.

От Серёжи, брата, ни единого письма с фронта. Где он? Что с ним?»¹

Замечательный самарский учёный В. Скобелев, много и плодотворно занимавшийся сказовыми формами, отметил их необычайную активизацию в литературных исканиях 1900-1920-х годов. Он «связал это (...) с рядом социальных, классовых, национальных проблем в России (...), когда особую значимость для судеб страны приобретала духовная жизнь широких народных масс, «маленького человека» из захолустья — народного характера в богатстве его вариантов и возможностей. Сказ давал этому человеку возможность высказать себя»².

«Дом над Волгой» А. Малиновского, по сути, лежит в русле именно этой традиции — уже на ином витке исторической эволюции. При этом, вновь касаясь проблемы выбора точки зрения для освещения и оценки эпохи, писатель выбирает другой, нежели в цикле «Под открытым небом», ракурс. Он предоставляет трибуну именно «маленькому человеку» из народа, так или иначе ощущающему себя не просто наблюдателем, очевидцем, свидетелем, но ответственным участником, действующим и «страдающим» лицом, что, кстати, не позволяет вести рассказ без повышенной эмоциональности, не отделимой от работы мысли.

В связи с этим вспомним и суждение В. Скобелева о том, что в сказе само сознание носителя речи — самостоятельный объект художественного изображения, когда «автора интересует не столько то, что видит рассказчик, сколько то, как он воспринимает увиденное»³. В развёртывании художественного целого «Дома над Волгой» увиденное Марьей Петровной отнюдь не уходит на второй план. Но, конечно, яркая, неординарная натура героини-рассказчицы, прямо-таки притягивая собеседника, вырастает и в глазах читателя.

Это тем более примечательно потому, что с наступлением XX века, принёсшего немало испытаний и для семьи Марьи Петровны, необычайно усилились процессы деиндивидуализации, унификации личности, которые мы можем представить себе как распадение единого многомерного «Я» на простейшие элементы. Действительно создаётся ощущение

¹ Там же. С. 41.

² Рымарь Н. О научном наследии профессора В. П. Скобелева // Памяти профессора В.П. Скобелева: проблемы поэтики и истории русской литературы XIX-XX веков. Самара, 2005. С. 9-10.

³ Муценко Е., Скобелев В., Кройчик Л. Поэтика сказа. Воронеж, 1978. С. 45.

ние, что единая форма, вмещающая всё богатство «Я», не выдерживает предельной степени поляризации контрастных начал и распадается на составные части, создавая множество новых, однолинейных, как бы марионеточных форм.

Именно этот процесс ведёт к формированию массового сознания XX века. Он возникает как капитуляция личности перед миром, как попытка ещё недавно обособленного «Я» приспособиться к новой реальности.

Рождаются люди-марионетки, унифицированные люди, представители утвердившегося массового сознания. Они приспособились к миру, живут в ладу с ним, правда, потеряв при этом себя.

Но писатель чутко улавливает и другое. Он улавливает так или иначе совершавшуюся и в низовой жизни подспудную, но достаточно масштабную личностную индивидуализацию, сохранившую и в какой-то мере, вероятно, развивавшую некоторые лучшие черты народного характера.

Какие-то её черты и приметы зафиксированы и в повести «Планета Любви» (2008). Как и в «Доме над Волгой», в этом произведении свободно разворачивается исповедальный рассказ. На сей раз учителя астрономии «из глубинки» Владимира Ватагина. Он повествует о поре ученичества. О родном селе, о родителях, наставниках и одноклассниках. И о лучшем, ближайшем товарище — Николае, Кольке Ракитине.

В этом ничем не примечательном с виду паренёке, не блещущем ни особыми успехами в освоении школьной премудрости, ни прилежанием, ни примерным поведением, живёт, оказывается, ни много, ни мало, а философ, всерьёз озабоченный вопросами планетарно-космического размаха. А встречи друзей нет да нет превращаются в учёные беседы:

«...В другой раз, лёжа на песке и обратив лицо в небо, Колька рассуждал:

— Утром и вечером Венера всех ярче на небе. Мне кажется, что Земля и Венера раздумывают, как сблизить свои орбиты. Когда-нибудь Венера приблизится настолько, чтоб на Земле потеплело. И тогда кругом в самых зимних широтах зацветут сады.

— Как же это она приблизится? — возражал я.

— А так, — Колька смотрел на меня пристально, как географичка. — Всё, что вокруг нас, кем-то создано. И продолжает совершенствоваться, улучшаться. Не враз же всё получается.

Для меня сказанного было чересчур. Я подумал, что он шутит, и попробовал перевести всё на доступный мне, понятный уровень:

— Чудак! Льды на полюсах растают и нас затопит.

— Не затопит. Потепление будет медленным, испарившаяся влага частью уйдёт на Венеру, чтобы оросить пустыни, частью — в космическое пространство. Об этом позаботятся венерианцы. Но зато представляешь:

кругом на Земле зацветут сады. Не будут вымерзать! Сейчас только у Жабина и Сафронкина сады. У остальных, у кого были, — вымерзли. А тогда у всех будет виноград и всё такое, разное. Всё, что только сможет расти, — будет! (...) Войны будут не нужны. Представляешь? Сколько народу сохранится. У нас половина мужиков погибла, остальные — калеки. А тогда...»¹

Безвременно и трагично обрывается жизни Николая. И даёт рассказчику импульс к поиску самого себя, к осознанию своего предназначения, который и выводит Ватагина на преподавательскую «орбиту».

«(...) Колька — всего лишь маленькая частичка той галактики, которую зовут человечеством. Всего лишь точка. Но ведь и наша необъятная Вселенная началась миллиарды лет назад тоже из одной точки, у которой не было ни пространства, ни времени. А теперь у неё нет ни конца, ни края»².

XI

В начале XX века наряду с традиционным мироощущением, разделяющим бытие только по этическому, гуманитарному признаку: добро/зло, счастье/несчастье, радость/страдание — начинает складываться совершенно иная концепция мира, реализующая себя в двух контрастных константах: полнота мира (включающая в себя в качестве необходимого её условия весь ряд прежних этических оппозиций как равноположенных, равнозначных, обязательных элементов единого целого) и пустота мира или бытие/антибытие. Всё это принципиально меняет и сущность процесса гармонизации в неклассическом сознании. Он осуществляется не за счёт упрощения мира, не за счёт изгнания из сознания этических контрастов (как в сознании традиционном), а, наоборот, за счёт принятия этих начал, за счёт принятия мира как такового, во всей его контрастности, этической разноголосице, принятия как единого гармонически оправданного целого.

Искания А. Малиновского — прозаика по-своему отражают (и преломляют) эти далеко не завершившиеся процессы. Расставляя, что называется, по местам добро и зло, порок и добродетель, чётко и откровенно формулируя проблему морального выбора, писатель, тем не менее пытается с большим или меньшим успехом уловить и передать полноту мира, его населённость различными бытийными проявлениями, с их полярностью и этическим разноголосием. Существование контрастных этических констант воспринимается не только как мука раздвоенности, не только как аномалия, но и как момент естественного состояния сознания. Новая гармония создаётся и за счёт насыщенности мира.

Пристально всматриваясь в современность, в региональные реалии, писатель так или иначе приближается к осмыслению бытия, феномена на-

¹ Малиновский А. Собр. соч.: В 4-х томах. М., 2009. Т. 3. С. 488-489.

² Там же. С. 502.

рода, нации в целом, к постижению тех сдвигов в народной жизни, которые либо тормозят её развитие, принося с собой междуусобные столкновения, культурные утраты, войны, либо, напротив, способствуют её поступательному движению вперёд. «Допустимы ли какие бы то ни было суждения о нации в целом?» — задавался вопросом А. Солженицын, к творческой личности которого обращаются и герои А. Малиновского. И говорил далее так: «Да ведь мы с лёгкостью высказываем суждения о «человечестве в целом», о «женщинах вообще», о «молодёжи вообще», о крестьянах, о горожанах — и хотя всякий раз нам справедливо возразят, что есть разные, — но мы же и понимаем, что всюду разнообразие и всякое обобщающее суждение не полноохватно, его надо высказывать с осторожностью, однако оно имеет весомый смысл. Никак не сплошь по каждой личности, но народные характеры существуют несомненно. Они создаются наложением опыта народной истории, традиций, обычаев, мировосприятия.

В современном этнологическом словаре прочтём, что национальный характер — это совокупность специфических психологических черт, которые проявляются в способе поведения, в образе мыслей, в складе ума. (Разумеется, среди них есть и общечеловеческие черты, а иные особенные черты встречаются и у других наций).

И как судьба человека во многом определяется его характером, его личностью — так и судьба народа»¹.

В более широком и обобщённом виде в прозе А. Малиновского проступает и довольно-таки близкое писателю представления о текучести исторического времени, порой явно, порой скрытно, исподволь, но всегда неудержимо и властно вовлекающего в свои бурные потоки локальные биографии отдельных людей и судьбы целых общественных групп. Происходит не простое чередование, но драматически-конфликтное перерастание одних эпох в другие, порой мучительное вырастание нового из старого. Эта важнейшая мысль о сочетании и соотношении непрерывности и прерывности в историческом развитии трактуется довольно широко. И с точки зрения движения всего национального социума, независимого и в то же время зависящего от интересов и воли отдельных людей, личностей. И с позиций, определяемых в чём-то исторически прогрессирующими, в чём-то регрессирующими и деградирующими, а в чём-то и неизменными устоями и принципами национального мировидения, корневыми слагаемыми национальной самобытности. Писатель не славит или обличает прошлое, а воспринимает и оценивает его как путь, линию сложнейшей эволюции с революционными встрясками, процесс кристаллизации и разрушения национальных духовно-нравственных начал.

¹ Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998. С. 159-160.

ХII

Объективное, непредвзятое подведение предварительных итогов XX столетия убеждает в том, что ему суждено стать завершающим аккордом огромной эпохи «Нового Времени». Оно в полной мере олицетворяет победное утверждение и обескураживающую несостоятельность её идеалов и принципов, трагично-фарсовые результаты научных, технических, социально-идеологических и, конечно, художественных поисков. А ещё, как никогда прежде, заявляют о себе все проявления, вплоть до самых крайних, нигилистического отрицания — разума, души, сострадания, человечности, красоты, Бога. И, наконец, самого искусства!

«Я ненавижу свою эпоху», — незадолго до смерти сказал Сент-Экзюпери. (...) И всё-таки вряд ли стоит подписываться под криком души, особенно потрясающим в устах того, кто любил людей, находя в них много достойного восхищения. (...) эта эпоха — наша, и мы не можем дальше жить, ненавидя самих себя. Она пала столь же низко, сколь чрезмерны (...) её добродетели и её пороки. И всё же мы будем бороться за те её добродетели, которые достались нам из далёкого прошлого. За какие именно? Кони Патрокла плачут над трупом хозяина, павшего в битве. Всё потеряно. Но в сражение вступает Ахилл, и оно увенчивается победой. (...) Честно признанное неведение, отказ от фанатизма, уважение пределов Вселенной и человека, нежно любимое лицо, красота — вот поприще, где мы сомкнёмся с греками. Смысл завтрашной истории совсем не в том, в чём его усматривают (...) Он в борьбе творчества против инквизиции»¹.

Да, опасность окончательной утраты современным искусством идеальных начал велика. Но они всё ещё сохраняют притягательность. И прозаические произведения А. Малиновского, как впрочем и многих других писателей — волжан, не сосредоточенных на самоцельной, выигрышной внешней многозначительности, не опасующихся естественности и «высокой простоты» (Б. Пастернак) в поэтике, всё-таки утверждают, с разной мерой художественности и эмоциональной заразительности, выстраданные идеалы, пытаясь не потерять при этом обретенную в сложных синтезах полифоничность.

Алексей Молко

¹ Камю А. Изгнанничество Елены // Вопросы литературы, 1980, № 2. С. 193-194.

Содержание

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР. <i>Роман</i>	5
ПРОТИВОСТОЯНИЕ. <i>Роман</i>	225
<i>Алексей Молько. В середине неба</i>	604

*Проект «Издание Собрания сочинений
Александра Малиновского в 7-ми томах»
реализован при грантовой поддержке
Правительства Самарской области
и грантовой поддержке Администрации г. Самара.*

*Финансовую поддержку изданию оказали
Администрация муниципального района Нефтегорский
(глава муниципального района
Александр Викторович Баландин),
ООО ГК «ИНФОПРО» (генеральный директор
Павел Владимирович Сергиенко),
Сергей Анатольевич Тишин, Леонид Иванович Пешков,
Дмитрий Владимирович Сергиенко,
Василий Владиславович Никонов,
Евгения Сергеевна Попова, Владимир Иванович Петрушин,
Алла Николаевна Горборукова, Борис Фёдорович Ремезенцев,
Юрий Михайлович Тулупников, Юрий Минович Ример,
Дмитрий Сергеевич Колмыков, Андрей Евгеньевич Дорфман,
Дмитрий Владимирович Кошаев,
Владимир Александрович Тыщенко.*

*Подписались на один экземпляр издания:
Виктор Алексеевич Бесперстов, Татьяна Николаевна Иоффе,
Галина Васильевна Плотникова, Людмила Петровна Горюхина,
Василий Алексеевич Серебряков, Ольга Кузьминична Говорухина,
Владимир Дмитриевич Самсонов, Людмила Васильевна Чернецова,
Дмитрий Александрович Кузнецов и другие.*

**Малиновский
Александр Станиславович**

**Собрание сочинений в 7-ми томах
том 2**

Вёрстка — *А.В. Громов*
Дизайн обложки — *В.А. Лисина*
Автор фото на обложке — *К.М. Байгузин*

Издание подготовлено
Издательским домом «Российский писатель» (г. Москва),
Центром поддержки и развития творческих инициатив
им. А.С. Малиновского Самарского государственного
технического университета
и творческим объединением «РУССКОЕ ЭХО» (г. Самара)
443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон: (846) 333-48-01
www.litsamara.com
e-mail: litsamara@yandex.ru

Подписано в печать 10.06.2019 г. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Exselsior.
Печать офсетная. Печ. л. 40,0.
Тираж 350 экз. Цена договорная.

Отпечатано в типографии ООО «Слово»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1;
тел.: (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru